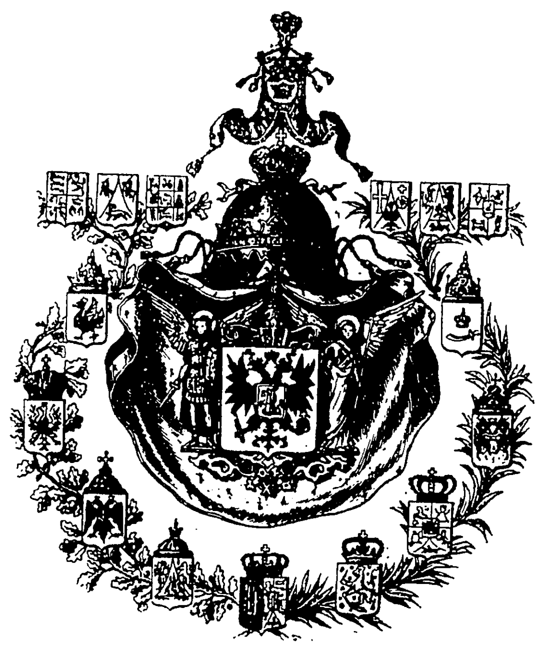
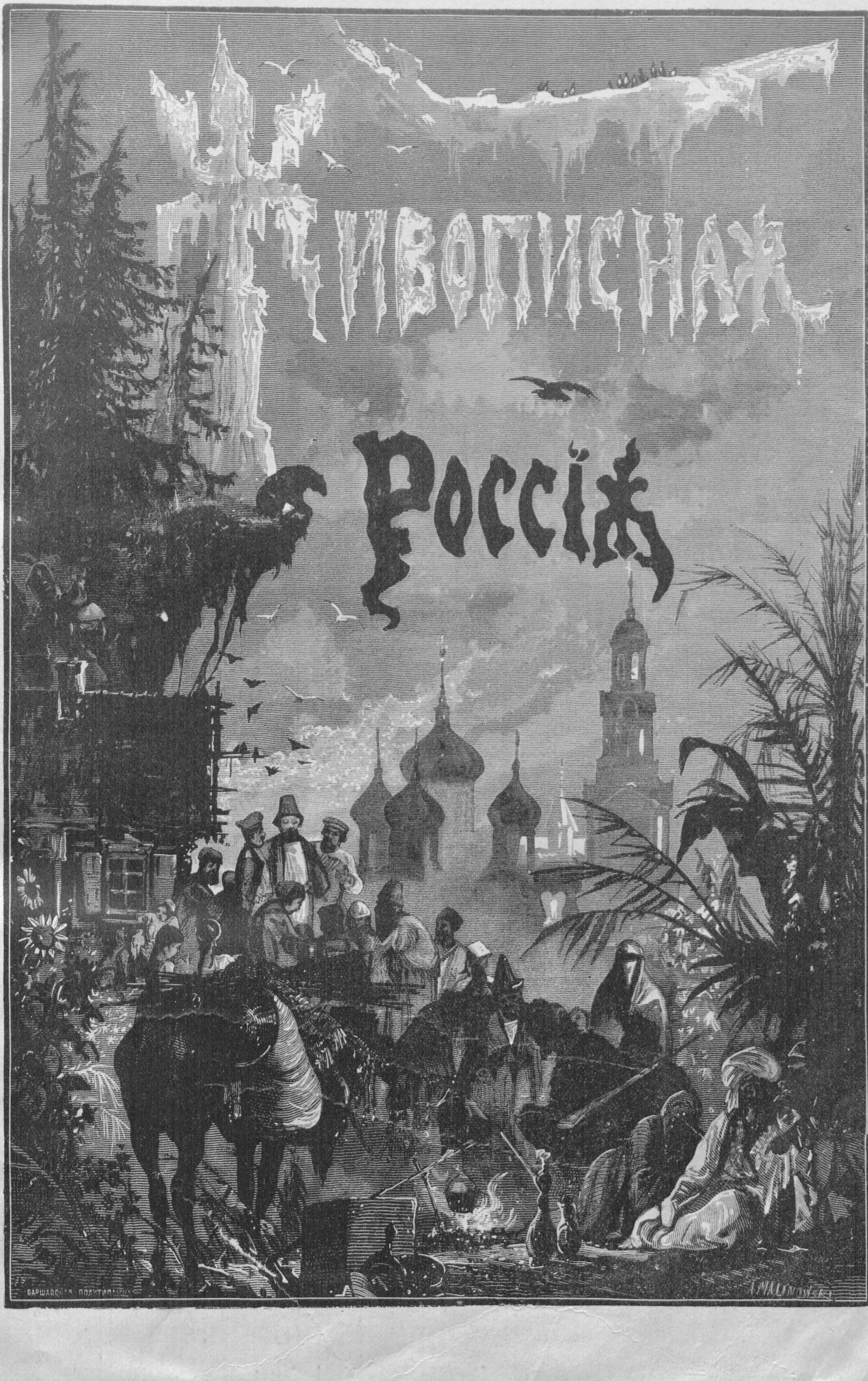
ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ

ТОМЪ VI

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Живописная
Россія

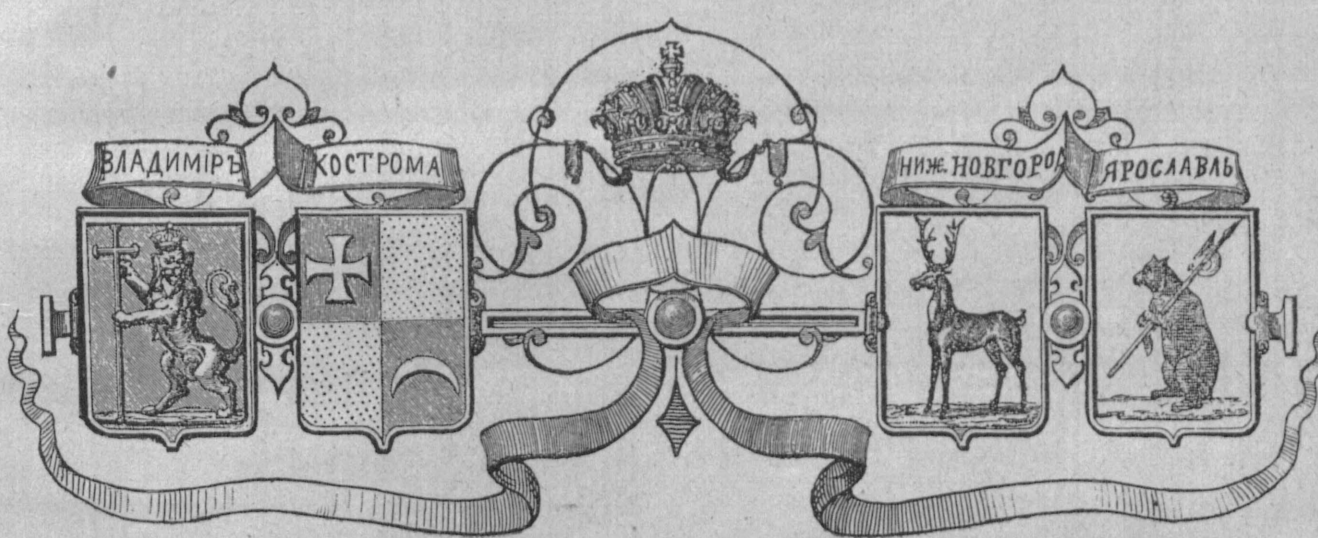
Дозволено цензурою, Спб., 5-го февраля 1899 года.

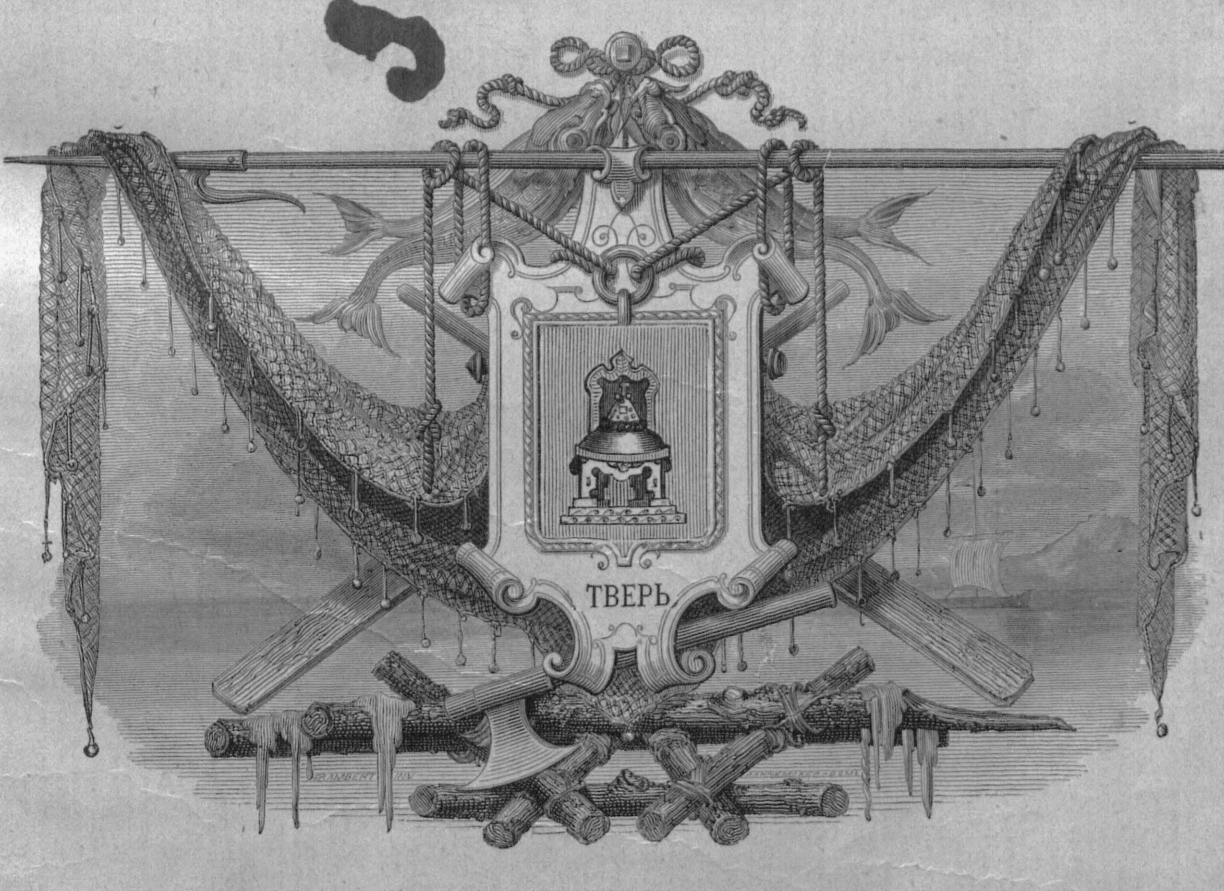
Типографія Товарищества М. О. Вольфъ, Спб., В. О., 16 л., д. № 5-7.

МОСКОВСКАЯ

ПРОМЫШЛЕННАЯ ОБЛАСТЬ

Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская и Владимірская губерніи.

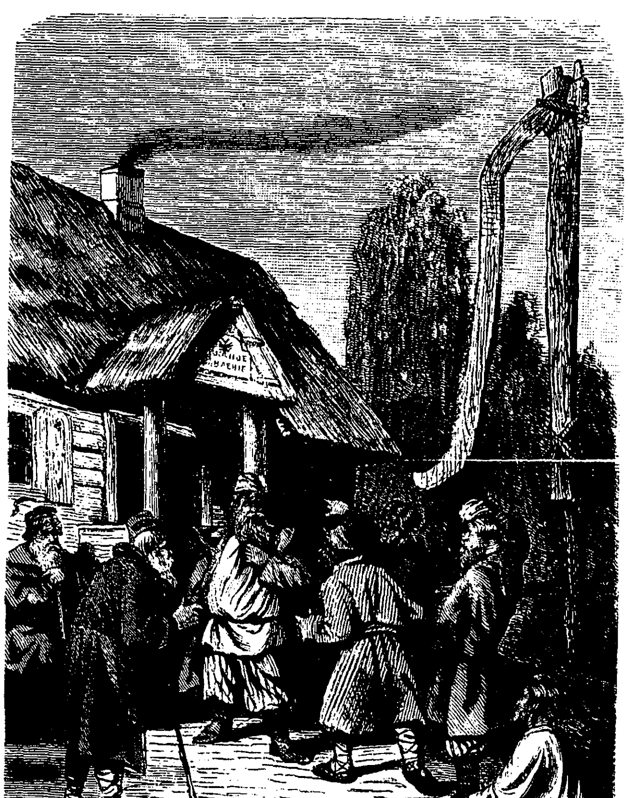
Гербы губерній

ОЧЕРКЪ I.

ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ МОСКОВСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ.

Характеръ поверхности и почвы Московской области и сельское хозяйство ея жителей.—Гидрографія.—Орографія.—Почва.—Климатъ.—Лѣса и лѣсные промыслы.—Населеніе и сельскіе поселки.—Землевладѣніе и хлѣбопашество.—Льноводство.—Огородничество и садоводство.—Хмѣлеводство.—Скотоводство и молочное хозяйство.

Хотя обработывающая промышленность въ Московской области развита болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другой мѣстности Россіи, а все-таки и для ея населенія главнѣйшимъ источникомъ существованія является сельское хозяйство.

ѢВЫЙ, западный уголъ треугольника, образуемаго губерніями Московской промышленной области, лежитъ у истоковъ великой русской рѣки. Здѣсь, на высотѣ 850 футовъ надъ уровнемъ моря, беретъ свои начало Волга, въ видѣ ключей, вытекающихъ изъ болотистой плоской возвышенности близъ деревни Волгино Верховье, Осташковскаго уѣзда, Тверской губ. подъ 57° 15′ с. ш. и 2° 9′ в. д. по петербургскому меридіану. За истокъ Волги принимаютъ одинъ болотный ключъ, въ видѣ довольно грязнаго колодезя, который жители именуютъ Іорданью. Надъ нимъ устроена четырехскатная кровля на четырехъ столбахъ, въ сажень вышины; вокругъ болотный кочкарникъ, поросшій олешникомъ, березнякомъ и ельникомъ. Сначала едва замѣтнымъ ручейкомъ пробирается такъ называемая артерія Русской земли по дну глубокаго буерака, затѣмъ, обогащаясь мало-по-малу водами другихъ ручьевъ и озеръ (Верьхиты, Стержъ, Овселугъ, Пено, Волго и др.), становится уже значительною рѣкою, протекая то между низменными, то между болѣе или менѣе возвышенными берегами, по направленію къ юго-востоку до гг. Ржева и Зубцова, первыхъ значительныхъ поселеній на берегахъ этой рѣки. Отъ послѣдняго города, близъ котораго съ правой стороны впадаетъ въ Волгу первая значительная рѣка Ва-

зуза, Волга поворачиваетъ круто къ сѣверо-востоку, проходитъ мимо г. Старицы, подходитъ къ г. Твери, гдѣ принимаетъ съ лѣвой стороны рѣку Тверцу, и извиваясь то къ юго-востоку, то къ сѣверо-западу, держитъ все-таки общее направленіе на сѣверо-востокъ, мимо городовъ Корчева, Калязина, (между Корчевымъ и Калязинымъ впадаетъ слѣва р. Медвѣдица), Углича и Мышкина до г. Мологи. Переходя на половинѣ разстоянія между Калязинымъ и Угличемъ черезъ границу Тверской и Ярославской губерній, Волга достигаетъ уже 100 саж. ширины въ межень. Послѣ впаденія съ лѣвой стороны р. Мологи у города того-же имени, Волга измѣняетъ и общее свое направленіе, принимая юго-восточное, образующее съ предшествующимъ довольно тупой уголъ. Отклоняясь болѣе или менѣе въ стороны отъ этого направленія, уже отъ Твери— вполнѣ судоходна, а отъ Рыбинска—и совсѣмъ артерія Русской земли, Волга течетъ мимо городовъ Романова, Ярославля, Костромы, Кинешмы, Юрьевца и Балахны до Нижняго. Здѣсь, гдѣ встрѣчаются во время знаменитой ярмарки Европа съ Азіей и сходятся, хотя на время, и ходятъ, обнявшись другъ съ другомъ, такія противоположности, какъ хитрый грекъ и великодушный россіянинъ, сластолюбивый армянинъ и трудолюбивый татаринъ, галантный французъ и аккуратный нѣмецъ, здѣсь встрѣчаются и двѣ великія соперницы, рѣки Ока и Волга; ни та, ни другая не уступаютъ вполнѣ избраннаго пути (Ока имѣетъ сѣверо-восточное направленіе) и, смѣшавъ свои воды, идутъ дальше почти прямо на востокъ, параллельно 56 меридіану и очень близко отъ него. До встрѣчи съ Окой, Волга еще принимаетъ слѣва р. Шексну у г. Рыбинска, р. Кострому у г. того-же имени, и р. Унжу у г. Юрьевца. Ниже устья Оки въ Волгу впадаетъ изъ значительныхъ рѣкъ Московской промышленной области Керженецъ у Макарьева Нижегородскаго и Ветлуга, верстахъ въ 7 выше Козмодемьянска, Казанской губ. Черезъ устье послѣдней рѣки и проходитъ восточная граница московскаго промышленнаго района.

Съ правой стороны въ предѣлахъ Московской области впадаютъ въ Волгу, изъ болѣе значительныхъ рѣкъ, частью или всѣмъ своимъ теченіемъ принадлежащихъ области, кромѣ названной выше Вазузы, только Шоша, Дубна, Нерль, несущая въ Волгу воды Переяславскаго озера, и Которость, стокъ озера Неро, на берегу котораго стоитъ знаменитый своими огородниками Ростовъ.

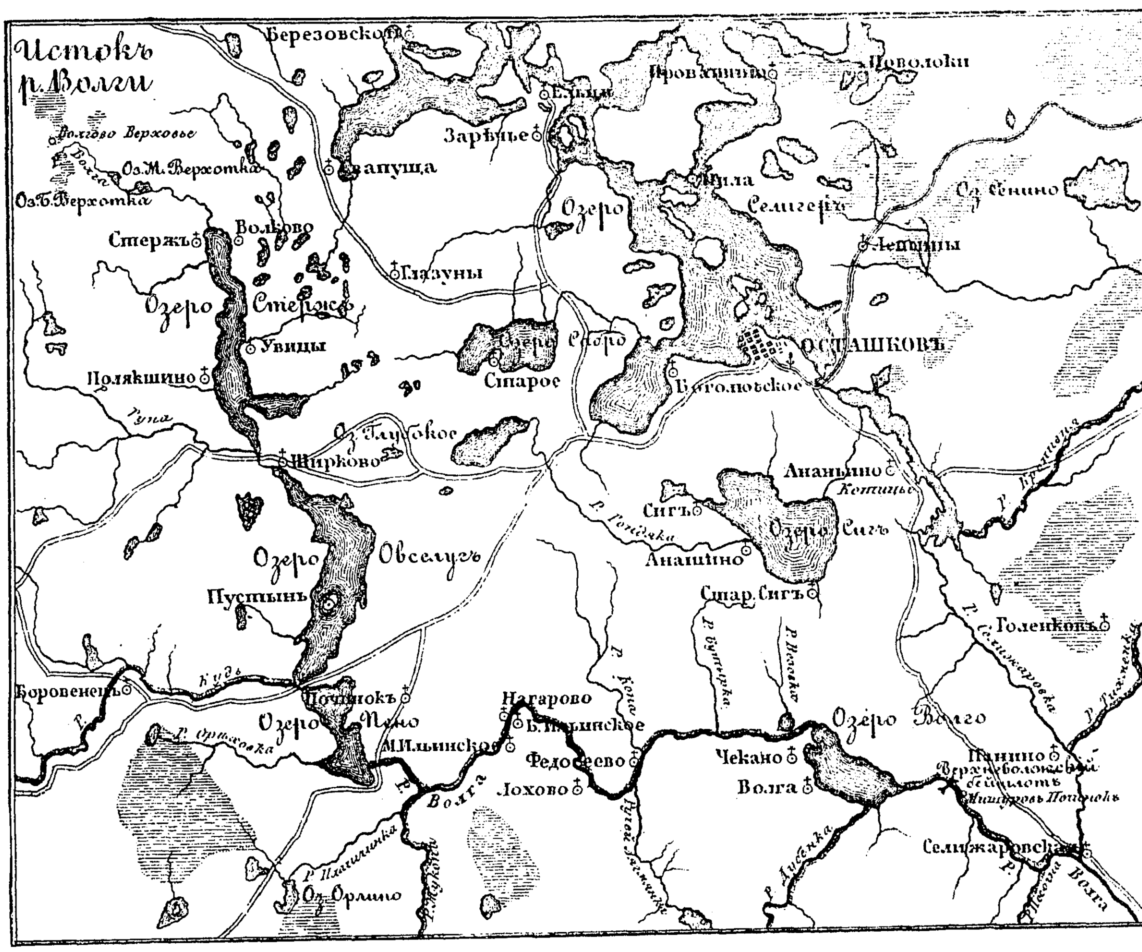
Кромѣ названныхъ здѣсь болѣе значительныхъ притоковъ верхняго теченія Волги (до сліянія съ Окой), въ нее впадаетъ, въ предѣлахъ Московской области, множество мелкихъ рѣчекъ, изъ которыхъ немногія, частью, и притомъ лишь во время половодья и при помощи искусственныхъ сооруженій, судоходны; большинство же только сплавныя и только во время весеннихъ разливовъ. Эти многочисленныя рѣченки служили (и служатъ еще теперь, нѣкоторыя изъ нихъ) путями, по которымъ выводились нѣкогда дремучіе лѣса Московской промышленной области. Теперь отъ этихъ лѣсовъ въ большинствѣ мѣстностей этой лѣсистой когда то страны остались одни воспоминанія или преданія.

Особенно значительно число притоковъ Волги въ лѣвомъ углу Московской области, богатой и теперь еще покрытыми лѣсомъ, болотами и озерами. Такъ, въ предѣлахъ Тверской губерніи въ Волгу впадаетъ сто десять рѣкъ и рѣчекъ. Чѣмъ дальше къ восточной границѣ области, тѣмъ мѣстность становится менѣе водной, принимаетъ характеръ степной и даетъ меньше притоковъ Волгѣ.

Не безъ основанія соперничающая вообще съ Волгой р. Ока не имѣетъ особенно большого значенія для Московской промышленной области ни какъ оросительница, ни какъ водный путь, хотя, однако, и она, между прочимъ, содѣйствовала изведенію дремучихъ Муромскихъ лѣсовъ, а теперь даетъ обильное удобреніе заливнымъ своимъ лугамъ, на которыхъ накашиваютъ иногда баснословныя количества сѣна. Ока частью только касается своимъ теченіемъ Московской области, именно по южной границѣ Серпуховского и южной и юго-восточной границамъ Коломенскаго уѣздовъ, Московской губерніи, и принимаетъ здѣсь воды болѣе

значительнаго изъ своихъ лѣвыхъ притоковъ, всецѣло принадлежащаго области Москвы-рѣки, частью-же (нижнимъ теченіемъ) протекаетъ по ней (по Меленковскому и Муромскому уѣздамъ, Владимірской губ., и по границѣ Балахнинскаго съ одной стороны и Горбатовскаго и Нижегородскаго уѣздовъ, Нижегородской губ. съ другой), принимая у г. Горбатова опять слѣва значительный притокъ—Клязьму, принадлежащій также всѣмъ своимъ теченіемъ Московской области. Разставшись съ границей Московской губ. ниже г. Коломны, Ока уходитъ въ Рязанскую и Тамбовскую губерніи и затѣмъ снова вступаетъ, на границѣ Елатемскаго уѣзда, Тамбовской губ., и Меленковскаго, Владимірской, въ предѣлы Московской области. Съ правой стороны, близъ г. Мурома, въ Оку впадаетъ довольно значительная рѣка Нижегородской губ. Теша.

Обильные болотные и озерные водоемы лѣваго и наиболѣе возвышеннаго угла Московской

Верховье Волги.

области даютъ начало, кромѣ Волги, еще двумъ большимъ рѣкамъ — Мстѣ и Западной Двинѣ, которыя хотя и оставляютъ очень скоро Московскую область, но имѣютъ для нея значеніе, какъ удобные пути сообщенія съ далекими краями.

Водораздѣлъ Волги, Мсты и Западной Двины представляетъ собою плоскую возвышенность (часть обширной Алаунской возвышенности), понижающуюся по направленію къ юго-востоку и обилующую озерами и болотными топями, дающими начало этимъ рѣкамъ. Водораздѣльныя линіи имѣютъ извилистое направленіе, и болѣе длинныя изъ нихъ, по которомъ воды спускаются на оба ската, сходятся весьма близко между собою, пересѣкая даже одна другую, почему представляютъ большія удобства къ соединенію верховьевъ рѣкъ каналами. Окружающія водоемъ Волги возвышенности имѣютъ весьма отлогій склонъ, мѣстность ровную, слегка покатую, почву глинистую и иловатую, почему и рѣки, текущія въ Волгу, и сама Волга отличаются медленнымъ теченіемъ; берега ихъ легко размываются; лишь въ рѣдкихъ мѣстахъ

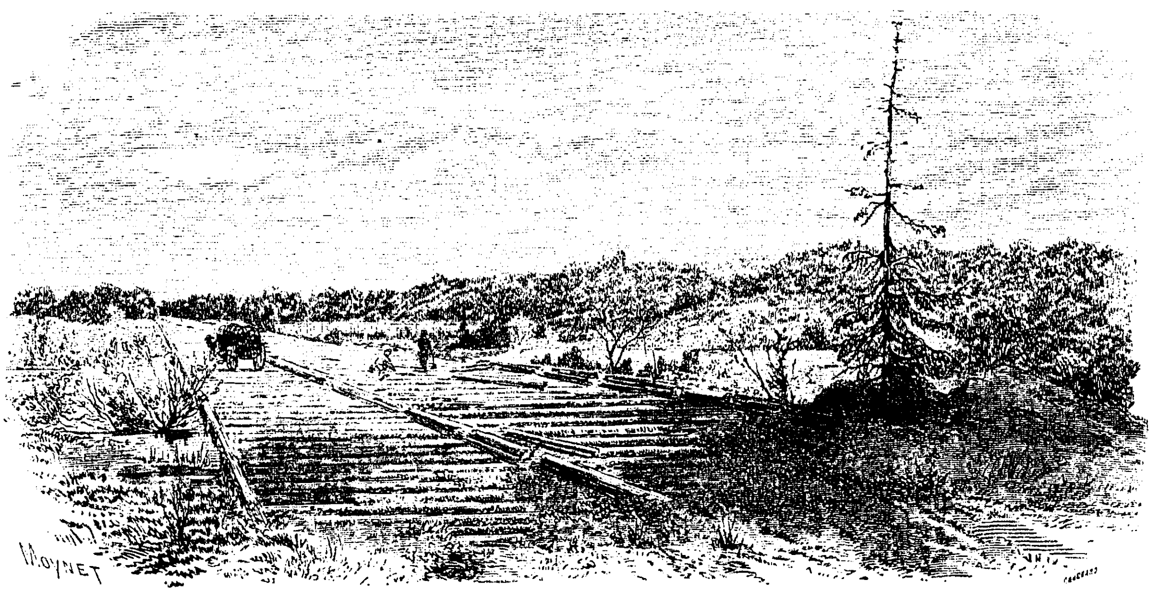
Верховье Волги.

дно этихъ рѣчекъ каменисто, порожисто и теченіе болѣе или менѣе быстро. Такой характеръ этой мѣстности и является причиной скопленія всякихъ водъ, каковы: озера, топи, болота, рѣки, рѣчки и ручьи, на большихъ пространствахъ. Осташковскій и Вышневолоцкій уѣзды Тверской губ. особенно обилуютъ такими скопленіями воды.

Самое замѣчательное по величинѣ озеро Селигеръ, сѣверная часть котораго лежитъ въ Новгородской губ., находится на высотѣ 840 футовъ надъ поверхностью моря и имѣетъ наибольшую длину, съ сѣвера на югъ, 55 верстъ и наибольшую ширину 19 верстъ, съ заливами и островами занимаетъ площадь въ 261 квадр. версту. На берегу юго-восточнаго угла озера стоитъ г. Осташковъ. Селигеръ, имѣя форму треугольника, изрѣзано множествомъ полуострововъ и представляетъ соединеніе большого числа отдѣльныхъ, разной величины водоемовъ, называемыхъ плесами, луками и озерами, сообщающихся между собою проливами—межтоками. Такая конструкція озера скрадываетъ его величину. На Селигерѣ 160 островокъ, изъ которыхъ наибольшій, Холмъ, имѣетъ 6 селеній. Глубина этого озера доходитъ во многихъ мѣстахъ до 10 и даже до 16 саженъ. Воды его славятся обиліемъ рыбы; здѣсь водятся судаки, лещи, сомы, щуки, налимы, язи, лини, караси, окуни, ряпушки, подлещики, плотва, ерши, уклея, пескари, гольцы и снѣтки. Озеро Сигъ лежитъ къ югу отъ г. Осташкова и имѣетъ въ длину $8^1/_2$ и въ ширину 5 верстъ. Озера Стержъ, Овселугъ, Пено и Волго, черезъ которыя замѣтной струей протекаетъ рѣка Волга, лежатъ среди покрытыхъ кустарникомъ, довольно заселенныхъ и воздѣланныхъ долинъ (только берега Пено болотисты), имѣютъ отъ 5 до 8 саж. глубины и всегда продолговатую форму; изъ нихъ Стержъ имѣетъ длины 12 верстъ, ширины 1 версту, Овселугъ—15 и $3^1/_2$, Пено—$7^3/_4$ и $^1/_2$—$^3/_4$ и Волго $6^3/_4$ и 1 вер. Къ волжской же системѣ озеръ, съ тѣмъ же характеромъ продолговатыхъ водоемовъ, принадлежатъ въ Осташковскомъ уѣздѣ: озеро Сабро, 6 вер. длины и 3 ширины, Витбино, 8 и 1 вер., до 15 озеръ, имѣющихъ не менѣе 1 кв. верст. площади и до 158 болѣе мелкихъ. Въ этомъ же уѣздѣ находится до 20 озеръ, принадлежащихъ Западно-Двинскому водоему, изъ нихъ озеро Охватъ даетъ начало этой рѣкѣ, получая въ свою очередь массу воды черезъ рѣку Волкоту изъ необыкновенно глубокаго (до 40 саженъ) и отличающагося крутыми и высокими берегами озера Отолово, имѣющаго 10 в. длины и 400 саж. ширины. Кромѣ того, нѣсколько довольно значительныхъ озеръ спускаютъ свои воды въ рѣку Цну и до 21 мелкаго озера въ рѣчку Полу. Вышневолоцкій уѣздъ также обилуетъ озерами. Характеръ ихъ схожъ съ характеромъ озеръ Осташковскаго уѣзда. Здѣсь значительныхъ озеръ, принадлежащихъ Ладожско-Невскому бассейну, насчитывается до 34, изъ которыхъ многія имѣютъ отъ 5 до 7 верстъ длины, а озеро Кофтино 15 верст. длины, при $2^1/_2$ верст. ширины и озеро Мстино, принимающее рѣку Цну, 11 верст. длины и 4 верст. ширины; глубина нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ Удомельскихъ, достигаетъ до 40 саж.

Въ губерніяхъ Ярославской, Владимірской, Московской, Костромской и Нижегородской число озеръ не столь велико, болѣе или менѣе значительныхъ озеръ нѣтъ, притомъ всѣ озера этихъ губерній очень разбросаны и расположены преимущественно вблизи рѣкъ, по лощинамъ ихъ, имѣютъ также, какъ и озера Тверской губерніи, продолговатую форму, длинный поперечникъ которой всегда лежитъ параллельно направленію русла рѣки, въ ложбинѣ которой лежитъ это озеро. Больше такихъ озеръ встрѣчается къ сѣверу отъ Волги, въ такъ называемой, по отношенію къ главнымъ поселеніямъ Московской области, заволжской лѣсной части ея; довольно большое число ихъ скоплено на равнинѣ вдоль праваго берега Волги и лѣваго берега Оки, при сліяніи этихъ двухъ рѣкъ, называемой балахнинскимъ междурѣчьемъ. Вообще озера, разбросанныя по всему остальному пространству Московской области, имѣютъ мало гидрографическаго значенія, по крайней мѣрѣ значительно меньше, чѣмъ озера западнаго угла высокаго водораздѣла Волги, Мсты и Западной Двины. Изъ нихъ назовемъ знаменитое въ исторіи русскаго флота Переяславское озеро, упомянутое выше озеро Неро и Галичское озеро близъ гор. Галича, Костромской губ.

Прежде область вообще и западная часть ея въ особенности была еще болѣе богата озерами и всякими водами; но время отъ времени многія озера заросли мхомъ и превратились въ болота; многія высохли совершенно, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ и по другимъ причинамъ; многія теперь еще продолжаютъ заростать различными водными растеніями, которыя все болѣе и болѣе стѣсняютъ озеро къ срединѣ. Большинство болотъ области именно такого происхожденія, что доказывается, между прочимъ, присутствіемъ центральныхъ трясинъ или пучины, имѣющей иногда страшную глубину. Многія изъ нихъ тянутся на десятки верстъ; одни являются богатыми залежами торфа, которыми особенно изобилуютъ Ярославская и Владимірская губерніи, другія представляютъ моховыя кочкорныя болота, или клюквенныя, или поросшія жалкимъ соснякомъ и корявымъ березнякомъ, или въ видѣ топкихъ болотъ съ обыкновенною болотною растительностью — росянкой, стрѣлолистомъ, осоками, камышами — и островками рѣдкаго сосноваго или березоваго лѣса. Замѣчательный примѣръ исчезновенія озера на нашихъ, такъ сказать, глазахъ представляетъ постепенное заростаніе упомянутаго выше озера Неро или Ростовскаго озера. Въ настоящее время оно представляетъ громадное скопленіе воды (15 вер. длины и 5 вер. шир.), окруженное низкими болотистыми бере-

Деревянная дорога по болотамъ.

гами, заросшими по краямъ широкою полосою высокихъ тростниковъ и усѣянное множествомъ маленькихъ, травянистыхъ, плавающихъ островковъ, въ видѣ черныхъ точекъ, самый большой изъ нихъ уже болѣе неподвиженъ. Вода зеленаго цвѣта, негодная для питья, изобилуетъ иломъ и различными водорослями. Въ 1771 г. озеро заключало 4846 дес. 1958 кв. саж. воднаго пространства, а въ 1843 году въ немъ оказалось уже только 4746 дес. 1743 кв. саж., въ годъ, слѣдовательно, убыло 1 дес. 936 кв. саж. Если предположить такое-же заростаніе и на будущее время, то черезъ 3700 лѣтъ этого озера существовать не будетъ, а такъ какъ съ обмелѣніемъ, заростаніе должно ускоряться, то можно думать, что исчезновеніе это произойдетъ значительно скорѣе. Образующіеся на поверхности озера моховые острова часто тонутъ на дно, заносятся иломъ и такимъ образомъ производятъ обмелѣніе.

Самыя обширныя и многочисленныя болота лежатъ также какъ и озера въ западномъ углу Московской промышленной области, а именно въ уѣздахъ Осташковскомъ, Вышневолоцкомъ, Бѣжецкомъ, Корчевскомъ, Тверскомъ и Новоторжскомъ. Затѣмъ значительныя болота встрѣчаются во всемъ Заволжьи, то есть въ Костромской губ. и въ тѣхъ уѣздахъ Ярославской и Нижегородской губерній, которые лежатъ на сѣверъ отъ Волги, и въ юго-восточномъ углу Владимірской губерніи. Вообще же берега всѣхъ рѣкъ области повсюду или мѣстами болѣе

Деревянная дорога по болотамъ.

или менѣе болотисты и лишь изрѣдка образуютъ или мокрый лугъ, или превосходные заливные луга, дающіе по 200 — 300 пудовъ сѣна съ десятины, каковы луга мѣстами по рр. Окѣ, Москвѣ, Мологѣ и друг. Таковы гидрографическія условія Московской промышленной области.

Подобно воднымъ бассейнамъ, дающимъ начало главнѣйшимъ рѣкамъ области, скопленнымъ въ западной части ея, возвышенности также сгруппированы здѣсь. Именно сѣверо-западный уголъ Тверской губ., составляя часть Алаунской возвышенности, представляетъ наиболѣе возвышенную и холмистую мѣстность. Самые высокіе пункты находятся въ Осташковскомъ уѣздѣ. Однако высота ихъ (Рвеницкія горы) не превышаетъ 1055 фут. надъ уровнемъ моря. Самыя же низкія и глубокія долины рѣкъ Осташковскаго уѣзда лежатъ не ниже 4000 фут., такъ что весь этотъ уѣздъ представляетъ собою возвышенность, поднятую надъ уровнемъ моря на 700—1055 фут. Возвышенность Осташковскаго уѣзда, медленно понижаясь, даетъ отроги въ уѣзды Вышневолоцкій, Новоторжскій, Старицкій и Ржевскій. Отроги эти въ среднемъ имѣютъ высоту отъ 700—800 фут. и изрѣдка отдѣльныя гряды холмовъ поднимаются выше 900 фут.

Въ восточныхъ частяхъ Вышневолоцкаго, Новоторжскаго, Старицкаго и Зубцовскаго уѣздовъ Алаунская возвышенность образуетъ рѣзкій уступъ, понижаясь съ 800 до 700 футовъ. Здѣсь рѣки прорѣзали себѣ глубокія русла, а потому мѣстность представляетъ узкія углубленія и лощины между длинными возвышеніями. Таковъ же характеръ и сѣверо-восточной части Весьегонскаго уѣзда. Остальныя части этого уѣзда и сѣверная половина Бѣжецкаго представляютъ холмистую равнину, по которой протекаетъ Молога. Другое пониженіе замѣчается по направленію къ юго-востоку до русла Волги и затѣмъ опять нѣсколько мѣстность поднимается къ границамъ Московской и Владимірской губ., гдѣ возвышенности не достигаютъ уже, однако, сколько-нибудь значительной высоты и лишь небольшіе холмы и бугры водораздѣла рр. Волги и Оки придаютъ нѣкоторую волнообразность, почти плоской, постепенно понижающейся къ востоку, равнинѣ, какою представляется остальная часть Московской области до береговъ Волги и Оки. Только за Окой, правый берегъ которой крутъ и гористъ и переходитъ въ гористый же, ниже сліянія съ Окой, правый берегъ Волги, въ Нижегородской губ., мѣстность снова принимаетъ болѣе возвышенный и волнообразный характеръ. Самая высшая точка здѣсь Нижній Новгородъ лежитъ на высотѣ 540 фут. надъ уровнемъ моря. Затѣмъ отъ долины Волги мѣстность имѣетъ незначительный общій подъемъ къ сѣверу и къ югу. Чѣмъ больше удаляешься отъ Волги близь Ярославля къ югу, по направленію къ Владиміру и Москвѣ, тѣмъ холмистѣе становится мѣстность. Вотъ все, что можно сказать относительно орографическихъ условій Московской области, чтобы составить себѣ общее представленіе о характерѣ поверхности ея. Что касается характера почвы Московской промышленной области въ тѣсномъ сельскохозяйственномъ смыслѣ, то есть въ смыслѣ самаго наружнаго слоя коры, въ которомъ происходитъ питаніе полевыхъ растеній и съ которымъ главнымъ образомъ имѣетъ дѣло хозяинъ, то нужно замѣтить, что въ этомъ отношеніи, при всемъ разнообразіи, неизбѣжномъ на такомъ огромномъ пространствѣ (280,000 кв. верст.), какое занимаетъ область, можно отмѣтить нѣкоторыя общія черты, свойственныя той или другой части ея. Въ лѣвомъ западномъ углу въ Осташковскомъ, Новоторжскомъ, Вышневолоцкомъ, Весьегонскомъ и Бѣжецкомъ уѣздахъ, Тверской губ., и вообще къ сѣверу отъ Волги до Мологи, преобладаетъ бѣдная, холодная и мокрая иловатая почва; здѣсь песчаная почва встрѣчается только вблизи рѣчекъ, а супесокъ небольшими островками; суглинокъ съ островами супеска и глины является въ этомъ кускѣ преобладающимъ только въ восточной ея части, въ части Бѣжецкаго уѣзда и въ Кашинскомъ, Тверской и въ Мологскомъ и Мышкинскомъ, Ярославской губерній. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ встрѣчаются въ изобиліи валуны, разбросанные въ почвѣ камни, гальки. Далѣе къ востоку, почва заволжья становится все болѣе и болѣе суглинистою, затѣмъ

супесчаною и, наконецъ, за р. Унжей переходитъ въ песчаную съ небольшими лишь островами суглинка и супеска. Къ югу отъ Волги, собственно въ пространствѣ между Волгой и Окой, мѣстности, принадлежащія Московской промышленной области, имѣютъ слѣдующія почвы. Иловатыя почвы здѣсь встрѣчаются болѣе или менѣе сплошнымъ кускомъ, съ небольшими полосами песчаной, вблизи Волги, между г.г. Старицей и Тверью и по теченію р. Шошы, затѣмъ болѣе значительные острова этой почвы у г. Корчева и ниже по Волгѣ за р. Дубна, полоса иловатой почвы тянется по теченію р. Которости и окружаетъ озеро Неро, въ Ростовскомъ и Ярославскомъ уѣздахъ.

Затѣмъ вдоль всей юго-западной границы области, начиная отъ Ржевскаго у., Тверской губ. и кончая Коломенскимъ, Московской, тянется широкой полосой суглинистая почва, у истоковъ р. Москвы островъ глинистой почвы, занимающій большую часть Можайскаго уѣзда, и въ Коломенскомъ, Бронецкомъ и Серпуховскомъ уѣздахъ въ этой сплошной полосѣ суглинка встрѣчаются острова чернозема, а вокругъ г. Рузы островъ песчаной почвы. На юго-востокъ отъ Москвы, по рязанскому тракту небольшой островъ песчаной почвы, далѣе же на востокъ, какъ по этому тракту, такъ и по р. Клязьмѣ, въ Московскомъ и Богородскомъ уѣздахъ и въ части Броницкаго уѣзда, супесокъ; къ юго-западу отъ Москвы, по смоленскому тракту, къ югу отъ р. Москвы, островъ глинистой почвы, а къ сѣверу островъ супесчаной. Къ сѣверу отъ Москвы по р. Клязьмѣ—суглинокъ, далѣе полоса глины въ южныхъ частяхъ Клинскаго и Дмитровскаго уѣздовъ; полоса эта тянется къ г. Александрову, Владимірской губ., и окружена суглинкомъ; преобладающая почва Клинскаго и Дмитровскаго уѣздовъ супесокъ. Далѣе въ прилегающихъ къ правому берегу Волги уѣздахъ Ярославской и Костромской губ. почва преимущественно суглинистая. Здѣсь, кромѣ упомянутыхъ выше острововъ иловатой почвы, встрѣчаются острова супеска (въ Калязинскомъ у., Тверской, въ Ростовскомъ и Ярославскомъ у., Ярославской и въ Нерехотскомъ и Юрьевецкомъ уѣздахъ, Костромской губерній), а также острова песчаной почвы (кое-гдѣ вдоль береговъ Волги).

Сѣверные уѣзды Владимірской губ., до р. Клязьмы, имѣютъ почву суглинистую съ островами глинистой и песчаной почвы. Смежныя части Юрьевскаго, Суздальскаго и Владимірскаго уѣздовъ представляютъ довольно значительный островъ чернозема. Вязниковскій и Гороховецкій уѣздъ имѣютъ сѣверныя части глинистыя, а южныя песчаныя. Къ югу отъ Клязьмы преобладаетъ почва песчаная, которая переходитъ и границу Московской губ. въ уѣзды Коломенскій, Броницкій и Богородскій; только въ частяхъ Судогодскаго, Меленковскаго, Муромскаго и Гороховецкаго уѣздовъ почва суглинистая; у г. Мурома небольшой островъ чернозема. По южному берегу Клязьмы, въ уѣздахъ Ковровскомъ, Вязниковскомъ и Гороховецкомъ, тянется довольно широкая полоса мергелистой почвы, которая образуетъ также островъ въ сѣверо-восточномъ углу Муромскаго уѣзда, по правому берегу Оки. Сѣверная часть Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губ.,—суглинистая, южная—песчаная.

Нагорная часть Нижегородской губ., къ югу отъ Оки и Волги, имѣетъ почву суглинистую, песчаную или черноземную. Первая покрываетъ сѣверо-западную половину и юго-восточный уголъ Горбатовскаго уѣзда, почти весь Нижегородскій, за исключеніемъ юго-западнаго угла, нагорныя части Макарьевскаго и Васильскаго (безъ южнаго угла), сѣверную половину (до р. Пьяны) Княгининскаго, части Ардатовскаго (къ сѣверу отъ р. Теши и къ югу отъ г. Ардатова по обѣимъ сторонамъ полосы чернозема), Арзамаскаго и Лукояновскаго. Черноземная почва является въ видѣ острова полосой вдоль лѣваго южнаго берега р. Теши въ Ардатовскомъ и Арзамаскомъ уѣздахъ; затѣмъ большимъ сплошнымъ кускомъ, имѣющимъ непосредственную связь съ черноземомъ нашей черноземной полосы, занимающимъ части Лукояновскаго, Арзамаскаго и Сергачскаго уѣздовъ, лежащія по р. Пьянѣ и ея притокамъ, а также запьянскую (къ югу отъ р. Пьяны) часть Княгининскаго и юго-восточную Васильскаго уѣздовъ. Кромѣ того, черноземъ покрываетъ юго-восточный уголъ Лукояновскаго уѣзда, около заштат-

наго г. Починки, по правому южному берегу р. Алатыри и далѣе до границъ Симбирской и Пензенской губерній, гдѣ онъ примыкаетъ уже къ черноземной полосѣ. Остальныя мѣста Нижегородской губерніи имѣютъ почву песчаную.

Изъ этого обзора почвъ Московской области видно, что за немногими исключеніями (мѣстности съ болѣе тучнымъ черноземомъ въ Нижегородской губ.) хлѣбопашество здѣсь немыслимо безъ удобренія и тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ больше почва будетъ получать его. Естественное плодородіе почвы очень невелико, хотя, кромѣ бѣдныхъ иловатыхъ и часто песчаныхъ почвъ, при достаточномъ удобреніи она можетъ давать обильные урожаи. Тяжелыя для обработки иловатыя и покрытыя камнями и часто глинистыя почвы занимаютъ не особенно большое пространство области; лучшія же по физическимъ своимъ свойствамъ почвы, суглинистыя и супесчаныя, имѣютъ и наибольшее распространеніе въ области.

Можно сказать, что вообще почва Московской промышленной области не черноземная, на большихъ пространствахъ суглинистая, а также песчаная, на меньшихъ—супесчаная, глинистая или иловатая и кое-гдѣ, больше въ сѣверо-восточной части, каменистая. Только въ юго-восточномъ углу, именно въ юго-восточной части Нижегородской губерніи, существуетъ настоящій хотя и не тучный черноземъ.

Расположенная между $54^1/_3$ и $59^1/_2°$ с. ш. и 2 и 18° в. д. и занимая центральное положеніе на восточно-европейской равнинѣ, не будучи притомъ защищена какими-либо болѣе или менѣе значительными преградами съ сѣвера, Московская область, по широтѣ, хотя и принадлежитъ къ умѣренной полосѣ, но обладаетъ климатомъ довольно суровымъ и притомъ съ чисто континентальнымъ характеромъ въ восточной своей части. При этомъ не столько по различію въ широтѣ, сколько по большому присутствію болотъ, лѣсовъ и обилію влаги, а также по болѣе открытому дѣйствію суровыхъ сѣверныхъ вѣтровъ, сѣверные предѣлы области имѣютъ климатъ нѣсколько болѣе суровый, чѣмъ южные. Разница эта выражается большимъ обиліемъ вредныхъ въ хозяйственномъ отношеніи тумановъ на сѣверѣ, губительныхъ утренниковъ, которые здѣсь прекращаются позже весной и начинаются раньше осенью, чѣмъ на югѣ. Наступленіе теплыхъ дней весною въ самыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ области бываетъ недѣли на 2 позже, чѣмъ въ самыхъ южныхъ; наступленіе же холодовъ настолько же времени раньше бываетъ въ первыхъ мѣстностяхъ.

Между западными и восточными и особенно между сѣверо-западными и юго-восточными окраинами области замѣчается также нѣкоторое различіе въ климатическимъ отношеніи, обусловливаемое какъ обиліемъ влаги, болотъ и озеръ на западѣ, такъ и высотою положенія надъ уровнемъ моря, положеніемъ относительно меридіана и отчасти качествамъ почвы. Кромѣ того, различныя мѣстности области, даже близко лежащія одна отъ другой, нерѣдко имѣютъ нѣкоторое различіе въ климатическомъ отношеніи и именно въ отношеніи тепловомъ, обусловливаемое тѣмъ или другимъ наклоненіемъ поверхности. Что касается тепловыхъ условій климата, то они лучше всего опредѣляются изотермами года и разныхъ мѣсяцевъ. Изотерма года $+4°$ Ц. вступаетъ въ области на сѣверо-западъ подъ $58^1/_3°$ с. ш. около г. Весьегонска и, проходя почти посрединѣ и направляясь къ юго-востоку, выходитъ почти подъ 55° у г. Лукоянова, параллельно ей идутъ изотермы 3°, касаясь сѣверо-восточнаго угла области и 5° нѣсколько южнѣе южной границы области, черезъ г. Калугу. Слѣдовательно разница въ средней температурѣ года между крайними сѣверными и крайними южными пунктами области достигаетъ почти 2° и притомъ, чѣмъ восточнѣе мѣстность, тѣмъ ниже средняя температура года. Изотерма февраля — 10° проходитъ также почти посрединѣ области, но входитъ въ нее значительно восточнѣе и выходитъ западнѣе, чѣмъ изотерма года 14°, то-есть идетъ она болѣе въ направленіи съ сѣверо-запада къ юго-востоку, почти параллельно мередіану, затѣмъ изотерма февраля—9° проходитъ въ параллельномъ ея направленіи черезъ г. Ржевъ, изотерма февраля—11°, черезъ г. Кострому, а — 12° касается сѣверо-восточнаго угла области. На температурѣ

средней февраля рѣзче всего выражается характеръ зимы. Въ этомъ отношеніи Московская промышленная область вообще представляетъ собою мѣстность съ суровой зимой и чѣмъ восточнѣе, тѣмъ зима суровѣе, при чемъ разница въ температурѣ февраля, напримѣръ, у мѣстностей одной и той-же широты на крайнемъ западѣ области почти на 3° выше, чѣмъ у мѣстностей крайняго ея востока. Самый холодный мѣсяцъ области январь, изотермы его отъ 10° до 13° почти параллельны изотермамъ февраля. За то изотермы лѣтнихъ мѣсяцевъ, напр. іюля, имѣютъ направленіе съ юго-востока на сѣверо-востокъ, то-есть лѣто тѣмъ жарче, чѣмъ восточнѣе мѣстность. Однако, разница между крайними пунктами запада и востока въ отношеніи температуры лѣта не такъ велика, какъ въ отношеніи температуры зимы. Разница въ средней температурѣ іюля, напримѣръ, не превышаетъ $1^1/_2$°: температура іюля самой западной точки области $18^1/_2$°, а самой восточной 20°. Такова же разница между крайними сѣверными и крайними южными пунктами. Изотермы августа ($16^1/_2$° — $18^1/_2$°) идутъ почти параллельно широтамъ. Начиная уже съ сентября на востокѣ становится холоднѣе, чѣмъ на западѣ (по средней температурѣ отъ 10—12°), но не болѣе какъ на $^1/_2$°. Апрѣль (изотермы его $2^1/_2$—4°) еще холоднѣе на востокѣ, май одинаково тепелъ, его изотермы 10—13° идутъ параллельно широтамъ, а іюнь (16—18°) уже теплѣе на востокѣ.

Начало и конецъ полевыхъ работъ, а слѣдовательно, и продолжительность періода ихъ, а также продолжительность пастбищнаго періода имѣютъ весьма существенное значеніе для сельскаго хозяина. По своему климату Московская область принадлежитъ къ той полосѣ, гдѣ полевыя работы начинаются въ самые благопріятные годы съ половины апрѣля и въ неблагопріятные съ половины мая, а должны закончиться во второй половинѣ сентября или въ началѣ октября. Выгонъ скота на пастбищахъ начинается, обыкновенно, недѣлями двумя раньше и оканчивается на столько же позже, но какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ пастбища не даютъ еще необходимаго для насыщенія количества корма. Продолжительность, слѣдовательно, полевыхъ работъ въ Московской области, смотря по году, простирается отъ 5 до 6 мѣсяцевъ, а пастбищное кормленіе скота отъ 6 до 7 мѣсяцевъ. Разница между сѣверными и южными мѣстностями области въ этомъ отношеніи, въ пользу южныхъ, достигаетъ 2 недѣль; между западными и восточными тоже замѣчается разница, но она обусловливается скорѣе качествами почвы и обиліемъ влаги, чѣмъ температурой; особенно значительна разница въ этомъ отношеніи между крайнимъ сѣверо-западомъ (Весьегонскій у. Тверской губ.) и крайнимъ юго-востокомъ (Лукояновскій у. Нижегородской губ.); здѣсь она достигаетъ до 2 недѣль въ началѣ полевыхъ работъ и столько же въ окончаніи ихъ.

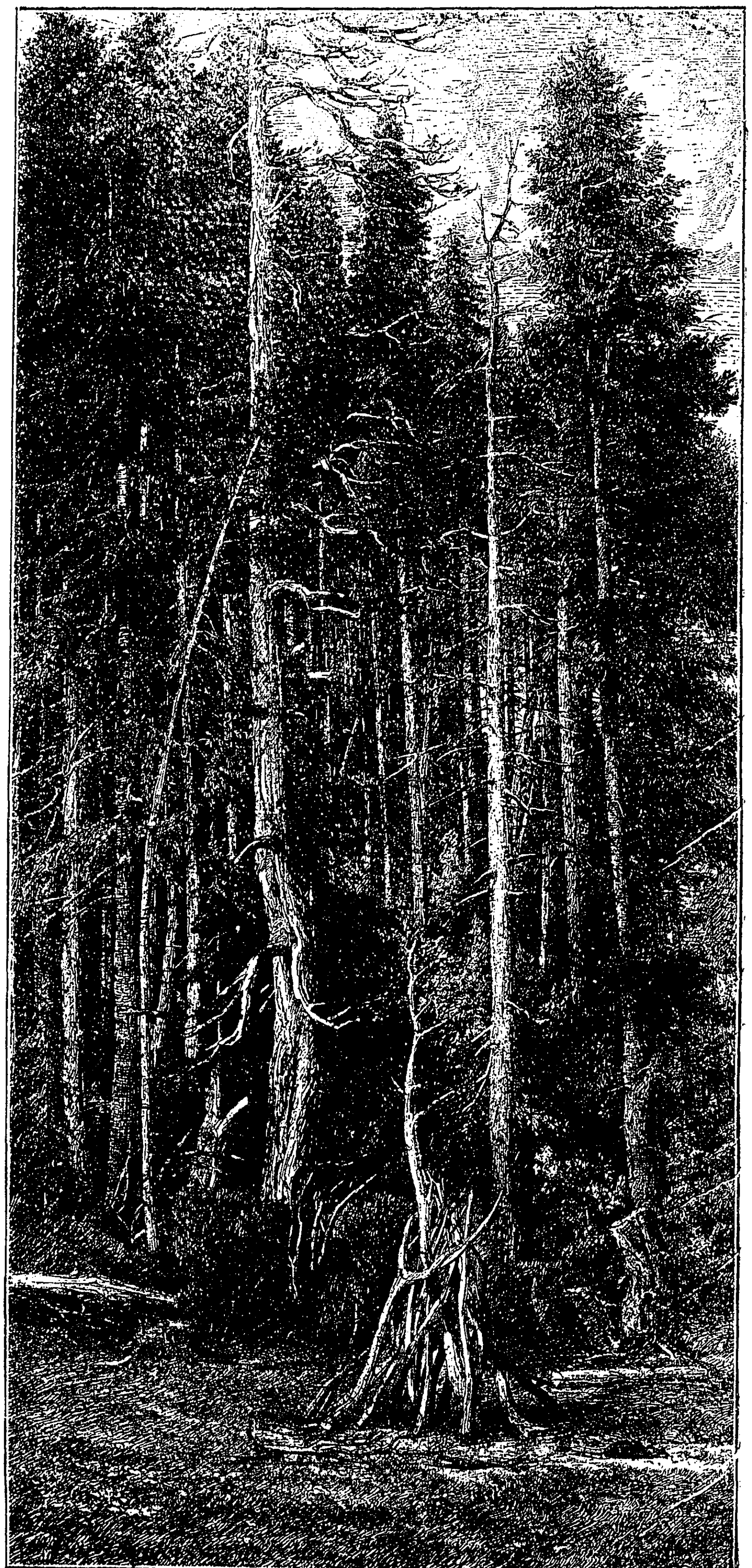
Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что лѣтнія жары вообще въ области достигаютъ 30—35° Ц. и въ восточныхъ мѣстностяхъ онѣ бываютъ сильнѣе и число дней жаркихъ выше. Зимніе холода не превосходятъ 25—30° Ц. Болѣе суровые морозы — рѣдкое явленіе.

Относительно распредѣленія атмосферныхъ осадковъ по Московской промышленной области и числа дней, въ которые ниспадаютъ эти осадки, нѣтъ достаточнаго числа данныхъ, но вообще нужно замѣтить, что съ приближеніемъ къ западу и сѣверу, какъ количество осадковъ, такъ и число дождливыхъ и снѣжныхъ дней, увеличивается и наоборотъ.

Это распредѣленіе атмосферныхъ осадковъ, можно сказать, почти совпадаетъ съ распредѣленіемъ теперь лѣсовъ въ области. Нужно замѣтить, что крупные и хорошіе лѣса сильно истреблены; они уцѣлѣли еще лишь въ сѣверо-западномъ и сѣверо восточномъ углахъ области. Остальное же пространство обладаетъ только зарослями, количество которыхъ меньше всего между Окой и Волгой и именно въ густонаселенной Московской губ., гдѣ болѣе или менѣе порядочныя лѣсныя насажденія имѣютъ уже характеръ рощи.

Распредѣленіе лѣсныхъ породъ также характеризуетъ климатъ и обусловливается главнымъ образомъ зимними холодами. Вообще Московская промышленная область принадлежитъ къ полосѣ сплошного распространенія сосны, южная граница которой проходитъ по южной части

Московской и Нижегородской губерній и къ полосѣ распространенія ели, южная граница которой лежитъ значительно южнѣе; сибирская пихта встрѣчается къ сѣверо-востоку отъ р. Керженца, гдѣ ей сопутствуетъ и сибирская лиственница; почти по срединѣ Тверской, Ярославской и Костромской губерній проходитъ сѣверная граница распространенія дуба; береза, ольха, осина и липа распространены по всей области; послѣдняя образуетъ особенно значительные лѣса въ Костромской губерніи.

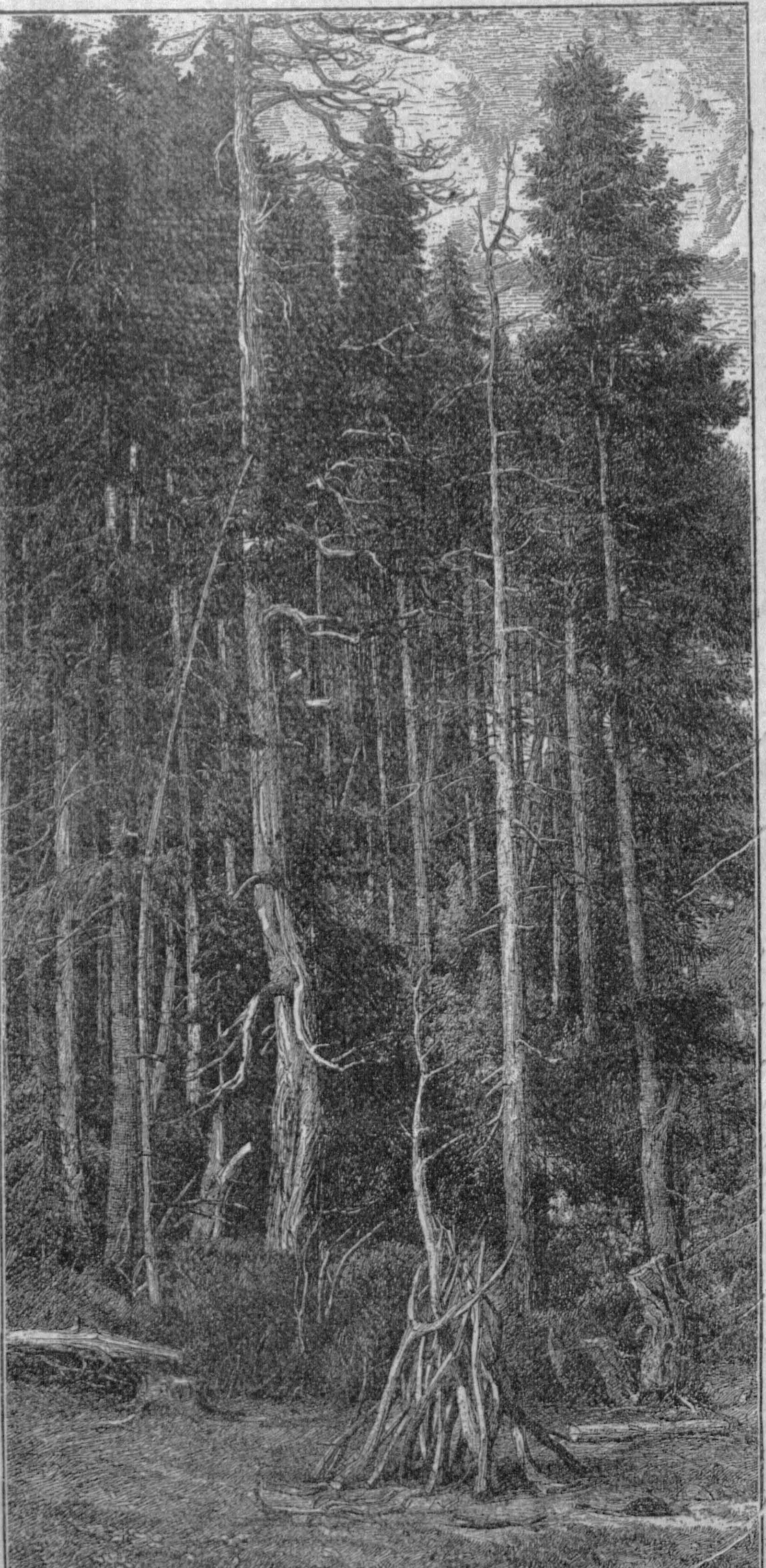

Въ лѣсной глуши, въ Костромской губ.

Особенно значительные липовые лѣса по теченію р. Волги въ Костромской губерніи.

По отношенію къ обезпеченію населенія лѣсными матеріалами, то-есть по количеству лѣсной площади, приходящейся на каждаго жителя, первое мѣсто занимаетъ Костромская губ., за нею слѣдуетъ Нижегородская, далѣе Ярославская, Владимірская, Московская и Тверская. Ярославская, Нижегородская и Владимірская имѣютъ почти по одной десятинѣ удобной лѣсной почвы на человѣка, Костромская вчетверо больше, Московская нѣсколько менѣе, чѣмъ половину, а Тверская всего треть десятины.

Съ развитіемъ фабрично-заводской промышленности, сѣти желѣзныхъ дорогъ и пароходства, лѣса повсюду, а тѣмъ болѣе въ такой центральной промышленной области, каковою является Московская, подверглись безжалостному истребленію. Громадныя площади ихъ выводятся, то-есть срубаются въ теченіе немногихъ лѣтъ и превращаются въ заросли. Много способствуютъ лѣсоистребленію и лѣсные пожары, которые представляютъ, чуть не ежегодно повторяющіяся, эпидеміи. Въ неустроенныхъ, засоренныхъ валежникомъ, вершинникомъ и щепою, лѣсахъ, огонь, даже безъ злого умысла, разведенный гдѣ либо въ лѣсу для той или другой цѣли, находя обильную пищу, разрастается до размѣровъ ужаснаго повальнаго лѣсного пожара, послѣ котораго очень и очень ма-

Въ лѣсной глуши, въ Костромской губ.

долго на мѣстѣ бывшаго лѣса остается черная, пустынная горѣль съ торчащими обугленными пнями. Крайне грустную картину представляютъ эти безжизненныя горѣли, тянущіяся на десятки верстъ. Ихъ можно видѣть изъ окна вагона любой желѣзной дороги, проходящей по Московской промышленной области. Николаевская, напримѣръ, дорога проходитъ по тѣмъ горѣлямъ, гдѣ нѣкогда были дремучіе лѣса Осташковскаго и Вышневолоцкаго уѣздовъ. Больше всего, конечно, лѣса повырублены вблизи желѣзныхъ дорогъ, сплавныхъ рѣкъ, фабрикъ и заводовъ. Не будетъ большой ошибкой, если сказать, что въ такихъ мѣстахъ осталось на лицо не болѣе пятой доли настоящихъ лѣсовъ. Въ полной своей неприкосновенности лѣсъ, пожалуй, нигдѣ не сохранился въ Московской промышленной области. Больше же, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, лѣсъ избѣжалъ губительнаго дѣйствія топора и огня въ сѣверо-восточномъ глухомъ и отдаленномъ углу.

На опушкѣ лѣса.—Картина Ю. Клевера.

Такое отношеніе къ лѣсу не должно удивлять, если примемъ во вниманіе, что лѣсъ представлялъ готовое богатство, готовую цѣнность, на созданіе которой хозяинъ не тратилъ нисколько труда; почва же въ большей части области и именно, въ болѣе лѣсной мѣстности ея, мало плодородна, требовала большихъ затратъ труда и капитала для того, чтобы извлечь изъ нее что нибудь. Поэтому понятно, что вниманіе живущаго здѣсь населенія прежде всего обратилось на готовый источникъ благосостоянія, на лѣсъ, который и подвергся эксплоатаціи. Эксплоатація усиливалась тѣмъ болѣе, чѣмъ благопріятнѣе становились условія сбыта лѣсныхъ матеріаловъ, и въ настоящее время достигла крайняго предѣла развитія. Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, лѣса стали исчезать съ страшной быстротой, цѣны на лѣсные матеріалы утроились и поднялись даже выше. Лѣсъ пошелъ въ продажу въ сыромъ, необработанномъ видѣ, какъ строительный матеріалъ—бревна и какъ топливо—дрова. Между тѣмъ прежде,

2*

На опушкѣ лѣса.—Картина Ю. Клевера.

при неудобствѣ сбыта громоздкаго, сырого лѣсного матеріала, онъ исключительно перерабатывался на мѣстѣ въ болѣе цѣнныя издѣлія и шелъ уже въ такомъ переработанномъ видѣ. Нѣкогда обширные лѣса области породили множество древодѣлательныхъ промысловъ, которые сохранились отчасти еще и теперь, но ужь значительно падаютъ, за недостаткомъ матеріала, и отодвигаются далѣе къ сѣверу и сѣверо-востоку Россіи.

Въ той части области, которую еще и теперь можно пока назвать лѣсною, въ заволжской сторонѣ очень распространены: рогожничество, ложкарство, приготовленіе чашекъ (мисокъ) и и другой деревянной посуды; лопатъ, корытъ и проч., смолокуреніе и другіе лѣсные промыслы, дающіе значительный источникъ заработка для населенія этой мало хлѣбородной мѣстности. Нѣкоторые изъ лѣсныхъ промысловъ сохранились и въ части области, которая лежитъ между Волгой и Окой и за послѣдней, въ нагорной части Нижегородской губ., въ болѣе лѣсистыхъ мѣстностяхъ. По берегамъ судоходныхъ рѣкъ, въ лѣсныхъ при томъ мѣстностяхъ—постройка рѣчныхъ судовъ разной конструкціи. Въ тѣхъ мѣстахъ Владимірской губ., гдѣ живетъ много офеней, сконцентрировано изготовленіе телѣгъ, саней и дровешекъ. Въ деревнѣ Погорѣлкѣ, Шуйскаго уѣзда, изготовляется ежегодно до 2,000 саней изъ можжевельника. Въ большомъ количествѣ сани выдѣлываются въ с. Болдино, Лукояновскаго уѣзда. Въ телѣжномъ промыслѣ часто спеціализируются производства отдѣльныхъ частей, такъ с. Окуловка, Муромскаго уѣзда, занимается изготовленіемъ колесъ, спицы же для колесъ доставляетъ сосѣдняя деревня Ярцева. Телѣги, сани, ободья, дуги, клещи, ящики, земледѣльческія орудія и т. п. изготовляются во многихъ селеніяхъ Осташковскаго, Ржевскаго, Старицкаго, Калязинскаго и Зубцовскаго уѣздовъ, Тверской губ. Въ Волоколамскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, нѣкоторыя селенія занимаются изготовленіемъ саней, телѣгъ, колесъ; въ Дмитровскомъ — ложекъ и игрушекъ, въ Подольскомъ — экипажей, въ Московскомъ и Звенигородскомъ — мебели.

Въ Ярославской губ. изъ лѣсныхъ промысловъ распространены: въ Пошехоньѣ—дрова, бревна, смола, деготь и деревянная посуда, въ Моложскомъ, по р. Сити, судостроеніе и въ Даниловскомъ—приготовленіе колесъ, телѣгъ и саней; въ Ростовскомъ уѣздѣ также немало лицъ, занимающихся приготовленіемъ издѣлій изъ дерева.

Во многихъ мѣстностяхъ распространено мебельное мастерство — изготовленіе самой простой, незатѣйливой мебели крестьянскаго обихода, а кое-гдѣ и для удовлетворенія потребности болѣе взыскательнаго горожанина; далѣе бондарные промыслы, изготовленіе дугъ и проч. Ткацкія берда, напримѣръ, готовятся въ Бѣжецкомъ уѣздѣ. Значительно развито производство прядильныхъ гребней во Владимірской губерніи; въ Шуйскомъ уѣздѣ выдѣлкою гребней занимаются круглый годъ 250 человѣкъ и выдѣлываютъ до 70,000 паръ. Въ с. Великомъ, Ярославскаго уѣзда, изготовляются особенно хорошія самопрялки, въ количествѣ до 1,500 шт., тутъ же и во многихъ другихъ мѣстахъ изготовляются ткацкіе станки. Въ д. Лѣтнево, Шуйскаго уѣзда, 25 дворовъ выдѣлываютъ ежегодно до 3,000 боронъ изъ ели, съ дубовыми зубьями и можжевеловыми кольцами.

Въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ., и въ Муромскомъ, Владимірской, существуетъ производство особыхъ деревянныхъ преимущественно ольховыхъ сундуковъ, такъ называемой «укладки», которые по своей легкости цѣнятся для укладки товаровъ, особенно отправляемыхъ на дальній востокъ. Для удобства перевозки эти сундуки устраиваются такихъ размѣровъ, чтобы нѣсколько сундуковъ могли входить одинъ въ другой. Окрашенные въ яркіе цвѣта и окованные желѣзомъ, такіе сундуки употребляются купчиками и зажиточными крестьянами для сохраненія своего скарба.

Изъ плотничныхъ издѣлій во многихъ мѣстахъ распространено приготовленіе стѣнныхъ срубовъ. Въ селахъ Пурехѣ и Городцѣ, Балахнинскаго уѣзда, и въ Горбатовскомъ уѣздѣ, значительно распространено производство оконныхъ рамъ.

Изъ мелкихъ деревянныхъ издѣлій можно указать на выдѣлку веретенъ, напр. въ с. Ка-

тункахъ, Балахнинскаго уѣзда. Въ Васильсурскомъ уѣздѣ работаютъ поплавки для рыбныхъ промысловъ Каспійскаго моря. Въ Звенигородскомъ и Бронницкомъ уѣздахъ дѣлаютъ разныя мелкія токарныя вещицы. Челноки (ткацкіе) изъ пальмъ, шпульки и цѣвки приготовляютъ въ въ д. Середневѣ, Шуйскаго уѣзда. Въ Верейскомъ уѣздѣ выдѣлываются счеты, которыхъ вывозится на однѣ украинскія ярмарки до 30,000 штукъ. Въ Балахнинскомъ уѣздѣ изготовляется множество деревянныхъ фонарей. Въ Улыбышевской волости, Владимірскаго и въ Бережковской, Судогодскаго уѣздовъ, существуетъ особый промыселъ — выточка изъ осины черенковъ къ серпамъ. Въ Подольскомъ уѣздѣ выдѣлываются деревянныя пуговицы, въ Рузскомъ — катушки и балясы, въ Ржевскомъ—осиновыя вьюхи для наматыванія канатовъ.

Въ дер. Богородской, Александровскаго уѣзда, 150 человѣкъ и въ окрестныхъ селеніяхъ до 450 человѣкъ занимаются производствомъ дѣтскихъ игрушекъ.

Въ дер. Каменцѣ, Владимірскаго уѣзда, изготовляется ежегодно до 100 тыс. «бураковъ» изъ бересты.

Очень распространено и плетеніе лаптей, какъ промыселъ, достигающій иногда значительнаго развитія по размѣрамъ производства, такъ напр. въ с. Смирновѣ, Ардатовскаго уѣзда, плетеніемъ лаптей занимаются до 300 человѣкъ, при чемъ въ зиму каждый заготовляетъ до 400 паръ; с. Нуги и дер. Ужовка, того же уѣзда, отправляютъ приготовляемые ими лапти въ Тульскую и Воронежскую губерніи; въ с. Семеновскомъ, близъ г. Кинешмы, выдѣлывается на 100 тыс. руб. лаптей, расходящихся по всей Россіи. Изъ с. Мытъ, Шуйскаго уѣзда, отправляется ежегодно въ Москву до 500 тыс. паръ лаптей.

Въ Ветлужскомъ и Варнавинскомъ уѣздахъ, по самому уменьшенному расчету, готовятъ до 100 тыс. пудовъ мочалы, чѣмъ занято, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, 700 человѣкъ, да тканьемъ рогожъ и шитьемъ кулей занято 650 человѣкъ. Въ Кочкуровской и Жиропинской волостяхъ, Лукояновскаго уѣзда, выдѣлываютъ для Моршанска до 500 тыс. кулей. Въ заволжской части Макарьевскаго уѣзда главный промыселъ населенія—выдѣлка мочальныхъ издѣлій для московскаго рынка. Изъ болѣе грубой мочалы, а также изъ лыка приготовляются «снасти», то-есть канаты для сплава плотовъ. По одной лишь Ветлугѣ сплавляется до 1,500 плотовъ, для которыхъ употребляется 15 тыс. пудовъ мочалы.

Липовая кора идетъ также на приготовленіе кровельнаго луба, въ видѣ 3 аршин. длины полосъ, которыя употребляются на покрышку судовыхъ казенокъ, въ особенности же на приготовленіе коробьевъ, въ которые обыкновенно укладывается въ Россіи красный товаръ. Такіе коробьи доставляетъ Московскому гостиному двору Верейскій уѣздъ. Шуйскій мануфактурный округъ готовитъ ихъ на мѣстѣ.

Изъ осиноваго лыка въ Костромской губ., приготовляется до 50 тыс. лукошекъ (корзинъ).

Крупное лыко употребляется также на приготовленіе рѣшетъ, такъ Зименьщина, Ковровскаго уѣзда, при 500 рабочихъ ежегодно вырабатываетъ $1^1/_2$ милліона рѣшетъ.

Приготовленіе надмогильныхъ крестовъ, гробовъ досчатыхъ и долбленыхъ (для раскольниковъ), корытъ и т. п. также составляетъ предметы промысла нѣкоторыхъ мѣстностей.

Въ Московской промышленной области почти нѣтъ уѣзда, въ которомъ не существовало бы того или другого промысла, предметомъ котораго является обработка лѣса, въ той или другой формѣ.

Древодѣльная промышленность засѣла такъ прочно здѣсь, что нерѣдко недостатокъ сырого матеріала, при изведеніи лѣсовъ, не останавливаетъ промысла данной мѣстности и заставляетъ только обращаться за матеріаломъ въ другія, богатыя еще лѣсомъ, мѣстности.

Лѣсные промыслы являются значительнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ населенія области, тѣмъ болѣе, что почти всѣ они занимаютъ рабочія руки въ зимнюю пору, то есть тогда, когда эти рабочія руки не имѣютъ приложенія въ земледѣліи.

Какъ увидимъ ниже, многія мѣстности области не производятъ хлѣба въ достаточномъ

для продовольствія собственнаго населенія количествѣ. Такія то мѣстности особенно и нуждаются въ подсобномъ заработкѣ на хлѣбъ, и этотъ заработокъ даютъ имъ отхожіе промыслы, работа на заводахъ и фабрикахъ и разнаго рода кустарные промыслы, между которыми древодѣльные занимаютъ не послѣднее мѣсто, именно потому, что мѣстность, богатая когда то лѣсомъ, пріучала населеніе къ эксплоатаціи этого сырья. Самый простой изъ древодѣлательныхъ промысловъ—заготовка и возка дровъ—наиболѣе распространенъ, онъ часто выручаетъ крестьянина въ трудное время, давая заработокъ на хлѣбъ, но требуетъ участіе лошади въ работѣ. Въ этомъ случаѣ, когда у крестьянина остается единственная надежда перебиться какъ-нибудь до нови продажей и возкой дровишекъ, лошадь является кормилицей, и бѣда, если эта кормилица не вынесетъ часто непосильной работы, при скудномъ еще обыкновенно кормѣ, въ голодный годъ.

При всемъ томъ, что лѣсъ въ Московской области все-таки является источникомъ, изъ котораго населеніе черпаетъ не мало для своихъ нуждъ и при томъ источникомъ уже изсякающимъ, незамѣтно почти сознанія необходимости поддержать его, вести сколько нибудь толковое лѣсное хозяйство, такое хозяйство, при которомъ было бы обезпечено надолго пользованіе лѣснымъ матеріаломъ.

Въ этомъ отношеніи рѣдкій и весьма интересный примѣръ представляютъ крестьяне Лукояновскаго уѣзда, культивирующіе правильнымъ образомъ ветлу для дугъ, по выработаннымъ самостоятельно пріемамъ разведенія ея. Убѣдившись опытомъ, что несоотвѣтственный выборъ почвы вліяетъ на качество древесины и дѣлаетъ ее менѣе пригодною для дугъ, они разводятъ ветлу главнымъ образомъ въ обширныхъ оврагахъ, съ протекающею вблизи рѣчкой, съ рыхлымъ илистымъ грунтомъ. Посадку производятъ очень тщательно: удобряютъ землю въ ямахъ, если это нужно; отводятъ излишнюю воду, верхніе срѣзы кольевъ обмазываютъ глиной или обвязываютъ рогожей, разрыхляютъ землю, ведутъ необходимую обрѣзку слабыхъ побѣговъ и т. д., затрачивая на десятину до 300 руб., за то и получая ежегодно съ десятины 100 и болѣе рублей дохода.

Главное же, конечно, употребленіе лѣса—на постройки и топливо. Въ послѣднемъ своемъ назначеніи лѣсъ имѣетъ суррогаты въ видѣ каменнаго угля и торфа. Разработка послѣдняго, залегающаго во многихъ мѣстахъ области, можно сказать, только лишь начинается; даже въ отношеніи мѣстонахожденія торфа область мало еще изслѣдована. Изъ наиболѣе обширныхъ казенныхъ торфяниковъ, разрабатывающихся въ настоящее время, можно указать на торфяникъ Прокудино-Алексинскаго бора, въ Покровскомъ уѣздѣ, Владимірской губ., сданный въ аренду для разработки, на 60 лѣтъ, товариществу Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сынъ и К°», съ платою по 15 коп. за кубическую сажень торфа. Разработка торфа на этомъ торфяникѣ производится въ обширныхъ размѣрахъ: проведено множество осушительныхъ канавъ и нѣсколько рельсовыхъ путей, установлено 20 локомобилей и работаютъ до 2,000 чел. рабочихъ, добывается до 15 тыс. куб. саж. торфа ежегодно, который идетъ на отопленіе громадныхъ фабрикъ товарищества. Кромѣ того, нѣсколько казенныхъ торфяниковъ Московской губ. также сданы въ аренду для разработки частнымъ лицамъ. До настоящаго времени изслѣдованіе торфяниковъ области произведено только въ двухъ губерніяхъ (въ Московской и Владимірской) и то лишь на казенныхъ земляхъ.

Хотя Московская область (губ. Тверская, Ярославская, Костромская, Московская, Владимірская и Нижегородская), составляя довольно естественную группу губерній центральной Россіи, справедливо считается промышленною, въ смыслѣ развитія въ ней въ разныхъ видахъ обработывающей промышленности, но тѣмъ не менѣе разныя части ея имѣютъ различный и довольно значительно различный характеръ въ отношеніи дѣятельности населенія.

Собственно къ *промышленной* части Московской области слѣдуетъ отнести губерніи: Московскую, Владимірскую, Тверскую, за исключеніемъ уѣздовъ Весьегонскаго, Вышневолоцкаго

и Осташковскаго, Ярославскую, за исключеніемъ уѣздовъ Любимскаго, Пошехонскаго и Мологскаго, Юрьевецкій, Кинешемскій, Нерехотскій и Костромской уѣзды, Костромской губерніи, и Нижегородскій, Горбатовскій и Ардатовскій уѣзды, Нижегородской губ. Эта наибольшая часть области имѣетъ 183,000 кв. верстъ пространства и 6.050,000 жителей, то есть на 1 кв. версту около 40 человѣкъ. По густотѣ населенія, она превосходитъ всѣ другія нечерноземныя мѣстности Имперіи, отчасти потому, что здѣсь лежитъ Москва и много древнихъ центровъ поселенія, а также и вслѣдствіе существованія центровъ обработывающей промышленности. Крупныхъ и хорошихъ лѣсовъ въ этой полосѣ мало, благодаря продолжительному истребленію ихъ многочисленными фабриками и заводами; въ лѣсныхъ же заросляхъ хвойныхъ и смѣшанныхъ нѣтъ недостатка. Система сельскаго хозяйства преимущественно зерновая съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ; лишь изрѣдка кое-гдѣ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ встрѣчаются случаи перехода къ многопольной-травяной или плодосмѣнной системамъ. Пашнями занято 34% всего пространства земли. Характерная особенность этой части области—обширное развитіе обработывающей промышленности, а именно фабрикъ, заводовъ, мелкихъ промышленныхъ заведеній и кустарныхъ промысловъ. Это самая промышленная мѣстность во всемъ государствѣ. Три остальные уѣзда Тверской (Весьегонскій, Вышневолоцкій и Осташковскій), три уѣзда Ярославской (Любимскій, Пошехонскій и Мологскій) и Буйскій, Галичскій, Солигаличскій и Чухломскій уѣзды, Костромской, образуютъ вторую полосу Московской области, которую можно назвать *лѣсистою*. Она имѣетъ 49,000 кв. верстъ и немного болѣе 900,000 жителей, то-есть по 19 человѣкъ на 1 кв. версту, то-есть плотность населенія ея вдвое менѣе, чѣмъ предыдущей полосы. Въ этой полосѣ преобладаетъ также трехполье, но подъ пашней земли меньше, именно 21% всѣхъ удобныхъ земель. По количеству же и качеству лѣса вторая полоса стоитъ выше первой. Фабричная и заводская промышленность здѣсь мало развиты, преобладаютъ отхожіе промыслы и изъ мѣстныхъ—лѣсные. Кологривскій, Макарьевскій, Варнавинскій и Ветлужскій уѣзды, Костромской и Макарьевскій, Семеновскій и Балахнинскій уѣзды, Нижегородской губерніи, расположенные въ сѣверо-восточномъ углу области, образуютъ *лѣсную* полосу, пространствомъ въ 61,300 кв. верстъ и съ населеніемъ около 550 тыс. челов., то-есть 9 челов. на кв. версту. Обширныя пространства этой полосы съ песчаной, по преимуществу, почвой покрыты сплошными, хвойными, главнымъ образомъ, лѣсами, среди которыхъ, на небольшихъ клочкахъ удобной для хлѣбопашества почвѣ, почти всегда вблизи или по берегамъ рѣкъ или рѣчекъ, разбросаны мелкіе вообще поселки. Лѣсные промыслы составляютъ преобладающее занятіе населенія этой обширной и слабонаселенной полосы. Пахатныя земли составляютъ всего 14% всѣхъ удобныхъ земель. Эта полоса Московской области, по своему лѣсному богатству, имѣетъ значеніе не только для всей области, но и для всего Поволжья, куда лѣсныя произведенія сбываются по сплавнымъ рѣкамъ (Нельда, Унжа, Ветлуга и Керженецъ) и по Волгѣ.

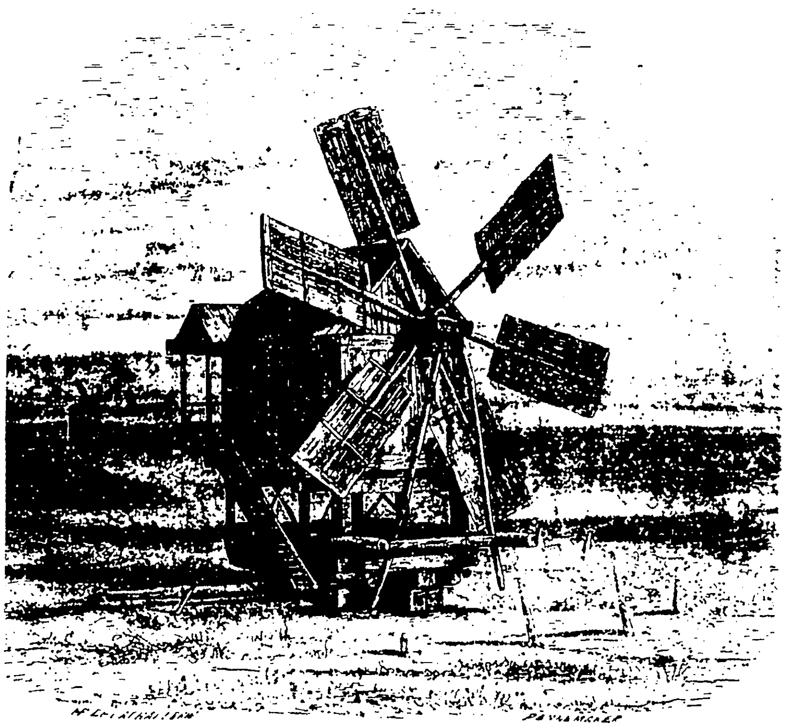
Остальное пространство Московской области, а именно пять уѣздовъ Нижегородской губерніи: Арзамасскій, Лукояновскій, Сергачскій, Княгининскій и Васильскій, составляютъ полосу *переходную* къ сосѣдней центральной земледѣльческой черноземной области. Этотъ юго-восточный уголъ области занимаетъ 17,200 кв. верстъ, съ населеніемъ въ 600,000 душъ, то-есть по 36 человѣкъ на квадратную версту. Полоса эта характеризуется значительнымъ пространствомъ черноземной почвы и преобладаніемъ земледѣльческаго промысла. Здѣсь 61% всей земли обращенъ въ пахатныя поля.

Населеніе всей Московской области преимущественно великорусскаго племени. Инородческая примѣсь существуетъ въ западной и восточной частяхъ: корелы въ Тверской губерніи, мордва и татары въ Нижегородской и черемисы въ Нижегородской и Костромской губерніяхъ. У крестьянъ преобладаетъ общинное владѣніе землей. Размѣщается сельское населеніе въ поселкахъ средней величины, расположенныхъ преимущественно вблизи рѣкъ и рѣчекъ. Крестьянскіе поселки носятъ названія: село, деревня, слобода, сельцо, хуторъ, починокъ и т. п.; но

многіе города, мѣстечки и посады имѣютъ въ своемъ населеніи элементъ землепашцевъ, за то есть села въ Московской области, населеніе которыхъ, почти безъ исключенія поголовно, никогда не держитъ въ рукахъ соху или другое орудіе землепашца и занимается круглый годъ какимъ-нибудь рукомесломъ.

Крестьянскихъ селеній во всей области насчитывается 46,633 съ 1.419,717 жилыми строеніями, такъ что въ среднемъ на каждое селеніе приходится 30 жилыхъ строеній, въ которыхъ живутъ 144 человѣкѣ—по 4,8 душъ на строеніе.

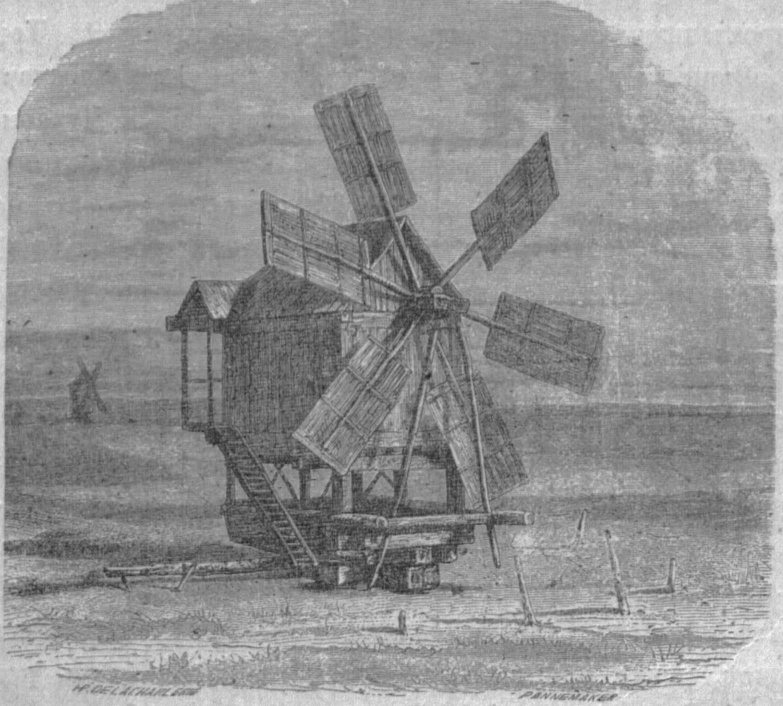
Почти въ каждомъ, даже незначительномъ, поселкѣ, дворовъ въ 30—40, можно замѣтить одинъ, а иногда два и три полукаменные дома; каменный низъ съ небольшими окошками съ желѣзными рѣшетками и желѣзною же массивною дверью. Это домъ мѣстнаго богача, тысячника. Низъ дома—каменная кладовая, въ которой подъ охраною прочныхъ запоровъ находятъ временный пріютъ орудія эксплоатаціи и продукты труда мѣстнаго населенія: снасти и другія цѣнныя принадлежности сплава, если это лѣсопромышленникъ, и ленъ, кудель, рогожи и проч. произведенія, смотря потому, чѣмъ пробивается односельчанинъ, или матеріалъ — сырье, необходимое кустарю и готовыя издѣлія этого кустаря, или соль, хлѣбъ, деготь, постное масло, желѣзо и другіе предметы, за пріобрѣтеніемъ которыхъ безденежное крестьянство идетъ къ тому же богачу и покупаетъ ихъ за будущій тяжелый и невыгодный трудъ.

Вѣтряныя мельницы.

Наконецъ, если не при всѣхъ, то при большей части поселковъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, на пригоркѣ или бугрѣ, на болѣе открытомъ для вѣтра мѣстѣ, стоятъ нѣсколько вѣтряныхъ мельницъ. Простыя разтрусныя мельницы, крестьянскіе вѣтряки Московской области, обыкновенно первобытнаго устройства— это мельницы на козлахъ, самыя распространенныя, вслѣдствіе легкости и дешевизны ихъ устройства. Такая мельница имѣетъ два основанія: одно неподвижное—лежащая на землѣ клѣтка изъ брусьевъ, вѣнцовъ въ пять, другое, вращающееся вокругъ столба, утвержденнаго въ центрѣ нижняго основанія и состоящее изъ 46 брусьевъ, въ концахъ которыхъ вдолблены столбы, вышиною въ 2 саж. Столбы эти связаны вверху балками, служащими основаніемъ крыши. Къ верхнему подвижному основанію прикрѣплены слеги, при помощи которыхъ поварачивается весь корпусъ мельницы съ механизмомъ для установки крыльевъ противъ вѣтра. У такой мельницы обыкновенно 4, иногда 6 или 8 крыльевъ. Ступенчатая лѣсенка и балкончикъ — необходимыя наружныя части мельницы. Внутренній механизмъ такихъ мельницъ не представляетъ ничего особеннаго. Небольшіе жернова, 1—1¼ арш. въ діаметрѣ, иногда, тамъ гдѣ есть подъ рукою гранитные валуны, какъ въ сѣверо-западной части области, выдѣлываются изъ этихъ валуновъ самими мельниками.

Менѣе распространены болѣе совершенныя шатровыя мельницы или, такъ-называемыя, голландскія, которыя устраиваются съ твердымъ неподвижнымъ основаніемъ и корпусомъ, а поварачивается по вѣтру только шатеръ съ крыльями. Мельницы послѣдняго типа болѣе распространены въ промышленной и особенно въ переходной полосахъ области. Въ этихъ поло-

Вѣтряныя мельницы.

сахъ и вообще большее число вѣтряныхъ мельницъ. Въ лѣсной же и лѣсистой полосахъ, богатыхъ мелкими рѣчками, преобладаютъ простыя же раструсныя водяныя мельницы. Поселки, неимѣющіе вѣтряковъ, обыкновенно пользуются услугами такихъ водяныхъ мельницъ, находящихся иногда довольно далеко отъ селенія. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ глухихъ деревняхъ лѣсной полосы, значительно удаленныхъ отъ водяныхъ мельницъ и неимѣющихъ почему либо вѣтряковъ (обыкновенно по неудобству мѣстоположенія), еще и до сихъ поръ практикуется ручной помолъ, то-есть измельченіе зерна при помощи жерноововъ, приводимыхъ въ движеніе ручнымъ механизмомъ.

Главнымъ источникомъ существованія населенія и здѣсь является сельскохозяйственный промыселъ, несмотря на то, что въ Московской области болѣе чѣмъ въ какой либо другой распространены среди населенія ея сторонніе сельскому хозяйству заработки, какъ-то: работы на фабрикахъ и заводахъ, отхожіе промыслы, кустарничество разнаго рода и т. п. Такъ, напр., въ одной изъ промышленнѣйшей губерніи — Московской населеніе зарабатываетъ ежегодно отъ сельскохозяйственнаго промысла 18 милл. рублей, кустарничествомъ 10, отхожими промыслами 8 и работою на фабрикахъ и заводахъ всего 5 милл. рублей.

Сельское хозяйство области сосредоточено почти всецѣло въ рукахъ крестьянъ, и, казалось бы, при густотѣ населенія, при существованіи вблизи значительныхъ пунктовъ (каковы центры фабричной дѣятельности), потребляющихъ продукты сельскаго хозяйства, должно бы было, несмотря на неособенное плодородіе почвы и благодаря все же довольно ровному, не представляющему очень рѣзкихъ крайностей, климату, находится на высокой степени развитія. Между тѣмъ въ дѣйствительности это далеко не такъ.

Одною изъ ближайшихъ причинъ такого положенія сельскаго хозяйства области нельзя не признать сильнаго проявленія семейныхъ раздѣловъ, отчасти подъ вліяніемъ развитія индивидуальной свободы, которая является естественнымъ слѣдствіемъ того, что въ промышленной области, а также въ мѣстностяхъ съ преобладаніемъ отхожихъ промысловъ, каждый изъ членовъ семьи, участвующій въ работѣ на фабрикѣ или въ отхожемъ промыслѣ, съ раннихъ лѣтъ пріобрѣтаетъ самостоятельныя средства. Если съ одной стороны развитіе промышленности обработывающей и густота населенія даютъ стимулъ къ развитію и сельскохозяйственнаго производства, то первое, а особенно отхожіе промыслы, дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи сильно задерживающимъ образомъ.

По многимъ причинамъ, такъ прекрасно разобраннымъ А. Н. Энгельгардомъ въ его «письмахъ изъ деревни», богатство и благосостояніе крестьянскаго двора держится обыкновенно до его раздѣла и быстро клонится къ упадку послѣ раздѣла, вызываемаго обыкновенно какими либо семейными, преимущественно бабьими дрязгами, а потому и носящаго характеръ далеко немиролюбивой сдѣлки. Вмѣстѣ съ обѣднѣніемъ идетъ и регрессъ въ сельскохозяйственной техникѣ такой семьи. Семейные раздѣлы въ Московской области явленіе весьма частое, а потому средній численный составъ двора не великъ, всего 2,8 человѣка мужскаго пола.

Всей поземельной собственности, такъ или иначе эксплоатируемой, числится въ области 26.319,000 десятинъ, то-есть на 10% менѣе, чѣмъ все пространство области. Этотъ недочетъ въ 10% слагается изъ неудобныхъ земель, на которыя никто правъ владѣнія не предъявляетъ и изъ пространства озеръ, особенно въ верховьяхъ р. Волги и вообще въ лѣсистой полосѣ.

Относительно количество пахатныхъ земель тѣмъ больше, чѣмъ плодороднѣе почва и чѣмъ гуще населеніе данной мѣстности. Въ Нижегородской и Владимірской губ., гдѣ есть значительныя пространства черноземной плодородной почвы,--наибольшій процентъ пахатныхъ земель; въ остальныхъ губерніяхъ процентъ этотъ убываетъ вмѣстѣ съ убываніемъ густоты населенія (Московская, Ярославская, Тверская и Костромская). Еще болѣе рѣзко замѣтно это явленіе при сравненіи въ этомъ отношеніи различныхъ полосъ области.

На каждую душу мужского пола сельскаго населенія приходится всей пахатной земли: въ

Нижегородской 3,1 дес., во Владимірской и Костромской 2,8, Тверской 2,0, Московской 1,6; по полосамъ же: въ переходной къ черноземной 3,4 дес., въ лѣсной 2,9, лѣсистой 2,4 и промышленной 2,2. Наибольшее, слѣдовательно, количество пахатныхъ земель приходится на душу мужского пола сельскаго населенія тамъ, гдѣ почва плодороднѣе, а наименьшее въ промышленной полосѣ и въ особенности въ Московской губерніи. Послѣднее объясняется тѣмъ, что здѣсь наибольшее число рукъ отвлечено работами на фабрикахъ и заводахъ, отхожими и другими (кустарными) промыслами, болѣе выгодными, чѣмъ земледѣліе.

Крестьяне, въ числѣ 3.188,000 душъ мужского пола или 6.380,000 душъ обоего пола, владѣютъ 11.627,000 десят. надѣльной земли, изъ коихъ только 350,000 дес. состоятъ въ подворномъ, а остальная земля въ общинномъ пользованіи. Затѣмъ 365,000 дес. пріобрѣтено крестьянами же въ собственность цѣлыми обществами и 1.318,000 дес. (91,000 т. душъ) въ личную собственность.

Таково положеніе крестьянскаго землевладѣнія въ Московской промышленной области. Изъ другихъ сословій дворяне являются наиболѣе значительнымъ землевладѣльческимъ элементомъ области. Въ числѣ 13,356 душъ они владѣютъ 6.761,985 десятинъ, то-есть 506 десятинъ на душу, но пахатной земли изъ этого числа десятинъ всего 623,696, то-есть только 9%. Затѣмъ купцы, въ числѣ 3,020 владѣльцевъ имѣютъ 1.450,039 дес. земли, въ числѣ которыхъ пахатной еще меньше, чѣмъ у дворянъ, а именно лишь 5%—64,573 дес. Средній размѣръ купеческаго землевладѣнія простирается до 480 дес. Мѣщане, въ числѣ 5,908 душъ, владѣютъ 206,632 дес., изъ которыхъ пахатной 36,374, или 13%. Средній размѣръ мѣщанскаго землевладѣнія 35 дес. Наконецъ, духовенство, въ числѣ 427, владѣетъ 12,109 десятинами, или 27 дес. на одно лицо, изъ которыхъ 2,042 дес., то-есть 27% пахатной. Крестьяне, въ числѣ 90,890 душъ, являются также личными поземельными собственниками и владѣютъ 1.317,981 дес. земли, то-есть по 14 дес. на душу, изъ которыхъ пахатной 215,583 дес. или 16,3%.

По своей численности, крестьяне и среди личныхъ поземельныхъ собственниковъ, занимаютъ, такимъ образомъ, первое и весьма выдающееся мѣсто, по пространству же владѣемой ими земли они стоятъ на третьемъ мѣстѣ. Первое мѣсто въ этотъ отношеніи занимаютъ дворяне, которые владѣютъ 69,3% всей земли, находящейся въ личной собственности, за ними слѣдуютъ купцы, съ 15%, далѣе крестьяне, съ 13,5% и наконецъ, мѣщане 2,5% и духовенство 0,1%. По среднимъ размѣрамъ личной земельной собственности сословія собственниковъ стоятъ въ такомъ порядкѣ: дворяне, купцы, мѣщане, духовенство и крестьяне.

Значительное участіе купеческаго сословія въ землевладѣніи Московской области объясняется большимъ накопленіемъ здѣсь у этого сословія капиталовъ и потребностью въ усадебныхъ участкахъ и въ лѣсныхъ дачахъ для фабрикъ и заводовъ, а также переходомъ въ купеческое сословіе крестьянъ землевладѣльцевъ. Довольно замѣтное участіе крестьянскаго элемента въ средѣ личныхъ собственниковъ въ Московской области слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что здѣсь земли сравнительно дешевы, легко отчуждаются ихъ владѣльцами, а крестьяне, благодаря развитію промышленности фабричной, существованію постороннихъ выгодныхъ заработковъ, легко пріобрѣтаютъ необходимые для покупки земель капиталы. Кромѣ того здѣсь въ области купеческій элементъ является болѣе временнымъ землевладѣльческимъ сословіемъ и скоро передаетъ свои права на владѣніе землей другимъ сословіямъ, преимущественно крестьянамъ: купецъ, обыкновенно ведетъ часто коммерческое предпріятіе, пріобрѣтая имѣніе, преимущественно лѣсное, съ быстрымъ возвратомъ капитала—изводитъ лѣсъ, а земли изъ подъ лѣса отдаетъ почти за ничто крестьянамъ.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что крупная земельная собственность въ Московской области сосредоточена, главнымъ образомъ и даже исключительно, въ лѣсной полосѣ, въ Костромской и Нижегородскомъ Заволожьи, гдѣ нерѣдко десятки тысячъ десятинъ находятся во владѣніи одного лица; но такія крупныя владѣнія представляютъ собою большею частью

лѣсныя дачи или заросли, вообще мало удобныя для сельскохозяйственной культуры страны. На остальномъ пространствѣ области даже средняя собственность выше 500 дес., явленіе довольно рѣдкое, такъ изъ 100 личныхъ собственниковъ имѣютъ отъ 500 до 1000 десят. только въ Московской губ. 3 человѣка, въ остальныхъ не болѣе 1—2.

Изъ приведенныхъ свѣдѣній о землевладѣніи Московской промышленной области видно какую роль играетъ въ ней крестьянство, какъ собственникъ и воздѣлыватель земли. Если же при этомъ вспомнить, что тоже крестьянство является и воздѣлывателемъ не только своей, но и принадлежащей прочимъ категоріямъ землевладѣльцевъ области земли, не какъ батракъ-работникъ, а какъ предприниматель или, по меньшей мѣрѣ, участникъ въ предпріятіи—арендаторъ за деньги или изъ доли урожая, то станетъ очевиднымъ, что уровень сельскохозяйственнаго производства области всецѣло опредѣляется уровнемъ крестьянскаго хозяйства.

Остальной землевладѣльческій элементъ имѣетъ въ этомъ отношеніи весьма подчиненное значеніе.

Число хозяйствъ дворянскихъ или купеческихъ, организованныхъ съ тѣмъ, чтобы эксплоатировать не трудъ окрестнаго крестьянскаго населенія, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ его относительно земельныхъ угодій, преимущественно выгоновъ, а силы природы — земли, очень ограничено; такія хозяйства, которыя давали бы владѣльцамъ своимъ доходъ какъ результатъ искусства эксплоатаціи земли, а не нужды населенія, считаются единицами. Прочія же имѣнія частныхъ владѣльцевъ или представляютъ выгодную, по своему положенію относительно крестьянскихъ надѣловъ, арендную статью, или бездоходны, заброшены ихъ владѣльцами и запущены подъ лѣсную поросль, въ надеждѣ современемъ получить доходъ отъ имѣющаго вырости лѣса, или эксплоатируются кое-какъ, лишь бы окупились затраты на администрацію и оплатились разнаго рода повинности. Еще въ болѣе плодородныхъ мѣстностяхъ области, въ черноземныхъ уѣздахъ Нижегородской губ., число частновладѣльческихъ имѣній, приносящихъ, благодаря естественному плодородію полей, кое-какіе доходы ихъ владѣльцамъ, довольно значительно; на остальномъ же пространствѣ Московской области, гдѣ для полученія дохода отъ имѣнія требуется отъ владѣльца значительнаго искусства, имѣнія, дающія доходъ только благодаря примѣненію этого искусства, въ смыслѣ техническихъ улучшеній, положительно, исключенія. Не мало и такихъ имѣній, главный доходъ которыхъ основанъ на штрафахъ съ крестьянъ-сосѣдей за потравы скотомъ, неизбѣжныя при черезполосьи крестьянскихъ выгоновъ въ такихъ имѣніяхъ. Тщетно юные пахари, чуть не всей деревни, собираются въ «ночное» для наблюденія за своими лошадьми на пастбищѣ, гдѣ лошади въ это время тяжелыхъ полевыхъ работъ и отсутствія сѣна и овса, только и могутъ подкрѣпить свои силы для новаго дневного труда. Деревенскіе ребята, обыкновенно, не долго бодрствуютъ въ поэтическомъ «ночномъ» и, подъ разсказъ болѣе словоохотливаго изъ нихъ мало-по-малу, уставшие отъ дневной бѣготни, а иногда работы, засыпаютъ. Лошади же, которымъ оставаться на выбитомъ крестьянскомъ выгонѣ представляется мало привлекательнымъ, какъ будто ждутъ того момента, когда ихъ соглядатаи попадутъ въ объятія морфея, и немедля отправляются къ соблазнительной нивѣ сосѣда-помѣщика.

Это положеніе частно-владѣльческихъ имѣній области отчасти объясняется тѣмъ, что землевладѣльцы не успѣли еще приспособиться къ новымъ условіямъ, къ хозяйству вольнонаемнымъ трудомъ, а трудъ этотъ, вслѣдствіе отвлеченія массы рабочаго населенія многочисленными фабриками и заводами области, столицами и другими промыслами, наконецъ, почти за отсутствіемъ крестьянскаго пролетаріата, благодаря надѣленію крестьянъ землею, сравнительно дорогъ. Выгодное пользованіе имъ возможно лишь при строгой экономіи труда, къ чему не пріучили времена крѣпостного права. Поэтому-то переходъ къ вольнонаемному труду почти повсюду въ области сопровождался громаднымъ сокращеніемъ запашекъ, запустѣніемъ усадьбъ, абсентеизмомъ владѣльцевъ имѣній. Теперь лишь, мало-по-малу, начинаетъ выраба-

тываться типъ хозяйствъ частно-владѣльческихъ, основанныхъ на возможно экономной затратѣ труда; но хозяйствъ, построенныхъ по этому типу, еще немного. Основаніемъ такихъ хозяйствъ почти всегда является травосѣяніе (преимущественно посѣвы клевера и тимофѣевки) — производство большого количества кормовъ, при малыхъ хлѣбныхъ запашкахъ, обширное, сравнительно, скотоводство и стремленіе получить съ небольшого пространства пахатной земли, при сильномъ ея удобреніи, наивысшіе урожаи хлѣбовъ. Замѣтное, въ послѣдніе годы, распространеніе и улучшеніе молочнаго производства въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ области является необходимымъ дополненіемъ при организаціи подобныхъ хозяйствъ. Купцы, какъ землевладѣльцы, почти исключительно ограничиваются сведеніемъ лѣсовъ, въ покупаемыхъ ими лѣсныхъ имѣніяхъ, затѣмъ или продаютъ оголенную отъ лѣса землю или продолжаютъ эксплоатировать ее сдачей въ аренду подъ посѣвы крестьянамъ, или, наконецъ, снявъ такъ или иначе, то-есть собственною запашкою или сдачею крестьянамъ, нѣсколько жатвъ, запускаютъ землю снова подъ лѣсъ.

Итакъ, ни по пространству земли, находящейся во владѣніи, а тѣмъ менѣе пахотной земли, ни по своему строю или высотѣ уровня развитія техники, ни, наконецъ, по количеству производимыхъ продуктовъ, частновладѣльческія имѣнія области не заслуживаютъ большого вниманія, чтобы останавливаться на ихъ подробномъ отдѣльномъ разсмотрѣніи, тѣмъ болѣе, что техника обыкновенныхъ, заурядныхъ частновладѣльческихъ хозяйствъ, какихъ громадное большинство, ничѣмъ не отличается отъ техники хозяйствъ крестьянскихъ. Не частновладѣльческое, а крестьянское хозяйство опредѣляетъ характеръ сельско-хозяйственнаго производства области, какъ имѣющее подавляющій перевѣсъ надъ первымъ. Достаточно, поэтому, познакомиться съ послѣдними, чтобы составить понятіе о современномъ положеніи сельскаго хозяйства Московской области.

Наконецъ, многочисленные примѣры показываютъ, что въ тѣхъ мѣстахъ области, гдѣ крестьяне болѣе или менѣе успѣшно занимаются земледѣліемъ, и владѣльческія хозяйства процвѣтаютъ, и наоборотъ, гдѣ падаетъ крестьянское хозяйство, тамъ разрушается окончательно и строй помѣщичьихъ имѣній.

Относительно же современнаго положенія крестьянскаго хозяйства Московской области, можно сказать, что оно вообще стоитъ не на высокомъ уровнѣ развитія и скорѣе падаетъ, чѣмъ поднимается. Это замѣчается, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ большинству крестьянскихъ хозяйствъ. Самымъ рѣзкимъ явленіемъ, свидѣтельствующимъ объ упадкѣ крестьянскаго хозяйства здѣсь, слѣдуетъ признать «забрасываніе» крестьянами своихъ надѣловъ, «обращеніе ихъ въ пустыри». Есть мѣстности, какъ напримѣръ: въ Подольскомъ, Верейскомъ и Серпуховскомъ уѣздахъ, гдѣ почти четвертая доля пахатной крестьянской земли пустуетъ, заброшена. Появленіе пустырей въ густо населенной мѣстности, гдѣ продукты земледѣлія легко находятъ выгодный сбытъ, есть явленіе, во всякомъ случаѣ, ненормальное. Нельзя приписать это явленіе неспособности или нерасположенію населенія области къ сельскохозяйственному труду. Напротивъ, факты показываютъ, что при благопріятныхъ условіяхъ населеніе это и любитъ сельскохозяйственный промыселъ и умѣетъ съ нимъ справляться: ростовскіе, муромскіе, вязниковскіе и подстоличные огородники, успѣшно ведущіе, съ любовью и знаніемъ дѣла, одну изъ сложнѣйшихъ сельскохозяйственныхъ отраслей, лукояновскіе крестьяне, правильно культивирующіе ветлу для дужнаго промысла, пошехонскіе маслодѣлы и т. п. доказываютъ это. Но есть, повидимому, причины паденія крестьянскаго хозяйства: отчасти мѣстныя—отсутствіе необходимыхъ условій для того, чтобы «заправиться», чтобы стать на ноги и повести прогрессивно развивающееся хозяйство; частью же, и главнымъ образомъ, причины общаго характера: все большее и большее развитіе индивидуализаціи въ средѣ крестьянства, подъ вліяніемъ внѣ сельской дѣятельности, особенно жизни фабричной и городской, индивидуализаціи, которая, несмотря на прочность общиннаго начала землевладѣнія у великорусскаго пле-

мени, не даетъ возможности развиться этому началу до общественной формы производства, при которой только и могли бы проявиться со всею силою и выгодныя стороны общиннаго землевладѣнія. Въ своемъ же настоящемъ видѣ, община, хотя и предохраняетъ отъ быстраго, окончательнаго разоренія своихъ членовъ, обнаруживаетъ лишь многочисленныя, невыгодныя для прогресса сельскаго хозяйства, стороны. Она или должна исчезнуть подъ напоромъ буржуазной среды обработывающаго капиталистическаго производства, или принять иную форму—форму общиннаго владѣнія и производства.

Другая общая причина, ставящая весьма серьезное препятствіе успѣшному развитію сельско-хозяйственнаго производства области и, быть можетъ, составляющая существенную помѣху къ усовершенствованію общины,—полное почти отсутствіе солиднаго интеллекта въ деревнѣ и условій для правильнаго и прочнаго интеллектуальнаго развитія крестьянской среды, отсутствіе интеллектуальной жизни деревни. Эта причина, въ соединеніи съ соблазномъ, представляемымъ легкостью фабричныхъ и городскихъ нравовъ, съ которыми такъ часто приходится сталкиваться крестьянству Московской области, окончательно извращаетъ инстинкты крестьянства и увлекаетъ его на путь легкой жизни и наживы, заставляетъ предпочитать «обезпеченную зависимость необезпеченной независимости» и разставаться съ кормилицей-землею, съ сельскимъ хозяйствомъ.

Эти причины, общія многимъ мѣстностямъ, если даже не всѣмъ въ Россіи, дѣйствуютъ съ особой силою именно въ Московской промышленной области, гдѣ такъ легко крестьянину найти приложеніе рабочей силы своей въ сферѣ дѣятельности, чуждой сельскому хозяйству. Здѣсь крестьянинъ не смотритъ на сельское хозяйство свое какъ на единственный источникъ существованія, а потому и не отдаетъ ему всего своего напряженія. Имѣя возможность просуществовать и безъ земли, онъ не дорожитъ ею, не живетъ лишь одною мыслью сдѣлать ее болѣе и болѣе производительною, а, при первой возможности или неудачѣ на сельско-хозяйственномъ поприщѣ, легко разстается съ нею и идетъ искать счастья въ сферѣ батрачнаго труда наемнаго работника на фабрикахъ, заводахъ, въ городахъ и т. п.

Поэтому и движенія впередъ въ сельскомъ хозяйствѣ этой области не замѣчается. Уровень техники производства остается все тотъ же, какимъ онъ былъ пятьдесятъ и, пожалуй, сто лѣтъ тому назадъ: то-же трехполье, все то-же ковыряніе земли сохой, кое-какая раструска недостаточнаго количества навоза и однообразная культура небольшого числа растеній, преимущественно хлѣбовъ, и при томъ всегда почти съ большой примѣсью косура, метлицы и т. п. сорныхъ травъ. Это общій характеръ хозяйствъ Московской области. Есть, конечно, исключенія, но они въ общемъ не оказываютъ замѣтнаго вліянія на результаты сельскаго хозяйства Московской промышленной области, которые представляются въ слѣдующемъ видѣ. Главнѣйшіе, воздѣлываемые въ области, хлѣба: рожь и овесъ; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ области высѣвается небольшое количество озимой пшеницы; затѣмъ изъ яровыхъ: гречиха, ячмень, яровая пшеница; въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ немного проса, кое-гдѣ полба, чечевица, горохъ. Изъ растеній не хлѣбныхъ, но имѣющихъ пищевое значеніе, въ болѣе значительныхъ количествахъ, воздѣлывается картофель, и воздѣлываніе его все болѣе и болѣе распространяется въ послѣднее время. Изъ промышленныхъ растеній наибольшее значеніе для Московской области имѣетъ ленъ, мѣстами, особенно въ Нижегородской губ., конопля; въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ въ послѣдней губерніи воздѣлывается табакъ. Наконецъ, огородничество, фруктовое и ягодное садоводство въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ области являются спеціальными промышленными отраслями.

Для крестьянъ культура льна представляетъ особыя выгоды, потому что ленъ, кромѣ воздѣлыванія, требуетъ такой обработки, которая производится въ свободное отъ полевыхъ работъ время, а слѣдовательно, даетъ возможность найти примѣненіе рабочимъ рукамъ тогда, когда онѣ ничѣмъ не заняты. Кромѣ льноводства, для Московской области, изъ спеціальныхъ сельско-

хозяйственныхъ отраслей имѣетъ значеніе огородничество, которое составляетъ принадлежность почти каждаго крестьянскаго хозяйства, хотя ограничивается разведеніемъ на усадебной землѣ небольшого числа въ незначительныхъ количествахъ овощей для домашняго обихода (капуста, лукъ, иногда огурцы, рѣдька, картофель и т. п.). При этомъ количества получаемыхъ овощей часто не хватаетъ даже для собственнаго употребленія. Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ области огородничество имѣетъ характеръ промышленный, при чемъ нерѣдко оно составляетъ занятіе не только сельскихъ, но и городскихъ обывателей — мѣщанъ. Во многихъ же случаяхъ даже существованіе промышленнаго огородничества въ селеніяхъ вызывается близостью городовъ, напр., огородничество вокругъ Москвы.

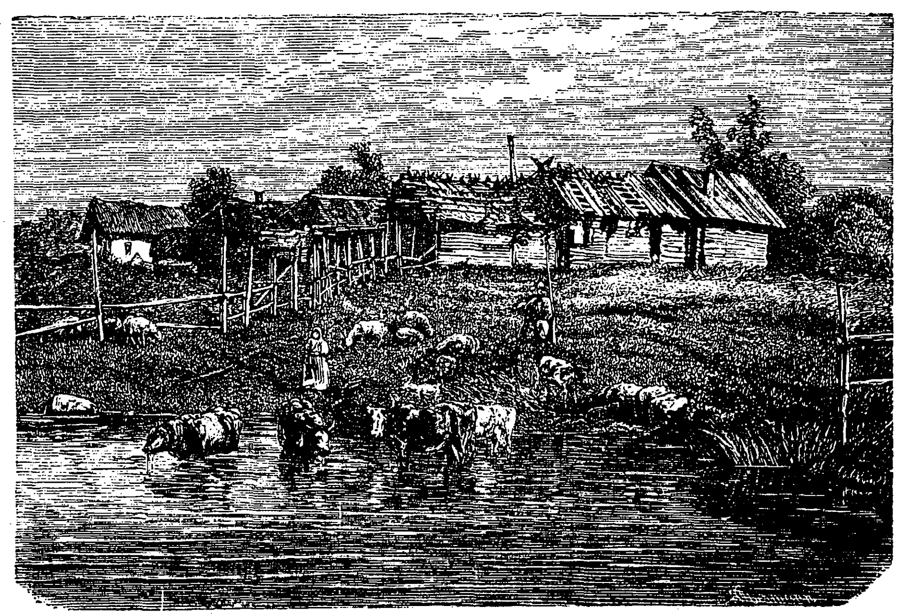
Но особеннымъ развитіемъ огородничества отличается Ярославская губ., которую можно назвать колыбелью русскаго огородничества. Наиболѣе развито огородничество въ уѣздѣ Ростовскомъ, менѣе въ Пошехонскомъ, Рыбинскомъ, Даниловскомъ и Угличскомъ. Ярославскіе, или, собственно, ростовскіе огородники пользуются заслуженною извѣстностью во всей Россіи, ихъ охотно нанимаютъ для воздѣлыванія огородовъ; ежегодно почти половина взрослаго населенія Ростовскаго уѣзда уходитъ на отхожіе промыслы въ качествѣ садовниковъ и огородниковъ. Въ Ростовскомъ уѣздѣ болѣе 55 селеній занимаются огородничествомъ. Въ с.с. Порѣчьи и Угодичахъ, центрахъ ростовскаго огородничества, почти вся земля, кромѣ выгоновъ и сѣнокосовъ, занята огородами. На огородахъ Ростовскаго уѣзда выращиваются всевозможныя овощи, продаваемыя въ сыромъ видѣ: зеленый горошекъ, цикорій, медицинскія и кухонныя травы, продаваемыя въ сыромъ видѣ, а также сѣмена почти всѣхъ огородныхъ растеній и душистыя травы. Огородничество даетъ населенію Ростовскаго уѣзда овощей и прочихъ продуктовъ на сумму свыше 500,000 рублей. Изъ выращиваемыхъ здѣсь тмина, шалфея, нѣмецкой и англійской мяты, на фабрикахъ Ростовскаго-же уѣзда добываются въ значительныхъ количествахъ летучія масла. Кромѣ воздушнаго огородничества, въ Москвѣ и вблизи Москвы, особенно въ Клинскомъ уѣздѣ и вблизи Николаевской желѣзной дороги, довольно распространено огородничество тепличное и парниковое—выгонка раннихъ овощей для доставленія въ Москву и Петербургъ.

Сѣверная граница разведенія фруктовыхъ садовъ съ промышленною цѣлью проходитъ въ настоящее время приблизительно черезъ Торжокъ, Тверь, Переяславль-Залѣсскій, Вязники и Нижній-Новгородъ, слѣдовательно, только небольшая часть Московской области лежитъ южнѣе этой границы; въ этой то части еще сохранилось кое-гдѣ фруктовое садоводство и ягодное производство и является довольно выгоднымъ промысломъ. Въ болѣе же сѣверныхъ мѣстностяхъ занятіе этими отраслями не представляется болѣе выгоднымъ, въ виду облегчившейся, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, доставки сюда фруктовъ изъ болѣе южныхъ мѣстностей, климатическія условія которыхъ выгоднѣе, а слѣдовательно и производство фруктовъ дешевле.

Владимірская губ. славится своими вишнями, извѣстными подъ названіемъ владимірскихъ. Вишневые сады особенно размножались въ послѣдніе 20—25 лѣтъ; до этого же времени здѣсь преобладали яблочныя деревья въ садахъ. Центромъ вишневаго садоводства считается г. Вязники. Лучшій сортъ владимірскихъ вишенъ, называемый «родителевою» вишнею, распространенъ также въ Гороховецкомъ и Владимірскомъ уѣздахъ, Владимірской губ., и въ Горбатовскомъ, Нижегородской губерніи. Село Суходонъ, въ 7 верстахъ отъ г. Владиміра, извѣстно разведеніемъ крыжовника. Въ Московской губ. садоводство сосредоточено болѣе всего въ южной части Московскаго уѣзда, у крестьянъ тѣхъ же волостей, гдѣ наиболѣе развито и огородничество. Здѣсь въ садахъ разводятъ разные фрукты, преимущественно яблоки, ягоды (клубнику, малину, смородину) и древесные и фруктовые саженцы, сбываемые въ Москву. Значительно распространены сады также въ Подольскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ. Въ Тверской губ. садоводство развито особенно въ городахъ Торжкѣ и Ржевѣ и въ ближайшихъ къ послѣднему городу деревняхъ: Толстиково и Муравьево. Не мало садовъ и въ другихъ, болѣе южныхъ мѣстностяхъ губерніи. Въ этихъ садахъ разводятся вишни, яблоки, сливы, кры-

жовникъ, смородина и земляника. Замѣчательна особенность садоводства Ржева и окрестныхъ деревень—выращиваніе для продажи саженцевъ яблонь и другихъ фруктовыхъ, а также декоративныхъ деревьевъ, которыми садовники этихъ мѣстъ ведутъ довольно значительную торговлю и отправляютъ на лодкахъ и на подводахъ въ довольно отдаленные даже города. Изъ выращиваемыхъ въ Ржевѣ и его окрестностяхъ яблокъ выдѣлывается знаменитая ржевская пастила. Довольно распространено также садоводство въ Нижегородской губерніи, особенно разведеніе ягодныхъ кустарниковъ по нагорному берегу Волги. Большою извѣстностью пользуется, напримѣръ, село Избыльцы по своему обширному разведенію смородины и другихъ ягодъ, а особенно вишни.

Нельзя не упомянуть также еще объ одной отрасли сельскаго хозяйства, которая имѣетъ усердныхъ поклонниковъ въ лицѣ гуслицкихъ староверовъ. Отрасль эта хмелеводство. Хотя хмелеводствомъ занимаются въ ограниченныхъ размѣрахъ почти по всей Россіи, крестьяне, употребляющіе хмель на домашнія пиво и брагу, изготовляемыя, по старинному обычаю, къ особо чтимымъ, преимущественно, осеннимъ праздникамъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Московской области разведеніе хмеля пріобрѣло характеръ особаго, спеціальнаго промысла. Къ числу такихъ мѣстностей относятся: окрестности г. Суздаля, Владимірской губерніи, Московская волость, Костромского уѣзда, Нижегородскій и нѣкоторые другіе уѣзды Нижегородской губерніи, гдѣ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, почвенныя условія (разливы рѣкъ) мало благопріятны хлѣбопашеству и особенно благопріятны хмелеводству. Нигдѣ, однако, въ перечисленныхъ мѣстахъ разведеніе хмеля не имѣетъ такого значенія, какъ въ Гуслицахъ (подъ этимъ названіемъ извѣстна мѣстность по рѣкамъ Гуслицѣ, Нерской и ихъ притокамъ, въ Богородскомъ и Бронницкомъ уѣздахъ, Московской губерніи, и въ сосѣднихъ уѣздахъ—Егорьевскомъ, Рязанской и Покровскомъ, Владимірской губ.). Здѣсь все благосостояніе крестьянъ основано на хмелеводствѣ. Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія эта отрасль достигла въ Гуслицахъ цвѣтущаго состояніе: гуслицкій хмель пользовался извѣстностью во всей России, но въ 50-хъ годахъ, вслѣдствіе конкуренціи съ иностраннымъ, ввозившимся къ намъ хмелемъ, плантаціи его въ Гуслицахъ стали сокращаться, и въ 70-хъ годахъ хмелеводство тамъ пришло въ совершенный упадокъ. Въ послѣднее же время, благодаря энергической поддержкѣ, оказанной Гуслицкому хмелеводству департаментомъ земледѣлія, выпиской большого числа черенковъ улучшеннаго хмеля изъ за границы, оно снова оправилось и есть надежда, что достигнетъ значительнаго развитія.

Выгонъ скота на водопой.

Таково въ общихъ чертахъ положеніе земледѣлія Московской области и спеціальныхъ его отраслей.

Что касается другой обширной отрасли сельскаго хозяйства—скотоводства, то и оно здѣсь представляется не въ лучшемъ видѣ, чѣмъ хлѣбопашество. Численность различнаго рода животныхъ весьма не велика, далеко не достаточна для удовлетворительнаго веденія земледѣлія.

Оказывается, что на сто десятинъ парового поля приходится штукъ скота: въ Нижего-

Выгонъ скота на водопой.

родской 90, во Владимірской 107, въ Костромской 151, въ Московской 155, въ Ярославской 180 и въ Тверской 229. Для полнаго же удобренія необходимо не менѣе 5 — 6 штукъ скота на паровую десятину. Ни одна, слѣдовательно, губернія Московской области не имѣетъ достаточнаго, для полнаго удобренія, количества скота. Болѣе другихъ можетъ обильно удобрять свои поля Тверская, затѣмъ Ярославская, менѣе Московская и Костромская, еще менѣе Владимірская и менѣе всего Нижегородская, земли которой частью, какъ мы знаемъ, черноземны.

При недостаточномъ количествѣ, и качествомъ своихъ домашнихъ животныхъ Московская область не можетъ похвалиться. Мѣстные типы лошадей, крупнаго рогатаго скота и овецъ, за рѣдкими исключеніями, не представляютъ чего-либо замѣчательнаго, кромѣ крайней невзыскательности къ условіямъ содержанія и выносливости по отношенію ко всевозможнымъ лишеніямъ, которымъ приходится подвергаться домашнимъ животнымъ этой области. При всей любви великорусса къ скоту, доходящей даже до того, что новорожденный, напримѣръ, теленокъ—это членъ семьи крестьянина, дѣлящій, такъ сказать, всѣ радости и горести ея, живущій въ одной избѣ съ хозяиномъ и его дѣтьми, крестьянинъ Московской области нерѣдко бываетъ поставленъ въ необходимость подвергать большимъ лишеніямъ своихъ животныхъ, а иногда и разставаться съ ними совсѣмъ не изъ корыстныхъ видовъ. За то, если условія хозяйства сколько-нибудь благопріятны, если есть у хозяина порядочные луга или пастбища, онъ становится прекраснымъ скотоводомъ, умѣетъ и выбрать и вырастить животное. Поэтому въ мѣстностяхъ, болѣе благопріятно обставленныхъ въ этомъ отношеніи, у болѣе зажиточныхъ при томъ крестьянъ, и въ Московской области встрѣчается порядочный скотъ: ярославскія коровы, довольно рослыя и обильно-молочныя животныя, выводимыя отсюда для продажи даже въ Петербургъ, и романовскія овцы, пользующіяся славой за свою плодовитость и хорошее качество овчинъ, идущихъ на приготовленіе извѣстныхъ романовскихъ полушубковъ.

Скотоводство въ области вообще имѣетъ весьма тѣсную связь съ земледѣліемъ, какъ источникъ животной силы или удобренія, и почти не является спеціальною отраслью. Лошадь единственное рабочее животное. Разведеніемъ лошадей спеціально занимаются не многія хозяйства, такъ въ Московской области насчитывается всего 87 конскихъ заводовъ, въ Нижегородской 25, въ Московской 21, въ Ярославской 18, въ Тверской 16 и во Владимірской 7; кромѣ того, для улучшенія мѣстнаго коневодства имѣется одна случная казенная конюшня въ Починкахъ, Лукояновскаго уѣзда, Нижегородской губ. Затѣмъ, такъ сказать, попутно, между прочимъ, выращиваются лошади болѣе зажиточными крестьянами во всей области, но особенною любовью къ разведенію лошадей отличаются крестьяне болѣе южныхъ уѣздовъ Нижегородской губ.

Коровы держатся въ хозяйствахъ области какъ молочныя животныя и для навоза. Молоко, за удовлетвореніемъ потребностей семьи, сбывается или въ непереработанномъ видѣ, вблизи городовъ, или въ видѣ сыра и преимущественно масла. Сыровареніе и маслодѣліе особенно стали развиваться и улучшаться въ послѣдніе годы, съ начала 70-хъ годовъ. До этого времени крестьяне готовили самое плохое и малоцѣнное, топленое русское, или такъ-называемое чухонское масло. Теперь же во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ Бѣжецкомъ, Весьегонскомъ, Корчевскомъ и Кашинскомъ уѣздахъ, Тверской, Пошехонскомъ, Мологскомъ, Рыбинскомъ, Любимскомъ, Романовскомъ, Ростовскомъ, Углицкомъ и Даниловскомъ, Ярославской, и Буйскомъ и Галичскомъ, Костромской губерній, существуетъ множество крестьянскихъ, а также помѣщичьихъ маслодѣленъ, на которыхъ выдѣлываются высокіе сорта масла — голштинское, свѣжее сливочное и проч. Существуетъ также не мало сыроваренъ швейцарскаго, голландскаго и англійскаго (честеръ) сыровъ. Маслодѣліе и сыровареніе начинаютъ распространяться и въ другихъ губерніяхъ области. Улучшенное молочное хозяйство является тамъ, гдѣ условія для хорошаго содержанія скота болѣе благопріятны, то-есть гдѣ есть достаточное количество луговыхъ и пастбищныхъ угодій. Наконецъ, овца, для домашняго хозяйства крестьянина Московской области, имѣетъ весьма важное значеніе и какъ производительница удобренія, и какъ

животное, дающее хотя и рѣдко появляющуюся на столѣ его мясную пищу, а главное какъ производительница матеріала крестьянской одежды. Овцеводство также является частью тѣсно связанною со всѣмъ строемъ цѣлаго хозяйства и не составляетъ самостоятельной отрасли.

Знакомство съ сельскимъ хозяйствомъ разсматриваемаго здѣсь района приводитъ къ заключенію о неудовлетворительномъ его положеніи здѣсь, но указываетъ и на существованіе многихъ данныхъ для его успѣшнаго развитія, которое необходимо уже потому, что хотя обработывающая промышленность Московской области развита болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другой мѣстности Россіи, а все-таки для ея населенія главнѣйшимъ источникомъ существованія является сельское хозяйство.

В. Котельниковъ.

ОЧЕРКЪ II.

ВЕЛИКОРУССКОЕ ПЛЕМЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.

Домашній и хозяйственный бытъ крестьянъ.—Сельскохозяйственные работы и промыслы.—Обычаи и развлеченія.—Кустарная промышленность.—Павлово и Ворсма; ихъ металлическое производство.—Мстера и Палеха; иконопись и производство лубочныхъ картинъ.

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и безсильная,
Матушка-Русь!

Въ рабствѣ спасенное
Сердце свободное—
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая:
Совѣсть спокойная,
Правда живучая!

Н. А. НЕКРАСОВЪ.

ОДНООБРАЗНОЙ, мѣстами безлѣсной равниной протянулась Великорусская область. Нѣтъ на ней горъ, нѣтъ прозрачныхъ озеръ, нѣтъ цвѣтущихъ долинъ, нѣтъ бездонныхъ пропастей; ровна она, уныла, нечѣмъ плѣнить ей глазъ усталаго путника. А люба она, дорога она русскому сердцу. Много видѣла она, много выстрадала она, много послужила она Русской землѣ. Здѣсь въ первые вѣка русской исторіи положено было начало нашей гражданственности. Въ Твери и Ярославлѣ, Ростовѣ и Владимірѣ, Нижнемъ и Москвѣ брошены были сѣмена городской жизни, городской промышленности. Въ ея водахъ поили коней своихъ дикія татарскія полчища. На Сити и при Козельскѣ была унижена и порабощена раздробленная Русь. Здѣсь мудрые московскіе князья собирали во едино Русскую землю. Здѣсь были разорваны татарскія грамоты и уничтожено татарское иго. Здѣсь обагрялась земля кровью поляковъ и литвы. Здѣсь гражданинъ Мининъ, мужественный и смиренный, поднялъ на иноплеменниковъ всю Русскую землю. Здѣсь работали на пользу отчизны великіе пастыри Руси: Петръ, Алексій, Филиппъ, Сергій. Здѣсь въ обителяхъ хранятся наши святыни. Здѣсь что ни шагъ, то воспоминанія, грустныя и отрадныя. Исторія говоритъ и на Куликовомъ полѣ, и на берегахъ Волги и Оки, и съ Кремлевскихъ стѣнъ Москвы, Ярославля и Владиміра.

Эту равнину населяетъ великорусское племя. Въ городахъ сказались европейскія новшества. Города измѣнили свой обликъ; города отступили отъ завѣтовъ предковъ. А деревни цѣпко

держатся старины. Старые вѣковые обычаи удержались среди сельскаго люда. Тѣ-же незатѣйливыя избы съ соломой на крышахъ и рѣзьбой на окнахъ, какія искони видѣла русская деревня. Тѣ-же паневы и душегрѣйки. Тѣ-же лавки вдоль стѣнъ; тотъ-же печной горшокъ, тѣ-же работы, забавы и обряды.

Рано встаетъ крестьянинъ лѣтомъ, встаетъ онъ, чуть занялась зорюшка. Потянется онъ раза два на своемъ жесткомъ ложѣ—скамейкѣ, зѣвнетъ, перекреститъ ротъ, осѣнитъ себя трижды крестнымъ знаменіемъ, положитъ три поясныхъ поклона—въ рабочій день ему некогда много молиться—и, какъ спалъ, въ рубахѣ и портахъ, взявъ на случай полушубокъ, идетъ въ поле. Любитъ онъ землю, свою кормилицу. Въ потѣ лица онъ пашетъ ее, не жалѣетъ силъ,

Сборъ картофеля.—Рисунокъ А. Афанасьева.

раскидываетъ на пару навозъ, старательной рукой бросаетъ зерно. Онъ любитъ землю, потому что земля кормитъ его; много ли мало даетъ она ему,—онъ знаетъ, что у него и хлѣбъ свой, и гречиха своя, и капуста своя. Плохи будутъ зимніе заработки, негдѣ будетъ добыть денегъ,—свой хлѣбъ будетъ ему подспорьемъ. И работаетъ онъ въ полѣ съ ранняго утра до поздняго вечера, отъ зари до зари. Полевыя работы въ Великороссіи начинаются съ апрѣля. 23 апрѣля—въ Юрьевъ день—кладется работамъ начало. Цѣлый май длится сѣянье яровыхъ хлѣбовъ; оно захватываетъ даже начало іюня. 13 іюня празднуется память мученицы Акилины. Это крайній срокъ посѣва гречихи. Не даромъ народъ прозвалъ св. Акилину гречичницей. Она—покровительница гречихи. Кто не посѣетъ въ этотъ день, тому не будетъ добра: тотъ не соберетъ обильной жатвы. Вторая половина іюня занята поднятіемъ пара, паханіемъ подъ озимый хлѣбъ. Приходитъ праздникъ Петра и Павла, а съ ними приходитъ и новая забота

4*

Сборъ картофеля.—Рисунокъ А. Афанасьева.

крестьянину. На низкихъ мѣстахъ трава созрѣла, «хочетъ косы». Покосъ — горячее время. Вся деревня отъ мала до велика, и 14-лѣтніе парнишки и древніе старики, берутся за косы. Вездѣ раздается мѣрное визжаніе косы и оселка. Ржа отходитъ и, какъ серебро, блеститъ коса-матушка. На утренней зарѣ уже деревня пуста. Все мужское населеніе высыпало въ луговины и на облоги. Ночная влага смягчила траву; блеститъ на ней роса разноцвѣтными искрами. Спѣшно работаетъ мужикъ; онъ торопится скосить, пока не взошло солнышко и не высушило травы. Въ одинъ звукъ сливается звяканье десятковъ косъ. Ровными рядами ложится трава. Крѣпко работаютъ сухія, жилистыя руки крестьянина. Взятый изъ дому полушубокъ остался далеко позади него. Утро свѣжее, ядреное, а косцу жарко; разстегнулся воротъ его рубахи, крупныя капли пота выступаютъ на лбу, на вискахъ, на смуглой груди; шапка свалилась, а крестьянинъ коситъ безъ устали, чтобы задолго до полудня кончить ра-

Великорусская соха.—Рисунокъ Н. Каразина.

боту. Казанская, праздникъ Казанской Божьей Матери, приноситъ новыя заботы; но заботы эти бабьи; это бабій праздникъ. Рожь созрѣла, колосъ налился и нагнулся къ землѣ. Бабы оставляютъ ребятишекъ, оставляютъ печные горшки, вынимаютъ изъ клѣти серпы и отправляются въ поле. Но эта работа иного рода. Жарко идетъ косьба; она требуетъ крайняго напряженія мышцъ. Медленнѣе, вялѣе работаютъ жницы, и только однообразная русская пѣсня оживляетъ работу. Покосъ длится вплоть до осени. Посѣвомъ озимаго и уборкой яроваго заканчиваются работы, и къ Покрову крестьянинъ возвращается съ поля въ избу. Передъ нимъ молотьба и зимніе промыслы.

Жилища крестьянъ на всемъ пространствѣ обширной Великороссіи отличаются однимъ и тѣмъ же характеромъ. Бо́льшая часть селеній представляютъ довольно правильный четыреугольникъ. Въ небольшихъ деревняхъ только одна улица. На нее выходятъ лицевыя стороны избъ. Улицы довольно широки и прямы. Въ многолюдныхъ селеніяхъ, кромѣ главной улицы,

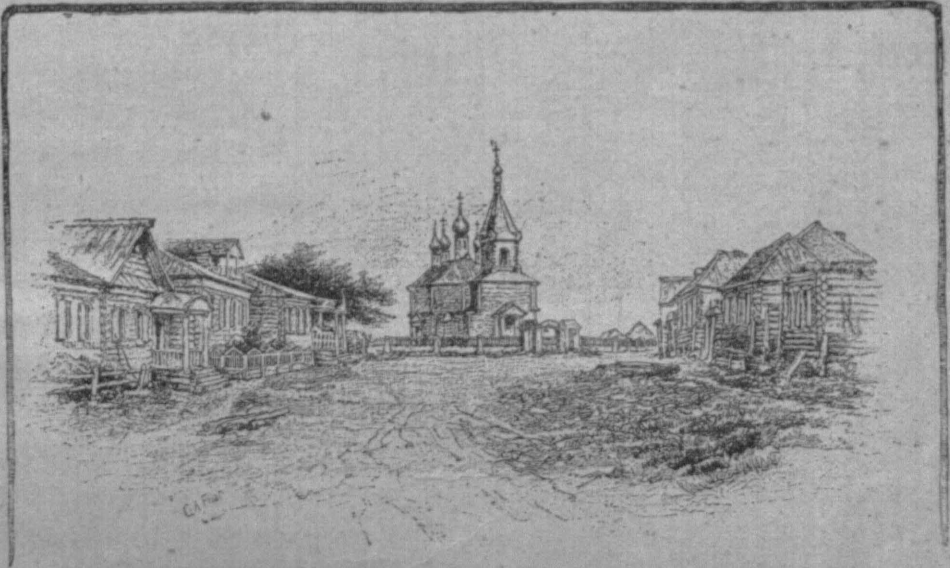
Великорусская соха.—Рисунокъ Н. Каразина.

есть нѣсколько поперечныхъ, пересѣкающихъ большую подъ прямымъ угломъ. Усадьба крестьянина занимаетъ четырехугольную площадь, продолговатую, выходящую узкой стороной на улицу. Главное строеніе—изба. Въ одну линію съ нею идутъ ворота. Изба состоитъ у крестьянъ, сколько-нибудь зажиточныхъ, и особенно въ сѣверныхъ великороссійскихъ губерніяхъ, изобилующихъ лѣсомъ, изъ двухъ построекъ, соединенныхъ холодными сѣнями. Въ одной избѣ, выходящей на улицу, живетъ крестьянинъ съ своей семьей. Въ другой—онъ иногда живетъ лѣтомъ; зимой же она служитъ клѣтью, чуланомъ, въ которомъ хранится имущество. Часто въ ней нѣтъ печки. Величина избы соразмѣряется и съ имуществомъ крестьянина, и съ дешевизной строевого матеріала; отсюда,—въ лѣсныхъ мѣстностяхъ болѣе обширныя избы, квадратныя, въ 12 и 14 аршинъ. Въ губерніяхъ безлѣсныхъ онѣ обыкновенно 8-аршинныя, рѣдко 10, иногда же не превышаютъ 6-ти аршинъ.

Въ мѣстностяхъ, какъ Московская губ., гдѣ строевой матеріалъ дорогъ, для избъ идетъ мелкій лѣсъ, не болѣе 4 и 5 вершковъ въ поперечникѣ. Избы не высоки; обыкновенно внутренняя вышина ихъ не превосходитъ 4 арш., часто даже $3^1/_4$. Главная принадлежность избы—большая русская печь, занимающая $^1/_6$ до $^1/_4$ всего помѣщенія. Въ послѣднія 2 десятилѣтія устраиваются преимущественно печи съ трубами. Но, при недостаточно хорошемъ устройствѣ, онѣ плохо грѣютъ и не защищаютъ стѣнъ отъ сырости. Этимъ соображеніемъ руководятся многіе крестьяне при удержаніи курныхъ избъ: наши печи не имѣютъ трубъ. Не привыкшему вдыхать дымъ атмосфера курной избы невыносима. Но легкія крестьянъ приспособились къ ней. Выходя изъ печи, дымъ наполняетъ избу. Будучи противугнилостнымъ средствомъ, дымъ уничтожаетъ въ избѣ вредныя испаренія, сушитъ стѣны и очищаетъ воздухъ. Угаръ умѣряется токомъ воздуха, проникающимъ чрезъ отворенную дверь. Въ избѣ прорѣзываются три окна на улицу и часто одно на дворъ. Вышина окна рѣдко превосходитъ 12 вершковъ, ширина—8. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы уменьшить расходъ на стекло. Рамы состоятъ изъ 4 клѣтокъ; стекло, вставляемое въ нихъ, похоже на слюду. Замѣчаніе, что въ крестьянскихъ избахъ нѣтъ цѣльныхъ стеколъ, а склеенные осколки, стало почти стереотипнымъ. Въ переднемъ углу избы помѣщается образница изъ досокъ, окрашенныхъ въ темно-красный или коричневый цвѣтъ. На стѣнѣ небольшой шкапъ съ незатѣйливой посудой, полудюжиной тарелокъ, чашекъ, парой ножей и вилокъ. Стѣны въ избахъ поселянъ болѣе зажиточныхъ, знакомыхъ съ городскимъ житьемъ-бытьемъ, увѣшиваются или оклеиваются картинами. Чего только не найдешь среди этихъ картинъ: и лубочные Бовы Королевичи, и пораженія Георгіемъ Побѣдоносцемъ змѣя, и Куликовскія битвы, и сраженія подъ Альмой и Инкерманомъ, и главнѣйшіе эпизоды изъ священной исторіи, и портреты знатныхъ и высокопоставленныхъ лицъ. Въ избахъ деревенскихъ богачей встрѣчаются даже литографированные виды русскихъ и иностранныхъ городовъ. По стѣнамъ тянутся лавки; ложемъ же для хозяевъ и ихъ дѣтей служатъ полати—деревянный помостъ на 4-хъ брускахъ, устраиваемый обыкновенно довольно высоко отъ пола. Въ углу подъ

Главная улица небольшой деревни Московской губ.

Главная улица небольшой деревни Московской губ.

образами стоитъ тяжелый некрашеный столъ. Кровати и стулья встрѣчаются у крестьянъ только какъ исключеніе. У двери стоитъ лохань и надъ ней глиняный рукомойникъ. Изба служитъ столовой, гостиной, спальней и рабочимъ помѣщеніемъ.

Качество и удобство надворныхъ построекъ соотвѣтствуютъ невеселому виду избы. Сельскія общества дорожатъ каждымъ клочкомъ земли, а потому крестьянскіе дворы очень тѣсны. Они рѣдко превышаютъ 100—150 квад. саж. Хлѣвъ устраивается вдоль забора параллельно съ избой. Одной стѣной ему служитъ заборъ; другая же дѣлается изъ досокъ, теса, а иногда и плетня. Здѣсь помѣщается весь скотъ крестьянина: лошади, коровы и овцы. Къ хлѣву пристраивается небольшое отдѣленіе для куръ; свиньи также помѣщаются отдѣльно. Крыша хлѣва

Вечеръ въ деревнѣ.—Картина В. Казанцева.

выходитъ за его стѣны и образуетъ навѣсъ, подъ которымъ ставятся телѣги, сани и земледѣльческія орудія. На окраинѣ двора у многихъ крестьянъ строится баня. Баня — низенькое, 4-аршинное строеніе изъ легкаго лѣса—можетъ исполнять свое назначеніе только въ быту невзыскательнаго крестьянина. Она не имѣетъ трубы; дымъ дѣлаетъ ея стѣны черными, способными скорѣе пачкать тѣло, нежели содѣйствовать его очищенію. За дворомъ «на задахъ» стоитъ житница и рига. Нерѣдко въ ригѣ только печь-овинъ помѣщается въ деревянномъ строеніи; тотъ же глиняный полъ, на которомъ молотится зерно, прикрывается однимъ навѣсомъ. Крыши на всѣхъ постройкахъ крестьянъ дѣлаются въ южной полосѣ Великороссіи изъ соломы, а въ сѣверной — изъ теса. Людямъ, незнакомымъ съ сельскимъ бытомъ, бросается въ глаза быстрота, съ какою строится крестьянинъ. Всякій крестьянинъ-земледѣлецъ владѣетъ топоромъ. Только въ пригородныхъ селеніяхъ, да въ деревняхъ съ развитой обрабо-

Вечеръ въ деревнѣ.—Картина В. Казанцева.

тывающей промышленностью плотничья работа специализировалась въ особое ремесло. Въ селеніяхъ же, отдаленныхъ отъ городовъ и чисто земледѣльческихъ, крестьянинъ самъ строитъ избу, какъ пашетъ или коситъ. Если въ семьѣ есть трое взрослыхъ мужчинъ, то изба можетъ быть выстроена и покрыта въ теченіе 2 недѣль. Надворныя строенія воздвигаются еще быстрѣе. Конечно, отъ такой плотничьей работы нельзя ждать доброкачественности. Изъ подъ половъ дуетъ, крыши часто даютъ течь. Стоимость избы со всѣми принадлежностями достигаетъ 150—200 р.

Крестьянка Орловской губерніи.
(Съ акварели Тимма).

Про лѣтнюю одежду крестьянина много говорить не приходится: рубаха и порты у мужчины и рубаха и юбка у женщины. Внѣшняя теплота и постоянное движеніе дѣлаютъ обувь излишнею, а потому лѣтомъ крестьяне ходятъ босикомъ. Только на покосѣ они надѣваютъ лапти или сапоги, чтобы предохранить себя отъ укушенія змѣй, незамѣтныхъ въ высокой травѣ. Головнымъ уборомъ служитъ мужчинамъ картузъ или войлочная шляпа, женщинамъ—платки изъ ситца. Зимнюю одежду мужчинъ составляетъ армякъ изъ толстаго сукна домашняго ткачества, бѣлаго, сѣраго и чернаго цвѣта. Сверхъ этого надѣвается длинная нагольная шуба; болѣе зажиточные покрываютъ шубу чернымъ или синимъ сукномъ. Шапка и кожаныя рукавицы съ варешками внутри одинаковы во всей Великороссіи. Обувью служатъ онучи изъ холста или шерсти, а сверху валеные сапоги, достигающіе до колѣнъ. Женщины надѣваютъ зимою сверхъ юбки короткую шубу, шушунъ, и повязываютъ голову шерстянымъ платкомъ. Но крестьянинъ имѣетъ для праздниковъ другую одежду. Будничная часто рвется, пачкается; праздничную же онъ бережетъ: нерѣдко она служитъ ему всю жизнь и передается по наслѣдству дѣтямъ не совсѣмъ изношенною. Если рабочая одежда лѣтомъ едва прикрываетъ наготу крестьянина, то праздничная довольно сложна и часто несоотвѣтственно тяжела и тепла. Для праздничныхъ рубахъ мужчины наиболѣе охотно выбираютъ красный цвѣтъ; онъ бросается въ глаза, а все рѣзко выдающееся удовлетворяетъ чувство изящнаго нашего крестьянина. Сверхъ рубахи онъ надѣваетъ суконную или плисовую жилетку съ металлическими пуговицами и такія же шаровары. На жирно намасленныхъ волосахъ покоится или войлочная шляпа

Крестьянка Орловской губерніи.

(Съ акварели Тимма).

съ высокой тульей или суконный картузъ. Праздничный армякъ — длинный двубортный сюртукъ синяго сукна съ тальей значительно шире пояса. Но главнымъ предметомъ щегольства служитъ обувь. Чѣмъ длиннѣе сапоги на молодомъ парнѣ, чѣмъ ярче блестятъ они, тѣмъ франтоватѣе выступаетъ онъ передъ дѣвушками. На праздничные сапоги крестьянинъ не жалѣетъ денегъ; онъ платитъ, не скупясь, 9—10 рублей за пару. Въ Московской губерніи мнѣ нерѣдко приходилось встрѣчать деревенскихъ щеголей, надѣвающихъ въ 30-градусный іюльскій день сверхъ сапогъ калоши. Это производитъ пріятное впечатлѣніе на крестьянскихъ дѣвушекъ. Конечно, калоши и сапоги служатъ только украшеніемъ и надѣваются въ сухую погоду. Стоитъ пойти дождю,—и сельскій щеголь снимаетъ сапоги, насаживаетъ ихъ на палочку и несетъ за плечами, боясь замарать праздничную обувь. Женскій воскресный нарядъ такъ же рѣзко отличенъ отъ будничнаго. По отношенію къ женскому наряду Великороссію можно раздѣлить на 2 полосы. Одна заключаетъ въ себѣ значительную часть Московской губерніи и наиболѣе промышленныя мѣстности Владимірской и Ярославской. Здѣсь національная одежда уже уступаетъ мѣсто международной. Въ подмосковныхъ селеніяхъ можно встрѣтить крестьянокъ въ платьяхъ, шляпахъ и съ зонтиками въ рукахъ; нитяныя перчатки дополняютъ городской нарядъ. Близость столицы, частыя съ нею сношенія, знакомство съ мѣщанами и мѣстнымъ купечествомъ побуждаютъ подгородныхъ крестьянокъ усвоивать городскіе костюмы. Отдаляясь отъ центра, мы находимъ смѣшеніе городского наряда съ національной одеждой. Верстъ за 50 отъ Москвы, въ уѣздахъ Богородскомъ, Бронницкомъ и другихъ крестьянки не носятъ шляпъ и зонтиковъ, но сарафанъ замѣтно измѣнилъ свой покрой подъ вліяніемъ платья горожанки: о немъ напоминаютъ только тальи, находящіяся гораздо выше пояса; длинные же рукава и высокій воротъ, очевидно, городского происхожденія. Мѣстности, лежащія по Волгѣ, вдали отъ городовъ, удержали почти въ неприкосновенности великорусскій сарафанъ съ короткими и широкими рукавами, съ грудной выемкой на шеѣ. Сарафаны дѣлаются изъ ситцевыхъ тканей. Шею женщина украшаетъ въ праздникъ бусами, нитками янтаря; въ зажиточныхъ же семьяхъ встрѣчаешь и жемчужныя ожерелья, переходящія изъ рода въ родъ. По верхнему теченію Волги женщины носятъ красивые высокіе кокошники. Кокошникъ вышивается шерстью или шелкомъ и унизывается разными каменьями, иногда жемчугомъ; зажиточныя крестьянки вышиваютъ серебромъ. Къ кокошнику прикалывается покрывало. Такой уборъ очень нарядѣнъ и очень идетъ къ молодымъ миловиднымъ лицамъ.

Деревенскій караульщикъ (паскотникъ).

Извѣстно всѣмъ, какъ ревниво соблюдаетъ посты крестьянинъ. Да и въ скоромные дни пища его, въ большинствѣ случаевъ, походитъ на трапезу строгаго монаха. Недостатокъ луговъ во многихъ мѣстностяхъ позволяетъ содержать только небольшое количество скота. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ Московской губ. оказывается только 12 коровъ на 10 крестьянскихъ домовъ. Плохой кормъ дѣлаетъ скотъ малодойнымъ. Вслѣдствіе этого большинство крестьянскихъ селеній имѣютъ такъ мало молока, что его недостаетъ и домашнимъ. Мясо слишкомъ дорого. Крестьянинъ закалываетъ ежегодно одну свинью и лакомится ея мясомъ

Деревенскій караульщикъ (паскотникъ).

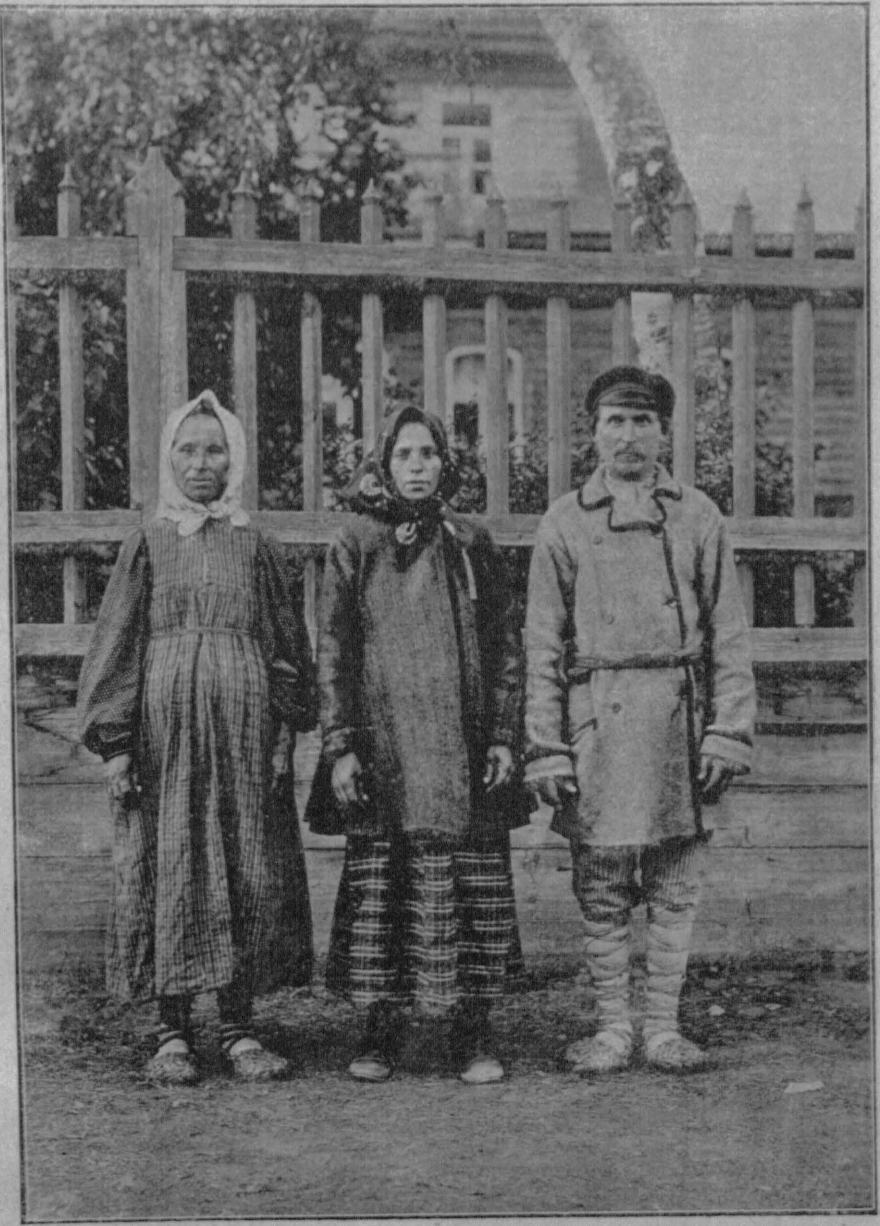
по праздникамъ. Въ рабочіе же дни пища его состоитъ исключительно изъ растительныхъ веществъ: хлѣбъ, гречневая каша съ конопляннымъ масломъ, овсяная или картофельная похлебка, щи, борщъ, кислая капуста—вотъ все, что служитъ для его скромнаго стола. Похлебка, или горячее, какъ ее обыкновенно называютъ крестьяне, и то уже считается лакомствомъ. Крестьяне лишены ея во время полевыхъ работъ. Отправляясь въ поле, поселянинъ кладетъ въ котомку краюху ржаного хлѣба фунта въ 2 или 3 и пару десятковъ картофеля. Этимъ и ограничивается его обѣдъ, такъ какъ часто некому принести ему изъ дому каши или похлебки.

Безъ устали работая плугомъ, крестьянинъ заслуживаетъ праздничный отдыхъ. Наступленіе праздника замѣтно еще наканунѣ. Послѣ полудня хозяйка принимается за усердную чистку избы, чтобы встрѣтить «Божій день» подобающимъ образомъ. Вымываются лавки, столъ, полъ, выпаривается утварь. Съ вечера дѣловитая хозяйка мѣситъ тѣсто къ праздничному пирогу. Мужчины оставляютъ работу парой часовъ раньше, чтобы помыться и попариться въ банѣ. У кого бани нѣтъ, тотъ моется въ печкѣ. Печка предварительно топится, труба закрывается, и всѣ члены семьи поочередно влѣзаютъ въ нее, чтобы вдосталь попариться, отвести душу. Намъ, привыкшимъ къ удобствамъ городской жизни, этотъ способъ кажется въ высшей степени неподходящимъ; но крестьянинъ не ощущаетъ неудобства. Притворяя заслонку, онъ усердно хлещетъ себя вѣникомъ, переворачивается съ боку на бокъ и находитъ эту первобытную баню вполнѣ соотвѣтствующей желанной цѣли. Вымывшись и надѣвъ чистую рубаху, крестьянинъ ужинаетъ и крѣпко засыпаетъ въ ожиданіи церковнаго призыва.

Типы крестьянъ Тверской губ. (фотографія съ натуры).

Невысоко взошло солнце, а съ сельской колокольни уже раздается благовѣстъ къ заутрени. Быстро встаютъ поселяне, одѣваются въ праздничное платье и наполняютъ церковь до прихода «батюшки». Чинно стоятъ они, усердно осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, усердно кладутъ земные поклоны. Перемигиванье и глазѣнье по сторонамъ, вошедшія въ городахъ въ привычку, неизвѣстны сельскому люду; весь приходъ внимаетъ церковной службѣ. Русскій крестьянинъ любитъ посѣщать храмъ Божій. Безъ заутрени и обѣдни для него и праздникъ не въ праздникъ. Если въ селеніи нѣтъ церкви, то крестьянинъ идетъ за нѣсколько верстъ;

Типы крестьянъ Тверской губ. (фотографія съ натуры).

только зимнія мятели да распутица весной и осенью удерживаютъ его дома. Каждое церковное празднество совершается при участіи всего прихода. Сильны январскіе морозы, а крестьянинъ не пропуститъ крещенскаго водосвятія. Выходитъ изъ храма крестный ходъ, торжественно направляется къ Іордани; крестьяне благоговѣйно несутъ хоругви, образа и зачерпываютъ воду изъ освященной проруби. Мѣстами еще сохранился стародавній обычай омовенія святочныхъ грѣховъ въ Іордани. Ревнуя объ очищеніи грѣховъ, крестьянинъ пренебрегаетъ крещенской стужей, сбрасываетъ съ себя полушубокъ и окунается въ прорубь. Онъ не думаетъ о простудѣ; онъ вѣруетъ, что волосъ съ главы его не спадетъ безъ воли Божіей. Но съ особеннымъ торжествомъ празднуется въ деревняхъ Воскресенье Христово. Бѣдныя сельскія церкви освящаются разноцвѣтными лампадами. Принося каждый праздникъ 3 коп. на свѣчку, крестьянинъ въ этотъ день ставитъ 2 свѣчки, чтобы выдѣлить Пасху изъ другихъ торжествъ. Съ первыми звуками «Христосъ воскресе», вся паства идетъ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви, всѣ поютъ радостную пѣснь. Кончается служба, освящаются куличи, пасхи и яйца, и церковь оглашается братскимъ цѣлованіемъ поселянъ.

Типъ великорусскаго крестьянина.
(Рисунокъ Нимана).

Послѣ обѣдни наступаетъ пора свѣтскаго праздника. Чинно усаживается вся семья за столомъ, соблюдая старшинство. Хозяйка спѣшитъ съ пирогомъ. Сладокъ кажется крестьянину начиненный гречневой крупой, иногда съ примѣсью снятковъ, пирогъ; сладокъ онъ кажется ему послѣ будничной постной пищи. Праздничный столъ и обильнѣе, и вкуснѣе будничнаго. За пирогомъ слѣдуетъ похлебка съ light кускомъ свинины и солонины, жирная свинина и неизмѣнная гречневая, а иногда и пшенная каша съ коровьимъ масломъ или свинымъ саломъ. Сытно поѣлъ крестьянинъ, выстоялъ 2 церковныхъ службы, и клонитъ его послѣ обѣда ко сну. Старѣйшіе ложатся спать, а молодые парни и дѣвки усаживаются у воротъ, грызутъ сѣмячки, щелкаютъ орѣхи, зубоскалятъ и поютъ пѣсни.

Пожилые крестьяне проводятъ праздникъ степенно. Они посѣщаютъ другъ друга, угощаютъ виномъ, пивомъ, чаемъ, толкуютъ про сельское житье-бытье и чинно расходятся по домамъ. А молодежь имѣетъ свои особыя забавы, соотвѣтствующія времени года. Въ лѣтніе праздники главной забавой молодымъ крестьянамъ служатъ хороводы. На нихъ собирается

Типъ великорусскаго крестьянина.
(Рисунокъ Нимана).

весь цвѣтъ крестьянскихъ дѣвушекъ. Голубые и желтые, красные и розовые сарафаны придаютъ хороводамъ очень нарядный видъ. Дѣвушки берутся за руки; парни образуютъ другой кружокъ. Плавно движется хороводъ то вправо, то влѣво; разносятся пѣсни далеко за деревенскую околицу и раздаются до поздней ночи. Здѣсь оба пола сближаются; здѣсь выдѣляется изъ среды своихъ подругъ нарядная, голосистая и веселая дѣвушка; здѣсь парни высматриваютъ себѣ невѣстъ. Зимой у молодыхъ другія забавы. Хороводы не по времени и вотъ устраиваются засѣдки. Эта забава извѣстна не одной Великороссіи; ее знаютъ и наши южныя области. Засѣдки (онѣ называются мѣстами посидѣлками) устраиваются по извѣстному порядку. Дѣвушки съ осени собираютъ съ зажиточныхъ крестьянъ по пригоршнѣ муки, по парѣ яицъ; иногда добываютъ и мясо. Самая забава устраивается въ какой-нибудь просторной избѣ. Хозяева уступаютъ ее съ тѣмъ, чтобы парни, главные гости на этихъ праздникахъ, угостили ихъ виномъ. Парни приносятъ вино, орѣхи, пряники. Всѣ веселы; говоръ и смѣхъ не умолкаютъ. Деревенскій скрипачъ-самоучка не забываетъ захватить съ собой «музыку», то-есть скрипку. Подъ звуки самодѣльной скрипки весело пляшутъ пирующіе; нерѣдко пляска длится далеко за полночь. Засѣдки принимаютъ и другой видъ, полупраздничный-полурабочій. Дѣвушки собираются къ какой-нибудь хозяйкѣ чесать ленъ. Весело спорится работа. Едва замерцала лучина своимъ тусклымъ свѣтомъ, какъ изба наполняется парнями. Они приходятъ не съ пустыми руками: никого не пустятъ безъ орѣховъ и пряниковъ; иногда приносится и вино. Гребни дружно работаютъ, а парни смѣшатъ дѣвушекъ. Они поютъ пѣсни, забавляютъ дѣвушекъ сказками. Хозяевъ одолѣваетъ дремота, лучина гаснетъ. Пользуясь покровомъ ночи, парни ближе подсаживаются къ дѣвушкамъ, обнимаютъ ихъ. Многіе сельскіе священники Московской и Тверской губерній жаловались мнѣ на засѣдки, видя въ нихъ причину слишкомъ тѣснаго сближенія между полами; это сближеніе нерѣдко ведетъ къ внѣбрачному сожитію и даже разврату. А дѣвушка, увлекшаяся парнемъ, обыкновенно падаетъ въ мнѣніи своихъ односельчанъ; ей трудно найти мужа, когда милый покинулъ ее. Но самое веселое время въ деревнѣ— Святая и масленица. Великорусскій крестьянинъ, подобно жителю города, знакомъ съ маскарадами. Онъ имѣетъ передъ послѣднимъ то преимущество, что веселится неподдѣльно, отъ всей души. Еще за нѣсколько дней до Рождества парни и дѣвушки покупаютъ маски. Если близокъ городъ, то маски являются въ изобиліи. Далеко городъ, негдѣ купить,—всегда въ деревнѣ най-

Перенесеніе чудотворной иконы въ приволжской деревнѣ.

Перепесевіе чудотворной иконы въ приволжской деревнѣ.

дется искусникъ, умѣющій сработать уродливую маску. Чѣмъ маска уродливѣе, тѣмъ болѣе она нравится поселянину. Съ самымъ словомъ «рядиться» онъ соединяетъ понятіе о чемъ-то безобразномъ, выдѣлающемся по безобразію изъ ряда вонъ. И вотъ въ избахъ появляются маски съ огромными носами, съ непомѣрно длинными ушами, оскаленными зубами. Пользуясь гостепріимствомъ владѣльца какой-либо просторной избы, собирается, чуть смерклось, вся молодежь; за ними слѣдуютъ и пожилые, чтобы посмотрѣть на веселье молодости, а иногда и для того, чтобы пуститься въ плясъ, тряхнуть стариной. Ряженые пріѣзжаютъ позднѣе и привозятъ съ собой для угощенія разныя сласти и вино. Не обходится также безъ скрипки, балалайки, гитары или гармоники. Въ самый разгаръ общаго веселья, пѣнія и пляски, широко распахивается дверь, и въ избу вваливается «коза», «медвѣдь» или «нечистый». Весь интересъ сосредоточенъ на мишкѣ и его вожатомъ. Мишку изображаетъ парень, одѣтый въ тулупъ мѣхомъ вверхъ. Онъ медленно переваливается на четверенкахъ, рычитъ, стараясь всѣми силами воспроизвести медвѣдя. Веселая компанія заставляетъ его плясать, пить вино, кланяться. Вожатый, съ длинной бородой изъ чесанаго льна, въ уродливой шапкѣ, потчуетъ мишеньку палочными ударами и потчуетъ иногда такъ больно, что тотъ, забывая роль, почесывается, поругиваетъ вожатаго и этимъ вызываетъ общій смѣхъ. Вмѣстѣ съ мишкой приходитъ иногда смерть въ видѣ уродливой старухи съ косой. Иногда парни играютъ комедію, представляютъ сраженіе; яблокомъ раздора между витязями служитъ красная дѣвица. И вотъ они стараются сперва на словахъ отбить другъ у друга красавицу, а затѣмъ принимаются и за мечи. Нерѣдко парни хотятъ «почестить» кого-либо изъ товарищей. Они ставятъ его въ кругъ, плавно движутся направо и налѣво и припѣваютъ:

На дубчикѣ два голубчика сидятъ,
Сами съ собой разговариваютъ,
Тебя, молодца, выхваляютъ:
„Не сыскать въ свѣтѣ молодца,
Какъ Ивана Алексѣевича".

Эти припѣвы сопровождаются усиленной игрой на балалайкѣ или гармоникѣ. Если парни очень расходились, то подкидываютъ избраннаго и кричатъ ему «ура». Конечно, это славословіе не безкорыстно. Героемъ праздника никогда не выбираютъ бѣднаго парня; чествуются только деревенскіе «богатѣи» и чествуются въ ожиданіи угощенія. И вотъ отличенный парень, красный и потный отъ удовольствія и духоты, посылаетъ за водкой, а иногда надѣляетъ чествившихъ его пятаками. Гаданье наполняетъ вечера дѣвушекъ на Святкахъ. Каждая хочетъ угадать своего суженаго-ряженаго. Дѣвушки берутъ куръ и даютъ имъ клевать крупу. Шибко клюютъ куры—скоро выйдетъ дѣвица замужъ; лѣниво клюютъ—нѣтъ надежды на близкое замужество. Дерутся куры—будутъ и суженые драться за дѣвушку. Будущую судьбу свою дѣвушки опредѣляютъ по хрюканью свиней. Баня также имѣетъ свои примѣты. Дѣвушки идутъ къ банѣ, становятся у двери голой спиной: если чувствуютъ прикосновеніе чего-нибдь мохнатаго, то ждутъ богатой жизни; ощущеніе холода предсказываетъ бѣдность. По звукамъ пересыпающагося хлѣба и шуму мельничныхъ колесъ также отгадываютъ будущую долю. Пускаютъ сученыя нитки въ воду и по извиванію ихъ заключаютъ о доброй и злой судьбѣ. Словомъ, дѣвушки ищутъ примѣтъ во всѣхъ окружающихъ ихъ предметахъ. Весело справляется и масленица; не даромъ называютъ ее въ Великороссіи широкой. Въ виду наступающаго Великаго поста съ его сухоядѣніемъ крестьяне хотятъ торжественно заговѣться на масленицѣ. Хозяйки пекутъ блины, пироги съ яйцами, жарятъ рыбу. Въ послѣдніе дни уже не работаютъ, по крайней мѣрѣ послѣ обѣда. Кто позажиточнѣе, тотъ собираетъ у себя родныхъ и знакомыхъ. Пьютъ и ѣдятъ вдоволь, досыта, по-русски. Послѣ обѣда начинаются забавы. Парни не дремали; они уже заранѣе приготовили горы для катанья, санки, шесты. Весело взбирается молодежь на горы. Парни и дѣвки попарно берутся за длинные шесты и, крѣпко упираясь

въ ледъ, скатываются внизъ. Иной катается цѣлый день и ни разу не оступится. Иному же не везетъ: хочетъ онъ показать дѣвушкамъ удальство свое, какъ вдругъ лукавый шестъ измѣняетъ ему, отскакиваетъ далеко въ сторону, и парень, среди общаго смѣха, растягивается по льду. А упавшему не до смѣха: иногда кости его долго помнятъ масленицу. Въ обширныхъ селеніяхъ дѣлаютъ и карусели въ четверо качелей. Качели—любимая забава молодежи. Сильно взмахиваютъ парни качели; покачиваются и трещатъ столбы, а дѣвушки распѣваютъ пѣсни и подшучиваютъ надъ деревенскими щеголями. Но масленица не празднична безъ катанья на лошадяхъ. Вынимаютъ лучшую упряжь, усердно чистятъ мѣдный наборъ, запрягаютъ крашеныя сани, убираютъ дугу и уздечку цвѣтными тесемками и съ наступленіемъ сумерекъ ухарски мчатся по селу съ пѣснями, смѣхомъ, гиканьемъ. Накатавшись у себя дома, вся компанія направляется въ сосѣднюю деревню и увеличиваетъ мѣстную процессію. По вечерамъ

Въ лѣтній вечеръ.– Типы крестьянскихъ дѣтей Владимірской губ.
(Фотографія съ натуры).

собираются у наиболѣе зажиточныхъ и радушныхъ хозяевъ и весело проводятъ остатокъ вечера.

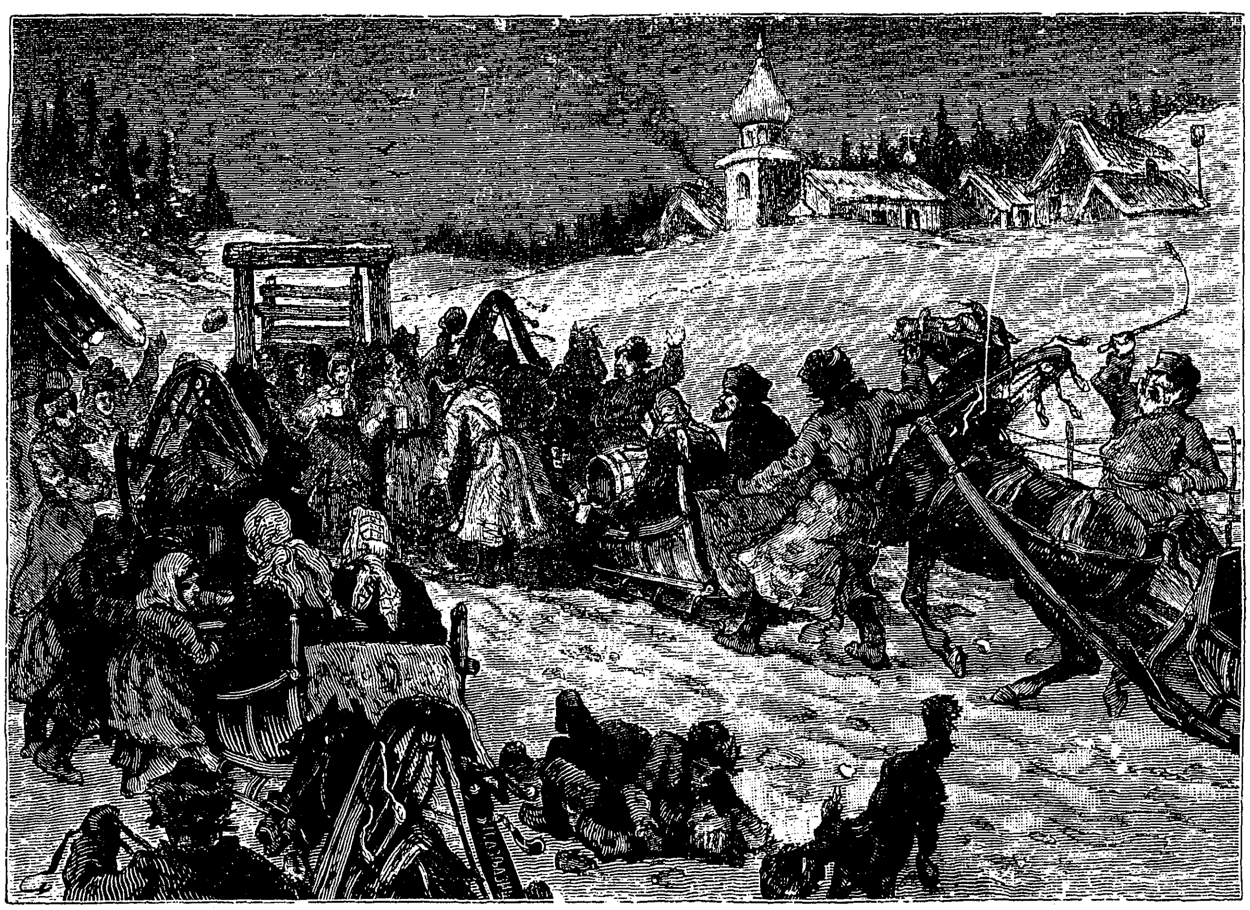
Свадьбу великорусскій крестьянинъ, какъ и представители другихъ классовъ, выдѣляетъ изъ всѣхъ праздниковъ. Свадьба — торжественное событіе. Въ деревнѣ является новая чета, кладется основаніе новому хозяйству. Крестьянинъ женится рано. Едва минуло парню 18 лѣтъ, а дѣвкѣ—16, какъ отецъ и мать замышляютъ женить одного, отдать замужъ другую. Первичная причина ранняго вступленія въ бракъ коренится вовсе не въ одномъ желаніи родителей принять къ себѣ въ домъ, въ лицѣ невѣстки, новую рабочую силу. Причина эта лежитъ во всемъ міровоззрѣніи крестьянина, въ его простомъ, естественномъ отношеніи къ жизненнымъ явленіямъ. Въ то время, какъ представители образованныхъ и полуобразованныхъ общественныхъ слоевъ, съ одной стороны, порицаютъ бракъ лица, не занявшаго опредѣленнаго общественнаго положенія, съ другой,—вооружаясь ученіями будничной морали, громятъ

Въ лѣтній вечеръ.– Типы крестьянскихъ дѣтей Владимірской губ.
(Фотографія съ натуры).

внѣбрачныя связи, крестьянинъ смотритъ окружающимъ его явленіямъ прямо въ лицо. Онъ знаетъ, что съ наступленіемъ возраста возмужалости у человѣка является потребность полового общенія. Онъ знаетъ, что эта потребность, какъ и всѣ другія потребности, коренящіяся въ природѣ человѣка, настоятельно требуетъ удовлетворенія. Онъ знаетъ, что уничтожить ее нельзя, но можно опредѣлить порядокъ ея удовлетворенія. Этотъ порядокъ дается бракомъ. Заключеніе брака при благопріятныхъ условіяхъ служитъ достиженію физіологическихъ цѣлей человѣка, ведетъ къ основанію семьи, прикрѣпляетъ юношу къ его дому, его хозяйству. Въ домѣ работаетъ человѣкъ; въ домѣ-же въ хозяйствѣ остается все, что онъ добылъ своей работой. Слѣдствія удовлетворенія этой потребности внѣ брака прямо противоположны: юноша бѣжитъ изъ дома; онъ не работникъ для своей семьи; все, что добылъ онъ, поступаетъ въ распоряженіе его милой. Такимъ образомъ, бракъ въ глазахъ крестьянина прежде всего служитъ для достиженія цѣлей физіологическихъ. Соображенія хозяйственныя выступаютъ только тогда, когда родители выбираютъ сыну невѣсту. Вводя дѣвушку къ себѣ въ домъ, родители подвергаютъ ее строгой оцѣнкѣ. Скромность и покорность ставятся очень высоко, такъ какъ эти качества ручаются за добрыя отношенія между хозяевами и молодой. Трудолюбіе дѣвушки подкупаетъ родителей и особенно мать, которая предвидитъ возможность сложить съ себя часть хлопотъ по хозяйству. Затѣмъ принимается въ расчетъ и имущественная сторона, состоятельность родителей дѣвушки. Крестьянки, даже въ зажиточныхъ семьяхъ, обыкновенно не получаютъ приданаго деньгами; количество же и качество нарядовъ соразмѣряется со степенью зажиточности родителей. А сердечная наклонность юноши и дѣвушки? Это не входитъ въ соображеніе крестьянина. Для огромнаго большинства крестьянскаго населенія супружескія отношенія да и самое заключеніе брака лишены той поэтической окраски, которая придаетъ столько прелести отношеніемъ между полами. Крестьянинъ относится къ браку вполнѣ реально: «дѣвушка молода, здорова, работяща, нрава тихаго, намъ подходитъ, понравится и сыну», говоритъ онъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ не ошибается. Его Ванюха полюбитъ Аксютку, какъ полюбилъ бы и Дуню. Если дѣвушка имѣетъ довольно миловидную наружность и кроткій нравъ, то она сойдется съ мужемъ. Ни та ни другая сторона не успѣла еще создать какой-либо идеалъ, и потому сердце обоихъ свободно. Нельзя говорить, что браки въ средѣ крестьянъ обыкновенно заключаются насильно; насиліе въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ мѣста; бракъ заключается по волѣ родителей, но не противъ воли дѣтей. Насиліе старшихъ встрѣчается очень рѣдко и обыкновенно влечетъ за собой полное разстройство семьи, побои жены, а иногда и насильственную смерть одной изъ сторонъ. Когда родители порѣшили женить сына, то они выбираютъ въ сваты какого-нибудь почтеннаго по возрасту и положенію въ деревнѣ родственника или пріятеля и поручаютъ ему вести дѣла. Сватъ отправляется въ домъ невѣсты и передаетъ отцу о желаніи такого-то женить сына на дочери хозяина. Если предложеніе кажется хозяину лестнымъ, то онъ въ душѣ тотчасъ же соглашается принять его, но старается не показать вида, не дать свату замѣтить своего удовольствія. Сватъ даетъ хозяину нѣсколько дней для принятія предложенія или отказа. Въ это время мать и дочь узнаютъ о сватовствѣ, а въ назначенный день является сватъ, которому и сообщаютъ рѣшеніе. Свата любезно угощаютъ, но онъ помнитъ, что это только начало дѣла. Нужно условиться о приданомъ, что часто требуетъ немало времени. Въ семьяхъ бѣдныхъ крестьянъ, куда невѣста приноситъ только одинъ праздничный сарафанъ, вопросъ о приданомъ рѣшается самъ собой. Въ семьяхъ состоятельныхъ, могущихъ дать невѣстѣ приданаго рублей на 300, торгъ сторонъ бываетъ иногда и продолжителенъ, и упоренъ. Помню я, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ нечаянно пришлось быть свидѣтелемъ такого торга. Не зная о присутствіи моемъ за легкой досчатой перегородкой, хозяева и сватъ оживленно спорили о приданомъ. Мать пересчитала по пальцамъ всѣ принадлежности приданаго: тутъ были и 6 сарафановъ, и 3 «нѣмецкихъ» платья, и дюжина рубахъ, и лѣтнее пальто, и шуба на заячьемъ мѣху, и многія другія

домашнія вещи. Разстановисто, почти нараспѣвъ пересчитывала хозяйка, стараясь показать нарядную обстановку, которую внесетъ молодая въ домъ свекра. Сватъ слушалъ внимательно; едва хозяйка кончила считать, какъ онъ съ подобающей степенностью спросилъ и объ атласной шубкѣ. «А атласная шубка есть?» На это не послѣдовало отвѣта. «Безъ атласной шубки свадьбѣ не бывать», внушительно замѣтилъ сватъ и приподнялся съ лавки. Тогда начался оживленный торгъ. Мать вынесла суконную шубку, показывала ее гостю на лицо и изнанку, божилась, что передъ этой шубкой всѣ остальныя шубки дрянь. Но сватъ твердо стоялъ на своемъ и до моего уха много разъ доносились слова: «безъ атласной шубки свадьбѣ не бывать». Побѣжденные несговорчивостью старика, хозяева начали высчитывать, во что обойдется атласная шубка. «Я буду говорить, а ты на счетахъ клади», сказала жена мужу. Защелкали косточками счетовъ, и въ итогѣ получилось 40 рублей. Цифра эта такъ озадачила хозяина, что онъ, возвысивъ голосъ,

Крестьянская свадьба въ Ярославской губерніи.—Выкупъ невѣсты.

сказалъ свату: «не бывать, такъ не бывать, а 40 рублей не дамъ.» Опять стали торговаться, опять убѣждать другъ друга. Хозяйка хвалила суконную шубку, а сватъ — жениха, который былъ по его словамъ, первый парень во всей губерніи; «стòитъ онъ, по мнѣнію свата, не одной, а десяти атласныхъ шубокъ». Торгъ длился до поздней ночи и кончился внесеніемъ атласной шубки въ роспись приданаго. Сватъ приноситъ родителямъ жениха извѣстіе объ удачномъ исполненіи своихъ обязанностей. Родители призываютъ сына, передаютъ ему объ окончаніи дѣла, благословляютъ и трижды цѣлуютъ. Юноша становится женихомъ и получаетъ право ходить въ домъ родителей невѣсты. Въ первое же посѣщеніе, на другой день по окончаніи дѣла со сватомъ, жениха и невѣсту благословляютъ. Въ обрядѣ благословенія у крестьянъ нѣтъ ничего выдѣляющаго его изъ обрядовъ у городского сословія. Наканунѣ дня свадьбы справляютъ дѣвишникъ. Невѣста прощается со своей дѣвичьей жизнью. Рано утромъ къ невѣстѣ собираются ея подруги. Онѣ топятъ баню, отправляются туда вмѣстѣ съ невѣстой, рас-

Крестьянская свадьба въ Ярославской губерніи. — Выкупъ невѣсты.

плетаютъ ей косу. Завтра коса должна быть уже раздѣлена на двое. Расплетанье косы сопровождается припѣвами, въ которыхъ невѣста прощается съ своей косой. Припѣвы эти имѣютъ различныя варіаціи, но въ нихъ вы всегда услышите двустишіе:

Ахъ ты, моя косынька, русая коса!
Заплетутъ тебя, косыньку, на двѣ косы.

Въ былое время эти припѣвы сопровождались слезами; но теперь слезы выходятъ изъ обычая, и невѣсты, во время расплетанія косы, имѣютъ самый веселый видъ. Вечеромъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ женихъ. Будущая теща предлагаетъ нареченному и его родителямъ посмотрѣть приданое. Открывается сундукъ, и хозяйка поочередно вынимаетъ изъ него наряды дочери; пристально смотритъ она въ глаза будущихъ сватовъ, желая подмѣтить впечатлѣніе, которое производитъ на нихъ приданое. День свадьбы начинается молебномъ; и женихъ, и невѣста считаютъ обязанностью отслужить молебенъ. Вѣнчанье происходитъ обыкновенно послѣ полудня. Подруги одѣваютъ невѣсту и ведутъ ее вмѣстѣ съ родными въ церковь. Впереди процессіи идутъ 2 дѣвушки съ курами въ рукахъ; куры служатъ символами плодородія и домовитости. Послѣ вѣнчанія новобрачная чета прибываетъ въ домъ молодого. Молодые кладутъ предъ образами три земныхъ поклона и благодарятъ присутствующихъ за поздравленія. Во многихъ семьяхъ сохранился обычай, слѣдуя которому, молодые кланяются родителямъ обѣихъ сторонъ до земли. Первое угощеніе—пирогъ. Его пекутъ изъ лучшей пшеничной муки съ медомъ, изюмомъ и разными сластями. Молодые остаются съ гостями недолго. Если есть другая изба, то въ нее отводятъ молодыхъ и оставляютъ наединѣ. Родные продолжаютъ ѣсть и пить до глубокой ночи. Празднества не ограничиваются днемъ свадьбы; за свадебнымъ пиромъ слѣдуютъ въ домѣ родителей молодого, а иногда и молодой нѣсколько вечеринокъ, служащихъ продолженіемъ свадебнаго торжества.

Не пройдемъ молчаніемъ того учрежденія, которое играетъ замѣтную роль въ жизни деревни. Читатель догадается, что я разумѣю трактиръ. Статистики сообщаютъ точныя числовыя свѣдѣнія о сельскихъ трактирахъ; они стараются опредѣлить количество выпиваемой водки. Публицисты громятъ кабаки въ повременной печати, и многіе, подъ вліяніемъ этихъ сообщеній, считаютъ трактиръ вмѣстилищемъ пьяныхъ; многіе думаютъ, что крестьянинъ ходитъ въ трактиръ только для того, чтобы напиться. Въ трактирахъ деревень пьютъ и напиваются, но это далеко не единственное назначеніе трактира. Онъ служитъ для крестьянина мѣстомъ развлеченія, отдыха, пріятельской бесѣды; онъ служитъ чайной, читальней, клубомъ, мѣстомъ политическихъ преній; онъ служитъ мѣстомъ купли и продажи, мѣстомъ заключенія самыхъ разнообразныхъ гражданскихъ сдѣлокъ. Гдѣ нѣтъ трактира, тамъ нѣтъ средоточія, къ которому тяготѣетъ все мужское населеніе деревни. Какъ типиченъ великорусскій мужикъ съ своей круглой окладистой бородой, съ своими подстриженными въ скобку волосами, съ своей рубахой и армякомъ, такъ типиченъ и сельскій трактиръ. По всему пространству Великороссіи одинъ трактиръ такъ похожъ на другіе, какъ будто всѣ взяли первый за образецъ. Нѣсколько вѣчно грязныхъ крылечныхъ приступковъ ведутъ васъ въ довольно обширную комнату. Въ переднемъ углу иконы въ мѣдныхъ ризахъ, слабо мерцающая лампадка. Вдоль боковой стѣны стойка съ парой бутылокъ водки, полудюжиной пива, солеными огурцами и ломтиками ржаного хлѣба на маленькихъ тарелочкахъ. Отъ двери къ стойкѣ проходъ, а по обѣимъ сторонамъ его столы и стулья; изрѣдка встрѣтишь и клеенчатый поношеный диванъ. Грязенъ полъ, грязны стѣны, грязны столы; еще грязнѣе красныя бумажныя скатерти, которыми мѣстами ихъ покрываютъ. Грязна лампа, тускло освѣщающая трактиръ, грязна посуда, грязна прислуга. Грязно все. Но посѣтители невзыскательны. И въ рабочій день зимой по вечерамъ, и въ праздники, сельскій людъ идетъ въ трактиръ, чтобы «отвести душу». Идутъ старые, идутъ юные; идутъ пьяницы, идутъ трезвые. Много занято столовъ, но только изрѣдка вамъ бросится въ глаза зеленое стекло полуштофа. Большинство посѣтителей скромно спрашиваетъ

«пару чаю», и ловкій мальчишка-половой, небрежно помахивая подносомъ, ставитъ передъ гостями низенькія пузатыя чашки и чайникъ съ полоскательницей. Другая группа гостей спрашиваетъ самоваръ, чтобы вкусить всѣ прелести чаепитія. Посмотрите на русскаго человѣка, когда онъ пьетъ чай, пристально взгляните въ лицо ему, и вы скажете, что въ это время онъ переживаетъ счастливыя минуты. Разнотонно шипитъ самоваръ, чашка за чашкой отправляется въ объемистый русскій желудокъ, лицо пьющаго краснѣетъ, онъ становится веселъ, словоохотливъ. Согрѣваемый душистой китайской травкой, мужикъ братается съ бариномъ; недовѣріе его исчезаетъ: охотно показываетъ онъ закулисныя стороны сельскаго быта, излагаетъ передъ вами все сокровенное. Неумолчно льется въ трактирѣ бесѣда. Одни говорятъ о своихъ домашнихъ дѣлахъ, житейскихъ нуждахъ; другіе пересуживаютъ старшину и старостъ и хотятъ перемѣнъ въ персоналѣ управленія; справа подряжаютъ рабочихъ для рубки дровъ

Крестьянскія дѣти, играющія въ бабки.
(Фотографія съ натуры).

или гонки плотовъ; слѣва ко васъ долетаютъ: «турки, Плевна» и другія громкія имена. А въ самомъ дальнемъ уг.. ,обралась группа мужичковъ-грамотѣевъ. Одинъ, «ученый», держитъ въ рукахъ запоздалый нумеръ газеты и читаетъ своимъ односельчанамъ внутреннюю корреспонденцію. Корреспондентъ говоритъ о неурожаѣ въ одномъ изъ окраинныхъ уѣздовъ, о пожарѣ, истребившемъ полдеревни, о злоупотребленіяхъ сельскихъ властей. Прочитавъ 2 — 3 періода, чтецъ останавливается, даетъ разъясненія и сравниваетъ положеніе описываемой мѣстности съ своей деревней. «Ишь ихъ старшина двѣ тысячи рублевъ, пишутъ, укралъ. Въ оба, братцы, глядѣть надо; и у насъ что-то не ладно; смотрите, не досчитаемся; не досчитаемся, говорю, обчественныхъ суммъ». Съ напряженнымъ вниманіемъ слушаютъ крестьяне грамотѣя-самоучку и дивятся, не надивятся, какъ онъ «не токмо читаетъ, что господа пишутъ, а еще все къ себѣ примѣняетъ, не въ бровь, а въ глазъ колетъ». За внутренней корреспонденціей читается судебный отдѣлъ и горячо обсуждается со-

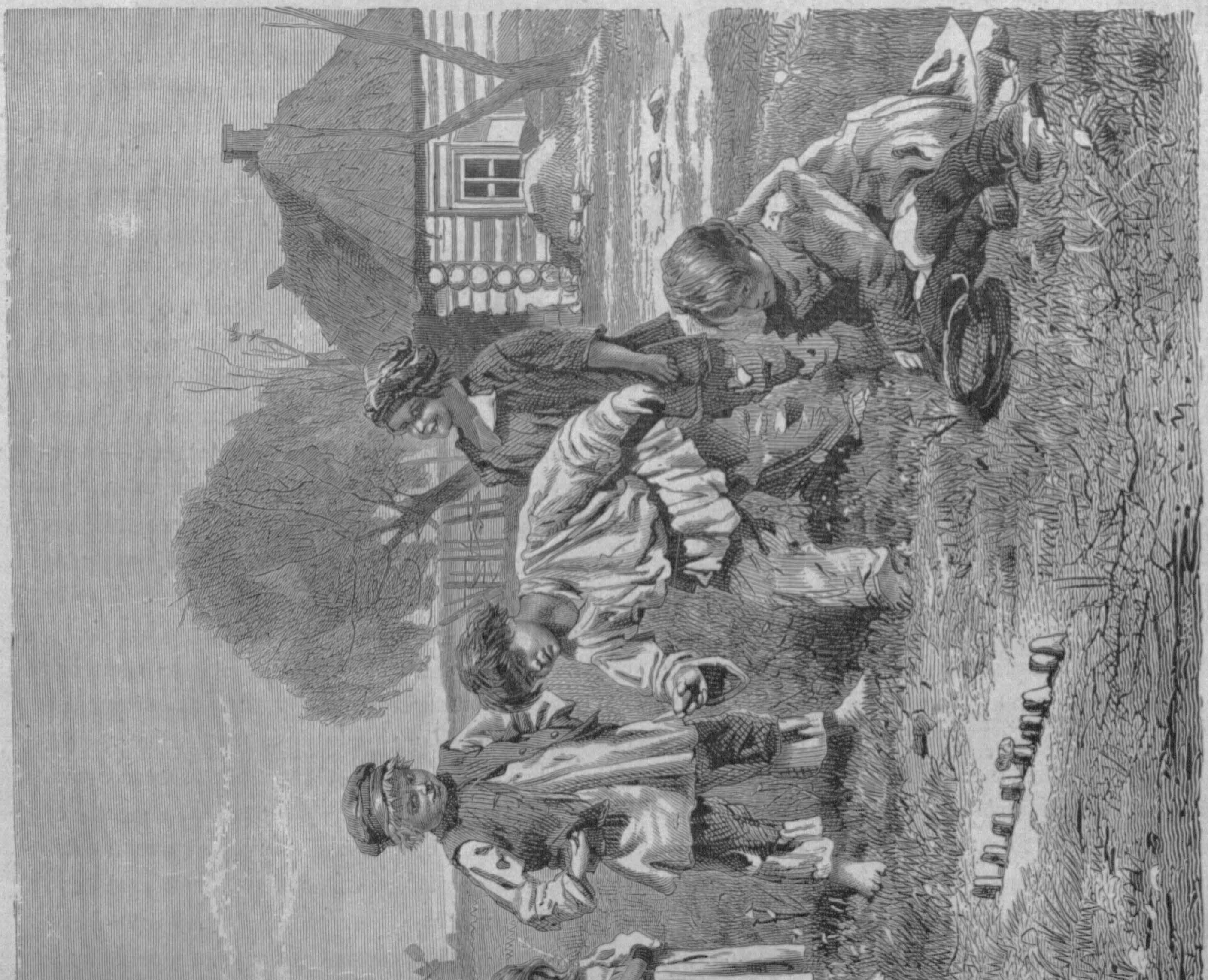
Крестьянскія дѣти, играющія въ бабки.

(Фотографія съ натуры).

вершонное преступленіе... Вдругъ голоса затихли; всѣ глаза обратились къ входной двери; на порогѣ показалась рослая фигура солдата. Этотъ «кавалеръ», герой Плевны и Балканскаго перехода, съ Георгіемъ въ петлицѣ и тяжело раненой рукой на перевязи, приковываетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ. Забыты домашнія печали, забыты грѣхи старшины и старостъ, забыты внутреннія корреспонденціи и судебный отдѣлъ газеты. Всѣ ждутъ, что царевъ слуга въ десятый разъ разскажетъ имъ о подвигахъ русскаго солдатика въ послѣднюю войну. И трактирщикъ, самъ трактирщикъ не ждетъ, чтобы «кавалеръ» спросилъ чего-нибудь: онъ съ почтеніемъ подноситъ ему стаканчикъ водки, закуску и чай. Едва сѣлъ служивый, какъ вкругъ него образуется толпа, жаждущая слышать про невѣрнаго турку, про кровь христіанскую, невинно пролитую, про славные бои, про трудные переходы. Всѣ просятъ «кавалера»; воцаряется молчаніе, и «кавалеръ» начинаетъ. Въ десятый, въ двадцатый разъ говоритъ онъ имъ и о переправѣ черезъ Дунай, и о неудачныхъ битвахъ при Плевнѣ, и о знаменитомъ переходѣ Балканъ. Въ десятый разъ говоритъ онъ имъ о своемъ полковомъ командирѣ, положившемъ голову подъ саблей невѣрныхъ; въ десятый разъ говоритъ онъ имъ, какъ отнялъ знамя и убилъ трехъ турокъ, и какъ самъ генералъ повѣсилъ ему въ петлицу георгіевскій крестъ. Все это слышали мужички, но и въ десятый разъ это радуетъ ихъ не меньше, чѣмъ радовало въ первый. Слушаютъ они, запоминаютъ слова кавалера, стращаютъ туркой неугомонныхъ ребятъ, и въ ихъ памяти запечатлѣваются важнѣйшіе эпизоды новой военной исторіи.

Взрослые трудятся, отдыхаютъ, слушаютъ разсказы раненаго солдата, а крестьянскія дѣти предаются забавамъ, древнимъ, исконнымъ русскимъ забавамъ. Счастливо крестьянское дитя, если оно родилось въ чисто земледѣльческой мѣстности; счастливо оно, если вблизи нѣтъ фабрики, если родители его не вкусили плода отъ преждевременнаго фабричнаго заработка дѣтей. Много лѣтъ играетъ оно пескомъ на косогорѣ сельской улицы, много лѣтъ ловитъ раковъ на песчаныхъ отмеляхъ рѣки. Полной грудью дышитъ оно, дышитъ свѣжимъ воздухомъ деревни. Скудна пища крестьянскаго ребенка, убога одежонка его, и только воздухъ питаетъ его, роститъ его силы; воздухъ влагаетъ въ него задатокъ здоровья, которое никогда не бываетъ удѣломъ работающихъ на фабрикѣ дѣтей. Средства крестьянина слишкомъ скудны, чтобы онъ могъ покупать дѣтямъ игрушки. Онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ изобрѣтательности самихъ дѣтей. Едва началъ ребенокъ ползать, онъ лѣзетъ въ песокъ, копошится въ немъ рученками, складываетъ пирожки, кубики. И зимнія стужи не удерживаютъ его въ тѣсной избѣ; плохо грѣетъ убогая одежонка, жмется и дрожитъ ребенокъ; только рѣзвая игра въ снѣжки согрѣваетъ его. Старшія дѣти, начиная лѣтъ съ 8, съ увлеченіемъ играютъ въ бабки. Бабки ничего не стоютъ: мальчуганъ найдетъ ихъ гдѣ-нибудь въ амбарѣ, подберетъ ровныя, созоветъ товарищей, и игра длится съ утра до захода солнца. Вотъ собралась группа ребятишекъ и не безъ зависти смотритъ на самаго ловкаго изъ своихъ товарищей: онъ цѣлитъ вѣрнымъ глазомъ и не даетъ промаха. Къ играющимъ робко подходятъ младшія дѣти, не участвующія въ игрѣ, и съ любопытствомъ смотрятъ на своихъ старшихъ братьевъ.—Сколько удовольствія испытываетъ крестьянскій мальчуганъ, когда ему удается найти лоскутъ бумаги! Выброситъ проѣзжій старый нумеръ газеты, привезетъ отецъ изъ города гостинцы, завернутые въ бумагу, мальчуганъ завладѣетъ лоскутомъ. Подыщетъ онъ деревянныхъ планокъ, укрѣпитъ ихъ на бумагѣ крестъ-на крестъ, — и змѣй готовъ. Нѣтъ нитокъ, но и этой бѣдѣ можно помочь: парнишка замѣтилъ, куда мать кладетъ пряжу. Заглядѣлась она, — онъ отхватитъ мотокъ, привяжетъ нитки къ змѣю и по цѣлымъ часамъ пускаетъ, прислушиваясь къ его жужжанью.

Недалеко еще то «доброе» старое время, когда крестьянскій ребенокъ проводилъ все дѣтство въ забавахъ, и нерѣдко отъ нихъ переходилъ въ рабочіе члены своей семьи. Полной свободой пользовался онъ до 10—11 лѣтняго возраста, и только тутъ на него возлагались мелкія домашнія работы. Это время для многихъ мѣстностей прошло и прошло безвозвратно. Сталъ

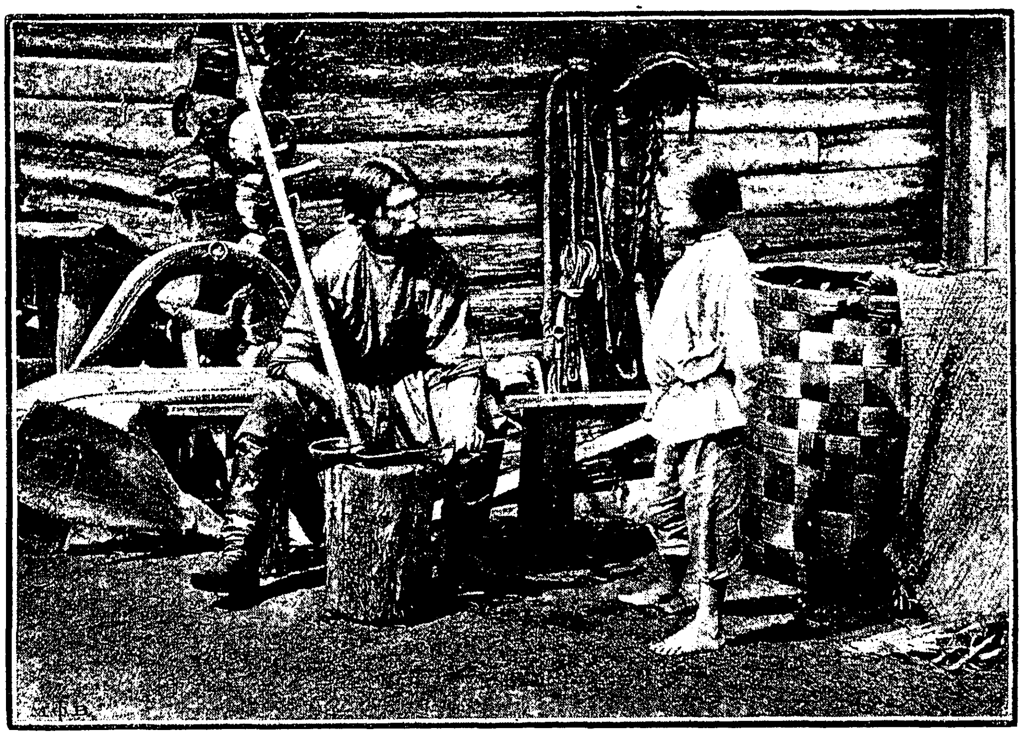
Игра въ бабки.—Картина В. Маковскаго.

мужикъ чаще сталкиваться съ городомъ, сталъ онъ чаще встрѣчать людей грамотныхъ, стали чаще у него являться мысли, что и ему въ его «простецкомъ» быту грамота не лишнее дѣло.

И вотъ, имѣя хотя небольшой достатокъ, крестьянинъ рѣшился обучить грамотѣ дѣтей. Статистика русскихъ школъ далеко не знакомитъ насъ съ ихъ истинной цифрой. Она знаетъ только организованныя школы, только тѣ, которыя построены по опредѣленному образцу, освящены надлежащей властью А сколько на Руси, и особенно въ Великороссіи, школъ домашнихъ, никѣмъ не признанныхъ, никому не извѣстныхъ. Тамъ малосемейная барыня, тяготясь деревенскимъ одиночествомъ, обучаетъ крестьянскихъ ребятишекъ. Ходятъ къ ней 8—10 дѣтей, научаются читать, писать, считать и, извлекая пользу изъ грамоты, съ сердечной благодарностью вспоминаютъ кормилицу-барыню. Тутъ членъ церковнаго причта собираетъ около себя кучку дѣтей, открываетъ псалтирь и въ комнатѣ раздается буки-азъ ба. Но особенный интересъ представляютъ тѣ учительницы самоучки, которымъ народъ въ западной полосѣ Великороссіи далъ удачное прозвище «вѣковѣчныхъ». Это — старыя дѣвы. Исторія всѣхъ ихъ одна и та-же. Не задалась дѣвка: и смирная, и работящая, да «съ лица непригожа» или здоровьемъ слаба. Подходитъ пора выходить замужъ—никто не сватаетъ. Время не ждетъ—перешло за 25; замужъ идти поздно. И вотъ отпрашивается старая дѣва у отца и матери на богомолье, отпрашивается разъ, другой, третій. Обойдетъ она мѣстные монастыри, сходитъ къ кіевскимъ угодникамъ, а то и Соловки навѣститъ. Смиренно стоитъ она въ толпѣ, усердно молится, подтягиваетъ священныя пѣсни, хочется ей самой читать священныя книги, и вотъ она постепенно выучивается грамотѣ. Молодость проходитъ; въ монастырь поступать нѣтъ охоты, не хочется порывать связи съ міромъ; отъ работы руками вѣковѣчная отвыкла; остается одно—учить дѣтей. Въ родной деревнѣ она всегда найдетъ пріютъ; всегда найдутся желающіе учиться. Если въ избѣ у родителей нѣтъ мѣста, сельское общество присудитъ вѣковѣчной какую-нибудь ветхую избенку на краю деревни. Ее посѣщаютъ 10 — 12 дѣтей, а если нѣтъ вблизи школы, то число учениковъ гораздо значительнѣе. Платятъ за ученье неодинаково: одинъ снесетъ 2 рубля въ годъ, другой, побогаче, и 5 рублей. Да, кромѣ того, родители учениковъ не забываютъ дарить учительницу по праздникамъ: кто даетъ сахару, кто чаю, кто платокъ на голову. Обстановка этихъ школъ, порожденныхъ самой деревней, очень скромна. Во всю избу дѣлается столъ изъ грубо сколоченныхъ досокъ, и по всѣмъ сторонамъ его лавки. У вѣковѣчной есть псалтирь, есть азбука, есть иногда какая-нибудь свѣтская книга для чтенія—вотъ и всѣ учебныя пособія. Дѣти ходятъ годъ, другой, третій и кое-какъ выучиваются читать; въ письмѣ и счисленіи вѣковѣчныя сами не сильны, а потому могутъ передать только очень мало своимъ ученикамъ. Иногда, какъ рѣдкое исключеніе, встрѣчаешь вѣковѣчныхъ, усвоившихъ преподаваніе по звуковому методу и четыре правила ариѳметики; это тѣ немногія, которыя, кромѣ выдающихся способностей, отличаются любовью къ дѣтямъ и преданностью избранному занятію. Ихъ дѣятельность приноситъ значительные результаты.

Но, кромѣ этихъ самородныхъ школъ, крестьянскія дѣти имѣютъ теперь организованную земскую школу. Что она такое? Какъ относится къ ней крестьянинъ и его семья? Вѣрный исконнымъ обычаямъ, преданный старинѣ, крестьянинъ боится всего новаго. Онъ знаетъ, что грамота нужна, что прохожденіе курса школы даетъ извѣстныя преимущества его сыну. Но какова будетъ устраиваемая школа? что внесетъ она новаго въ жизнь деревни? — крестьянинъ не знаетъ и задаетъ себѣ эти вопросы не безъ робости. Крестьянскія дѣти привыкли соединять неразрывною связью понятіе о школѣ съ представленіемъ о розгахъ, и потому относятся вначалѣ къ этому учрежденію крайне недружелюбно. Въ рукахъ учителя или укрѣпить недовѣріе однихъ и непріязнь другихъ, или разсѣять эти чувства. Учитель является въ глазахъ крестьянина представителемъ особаго типа. По ученію, по рѣчи, по одеждѣ, онъ баринъ; но съ именемъ барина у крестьянина связано понятіе о чемъ-то стоящемъ внѣ его міра, отдѣльномъ, высшемъ. Съ именемъ барина связано понятіе о лицѣ, которое только изрѣдка, изъ милости входитъ въ сѣрую крестьянскую жизнь или же сталкивается съ нею при исполненіи служебныхъ обязанностей. Не то учитель: онъ посвящаетъ деревнѣ всѣ свои силы, онъ обрекаетъ

себя на служеніе подрастающему крестьянскому поколѣнію. Эта особенность рѣзко выдѣляетъ его изъ господъ. Если учитель понялъ міровоззрѣніе крестьянина, если онъ построитъ свои отношенія къ деревенскому люду согласно съ этимъ воззрѣніемъ, если, сохраняя авторитетъ «ученаго», который охотно признаютъ за нимъ крестьяне, онъ входитъ въ крестьянскую жизнь, чтобы послужить ей, то къ нему скоро будутъ тяготѣть всѣ отцы. Онъ является предъ ними лицомъ свѣдущимъ, способнымъ подать добрый совѣтъ, сообщить имъ полезныя практиче кія свѣдѣнія. Такого учителя они уважаютъ, любятъ, стараются сдѣлать жизнь его возможно удобной и спокойной. Если учитель съ первыхъ же шаговъ разсѣетъ въ дѣтяхъ ласковымъ обращеніемъ боязнь розогъ, то сердца дѣтей принадлежатъ ему. Въ этихъ случаяхъ школа врастается въ сельскую жизнь, становится необходимымъ для нея учрежденіемъ. Охотно посылаютъ родители дѣтей своихъ въ школу, охотно бѣгутъ дѣти, бѣгутъ за 3 — 4 версты, пре-

Выучка, какъ «править» косу.
(Фотографія съ натуры).

небрегая русскимъ морозомъ. Земство дало сильный толчекъ дѣлу народнаго образованія. Многія земскія училища, особенно въ Московской губ. и на Волгѣ, вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію. Вы встрѣчаете обширныя строенія, крытыя желѣзомъ, свѣтлыя, высокія, обильно снабженныя учебными пособіями. Псалтирь уже не служитъ единственнымъ пособіемъ при обученіи грамотѣ; крестьянскій ребенокъ часто имѣетъ къ своимъ услугамъ цѣлую школьную литературу. Общедоступность есть отличительная черта сельской школы. Въ городскихъ училищахъ двери затворяются за учителемъ, вошедшимъ въ классъ, и ни одно стороннее лицо не присутствуетъ при обученіи. Двери сельской школы широко отворены для каждаго. Нерѣдко среди урока въ классную комнату входитъ крестьянинъ, становится у стѣны и внимательно слѣдитъ за преподаваніемъ. Однихъ интересуетъ самый процессъ обученія, кажущійся имъ чѣмъ-то крайне замысловатымъ; другіе идутъ въ школу, чтобы посмотрѣть, «не балуются ли ребята?» А крестьянскій мальчикъ находитъ въ посѣщеніи школы особое удовольствіе.

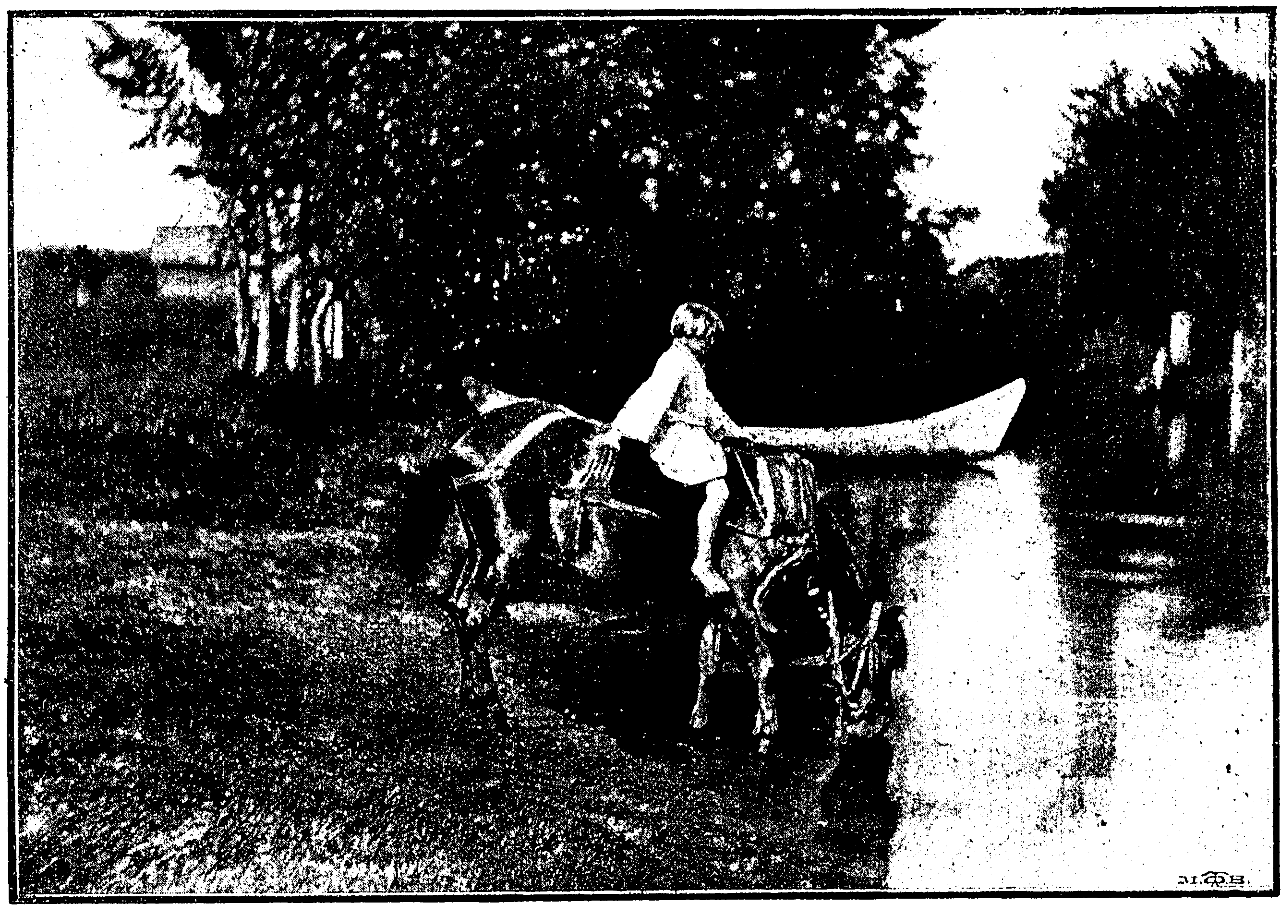
Выучка, какъ «править» косу.

(Фотографія съ натуры).

Нейди онъ въ школу, останься дома—его поставятъ за какую-нибудь домашнюю работу: бросить скоту подстилки, дать корма, вымести избу и исполнять другія, столь же мало привлекательныя обязанности; на него надѣнутъ старенькую, дырявую, загрязненную рубашенку и не дадутъ сапогъ; будетъ онъ работать лѣниво, небрежно—ему не миновать пинковъ отца или матери. Иная обстановка ждетъ его въ школѣ: отправляя его туда, мать осмотритъ, чтобы одежда его была въ порядкѣ, рубаха чиста и не дырява, чтобы на ногахъ у парнишки были сапоги. Многіе отцы не посылаютъ дѣтей въ школу, объясняя это невозможностью «прилично» одѣть и обуть ихъ; не хочетъ ихъ самолюбіе примириться съ мыслью, что дѣти ихъ будутъ «голышами» по сравненію со своими сверстниками. Но заботы о дѣтяхъ, посѣщающихъ школу, не ограничиваются этимъ: мать спѣшитъ спозаранку напоить ихъ чаемъ даже въ тѣхъ случаяхъ, если сама пьетъ чай только по праздникамъ. Она полагаетъ, что сынъ будетъ «ученый», что онъ будетъ имѣть дѣло съ «господами». Наконецъ, сборы кончены, мальчикъ пришелъ въ училище. Здѣсь и помѣщеніе просторно и свѣтло, и сидѣть нехолодно, и учитель обращается привѣтливо, словомъ, съ внѣшней стороны здѣсь все много лучше, чѣмъ дома, въ своей семьѣ. Но это не ограничивается одной внѣшней стороной, а сказывается и на самомъ духѣ преподаванія: въ сельскихъ школахъ ребенка не заставляютъ заучивать что-либо; преподаваніе не клонится къ тому, чтобы насильно развить память ребенка; оно стремится къ тому, чтобы вызвать движеніе его мозга. Прежнее запоминанье азовъ, насильно втискиваемыхъ въ голову крестьянскаго мальчика, начинаетъ переходить въ область преданій. Учитель медленно и незамѣтно подводитъ ребенка къ книгѣ, этому вмѣстилищу недоступныхъ для неграмотнаго мудростей. Ребенокъ знакомится со звуками, знаками, буквами, осваивается съ ихъ начертаніемъ, и, когда учитель раскрываетъ передъ ними книгу, онъ находитъ въ ней не что-нибудь диковинное, а какъ будто нѣчто давно извѣстное, родное. Объясненія учителя удовлетворяютъ любознательность ребенка, и ученикъ, вначалѣ вялый и небрежный, становится бодрымъ и прилежнымъ.—Земство пошло дальше учрежденія начальной школы. Оно неоднократно поднимало вопросъ о воскресныхъ занятіяхъ, предназначаемыхъ исключительно для взрослыхъ. Памятно мнѣ то впечатлѣніе, которое произвелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ селеній Московской губ. слухъ о началѣ воскресныхъ занятій. Стали говорить крестьяне, что будутъ учить не только малыхъ, но и старыхъ. Въ воскресенье, назначенная для открытія занятій обширная классная комната села Л. была набита биткомъ. Здѣсь были и бѣлые, какъ снѣгъ, старцы, и степенные, окладистобородые мужики среднихъ лѣтъ; здѣсь были и безбородые парни въ красныхъ кумачевыхъ рубахахъ, и молодыя бѣлолицыя дѣвушки; наконецъ, здѣсь были и малые пареньки и дѣвочки, чуть не до грудныхъ младенцевъ включительно. Все это представляло пеструю, но красивую картину. Праздникъ начался молитвой, за которой одинъ ученикъ продекламировалъ «Школьника» Некрасова, а цѣлый хоръ пропѣлъ выразительную пѣснь «Воля». По окончаніи пѣнія, учитель произнесъ краткую рѣчь, въ которой указалъ на переворотъ, происшедшій въ жизни крестьянина съ его освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, и на важность правильнаго школьнаго обученія. Всѣ присутствующіе были увлечены; отовсюду слышались знаки одобренія. Но особенно выдѣлялся изъ всей массы одинъ древній старецъ, повидимому, болѣе другихъ довольный происходящимъ. Когда онъ входилъ въ классную комнату, то, казалось, можно было счесть дни его—такъ онъ былъ дряхлъ и безжизненъ. Онъ молча сидѣлъ и какъ-то дѣтски-наивно смотрѣлъ на окружающихъ; казалось, онъ не принималъ участія въ происходившемъ, не имѣлъ никакихъ земныхъ интересовъ. Но когда учитель громко и съ одушевленіемъ сказалъ нѣсколько словъ объ освобожденіи, противопоставилъ свободу старому, умершему порядку вещей, старецъ ожилъ: на глазахъ его показались слезы, станъ выпрямился; на лицѣ его можно было прочесть гордое и отрадное сознаніе того, что онъ умираетъ не рабомъ, а свободнымъ, что онъ дожилъ до того времени, когда и его родная деревня ступила на путь

просвѣщенія.—Открытіе воскресной школы было эффектно, а потому и произвело впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Но сами занятія, требовавшія серьезнаго отношенія къ дѣлу, не были успѣшны. Причина малоуспѣшности лежитъ, вѣроятно, въ личности взрослыхъ учениковъ: 6 дней крестьянинъ работаетъ такъ много, что въ 7-й день ему трудно обучиться грамотѣ.

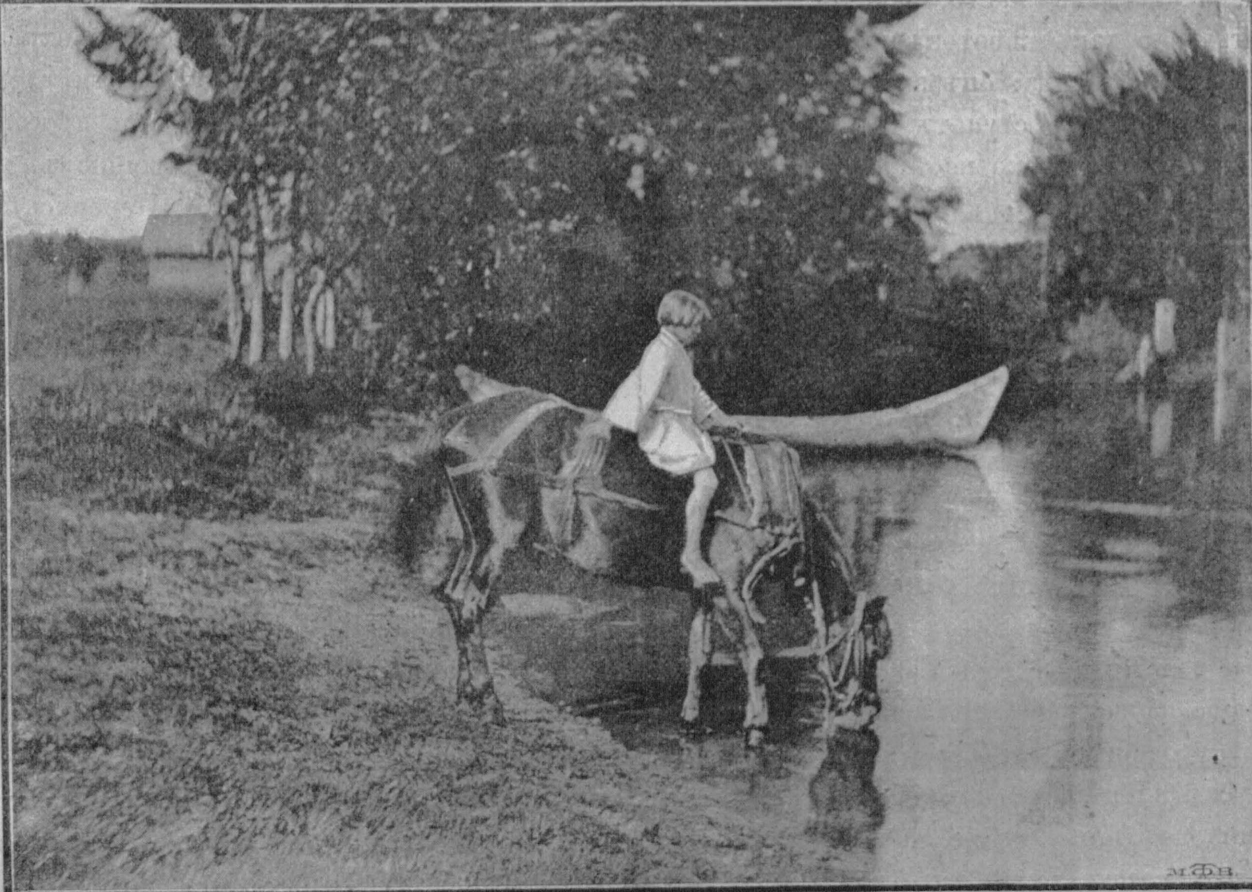
Такъ проводитъ крестьянинъ свою частную жизнь. Но за предѣлами своего узкаго семейнаго круга онъ вступаетъ въ сношенія съ односельчанами; за предѣлами частнаго хозяйства начинается его общественная дѣятельность. Первая область проявленія этой дѣятельности—отношеніе крестьянина къ землѣ. Въ городахъ, вдали отъ русской деревни, пишутся изслѣдованія о крестьянскомъ землевладѣніи. Представители различныхъ партій то осуждаютъ общинное начало, глубоко проникающее жизнь великорусскаго поселянина, то превозносятъ его, какъ силу, которая одна можетъ примирить борющіеся общественные элементы. Ровно и буднично

На водопоѣ.
(Фотографія съ натуры).

течетъ жизнь крестьянина, течетъ въ томъ руслѣ, которое проложено для него всемогущей рукой старины. Онъ и не подозрѣваетъ, какъ сильно интересуетъ эта жизнь людей, повидимому, не имѣющихъ съ «мужикомъ» ничего общаго. Спросите его, какъ онъ пользуется землей, часто ли дѣлитъ ее, и онъ, удовлетворяя ваше любопытство, замѣтитъ: Для насъ оно очень просто, а вамъ не скоро понять: всякому понятно то, кто къ чему «приверженъ». И не даромъ говоритъ онъ это: тягла, гулящкія души, шесты, межи, дѣлянки, въ міру, на міру, съ пуста» и другія техническія слова существуютъ только въ его словарѣ, и нужно не мало усилій, чтобы усвоить все это, сдѣлать для себя столь же яснымъ, какъ оно ясно для неграмотнаго поселянина.

Крестьянинъ—членъ общины, какъ его отцы и дѣды; одинъ, самъ по себѣ, онъ не имѣетъ ни той силы, ни того значенія, которыя ему даются общиной. Онъ не говоритъ: «мой, мое», когда рѣчь идетъ о наиболѣе цѣнномъ имуществѣ—землѣ; онъ называетъ это имуще-

На водопоѣ.

(Фотографія съ натуры).

ство «мірскимъ», онъ пользуется имъ только временно, но знаетъ, что право пользованія будетъ всегда сохранено не только за нимъ, но и за его дѣтьми и внуками. Изгони его община,—и онъ будетъ слабъ и безпомощенъ; участь цѣлой семьи будетъ зависѣть отъ искусства его рукъ, ничѣмъ не застрахованныхъ отъ болѣзни и истощенія. Какъ членъ общества, онъ увѣренъ, что надѣлъ его, истощаемый посѣвами, мѣняется отъ времени до времени на надѣлъ сосѣда. Онъ знаетъ, что «міръ» накормитъ вдову его, бобылку, призритъ малолѣтнихъ сиротъ его, если ему суждено оставить ихъ. Онъ знаетъ все это и дорожитъ своимъ положеніямъ, какъ членъ «міра».

Присмотритесь къ жизни крестьянина, и вы подмѣтите то лихорадочное напряженіе, съ которымъ онъ блюдетъ за сохраненіемъ равенства въ земельныхъ надѣлахъ своихъ односельчанъ. Соблюденіе равенства возможно только при помощи періодическихъ передѣловъ земель. И крестьянинъ дѣлитъ землю. Въ селеніяхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ передѣлы совершаются наиболѣе часто, каждые 2 — 3 года. Срокъ пользованія земельнымъ участкомъ для крестьянина такъ коротокъ, что онъ воздѣлываетъ свою землю небрежно, боится вложить въ нее много капитала: онъ знаетъ, что затраченный капиталъ не успѣетъ принести плода, а его надѣлъ уже поступитъ въ пользованіе сосѣда. Поэтому и урожаи на земляхъ помѣщичьихъ крестьянъ далеко не такъ обильны, какъ на земляхъ крестьянъ государственныхъ. Послѣдніе держатся обыкновенно правила дѣлить землю послѣ каждой ревизіи. Перепись населенія приводитъ въ извѣстность его приростъ или убыль и даетъ возможность раздѣлить общественную землю на участки, соразмѣрно съ числомъ наличныхъ жителей. Передѣлъ каждые 12—15 лѣтъ считается болѣе цѣлесообразнымъ потому, что срокъ пользованія землей для каждаго члена общины удлинняется; онъ имѣетъ больше времени, чтобы пожать плоды вложеннаго въ землю капитала, и усердно удобряетъ почву. Передѣляются только поля. Трудно встрѣтить селеніе, пашни котораго представляли бы одно сплошное цѣлое. Каждое поле разбито на нѣсколько участковъ, раздѣленныхъ болѣе или менѣе широкими межами. Каждый участокъ дѣлится особо между всѣми членами общины. Дробленіе поля на нѣсколько участковъ зависитъ отъ слѣдующихъ условій: 1) отъ качества почвы, опредѣляемаго степенью неурожайности. Часто въ одномъ и томъ же полѣ встрѣчаются мѣста низкія и возвышенныя, глинистыя и песчаныя, требующія большаго или меньшаго удобренія. Если бы не принималось во вниманіе качественное различіе почвы, то въ надѣлахъ могло бы произойти крайнее неравенство: «у одного былъ бы хорошій урожай, а другой остался бы безъ хлѣба». 2) Разстояніе отъ усадьбы является вторымъ условіемъ, вызывающимъ разбивку земли на участки: для хозяина не одно и то-же, далеко ли или близко его полоса отъ двора. На ближайшія полосы и навозъ возить легче, и охранять ихъ отъ потравъ удобнѣе. Эти соображенія ведутъ къ дробленію на участки даже тѣхъ полей, которыя не представляютъ различій въ качествѣ почвы. 3) Наконецъ, третьимъ условіемъ является различіе въ мѣстоположеніи разныхъ частей поля: одна часть представляетъ равнину, другая—холмъ, третья лежитъ среди лѣса. Стремленіе къ уравненію побуждаетъ общину образовать изъ каждой такой мѣстности отдѣльный участокъ. Участки носятъ названія *ярусовъ*, *удѣловъ, звеньевъ*. Число ярусовъ въ поляхъ бываетъ иногда очень велико, достигаетъ нѣсколькихъ участковъ; иногда же оно незначительно. Въ каждомъ участкѣ нарѣзывается по полосѣ каждому члену общины, соразмѣрно съ числомъ душъ, которыя лежатъ на немъ. Чѣмъ многочисленнѣе семья, тѣмъ большую полосу получаетъ домохозяинъ.—Но правильные, періодическіе передѣлы примѣняются только къ пахатнымъ землямъ, въ которыя крестьянинъ влагаетъ свой капиталъ. Пользованіе сѣнокосами совершенно иное: трава—Божій даръ, не обязанный своимъ происхожденіемъ трудамъ или затратамъ земледѣльца, а потому община дѣлитъ луга ежегодно. Предъ началомъ покоса все мужское рабочее населеніе деревни выходитъ на лугъ и дѣлитъ его шестами на полосы и углы, при чемъ каждому крестьянину достается полосъ 30 и болѣе, имѣющихъ въ сложности не болѣе $1/_3$—$1/_2$ де-

сятины. Дробленіе сѣнокосовъ на мелкіе участки ведетъ къ тому, что члены общины получаютъ чуть ли не математически равныя количества сѣна. Во многихъ селеніяхъ сѣнокосы не дѣлятся; лугъ косятъ «міромъ» и дѣлятъ траву подушно. Такъ какъ здѣсь всѣ принимаютъ участіе въ работѣ, то никто не можетъ жаловаться, что получилъ долю, несоразмѣрную съ количествомъ своего труда. Интересно воззрѣніе самихъ крестьянъ на общинное владѣніе землей. Воззрѣнія не одинаковы. Гдѣ передѣлы слишкомъ часты, тамъ вы слышите, что общинное владѣніе ведетъ не къ тому, чтобы сдѣлать бѣдняка состоятельнымъ, но къ тому, чтобы умалить достатокъ исправнаго хозяина, лишить его охоты заниматься хлѣбопашествомъ. Тамъ

Съ валежникомъ.
(Фотографія съ натуры).

же, гдѣ передѣлы нечасты, крестьяне смотрятъ на общину, какъ на учрежденіе, въ высокой степени полезное. Они видятъ въ ней поддержку для слабыхъ. «Если бы раздѣлить,—говорятъ они,—общинную землю на участки и отдать ихъ въ вѣчную собственность крестьянъ, то бѣднѣйшіе и многосемейные будутъ въ конецъ разорены». Имѣя мало средствъ для удобренія, они будутъ получать съ каждымъ годомъ все болѣе скудную жатву, а это принудитъ ихъ распродать землю зажиточнымъ односельчанамъ и лишиться надежной опоры.

Но участіе крестьянина въ общественной дѣятельности не ограничивается отношеніями его къ землѣ. Волость, селеніе представляютъ органы самоуправленія съ опредѣленнымъ кругомъ судебной и полицейской дѣятельности. Выборный, представитель группы односельчанъ,

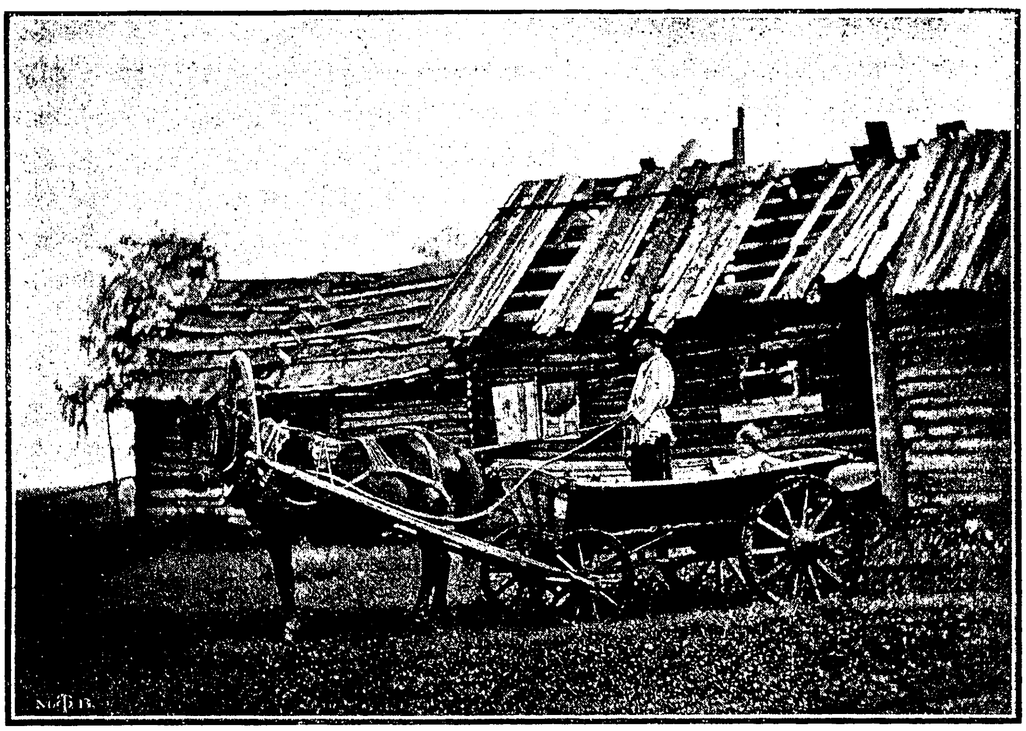
Съ валежникомъ.

(Фотографія съ натуры).

крестьянинъ посѣщаетъ волостныя правленія почти каждый воскресный день, участвуетъ въ волостныхъ сходахъ, переносится въ область общественныхъ интересовъ. Крестьянское самоуправленіе, широкое, по своимъ размѣрамъ, часто не оказываетъ никакого вліянія. На волостныхъ сходахъ 2—3 звучныхъ голоса успѣваютъ заглушать десятки и сотни поданныхъ мнѣній. Памятенъ мнѣ одинъ сходъ въ селѣ Ч., Московской губ. Сходъ долженъ былъ рѣшить участь одной женщины, которую ея общество приговорило къ ссылкѣ въ Сибирь. Эта женщина судилась 2—3 раза за кражу, поведенія была непотребнаго, двоихъ сыновей своихъ не воспитывала, а потому сельское общество и рѣшило приговорить ее къ ссылкѣ. На волостномъ сходѣ послышался одинъ голосъ за ссылку ея въ Сибирь; голосъ этотъ краснорѣчиво говорилъ о ея негодныхъ свойствахъ, и весь сходъ, какъ одинъ человѣкъ, закричалъ: «въ ссылку». Но едва былъ произнесенъ этотъ строгій приговоръ, какъ раздался другой голосъ; онъ осуждалъ жестокость приговора; онъ ссылался на то, что дѣти у осужденной малы, что они, выросши, потребуютъ у общества отвѣта, какъ оно, не спросивъ ихъ, исключило мать ихъ изъ своей среды. «Нѣтъ, не ссылать»,—закричалъ весь сходъ, внявъ голосу и этого второго оратора. До поздняго вечера выборные безсознательно переходили то на ту, то на другую сторону, пока наступающая ночь не заставила старшину понудить членовъ схода къ рѣшенію участи женщины открытымъ голосованіемъ. И при голосованіи всѣ дѣйствовали подъ вліяніемъ двухъ, наиболѣе горластыхъ голосовъ.—Волостной судъ, дѣлая крестьянина судьей, побуждая его отличать правое дѣло отъ неправаго, требуетъ отъ него, повидимому, довольно сложной умственной работы. Но, въ дѣйствительности, нѣтъ ничего проще, безхитростнѣе этого крестьянскаго суда. Разъ сложилось извѣстное воззрѣніе на тотъ или другой проступокъ, разъ это воззрѣніе вызвало убѣжденіе въ необходимости того или другого наказанія,—и волостной судъ изъ года въ годъ одинаково караетъ сходные проступки, не прибѣгая къ анализу даннаго случая. Такъ, накопленіе недоимокъ—обвинителемъ выступаетъ здѣсь должностное лицо—староста—обыкновенно влечетъ за собой 19 ударовъ розгами. Кража, драка и разныя другія «непотребства» наказываются также сѣченіемъ розгамъ, при чемъ виновному, вмѣсто 19 ударовъ, приходится нерѣдко получить 29. Для признанія извѣстнаго проступка совершившимся, судъ безусловно требуетъ свидѣтельскихъ показаній; они не требуются только тогда, когда обвинителемъ выступаетъ отецъ обвиняемаго. Авторитетъ родительскій настолько высокъ, убѣжденіе въ невозможности оклеветанія сына отцомъ настолько сильно, что одной голословной жалобы отца на сына довольно для того, чтобы послѣднему пришлось вкусить сѣченіе розгами. Любопытный образчикъ крестьянскихъ нравовъ представляетъ случай, происшедшій въ одномъ селѣ Тверской губ. Въ волостной судъ приходитъ крестьянинъ и жалуется, что его побили шуринъ и его сынъ. Судъ приговорилъ шурина къ штрафу въ 2 рубля, а сына его, «за оскорбленіе дяди», къ 14 ударамъ розгами. Всѣ присутствующіе остались довольны этимъ рѣшеніемъ. Когда виновнаго разложили для исполненія приговора, отецъ его попросилъ высѣчь его собственноручно, «чтобы впередъ имѣлъ острастку дядю почитать; ему бы и меня, старика, надо было удержать, чтобъ я зятя-то не билъ, а онъ мнѣ помогать сталъ». Получивъ позволеніе, виновный отецъ высѣкъ совиновнаго сына. По окончаніи экзекуціи, обиженный и оба обидчика пошли въ трактиръ «спрыснуть» этотъ своеобразный судъ.

Русская деревня уже очень давно утратила исключительно земледѣльческій характеръ. Недостаточное плодородіе почвы въ бассейнахъ Волги и Оки дѣлаетъ невозможнымъ для крестьянина удовлетворять съ помощью дохода отъ земли всѣ потребности. Непрерывно возрастающее населеніе ведетъ къ тому, что одна и та-же площадь должна прокормить большее число людей. Всѣ эти обстоятельства побуждаютъ великорусскаго крестьянина искать внѣ земледѣлія источникъ дополнительныхъ заработковъ. Промыслы, проложившіе себѣ пути въ среду крестьянства, такъ разнообразны, что одинъ перечень ихъ потребовалъ бы немало страницъ. Но наблюдателя останавливаетъ не столько разнообразіе промысловъ, сколько важность ихъ для

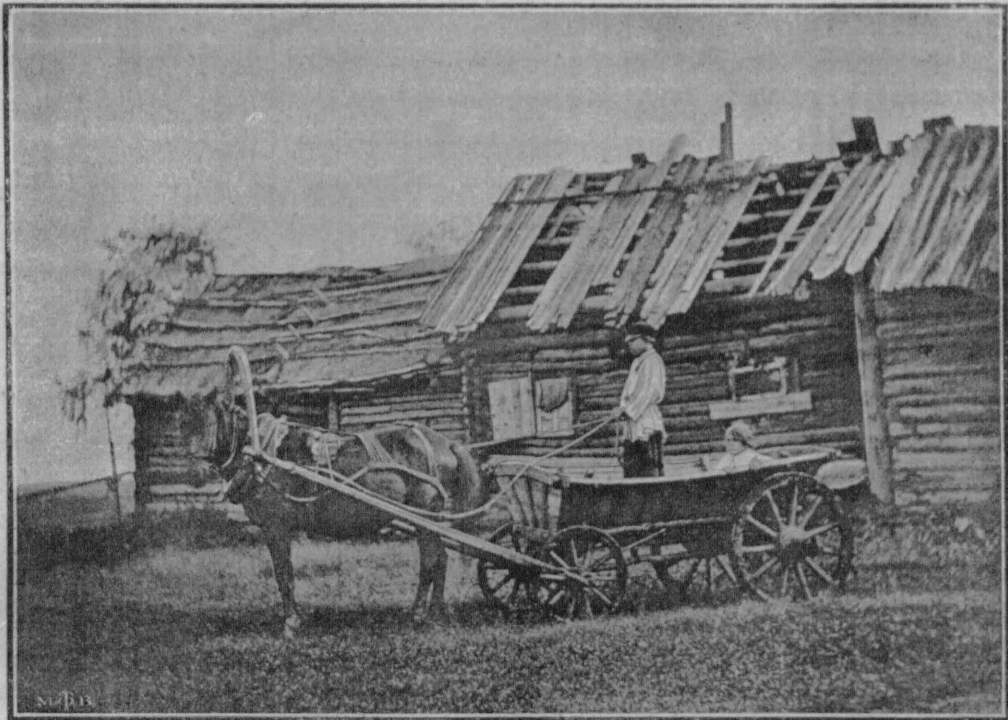
данной мѣстности и даже для общественнаго хозяйства всей Россіи. Гдѣ нѣтъ особенно благопріятныхъ условій для развитія мѣстныхъ промысловъ, тамъ пустили глубоко корни промыслы отхожіе, поставляющіе лучшихъ работниковъ въ разныхъ отрасляхъ производства. Едва пришли къ концу сельскія работы, какъ обширныя толпы крестьянъ-ремесленниковъ покидаютъ родныя деревни и движутся на работы въ обѣ столицы. Ярославская и Костромская губерніи поставляютъ Россіи лучшихъ плотниковъ, каменщиковъ, маляровъ, штукатуровъ, половыхъ, биржевыхъ артельщиковъ и многихъ другихъ ремесленниковъ. Тамъ, гдѣ есть благопріятныя мѣстныя условія для развитія обработывающей промышленности, возникли мѣстные промыслы, кустарные. Крестьянинъ не покидаетъ своей семьи; отъ сохи и бороны онъ переходитъ къ долоту и рубанку. Нѣкоторые промыслы тѣсно связаны съ сельскимъ хозяйствомъ: такъ, въ Ярославской губерніи есть цѣлыя волости, откармливающія гусей, каплу-

Крестьянская запряжка.
(Фотографія съ натуры).

новъ, утокъ и отправляющія ихъ большими партіями въ Петербургъ; огородничество Ростовскаго уѣзда пріобрѣло всероссійскую извѣстность; возможность получать на рынкахъ столицъ высокія цѣны за огородныя растенія содѣйствовала развитію въ этой мѣстности цвѣтущаго сельскаго хозяйства. Другіе промыслы отдалились отъ земледѣлія; они или обработываютъ мѣстные матеріалы, находящіеся подъ рукой, или же установили правильныя сношенія съ другими мѣстностями Россіи и издалека получаютъ матеріалъ для обработки.

Занятіе, начавшее терять почву подъ ногами,—извозничество. Желѣзныя дороги, перерѣзывая Русь изъ конца въ конецъ, стали опасными соперниками долгаго извозчика; но этотъ промыселъ сохранился еще въ тѣхъ частяхъ поволжскаго бассейна, куда желѣзныя дороги не проложили пути. Извозный промыселъ всего ближе русскому крестьянину; есть у него нѣсколько лошадей, работаютъ онѣ лѣтомъ въ полѣ, а зимой онъ привозитъ на нихъ товары за сотни верстъ. Долгій извозчикъ дѣлаетъ все не спѣша. Его пріучилъ къ этому са-

Крестьянская запряжка.
(Фотографія съ натуры).

мый родъ его промысла. Медленно, шагомъ идутъ его лошади; степенно идетъ онъ за ними; никто не подгоняетъ его. На проселочныхъ дорогахъ ему знакомъ каждый поворотъ, каждый кустъ, каждое дерево. Онъ знаетъ въ селахъ, которыя проѣзжаетъ, каждую избу. Ничто не развлекаетъ его дорогой, ничто не мѣшаетъ ему внимательно подмѣчать всѣ встрѣченные на пути предметы. Зимой денекъ коротокъ. Выѣзжаетъ извозчикъ со двора рано, ѣдетъ до вечера съ гибельной передышкой, а съ сумерками заѣзжаетъ для ночлега на знакомый постоялый дворъ. Ставитъ онъ подъ навѣсъ лошадей и принимается за ужинъ. Морозъ сдѣлалъ свое дѣло, разогрѣлъ богатырскій желудокъ, и извозчикъ, заплативъ гривны три за ужинъ, даетъ волю молодецкому аппетиту. И крѣпкія щи съ саломъ, и солонина, и лапша, и пшенная каша, усердно поливаемыя квасомъ,—все находитъ себѣ мѣсто. Горожанинъ не можетъ смотрѣть безъ удивленія на количество потребленной пищи и невольно завидуетъ крѣпости извозчика. Этотъ промыселъ даетъ крестьянамъ хорошій достатокъ: начиная извозничать на парѣ, крестьянинъ расширяетъ кругъ сношеній, точностью и добросовѣстностью располагаетъ къ себѣ торговый людъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ доводитъ число лошадей до 10—12 и больше.

Гораздо большій интересъ представляютъ тѣ отрасли кустарной промышленности, которыя, начавшись въ ничтожныхъ размѣрахъ, образовали постепенно промышленные центры и пріобрѣли потребителей во всѣхъ концахъ нашего обширнаго отечества. Одною изъ нихъ является гончарная промышленность въ волости Гжель, въ Московской губерніи.

Когда возникло это производство въ Гжели и каково оно было въ зародышѣ, мы не знаемъ. Статистическія свѣдѣнія о Гжели свидѣтельствуютъ, что доходъ отъ земледѣлія не покрываетъ и половины расходовъ средней крестьянской семьи. Это побудило населеніе обратиться къ промыслу. Оно выбрало гончарное производство потому, что мѣстность изобилуетъ хорошей глиной, годной для посуды. Предавія, сохранившіяся въ Гжели, даютъ право предполагать, что выдѣлка посуды началась очень давно, нѣсколько столѣтій тому назадъ; но нѣтъ точныхъ указаній ни на время возникновенія промысла, ни на условія производства. Рынкомъ сбыта служили окрестныя селенія и Москва. Техническіе пріемы были очень просты: посуду точили на ручныхъ кругахъ и обжигали въ маленькихъ горнахъ. Посѣщая Москву, гжельцы видѣли тамъ англійскую посуду, за которую покупатели платили большія цѣны. Посуда эта отличалась бѣлизной и прочностью; высокая цѣна ея возбуждала зависть гжельцевъ, и они хотѣли ввести у себя ея приготовленіе. Такъ какъ фарфоровой глины въ Гжели не было, то пришлось обратиться за матеріаломъ въ Глуховской уѣздъ, Черниговской губерніи, славящійся своей глиной. Нѣкто Павелъ Куликъ началъ фарфоровое производство. Обладая секретомъ дѣлать цѣнную и неизвѣстную до той поры гжельцамъ массу, Куликъ устроилъ маленькій горнъ и, не желая открыть односельчанамъ тайну производства, нашелъ себѣ мастера изъ отдаленной деревни. Другіе горшечники старались открыть секретъ Кулика, но все было безуспѣшно: они приглашали къ себѣ мастера, угощали его, но онъ былъ вѣренъ интересамъ хозяина. Они подсматривали въ щели сарая Кулика, но и это не принесло плодовъ. Гжельцамъ не давала покоя мысль, что изъ избы ихъ сосѣда поступаютъ въ продажу цѣнныя фарфоровыя чашки, и вотъ въ одну ненастную осеннюю ночь два смѣльчака отправились къ сараю Кулика; одинъ остался на сторожѣ, а другой взлѣзъ на крышу, спустился черезъ трубу въ горнъ и срисовалъ его. Тамъ же они захватили комъ фарфоровой массы и разложили его на составныя части. Секретъ сталъ общимъ достояніемъ, и производство вскорѣ распространилось по многимъ окрестнымъ деревнямъ. Теперь въ Гжельской волости 177 заводовъ съ 2,500 работниками. Заводы раздѣляются на 2 группы: одни—горшечные, другіе—фарфоровые. Эти группы рѣзко отличаются одна отъ другой. Первыхъ туземцы называютъ горшечниками, людьми маленькими, крестьянами; вторыхъ же именуютъ фабрикантами, людьми фамильными, столбовыми заводчиками. Первые перебиваются изо-дня въ день и принимаютъ собственноручно участіе въ приготовленіи горшковъ; дѣло же вторыхъ ограничивается однимъ надзоромъ. Горшечники

обработываютъ мѣстную, дешевую глину; приспособленія въ ихъ мастерскихъ незначительны. Фарфоровые же заводчики употребляютъ цѣнное сырье, привозимое издалека, и производство ихъ требуетъ сложныхъ и дорогихъ приспособленій.

Рабочія помѣщенія горшечниковъ имѣютъ сходство съ обыкновенными крестьянскими избами и отличаются отъ нихъ только большими размѣрами. Посрединѣ строенія помѣщается горнъ; вдоль оконъ приспособлены круги для точки посуды, а по стѣнамъ идутъ лавки, на которыя ставятся свѣжевыточенные горшки. Фарфоровые заводы имѣютъ видъ настоящихъ фабрикъ, устроенныхъ болѣе или менѣе удобно, смотря по умѣнью хозяина. Двигательной силой въ нихъ служатъ конные приводы, а иногда и паръ; горшечники же не знаютъ иного двигателя, какъ человѣческая рука. Производство начинается съ измельченія глины, совершаемаго съ помощью *толчеи*. Весь снарядъ состоитъ изъ плоскости, на которую кладется глина, и мѣднаго пестика, прикрѣпленнаго къ движущемуся концу шеста, другой конецъ котораго укрѣпленъ неподвижно. Измельченная глина обращается въ муку съ помощью размола. Для размола служатъ жернова: нижній—неподвиженъ, а верхній быстро вращается на своей оси; размолотая масса поливается водой, трется верхними жерновами и стекаетъ внизъ.—Послѣ этихъ операцій масса готова для точки. Точится посуда на точильныхъ кругахъ. Эти снаряды состоятъ изъ двухъ деревяныхъ круговъ, соединенныхъ желѣзной осью; круги имѣютъ горизонтальное положеніе. На верхнемъ точится посуда, нижній же приводится въ движеніе ногами точильщика. Точильщикъ беретъ пластъ массы, обращаетъ его въ комокъ, кладетъ предъ собой на кругъ и начинаетъ точить. По мѣрѣ вращенія круга, руки работающаго дѣлаютъ въ комкѣ массы все большее углубленіе, стѣнки обрисовываются рельефно, и предметъ готовъ. Сырая посуда легко ломается, а потому ее сушатъ или на солнцѣ, или (кто побогаче) въ особо устроенныхъ для того печахъ. Высушенная,—она ставится въ горнъ для обжиганія. Горнъ есть начало и конецъ гончарнаго производства. Даже при кратковременномъ пребываніи на гончарномъ заводѣ вы неоднократно услышите: «столько-то вышло изъ горна, такой-то онъ далъ барышъ или убытокъ». Промышленники придаютъ горнамъ такое значеніе, что ставятъ въ зависимость отъ нихъ свое обогащеніе или разореніе. Горны бываютъ цилиндрической и четырехугольной формы; у горшечниковъ они не больше 2 арш. въ длину и 3—въ вышину. На фарфоровыхъ заводахъ они достигаютъ значительно большихъ размѣровъ. Посуда укладывается въ *судницы*, круглыя коробки изъ глины, и ставится въ горнъ; печи затопляются, и начинается обжиганіе, составляющее важнѣйшую ступень всего производства. Послѣ 30-часового обжиганія посуда вынимается изъ горна; горшки прямо поступаютъ въ продажу, а фарфоровая посуда раскрашивается и золотится.

Въ мастерскихъ болѣе или менѣе обширныхъ размѣровъ мы находимъ 3 группы лицъ: хозяина, мастера и ученика. Каждый изъ нихъ имѣетъ въ производствѣ свое особое мѣсто; каждый пріуроченъ къ извѣстному занятію. Простота рабочихъ пріемовъ у горшечниковъ и вѣковая привычка къ производству простыхъ глиняныхъ издѣлій дѣлаютъ правильное обученіе почти излишнимъ; малолѣтній, при самомъ поступленіи на заводъ, можетъ исполнять какую-нибудь работу. Когда мальчикъ въ Гжельской волости достигъ 11—12 лѣтъ, и нерѣдко 7—8, семья желаетъ извлекать изъ него осязательную пользу, и отецъ ведетъ его къ горшечнику или на фарфоровый заводъ. Низко кланяется онъ хозяину и проситъ взять мальчика на «выученье». Соглашаясь принять ученика, хозяева считаютъ излишнимъ заключать съ родителями какія-либо формальныя условія. Стороны ударяютъ по рукамъ, и ребенокъ вступаетъ въ новую колею. Гжельцы видятъ съ дѣтства всѣ операціи при производствѣ гончарныхъ издѣлій, и потому обученье не представляетъ имъ большого труда. По вступленіи на заводъ, мальчикъ получаетъ извѣстное назначеніе въ связи съ тою дѣятельностью, которую готовятъ для него. Если онъ предназначается въ чернорабочіе, то его ставятъ подгонять лошадей на конномъ приводѣ. Если это будущій точильщикъ, то первая его обязанность—состоять при взросломъ

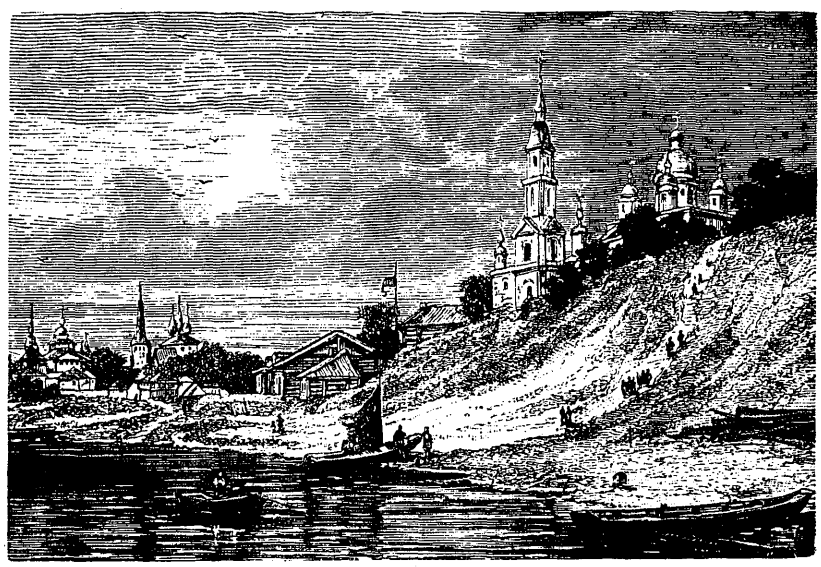
точильщикѣ,—лѣпитъ носики и ручки къ чайникамъ и чашкамъ; чрезъ годъ-другой его уже сажаютъ за кругъ точить или формовать. Мастера обращаютъ мало вниманія на учениковъ; показавъ имъ ту или другую работу, они предоставляютъ ихъ самимъ себѣ. Проводя длинные рабочіе дни среди опытныхъ мастеровъ, мальчики постепенно научаются работать. Расписывать фарфоръ обучаются также и дѣвочки; говорятъ, что онѣ значительно уступаютъ мальчикамъ въ смѣтливости и проворствѣ.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ученичества, юноша становится мастеромъ. Уже къ 17 годамъ трудъ юноши почти столь же производителенъ, какъ и трудъ взрослаго работника. По окончаніи срока ученичества, хозяинъ призываетъ юношу и объявляетъ ему, что отнынѣ онъ становится мастеромъ на такомъ-то жалованьѣ. Вступленіе въ ряды мастеровъ знаменуется «спрысками», на которые въ Гжели уже давно установилась такса—въ 1 р. 50 к.; на эти деньги юный мастеръ угощаетъ рабочихъ только своей группы: точильщикъ—точильщиковъ, живописецъ—живописцевъ.

Населеніе Гжели не отличается тѣлесной силой, а потому и не можетъ поставлять людей для тяжелыхъ работъ, требующихъ значительнаго напряженія. Вслѣдствіе этого молольщики и другіе чернорабочіе выписываются издалека, обыкновенно изъ Рязанской губ. Подряжаютъ рабочихъ по полугодіямъ, отъ Святой до Филипповыхъ заговѣнъ и отъ заговѣнъ до Святой. Наемъ называется *рядой*. Чернорабочіе получаютъ полугодовую плату въ 30 — 40 рублей на хозяйскихъ харчахъ. За это они обязуются поставлять опредѣленное количество труда, называемое *урокомъ*. Если они работаютъ больше, то получаютъ, по соглашенію съ хозяиномъ, сверхурочную плату. Точильщиковъ, живописцевъ и другихъ рабочихъ, коихъ трудъ требуетъ нѣкотораго искусства, поставляетъ сама Гжель; эти мастера получаютъ болѣе высокое вознагражденіе, рублей 150—200 въ годъ. Лучшее же положеніе занимаютъ горновщики. Хорошій горновщикъ — цѣнный кладъ для заводчика. Онъ можетъ увеличить доходъ производства тщательнымъ обжиганіемъ горна; но онъ можетъ и разорить хозяина недосмотромъ, небрежной разстановкой посуды въ горнѣ. Потому то хозяева и дорожатъ этими рабочими; каждый старается переманить отъ сосѣда хорошаго горновщика. Рабочіе—народъ бродячій, передвижной. Нынѣ они здѣсь, черезъ недѣлю—въ другомъ уѣздѣ, въ другой губерніи. Стараясь прикрѣпить ихъ на одномъ мѣстѣ, хозяева даютъ имъ впередъ нѣсколько десятковъ рублей при рядѣ и обыкновенно держатъ у себя въ долгу. Долги погашаются вычетомъ 30% изъ платы. На большихъ заводахъ часть платы выдается рабочимъ по субботамъ; другая же часть—при общемъ расчетѣ весной и осенью. У мелкихъ хозяевъ опредѣленныхъ сроковъ для расплаты нѣтъ; съѣздилъ горшечникъ въ Москву, продалъ товаръ—и часть вырученной суммы поступаетъ въ плату рабочимъ. На ряду съ деньгами рабочимъ приходится нерѣдко получать въ счетъ платы и товаръ. Такимъ товаромъ служитъ чай, сахаръ, ситецъ, сельско-хозяйственныя орудія и даже лошади, которыхъ хозяева, за негодностью для конныхъ приводовъ, отдаютъ рабочимъ. Этотъ способъ расплаты невыгоденъ для работника, такъ какъ тѣ же предметы могутъ быть пріобрѣтены болѣе дешево при вольной покупкѣ.

Высшее мѣсто въ производствѣ занимаетъ хозяинъ. У горшечниковъ онъ почти ничѣмъ не отличается отъ мастеровъ. На ряду съ послѣдними онъ точитъ горшки съ утра до ночи и только изрѣдка отрывается отъ работы для продажи своихъ издѣлій. Фарфоровый же заводчикъ рѣзко выдѣляется не только изъ среды своихъ рабочихъ, но и всѣхъ односельчанъ. Оставаясь членомъ общины, онъ мало походитъ на крестьянина и дѣлается купцомъ и по своимъ имущественнымъ средствамъ, и по внѣшности, и по образу жизни. Односельчане относятся къ нему со всѣми знаками почтенія и дожидаются въ передней его привѣтливаго слова. Заводчикъ оставляетъ точильный станокъ; его бѣлыя, пухлыя руки свидѣтельствуютъ, что онъ отвыкъ отъ черной работы. Онъ ограничивается надзоромъ надъ ходомъ дѣла, руководитъ предпріятіемъ и принимаетъ на себя всѣ обязанности по сбыту товаровъ.

Мѣстомъ сбыта гжельскихъ издѣлій служитъ вся Россія, отъ Петербурга до Крыма и отъ Варшавы до Сибири. Горшечники торгуютъ своимъ товаромъ на мѣстныхъ рынкахъ, или ярмаркахъ. Ярмарки устраиваются близъ приходскихъ церквей въ дни храмовыхъ праздниковъ. Наибольшею извѣстностью во всемъ округѣ пользуется ярмарка въ селѣ Гуслицахъ у храма св. Иліи Пророка. Ильинская ярмарка длится цѣлую недѣлю и достигаетъ значительныхъ размѣровъ; но и каждое воскресенье на гуслицкомъ базарѣ бываетъ нѣсколько сотъ возовъ; среди товаровъ кухонная утварь занимаетъ не послѣднее мѣсто. Горшечники охотно ѣздятъ по сельскимъ ярмаркамъ: близость разстояній облегчаетъ передвиженіе, а дробность продажи позволяетъ нерѣдко сбывать товары довольно выгодно. «Горшковъ, горшковъ», покрикиваетъ горшечникъ и продаетъ товаръ прямо съ возовъ. Обширнымъ рынкомъ для продажи простыхъ глиняныхъ издѣлій служитъ также Москва, отстоящая отъ Гжели въ 50 верстахъ. Горшки продаются въ Москвѣ у Сухаревой башни и на другихъ рынкахъ. Важными потребителями цвѣточныхъ горшковъ являются оранжереи. Возятъ горшки въ Москву сами горшечники на собственныхъ лошадяхъ.—Фарфоровая и фаянсовая посуда сбывается самими заводчиками въ московскія посудныя лавки, а также на ярмарки. Продажа только въ рѣдкихъ случаяхъ совершается за наличныя деньги; въ большинствѣ случаевъ только половина суммы уплачивается наличными; другая же половина разсрочивается на 3—6—12 мѣсяцевъ. Въ Москвѣ продается товаръ на сумму до ½ милліона рублей. На Нижегородской ярмаркѣ, этомъ средоточіи товарнаго обмѣна между Востокомъ и Западомъ, стоимость продаваемыхъ издѣлій также достигаетъ этой цифры. Тамъ главными покупателями являются татары, бухарцы и другіе инородцы Азіи. Спеціально для нихъ изготовляется особый сортъ чайниковъ съ «козырькомъ», извѣстныхъ подъ именемъ «татарскихъ». Оттуда посуда перепродается въ Сибирь и Среднюю Азію. Кромѣ этихъ мѣстъ сбыта, для Гжели имѣютъ значеніе Ирбитская и Мензелинская ярмарки, Одесса, Крымъ и другіе города нашего юга. Большая часть товара сбывается заводчиками или торговцами на обычныхъ началахъ купеческаго веденія дѣла. Но есть еще мѣстные торговцы, продающіе гжельскія издѣлія весьма своеобразно. Эти лица изъ гжельскихъ крестьянъ ведутъ торговлю мѣновую, занимаясь подчасъ и другими промыслами. Начиная торговать, они берутъ у гжельцевъ въ долгъ простую кухонную утварь, фарфоровую и фаянсовую посуду, накладываютъ на воза и ѣдутъ въ Москву. Выручивъ деньги, они покупаютъ хрусталь, свинецъ, чай, сахаръ, солонину и везутъ въ Гжель, чтобы «лошадь не шла порожнякомъ»; здѣсь они даютъ эти товары въ обмѣнъ за взятую посуду. Такой характеръ сохранила эта торговля съ самаго возникновенія въ Гжели фаянсоваго производства. Большинство торговцевъ этого разряда только «кормятся», выручаютъ рублей по 5 изъ каждой поѣздки въ Москву. Нѣкоторымъ удается скопить нѣсколько сотъ рублей. Тогда они снаряжаютъ досчаники, небольшія суда, поднимающія до 1500 п. груза. Нагружая ихъ желѣзной утварью, чаемъ, сахаромъ, торговцы кладутъ и посуду для плаванія по Волгѣ. Въ каждомъ прибрежномъ городѣ и сколько-нибудь значительномъ селеніи досчаники разгружаются, и начинается торгъ. Плаваніе начинается ранней весной, и суда нерѣдко доходятъ до Астрахани.

Село Павлово въ прежнее время.

Село Павлово въ прежнее время.

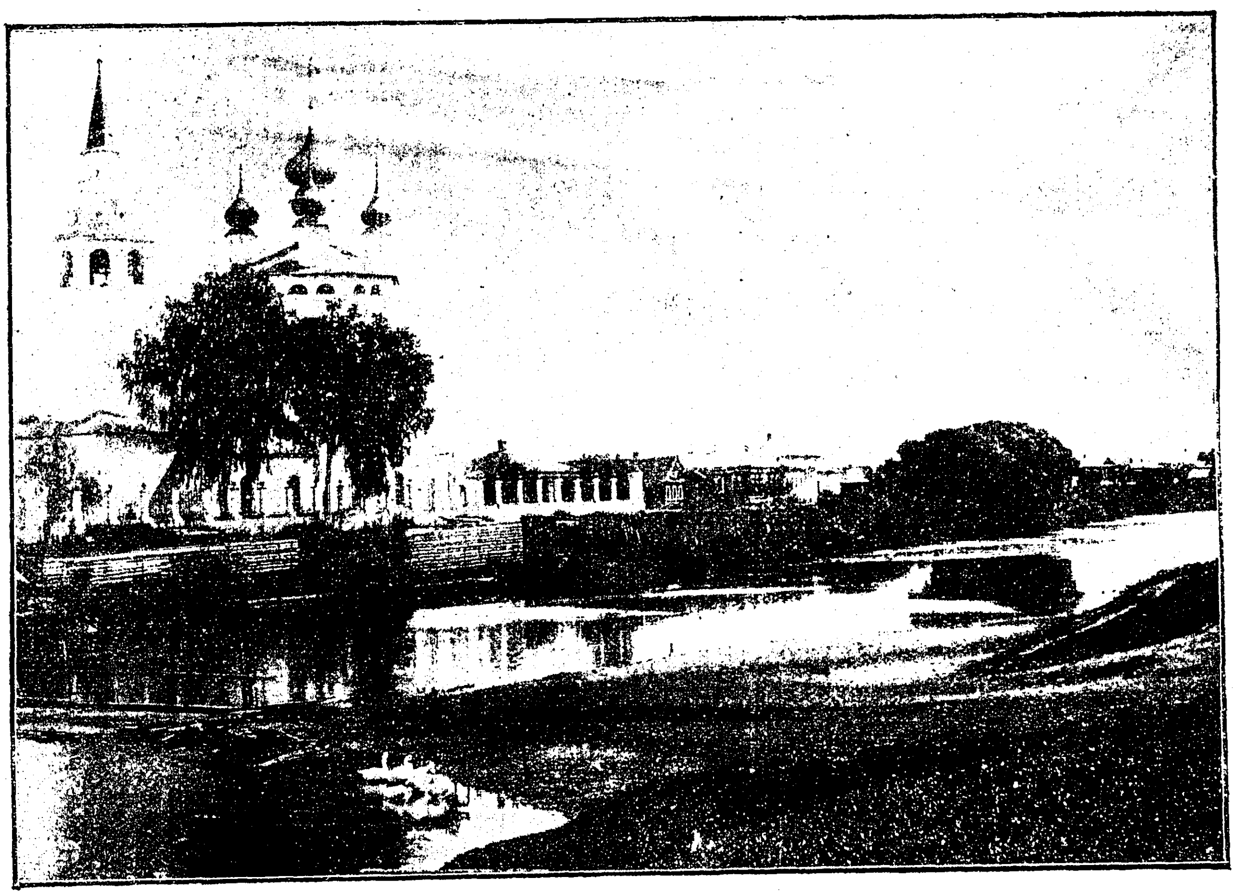
Промыселъ, пустивъ глубоко корни въ жизнь гжельскаго поселянина, не остался безъ вліянія на весь складъ его быта. Прежде всего замѣтна перемѣна въ отношеніи гжельскаго крестьянина къ землѣ. Крупный заводчикъ совсѣмъ отрѣшился отъ нея: надѣлъ представлялъ для него источникъ слишкомъ ничтожнаго дохода, чтобы онъ продолжалъ прилагать старанія къ ея обработкѣ. Если онъ и состоитъ членомъ общины, то всѣ его интересы сосредоточены въ промышленномъ заведеніи; заводу посвящены его помыслы и желанія. Но и мелкій производитель-горшечникъ все болѣе отдаляется отъ почвы. Разумнѣйшіе представители этого класса понимаютъ значеніе земли для поселянина: они знаютъ, что условія сбыта товара часто дѣлаютъ веденіе промысла невыгоднымъ, земля же даетъ предметы, которые всегда служатъ полезностями для человѣка. Помня это, они не запускаютъ полей и улучшаютъ на доходы отъ промысла свое крестьянское хозяйство. Но такъ поступаетъ только разумнѣйшее меньшинство. Большинство же, увлеченное выгодностью промысла въ нѣкоторые годы, всецѣло прилѣпляется къ нему и воздѣлываетъ землю небрежно. Въ общемъ, крестьянское хозяйство Гжели стоитъ ниже хозяйства сосѣднихъ, предпочтительно земледѣльческихъ деревень. Многіе, вступая въ мастера, совсѣмъ забрасываютъ свой надѣлъ, оставляя его безъ обработки. Путнику бросаются въ глаза значительные участки невспаханной земли. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ они составляютъ $^1/_{10}$—$^1/_6$ части всей площади; а въ деревнѣ Игнатьевѣ, напр., изъ 92 надѣловъ воздѣлываются только 32 и 65% всей поверхности не обработывается. Занимаясь промысломъ по необходимости, какъ подсобной работой, крестьянинъ становится постепенно, незамѣтно для себя, ремесленникомъ.

Вторая невыгодная особенность, созданная для гжельскаго населенія гончарной промышленностью, состоитъ въ ухудшеніи здоровья мѣстнаго поселянина. И ростъ его меньше, и тѣло худѣе, и мышцы дряблѣе, чѣмъ у крестьянина-землепашца. Вліяніе это оказывается длиннымъ рабочимъ днемъ въ помѣщеніяхъ, тѣсныхъ и душныхъ, и нѣкоторыми, далеко не безвредными веществами, входящими въ составъ матеріаловъ. Болѣзни легкихъ уносятъ много жертвъ.

Оставимъ Московскую губернію и перенесемся на среднее теченіе Волги, въ губернію Нижегородскую. Здѣсь каждый уѣздъ развилъ извѣстныя отрасли промышленности, каждый посылаетъ на отдаленные рынки Россіи предметы кустарнаго производства. Наибольшею извѣстностью пользуются издѣлія металлическія. Кто не слыхалъ имени Павлова и Ворсмы? Кто не читалъ ихъ на замкахъ, ножницахъ, перочинныхъ и столовыхъ ножахъ? Широко раскинулось это селеніе по высокому берегу Оки. Болѣе 1000 домовъ, 8000-ное населеніе, десятокъ прекрасныхъ церквей, усадьбы, обнесенныя заборами, пристань, оживленный базаръ дѣлаютъ изъ селенія Павлова хорошій уѣздный городъ. Къ нему тяготѣетъ до 40 селеній съ 20000 жителей и нѣсколькими тысячами пришлыхъ работниковъ. Все это образуетъ одинъ округъ металлическихъ издѣлій. За Павловомъ лучшее селеніе—Ворсма.

Возникновеніе металлической промышленности теряется въ глубокой древности. Уже писцовыя книги 1621 г. насчитывали здѣсь 11 кузницъ. Говорятъ, что и до сихъ поръ кузнечный рядъ стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ его нашла писцовая книга. Расширенію промысла содѣйствовала торговля, искони оживлявшая Поволжье. Но особенный толчекъ былъ ему данъ учрежденіемъ Макарьевской, а затѣмъ Нижегородской ярмарки. Живой спросъ на металлическія издѣлія побуждалъ павловскихъ кузнецовъ и слесарей усвоить производство ножевыхъ, игольныхъ и другихъ товаровъ; близость ярмарки обѣщала большія выгоды отъ этой промышленности. Павловское производство дѣлало робко свои первые шаги. Почти до половины нашего вѣка лучшіе павловскіе мастера боялись выпускать въ свѣтъ товаръ съ своимъ именемъ. Они не вѣрили, что покупатель оцѣнитъ по достоинству издѣліе русскаго мужика. И вотъ они посылали товары петербургскимъ торговцамъ, тѣ клали на павловскія издѣлія англійскія клейма и выдавали за иностранныя. Но крестьянинъ Ворсмы Завьяловъ не побоялся объ-

явить, кто производитъ эти предполагаемыя чужеземныя издѣлія. Онъ первый сталъ клеймить товаръ своимъ именемъ и русскими буквами. На промышленныхъ выставкахъ его издѣлія получали первыя награды, и онъ постепенно убѣдилъ покупателей, что и русскія мужицкія руки могутъ изготовлять товары высокаго достоинства. За Завьяловымъ слѣдовали многіе его односельчане, и вскорѣ павловскія издѣлія пріобрѣли всеобщую извѣстность. Но не одинъ Завьяловъ, не одни составившіе себѣ громкое имя промышленники умѣютъ производить металлическія издѣлія высокаго качества. Многіе бѣднѣйшіе работники не уступаютъ имъ въ искусствѣ рукъ. Нѣтъ у такого бѣдняка денегъ, нѣтъ связей, нѣтъ достаточно предпріимчиваго духа, — и онъ всю жизнь работаетъ на богатыхъ производителей. Они даютъ матеріалъ, онъ обработываетъ его, и только одно клеймо принадлежитъ извѣстному заводчику. Онъ охотно продавалъ бы свои издѣлія офенямъ, странствующимъ торговцамъ, но эти не даютъ ему сколько-нибудь удовле-

Общій видъ слободы Холуй, Владим. губ.
(Съ фотографіи).

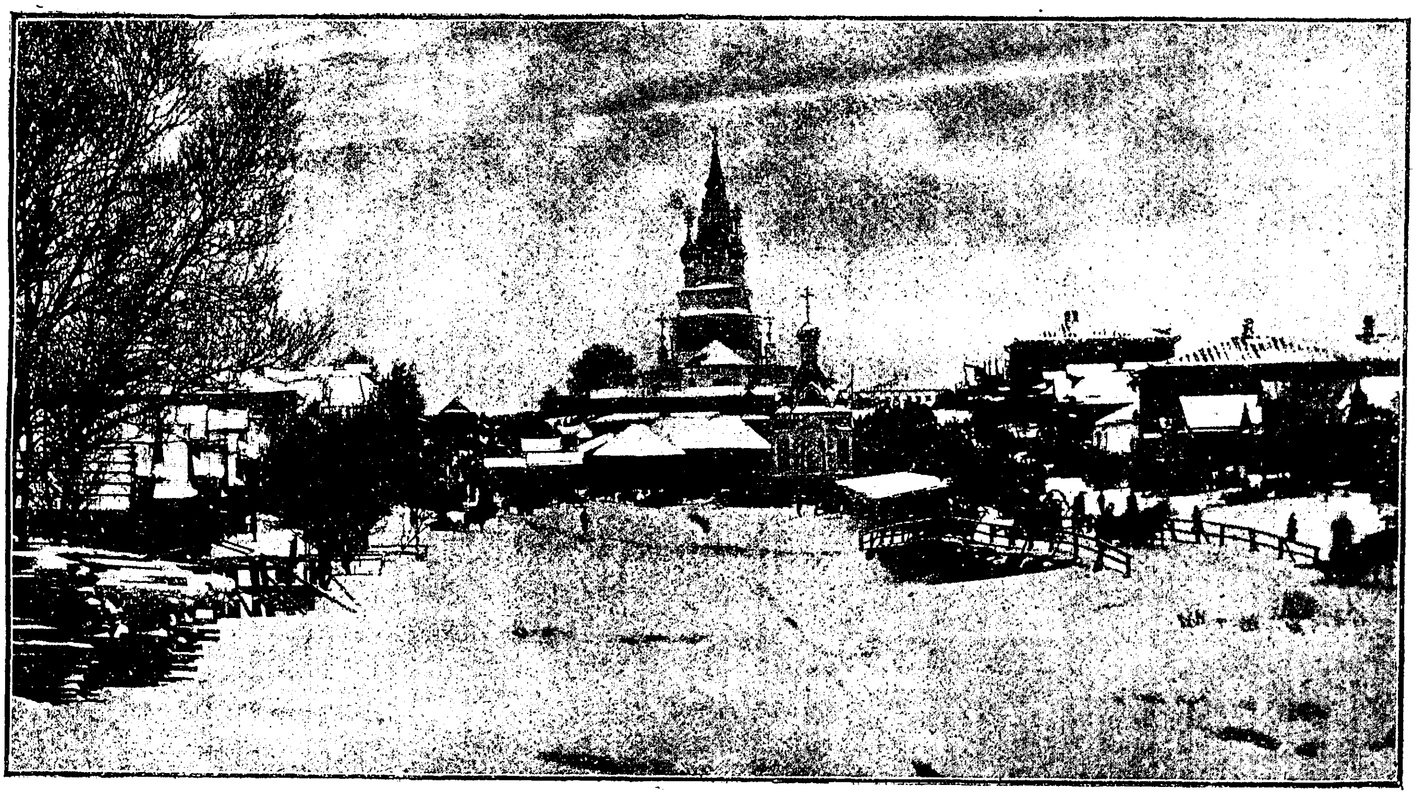
творительной цѣны, и вотъ онъ становится въ полную зависимость отъ крупнаго предпринимателя. Характеръ промышленности вообще кустарный. Въ Павловѣ и Ворсмѣ есть нѣсколько крупныхъ фирмъ; остальныя же заведенія имѣютъ во главѣ своей домохозяина, работающаго совмѣстно съ семьей; едва 20-ая часть домохозяевъ имѣетъ наемныхъ работниковъ. По понедѣльникамъ бываютъ въ Павловѣ большіе базары; на нихъ является кустарникъ и закупаетъ матеріалъ для своихъ издѣлій и хлѣба на недѣлю. Съ такимъ запасомъ онъ и начинаетъ работу. Встаетъ онъ въ полночь и работаетъ до 6 часовъ утра; это—время завтрака и краткаго отдыха. Затѣмъ снова начинается работа и длится до 2 часовъ пополудни. Пообѣдавъ, онъ работаетъ до 9 часовъ вечера и ложится спать на 3 часа. Трудъ павловца тяжелъ, неблагодаренъ, только праздники даютъ досугъ. Тѣснота помѣщеній и пыльная атмосфера заставляютъ ихъ работать безъ рубашекъ, почти нагими. Результатомъ такого труда является мѣсячный заработокъ въ 6—8 рублей; особенно искуснымъ мастерамъ удается добыть 15—20, но это—

Общій видъ слободы Холуй, Владим. губ.

(Съ фотографіи).

рѣдкое исключеніе. Заработки достаютъ только для покупки хлѣба; сбереженія, хотя бы въ самыхъ малыхъ размѣрахъ, невозможны. Во всемъ Горбатовскомъ уѣздѣ обработывается желѣза и прочихъ матеріаловъ до 500000 пудовъ. Стоимость же издѣлій, столовыхъ ножей, ножницъ, хирургическихъ инструментовъ, топоровъ, заступовъ и другихъ предметовъ, достигаетъ 3 милліоновъ. Низкая цѣна нѣкоторыхъ предметовъ объясняется и быстротой работы, и тѣми скудными средствами, коими довольствуется мастеръ. Только при такихъ условіяхъ могутъ продаваться низкіе сорта столовыхъ ножей по 1 рублю за дюжину, а перочинныхъ о 2 лезвеяхъ по 20 к. Сбываются павловскія издѣлія скупщикамъ. Нѣжные товары, легко покрывающіеся ржавчиною, бережно укладываютъ на возы, а товары грубые, заступы, лопаты, нагружаются на суда и отправляются въ Нижній-Новгородъ. Главными покупателями ихъ на нижегородской ярмаркѣ являются сибиряки и персіяне. Высшіе сорта издѣлій отправляются въ столицы; наконецъ, передатчиками служатъ также офени, развозящіе павловскій товаръ по всей Россіи.

Общій видъ села Палехи, Владим. губ.
(Съ фотографіи).

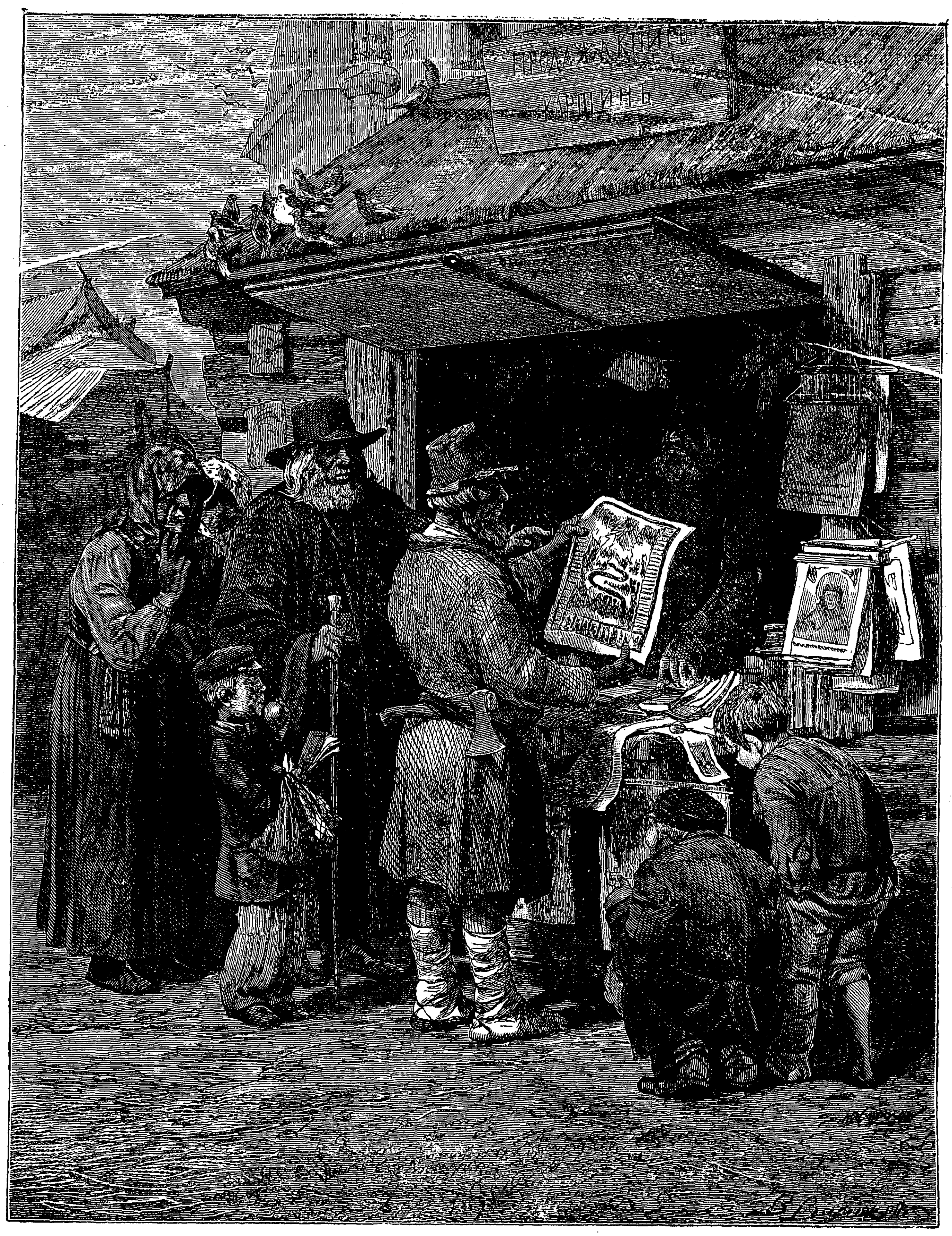
Въ сосѣдствѣ съ Павловымъ нашла себѣ пріютъ другая промышленность — иконописное производство. Ея средоточіями стали Холуй, Мстера и Палеха, селенія въ Вязниковскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи. И этотъ промыселъ—исконное занятіе мѣстнаго населенія. Уже въ XVII в. иконописцы зависѣли отъ суздальскаго архіерейскаго дома, а потому и самая иконопись получила названіе суздальской. Уже въ половинѣ прошлаго вѣка жители этихъ селеній ходили со св. иконами въ далекія страны, Польшу, Сербію, Болгарію. Мѣстные крестьяне совершенно утратили крестьянскій обликъ. Они не занимаются хлѣбопашествомъ; немногіе умѣютъ пахать, сѣять и даже запрягать лошадей. Болѣе 400 лавокъ въ с. Холуй даютъ жителямъ доходъ, достаточный для покрытія повинностей. Пріѣзжій людъ во время ярмарокъ также оставляетъ здѣсь немало денегъ. Но главное занятіе и источникъ заработковъ — иконопись. Не требуйте отъ иконописцевъ искусства; работа груба, но быстрота доведена до крайнихъ предѣловъ. Трудъ раздѣленъ между 2 группами работниковъ: одни пишутъ иконы до лица, другіе—только лица. Хорошіе мастера успѣваютъ написать за недѣлю до 600 полу-аршинныхъ

Общій видъ села Палехи, Владим. губ.

(Съ фотографіи).

иконъ. Операціи очень несложны. Мастеръ беретъ краску, разводитъ ее на яичномъ бѣлкѣ

Лавка лубочныхъ картинъ и книжекъ.
(Оригинальный рисунокъ Васнецова).

и покрываетъ олифой; въ 8—10 минутъ икона готова. Сотня стоитъ 2 рубля и такихъ иконъ приготовляется до 2 милліоновъ въ годъ. Ярмарки въ селѣ Холуй довольно обширны. Въ те-

Лавка лубочныхъ картинъ и книжекъ.

(Оригинальный рисунокъ Васнецова).

и покрываетъ олифой; въ 8—10 минутъ икона готова. Сотня стоитъ 2 рубля и такихъ иконъ приготовляется до 2 милліоновъ въ годъ. Ярмарки въ селѣ Холуй довольно обширны. Въ те-

ченіе года ихъ бываетъ пять. Сюда привозятъ различные товары: торгуютъ и чаемъ, и сахаромъ, и посудой, и ситцемъ; но главный предметъ торговли — иконы и лубочныя картины. Настраиваются десятки лавокъ съ «продажей книгъ и картинъ». Каждый посѣтитель ярмарки считаетъ своей обязанностью завернуть въ картинную лавку: идетъ туда и духовная особа, идетъ мужикъ съ топоромъ за поясомъ; мальчишки заглядываются на Бову-Королевича, а продавецъ протяжно выкрикиваетъ и выхваляетъ свой товаръ.—Офени закупаютъ иконы на ярмаркахъ въ Холуѣ и развозятъ по всей Россіи. Холуй производитъ иконы и лубочныя картины исключительно для крестьянскаго населенія, а потому и не идетъ дальше самой грубой работы. Не то Палеха: она пишетъ иконы для горожанъ, а потому онѣ и отличаются болѣе совершенной отдѣлкой. Мальчики принимаются въ ученье на много лѣтъ и постепенно переходятъ отъ простыхъ работъ, отъ иконъ низкой цѣны, къ иконамъ, болѣе цѣннымъ. Дешевизна матеріала, осѣдлость мастеровъ позволяютъ каждому устраиваться самостоятельно и препятствуютъ образованію крупныхъ промышленныхъ заведеній. На хозяйскихъ харчахъ хорошій мастеръ зарабатываетъ 10 руб., средній—6—7. Но, кромѣ писанія иконъ, эти селенія занимаются раскрашиваніемъ картинъ. Картины покупаются въ московскихъ литографіяхъ по 1 руб. 50 коп. за сотню; раскрашиванье возлагается преимущественно на дѣвочекъ 14 — 17 лѣтъ. Онѣ получаютъ за работу по $1^{1}/_{2}$ коп. отъ картины; средняя работница раскрашиваетъ 5 картинъ въ день и зарабатываетъ 45 коп. въ недѣлю. Въ тѣсной связи съ производствомъ иконъ и картинъ стоитъ сусальное мастерство, развившееся въ Мстерѣ. Мастерство это требуетъ отъ работника значительной тѣлесной силы, такъ какъ нужно выбивать изъ металла тончайшіе листки. Серебро покупается въ Москвѣ небольшими пластинками самой высокой пробы (94—96); пластинки эти называются *жеребьями*. Мастеръ нарѣзываетъ 250 листковъ и складываетъ ихъ въ книжки, носящія названіе *снастей*. Мастеръ кладетъ снасть на большой дикій камень и со всего размаха бьетъ ее молотомъ въ 7—8 фунтовъ вѣса; затѣмъ, по мѣрѣ утонченія листковъ, употребляетъ болѣе легкіе молотки. Листки серебра достигаютъ тонкости папиросной бумаги. Листочки растираютъ въ порошокъ и полученной такимъ образомъ краской покрываютъ иконы. Мастера-сусальщики зарабатываютъ до 2 рублей въ недѣлю. Сусальное золото производится такимъ же способомъ. Оно служитъ только для иконъ дорогихъ сортовъ.

Такъ живетъ великорусская деревня. Попросту, по старинѣ живетъ она, если крестьяне занимаются однимъ земледѣліемъ. Но въ жизнь ихъ входятъ новшества тамъ, гдѣ крестьянинъ изъ хлѣбопашца становится промышленникомъ.

Профессоръ *Андрей Исаевъ*.

ОЧЕРКЪ III.

ЖИЗНЬ И БЫТЪ НАИБОЛѢЕ ОБРАЗОВАННЫХЪ СОСЛОВІЙ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.

Образованное сословіе до и послѣ Петра Великаго. — Дворянство въ XVIII вѣкѣ; его жизнь и бытъ въ городахъ и деревняхъ. — Духовенство, какъ образованный классъ.—Бѣлое и черное духовенство, городское и сельское.—Купечество и его бытъ.

Порвалась цѣпь могучая,
Порвалась и ударила:
Однимъ концомъ—по барину,
Другимъ—по мужику...

Н. А. НЕКРАСОВЪ.

НА Руси до Петра Великаго или—говоря иначе—до введенія у насъ европейской образованности, та часть населенія, которая называется нынѣ «образованными» классами или «интеллигенціею», очень незамѣтно выдѣлялась изъ народа, какъ по степени своего научнаго уровня, такъ и по главнымъ условіямъ общественнаго и домашняго быта, а также и нравственнаго развитія. Правда, что и тогда не было общаго, полнаго сліянія людей «разныхъ чиновъ» или сословій, такъ какъ каждое изъ нихъ держало себя особнякомъ отъ другого. Ни на общественныхъ сборищахъ, которыхъ почти и не существовало, ни на увеселеніяхъ, ни въ домашнемъ кругу, московскій бояринъ, окольничій, стольникъ и вообще служилый человѣкъ не смѣшивались ни съ купцомъ, ни съ простолюдиномъ. Но если—какъ мы сказали—и тѣ и другіе не разнились замѣтно другъ отъ друга, по главнымъ условіямъ быта и по научному образованію, то все же домашняя обстановка,—по тогдашнимъ понятіямъ объ удобствахъ и роскоши,—представляла кидавшееся въ глаза различіе.

Крестьяне Московской области,—въ составѣ которой мы въ данномъ случаѣ подразумѣваемъ нынѣшнія губерніи: Московскую, Владимірскую, Нижегородскую, Костромскую, Ярославскую и Тверскую, — жили, не отступая нисколько отъ праотческой обстановки: ихъ курныя избы, ихъ простая и грубая одежда, ихъ незатѣйливая пища оставались точно такими же, какими все это было нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Позднѣе, среди людей, стоявшихъ на болѣе или менѣе выдававшихся общественныхъ вершинахъ, многое постепенно улучшалось. Такъ, въ концѣ XVII столѣтія крестьянскія избы и дома простыхъ горожанъ уже значительно разнились отъ боярскихъ хоромъ; парчевыя и бархатныя ферези бояръ и болѣе или менѣе нарядная одежда людей чиновныхъ рѣзко выдѣлялась изъ кучи мужицкихъ зипуновъ, а скромная ѣда простолюдиновъ была совсѣмъ не то, что̀ продолжительные и сытные боярскіе обѣды,

за которыми стали появляться все чаще и чаще и заморскія вина, и разныя лакомыя снѣди, привозимыя въ Московское государство изъ чужихъ краевъ.

Бытъ и обстановка въ упомянутыхъ выше мѣстностяхъ тогдашняго православнаго духовенства,—которое, относительно той поры, должно было принадлежать къ болѣе «образованнымъ классамъ»—находились въ зависимости отъ того, гдѣ оно проживало, то-есть въ городахъ или въ деревняхъ. Въ городахъ духовныя лица примѣнялись,—разумѣется, сообразно со своими денежными и имущественными средствами,—или къ богатымъ, или къ недостаточнымъ горожанамъ; въ деревняхъ же домашній бытъ духовенства не могъ ничѣмъ особеннымъ отличаться отъ убогаго крестьянскаго быта.

Купечество, жившее почти исключительно по городамъ, какъ и мѣщанство, то-есть коренные горожане, придерживались строго завѣтовъ старины, и потому бытъ ихъ не представлялъ никакихъ коренныхъ измѣненій, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, при увеличивавшемся достаткѣ денежныхъ средствъ, домашняя ихъ обстановка улучшалась и—болѣе или менѣе—разнообразилась сравнительно съ прежнею. Понятно, что богатый купецъ «гостинной сотни» жилъ относительно и удобнѣе, и просторнѣе, и прихотливѣе, нежели бѣдный его односословникъ, ведшій какой-нибудь убогій торгъ.

Что касается умственнаго неравенства, то оно въ прежнюю пору проявлялось еще слабѣе. Правда, въ той полосѣ Великой Россіи, которая составляетъ предметъ нашего настоящаго обозрѣнія, народонаселеніе отличается и бойкостью, и смѣтливостію, и здравымъ смысломъ; но всѣ эти прирожденныя способности большею частію и донынѣ остаются безъ дальнѣйшаго развитія, а въ прежнюю пору народу еще болѣе приходилось коснѣть въ темномъ невѣжествѣ. Даже въ самой Москвѣ, до учрежденія славяно-еллино-латинской академіи, не было ни одного училища, и распространителями просвѣщенія, даже въ исходѣ XVII столѣтія, были, въ государствѣ Московскомъ, полуграмотные «разныхъ чиновъ люди», преимущественно же безмѣстные, загуливавшіе попы, дьяконы, причетники и приказные. Въ концѣ XVII столѣтія, стали, однако, являться новые сѣятели, но не самобытнаго русскаго, а западнаго просвѣщенія; то были православные люди изъ Малороссіи и Бѣлоруссіи, обучавшіеся въ латинскихъ школахъ; но такихъ людей было очень немного, такъ что вообще научно-умственнаго движенія, какъ въ самой Москвѣ, такъ и на прилегавшихъ къ ней пространствахъ земли Русской, замѣтно не было. Можно сказать, что современная русская образованность—да и то не самостоятельно развившаяся, а возникшая изъ византійскихъ началъ—таилась за монастырскими стѣнами и сосредоточивалась преимущественно на сѣверѣ, въ отдаленной Соловецкой обители, куда, какъ въ мѣсто ссылки, попадало изъ Москвы не мало людей умныхъ и по тому времени просвѣщенныхъ, то-есть собственно начитанныхъ. Но такая образованность была очень слаба да притомъ и слишкомъ одностороння. Такъ, даже въ XVI вѣкѣ, русскіе грамотѣи писали, что за предѣлами земли Русской живутъ люди «съ песьими головами». Монастырская ученость не распространялась изъ своихъ немногочисленныхъ средоточій, да если бы она даже исходила оттуда и проникала далеко во всѣ концы Руси, то все-таки, по своему главному направленію, она не могла бы имѣть никакого общественнаго примѣненія и не могла бы установить болѣе правильное міросозерцаніе съ какой-либо научной точки зрѣнія.

Между тѣмъ въ самой Москвѣ все болѣе и болѣе расширялся такой уголокъ, который, какъ казалось, независимо отъ быстрыхъ и рѣшительныхъ преобразованій Петра, могъ бы повліять постепенно,—хотя и весьма незамѣтно,—на русскій бытъ старо-московскаго покроя. Уголокъ этотъ былъ—одна изъ многихъ Московскихъ слободъ или пригородовъ, называвшаяся прежде Кукуевской, а потомъ Нѣмецкой. Здѣсь селились со своими семьями проживавшіе въ Москвѣ «иноземцы», какъ-то: нѣмцы, голландцы, шведы, французы и англичане. Всего болѣе, однако, между ними было настоящихъ нѣмцевъ, по имени которыхъ русскіе и всѣхъ иностранцевъ, безъ особыхъ племенныхъ различій, вообще называли «нѣмцами». Одни изъ такихъ

нѣмцевъ состояли въ царской военной службѣ; другіе занимались торговлею, промышленностію и ремеслами. Были также между ними и художники, и врачи, и аптекаря. Такъ какъ вообще въ ту пору Западная Европа далеко ушла отъ государства Московскаго не только на пути просвѣщенія, но и общежитія, то селившіеся въ Москвѣ иноземцы могли быть для московскихъ людей образцами во всѣхъ отношеніяхъ, а между прочимъ и въ отношеніи развитія общественной жизни. Хотя русско-московское населеніе и не смотрѣло вообще враждебно на проживавшихъ среди него иноземцевъ, но между москвичами и нѣмцами не было не только никакого сближенія, но даже и никакихъ ни общественныхъ, ни семейныхъ отношеній, кромѣ такихъ, которыя обусловливались покупкою, продажею и разнаго рода заказами. И тѣ и другіе жили отдѣльно, особнякомъ, русскіе на свой ладъ, а нѣмцы на свой, не перенимая пока обычаевъ одни отъ другихъ. Ихъ разнили и вѣра, и языкъ, и нравы.

Въ Кукуевской слободѣ нѣмцы обстроились очень хорошо, такъ что она рѣзко отличалась по своей обстройкѣ отъ прочихъ частей Москвы, представляя видъ одного изъ тогдашнихъ нѣмецкихъ городковъ, опрятныхъ и оживленныхъ. Дома въ Слободѣ были не въ видѣ простыхъ избъ, а въ видѣ просторныхъ хоромъ съ большими окнами; передъ домами были разведены палисадники и фруктовые сады, улицы были чисты, а по бокамъ ихъ находились канавы, чрезъ которыя были перекинуты красивые мостики. Въ Слободѣ были: и лютеранская кирка и училище. Въ то время, когда на московскихъ улицахъ стояла или мертвая тишь, или, напротивъ, слышались зазорная брань, залихватская пѣсня и громкій шумъ около царскихъ «кружалъ», улицы Слободы, днемъ и особенно къ вечеру въ лѣтнюю пору, оживлялись чинно гулявшими нѣмцами и нѣмками, а изъ оконъ, — то здѣсь, то тамъ, — слышалось всегда приличное, а въ художественномъ отношеніи иногда и прекрасное пѣніе или музыка, такъ какъ нѣмки играли на клавикордахъ и гусляхъ, а мужчины—на скрипицахъ и духовыхъ инструментахъ, бывшихъ въ ту пору въ употребленіи у западныхъ европейцевъ.

Хотя,—какъ мы замѣтили,—москвичи и не заимствовали никакихъ обычаевъ отъ своихъ сосѣдей-нѣмцевъ, но это замѣчаніе относится не безусловно ко всему населенію Москвы и представляетъ нѣкоторыя, хотя и весьма немногія, исключенія. Такъ, иные бояре уже въ XVII столѣтіи начинали жить на европейскій складъ, заимствуя кое-что изъ-чужа для своей домашней обстановки. У любимца царя Алексѣя Михайловича, боярина Матвѣева, женатаго на англичанкѣ, домъ былъ устроенъ на англійскій ладъ, а знаменитый князь Василій Васильевичъ Голицынъ, любимецъ царевны Софіи Алексѣевны, жилъ въ Москвѣ, по свидѣтельству бывавшихъ тамъ иностранцевъ, наподобіе владѣтельнаго нѣмецкаго государя. Въ домахъ упомянутыхъ бояръ, устроенныхъ уже не на московскій ладъ, были и шелковые обои, и занавѣсы, и зеркала, и картины, и библіотеки. Но,—повторимъ мы,—все это представляло только исключеніе, такъ какъ вообще всѣ москвичи, несмотря на ихъ высокое служебное или — что́ тогда было то-же самое — общественное положеніе, держались стариннаго образа жизни.

Строенія въ Москвѣ были деревянныя; каменныя, да и то необширныя зданія находились только въ Кремлѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города виднѣлись усадьбы людей чиновныхъ, окруженныя тыномъ, за которымъ стояли и хоромы, и хозяйственныя постройки, были выкопаны пруды и разведены сады и огороды. Уже одинъ видъ такихъ усадьбъ, съ запертыми вѣчно воротами, какъ и у всѣхъ вообще русскихъ домовъ, показывалъ, что общежитія въ Москвѣ не было, и что чѣмъ важнѣе былъ москвичъ, тѣмъ дальше онъ держался отъ другихъ. Восхваляемаго обыкновенно широкаго радушія не было: москвичи посѣщали другъ друга рѣдко, и «незваный гость былъ хуже татарина». По поводу этого, извѣстный историкъ, князь Щербатовъ, писалъ: «Не было тогда ни единаго, кто бы имѣлъ открытый столъ, но развѣ ближніе самые родственники безъ зову куда обѣдать ѣздили, а посторонніе инако не ѣзжали, какъ токмо званые и могли сидѣть по-утру до часу обѣденнаго, а ввечеру до ужина, не бывъ уняты обѣдать или ужинать».

Нѣтъ надобности описывать прежнюю Москву, такъ какъ она описана уже въ предыдущемъ томѣ «Живописной Россіи». Здѣсь-же необходимо отмѣтить лишь такія частности, которыя должны оттѣнить переходъ такъ-называемыхъ образованныхъ классовъ отъ стариннаго московско-русскаго быта,—развившагося, между прочимъ, не безъ татарскаго на него вліянія,—къ новому, налаженному на западно-европейскій образецъ.

Мертвенность и безцвѣтность старинной русской общественной жизни обусловливалась затворничествомъ женщинъ, и чѣмъ выше было общественное положеніе замужней женщины или дѣвушки, тѣмъ строже была ея неволя. Доходило до того, что нѣкоторыя изъ нихъ были обречены какъ бы на безысходное заточеніе въ теремахъ и на отчужденіе отъ всего того, что́ существовало за порогомъ ихъ родительскаго или супружескаго дома.

Царевна Софія Алексѣевна нарушила, однако, этотъ обычай, начавъ выходить не только къ боярамъ въ «переднюю», но появляться пѣшкомъ на московскихъ улицахъ и площадяхъ среди народа, да при томъ еще съ открытымъ лицомъ. Она начала устраивать въ своихъ покояхъ театральныя представленія, на которыхъ разыгрывались пьесы библейскаго и евангельскаго содержанія и комедіи Мольера въ русскомъ переводѣ. Такой починъ Софіи по освобожденію русскихъ женщинъ изъ прежней неволи, но уже гораздо рѣшительнѣе, продолжалъ Петръ Великій, присмотрѣвшійся къ иноземному быту еще въ самой ранней молодости, въ Нѣмецкой слободѣ.

Обыкновенно первенствующимъ представителемъ перемѣны, происшедшей въ нашемъ быту, считается Петербургъ. На него смотрятъ, какъ на первоначальный источникъ западныхъ новшествъ, но это не совсѣмъ вѣрно. Первыя бытовыя у насъ перемѣны произошли въ Москвѣ, и даже, какъ мы замѣтили, отступленія отъ родной старины начались еще въ ту пору, когда о Петербургѣ не могло быть и помину. Только впослѣдствіи Петербургъ, какъ городъ новый, безъ всякихъ исконныхъ привычекъ и стародавнихъ преданій и при томъ съ бо́льшимъ, чѣмъ Москва, числомъ представителей образованныхъ классовъ, ушелъ впередъ въ отношеніи бытовой европейской складки. Такая отсталость Москвы отъ Петербурга выражалась особенно рѣзко въ прошломъ столѣтіи. Перевѣсу иностранщины въ Петербургѣ содѣйствовало немало и постоянное пребываніе въ новой столицѣ императорскаго двора, который все болѣе и болѣе освоивался съ западно-европейскою жизнью.

Если заведенныя Петромъ Великимъ «ассамблеи» представляли грубый снимокъ съ увеселительныхъ собраній, бывавшихъ тогда при дворахъ западно-европейскихъ, собственно даже нѣмецкихъ государей, и оканчивались обыкновенно «пьянственнымъ образомъ», и если къ петровскимъ ассамблеямъ приближались и тѣ пиры, которые, наподобіе европейскихъ баловъ, стали давать въ Петербургѣ русскіе вельможи, то этого рода общественныя собранія начали впослѣдствіи утрачивать свой первоначальный отпечатокъ. Уже при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, за образецъ придворныхъ баловъ принимались—хотя и далеко неудачно—блестящіе и жеманные балы версальскаго двора. При императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, они еще болѣе приближались къ своему образцу, и, наконецъ, при Екатеринѣ II петербургскій дворъ, по его обстановкѣ, блеску и изящной утонченности, не уступалъ двору тогдашнихъ королей французскихъ.

Развитіе общественной жизни въ такомъ направленіи, разумѣется, отражалось ближайшимъ образомъ на петербургскомъ придворномъ кругѣ, а изъ него передавалось все дальше и дальше. Москва въ этомъ случаѣ была, въ лицѣ своихъ именитыхъ представителей, усердною подражательницей Петербурга, и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ желала перещеголять его, живя уже на слишкомъ широкую ногу, хотя и съ рѣзкимъ отпечаткомъ грубой старины. Главные правители Москвы, а затѣмъ и намѣстники въ примосковскихъ областяхъ, избранные Екатериною изъ людей, болѣе или менѣе европейски-образованныхъ и при томъ богатыхъ, вносили петербургскіе обычаи въ общественную жизнь Москвы. Въ свою очередь и у нихъ явилось

множество подражателей среди богатыхъ помѣщиковъ, желавшихъ жить—по мѣрѣ своихъ средствъ, а еще чаще и выше ихъ—въ той же обстановкѣ, въ какой жили высшія правительственныя лица. Сверхъ того, около половины прошлаго столѣтія, начались частыя поѣздки за границу русскихъ людей, то для лѣченія на тамошнихъ водахъ, то для развлеченія, то для научнаго образованія. Всѣ эти «вояжиры», возвращаясь на родину, привозили изъ-чужа разныя небывалыя у насъ новшества. Многіе изъ нихъ селились потомъ, какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ своихъ деревняхъ, находившихся въ ближайшихъ примосковскихъ мѣстностяхъ, и старались, по тѣмъ или другимъ условіямъ своего домашняго быта, примѣниться къ западноевропейской жизни. Въ добавокъ къ этому, еще со временъ Елисаветы Петровны, стали по-

Ассамблея при Петрѣ Великомъ.
(Съ картины художника Хлѣбникова).

являться въ домахъ русскихъ вельможъ и помѣщиковъ иностранцы и иностранки, въ качествѣ воспитателей и воспитательницъ нашего юношества, и, безъ всякаго сомнѣнія, пребываніе ихъ среди русскихъ дворянъ, а между прочимъ и въ деревняхъ у помѣщиковъ, не оставалось безъ нѣкотораго вліянія на наше образованіе, какъ на одно изъ условій для развитія общежительности. Вліяніе это чрезвычайно усилилось, когда во время первой французской революціи, въ качествѣ воспитателей русскаго юношества, явились, между прочимъ, благовоспитанные аббаты, а также изящные виконты и шевалье. Какую пользу принесли они вообще дѣлу воспитанія въ Россіи—это особый вопросъ, но несомнѣнно, что они придали нашей общественной жизни извѣстный лоскъ, и что вліяніе ихъ было широко распространено, такъ какъ не мало подобныхъ личностей размѣстилось и по деревенскимъ нашимъ захолустьямъ, особенно примосковскимъ. Была также въ нашей жизни и нѣкоторая струя англійскаго вліянія, такъ какъ многіе

Ассамблея при Петрѣ Великомъ.

(Съ картины художника Хлѣбникова).

наши помѣщики увлекались англоманіей и старались—хотя обыкновенно и карикатурно — жить на манеръ великобританскихъ лордовъ.

Обыкновенно о дворянствѣ говорится какъ о какомъ-то особомъ сословіи, существовавшемъ въ Россіи будто-бы съ древнихъ временъ. На повѣрку же оказывается, что такого сословія у насъ въ былое время вовсе не существовало, а возникло оно,—да и то въ неопредѣленномъ составѣ,—только въ первой четверти XVIII вѣка, и лишь въ исходѣ его получило болѣе или менѣе стройное устройство. Хотя слово «дворянинъ» было у насъ въ употребленіи еще въ отдаленное время, но оно означало не сословіе, а только служебную должность. Такъ, между прочимъ, были у насъ дворяне патріаршіе, архіерейскіе, а потомъ появились и синодальные. Когда Петръ I сталъ образовывать дворянство въ видѣ первенствующаго сословія, то, для означенія такого сословія, въ общей его совокупности, не оказалось на русскомъ языкѣ подходящаго слова, а потому и введены были польскія слова «шляхетство», «шляхетный» и «шляхтичъ». Такъ какъ съ этими словами соединялось понятіе о вольности и преимуществахъ польскаго дворянства, то они очень полюбились тѣмъ, которые вошли или входили въ составъ русскаго дворянства, и сами дворяне великорусскихъ губерній называли свое сословіе шляхетствомъ. Такое названіе оставалось за нашимъ дворянствомъ почти до исхода XVIII вѣка, потому что слово дворянинъ, означавшее собственно слугу при княжескомъ дворѣ, не могло слишкомъ нравиться.

Ядромъ нашего дворянства были не какіе-нибудь феодальные владѣтели, но «служилые» люди, получавшіе за службу помѣстья во временное владѣніе или вотчины въ наслѣдственную собственность, и Петръ началъ устройство дворянства съ того, что соединилъ помѣстья съ вотчинами, и, вслѣдствіе этого, у насъ на первый разъ составилось помѣстное дворянство, владѣвшее имѣніями, населенными крѣпостными крестьянами, такъ что въ глазахъ людей, не знакомыхъ хорошо съ русскою исторіей, оно получило оттѣнокъ какъ-бы феодально-западнаго дворянства. Вскорѣ, однако, къ такому основному составу нашего дворянства стало присоединяться множество новыхъ лицъ, и число ихъ должно было постоянно умножаться, вслѣдствіе изданной въ 1722 году Петромъ I такъ-называемой «Табели о рангахъ».

Прежде чѣмъ появилось у насъ названіе дворянства или шляхетства, Петръ пытался составить какое-нибудь общее названіе, соотвѣтствующее понятіямъ, подразумѣваемымъ подъ этими словами, и въ указахъ своихъ сталъ вводить выраженія: «царедворцы», «палатные люди»; но слова эти не привились, а слово дворянинъ, въ смыслѣ сословнаго представителя, начало появляться все чаще и чаще въ правительственномъ языкѣ того времени, для означенія человѣка благороднаго происхожденія.

Преобразованіе собственно не дворянства, а боярства и вообще «преимущихъ» подготовлено было до Петра уничтоженіемъ мѣстничества, но тогда рѣчь шла не о какомъ-либо сословіи, но только объ отмѣнѣ права отдѣльныхъ личностей на занятіе должностей по заслугамъ какого-либо рода, помимо личныхъ достоинствъ и даже, просто-на-просто, помимо вопроса о пригодности членовъ того или другого рода. Въ прежнее время московскіе знатные роды дѣлились, главнымъ образомъ, на два разряда: члены однихъ родовъ были жалованы прямо въ бояре, а члены другихъ родовъ, прежде полученія боярства, должны были состоять нѣкоторое время въ званіи окольничихъ. Для всѣхъ прочихъ родовъ полученіе боярства было очень затруднительно, и эта высшая ступень служебнаго почета предоставлялась людямъ неродовитымъ очень рѣдко, только по особой милости государя.

Хотя съ уничтоженіемъ мѣстничества и были сожжены такъ-называвшіяся «Разрядныя книги», на основаніи которыхъ велись мѣстническіе счеты и опредѣлялось право того или другого лица на занятіе какой-либо должности предпочтительно передъ другими, въ силу заслугъ его предковъ, — но понятіе о такомъ правѣ не искоренилось еще окончательно къ началу XVIII столѣтія. Вслѣдствіе этого, Петру, для образованія такого сословія, члены котораго счи-

тались бы всѣ равноправными между собою и не ссылались-бы на заслуги своихъ предковъ, нужно было въ конецъ искоренить старинный обычай, или, вѣрнѣе сказать, предразсудокъ. Вводя, взамѣнъ прежнихъ чиновъ и званій, ранги, съ названіями, позаимствованными большею частью изъ языковъ нѣмецкаго и латинскаго, Петръ постановилъ, что сыновьямъ знатнѣйшаго дворянства «по одному происхожденію ихъ, безъ опредѣленныхъ заслугъ, не присвоивается никакого чина». Впослѣдствіи онъ пояснилъ, что знатность дворянства должна считаться не по числу дворовъ, не по рангамъ, а по годности. Путь къ достиженію дворянства онъ проложилъ не только по коронной, но и по общественной службѣ, предоставивъ членамъ городскихъ магистратовъ право просить дворянства за усердную и честную службу.

Петръ положилъ конецъ всякимъ мѣстническимъ притязаніямъ еще и тѣмъ, что сталъ выдвигать людей, способныхъ по его мнѣнію къ занятію высшихъ должностей, безъ всякихъ справокъ объ ихъ родословіи, и тѣмъ, что поставилъ личную службу выше наслѣдственныхъ заслугъ. Выразилъ онъ это въ «Воинскомъ уставѣ», указавъ тамъ, что «безчиновные дворяне обязаны оказывать почетъ и уступать мѣсто каждому оберъ-офицеру».

Затѣмъ Петръ озаботился о томъ, чтобы въ составленное имъ высшее сословіе внести зачатки научнаго образованія, и съ этою цѣлью издалъ указъ объ ученіи дворянскихъ дѣтей цифири и грамотѣ, запретивъ вступать въ бракъ тѣмъ изъ нихъ, которые не окажутъ успѣховъ въ двухъ упомянутыхъ предметахъ первоначальнаго обученія.

Поставивъ главною обязанностію каждаго дворянина его личную службу государству, безъ ссылокъ на родовыя заслуги, Петръ въ 1713 году издалъ указъ о явкѣ въ канцелярію сената всѣхъ дворянъ для распредѣленія ихъ на службу, сообразно ихъ способностямъ и познаніямъ. При этомъ служба дворянъ была сдѣлана для каждаго обязательною на всю жизнь, такъ какъ увольненіе отъ нея они могли получать только по двумъ причинамъ—за старостью и за неизлѣчимыми болѣзнями.

Въ слѣдующемъ 1714 году вышелъ такъ-называемый указъ объ единонаслѣдіи въ дворянскихъ имѣніяхъ, подъ дѣйствіемъ котораго у насъ должна была бы выдѣлиться часть богатаго дворянства, а другая, большая его часть—образовать изъ себя среднее сословіе. Такъ какъ въ силу этого указа «кадетамъ», т. е. младшимъ дворянскимъ сыновьямъ, не получавшимъ доли въ недвижимомъ отцовскомъ имѣніи, дозволено было вступать въ купечество, «знатныя художества» и въ бѣлое духовенство, то такое поступленіе запрещено было ставить имъ въ безчестье. Чтобы побудить «кадетовъ» къ такимъ занятіямъ, запрещено было дворянамъ, не получившимъ наслѣдственнаго имѣнія, пріобрѣтать для себя деревни, ранѣе прослуженія въ службѣ опредѣленнаго числа лѣтъ. Одновременно съ этимъ приказано было всѣмъ дворянамъ отъ десяти до тридцати-лѣтняго возраста записаться въ сенатѣ, дабы ихъ во всякую пору потребовать можно было на службу. Изъ числа этихъ дворянъ нѣкоторые назначены были къ отправленію въ чужіе края для обученія разнымъ наукамъ.

Всѣ упомянутыя мѣры клонились только къ опредѣленію того положенія, какое должно было занять въ государствѣ высшее сословіе, которое и стало называться съ 1712 года преимущественно «шляхетствомъ», при постоянномъ смѣшеніи этого стариннаго польскаго слова съ появившимся теперь въ русскомъ языкѣ словомъ «дворянство». Окончательное же устройство шляхетства или дворянства было положено въ 1722 году изданіемъ «Табели о рангахъ».

Въ «Табели» этой, между прочимъ, было написано: 1) «всѣ оберъ-офицеры, которые произошли не изъ дворянства, оные и ихъ дѣти и ихъ потомки суть дворяне, и надлежитъ имъ дать патенты», и 2) «всѣ служители россійскіе и иностранные, кои въ восьми первыхъ рангахъ находятся или дѣйствительно были, и оныхъ законныя дѣти и потомки въ вѣчныя времена старинному лучшему дворянству во всякихъ преимуществахъ и авантажахъ равно почтены быть имѣютъ, хотя-бы они и низкой породы были и прежде отъ коронованныхъ главъ

никогда въ дворянское достоинство произведены, ни гербомъ снабжены не были». При этомъ явились у насъ двѣ степени дворянства: потомственное и личное. Потомственными дворянами признаны были военные офицеры всѣхъ ранговъ и ихъ сыновья безразлично, тогда какъ сыновья лицъ, получившихъ оберъ-офицерскіе чины на службѣ гражданской или придворной, должны были составить изъ себя и своихъ потомковъ личное дворянство.

Такимъ образомъ, къ первой четверти XVIII вѣка явилось у насъ какъ-бы двѣ степени дворянства, при чемъ старинное, потомственное дворянство подраздѣлилось какъ-бы на два разряда: на новое и старое, и затѣмъ вскорѣ первый разрядъ сталъ относиться ко второму съ большимъ пренебреженіемъ. Извѣстный министръ Анны Ивановны Волынскій раздѣлялъ русское «шляхетство» на «знатное» и «подлое», или, въ сущности, па дворянство помѣстное и выслуженное по чинамъ. Въ такомъ же смыслѣ высказался нѣсколько позднѣе и историкъ, князь Щербатовъ. Въ комиссіи о составленіи проекта новаго «Уложенія» заявлялось, между прочимъ, чтобы происходящіе отъ лицъ, выслужившихъ потомственное дворянство по чинамъ, были признаваемы дворянами, начиная только съ третьяго колѣна отъ ихъ родоначальника, и чтобы только послѣ этого они получали право пріобрѣтать населенныя имѣнія. Несмотря, однако, на подобныя заявленія, личный составъ потомственнаго русскаго дворянства продолжалъ умножаться способами, указанными въ «Табели о рангахъ».

Нельзя сказать при этомъ, что требованіе «знатнаго» дворянства о выдѣленіи изъ среды его дворянства «подлаго» имѣло какое-либо историческое значеніе, такъ какъ происхожденіе того и другого было совершенно одинаково. Помѣстное дворянство въ прежнее время—какъ нѣсколько позднѣе и чиновное—пріобрѣталось точно также службою. Относительно древности происхожденія того или другого не могло быть также значительной разницы, такъ какъ раздача помѣстій и вотчинъ за службу производилась не въ какія-нибудь отдаленныя времена, но продолжалась еще и въ самомъ концѣ XVII столѣтія. Преданій, поддерживавшихъ сословную честь, не существовало ни въ томъ, ни въ другомъ разрядѣ только-что составлявшагося еще русскаго дворянства, а по образованію и по нравственнымъ качествамъ оба разряда были совершенно одинаковы при сравненіи одного съ другимъ.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что Петръ, предоставляя людямъ «низкой породы» право на полученіе ими по рангамъ дворянства, не признавалъ утвержденія ихъ въ дворянствѣ только въ силу одной достигнутой ими чиновности, но требовалъ, чтобы они въ этомъ достоинствѣ были утверждены верховною властью и получали патенты на дворянство. Правило это, однако, не соблюдалось, и дворянами стали признавать тѣхъ, которые получили чины отъ сената, синода и коллегій, а не предъявляли высочайшихъ грамотъ, утверждавшихъ такихъ чиновниковъ въ дворянствѣ коронованною главою. Такой способъ и составилъ существенную разницу между русскимъ и западно-европейскимъ дворянствомъ. Такъ, напримѣръ, во всей Германіи, Австріи, Англіи и Италіи можно дослужиться до самыхъ высокихъ должностей, но нельзя сдѣлаться дворяниномъ безъ особаго пожалованія дворянскимъ достоинствомъ непосредственно отъ верховной власти.

Кромѣ опредѣленно-указанныхъ въ «Табели о рангахъ» случаевъ, когда могло быть пріобрѣтено право дворянства, уже при Петрѣ I возникъ вопросъ: кого признавать дворянами по ихъ предкамъ? Вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ въ «Приложеніяхъ» къ упомянутой «Табели». Въ нихъ было сказано: «понеже никому, кромѣ его императорскаго величества и коронованныхъ главъ, не принадлежитъ, кого въ дворянское достоинство и гербомъ пожаловать, а супротивъ того, многократно оказалось, что нѣкоторые дворянами самихъ себя называютъ, а доподлинно не суть дворяне, иные же своевольно гербъ приняли, котораго предки ихъ не имѣли, ниже отъ предковъ его величества или иностранныхъ коронованныхъ главъ имъ данъ не былъ, и при томъ смѣлость пріемлютъ иногда такой гербъ избрать, который владѣющіе государи и иныя знатнѣйшія фамиліи имѣютъ. Того ради его императорское величество тѣмъ,

до которыхъ сіе касается, милостиво напоминаетъ, чтобы каждый отъ такого непристойнаго поступка и отъ того воспослѣдующаго безчестія и штрафованія впредь остерегался».

Въ силу этого потребовано было, чтобы дворяне, считающіеся таковыми по своимъ предкамъ, представили герольдмейстеру доказательства на право дворянства въ полуторагодовой

Императоръ Петръ III.
(Съ современной гравюры Тейхера съ оригинала, писаннаго Рокотовымъ).

срокъ, и когда кто послѣ того дворянства не докажетъ—не можетъ уже считаться дворяниномъ. Представить-же въ этомъ случаѣ доказательства должны были не менѣе какъ за сто лѣтъ, и такихъ лицъ сенатъ могъ признавать дворянами, а герольдмейстерская контора должна была изготовлять для нихъ гербы, которые подносились-бы на Высочайшее утвержденіе.

Нѣкоторыя лица, не имѣвшія возможности доказать свои права на дворянство удостовѣ-

Императоръ Петръ III.

(Съ современной гравюры Тейхера съ оригинала, писаннаго Рокотовымъ).

реніемъ въ томъ, что предки ихъ были жалованы за дворянскія службы помѣстьями и вотчинами, и не имѣвшія сами чиновъ, предоставлявшихъ право на дворянство, были прямо возведены Петромъ I выданными имъ грамотами въ потомственное дворянское достоинство, въ видѣ особой монаршей милости.

Всего чаще возбуждался въ XVIII вѣкѣ вопросъ о томъ, къ какому сословію должны были принадлежать такъ называвшіеся прежде «дѣти боярскіе», которые, по установлявшимся при Петрѣ понятіямъ о дворянствѣ или шляхетствѣ, не могли имѣть безусловнаго права на потомственное дворянство. Число дѣтей боярскихъ было къ началу XVIII вѣка громадное, но только въ 1758 году сенатъ занялся окончательнымъ разборомъ ихъ сословныхъ правъ. При этомъ сенатъ нашелъ, что по разряднымъ книгамъ въ число дѣтей боярскихъ были записаны и «подлые» люди, и знатныя фамиліи, но неизвѣстно было, кто именно считались дворянами. Разсматривая этотъ вопросъ, сенатъ принялъ въ соображеніе, что при сожженіи разрядныхъ книгъ царь Ѳедоръ Алексѣевичъ велѣлъ написанныхъ въ «десятнѣ первой статьи» лицъ записать въ особую книгу съ тѣми, кто были полковыми воеводами и въ иныхъ «честныхъ» чинахъ, а роды, которые въ знатныхъ чинахъ не были и ничего не заслужили и въ десятняхъ написаны въ среднихъ и низшихъ статьяхъ, и тѣхъ написать въ особую книгу. Въ виду такого распредѣленія служилыхъ людей, сенатъ постановилъ: признавать дворянами только тѣхъ дѣтей боярскихъ, роды которыхъ были написаны въ первыхъ десятняхъ, такъ какъ въ эти десятни были записаны знатные дворяне, числившіеся дѣтьми боярскими по дворцовымъ городовымъ спискамъ.

Такимъ опредѣленіемъ сената вполнѣ объясняется, почему у насъ во второй половинѣ XVIII вѣка явилось такое множество дворянъ и помимо тѣхъ лицъ, которыя присоединялись постепенно къ дворянству по полученнымъ ими военнымъ и гражданскимъ чинамъ.

Составленное на измѣненныхъ нѣсколько противъ прежняго основаніяхъ, наше дворянство или шляхетство сохранило и въ XVIII вѣкѣ свою прежнюю закваску, т. е. состояло собственно изъ служилыхъ людей и ихъ потомковъ; но оно не пользовалось пока никакими особыми правами и преимуществами и даже вольностію, такъ какъ представители этого сословія должны были, какъ замѣчено выше, оставаться на службѣ, пока преклонный возрастъ или разстроенное въ конецъ здоровье не освобождало ихъ отъ нея. Только по вступленіи на престолъ Анны Ивановны, срокъ службы дворянъ былъ сокращенъ до двадцати лѣтъ, а ранѣе истеченія этого срока отбыть отъ службы было очень трудно, такъ какъ изъ полковъ увольняли въ отставку не только послѣ нѣсколькихъ лѣкарскихъ освидѣтельствованій, но и въ томъ лишь случаѣ, когда рядовой или офицеръ оказывался непригоднымъ къ отправленію какихъ-либо обязанностей въ гарнизонѣ, въ канцеляріи или при казенныхъ амбарахъ и складахъ. При этомъ, въ отношеніи суда и наказаній, дворянинъ ничѣмъ не отличался отъ простолюдина, такъ какъ кнутъ, клеймо и батоги приходились и на его долю, какъ и на долю каждаго виновнаго.

Впослѣдствіи, собственно только въ XIX вѣкѣ, особеннымъ, исключительно принадлежавшимъ потомственному дворянству правомъ сдѣлалось право владѣнія крѣпостными людьми, но въ XVIII вѣкѣ такое право не было отнято у лицъ другихъ сословій, и въ этомъ отношеніи продолжались старо-московскіе порядки, такъ какъ каждый могъ покупать и продавать крѣпостныхъ людей. Въ средѣ самого дворянства высказывалось не разъ желаніе, чтобы крѣпостное право было сдѣлано правомъ, исключительно предоставленнымъ только лицамъ дворянскаго званія, но такія домогательства оставались безъ всякихъ послѣдствій.

Только при императрицѣ Елисаветѣ сдѣлано въ этомъ отношеніи нѣкоторое ограниченіе, такъ какъ она указала, чтобы произведеннымъ въ чины фабрикантамъ изъ купцовъ «въ пріобрѣтеніи имуществъ дворянскими правами не пользоваться». При ней же явилась попытка привести въ извѣстность личный составъ дворянскаго сословія, и герольдмейстерской конторѣ

повелѣно было составить списокъ «о шляхетствѣ», съ означеніемъ службы каждаго. Опредѣлено было также, кого изъ прежнихъ службъ считать дворянами, при чемъ сенатомъ были приняты въ основаніе соображенія, высказанныя еще при Петрѣ I, и приведенные нами выше указы царя Өедора Алексѣевича. Въ 1761 году сенатъ приказалъ герольдмейстерской конторѣ, въ силу именныхъ Высочайшихъ указовъ, «сочинить родословную о дворянахъ книгу, а чего доставать не будетъ, учиня докладъ, представить сенату».

Самымъ замѣчательнымъ событіемъ въ исторіи русскаго дворянства не только за XVIII вѣкъ, но и за все время его существованія—былъ изданный 18 февраля 1761 года манифестъ императора Петра III.

Упомянувъ въ этомъ указѣ о трудахъ для блага Россіи своего дѣда Петра Великаго, Петръ III указалъ, что для сего нужно было: «въ наипервыхъ, яко главный въ государствѣ членъ, пріучить дворянство и показать, сколько есть велико преимущество просвѣщенныхъ державъ въ благоденствіи рода человѣческаго противъ безчисленныхъ народовъ, погруженныхъ въ глубинѣ невѣжества, то посему,—продолжаетъ манифестъ,—въ тогдашнее же время самая крайность настояла россійскому дворянству,—оказывая ему отличные знаки милости—вступать въ военныя и гражданскія службы и, сверхъ того, обучать благородное юношество не только разнымъ свободнымъ наукамъ, но и многимъ полезнымъ искусствамъ». По словамъ манифеста, это было соединено съ принужденіемъ, «а теперь,—добавлялось въ манифестѣ,—исчезла уже грубость нерадивыхъ о пользѣ общей, перемѣнилось невѣжество въ здравый разсудокъ, полезное знаніе и прилежность къ службѣ умножили въ военномъ дѣлѣ искусныхъ и храбрыхъ генераловъ, въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ поставили свѣдущихъ и годныхъ къ дѣлу людей, и благородныя мысли вкоренились въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ Россіи патріотовъ. Поэтому,—объявлялось въ манифестѣ,—Мы и не находимъ той необходимости въ принужденіи къ службѣ, которая до сего времени потребна была».

Манифестъ разрѣшалъ дворянамъ служить или не служить и продолжать службу, сколько кому состояніе его позволитъ. Сдѣлано было только одно ограниченіе, а именно: дворяне, состоящіе въ военной службѣ, ни во время кампаніи, ни за три мѣсяца передъ ея началомъ объ увольненіи отъ службы или абшида просить да не дерзаютъ. Сверхъ того, постановлено было, чтобы дворянъ, при выходѣ ихъ въ отставку, за добрую и безпорочную службу повышать однимъ рангомъ.

Дворянство было въ восторгѣ отъ такой неожиданной милости со стороны воцарившагося государя, такъ какъ обязательная для каждаго двадцатилѣтняя служба была не только страшною, а порою и невыносимою тягостію, но и, сверхъ того, очень многихъ лишала возможности вести свое хозяйство и устраивать свои домашнія дѣла такъ, какъ это было желательно и даже необходимо тому или другому. Подъ вліяніемъ чувства признательности къ государю, среди дворянства возникла мысль о постановкѣ въ сенатѣ статуи Петра III, вылитой изъ золота.

Предоставляя дворянамъ такія важныя права, императоръ, взамѣнъ этихъ правъ, потребовалъ отъ нихъ, чтобы «никто изъ нихъ не дерзалъ воспитывать своихъ дѣтей безъ обученія», и указалъ, чтобы тѣ изъ дворянъ, за которыми числилось не болѣе 1000, объявили о своихъ сыновьяхъ для пріема ихъ въ Шляхетный кадетскій корпусъ.

Сохранилось извѣстіе, что этотъ знаменитый манифестъ былъ написанъ въ одну ночь состоявшимъ при императорѣ статсъ-секретаремъ Волковымъ.

Вступивши послѣ отреченія Петра III на престолъ, Екатерина II считала нужнымъ пріобрѣсти себѣ благорасположеніе со стороны дворянства, и, разумѣется, ей было бы неудобно отмѣнить милость, только-что оказанную ея предшественникомъ этому первенствующему сословію. Надобно было, однако, проявить что-нибудь новое, личное, чтобы издить отъ себя на дворянство «изящнѣйшія благодѣянія» и вмѣстѣ съ тѣмъ придать болѣе опредѣ-

ленное устройство этому сословію. Подъ вліяніемъ такихъ соображеній, появился 11 февраля 1763 года слѣдующій указъ императрицы, данный учрежденной при Дворѣ комиссіи:

«Бывшій императоръ Петръ III, — сказано было въ началѣ этого указа, — далъ свободу благородному россійскому дворянству. Но какъ сей актъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ еще болѣе стѣснилъ ту свободу, нежели общая отечества польза и Наша служба теперь требовать могутъ, при перемѣнившемся уже государственномъ положеніи и воспитаніи благороднаго юношества, то мы симъ повелѣваемъ (т. е. упомянутой выше комиссіи) собравшимся вмѣстѣ у Двора Нашего оный актъ разсмотрѣть и для приведенія его въ лучшее совершенство между собою совѣтовать, какимъ отъ Насъ особливымъ собственнымъ государственнымъ установленіемъ россійское дворянство могло бы получить въ потомки свои изъ Нашей руки новый залогъ нашего Монаршаго благоволенія, и чтобы благоразумная политика была всему основаніемъ, то надлежитъ при распоряженіи правъ свободы дворянской учредить такія статьи, которыя бы наивящше поощряли ихъ честолюбіе къ пользѣ и службѣ Нашей и Нашего любезнаго отечества».

Въ составъ этой комиссіи входили: генералъ-фельдмаршалъ графъ Бестужевъ-Рюминъ, гетманъ графъ Разумовскій, канцлеръ графъ Воронцовъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Шаховской, оберъ-гофмейстеръ графъ Панинъ, генералъ-аншефы графъ Чернышевъ и князь Волконскій, генералъ-адъютантъ графъ Орловъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Тепловъ.

Прежде чѣмъ были окончены труды учрежденной при Дворѣ комиссіи, въ Москвѣ была собрана особая комиссія для составленія новаго «Уложенія». Комиссія эта состояла изъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій, и въ ней, между прочимъ, разсматривался вопросъ и о дворянствѣ. Высказано было насчетъ этого не мало различныхъ мнѣній, и подготовленные комиссіей матеріалы послужили главнымъ основаніемъ пожалованной впослѣдствіи Екатериною II, 21 апрѣля 1785 года, «Грамоты на право вольности и преимущества».

Несмотря на переиначку, происшедшую при Петрѣ I, прежнихъ московскихъ служилыхъ людей въ особое сословіе, получившее общее названіе дворянства или шляхетства, прежнее понятіе о знатности рода не по его первоначальному происхожденію, но собственно только по службѣ предковъ московскимъ государямъ—сохранилось въ своей силѣ, но только понятіе это выразилось гораздо явственнѣе. Теперь заслуги одного лица, опредѣлявшіяся степенью его чиновности, поставлены были выше, нежели совокупность заслугъ и даже, быть можетъ, еще болѣе важныхъ—всего его рода. Выше было уже сказано, что каждый оберъ офицеръ былъ поставленъ въ обществѣ почетнѣе, нежели именитый древній дворянинъ. Затѣмъ, когда при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ были изданы законы противъ роскоши, то право ношенія матерій и кружевъ—сообразно цѣнности этихъ предметовъ—было предоставлено не по знатности породы, но по чинамъ, и въ этомъ случаѣ замужнія женщины, дѣвицы и вдовы были подведены подъ ранги ихъ мужей и отцовъ. Такое же примѣненіе ранговъ было сдѣлано и при опредѣленіи рода экипажей, числа впрягаемыхъ въ нихъ лошадей и отдѣлки ливрей. Приэтомъ дворянамъ, не имѣвшимъ чиновъ, а также и ихъ женамъ запрещено было ѣздить въ городахъ парою въ каретахъ. Изъ разсказовъ современниковъ оказывается, что такое распоряженіе вызвало среди безчиновнаго да и мало-чиновнаго, хотя и знатнаго дворянства, сильный ропотъ, особенно въ Москвѣ, и что тѣ дворяне, которые не получили права по своимъ рангамъ ѣздить четвернею, поспѣшили, какъ униженные, выбраться оттуда поскорѣе въ свои деревни.

Въ свою очередь, Екатерина II, прежде чѣмъ пожаловала дворянству упомянутую выше Грамоту, пожелала нѣсколько утишить раздраженіе, произведенное среди дворянства Елисаветою Петровною, и въ 1775 году дозволила «дворянамъ, кои 50 лѣтъ отъ роду имѣютъ, хотя бы оберъ-офицерскихъ чиновъ и не заслужили, также женамъ ихъ, дочерямъ и вдовамъ дво-

рянскимъ, несмотря на ихъ лѣта, ѣздить въ каретахъ по городамъ парою», прибавивъ, однако: «ливрей же имъ ничѣмъ не выкладывать».

Елисавета, ограничившая право дворянъ разъѣзжать по городамъ въ такихъ экипажахъ и съ такою запряжкою, какіе имъ были желательны, предоставила за то имъ нѣкоторое преимущество, издавъ указъ о томъ, чтобы казенные подряды по провіантской части отдавались предпочтительно дворянамъ, съ запрещеніемъ принимать имъ въ товарищество купцовъ.

По мѣрѣ присоединенія къ русскому государству новыхъ областей, присоединялись къ русскому дворянству въ теченіе всего XVIII вѣка представители разныхъ народностей, входившіе въ составъ установлявшагося у насъ дворянства. Въ нѣкоторыхъ, однако, новоприсоединенныхъ къ Россіи областяхъ, со стороны мѣстныхъ дворянъ высказывалось нежеланіе такого сословнаго слiянія, какъ-то: въ Лифляндіи, Эстляндіи, въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ и въ Курляндіи. Такое нежеланіе было, впрочемъ, весьма естественно, вполнѣ понятно и какъ нельзя болѣе разумно. Въ упомянутыхъ выше областяхъ высшее сословіе пользовалось такимъ выгоднымъ положеніемъ, что присоединеніе его къ русскому, безправному дворянству не могло считаться честью и не представляло никакихъ новыхъ преимуществъ, а, напротивъ, отнимало прежнія.

Лифляндское и эстляндское дворянство или рыцарство, основываясь на томъ, что его древнія права были подтверждены Петромъ Великимъ, а послѣ того и его преемниками, домогалось въ 1767 году передъ Екатериною, черезъ присланную отъ него къ ней депутацію, чтобы права русскаго дворянства не были распространены на нѣмецкое рыцарство, и чтобы оно могло существовать особнякомъ при прежнихъ порядкахъ, и такое домогательство ихъ было удовлетворено.

Совсѣмъ въ иное положеніе было поставлено дворянство въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши. Въ Бѣлоруссіи, въ Литовскомъ княжествѣ, на Волыни и на Подоліи была вполнѣ уже ополячившаяся, а частію и коренная польская шляхта, рѣзко разнившаяся по своему сословному происхожденію и по своимъ правамъ отъ служилыхъ московскихъ людей и отъ образовавшагося изъ нихъ въ XVIII вѣкѣ русскаго дворянства. Не только въ образѣ жизни, но и по закону каждый польскій шляхтичъ пользовался такими широкими правами, какія ни въ какую пору не могли грезиться служилому московскому человѣку даже при всѣхъ преимуществахъ, предоставленныхъ ему правомъ мѣстничества. То-же слѣдуетъ сказать и о составленномъ въ XVIII вѣкѣ подневольномъ русскомъ дворянствѣ. Само собою разумѣется, что и польскому шляхетству, какъ и остзейскому рыцарству, вовсе было нежелательно уравненіе ихъ съ русскимъ дворянствомъ. Но съ бывшими польскими провинціями поступили не такъ, какъ съ прибалтійскими. Политическое значеніе польскаго шляхетства, разумѣется, прекратилось само собою съ уничтоженіемъ рѣчи Посполитой, и затѣмъ важнѣйшимъ для него преимуществомъ оставалось крѣпостное право, которое русское правительство не только не думало отмѣнить, но, напротивъ, старалось усилить.

Кромѣ того, такъ какъ еще до присоединенія Бѣлоруссіи Петръ III далъ русскому дворянству право служить или не служить и такъ какъ еще до присоединенія великаго княжества Литовскаго была издана Екатериною II жалованная дворянству на право вольности и преимущества «Грамота», то прежнее польское дворянство, несмотря на совершенный упадокъ въ политическомъ отношеніи, осталось въ мѣстахъ своего жительства первенствующимъ попрежнему сословіемъ и болѣе или менѣе начало мириться съ своимъ положеніемъ, сохраняя, однако, старинные обычаи и привычки. У тамошняго шляхетства, какъ и въ великор сскихъ губерніяхъ, явились губернскіе и уѣздные предводители дворянства, которые называли ь «маршалки», у шляхты были губернскія и уѣздныя собранія, которыя носили названія «сейм..ковъ», и этимъ названіемъ напоминали—хотя и слабо—прежнюю жизнь шляхты. При признаніи въ дворянствѣ польскихъ шляхтичей, въ русскомъ дворянствѣ власти руководились тѣми сеймовыми

конституціями, въ силу которыхъ было признаваемо за тѣмъ или за другимъ лицомъ право на потомственное шляхетство или дворянское достоинство. Военные чины, выслуженные въ польскомъ войскѣ, были признаны дѣйствительными, и сообразно съ ними предоставлялось тѣмъ, кто имѣлъ ихъ, русское потомственное дворянство; то-же самое было сдѣлано и въ отношеніи лицъ, занимавшихъ въ прежнихъ областяхъ нѣкоторыя должности или уряды по гражданскому вѣдомству.

Что же касается Малороссіи, гдѣ первоначально не было собственно дворянства и гдѣ оно стало слагаться только въ исходѣ XVII вѣка по образцу польской шляхты, то, по уничтоженіи въ 1764 году Екатериною II гетманскаго управленія въ Малороссіи, тамъ дворянство стало устраиваться на великорусскій складъ, и малороссійскіе шляхтичи были очень этимъ довольны, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ этимъ за малороссійскимъ шляхетствомъ было окончательно упрочено крѣпостное право надъ людьми посполитыми. Въ Малороссіи признаны были дворянами лица или роды, владѣвшіе населенными имѣніями, пожалованными по грамотамъ королей польскихъ и по универсаламъ гетмановъ малороссійскихъ, а также лица, имѣвшія видные войсковые чины. Права, изложенныя въ пожалованной 21 апрѣля 1785 года дворянской «Грамотѣ», были распространены и на бывшую малороссійскую шляхту.

Упомянутая «Грамота», послѣ велерѣчиваго вступленія — чѣмъ, впрочемъ, отличались всѣ государственные акты екатерининскихъ временъ—была раздѣлена на два главные отдѣла. Въ первомъ изъ нихъ излагалось «о личныхъ преимуществахъ дворянъ», а во второмъ — «о собраніи дворянства». Сущность же этихъ отдѣловъ заключалась въ слѣдующемъ.

До изданія «Грамоты» у насъ не было установлено общаго понятія о дворянскомъ достоинствѣ. Въ «Грамотѣ» же оно было опредѣлено такъ: «Дворянское названіе есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами, чѣмъ, обращая самую службу въ заслугу, пріобрѣли потомству своему нарицаніе благородное». Далѣе было добавлено, что «благородными признаются всѣ тѣ, кои или отъ предковъ благородныхъ рождены, или монархами симъ достоинствомъ пожалованы».

Еще собственно Петръ I установилъ два рода дворянства: потомственное и личное, а «Грамота» 1785 года окончательно утвердила это главное раздѣленіе дворянскаго сословія.

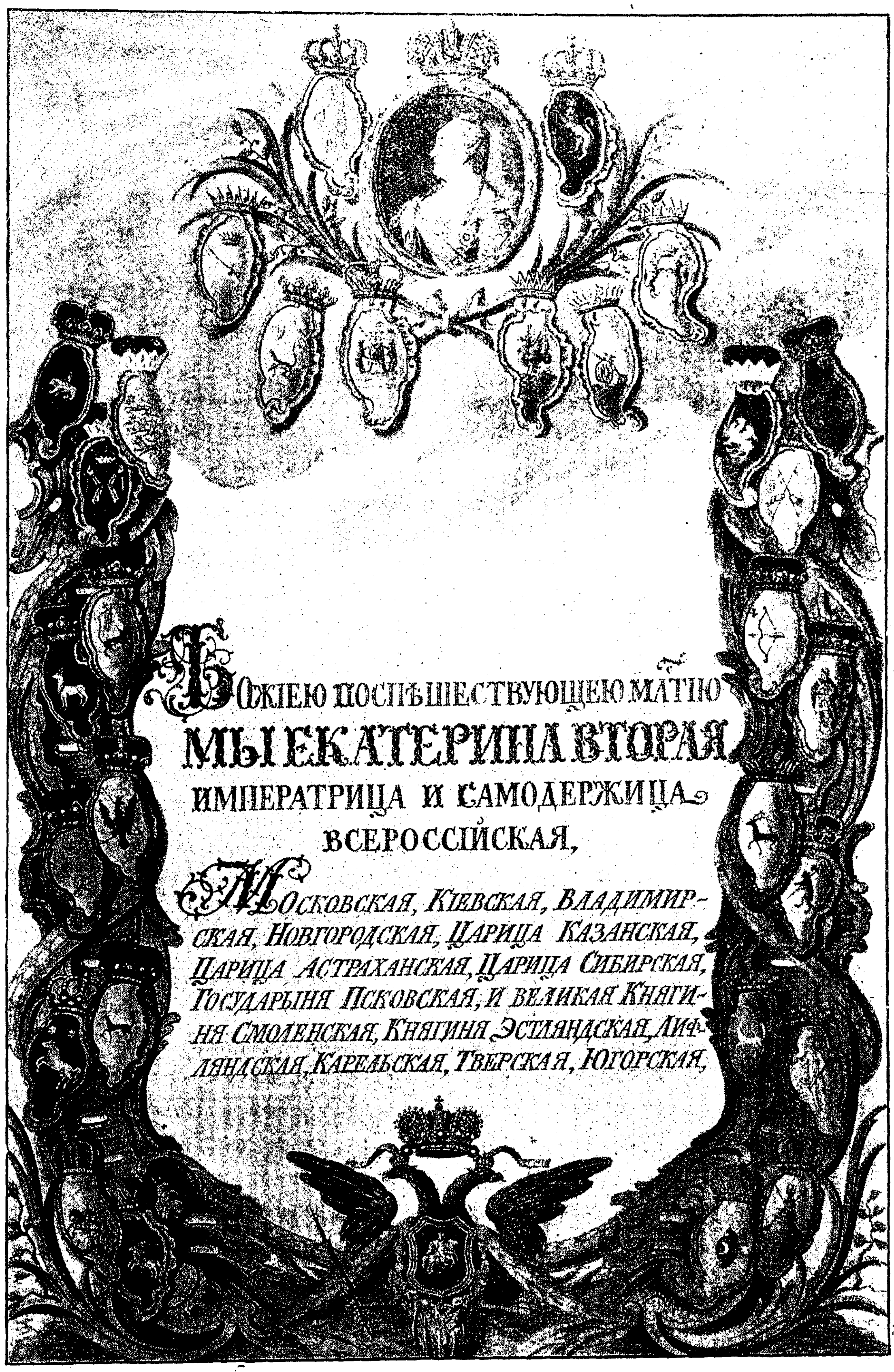
Въ свою очередь, она, признавая равенство всѣхъ потомственныхъ дворянъ между собою, подраздѣлила ихъ на шесть степеней, опредѣливъ эти степени внесеніемъ дворянскаго рода въ ту или другую часть дворянской родословной книги. Такъ въ первую часть должно было быть внесено дворянство жалованное или дѣйствительное; во вторую—дворянство военное; въ третью —дворянство по чинамъ, получаемымъ въ службѣ гражданской; въ четвертую — иностранные роды; въ пятую—титулами отличенные роды и, наконецъ, въ шестую—древніе благородные дворянскіе роды. Эта послѣдняя часть была признана самою почетною, такъ какъ она должна была заключать въ себѣ роды, «благородное начало которыхъ, при древности ихъ происхожденія, было покрыто неизвѣстностію», то-есть такіе роды, которые повелись исконно, какъ-бы сами собою — прирожденно, а не по жалованію или по чинамъ. Въ этомъ правилѣ проглядывало искаженное у насъ понятіе о древнемъ французскомъ дворянствѣ. Относительно же пріобрѣтенія дворянства по чинамъ, военнымъ и гражданскимъ, были оставлены въ силѣ правила, изданныя Петромъ I, но къ способамъ пріобрѣтенія потомственнаго дворянства былъ присоединенъ еще новый способъ, а именно пожалованіе орденами.

По «Грамотѣ» разрѣшено было также старшимъ внукамъ «именитыхъ гражданъ», по достиженіи им і тридцатилѣтняго возраста, просить дворянства потомственнаго, если дѣды ихъ, отцы и (ами они сохранили именитость безпорочно.

Въ «Грамотѣ» перечислены были съ точностію всѣ тѣ доказательства, которыя могли предоставить право на потомственное дворянство.

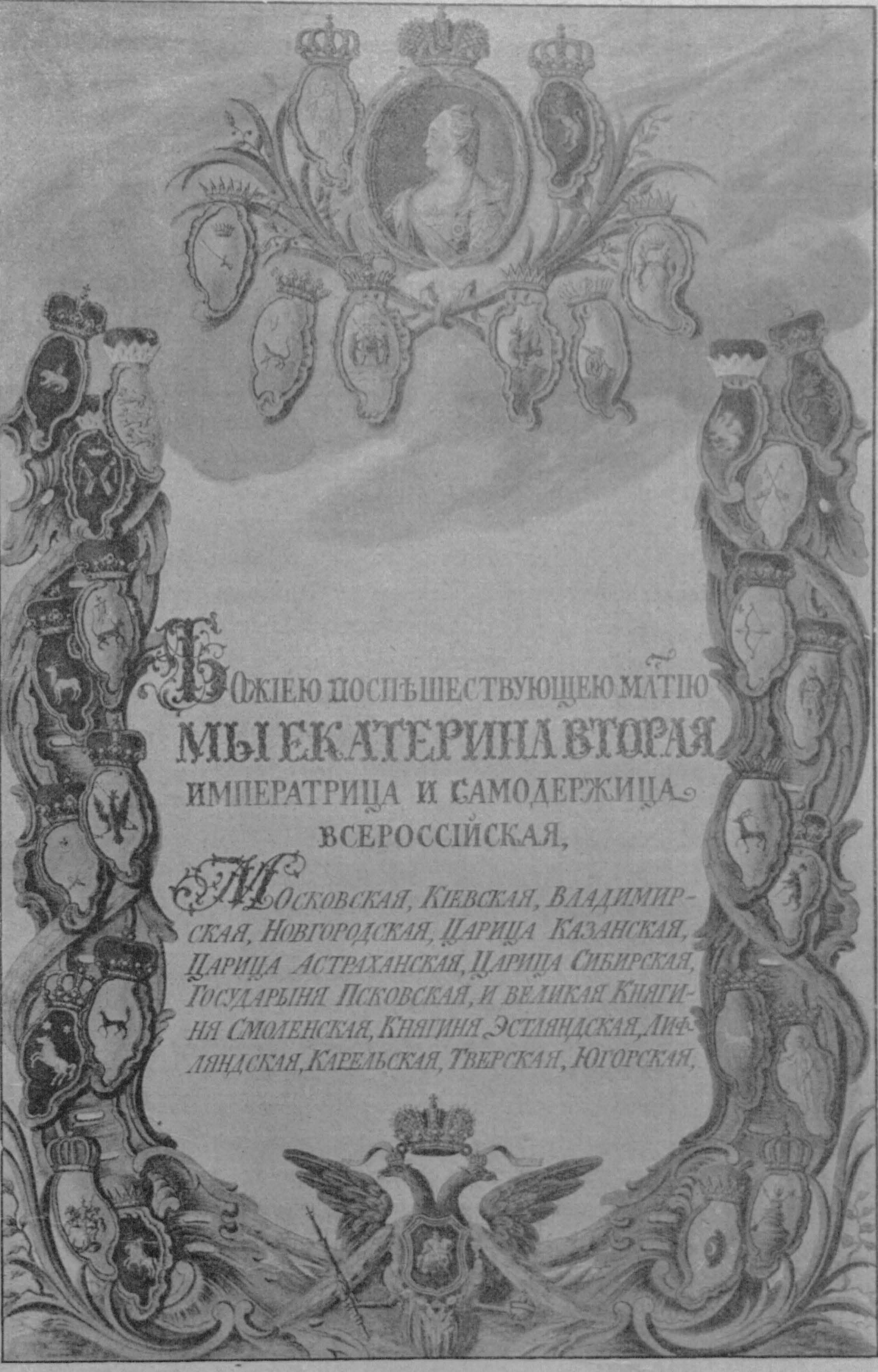
Съ изданіемъ «Грамоты» дворянство окончательно и опредѣленно выдѣлилось по каждой

губерніи въ особое высшее сословіе, образовавъ изъ себя отдѣльное общество, которому предоставлено было составлять изъ себя особыя сословныя собранія по дѣламъ, касавшимся не

Заглавный листъ грамотъ, выдававшихся при Екатеринѣ II, на дворянское достоинство.
(Снятъ съ грамоты, данной 23 декабря 1771 года, на имя М. С. Бегичева).

только мѣстнаго дворянства, но во многихъ случаяхъ касавшихся всей губерніи. Кромѣ того, въ каждой губерніи, гдѣ составлялось дворянское общество, положено было имѣть еще и де-

БОЖІЕЮ ПОСПѢШЕСТВУЮЩЕЮ МЛТІЮ
МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ
ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА
ВСЕРОССІЙСКАЯ,

Московская, Кіевская, Владимирская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская, и великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Карельская, Тверская, Югорская,

Заглавный листъ грамотъ, выдававшихся при Екатеринѣ II, на дворянское достоинство.
(Снятъ съ грамоты, данной 23 декабря 1771 года, на имя М. С. Бегичева).

путатское собраніе. Свобода дворянскихъ собраній была, по тогдашнимъ понятіямъ, вполнѣ обезпечена тѣмъ, что такое собраніе, въ силу «Грамоты», не могло быть ни въ какомъ случаѣ взято подъ стражу.

Главнымъ предметомъ занятій дворянскихъ депутатскихъ собраній было разсмотрѣніе представляемыхъ на дворянство доказательствъ и веденіе родословныхъ книгъ.

Главными представителями дворянства передъ правительствомъ сдѣланы были по «Грамотѣ» губернскіе и уѣздные предводители, которые должны были завѣдывать не только дѣлами этого сословія, но которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ была предоставлена значительная доля участія въ завѣдываніи вообще дѣлами губерніи или уѣзда, преимущественно же земско-хозяйственными.

Независимо отъ этого, «Грамота» подняла личное значеніе дворянина и по предоставленнымъ ему особымъ правамъ далеко выдвинула каждаго изъ нихъ передъ представителями всѣхъ другихъ сословій. «Грамота» подтвердила дарованное Петромъ III дворянству право служить или не служить. Подтверждено было также данное Петромъ III русскимъ дворянамъ право вступать съ разрѣшенія правительства въ службу союзныхъ державъ и выѣзжать въ чужіе края съ узаконенными паспортами. Въ силу «Грамоты», дворянинъ не могъ быть лишенъ безъ суда ни жизни, ни правъ, ни имущества и могъ быть судимъ только равными себѣ и лишенъ своего званія лишь въ силу Высочайшаго утвержденія. Онъ былъ освобожденъ отъ всякаго тѣлеснаго наказанія, какъ по суду, такъ и во всякомъ другомъ случаѣ. «Тѣлесное наказаніе,— сказано въ «Грамотѣ»,—да не коснется благороднаго». Дворянинъ былъ изъятъ отъ всякихъ личныхъ податей и отправленія рекрутской повинности. По деревнямъ помѣщичій домъ былъ свободенъ отъ постоя. Дворянинъ могъ быть допущенъ, безъ записки въ гильдію, къ подрядамъ и поставкамъ, свойственнымъ дворянской собственности, и получилъ право устраивать въ своихъ деревняхъ заводы, фабрики, торги, продавать оптомъ и отпускать черезъ учрежденныя таможни и заставы собственныя свои издѣлія и произведенія своихъ имѣній, тоже безъ записки въ гильдію. Потомственному дворянину предоставлено было право всѣми законными способами пріобрѣтать всякія, безъ изъятія, имущества, движимыя и недвижимыя, не исключая и крѣпостныхъ людей, съ землею и безъ земли.

Всѣ эти права, при безправномъ почти положеніи въ ту пору лицъ всѣхъ прочихъ сословій, ставили потомственнаго дворянина въ исключительное положеніе, и дворянство явилось теперь первенствующимъ сословіемъ и въ особенности потому еще, что ему предоставлено было право выбора изъ своей среды лицъ для занятія судебныхъ должностей въ губерніяхъ и уѣздахъ, а въ послѣднихъ—и полицейскихъ чиновниковъ, въ качествѣ капитанъ-исправниковъ, которые были главными начальниками всей уѣздной полиціи.

«Грамота», данная дворянству въ 1785 г., сохраняла свою полную силу только въ остальные затѣмъ годы царствованія Екатерины II. Затѣмъ императоръ Павелъ I совершенно нарушилъ ее: онъ началъ конфисковать у дворянъ имѣнія и лишать ихъ званія безъ суда, и даже при такихъ условіяхъ былъ однажды приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ однимъ лицомъ, принадлежавшимъ къ сословію потомственнаго дворянства. Онъ приказалъ подвергать дворянъ тѣлеснымъ наказаніямъ, разъяснивъ статью «Грамоты», освобождавшую ихъ отъ этихъ наказаній; такъ, «дворяне, лишенные за преступленіе дворянства, теряя свои привилегіи, подлежатъ тѣлесному наказанію наравнѣ съ прочими званіями». О ссылкахъ безъ суда—бывшихъ, впрочемъ, у насъ постоянно и при Екатеринѣ II и послѣ изданія «Грамоты» — нечего и говорить. Въ царствованіе Павла онѣ происходили безпрестанно.

Нарушивъ своими личными распоряженіями права дворянства, Павелъ Петровичъ съ внѣшней стороны возвышалъ это сословіе во первыхъ — щедрымъ пожалованіемъ почетныхъ титуловъ, а во-вторыхъ — приказаніемъ составить въ Герольдіи «Общій Гербовникъ дворянскихъ родовъ Россійской Имперіи».

До Петра Великаго въ Россіи былъ одинъ только почетный дворянскій титулъ — титулъ княжескій. Онъ былъ наслѣдственный по происхожденію отъ удѣльныхъ русскихъ и литовскихъ князей, а также отъ татарскихъ мурзъ и мордовскихъ «панковъ». И тѣхъ и другихъ при крещеніи еще государи московскіе приказывали писать «княжимъ именемъ». Оттого у насъ въ XVIII вѣкѣ явилось множество князей, которыхъ, по выраженію историка Татищева, «брали отъ сохи». Было также нѣсколько выѣзжихъ родовъ, которымъ изстари усвоенъ былъ княжескій титулъ. Петръ впервые началъ жаловать отъ себя княжескій титулъ и ввелъ также

Формы дворянскихъ одеждъ при Екатеринѣ II по губерніямъ.

въ употребленіе титулы графскій и баронскій. Преемники Петра I давали также почетные титулы, но никто не раздавалъ ихъ съ такою щедростію, какъ императоръ Павелъ.

Что касается «Общаго Гербовника», то указъ о составленіи его былъ данъ 20 января 1797 года. Въ немъ положено было имѣть три отдѣла. Въ первомъ предназначено было помѣщать всѣ фамиліи по старшинству родовъ, начиная съ князей и графовъ, а потомъ бароновъ и дворянъ со времени соединенія помѣстій съ вотчинами, во второмъ—роды, облеченные въ дворянское достоинство монаршею милостію, и въ третьемъ — роды, получившіе сіе достоинство по чинамъ, и которымъ уже пожалованы на то дипломы и жалованныя грамоты.

Въ прежнее время въ Россіи дворянскихъ гербовъ вовсе не существовало, и даже госу-

Формы дворянскихъ одеждъ при Екатеринѣ II по губерніямъ.

дарственный нашъ гербъ въ настоящемъ видѣ установился только во второй половинѣ XVII вѣка. Дворянскіе же гербы были первоначально у весьма немногихъ фамилій, и ихъ заимствовали изъ польскихъ гербовниковъ, или составляли безъ соблюденія основныхъ правилъ геральдики. Впослѣдствіи начали при составленіи гербовъ руководствоваться отчасти нѣмецкою, а потомъ преимущественно французскою геральдикою, такъ что собственно русская геральдика не представляетъ ничего самобытнаго, ничего исторически-сложившагося и ведетъ свое начало только съ первой четверти XVIII столѣтія.

На предшествовавшихъ страницахъ мы говорили о дворянствѣ или шляхетствѣ русскомъ только какъ о слагавшемся у насъ высшемъ сословіи. Происходило же это собственно только въ великорусскихъ губерніяхъ, тогда какъ въ Остзейскомъ краѣ и въ областяхъ, бывшихъ сперва подъ властію Польши, дворянство представляло уже совершенно установившееся сословіе, при чемъ нѣмецкое дворянство или рыцарство въ Лифляндіи, Эстляндіи, а также и въ Финляндіи было западно-феодальнаго происхожденія и сохраняло слѣды такого начала въ продолженіе всего XVIII вѣка, не будучи затронуто тѣми порядками, какіе водворялись среди прежнихъ московскихъ служилыхъ людей, обратившихся при Петрѣ Великомъ, съ ихъ потомствомъ, при извѣстныхъ условіяхъ, въ россійское потомственное и личное дворянство.

Если сословіе это по своему новому устройству представляетъ въ XVIII вѣкѣ замѣчательное въ своемъ родѣ политическое и общественное явленіе, то, независимо отъ этого, и общественный и домашній бытъ дворянства, какъ первенствующаго въ государствѣ сословія, заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Хотя прадѣдовскій бытъ русскаго дворянства, послѣ быстрыхъ преобразованій Петра Великаго, продолжалъ постепенно переиначиваться на другой ладъ, но все-же отъ него оставалось немало наслѣдственныхъ условій чисто-русскаго свойства. Иностранцевъ всего болѣе поражало то неравенство образованія и тѣ противоположности въ бытовой обстановкѣ, которыя на каждомъ шагу попадались въ прошломъ столѣтіи среди такъ-называемаго образованнаго общества и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. И здѣсь и тамъ на ряду съ лицами, вылощенными на изящно французскій образецъ, встрѣчались поразительное невѣжество и грубость, почти дикая,—наслѣдіе старо-московской общественной и домашней жизни. Извѣстный адъютантъ фельдмаршала Миниха, Манштейнъ, въ своихъ «Запискахъ», разсказываетъ: «Часто у иного щеголя, при богатѣйшемъ кафтанѣ, парикъ былъ прескверно вычесанъ, превосходную штофную матерію неискусный крѣпостной портной портилъ дурнымъ или смѣшнымъ покроемъ; или, если какой-нибудь нарядъ былъ безукоризненъ во всѣхъ отношеніяхъ, то экипажъ былъ крайне плохъ, и иной вельможа—въ богатомъ французскомъ костюмѣ, въ шелку, бархатѣ и кружевахъ—ѣхалъ въ дрянной, старой каретѣ, которую волокли заморенныя клячи въ изорванной упряжи, а на запяткахъ стояли гайдуки въ рваныхъ ливреяхъ и въ дырявыхъ сапогахъ; такимъ-же нарядомъ отличались обыкновенно и кучеръ, и форейторъ».

Отсутствіе вкуса и порядочности господствовало также и въ домахъ: въ одномъ и томъ-же домѣ можно было найти выписанную изъ Парижа, самую новомодную мебель, золотую и серебряную посуду въ большомъ изобиліи, шелковые обои, великолѣпные гобелены, рѣдкія картины, фарфоръ, бронзу и ковры, а вмѣстѣ съ тѣмъ—пыль, грязь и отвратительную нечистоту, даже въ роскошно отдѣланныхъ пріемныхъ покояхъ, не говоря уже о другихъ принадлежностяхъ жилья, недоступныхъ для постороннихъ.

Женскіе наряды представляли такую-же крайнюю противоположность, какъ и мужскіе; на одинъ женскій изящный туалетъ встрѣчалось десятокъ безобразно одѣтыхъ женщинъ. Превосходныя брюссельскія и венеціанскія кружева нашивались на полотняные робронды, дорогой ліонскій бархатъ и шелковыя матеріи сшивались съ какою-нибудь самою простой домашней тканью. Фасоны дамскихъ платьевъ, заимствованные изъ Парижа, передѣлывались у русскихъ на домашній, уродливый ладъ.

Въ свою очередь, извѣстный историкъ князь Щербатовъ, въ сочиненіи своемъ «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», сильно негодовавшій на нѣкоторыя послѣдствія преобразованій, произведенныхъ Петромъ Великимъ, разсказываетъ: «Уже вмѣсто сдѣланныхъ изъ простого дерева мебелей стали не иныя употребляться, какъ англійскія, сдѣланныя изъ краснаго

Костюмъ вельможи конца прошлаго столѣтія.
(Портретъ Ланского, гравюра Уолькера съ картины Левицкаго).

дерева мазененя; домы увеличились и вмѣсто малаго числа комнатъ уже по множеству имѣть стали, яко свидѣтельствуютъ сіе того времени построенныя зданія; стали домы сіи обивать штофными и другими обоими, почитая неблагопристойнымъ имѣть комнату безъ обои; зеркалъ, которыхъ сперва мало было, уже во всѣ комнаты, и большія, и малыя, стали употреблять. Экипажи тоже великолѣпіе восчувствовали: богатыя позлащенныя кареты съ точеными стеклами, обитыя бархатомъ, съ золотыми и серебряными бахромами; лучшія и дорогія ло-

Костюмъ вельможи конца прошлаго столѣтія.

(Портретъ Ланского, гравюра Уолькера съ картины Левицкаго).

шади, богатыя, тяжелыя, позлащенныя и посеребренныя шоры, съ кутасами шелковыми и съ золотомъ и серебромъ; тако же и богатыя ливреи стали употребляться. И паче такой роскошъ былъ виденъ, ибо онъ по приказанію учиненъ во время свадьбы принцессы Анны Мекленбургской, племянницы императрицы, за принца Антона Ульриха Брауншвейгскаго».

Разумѣется, что все то, о чемъ писали Манштейнъ и Щербатовъ, должно было въ главныхъ чертахъ существовать не только въ Москвѣ, но и во всей прилегавшей къ ней области, въ силу той подражательности, которая такъ свойственна русскимъ, а также и по тѣмъ особымъ причинамъ, о которыхъ мы упоминали выше. Русскій дворъ подражалъ иностраннымъ дворамъ, преимущественно французскому; двору подражали въ Петербургѣ вельможи и царедворцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петербургу подражала Москва, а у обѣихъ столицъ, въ свою очередь, перенимали и провинціи. При такой постепенности подражанія, оно все болѣе и болѣе отдалялось отъ своихъ ближайшихъ подлинниковъ и затѣмъ, въ концѣ-концовъ, переходило въ смѣшное обезьянничество. Главныя черты подлинниковъ, конечно, сохранялись и въ этомъ случаѣ; но онѣ искажались и передѣлывались до того, что собственно подражаніе уже исчезало, и мѣсто его заступала карикатура, да вдобавокъ еще очень плохого домашняго пошиба.

Въ силу историческихъ, племенныхъ и бытовыхъ условій, обстановка старинной, вполнѣ русской жизни всего упорнѣе удерживалась въ примосковской области, несмотря на всѣ тѣ особыя, позаимствованныя различнымъ способомъ, новшества, о которыхъ мы упомянули выше, о которыхъ вовсе даже и не думали два-три предшествовавшія поколѣнія, и которыя придавали болѣе образованной части русскаго общества внѣшній, какъ-бы западно-европейскій лоскъ, оттѣненный чрезвычайною пестротою. Разжившіеся разными способами петербургскіе вельможи, удалившіеся по разнымъ причинамъ отъ двора, селились въ Москвѣ, въ примосковскихъ городахъ и въ своихъ усадьбахъ, и тамъ, желая поддержать свое прежнее положеніе, заводили оркестры музыки изъ своихъ крѣпостныхъ людей и театральныя,—преимущественно балетныя—труппы изъ крѣпостныхъ дворовыхъ мужчинъ и такихъ-же женщинъ и дѣвушекъ. Разумѣется, что эти оркестры и эти труппы, по ихъ качествамъ и по постановкѣ пьесъ для сцены, далеко отставали отъ своихъ первообразовъ, но для владѣльцевъ ихъ важно было ни то, ни другое, а только то, что они обзаводились такими-же увеселеніями, какими пользовался дворъ. За знатными людьми тянулись хотя и незнатные, но богатые помѣщики, а за ними— и помѣщики средней руки.

Упомянутый выше князь Щербатовъ приводитъ, между прочимъ, въ названномъ своемъ сочиненіи слѣдующія черты московскаго барскаго быта въ XVIII вѣкѣ. Онъ разсказываетъ, что роскошь проникла и въ такія состоянія людей, которые «по чинамъ и по состоянію» не имѣли въ ней надобности. Такъ, онъ передаетъ, что князь Борисъ Сергѣевичъ Голицынъ, «сперва отбѣгающій отъ службы поручикъ или капитанъ», а потомъ отставной маіоръ, «оную, т. е. роскошь, въ Москвѣ, колико возможно, оказывалъ. Богатыя одѣянія его и жены его, ливрея, экипажи, столъ, вина, услуги и все прочее было великолѣпно. Таковое роскошное житье,—продолжаетъ Щербатовъ,—привлекло ему нѣкоторый родъ почтенія, но изнурило его состояніе, какъ онъ и дѣйствительно отъ долговъ приватнымъ людямъ, такъ и отъ долговъ казнѣ разоренный умеръ, и жена его долгое время должна была страдать и претерпѣвать нужду въ платежѣ за безуміе своего мужа, для оплаты нажитыхъ долговъ».

Такихъ примѣровъ роскошной и несообразной съ доходами жизни было очень много. Мотовство среди русскаго дворянства усилилось особенно со времени учрежденія въ Петербургѣ заемнаго банка, когда помѣщикамъ представилась возможность получать ссуды на принадлежавшія имъ ревизскія души. Всѣ они накинулись съ жадностію на такой легкій способъ полученія взаймы денегъ, и притомъ за небольшіе сравнительно проценты Но занятыя ими деньги шли не на улучшеніе ихъ хозяйствъ и не на какіе-либо производительные расходы, но проживались быстро и безтолково, такъ что вскорѣ все наше помѣстное дворянство оказалось

обремененнымъ долгами, которые постепенно дѣлались неоплатными, такъ какъ часто платежи, да и проценты, не вносились въ надлежащіе сроки, назначенные банкомъ.

Здѣсь кстати сказать о томъ политическо-бытовомъ значеніи, какое нѣкогда приписывали, да, пожалуй, еще и нынѣ приписываютъ Москвѣ. Такъ какъ туда удалялись на постоянное житье, или пріѣзжали на временную побывку опальные вельможи и жили тамъ среди роскошной обстановки, пуская, какъ говорится, москвичамъ пыль въ глаза, то это подавало поводъ думать, что они все еще сильные люди, составляющіе будто-бы «оппозицію» послѣ разрыва съ дворомъ. Въ сущности же они обращались въ совершенное ничтожество и, не имѣя ужь никакого значенія, выставляли себя на видъ только при помощи своего богатства, рѣдко даже родового, но большею частію «благопріобрѣтеннаго», или—что бывало еще чаще—пожалованнаго имъ по царской милости. Такіе люди, роскошно обставляя свой домашній бытъ въ Москвѣ и въ окрестныхъ съ нею мѣстностяхъ, не только не думали о какой-либо оппозиціи, но, напротивъ, съ трепетомъ и замираніемъ сердца ожидали, не будетъ-ли обращенъ на нихъ хоть милостивый кивокъ изъ Петербурга для того, чтобы покинуть, какъ можно скорѣе, свое невольное мѣстопребываніе, скакать туда и явиться ко двору съ приниженіемъ и подобострастіемъ.

Неразсчетливость и неумѣренность въ расходахъ были постоянными и отличительными чертами образованныхъ классовъ русскаго общества. Огромное состояніе скоро проживалось, и постоянно случалось, что внуки тѣхъ дѣдовъ, которые имѣли роскошные дома, въ видѣ дворцовъ, великолѣпныя усадьбы съ построенными въ нихъ помѣщичьими жилищами по образцу итальянскихъ палаццо, доходили до крайней нищеты и совершеннаго ничтожества. Впрочемъ, такая участь постигала не только нисходящія поколѣнія богачей-мотовъ, но нерѣдко и ихъ самихъ. Такъ въ Москвѣ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, жилъ одинъ князь Одоевскій, сперва человѣкъ чрезвычайно богатый. Желая пользоваться всѣми удовольствіями пышной жизни, онъ, между прочимъ, завелъ изъ своихъ крѣпостныхъ людей большой оркестръ музыки, но когда разорился въ конецъ, то началъ отпускать своихъ музыкантовъ играть по домамъ за деньги и самъ жилъ только тою платою, которую получали за это его крѣпостные артисты.

Когда въ половинѣ прошлаго столѣтія стали появляться у насъ сатирическіе журналы, то однимъ изъ главныхъ и постоянныхъ предметовъ ихъ насмѣшекъ была жизнь нашего дворянства и его барскія затѣи, не соотвѣтствовавшія денежнымъ средствамъ. Эту черту нашего быта не оставилъ безъ вниманія и Грибоѣдовъ, указавъ въ своей комедіи «Горе отъ ума» на нее въ слѣдующихъ стихахъ:

«Или вонъ тотъ еще, который для затѣй
«На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
«Отъ матерей, отцевъ отторженныхъ дѣтей.
«Самъ погруженъ умомъ въ Зефирахъ и въ Амурахъ,
«Заставилъ всю Москву дивиться ихъ красѣ;
«Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
«Амуры и Зефиры всѣ
«Распроданы по одиночкѣ!»

Можно сказать, что вообще эта комедія служитъ превосходнымъ матеріаломъ для характеристики быта нашего лучшаго московскаго общества, духъ и настроеніе котораго отражались среди дворянства повсемѣстно. Комедія Грибоѣдова порою небольшими штрихами набрасываетъ такія яркія краски и оттѣнки, такія въ немногихъ словахъ цѣлостныя картины, что оживляетъ весьма отчетливо нашъ дворянскій бытъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Все болѣе и болѣе возраставшій упадокъ денежныхъ средствъ среди нашего дворянства заставлялъ представителей его поневолѣ стѣснять прежній просторъ русской барской жизни, и, наконецъ, отмѣна крѣпостного права произвела въ этомъ отношеніи рѣшительный переломъ. Но если это событіе отразилось такъ сильно на нашемъ обществѣ вообще, то тѣмъ еще болѣе

почувствовалась эта перемѣна въ средѣ нашего помѣстнаго дворянства, и преимущественно въ московской области, такъ какъ въ губерніяхъ, составляющихъ эту область, помѣщики жили не столько на счетъ земли и правильнаго, заботливаго веденія ихъ деревенскаго хозяйства, сколько на счетъ промышленнаго и личнаго труда своихъ крестьянъ, платившихъ имъ оброкъ и между тѣмъ въ значительной части не пользовавшихся помѣщичьею землею.

Помѣщичій бытъ въ усадьбахъ этой области можно представить въ слѣдующихъ общихъ чертахъ.

Въ то время, когда въ обѣихъ столицахъ образъ жизни нашего дворянства измѣнился на новый ладъ, отдаляясь все болѣе и болѣе отъ старинныхъ привычекъ и обычаевъ, наша деревня, включая въ число ея обитателей и помѣщиковъ какъ средняго, такъ преимущественно и недостаточнаго состоянія, сохранила еще многіе остатки старины, хотя, конечно, и не безъ примѣси разныхъ новизнъ, переходившихъ тѣми путями, на которые мы указывали выше. При этомъ чѣмъ отдаленнѣе были какія-либо мѣстности отъ столицъ, тѣмъ слабѣе были замѣтны слѣды упомянутой подражательности. Въ этомъ отношеніи московская область, которую мы теперь имѣемъ въ виду, представляла значительныя удобства для развитія болѣе или менѣе переиначеннаго противъ прежняго быта. Самымъ крайнимъ ея предѣломъ былъ Нижній-Новгородъ, на разстояніи отъ Москвы относительно значительномъ. Но зато всѣ другіе города этой области были такъ близки отъ нея, что, по тогдашнимъ, весьма нетребовательнымъ понятіямъ о дорожныхъ удобствахъ и особенно при неохотѣ къ быстрымъ путешествіямъ, переѣздъ изъ нихъ въ Москву не представлялъ большихъ затрудненій. Только сборы бывали обыкновенно очень долги, такъ какъ наши помѣщичьи семьи вообще неохотно поднимались съ насиженнаго мѣста. Бывало, лишь только установится окончательно санный путь, въ Москву, по прилегающимъ къ ней дорогамъ, начинаютъ со всѣхъ сторонъ тянуться длинные обозы съ разнымъ помѣщичьимъ скарбомъ и разными заготовленными въ деревняхъ продовольственными запасами, въ сопровожденіи одной части деревенской дворни. По этимъ же дорогамъ, съ остальною частью дворни ѣздили на своихъ лошадяхъ, т. е. съ отдыхомъ на придорожныхъ постоялыхъ дворахъ или въ недальнихъ отъ дороги усадьбахъ, у своихъ родныхъ и знакомыхъ, помѣщики и помѣщицы съ ихъ семьями, преимущественно же съ подроставшими дочерьми. Семьи эти бывали иногда такъ многочисленны, что ими набивалось нѣсколько возковъ и крытыхъ пошевней. Эти временные жители Москвы оставались тамъ до послѣдняго зимняго пути. Москва на зиму дѣлалась сборнымъ мѣстомъ окольнаго и даже болѣе или менѣе отдаленнаго отъ нея дворянства. Главною цѣлью такихъ поѣздокъ была выдача замужъ въ Москвѣ засидѣвшихся невѣстъ. Удобствъ для этого представлялось, повидимому, очень много. Если на постоянномъ мѣстѣ жительства родителей и ближніе, и дальніе сосѣди знали или только слышали о разстройствѣ ихъ дѣлъ, то въ Москвѣ трудно было насчетъ этого добраться до истины, и, напротивъ, легче было представлять изъ себя людей богатыхъ, да и жениховъ тамъ было больше, нежели въ губернской или уѣздной глуши. Притомъ и женихи въ Москвѣ были гораздо лучше, нежели въ губерніи. Въ Москву на зиму съѣзжалось много лучшей молодежи, между которою были и женихи самые завидные, какъ, напримѣръ, петербургскіе гвардейцы и гусары разныхъ полковъ. Ѣздили на зиму помѣщики въ Москву и по разнымъ своимъ дѣламъ, производившимся въ тамошнихъ присутственныхъ мѣстахъ; ѣздили и для разныхъ закупокъ, а барыни преимущественно для закупокъ по части дамскаго туалета для самихъ себя, для дочерей, а также по многочисленнымъ порученіямъ родственницъ и знакомыхъ. Хотя московскія моды сильно отставали въ ту пору не только отъ парижскихъ, но даже и отъ петербургскихъ, но все-таки какая-нибудь принадлежность женскаго наряда, привезенная изъ Москвы, особенно же какая-нибудь еще невиданная въ губерніи новинка, хотя-бы болѣе или менѣе безвкусная и безобразная, имѣла въ глазахъ губернскихъ и уѣздныхъ жительницъ чрезвычайную важность. Иногда ѣздили въ Москву и для того, чтобы пріискать французскихъ или

швейцарскихъ гувернеровъ или гувернантокъ, или чтобы захватить иной разъ съ собою какого-нибудь мнимаго педагога изъ нѣмцевъ. Ѣздили въ Москву и для того еще, чтобы повидаться съ жившими тамъ постоянно или только пріѣзжавшими туда родственниками, изъ желанія—какъ говорилось тогда — «засвидѣтельствовать свое почтеніе» такимъ дѣдамъ, хотя-бы и троюроднымъ, бабушкамъ, дядюшкамъ и тетушкамъ, отъ которыхъ по преклонности ихъ лѣтъ можно было надѣяться, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, на какую-либо долю наслѣдства. Но болѣе всего отправлялись на зиму въ Москву для того, чтобы, какъ говорится, и себя показать, и другихъ посмотрѣть. Москва жила въ ту пору весело; балы, званые обѣды бывали ежедневно, такъ что тамъ можно было провести зиму не скучая, хотя и поистратившись гораздо болѣе, нежели пробывъ зиму въ деревнѣ.

Кромѣ Москвы, а иногда—довольно, впрочемъ, рѣдкихъ—поѣздокъ въ Петербургъ, бывали еще поѣздки и на особыя сборища, на которыя съѣзжались помѣщики большею частію безъ семействъ и преимущественно изъ такихъ людей, которые любили — что называется — покутить. Такими сборищами были ярмарки и для московской области преимущественно ярмарка, называвшаяся сперва Макарьевскою, а потомъ Нижегородскою. Здѣсь способы провожденія времени были очень неприглядны, и отличительною чертою ярмарочнаго быта были: пьянство, картежничество и развратъ.

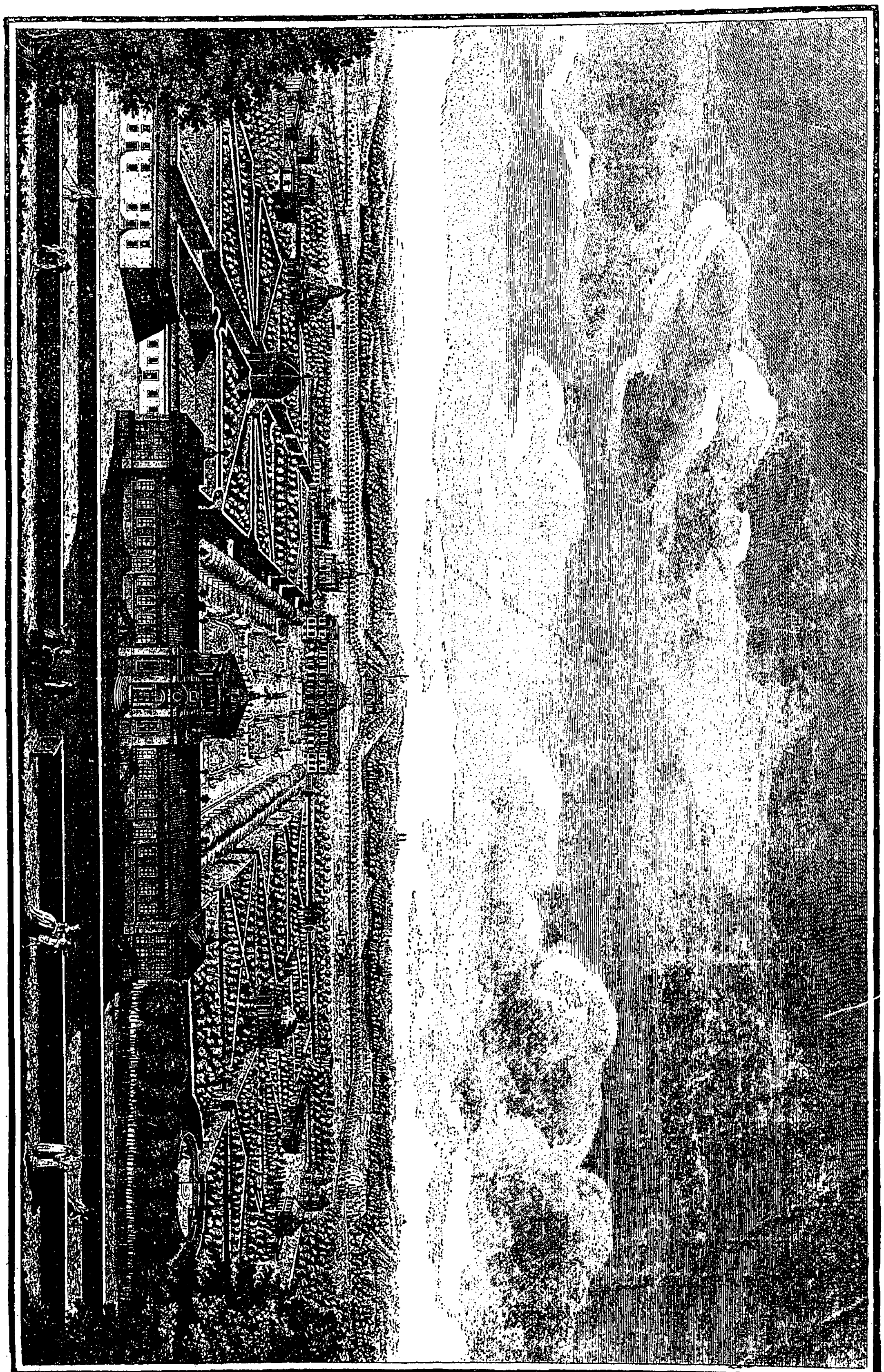
Ѣздили также наши помѣщики и помѣщицы и на богомолье, иногда съ цѣлыми семьями, какъ въ мѣста извѣстныя, такъ и въ болѣе или менѣе отдаленныя православныя обители. Но мало-по-малу такія поѣздки становились все рѣже и рѣже.

Лѣтній путь даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, о которыхъ мы говоримъ, несмотря на относительную густоту населенія, представлялъ мало удобствъ по причинѣ плохого состоянія дорогъ, а о вешнемъ или осеннемъ пути и говорить нечего. Но зато зимой, да еще по первопутку, хотя въ иныхъ мѣстахъ вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ и приходилось ѣздить гуськомъ по проселочнымъ дорогамъ,—санный путь былъ чрезвычайно удобенъ, особенно для тѣхъ, которые отправились налегкѣ, на лихой ямщичьей тройкѣ.

Въ обыкновенномъ деревенскомъ быту сельское хозяйство, несмотря на ту неурядицу и запущенность, въ какихъ оно вообще находилось, все-таки было главнымъ предметомъ занятій нашихъ помѣщиковъ. Они, какъ главные представители мѣстныхъ образованныхъ классовъ, должны были-бы стоять во главѣ ихъ, но, къ сожалѣнію, весьма многіе не только не исполняли, но даже и не сознавали этой обязанности. Причиною тому были отчасти и самыя условія крестьянскаго быта въ московской области. Край этотъ издревле былъ преимущественно мѣстностью торговою и промышленною, а при увеличеніи численности населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и при возраставшемъ числѣ источниковъ для заработковъ на сторонѣ, крестьяне примосковскихъ губерній стали уходить съ мѣстъ ихъ постояннаго жительства. Уже во второй половинѣ прошлаго столѣтія множество ярославскихъ крестьянъ стало отправляться въ Москву и въ Петербургъ какъ для торговли, такъ и для услуженія въ разныхъ общественныхъ заведеніяхъ. Крестьяне Калужской губерніи занялись предпочтительно извознымъ промысломъ, требовавшимъ частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ изъ дома. Въ губерніяхъ Тверской, Нижегородской и особенно въ губерніи Владимірской развилась между сельскимъ населеніемъ кустарная промышленность, отодвинувшая земледѣліе на второе мѣсто въ ряду крестьянскихъ занятій. Помѣщики съ своей стороны весьма равнодушно относились къ такимъ уклоненіямъ отъ сельскаго хозяйства, тѣмъ болѣе, что платежъ оброка готовкою гораздо вѣрнѣе обезпечивалъ въ большинствѣ случаевъ доходность ихъ имѣній, нежели сельская производительность, находящаяся всегда въ главной зависимости отъ урожаевъ или неурожаевъ.

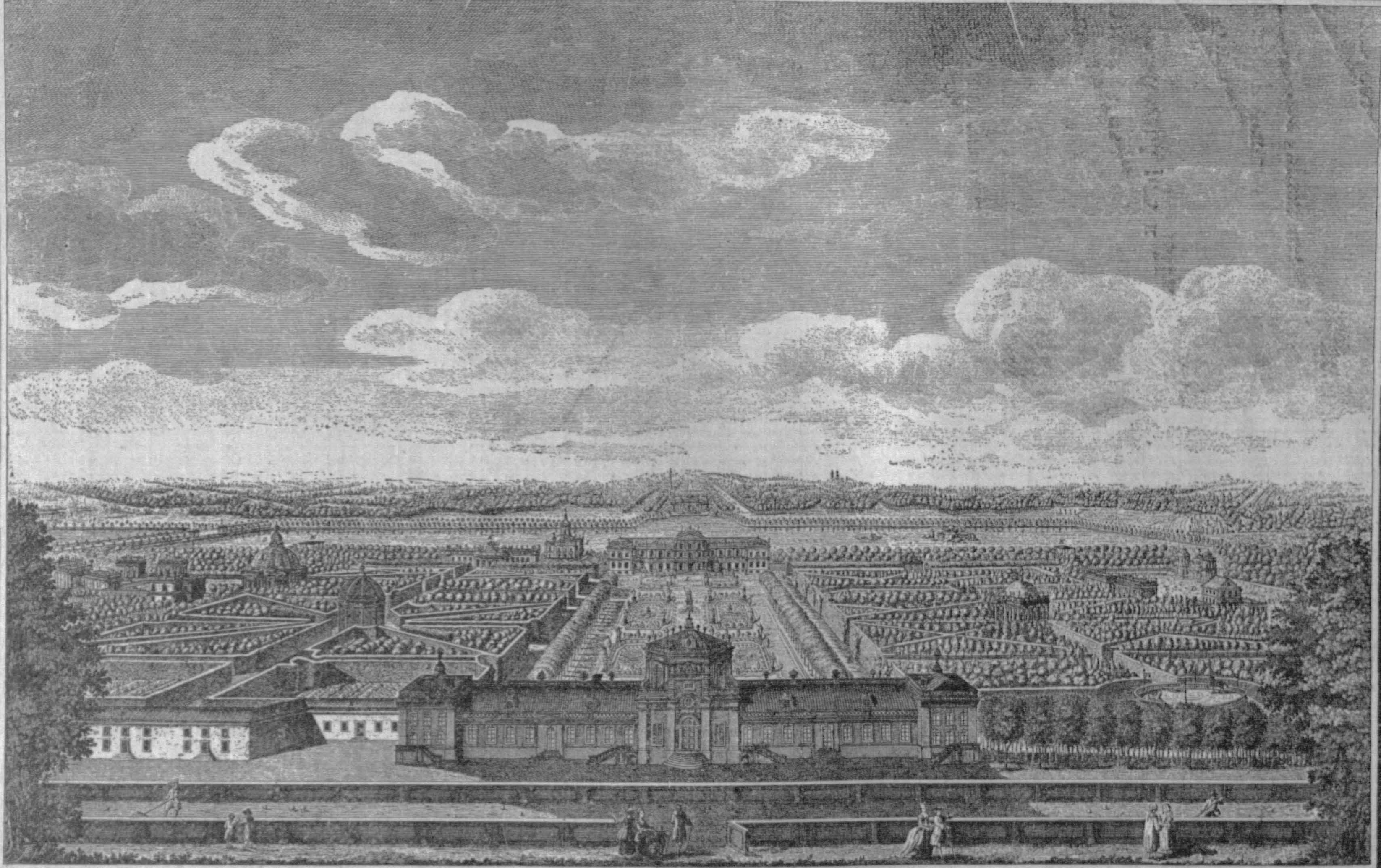
Нѣкоторые, хотя и немногіе, помѣщики заботились объ улучшеніи, если не крестьянскаго, то, по крайней мѣрѣ, собственнаго, дворянскаго хозяйства, но при этомъ большею частію попадали на ложный путь. Если, какъ мы видѣли, наше дворянство было заражено духомъ

подражанія иностранцамъ въ отношеніи своего общественнаго и домашняго быта, то подобное-же подражаніе стало мало-по-малу проявляться и въ способахъ веденія сельскаго хозяйства, съ нѣкоторымъ, впрочемъ, отступленіемъ отъ общаго теченія. Какъ въ первомъ случаѣ

Помѣстье богатаго вельможи XVIII столѣтія.
(Видъ Кускова, имѣнія графа Шереметьева, въ серединѣ прошлаго столѣтія, съ современной гравюры Лорана).

образцомъ подражанія служила у насъ преимущественно Франція, такъ въ послѣднемъ—предпочтительно Германія, Англія, а впослѣдствіи и Бельгія. Помѣщики начали устранять прежнихъ управляющихъ имѣніями изъ дворовыхъ и крестьянъ—старостъ и бурмистровъ, и стали замѣнять ихъ нѣмцами, а иногда и англичанами, заводившими новые порядки, не спрашивая

Помѣстье богатаго вельможи XVIII столѣтія.

(Видъ Кускова, имѣнія графа Шереметьева, въ серединѣ прошлаго столѣтія, съ современной гравюры Лорана).

о томъ, насколько примѣнимы тѣ или другіе способы земледѣлія къ нашей почвѣ, къ нашему климату и даже къ рабочимъ рукамъ русскаго крестьянина. Изъ заграницы заимствовались разныя системы сѣвооборотовъ, воздѣлыванія земли и т. д. Прямымъ послѣдствіемъ такихъ позаимствованій были обыкновенно неудачи и затраты денегъ, иногда весьма крупныя, и, въ концѣ концовъ, слышались насмѣшки надъ новыми иностранными затѣями и пріемами по агрономической части вообще и надъ ихъ представителями въ частности.

Въ числѣ хорошо устроенныхъ помѣщичьихъ имѣній было въ московской области, въ Тульской губерніи, въ исходѣ прошлаго столѣтія небольшое имѣніе извѣстнаго по своимъ «Запискамъ» Болотова, человѣка умнаго, честнаго и для того времени замѣчательно-образованнаго или, по крайней мѣрѣ, весьма начитаннаго. Въ «Запискахъ» его найдется не мало указаній, какъ онъ велъ свое собственное маленькое хозяйство, не гоняясь за иностранными нововведеніями, и описаніе того скромнаго, но не томительнаго образа жизни, какой могли бы вести въ деревнѣ люди доброй нравственности, подобные Болотову. Въ началѣ текущаго столѣтія пользовалось въ Калужской губерніи громкою извѣстностію село Авчурино, по заведенному въ немъ раціональному, на англійскій образецъ, хозяйству. Село это, подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда у насъ псевдо-классицизма, высокопарно называли въ печати «Храмомъ Цереры». Но здѣсь въ сущности былъ скорѣе щеголеватый показъ тщеславія авчуринскаго владѣльца, нежели какія-либо дѣйствительныя и прочныя улучшенія, пригодныя для нашего сельскаго быта. Было и позднѣе, и въ ближайшее къ намъ время, нѣсколько болѣе или менѣе извѣстныхъ русскихъ сельскихъ хозяевъ, заботливо и умѣло ведшихъ свои дѣла, но вопросъ объ ихъ сельско-хозяйственной дѣятельности не входитъ въ нашу статью, и мы упоминаемъ объ этомъ только вскользь, единственно для того, чтобы показать, что тотъ классъ нашего общества, который долженъ былъ считаться наиболѣе образованнымъ, въ громадномъ большинствѣ пользовался досугомъ въ своей деревенской жизни, и для полноты бытового очерка слѣдуетъ сказать, какъ онъ вообще употреблялъ этотъ досугъ.

Умственное движеніе до послѣдней поры сосредоточивалось предпочтительно, а въ прежнее время, можно сказать, даже и исключительно, только въ Петербургѣ и въ Москвѣ, которая въ этомъ отношеніи была какъ-бы представительницею этого движенія для всей, очерченной въ началѣ нашей статьи, области. Въ главномъ центрѣ этой области, т. е. въ Москвѣ, былъ въ 1752 году открытъ первый русскій университетъ, но вліяніе его на помѣщичій бытъ не могло быть замѣтно на первыхъ порахъ, какъ потому, что вообще жажда къ высшему образованію была у насъ еще очень слаба, такъ и потому еще, что молодые люди уклонялись отъ поступленія въ университетъ вслѣдствіе господствовавшихъ тогда сословныхъ предразсудковъ, считая неприличнымъ обучаться въ университетѣ вмѣстѣ съ лицами низшихъ сословій, или такъ-называвшимися нѣкогда «разночинцами». Очень долгое время мѣстомъ воспитанія русскаго дворянства были извѣстный «шляхетскій» корпусъ въ Петербургѣ и нѣсколько частныхъ пансіоновъ, содержимыхъ, какъ тамъ, такъ и въ Москвѣ, иностранцами и даже іезуитами. Въ эти заведенія помѣщалась только нѣкоторая доля мальчиковъ изъ дворянскихъ семействъ, остальные же учились дома «чему-нибудь и какъ-нибудь». Само собою разумѣется, что ни корпусное, ни пансіонское воспитаніе не подготовляло къ сельской жизни; рѣдко достигало этого и домашнее воспитаніе, преимущественно подъ руководствомъ иностранцевъ. Точно также не располагала къ этой жизни ни военная, ни гражданская служба, куда, впрочемъ, въ прежнее время вступало очень немного изъ достаточныхъ, а еще менѣе изъ числа молодыхъ богатыхъ дворянъ. Отчужденіе отъ высшаго образованія помѣстнаго дворянства обусловливало отчасти и его домашній бытъ и постоянно давало извѣстное направленіе всей его духовной жизни, въ которой умственные интересы имѣли лишь весьма слабое значеніе, а иногда и ровно никакого, и высокія духовныя, а также и вообще эстетическія наслажденія, навѣваемыя красотою природы, знакомствомъ съ произведеніями литературы и ис-

кусствъ, были совершенно чужды. Правда, что русскіе писатели, особенно стихотворцы, подражая то Горацію, то французскимъ идилликамъ, преимущественно же госпожѣ Дезульеръ, воспѣвали прелести мирной сельской жизни и у насъ на Руси, но такія произведенія, и въ стихахъ, и въ прозѣ, не соотвѣтствовали нисколько нашей грубой деревенщинѣ, да и въ самой Франціи подобныя произведенія были и искусственны, и натянуты. Изъ всѣхъ нашихъ поэтовъ едва ли не одинъ Пушкинъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» сумѣлъ приблизиться къ этой дѣйствительности и описать ее поэтическими, а вмѣстѣ съ тѣмъ и достаточно вѣрными красками. Онъ, напримѣръ, представилъ полныя прелести картины перваго наступленія въ деревнѣ сѣверной зимы, этой «сѣдой волшебницы», и подмѣтилъ даже такую мелочь, какъ любимое занятіе деревенскихъ ребятишекъ кататься на салазкахъ по первому, только-что выпавшему снѣгу. Онъ также чрезвычайно живо нарисовалъ картину тогдашняго дворянско-деревенскаго незатѣйливаго житья и представилъ очеркъ прежняго помѣщичьяго общества съ его увеселеніями и съ содержаніемъ его внутренней жизни. Но, разумѣется, что поэтъ съ такимъ тонкимъ вкусомъ, какимъ отличался Пушкинъ, не коснулся въ этомъ случаѣ мрачныхъ и грязныхъ сторонъ стараго, но ему еще современнаго нашего деревенскаго быта, и мило нарисованныя имъ картинки, хотя и вѣрны съ подлинниками, но все-таки далеко не даютъ полнаго понятія о деревенской жизни нашихъ помѣщиковъ во всѣхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ.

Нельзя сказать, чтобы жизнь эта представляла много привлекательнаго для развитого человѣка даже той дальней поры, когда умственныя потребности были гораздо ограниченнѣе, нежели онѣ стали впослѣдствіи. Прежде всего такой человѣкъ не встрѣчалъ около себя людей, съ которыми онъ могъ бы по душѣ подѣлиться своими впечатлѣніями, чувствами и мыслями, подѣлиться такъ, чтобы при этомъ происходилъ обмѣнъ и тѣхъ, и другихъ, и третьихъ. Не могъ онъ находить для себя и дорогихъ для каждаго образованнаго человѣка собесѣдницъ — книгъ, и чѣмъ дальше мы будемъ въ этомъ случаѣ отступать назадъ, въ прежнее время, тѣмъ болѣе будетъ замѣтенъ недостатокъ развлеченія такого рода. Русскіе журналы и газеты этой поры не могли наполнять у образованнаго человѣка часовъ его деревенскаго досуга, какъ потому, что періодическихъ изданій было вообще очень немного, да и выходившія прежде у насъ только въ столицахъ эти изданія были и тощи, и скучны, такъ и потому еще, что, вслѣдствіе трудности сообщеній, многое изъ помѣщаемаго въ газетахъ являлось въ деревенскую глушь болѣе или менѣе запоздалымъ. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что еще въ концѣ прошлаго столѣтія началось и въ провинціяхъ московской области нѣкоторое литературное движеніе. Такъ въ Ярославлѣ появилось періодическое изданіе, подъ названіемъ «Уединенный Пошехонецъ», а позднѣе—въ Калугѣ, подъ названіемъ «Калужскіе Вечера». Замѣчательно, впрочемъ, что такое движеніе современемъ не только не усилилось и не развилось, но даже, напротивъ, совершенно заглохло.

При такихъ условіяхъ жизнь образованнаго человѣка въ деревнѣ, хотя-бы и съ близкими около него, но неподходящими къ нему сосѣдями, представляла какъ-бы изгнаніе, какъ-бы отреченіе отъ того общества, гдѣ онъ все-таки могъ найти для себя какую-либо духовную поддержку, оживлявшую его умъ и его сердце. Послѣдствія такой отчужденной отъ общества жизни были нерадостны, а иногда даже и гибельны. Засѣвшій въ деревнѣ образованный, нестарый еще человѣкъ тяжелѣлъ умственно, отставалъ отъ того, что такъ или иначе могло питать его разсудокъ и его чувства, и, наконецъ, мало-по-малу истомленный и уединеніемъ и скукою, впадалъ въ какую-то отупѣлость, а нерѣдко и въ тѣ пороки, которые были такъ свойственны тогдашнему деревенскому помѣщичьему быту. Въ иныхъ случаяхъ спасала его, впрочемъ, удачная женитьба, и онъ, оставаясь неиспорченнымъ нравственно человѣкомъ, находилъ для себя радости и удовольствія въ тихой и спокойной семейной жизни.

Какъ-бы въ противоположность такъ рѣдко являвшимся личностямъ, засѣвшимъ въ силу

тѣхъ или другихъ обстоятельствъ въ усадьбѣ, являлось множество такихъ, которыя какъ нельзя болѣе были довольны деревенскою жизнью на холостую ногу—жизнью, доставлявшею имъ широкое, ничѣмъ не стѣсняемое приволье.

Обширное и разнообразное примѣненіе крѣпостного права,—начиная съ законной обязанности подвластныхъ людей обоего пола работать на своихъ господъ и служить имъ и кончая очень часто насильственною обязанностію крѣпостныхъ женщинъ и дѣвушекъ обращаться въ любовницъ и наложницъ своего барина,—доставляло ему много утѣхъ и развлеченій, удовлетворяя и его необузданное властолюбіе, и его грубую чувственность. Упомянутое право и было въ старые годы едва-ли не самою главною приманкою деревенскаго житья для большинства помѣщиковъ, скудное умственное развитіе которыхъ началось съ полуобразованія и нисходило до какой-то татарской дикости. Попойки, картежная игра, разные виды своеволія, устройство гаремовъ, конюшня и расправа съ крѣпостными людьми — составляли въ нашихъ деревняхъ обычный родъ занятій ихъ владѣльцевъ. Поѣздки къ сосѣдямъ или въ ближайшій городъ для большаго разнообразія кутежей служили какъ-бы дополненіемъ къ постоянному образу неприглядной жизни въ усадьбахъ.

Разумѣется, что среди такихъ нравственно-распущенныхъ людей, сподобившихся проживать весь свой вѣкъ на счетъ чужого труда и извлекать для себя удовольствія изъ чужого приниженія и даже позора,—являлись то здѣсь, то тамъ свѣтлыя, вполнѣ достойныя уваженія личности, понимавшія право ближнихъ, кто бы они ни были; но существованіе такихъ личностей не ослабляетъ той общей мрачной тѣни, какою отличалась вообще бездѣльная жизнь нашихъ помѣщиковъ въ деревнѣ, начиная съ юношескаго и кончая старческимъ возрастомъ. Представительницы женскаго пола въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя были для нихъ подходящими, очень часто отличались подобными же слабостями и пороками. Не безъ увѣренности можно сказать, что если отмѣна крѣпостного права благотворно подѣйствовала на бытъ прежнихъ крѣпостныхъ крестьянъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ она благодѣтельно повліяла и на нашъ помѣщичье-деревенскій бытъ стародавняго склада, преимущественно же среди мелкопомѣстнаго дворянства, устранивъ изъ этого быта такія условія и такую обстановку, которыя, подъ вліяніемъ лѣни, грубости, невѣжества и произвола главнымъ образомъ способствовали къ развращенію и нравственной порчѣ этого сословія.

Если въ обѣихъ столицахъ и въ большихъ, особенно близкихъ къ нимъ, городахъ прежній складъ жизни уступалъ, хотя и медленно, приливу извнѣ новыхъ понятій, взглядовъ и обычаевъ, то все-же прежняя обстановка русскихъ «преимущихъ» людей сохранялась еще во многихъ помѣщичьихъ усадьбахъ въ своей первобытной силѣ, и тамъ сплошь и рядомъ можно было встрѣтить то, что въ самой Москвѣ, не говоря уже о Петербургѣ, переиначивалось, слабѣло, сглаживалось и даже окончательно исчезало.

Къ такимъ остаткамъ прежняго быта относится между прочимъ и дворня, о которой слѣдующія за нами поколѣнія будутъ узнавать, какъ о какой-то диковинкѣ, какой то небывальщинѣ, противорѣчащей основнымъ началамъ экономическаго быта, такъ какъ съ одной стороны глупый обычай, а съ другой тунеядство были причиною этого явленія

Дворня была такою общею и вмѣстѣ съ тѣмъ такою отличительною чертою нашего стариннаго помѣщичьяго быта, что на ней нельзя не остановиться.

Къ любимымъ развлеченіямъ дворянства принадлежала охота.

Охота, какъ увеселеніе, и притомъ какъ одно изъ увеселеній самыхъ аристократическихъ, существовала и на Западѣ Европы. Тамошнія владѣтельныя особы очень любили эту потѣху, въ которой принимали обыкновенно участіе и дамы, большею, впрочемъ, частію только въ качествѣ зрительницъ. У насъ также охота была въ числѣ царскихъ забавъ, особенно охота соколиная, и она составляла предметъ особой заботы царя Алексѣя Михайловича. Сынъ его, царь Петръ не любилъ вовсе этой потѣхи, и при немъ въ отъѣзжихъ примосков-

скихъ поляхъ стихли звуки роговъ, лай псовъ и торопливые крики охотниковъ. Но внукъ его, Петръ II, возобновилъ въ этихъ мѣстахъ охоту, но только псовую, и выѣзжалъ въ поле съ 1500 собакъ. Императрицы Анна Ивановна и Елисавета Петровна потѣшались тоже этимъ не женскимъ дѣломъ. Хотя въ царствованіе Екатерины II придворная охота не имѣла уже прежнихъ размѣровъ, но тѣмъ не менѣе продолжала существовать и существуетъ донынѣ, какъ одна изъ принадлежностей пышнаго двора.

Бояре и помѣщики подражали въ этихъ случаяхъ государямъ и тоже заводили у себя большія псовыя охоты, которыя служили поводомъ къ самому широкому разгулу. Охота, какъ промыселъ или какъ способъ истребленія хищныхъ звѣрей, бываетъ необходима, но, конечно, несмотря на весь ея аристократизмъ, нельзя не признать жестокосердіемъ обращеніе этой потребности въ кровавую потѣху, когда смерть, страданія и терзаніе животнаго, иногда даже совершенно беззащитнаго, доставляютъ удовольствіе и участникамъ, и зрителямъ и торже-

Изображеніе отправленія Петра II на охоту.
(Съ современной гравюры Зубова, хранящейся въ Императорской Публичной библіотекѣ).

ствуются, словно побѣда надъ сильнымъ и опаснымъ врагомъ. При помѣщичьихъ охотахъ представлялся и особый еще вредъ: охотники-помѣщики безжалостно топтали засѣянныя поля и тѣмъ наносили значительные убытки, возграждение за которые бѣдняку-крестьянину получить было съ нихъ нелегко или просто невозможно; да и, кромѣ того, въ пылу охоты случаи самоуправства всякаго рода бывали гораздо чаще, нежели въ обыкновенное время.

Богатые помѣщики устраивали у себя охоту на широкую ногу, причемъ егеря, доѣзжачіе и псари были одѣты не только однообразно, но въ щегольскихъ чекменяхъ съ серебрянымъ или золотымъ позументомъ и приборомъ. Выѣздъ такой охоты въ поле сопровождался особою торжественностью.

Послѣ дворянства наиболѣе образованнымъ у насъ классомъ должно было считаться православное духовенство, значеніе котораго по его близкимъ и непосредственнымъ отношеніямъ къ народу могло бы быть наиболѣе вліятельнымъ на все сельское положеніе. Отстраняя вопросъ собственно о православной церкви, мы въ настоящемъ очеркѣ ограничимся только бытомъ ея представителей.

Изображеніе отправленія Петра II на охоту.

(Съ современной гравюры Зубова, хранящейся въ Императорской Публичной библіотекѣ).

У насъ уже съ давнихъ поръ черное духовенство — или монашество — получило преобладающее положеніе надъ бѣлымъ духовенствомъ, а потому и бытъ перваго въ отношеніи матеріальномъ—разумѣется, соотвѣтственно обѣту скромности и умѣренности, даваемому принимающими постриженіе—былъ несравненно лучше, нежели бытъ духовенства бѣлаго. Впрочемъ, и обѣтъ воздержанія былъ прямо нарушенъ для высшей духовной іерархіи, состоявшей исключительно изъ монаховъ. Такъ, митрополиты московскіе, а затѣмъ въ особенности патріархи московскіе и всероссійскіе жили не только не съ монашескимъ смиреніемъ, но съ роскошью, немного развѣ уступавшей той роскоши, какою блистала царская обстановка. У этихъ первосвятителей-монаховъ были свои бояре, окольничіе, стольники и вообще всѣ тѣ придворные чины, которые состояли при государѣ, за исключеніемъ, конечно, чиновъ по охотничьему вѣдомству. Трапеза ихъ отличалась изобиліемъ. Слѣдовавшіе за ними по іерархіи прочіе святители русской церкви жили такъ-же пышно, сообразно той или другой эпохѣ. Монашество въ богатыхъ обителяхъ проводило дни свои безъ печали и воздыханій, въ полномъ изобиліи. Оно даже въ иныхъ случаяхъ блистало непомѣрною и несоотвѣтствующею инокамъ роскошью въ одѣяніи. Такъ, напримѣръ, сохранилось извѣстіе, что въ половинѣ прошлаго столѣтія отшельники Троицко-Сергіевской лавры славились своимъ щегольствомъ на всю Русь, а одинъ изъ архимандритовъ этой обители носилъ въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны шелковые чулки и дорогія бриллiантовыя пряжки на башмакахъ. При императорѣ Павлѣ Петровичѣ извѣстный московскій митрополитъ Платонъ разъѣзжалъ въ «золотой» каретѣ, окруженный напудренными вершниками, одѣтыми въ великолѣпныя ливреи. Архіерейскія палаты, а также палаты многихъ отцовъ-архимандритовъ не напоминали вовсе келій смиренныхъ, удалившихся отъ мірской суеты монаховъ, а уподоблялись роскошно отдѣланнымъ барскимъ хоромамъ. Петръ I, крѣпко недолюбливавшій монаховъ и недовѣрявшій имъ, сильно стѣснилъ прежній монастырскій бытъ, но не коснулся тѣхъ богатыхъ имущественныхъ средствъ, которыми пользовались монастыри, вслѣдствіе громадныхъ денежныхъ сборовъ и сдѣланныхъ въ разное время въ пользу ихъ вкладовъ, въ видѣ богатыхъ и обширныхъ вотчинъ. Отобраніе при Екатеринѣ II этихъ послѣднихъ въ казну значительно ограничило средства для привольной монашеской жизни. Бытъ монастырскихъ отшельниковъ отличался въ прежнее время не скромностію и умѣренностію, а, напротивъ, разгуломъ и излишествомъ. Принимаемыя порою противъ этого и мірскими, и церковными властями, и даже соборами мѣры оставались обыкновенно безуспѣшными. Какъ на замѣчательную черту монашескаго житія, можно указать на то, что въ старину, по близости мужского монастыря, а очень часто и рядомъ съ нимъ возникала почти всегда и женская обитель, гдѣ образъ жизни инокинь не соотвѣтствовалъ вовсе принятымъ имъ на себя тяжелымъ обѣтамъ. Немногіе изъ нашихъ монастырей — за исключеніемъ развѣ находившихся въ глухихъ мѣстностяхъ — могли похвалиться господствовавшимъ въ нихъ духомъ благочестія; не могли также они похвалиться и ученостію своихъ обитателей, хотя бы ученостію относительной, то-есть исключительно лишь съ богословской точки зрѣнія.

Какъ бы противоположность обезпеченному довольству монашеской братіи представляло печальное положеніе бѣлаго духовенства. Изстари и до нашихъ дней бытъ его былъ очень незавиденъ, за исключеніемъ, конечно, такъ-называемыхъ богатыхъ приходовъ, гдѣ частое исправленіе различныхъ, хорошо оплачиваемыхъ требъ приносило болѣе или менѣе изобильные доходы съ ихъ словеснаго стада. Немало содѣйствовало печальному, въ матеріальномъ отношеніи, положенію нашихъ православныхъ пастырей и соблюденіе обычая вступать въ бракъ до рукоположенія во священники или въ діаконы, и прямымъ послѣдствіемъ раннихъ браковъ была многочисленность семействъ духовныхъ лицъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возраставшая съ годами нужда давала чувствовать себя все сильнѣе и сильнѣе. Другимъ неблагопріятнымъ условіемъ для домашняго быта нашихъ священнослужителей было и есть вдовство. По дѣй-

ствующимъ каноническимъ правиламъ православной церкви, овдовѣвшій священникъ или діаконъ не можетъ вступать во второй бракъ, такъ что домъ его остается безъ хозяйки — безъ этой главной силы въ такомъ скромномъ обиходѣ, каковъ обиходъ нашего, преимущественно сельскаго духовенства. Несомнѣнно, что тяжелая нужда была главною причиною той нравственной испорченности, которую вообще приписываютъ нашему духовенству, а именно она повела его къ вымогательству вознагражденія съ прихожанъ за исполненіе даже самыхъ важнѣйшихъ духовныхъ требъ, необходимыхъ для каждаго христіанина, и довела его до той приниженности передъ мірянами, которая въ глазахъ народа роняетъ достоинство пастырскаго сана. Бѣдность и необезпеченность породили среди нашего духовенства алчность къ мздоимству до такой степени, что эта отличительная черта вошла во многія народныя поговорки и пословицы. Хотя въ послѣдніе годы и было сдѣлано много для улучшенія быта православнаго духовенства въ Россіи, но, несмотря на то, остается еще много заботъ по этой части. Здѣсь въ особенности заслуживаетъ вниманія горькая участь сельскаго духовенства, бытъ котораго и донынѣ въ небогатыхъ сельскихъ приходахъ мало чѣмъ, по степени довольства и по обстановкѣ, разнится отъ быта крестьянъ, при чемъ вообще можно сказать, что зажиточные крестьяне въ примосковскихъ губерніяхъ живутъ лучше, нежели убогіе пастыри, въ особенности если принять во вниманіе разницу между званіемъ и семейными потребностями и тѣхъ и другихъ. По существу своихъ обязанностей, духовенство не могло, да и не можетъ имѣть въ отношеніи общежитія такого значенія, какое принадлежало и принадлежитъ дворянству. Но тѣмъ не менѣе западно-европейскіе обычаи проникли и въ его среду и въ особенности отразились на женскомъ полѣ, такъ что, напримѣръ, «матушка» городского священника и его дочери, и по воспитанію, и по образу жизни, и по одеждѣ, слишкомъ отличаются отъ «матушки» деревенскаго священника и его поповенъ. Тогда какъ первая и ея дочери—худо-ли, хорошо-ли—напоминаютъ собою нашихъ современныхъ барынь и барышень, деревенская «матушка» еще донынѣ является большею частію въ видѣ простой бабы, а дочери ея—въ видѣ простыхъ крестьянскихъ дѣвушекъ; но разумѣется, что при распространеніи образованія и при происходящемъ измѣненіи домашняго быта среди нашего духовенства, какъ городского, такъ и сельскаго, такой старинный обликъ исчезаетъ все болѣе и болѣе. Наконецъ, вообще бытъ духовенства долженъ со временемъ совершенно переиначиться, вслѣдствіе того, что нынѣ духовенство не составляетъ у насъ замкнутаго сословія, и въ составъ его могутъ поступать лица всѣхъ состояній.

Что касается быта русскаго купечества, то бытъ его представляетъ едва-ли еще не болѣе разнообразія, чѣмъ бытъ духовенства и дворянства. Надобно также замѣтить, что относительно общежитія у бо̀льшей части богатаго нашего купечества не могло существовать никакихъ наслѣдственныхъ преданій, такъ какъ личный составъ этого сословія безпрестанно измѣнялся въ прежнее, да измѣняется еще и въ настоящее время. Довольно значительная часть нашего помѣстнаго дворянства принадлежала къ кореннымъ, издавна осѣдлымъ обывателямъ извѣстной мѣстности. Иные дворянскіе роды владѣли въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ однимъ и тѣмъ же имѣніемъ, и потому представители такихъ родовъ росли и жили въ обычной для нихъ обстановкѣ. Еще болѣе устойчивости представляетъ въ этомъ отношеніи наше православное духовенство. Среди его есть очень много родовъ, праородители которыхъ — насколько восходятъ въ прошедшемъ церковныя записи и преданія — состояли при однихъ и тѣхъ же приходахъ священниками, діаконами и церковными служителями преемственно въ теченіе двухъ и даже трехъ вѣковъ. Совершенную противоположность такой родовой усидчивости и неподвижности представляетъ наше купечество, въ особенности разбогатѣвшее. Въ губернскихъ, а тѣмъ еще болѣе въ уѣздныхъ городахъ примосковской области рѣдко найдутся такія купеческія семейства, которыя безъ перерыва вели торговлю въ четырехъ и хотя бы даже трехъ поколѣніяхъ, безъ окончательнаго или хоть временнаго перехода въ мѣщанство вслѣдствіе упадка коммерческихъ дѣлъ или вслѣдствіе полнаго имущественнаго разоренія. Кромѣ того, на недолголѣтнее

существованіе въ одной и той же мѣстности купеческихъ родовъ вліяло въ значительной степени и переселеніе ихъ въ другіе города. Такъ, напримѣръ, все существующее нынѣ въ Петербургѣ русское купечество составилось изъ ярославцевъ. Исчезновенію богатыхъ купеческихъ родовъ содѣйствовалъ переходъ ихъ въ высшее сословіе—въ дворянство. Такой переходъ, особенно при существованіи крѣпостного права, былъ завѣтною мечтою каждаго разбогатѣвшаго русскаго купца, который, получивъ такъ или иначе чинъ или орденъ, дававшіе права потомственнаго дворянства, желалъ прежде всего сдѣлаться помѣщикомъ, и въ Московской области въ прошломъ столѣтіи встрѣчаются примѣры, что многіе купцы, вышедшіе изъ мѣщанъ или вольноотпущенныхъ крестьянъ, дѣлались потомъ владѣльцами свыше 20,000 крѣпостныхъ душъ.

Очень понятно, что при такихъ переходахъ бытъ коренного русскаго купечества былъ чрезвычайно разнообразенъ и находился въ прямой зависимости отъ наживаемаго богатства. Если иные изъ русскихъ купцовъ, преимущественно изъ тѣхъ, которые держались старообрядчества, несмотря на постепенно увеличивавшіяся средства ихъ, все-таки твердо сохраняли въ своемъ быту прародительскіе обычаи и стародавнія привычки, то на ряду съ ними другіе купцы поступали совершенно иначе. Они прежде всего, а въ особенности ихъ сыновья, старались жить уже на дворянскую ногу, и желаніе уподобиться дворянамъ доводило ихъ, при ихъ необразованности, до крайняго пересола, такъ что слова «купеческій сынокъ» стали означать вообще такого молодого человѣка изъ русскаго купечества, который болѣе всего желалъ— и кстати, и некстати, — изъ одного лишь пустого тщеславія, выставлять напоказъ свое богатство и кутить такъ, чтобы онъ могъ сказать: «ндраву моему не препятствуй». Вообще до сихъ еще поръ бытъ русскаго купечества окончательно не уравнялся. Въ городахъ Московской области онъ представляетъ чрезвычайное разнообразіе, и еще лѣтъ двадцать тому назадъ онъ, по главнымъ своимъ чертамъ, подходилъ къ быту московскихъ бояръ XVII вѣка, съ тѣмъ, впрочемъ, весьма замѣтнымъ отличіемъ, что въ купеческихъ домахъ, даже самыхъ богатыхъ, не могло быть крѣпостной дворни. Но образъ жизни и вся домашняя обстановка сохраняли слѣды прошедшихъ временъ. Даже одѣянія старыхъ купчихъ въ большіе праздники, наслѣдованныя отъ прабабушекъ, ихъ разговоры и пріемы угощенія оживляли нашу до-петровскую старину.

Въ Московской области, то-есть въ тѣхъ губерніяхъ, которыя мы въ данномъ случаѣ ввели въ нашъ очеркъ, не существуетъ въ природѣ такихъ условій, которыя впечатлительно дѣйствовали бы на умъ и душу человѣка или вліяли бы особеннымъ образомъ на устройство его быта. Здѣсь нѣтъ ни высокихъ горъ, ни степныхъ пространствъ, которыми всюду такъ рѣзко обусловливается различіе быта, съ одной стороны, горцевъ, а съ другой—степняковъ. Умѣренный климатъ, среднее плодородіе почвы, достатокъ рѣкъ, отдаленность отъ морскихъ береговъ—все это ведетъ къ тому, что въ образѣ жизни обитателей такихъ мѣстностей не могутъ установиться какія-либо исключительныя особенности. Но прирожденныя свойства населенія—смѣтливость и бойкость—развили въ мѣстномъ населеніи духъ предпріимчивости, который издавна уже проявился въ видѣ торговой и промышленной дѣятельности, и со всѣмъ этимъ читатели наши могутъ познакомиться близко изъ главъ, относящихся къ этимъ предметамъ.

Московская область, исторически извѣстная съ давнихъ временъ, была несомнѣнно родиною многихъ государственныхъ нашихъ дѣятелей, въ особенности до той поры, пока къ великому княженію Московскому, а потомъ и къ государству Московскому не присоединились другія области Великой Россіи, дававшія Москвѣ людей, по чему-либо замѣчательныхъ, изъ числа своихъ уроженцевъ. Перечислить такихъ людей, а тѣмъ болѣе указать съ точностію мѣсто ихъ рожденія не только чрезвычайно трудно, но даже и невозможно, въ особенности по отношенію къ отдаленному времени, такъ какъ насчетъ этого сохранилось чрезвычайно мало извѣстій. Мы, впрочемъ, сдѣлаемъ попытку такого рода.

Всѣ русскіе государи, со времени утвержденія московскаго единодержавія и до императрицы Екатерины I, были уроженцы Московской области. Послѣ того уроженцемъ Москвы былъ покойный императоръ Александръ Николаевичъ. О мѣстѣ рожденія первосвятителей русской церкви — сперва митрополитовъ, а потомъ патріарховъ московскихъ и всероссійскихъ — свѣдѣній почти не встрѣчается, но надобно полагать, что, послѣ отмѣны поставленія русскихъ митрополитовъ изъ грековъ, эти первосвятители были преимущественно изъ уроженцевъ Московской области. Къ числу ихъ принадлежали, между прочимъ, знаменитый патріархъ Никонъ, сынъ обрусѣвшаго мордвина, крестьянина изъ села Вальдеманова, находившагося въ Нижегородской губерніи, и митрополиты московскіе: Платонъ и Филаретъ. Къ московскимъ уроженцамъ принадлежали прославившіеся русскіе полководцы: графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, графъ Румянцевъ-Задунайскій, князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій и князь Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, а кромѣ того, немало второстепенныхъ русскихъ вождей, пользовавшихся большою извѣстностію. Доблестные подвижники въ Смутное, тяжкое для Россіи время: князь Скопинъ-Шуйскій, князь Пожарскій и гражданинъ Мининъ также были уроженцами Московской области. Замѣчательно, что въ прежнее время Московская область доставляла Руси многихъ государственныхъ дѣятелей, въ лицѣ бояръ и воеводъ, но послѣ Петра Великаго, — при которомъ замѣчательными лицами изъ уроженцевъ были: князь Меншиковъ, графъ Ягужинскій и баронъ Шафировъ,—Московская область не поставляла Россіи видныхъ государственныхъ дѣятелей, за исключеніемъ развѣ графа Сперанскаго, сына сельскаго священника Владимірской губерніи, и графа Павла Дмитріевича Киселева, родившагося въ Москвѣ. Къ числу уроженцевъ Московской области принадлежалъ и знаменитый дѣятель въ концѣ прошлаго вѣка Н. И. Новиковъ. Замѣчательно также, что Московская область, или, точнѣе говоря, — Москва была родиною самыхъ знаменитыхъ нашихъ писателей. Въ ней родились: фонъ-Визинъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ и Пушкинъ.

Е. Карновичъ.

ОЧЕРКЪ IV.

ВОЛГА ОТЪ РЖЕВА ДО ЯРОСЛАВЛЯ.

I. Ржевъ.—II. Зубцовъ и Старица.—III. Торжокъ.—IV. Тверь. — V. Корчева, Кимры, Калязинъ. — VI. Угличъ. — VII. Молога. — VIII. Рыбинскъ.— IX. Романовъ, Борисоглѣбскій посадъ и Толгскій монастырь.—X. Ярославль.

I. Ржевъ.

Ряпуха тухлая.
Отца на кобеля промѣняли.
Козу сквозь заборъ пряникомъ кормили.

Народныя присловья про ржевцевъ.

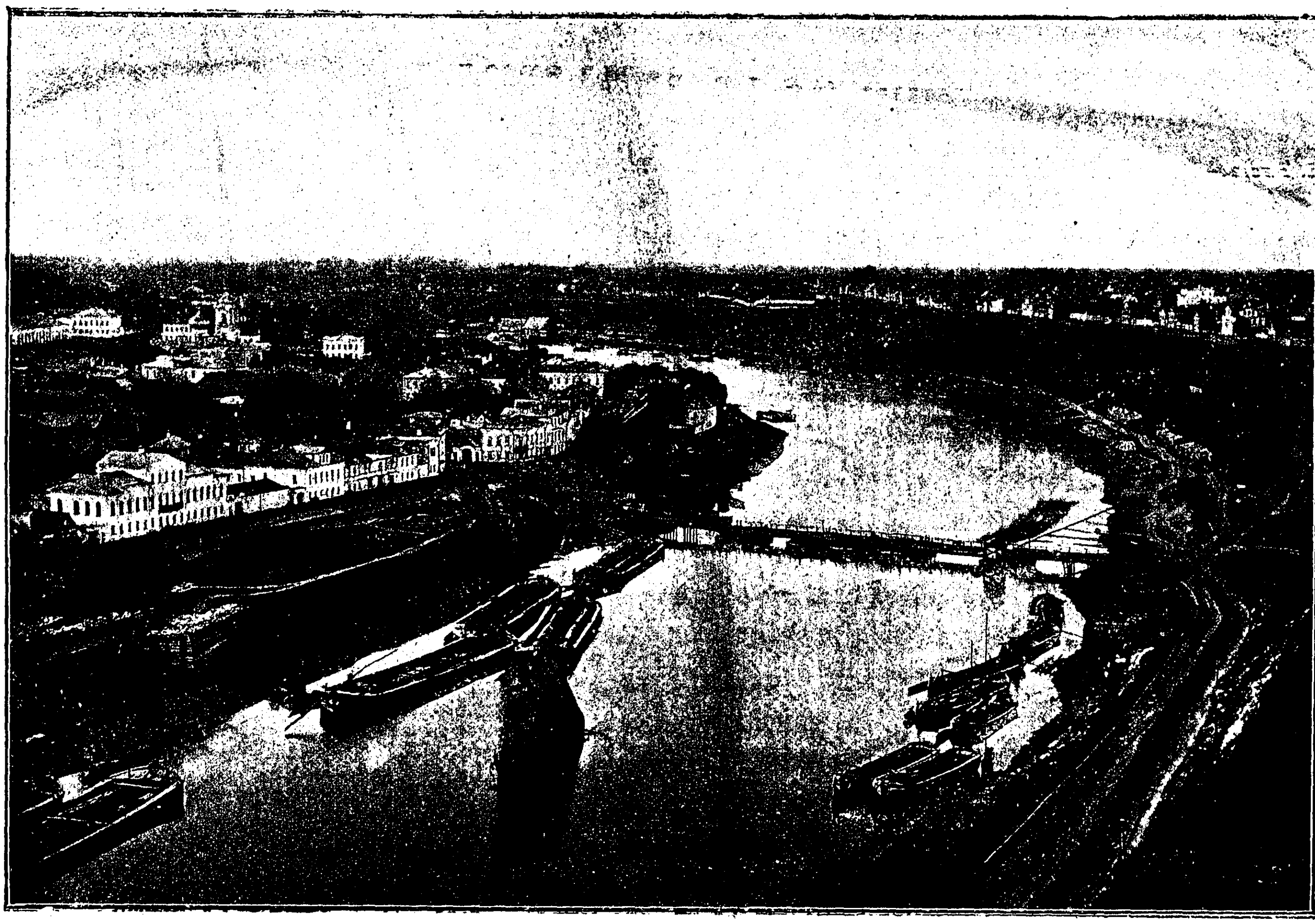
СМОТРЯ внизъ съ высоты крутой соборной горы города Ржева на Волгу, раздѣляющую этотъ городъ на двѣ части, не узнаешь родной рѣки, которая уже подъ Костромой извивается широкой лентой, обнаруживая неоглядную и безпредѣльную перспективу вдоль этой ленты, въ какую сторону ни взглянешь. Здѣсь Волга, противъ своего обычая нести правый берегъ горнымъ, а лѣвый луговымъ,—на обоихъ берегахъ стѣснена горами и даже съ тѣмъ различіемъ, что лѣвый гораздо круче и возвышеннѣе отлогаго, но высокаго праваго. Довольно глубоко внизу развертывается водная лента Волги прихотливыми извивами въ самыхъ ломаныхъ колѣнахъ. Передъ городомъ рѣка начетала островокъ, покрытый зеленью, и кругомъ его пустила рукавъ. Этимъ воспользовались, приладивъ, на краю города, мельницу. Колѣно рѣки надъ городомъ дѣлаетъ такую широкую дугу, что вся обширная зарѣчная сторона съ трехъ сторонъ охвачена этой рѣчной лентой. Подъ самой соборной горой обѣ половины города соединены мостомъ.

На мыску праваго берега Волги стоитъ Владимірская церковь въ трехъугольникѣ, обнесенномъ оградой, и среди зелени порядочнаго сада, гдѣ помѣщены богадѣльня и училище для дѣвочекъ. У берега стоятъ барки. Рядъ каменныхъ амбаровъ тянется дальше по берегу въ связи съ каменными домами хозяевъ; всѣ ворота наглухо притворены и внутри господствуетъ мертвая тишина. Нѣкоторыя домовыя ворота сохранили надъ собою старинные навѣсы и надъ всѣми почти врѣзаны или восьмиконечные кресты или подвѣшены образа Нерукотвореннаго Спаса старинного пошиба. Бóльшая часть ржевцевъ молится стариннымъ крестомъ и придерживается тайныхъ поповъ.

Всѣ сорта хлѣбовъ привозятся сюда съ Волги, изъ дальняго села Лыскова, гдѣ здѣшніе

поволжскіе жители извѣстны наиболѣе подъ общимъ прозваніемъ «новоторовъ»; расходятся же эти хлѣба по безхлѣбнымъ и полуголоднымъ окрестностямъ до Осташкова включительно. Особенно-же богатятъ ржевцевъ смоляки. Впрочемъ, главная связь Ржевскаго края со Смоленскимъ основывается на пенькѣ, которую смоляки производятъ и продаютъ, а ржевцы обращаютъ ее въ веревки для канатовъ.

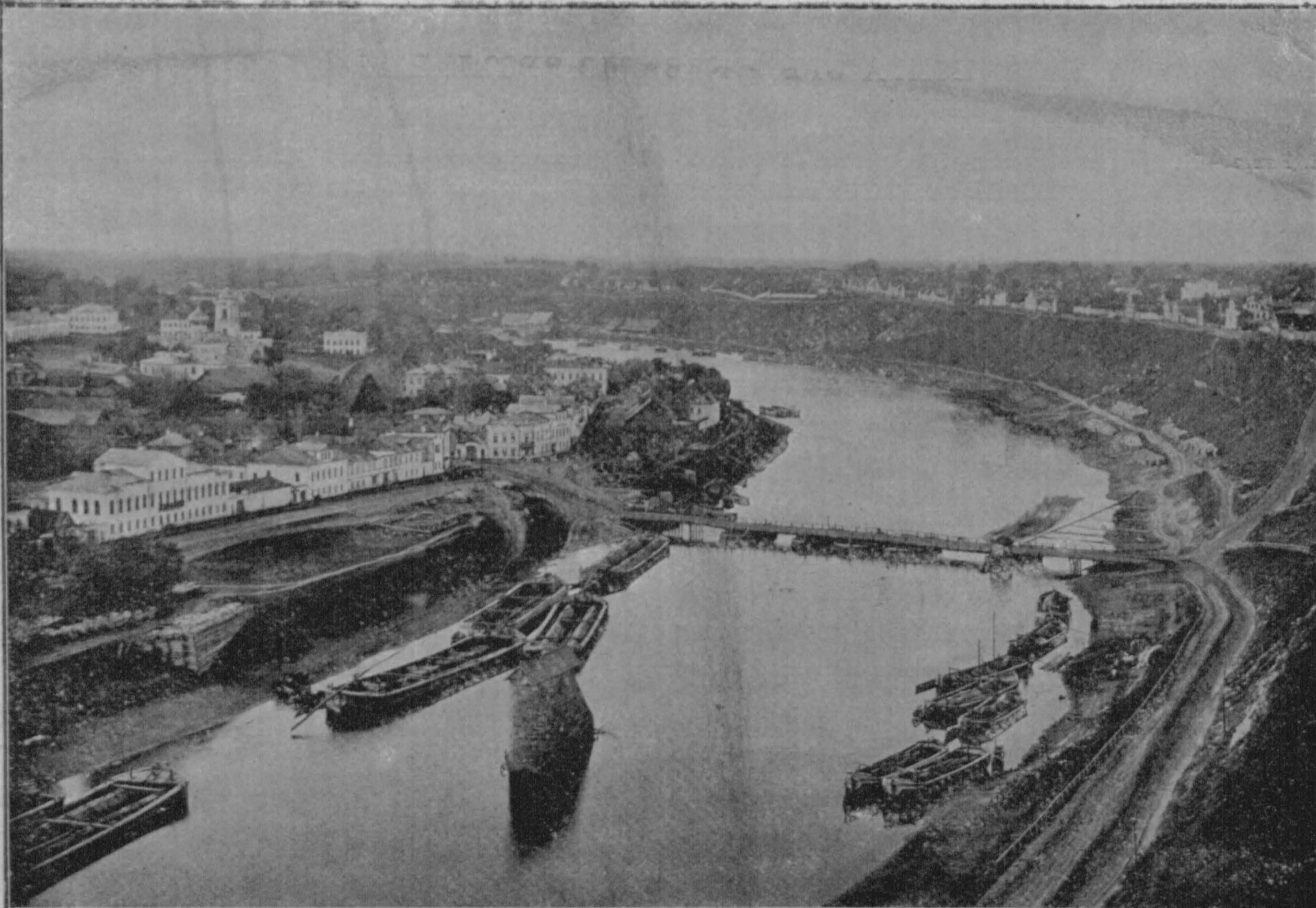
Въ обѣихъ половинахъ города мы видимъ лишь однѣ продольныя улицы въ обычномъ видѣ проѣзжихъ путей. Всѣ поперечные улицы и переулки загорожены или висѣлицами съ желѣзными крючьями на поперечныхъ перекладинахъ, или цѣлымъ рядомъ деревянныхъ восьмизубцевъ, укрѣпленныхъ одинъ за другимъ. Тѣ и другіе—канатные заводы: первые—большихъ размѣровъ и улучшеннаго образца; послѣдніе—на мелкую руку и прежней простѣйшей формы.

Волга у Ржева.
(Съ фотографіи).

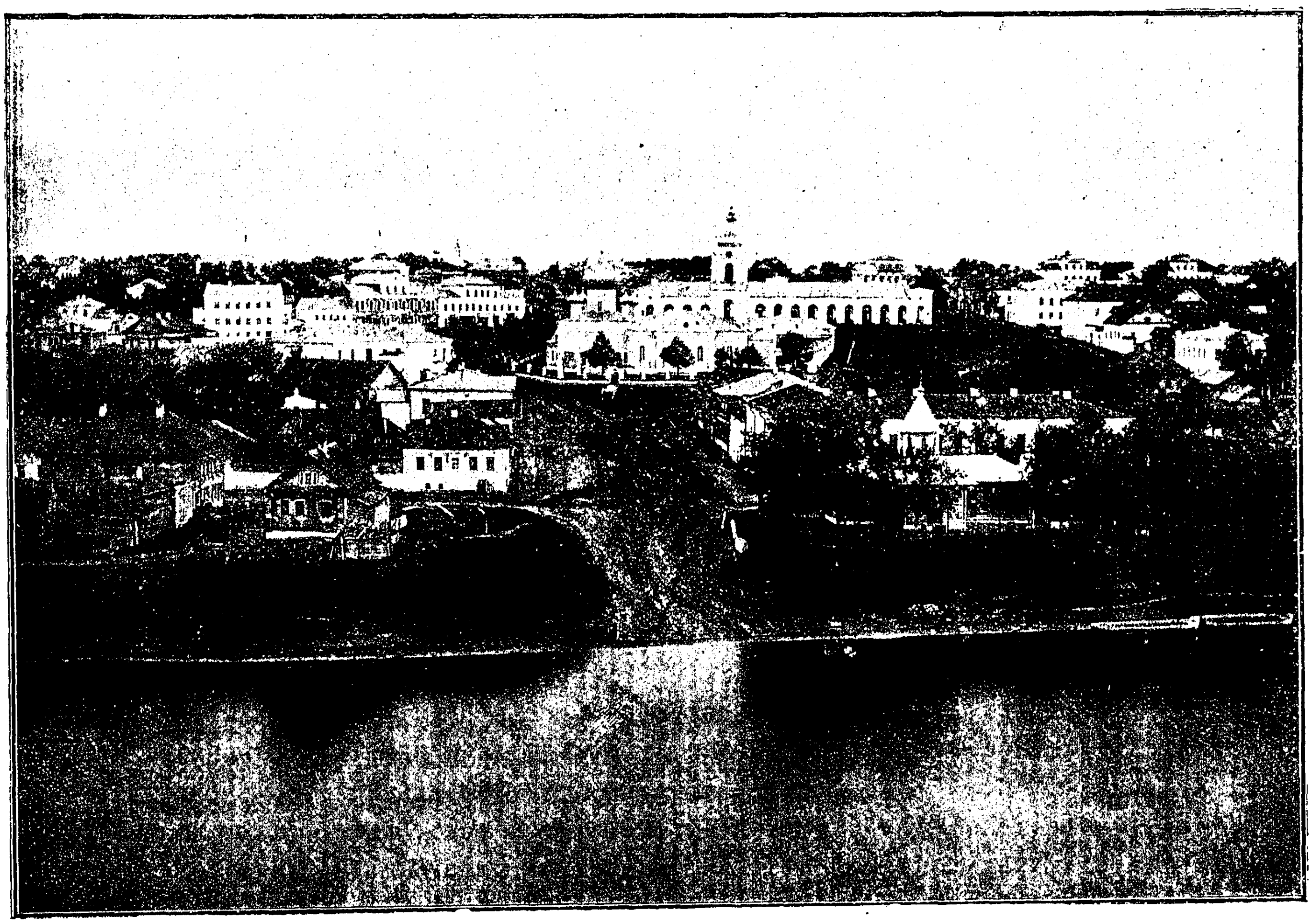
Именно по милости этихъ канатныхъ заводовъ такъ страненъ видъ городскихъ улицъ. Точно весь городъ существуетъ для нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, по обѣимъ сторонамъ улицъ рядъ домовъ, принадлежащихъ разнымъ владѣльцамъ, а между тѣмъ доступъ къ воротамъ и калиткамъ на лошади затрудненъ, будучи загороженъ этими вбитыми въ землю рогульками, въ количествѣ свыше восьми, и протянутыми по нимъ веревками. Въ иныхъ мѣстахъ и самыя улицы служатъ единственно для этихъ простѣйшаго устройства заводовъ. Иногда, впрочемъ, они занимаютъ половину переулка, оставляя другую для коннаго проѣзда. Большія прядильни иногда захватываютъ оба параллельные переулка.

Въ недалекомъ прошломъ «пряденіе» веревокъ представляло собою такую картину, лично наблюдавшуюся авторомъ этихъ строкъ. На маленькихъ прядильняхъ прядутъ веревки четыре мальчика самымъ нехитрымъ способомъ. Старая баба вертитъ колесо, съ жолобоватой окружности котораго идутъ ремни на жолобы вертящихся шкивовъ (6), прикрѣпленныхъ

Волга у Ржева.
(Съ фотографіи).

къ неподвижной доскѣ, стоящей на двухъ стойкахъ. Ремни, ходя по шкивнымъ бороздкамъ, поворачиваютъ шкивы. Къ нимъ прикрѣпляетъ парень конецъ пакли, и, по мѣрѣ того, какъ баба вертитъ колесо за ручку, рабочій осторожно пропускаетъ обѣими руками прядево, которымъ онъ обмотанъ по поясницѣ и особенно толсто на груди и животѣ. Медленно отступая задомъ, онъ осторожно обѣими руками захватываетъ съ живота пакли ровно столько, чтобы шла тонкая «нитка», какъ говорятъ они, или, собственно, не нитка, а уже порядочной толщины веревка. Первая нитка идетъ толщиною въ гусиное перо или немного потоньше; на нее кладутъ вторую или, какъ выражаются, «кладутъ на двѣ нитки». Навертываютъ и шесть (но уже не больше) вторыя пары рабочихъ ребятъ. Вращающіяся шкивы, при частыхъ оборотахъ колеса, сами уже по себѣ скручиваютъ прядево довольно круто и сильно, такъ что за-

Общій видъ г. Ржева съ Волги.
Съ фотографіи).

тягиваютъ внутрь веревокъ много кострики, и лишь нѣкоторая часть ея выкручивается и обсыпается на землю. Вся эта работа напоминаетъ ту домашнюю, когда правая рука прядильщицъ льна на прялкахъ теребитъ кудельную бороду и также прикручиваетъ. Вмѣсто же лѣвой руки которая на-отмашъ крутитъ нитку, заставляя веретено крутиться, здѣсь, на ржевскихъ уличныхъ заводахъ, употребляются колесо и шкивы, вращаемые бабой. Точно также, если рабочій зазѣвается и оборветъ нить,—ему стоитъ только крикнуть: «Матрена, остановись!»—и онъ подпрядаетъ свѣжей пеньки съ живота или груди. Здѣсь самымъ наглядным образомъ становится понятнымъ общеупотребительное выраженіе: «попасть въ просакъ». «Просакомъ» называется все то пространство, которое занято прядевомъ отъ прядильнаго колеса до саней, т. е. тяжелыхъ, грубаго устройства полозьевъ со спайками, въ которыя вставлена чурка. Эту чурку своими прядями обнимаетъ канатъ, въ то время когда его спускаютъ. Когда онъ кру-

Общій видъ г. Ржева съ Волги.
Съ фотографіи).

тится, тогда пятитъ по просаку эти сани (отсюда поговорка: «лѣтомъ на саняхъ только по просаку ѣздятъ»). Въ самомъ дѣлѣ бѣда велика попасть въ просакъ: если, напримѣръ, нѣтъ армяка, и баба попадетъ волосами, то ее скрутитъ такъ, что не выдернуть, хоть плачь.

Но вотъ другая ступень работы. Со двора большого завода на улицу выступила задомъ одна большая партія рабочихъ, а вслѣдъ за ней—другая, съ такими же въ рукахъ веревками, которыя на этотъ разъ лежали уже на крючьяхъ поперечныхъ перекладинъ висѣлицъ, до которыхъ, однако, не достанетъ рука самаго высокаго человѣка. Широкіе пояса вокругъ поясницъ изъ трепаной пеньки служили украшеніемъ этихъ веселыхъ молодцевъ. Также точно и они подхватываютъ прядево рукавицей или на кусокъ кожи, чтобы не ободрать уже ранѣе заслуженные мозоли. Покрутившись нѣсколько на серединѣ улицы, передъ висѣлицей, стоящей противъ самыхъ воротъ двора, эта партія, человѣкъ въ 50, шумно потянулась передомъ внутрь двора; это значитъ, что ее потребовалъ воротъ, стоящій подъ навѣсомъ на противоположномъ концѣ двора. По двору раскинуто цѣлое плетенье изъ веревокъ въ видѣ ткацкой основы. Кажется, въ этомъ веревочномъ лабиринтѣ можно запутаться и не вылѣзть, но этого, однако, не можетъ произойти, потому что на каждой веревкѣ привязанъ человѣкъ, управляющій ею. Вотъ одинъ молодецъ выскочилъ изъ воротъ лачуги, покосившейся на бокъ, но пристроившейся къ очень длинному двору, покрытому двускатною крышею, обросшею мохомъ и обрѣшетившеюся. Этотъ молодецъ также привязанъ на веревку; дворъ этотъ тоже прядильня, только съ крытымъ или зимнимъ приспособленіемъ.

Типъ богатой купчихи г. Ржева (на головѣ жемчужная ряска). Съ фотографіи.

Вотъ и еще рядъ рогулекъ въ другомъ мѣстѣ улицы, прямо вбитыхъ въ водосточную канаву, съ несомнѣнными признаками, что эта прядильня—кочевая, перемѣняющая свое мѣсто. Вбили рядъ кольевъ прямо въ рыхлую почву дна уличной канавы, приставили раму съ толстой доской и шкивами, подставили съ боку, отъ этой доски въ разстояніи аршина или двухъ, колесо, и закипѣла работа въ рукахъ этихъ молодцовъ. Молодцы они въ самомъ дѣлѣ: бойкіе, сильные, первые любители и мастера биться на кулачкахъ, силачи на рукахъ, находчивые на словахъ, сохраняющіе духъ независимости изстари и любовь къ личной свободѣ, уважающіе свое ремесло и гордящіеся своимъ занятіемъ.

Тѣ и другіе заводы одинаково приготовляютъ лишь «тонкую пряжу» изъ пеньки, доставляемой сюда изъ Орловской и Смоленской губерній, черезъ города Бѣлый и Гжатскъ. Изъ этой пряжи уже въ Кронштадтѣ дѣлаютъ канаты.

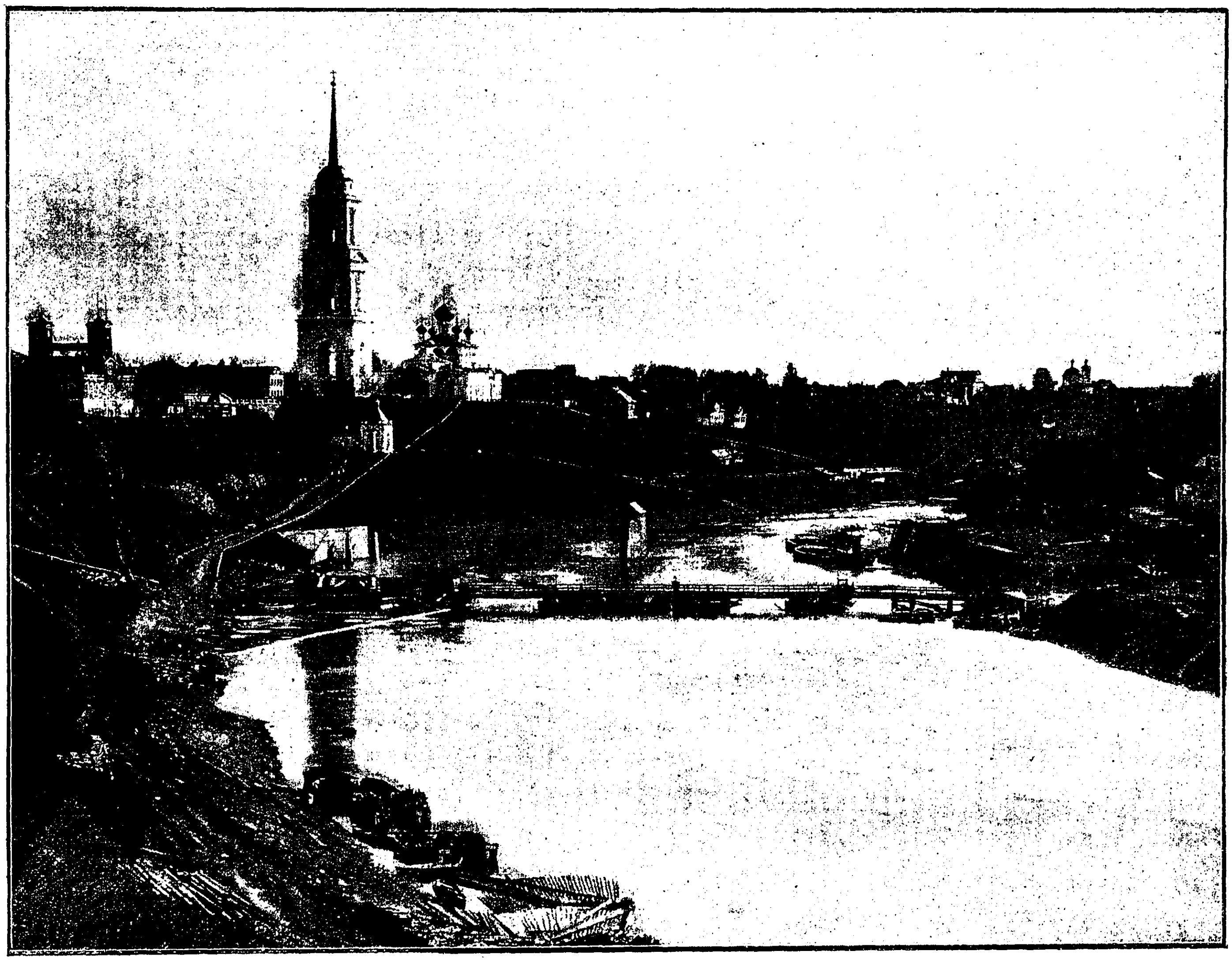
Глядя съ правой половины города на лѣвую, гдѣ на крутой горѣ величественно красуется высокая колокольня собора,—мы видимъ глубокій оврагъ, по которому течетъ рѣчка Хвалынка, точнѣе—маленькій ручей. Въ оврагѣ характеренъ крутой берегъ, въ которомъ, среди кустовъ, деревьевъ садовыхъ и прочей зелени, виднѣется обнаженный обрывъ, гдѣ известковыя плиты будто нарочно сложены, правильно и симметрично, въ довольно высокую стѣну.

Раскинутые по склонамъ оврага и въ другихъ мѣстахъ города сады заслуживаютъ вниманія потому, что въ нихъ издавна выростили особаго сорта яблоньку, извѣстную подъ именемъ «ржевской». Изъ плодовъ этой яблони и изъ привозныхъ яблокъ другихъ породъ, а также изъ мѣстныхъ ягодъ: клюквы, смородины, брусники и крыжовника въ Ржевѣ издавна приготовляютъ пастилу, извѣстную также подъ именемъ «ржевской».

Тип богатой купчихи г. Ржева (на головѣ жемчужная ряска). Съ фотографіи.

Вообще-же ржевцы живутъ по старинному, широко, не стѣсняясь разводить сады и пристраивать къ домамъ огороды. Съ верхняго яруса соборной колокольни открывается превосходный, широко растилающійся, видъ на окрестности съ рощами и лугами и на самый городъ, который можно назвать сплошь каменнымъ. Въ городѣ около 13-ти каменныхъ церквей, новѣйшей архитектуры (по причинѣ безконечнаго множества опустошавшихъ городъ пожаровъ). Много площадей, изъ которыхъ одна довольно обширна и вся обстроена каменными домами. Два гостиныхъ двора, по одному для каждой половины города.

Городъ Ржевъ (съ фотографіи).

Наружный видъ города вообще оставляетъ пріятное впечатлѣніе. Въ особенности хорошъ видъ на Зарѣчье въ сумерки, когда тамъ и сямъ замелькаютъ въ окнахъ огни и на розовомъ фонѣ солнечнаго заката выдѣляется густая зелень тѣнистаго сада, принадлежащаго старовѣрскому «погосту» (т. е. кладбищу) и такая же садовая зелень, обрамляющая каменный домъ съ главою и крестомъ, гдѣ помѣщается единовѣрческая церковь.

Городъ Ржевъ (съ фотографіи).

II. Зубцовъ и Старица.

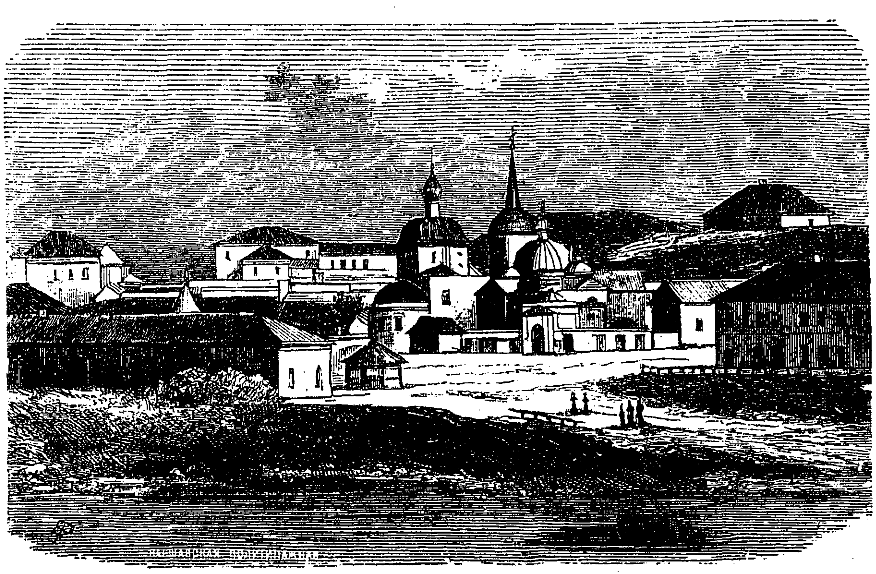
— Ты чей, молодечъ? - Зубцовскій купечъ. — А гдѣ былъ?—Въ Москвѣ по міру ходилъ.

Зубчане таракана на канатѣ на Волгу поить водили.

Старичане пѣтуха встрѣчали съ хлѣбомъ-солью: пришелъ грозенъ посолъ подъ Старицу: шуба на выворотъ, самъ низенокъ, а поперекъ о пяти обхватахъ, словечка не молвитъ, а только шипитъ: анъ это - индѣйскій пѣтухъ.

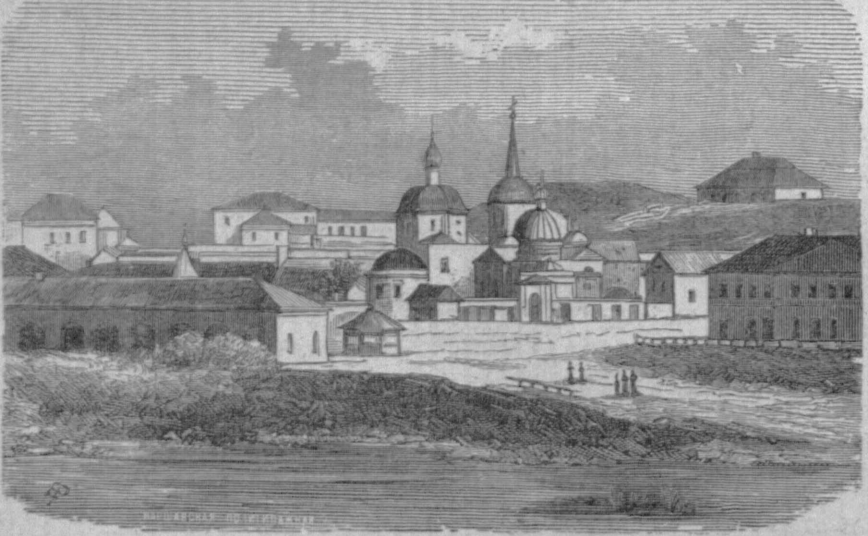
(Народныя присловья).

СКОЛЬ безжалостно ни осмѣяны оба эти города, сколь ни незначительны они, но такъ какъ лежатъ на Волгѣ, то необходимо сказать и о нихъ. Отъ Ржева до Зубцова 19 верстъ, по быстрой водѣ, бойкое теченіе которой примѣтно по стрежу рѣки даже съ высокаго ржевскаго берега. Берега очень однообразны и скучны, несмотря на то, что ольха силится оживить ихъ склоны своею густою изумрудною зеленью. Долина рѣки очень рѣдко раздвигается на значительныя пространства; большею частію она тѣсна. Хотя Волга прошла уже отъ своего истока больше двухсотъ верстъ, но ширина ея еще не превышаетъ 50-ти саженей. Тѣмъ не менѣе, по силѣ теченія воды, чувствуется, что хотя будущій богатырь и находится въ младенческомъ возрастѣ, но этотъ ребенокъ очень сильный, хорошей и здоровой природы. Подъ городомъ Зубцовымъ, по народной легендѣ, онъ уже успѣлъ показать себя при встрѣчѣ съ Вазузой. Долго спорила Волга съ Вазузой о своихъ достоинствахъ, силѣ и храбрости и о томъ, кому изъ двухъ должно уступить первенство и признать себя побѣжденной. Положили они промежь собой лечь спать: утро вечера мудренѣе. Рѣшили для перваго раза на томъ, что кто изъ нихъ прежде проснется и добѣжитъ до Хвалынскаго моря, тотъ и правъ, и почетенъ. Ночью Вазуза проснулась прежде и побѣжала. Когда пробудилась Волга и увидѣла, что соперница скрылась изъ глазъ, то тотчасъ же поднялась сама и поспѣшила ее догнать. Пробѣжала, однако, Волга 200 верстъ, и только у Зубцова нагнала Вазузу, которая признала здѣсь свою соперницу старшей сестрой и упросила взять ее подъ защиту и покровительство.

Старица.

Утвердившись на высотѣ, подымающейся стѣной съ праваго берега Волги при устьѣ Вазузы, городокъ Зубцовъ раскинулся также, какъ и Ржевъ, по обоимъ берегамъ Волги. Впрочемъ, на лѣвомъ берегу этой рѣки, внутри города, противъ устья Вазузы, сохранился небольшой валъ на пространствѣ 85 саженей, какъ остатокъ старинныхъ укрѣпленій, доказывающій,

Старица.

что первоначальный лѣтописный «Зубьчевъ» находился на этомъ мѣстѣ, когда впервые упоминался онъ, какъ городъ (въ 1216 году). Выросъ и распространился онъ впослѣдствіи, когда Петръ Великій придалъ значеніе Вазузѣ, учредивъ на притокѣ ея Гжати пристань этого имени, нынѣшній уѣздный городъ Смоленской губерніи. Сюда переведены были и поселены люди изъ Боровска, Вереи, Калуги, Можайска и друг. мѣстъ. Съ той поры и Зубцовъ долженъ былъ играть роль пристани для отправки мѣстныхъ произведеній къ Петербургу и для доставки, на Волгу и въ Ржевъ, черезъ Гжатскъ, пеньки, сала и проч.

Замѣчательно то обстоятельство, что Зубцовъ, въ первое время своего существованія, считался пригородомъ Суздаля, тогда какъ ближайшій Ржевъ—пригородомъ Смоленска. Такимъ образомъ, въ политическомъ и этнографическомъ отношеніи, мы встали теперь на интересномъ племенномъ рубежѣ, имѣющемъ очень серьезное значеніе. Здѣсь произошла встрѣча трехъ противоположныхъ колонизацій, во взаимной борьбѣ которыхъ перевѣсъ и побѣда осталась на сторонѣ сильнѣйшей. Впрочемъ, остатки старыхъ вліяній и связей еще живы и наглядны.

Бывшій Соборъ въ Старицѣ.

Народное движеніе, благодаря благопріятнымъ обстоятельствамъ, заключающимся въ тѣхъ общедоступныхъ средствахъ, какія представляютъ рѣки, совершалось въ этой странѣ Верхней Волги въ трехъ направленіяхъ: съ сѣвера (точнѣе—съ сѣвера-запада), съ юга и съ востока. Въ этой странѣ великихъ водораздѣловъ сближаются верховья такихъ большихъ рѣкъ, какъ Двина, Днѣпръ и Волга, имѣвшихъ столь громадное значеніе въ направленіи племенныхъ разселеній. Движеніе колонизаціи производилось свободно и, по всему вѣроятію, безъ помѣхъ со стороны враждебныхъ инородческихъ племенъ, которыя могли бы задерживать или вовсе остановить поступательное шествіе племени земледѣльческаго и, слѣдовательно, болѣе культурнаго. Доказательство тому мы видимъ и въ названіяхъ городовъ, озеръ, рѣкъ и другихъ урочищъ, сохраняющихъ корни славянскаго языка. Рѣки этой страны носятъ имена: Межи, Асучесы, Березы, Дубны, Сестры, Молодого Туда, Медвѣдухи, и проч. За главной же рѣкой Волгой—осталось имя, имѣющее необъясненный до сихъ поръ корень инородческаго (финскаго или чудскаго) языка. Озера называются: Щучье, Сигъ, Охватъ, Стержъ, Глубокое, Вселукъ, и т. д. Имена городовъ, вопреки исконному обычаю на Волгѣ, называться по притокамъ, получили также славянскія прозванія: Осташковъ, Ржевъ, Зубцовъ, Кашинъ, Старица, Торжокъ.

Въ Старицѣ есть одна замѣчательность, а именно:—оставшееся отъ давнихъ временъ «городище», лежащее внутри города. Его образуютъ: крутой берегъ Волги и овраги р. Старицы, а съ двухъ другихъ сторонъ (сѣверной и южной) насыпные валы въ разстояніи одинъ отъ другого на 150 саженъ. Укрѣпленіе города существующимъ валомъ и исчезнувшею стѣною приписывается Ивану Грозному, который особенно благоволилъ къ этому городу и жилъ въ немъ во время войны со Стефаномъ Баторіемъ. Старица, впрочемъ, и въ то время была уже стариннымъ городомъ, такъ какъ еще подъ 1297 г. упоминается въ лѣтописи: «срубленъ бысть градъ, на Волзѣ, по Зубцову, на Старицѣ». Михаилъ Тверской его возобновилъ въ 1363 г. подъ именемъ «Новаго Городка». Конечно и Старица, будучи порубежнымъ городомъ, испы-

Бывшій Соборъ въ Старицѣ.

тывала нѣсколько разъ разоренія во время княжескихъ усобицъ и отъ нападенія Литвы, считавшей своими всѣ эти города, расположенные по сѣверному рубежу полоцкаго и смоленскаго бѣлорусья. Оригинальной архитектуры соборъ, изображенный на нашемъ рисункѣ, теперь уже не существуетъ.

III. Торжокъ.

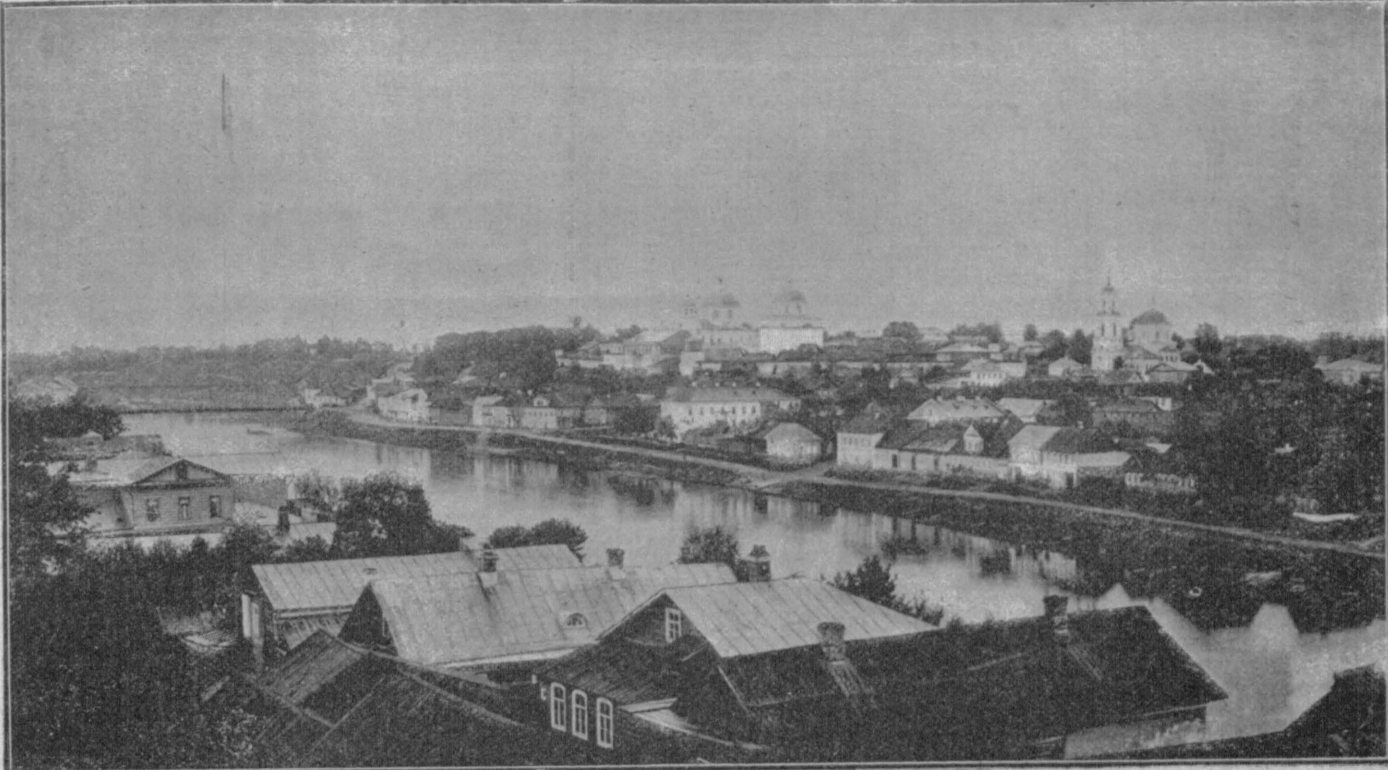
Не быть Торжку Новымъ-Городомъ, а Новгороду—Новымъ Торгомъ.
(Старинное новгородское изреченіе).

Новоторы—воры, да и Осташи—хороши, а свято то мѣсто, гдѣ Тихвинца нѣтъ.
(Нынѣшнее присловье).

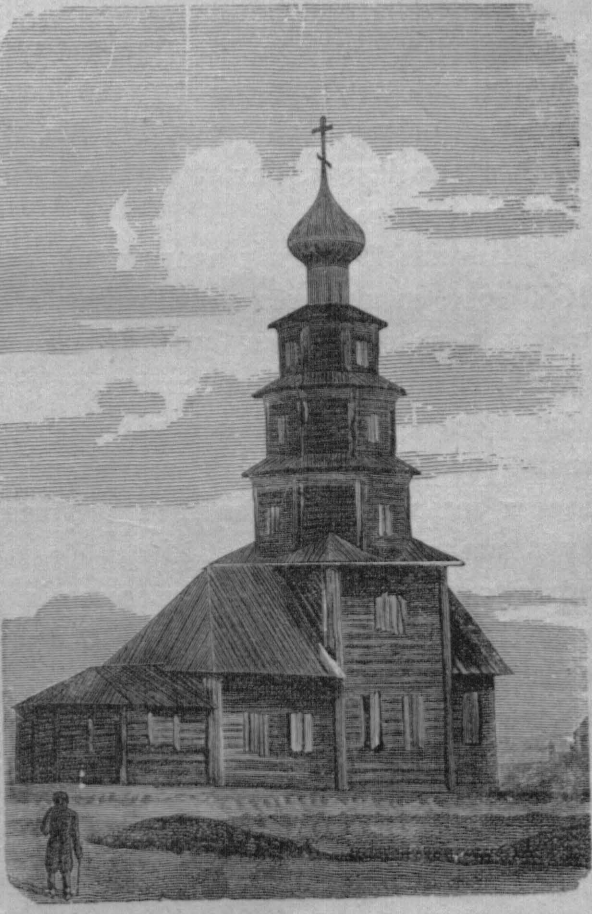
ТОРЖОКЪ, какъ и многіе другіе города, дурно рекомендуется острогомъ, выдвинувшимся впередъ. Это — въ своемъ родѣ «яблоко раздора» Новгорода съ Суздалемъ, связующее и раздѣлявшее звено двухъ сильныхъ сѣверныхъ Русей: торговой и земледѣльческой, — конечно, не въ прежнемъ видѣ, а нѣсколько разъ измѣненной до такой степени, что теперь осталось только старое мѣсто этого стариннаго «Новаго Торга», да названія церквей и монастырей. Десятки разъ онъ былъ превращенъ въ пепелъ и разоряемъ (1167, 1182, 1238, 1258, 1281, 1300, 1316, 1318, 1327, 1333, 1339, 1372, 1393, 1445, 1609, 1698, 1742, 1766, 1879, 1880). Четыре раза посѣщала его моровая язва (1395, 1426, 1709 и 1710). Одинъ этотъ перечень несчастныхъ годовъ свидѣтельствуетъ о тѣхъ измѣненіяхъ, какимъ подвергался городъ въ 875 лѣтъ, со времени прихода сюда преподобнаго Ефрема.

Св. Ефремъ, родомъ Угринъ, служилъ у князей братьевъ Бориса и Глѣба конюшимъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Георгіемъ. Когда убитъ былъ Борисъ и пришла объ этомъ вѣсть въ Ростовъ, Ефремъ отправился на р. Альту, черезъ которую въ то время шелъ путь въ Кіевъ. По дорогѣ заходилъ въ урочище Вязьму и, найдя изъ разрубленнаго на куски туловища брата Георгія, только голову, — онъ вмѣстѣ съ нею отправился на то мѣсто, въ 2 верстахъ отъ Торжка, гдѣ построилъ страннопріимный домъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ поселился тамъ, гдѣ теперь Торжокъ; поставилъ сначала три креста, потомъ первую въ городѣ каменную церковь и, наконецъ, около 1038 года, монастырь, первый на Руси посвященный имени мучениковъ и страдальцевъ св. князей братьевъ Бориса и Глѣба. Здѣсь почиваютъ его мощи въ ракѣ соборнаго храма вмѣстѣ съ главою брата Георгія. На противоположной лѣвой сторонѣ того же собора поставлена рака съ мощами келейника и ученика Ефремова — преподобнаго Аркадія.

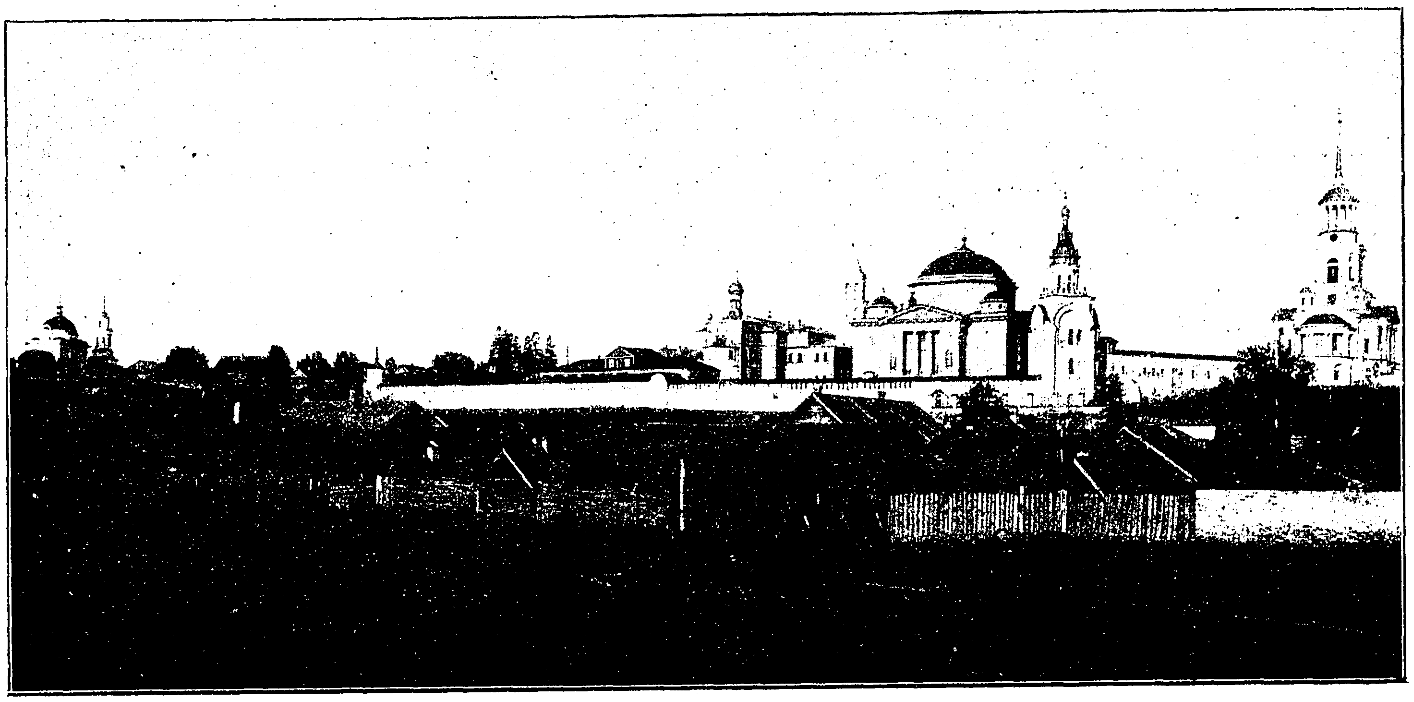
Берегъ Тверцы, ручей Здоровецъ, сохранившіеся по оврагу остатки вала и исчезающіе слѣды его по террасѣ города составляютъ границы стариннаго укрѣпленнаго города Торжка. Сзади примыкаетъ довольно большой каменный гостиный дворъ, а посрединѣ—самое главное мѣсто занимаютъ зданія собора. Соборъ состоитъ изъ двухъ храмовъ—холоднаго и теплаго (во имя Входа Господня во Іерусалимъ). Подъ Преображенскимъ соборомъ, построеннымъ въ 1822 году, сохраняется каменный гробъ съ мощами благовѣрныя княгини Іуліаніи, а въ иконостасѣ древнѣйшая чудотворная икона Смоленской Одигитріи, свидѣтельствующая о прежнихъ симпатіяхъ этого края со Смоленскимъ. Изъ 19-ти прежде бывшихъ церквей уцѣлѣло въ на-

Общій видъ г. Торжка. (Съ фотографіи).

Вознесенская церковь въ Торжкѣ.

Видъ мужского монастыря во имя Св. Евфремія Новоторжскаго.

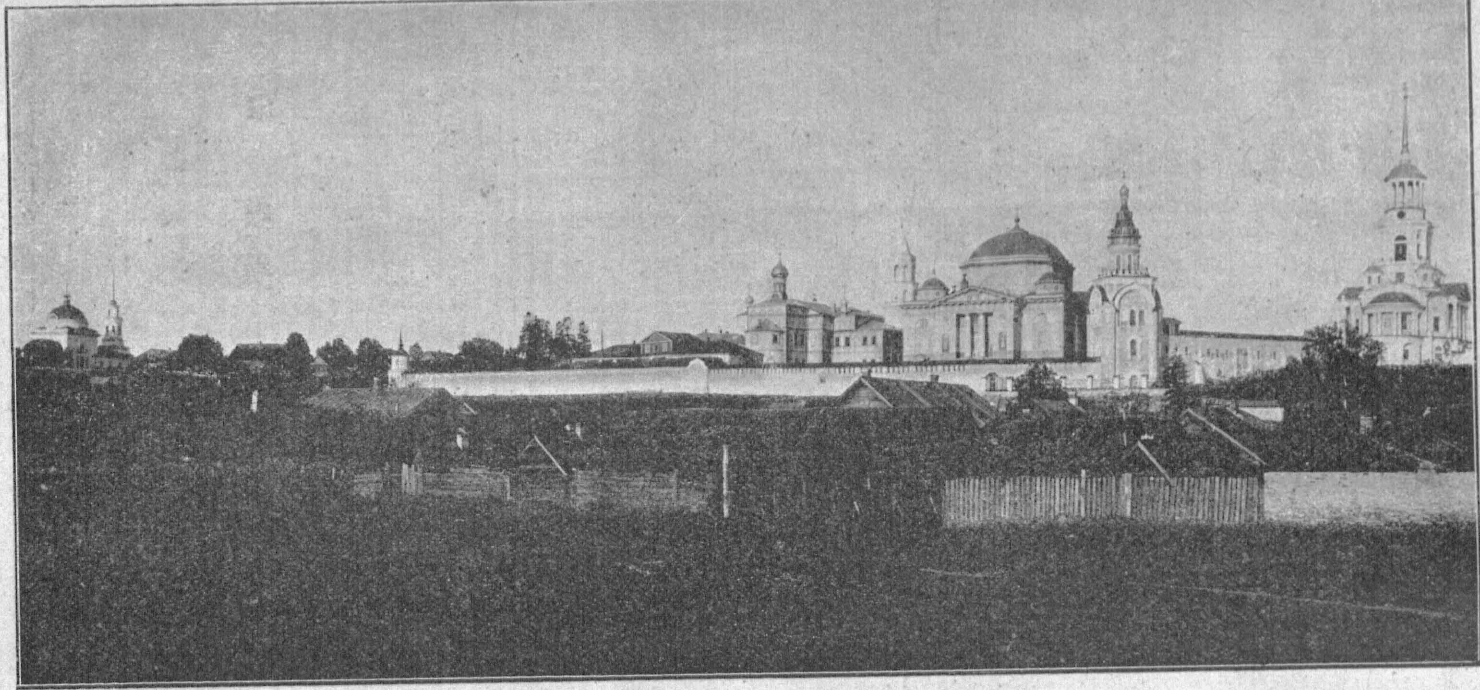
прибыльными товарами. Другіе купцы торгуютъ по столицамъ и на нѣкоторыхъ станціяхъ Николаевской желѣзной дороги, придерживаясь этого товара въ видѣ случайныхъ требованій. Дѣти и внучки прежнихъ мастерицъ принуждены теперь заняться отхожимъ промысломъ.

Вообще городъ Торжокъ меньше Ржева, но кажется привѣтливѣе и оживленнѣе по уличному движенію, которое дополняется, между прочимъ, разносною торговлею. Улицы и площади всѣ мощоныя и содержатся гораздо лучше, чѣмъ въ Ржевѣ. Берегъ Ямской стороны возвышеннѣе, но на Торговой сторонѣ онъ отлогѣе, хотя также гористъ, и въ особенности эффектно поставлена церковь Успенія. На самую рѣку обращено здѣсь больше вниманія, чѣмъ на Волгу въ Ржевѣ. Самый народъ здѣшній гораздо обходительнѣе, привѣтливѣе и словоохотливѣе ржевскаго.

Извѣстный нашъ драматическій писатель А. Н. Островскій, посѣтившій Торжокъ въ 1856 году, пишетъ объ немъ между прочимъ: «Дѣвушки пользуются совершенной свободой; вечеромъ на городскомъ бульварѣ и по улицамъ гуляютъ однѣ или въ сопровожденіи молодыхъ людей, сидятъ съ ними на лавочкахъ у воротъ, и нерѣдкость встрѣтить пару, которая сидитъ обнявшись и ведетъ сладкіе разговоры, не глядя ни на кого. Почти у каждой дѣвушки есть свой кавалеръ, который называется «предметомъ». Этотъ предметъ впослѣдствіи дѣлается большею частію мужемъ дѣвушки. Въ Торжкѣ еще до сей поры существуетъ обычай «умыканья» невѣстъ: считается особеннымъ молодечествомъ увезти невѣсту потихоньку, хотя это дѣлается почти всегда съ согласія родителей. Молодые на другой день являются съ повинной къ разгнѣваннымъ будто бы родителямъ и тутъ ужъ начинается пиръ горой. Такой способъ добывать себѣ женъ не только не считается предосудительнымъ, но, напротивъ, почитается почетомъ. «Значитъ ужь очень любитъ, коли увезъ потихоньку»,—говорятъ въ Торжкѣ. Не имѣть «предмета» считается неприличнымъ для дѣвушки, такая дѣвушка легко можетъ засидѣться въ дѣвкахъ».

Про торжковскій городской нарядъ говоритъ тотъ же писатель, знатокъ русской народной жизни слѣдующее:

«Старый живописный нарядъ дѣвушекъ (шубка или сарафанъ, кисейные рукава и душегрѣя, у которой одна пола вышита золотомъ) — начинаетъ выводиться. Мѣсто его заступаетъ пальто, а вмѣсто повязки съ рясками (поднизи изъ жемчуга) покрываютъ головы шелковымъ платочкомъ. Пальто, которыя пошли теперь въ моду, длинны и узки, съ перехватомъ на та-

Видъ мужского монастыря во имя Св. Евфремія Новоторжскаго.

ліи. Они шьются изъ шелковой матеріи яркихъ цвѣтовъ и большею частію бываютъ голубыя и розовыя. Сжимая грудь, они безобразятъ фигуру. Образъ жизни замужнихъ совершенно противоположенъ образу жизни дѣвушекъ; женщины не пользуются никакой свободой и постоянно сидятъ дома. Ни на бульварѣ, ни во время вечернихъ прогулокъ по улицамъ—вы не встрѣтите ни одной женщины. Когда онѣ выходятъ изъ дому по какой-нибудь надобности, то закутываются съ головы до ногъ, а голову покрываютъ, сверхъ обыкновенной повязки, большимъ платкомъ, который завязываютъ кругомъ шеи. Богатые кокошники становятся рѣдки».

IV. Тверь.

У Гальёни иль Кальёни
Закажи себѣ въ Твери
Съ пармезаномъ макарони
И яишницу свари.

(А. С. Пушкинъ).

— Забѣгай, забѣгай.
— А что?
— Не видишь, куница бѣжитъ.
— Да это собака съ Клементьева двора.
— Ну, такъ пущай себѣ!..

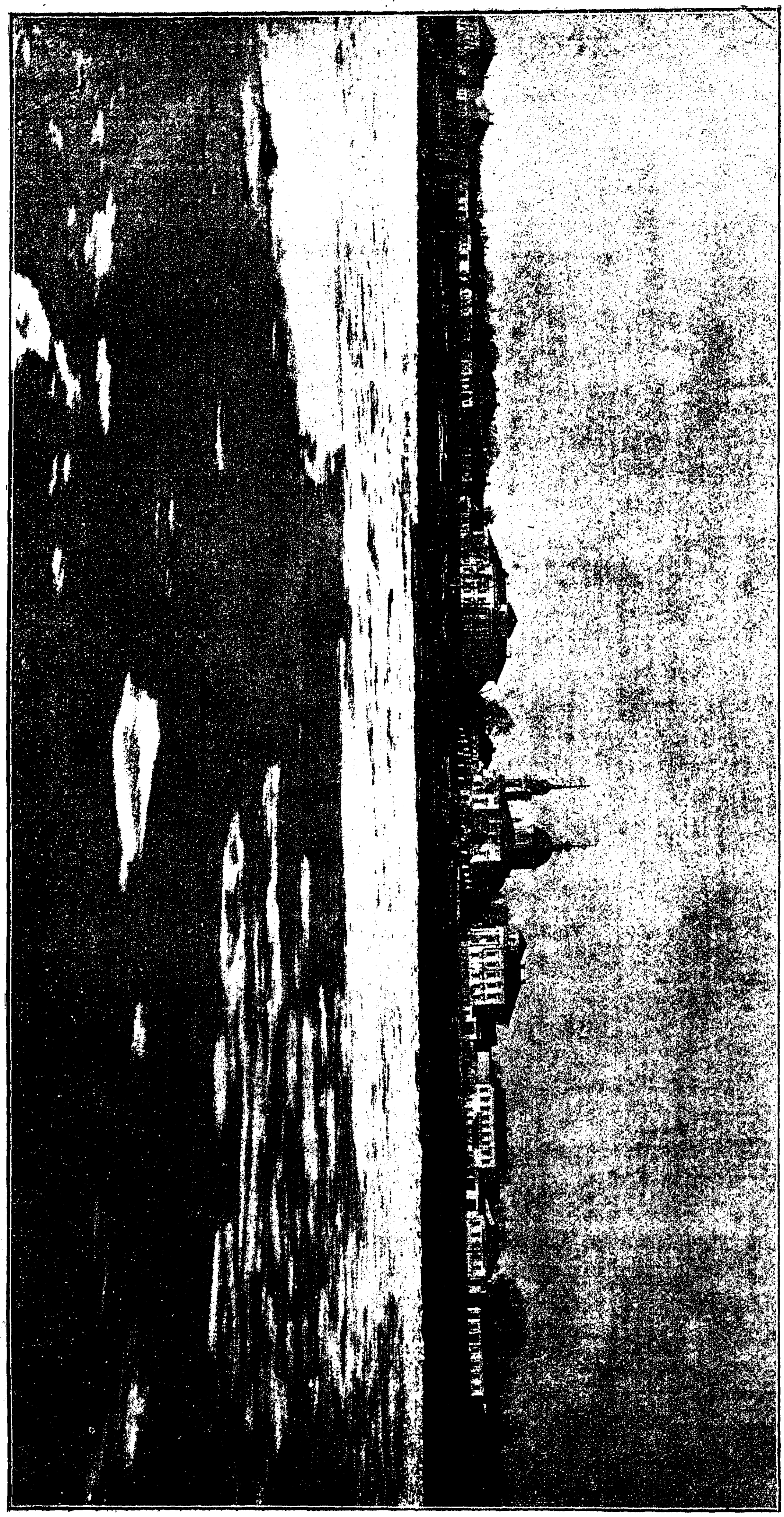
(Насмѣшка надъ тверяками).

Цуканы — тверяки въ приглядку съ сахаромъ чай пьютъ.

(Народное присловье).

ПРОѢЗЖАЯ по Николаевской дорогѣ, около самой Твери, подъ желѣзно-дорожнымъ мостомъ видно ту рѣку, которая дала имя городу (Тверь или Тъхверь). Только весною, когда всѣ рѣки богаты водой, Тверца получаетъ глубину до 10 аршинъ и нѣсколько наполняется еще два раза (лѣтомъ и осенью), когда принимаетъ второй и третій караванъ судовъ, такъ-наз. меженный и осенній. На то время не только отпираются въ Вышнемъ Волочкѣ шлюзы, но и спускается, въ помощь имъ, деревянный бейгильтъ, скопляющій воду около притока Тверцы, у рѣки Осуги. Тверца, молчаливая, мертвая и пустынная во всякое другое время,—значительно оживаетъ, пока длится это такъ-наз. «подъемное» или «взводное» судоходство каравановъ, приходящихъ изъ всѣхъ пристаней между Тверью и Рыбинскомъ. Сплавный караванъ въ Тверцѣ верхневолжскихъ и гжатскихъ пристаней проходитъ здѣсь только ранней весной. Тогда можно видѣть здѣсь всѣ поволжской постройки длинныя (до 17 саженъ) плоскодонныя и съ прямыми бортами барки.

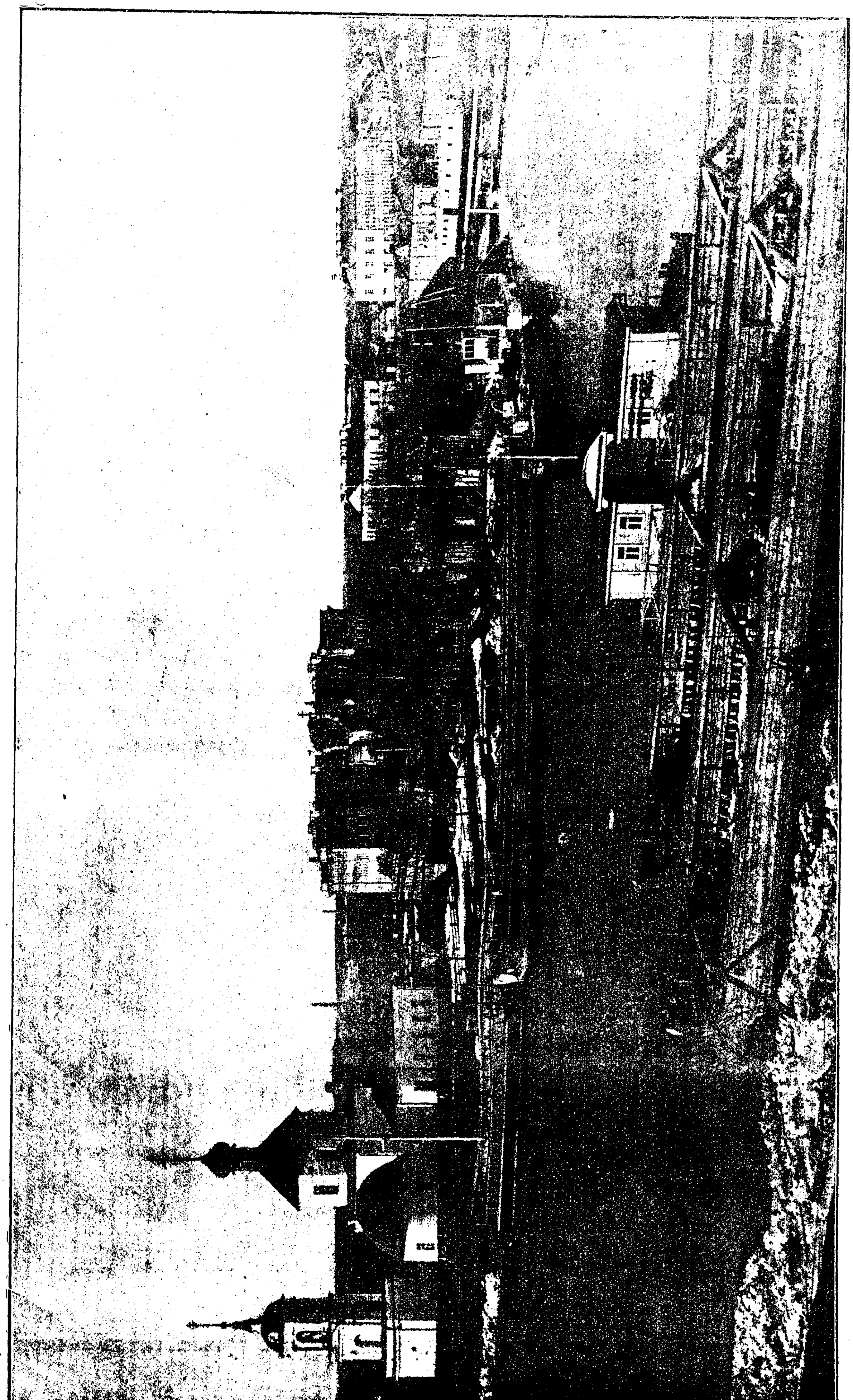
Плывя по Тверцѣ въ Волгу, мы попадаемъ въ тѣ части Твери, которыя носятъ названіе Заволжья и Затверечья и находятся на лѣвой или луговой сторонѣ Волги. Главная же часть города расположена на правомъ или горномъ берегу, до впаденія въ Волгу рѣки Тмаки, отдѣляющей отъ города часть его — Затмачье (черезъ Волгу и Тверцу перекинуты мосты разводные). Со стороны Тверцы лучшая или главная часть города кажется возвышенною (до 25 саженъ), украшенною набережною съ откосомъ и лучшими каменными строеніями. Это возвышеніе праваго берега заставило, какъ говоритъ преданіе, перенести туда городъ съ низменности заливного берега въ очень давнія времена, на что между прочимъ указываетъ монастырь Отрокъ

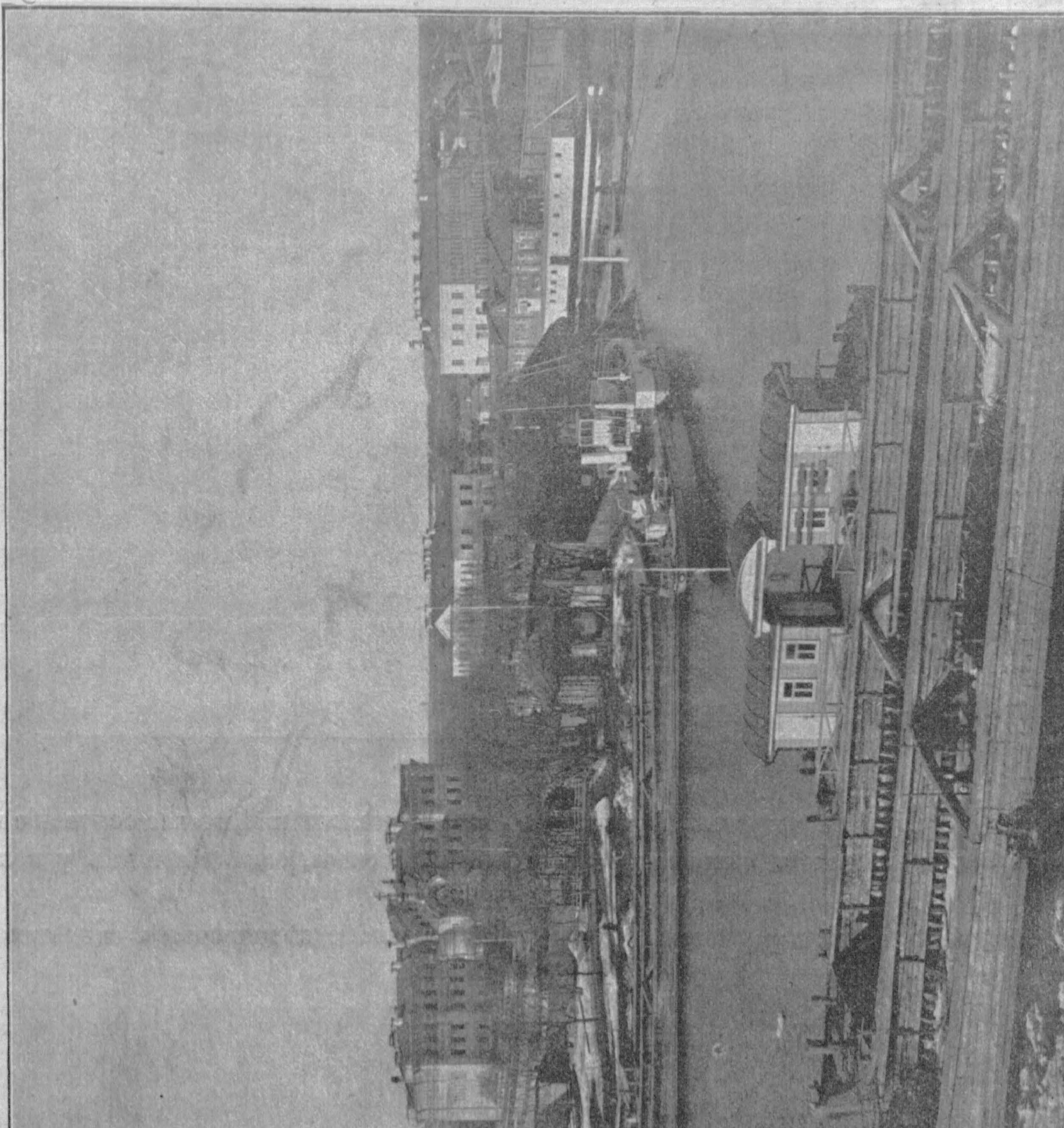
Городъ Тверь. Заволжская сторона. (Съ фотографіи).

Городъ Тверь. Заволжская сторона. (Съ фотографіи).

Городъ Тверь. Видъ р. Тмаки и ея стороны. (Съ фотографіи).

Городъ Тверь. Видъ р Тмаки и ея стороны. (Съ фотографіи).

Желтиковъ монастырь въ Твери.

(Успенскій), помѣстившійся на устьѣ Тверцы и, кажется, положившій первое основаніе городу, который оказался впослѣдствіи сильнымъ соперникомъ Москвы, оспаривавшимъ у нея право первенства.

Время основанія монастыря очень древнее, установленное лѣтописнымъ свидѣтельствомъ

Городъ Тверь. Соборъ и Дворецъ. (Съ фотографіи).

въ 1265 году и оспариваемое народнымъ преданіемъ, которое приписываетъ монастырю болѣе раннее начало.

Въ главной части Твери, недалеко отъ р. Тмаки, между главной городской улицей Миліонной и набережной Волги, находится дворецъ, замѣчательный тѣмъ, что здѣсь нашъ исто-

Городъ Тверь. Соборъ и Дворецъ. (Съ фотографіи).

Волга у г. Твери во время ледохода. (Съ фотографіи).

ріографъ Н. М. Карамзинъ читалъ императору Александру I и супругѣ принца Ольденбургскаго (бывшаго генералъ-губернаторомъ тверскимъ), Екатеринѣ Павловнѣ, первыя главы своей «Исторіи Государства Россійскаго».

Подлѣ дворца находится городской соборъ—святыня Твери. Хотя соборъ былъ нѣсколько разъ перестроенъ и въ настоящемъ видѣ существуетъ лишь со временъ Екатерины, тѣмъ не менѣе въ немъ сохраняются гробы тверскихъ великихъ князей, при созерцаніи которыхъ возстаетъ вся исторія Тверского княжества, сплетенная изъ безконечныхъ княжескихъ споровъ и ссоръ, доведшихъ Тверь до такой слабости, что когда, подъ шумокъ тамошнихъ неурядицъ, удалось усилиться и укрѣпиться Москвѣ, Тверское княжество потеряло самостоятельность и пало при первомъ ударѣ. Въ 1486 году Иванъ III выжегъ Тверь, и она со всѣми землями, ей принадлежащими, была безъ сопротивленія присоединена къ Московскому княжеству.

Древнѣйшая изъ соборныхъ гробницъ сохраняетъ прахъ перваго независимаго тверского князя, брата Александра Невскаго, Ярослава Ярославича, бывшаго впослѣдствіи великимъ княземъ Суздальскимъ и умершаго на пути изъ Орды, куда онъ ходилъ умилостивлять хана. Вся Русь на то время находилась уже подъ властью татаръ, которая въ особенно-рѣзкихъ чертахъ выразилась въ судьбахъ Тверского княжества. Вотъ на правой сторонѣ главнаго храма—собора, у иконостаса, въ богатой ракѣ, обложенной серебромъ,—кровавая жертва татарскаго суда, княжескихъ распрей—мощи св. князя Михаила Ярославича.

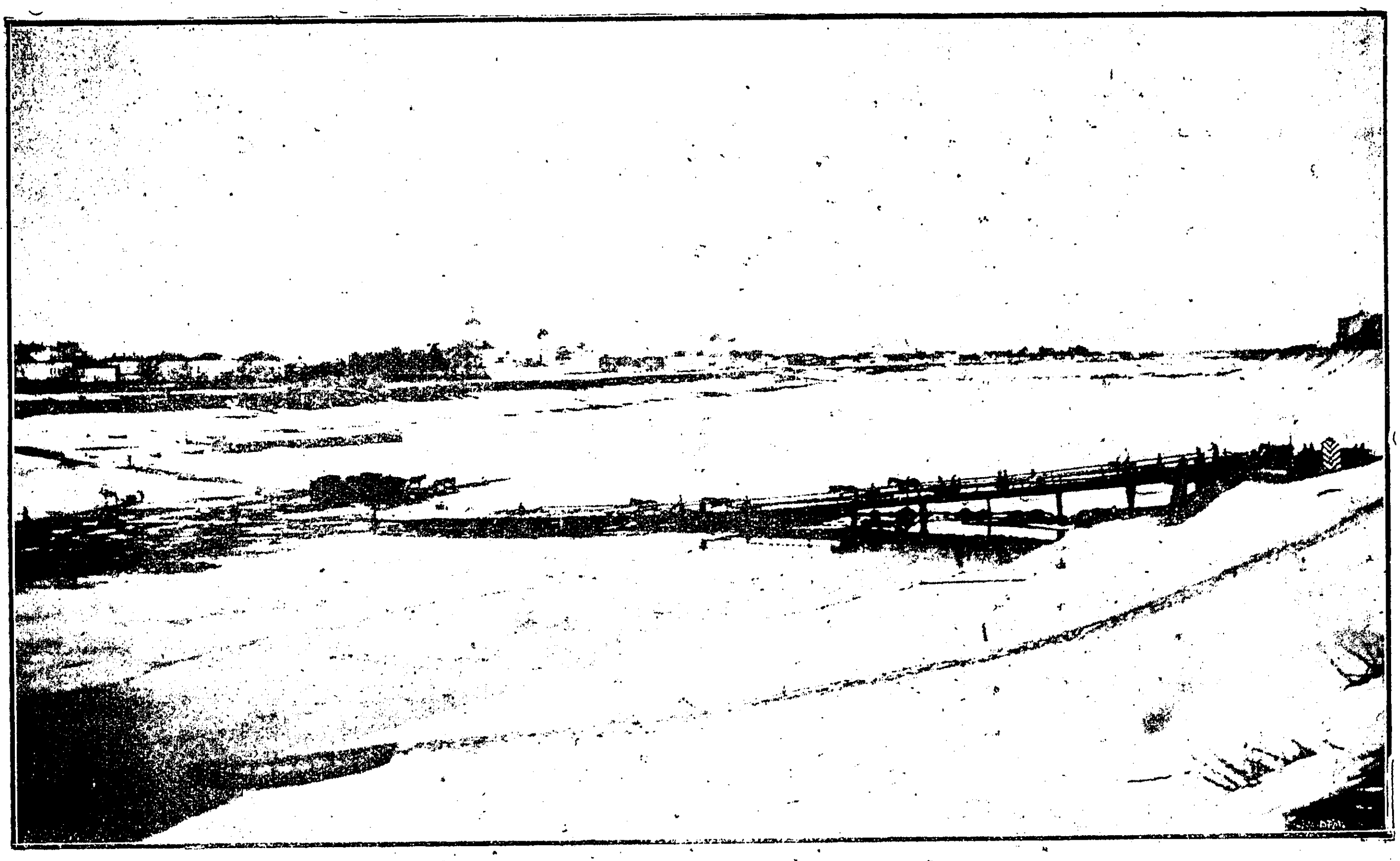
Къ святынямъ города, наиболѣе чтимымъ, относится Желтиковъ Успенскій мужской монастырь, построенный въ 1400 году св. Арсеніемъ, епископомъ тверскимъ. Каменныя церкви монастыря выстроены и украшены Петромъ Первымъ. Здѣсь же надъ монастырскими воротами царь устроилъ двѣ комнаты, предназначавшіяся для заточенія царевича Алексѣя Петровича.

Волжская набережная и вообще весь современный планъ города остаются свидѣтельствомъ вниманія и попеченія о Твери императрицы Екатерины II, которая послѣ пожара въ 1763 году дала новый планъ и денежныя средства для постройки домовъ, изъ которыхъ нѣкоторые до сихъ поръ отличаются однообразной архитектурой во вкусѣ того времени. Лучшая и самая большая улица, наз. Милліонною, въ одномъ мѣстѣ пересѣченія съ поперечною улицею обра-

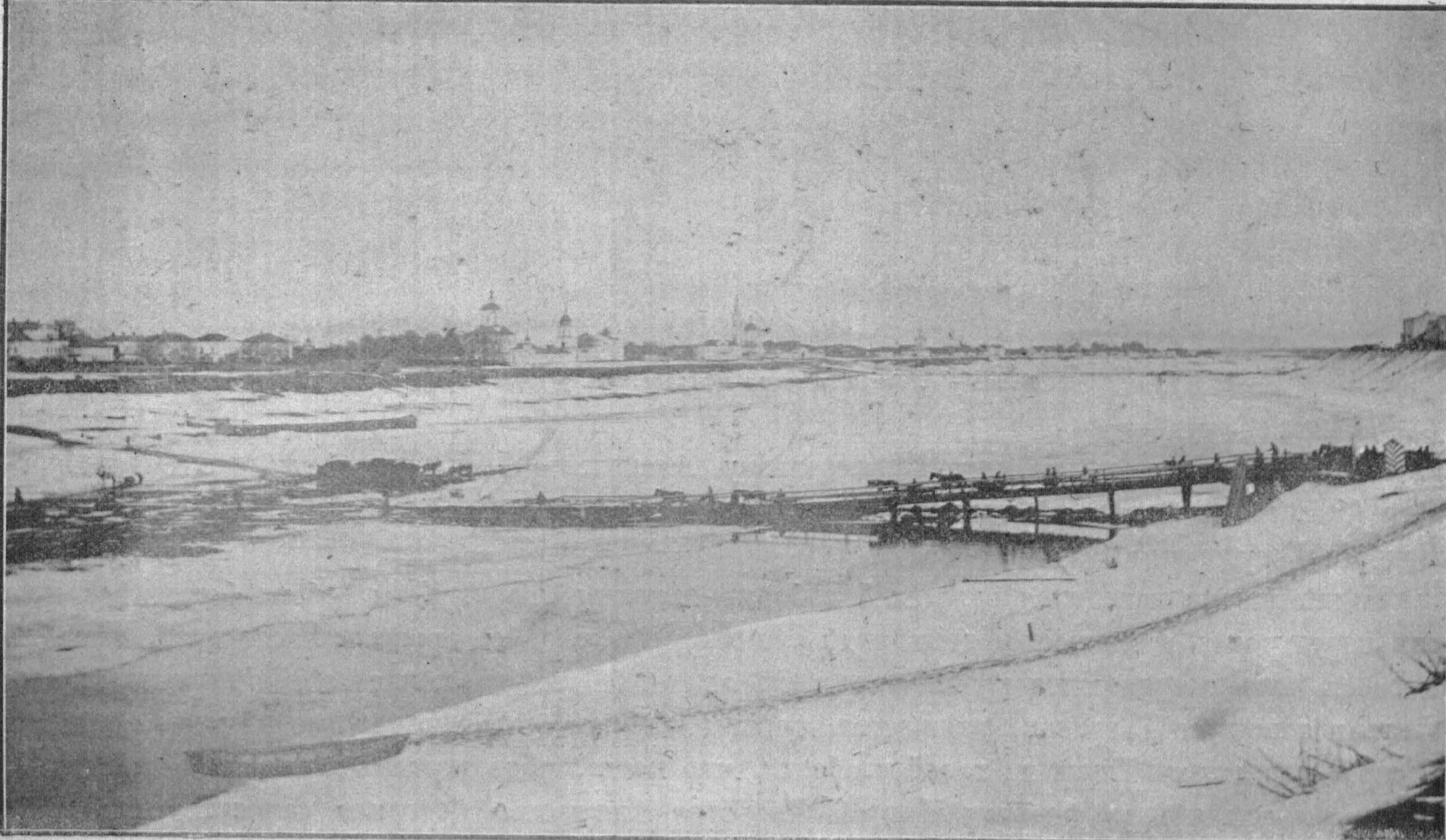
Волга у г. Твери во время ледохода. (Съ фотографіи).

зуетъ площадь, наз. Екатерининскою и обстроенную такого же одинаковаго казеннаго вида присутственными мѣстами и другими казенными зданіями. Все это вмѣстѣ взятое не дѣлаетъ городъ красивымъ и привлекательнымъ на видъ, несмотря на то, что Тверь, по величинѣ своей, является однимъ изъ большихъ губернскихъ городовъ и при томъ поставленнымъ, повидимому, въ очень благопріятныя экономическія и географическія условія. Надъ городомъ тяготѣетъ какая-то злобная судьба, не дозволившая городу развиться дальше того немногаго, что видимъ теперь. Изъ приволжскихъ губернскихъ городовъ она можетъ посоперничать лишь только съ двумя: упавшею Костромою и никогда не возвышавшимся Симбирскомъ. Всѣ остальные, большіе волжскіе города далеко оставили назади Тверь и въ своемъ экономическомъ развитіи и

Городъ Тверь. Зимній видъ проѣзда черезъ Волгу. (Съ фотографіи).

въ своемъ архитектурномъ ростѣ. Между тѣмъ она находится на знаменитомъ пути, образуемомъ торговою и промышленною Волгою. По ея Милліонной улицѣ проходило не менѣе знаменитое оживленное Московское шоссе, соединявшее обѣ столицы, и въ трехъ верстахъ проходитъ самая богатая движеніемъ и оборотами изъ всѣхъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ—Николаевская. Городъ успѣваетъ съ годами шириться и разрастаться, украшаясь новыми и не столь казеннаго вида зданіями, заручился многими фабриками, между которыми бумагопрядильня московскихъ фабрикантовъ, около которой выстроился цѣлый новый городъ, представляетъ капитальное сооруженіе. Въ городѣ, кромѣ того, насчитывается около 100 разныхъ фабрикъ и заводовъ. Ярмарокъ въ Твери нѣтъ. По торговымъ оборотамъ она уступаетъ своему уѣздному городу Ржеву и занимаетъ второе мѣсто послѣ него.

Городъ Тверь. Зимній видъ проѣзда черезъ Волгу. (Съ фотографіи).

V. Корчева, Кимры, Калязинъ.

Кимряки—сычужники: лѣтомъ штукатуры, зимой чеботари. Пѣтуха на канатѣ держали, чтобы не ходилъ на чужую землю.

Калязинцы свинью за бобра, собаку за волка купили. У нашего Макарья по три деньги Натальи, а грошъ дай,—любую выбирай.

Семендяевщина (по имени мѣстности): *булочникъ да колбасникъ, пряничникъ да пирожникъ.*

(Народныя присловья).

Волга, рѣченька глубока!
Прихожу къ тебѣ съ тоской.

(Изъ пѣсни).

За устьемъ рѣки Шоши, бѣгущей въ Волгу изъ Зубцовскаго уѣзда и впадающей тамъ, гдѣ примыкаетъ къ берегамъ Волги Московская губернія Дмитровскимъ уѣздомъ, — на крутой горѣ праваго возвышеннаго берега объявляется городокъ Корчева, не позволяющій, однако, сказать о себѣ ничего больше того, что уже сейчасъ выговорено. Онъ молодъ еще (произведенъ въ городской чинъ въ 1781 г.).

Корчеву затмило извѣстное село Кимры, населенное сапожниками. Съ этой именно мѣстности начинается Волга, сплошь промысловая. Дальше идетъ уже все такой народъ, который старается работать на всѣ руки, чтобы только избѣжать бездольной жизни на этомъ плесѣ полуголодной Волги (чтобы не сказать больше). Обыкновенно бываетъ такъ, что разъ усвоенный промыселъ не обращаетъ вниманія на то, что поемныя мѣста очень плодородны: луга даютъ сочныя травы, а поля—добрую жатву. Кимры, стоя на крутомъ и возвышенномъ лѣвомъ берегу Волги, конечно, все это хорошо видятъ, но не хотятъ разумѣть и всѣмъ этимъ пользоваться. Какъ истые чеботари, они отдаютъ свои земли охотникамъ въ кортому, а сами круглый годъ, безъ отдыха, колотятъ молоткомъ по каблукамъ и подошвамъ, до головной боли, съ шильцемъ въ рукахъ и съ щетинкой въ зубахъ.

Настоящіе мастера завалены заказами лучшихъ петербургскихъ и московскихъ сапожныхъ фирмъ. Другіе работаютъ для мелкихъ столичныхъ торговцевъ. Нѣкоторые же сами ѣздятъ съ сапожнымъ товаромъ на Нижегородскую ярмарку.

Въ самомъ селѣ Кимрахъ шьютъ сапоги и калоши круглый годъ, кромѣ праздниковъ, въ мастерскихъ и закройняхъ, принадлежащихъ большимъ хозяевамъ (около 20 человѣкъ), которые бо́льшею частію кроятъ сапожный товаръ сами, а шить отдаютъ или рабочимъ, живущимъ въ мастерской, или на сторону, въ сосѣднія селенія. Въ трехъ волостяхъ (Кимрской, Строевской и Ильинской) почти нѣтъ ни одной семьи, гдѣ кто-нибудь изъ мужчинъ не былъ бы сапожникомъ, и всякій пріучается къ этому съ ранняго возраста. Въ селѣ Кимрахъ собственно «кимряки» ничѣмъ уже другимъ и не занимаются, и только въ сосѣднихъ волостяхъ бросаютъ это занятіе на время полевыхъ лѣтнихъ работъ, съ Петрова дня до Ильина. За все, про все въ хозяйствѣ и въ домѣ тутъ и тамъ отвѣчаютъ женщины; впрочемъ, въ Кимрахъ и онѣ, и въ особенности дѣвушки приспособляются къ тому же ремеслу. Дѣло въ томъ, что къ сапожному промыслу приладился побочный, въ зависимости отъ того, что при чисткѣ подошвенной кожи скобелемъ неизбѣжно являются стружки. Ихъ накопляются кучи. Кучи эти скупаютъ особые промышленники, которые потомъ клеютъ стружки на клейстерѣ изъ мучной пыли, покупаемой на мельницахъ. Выходитъ что-то въ родѣ клеенки, пригодной на каблуки и на стельки въ башмаки и сапоги. Вотъ эту-то искусственную кожу и склеиваютъ дѣвушки, а

мастера пускаютъ ее на подошвы къ дѣтской обуви, дѣлая ее черезъ это чрезвычайно дешевою (около пятиалтыннаго за пару сапожковъ), потому что здѣсь и на передки, и на голенища идутъ обрѣзки или такъ-наз. «лоскуты», оставшіеся отъ кройки.

Мастера-хозяева покупаютъ выдѣланную кожу или на своихъ заводахъ, или въ Петербургѣ, Москвѣ и на Нижегородской ярмаркѣ. Здѣсь мѣстными заводчиками закупается и сырье, и только отчасти въ окрестныхъ селеніяхъ и на базарахъ въ Кимрахъ. Верва, или дратва, и щетина приготовляются на мѣстѣ; заграничные напилки и шилья покупаются въ Москвѣ, а клещи, молотки, колеса и ножики—въ сосѣдней деревнѣ Слободищѣ, приспособившейся къ изготовленію этихъ издѣлій. Конечно, мастерамъ-сапожникамъ прислужились въ с. Кимрахъ и тѣ торговцы, которые держатъ въ лавкахъ разный сапожный матеріалъ: яловочную (выростокъ) и опойковую кожу, подошву, готовыя голенищи, мѣдныя шпильки, тесьму для ушковъ, сафьянъ, американскую лакированную кожу для обсоюженья и т. д. Конечно, и самый лоскутъ вызвалъ въ Кимрахъ особыхъ оптовыхъ торговцевъ, которые сбираютъ этотъ товаръ даже въ Москвѣ и Петербургѣ.

Корчева.

Поступившая въ «закройни» (мастерскія) кожа и выкроенная на сапоги отдается на руки особымъ спеціалистамъ, извѣстнымъ подъ именемъ «посадчиковъ». Ихъ дѣло: вытянуть на колодкѣ выкроенные переды, уровнять скобелью толщу кожи на передахъ и задахъ, для какой цѣли они въ помощь себѣ приспособляютъ мальчиковъ, и каждый посадчикъ можетъ съ однимъ помощникомъ приготовить въ сутки до 120 паръ кожъ. Каждый же чеботарь, работая ежедневно съ 5 часовъ утра до 8-ми вечера, также съ помощникомъ, въ состояніи сшить въ недѣлю, круглымъ счетомъ, три пары хорошихъ сапоговъ (цѣною никакъ не менѣе 3 руб.).

Если для большихъ хозяевъ с. Кимръ служатъ обезпеченіемъ столичныя знакомства и большія ярмарки, то деревенскихъ мастеровъ выручаютъ базары въ Кимрахъ по субботамъ и ярмарки Петровская и Покровская. На это время является самый разнообразный оптовый и нерѣдко случайный покупатель изъ Москвы и изъ ближняго торговаго города Кашина. Привозится обувь всѣхъ родовъ, изъ всѣхъ волостей. Все привезенное на базаръ раскупается въ какихъ-нибудь 2—3 часа, при чемъ иногда свозится за одинъ разъ до 50,000 паръ разной обуви. Конечно, въ этихъ случаяхъ оба соперника на лицо и оба другъ противъ друга: и тотъ, который позаботился о казистости, а не о прочности, поспѣшилъ работать, чтобы вышло больше паръ,—и тотъ, который хочетъ его поприжать и купить дешевле, зная, что бѣдный мастеръ, если не продастъ издѣліе, останется на всю недѣлю безъ хлѣба. Вотъ почему бываютъ сапоги и въ 1 р. 20 к. за пару, и въ 4 руб. и 4 р. 50 коп. Здѣсь уже не обращается вниманія на то, что сапожная работа портитъ человѣка, на всю жизнь дѣлая его худощавымъ, горбатымъ и малокровнымъ. Ни одинъ не имѣетъ краски въ лицѣ и всѣ точно сейчасъ только вышли изъ больницы. Въ с. Кимрахъ до 40 кабаковъ и почти половина населенія нищенствуетъ.

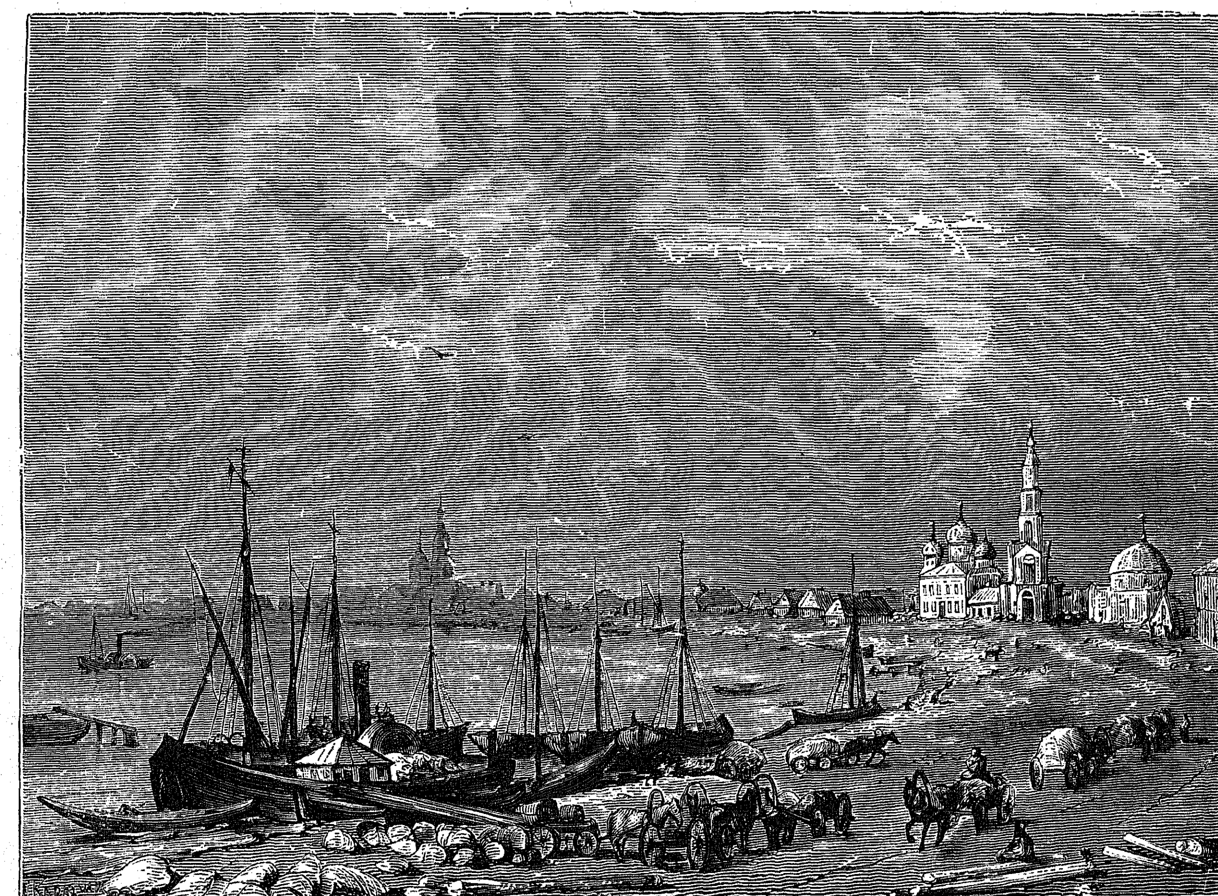

Корчева.

Въ послѣднее время богатые хозяева завели у себя американскія швейныя машины и, ускоривъ работу, обезпечили покупателей тѣмъ, что начали на свои издѣлія накладывать клейма даже заграничныя, въ доказательство того, что ихъ искусство получило одобреніе на всемірныхъ выставкахъ, и во всякомъ случаѣ не хуже столичнаго. Съ издѣліями русскихъ сапожниковъ могутъ соперничать французскія и польскія, по красотѣ, англійскія—по прочности, но кимровскія, кромѣ изящества и крѣпости, отличаются еще дешевизной.

Разсчитываютъ, что на однихъ базарахъ одни лишь сосѣдніе торговцы изъ Калязина, Кашина, Бѣжецка и Твери покупаютъ здѣсь, въ Кимрахъ, сапожнаго товара болѣе чѣмъ на 100 тыс. руб. сер., а вся сумма производства кимрскаго сапожнаго округа превышаетъ 5 милліоновъ рублей.

Число селеній въ Корчевскомъ уѣздѣ, занятыхъ сапожнымъ мастерствомъ, превышаетъ 160, а занимается имъ около 10 тыс. человѣкъ.

Калязинъ.

Разставаясь съ Кимрами, нельзя не обратить вниманія, въ числѣ внѣшнихъ ея особенностей, на соборную церковь, выстроенную очень оригинально, въ видѣ сруба или ящика съ весьма небольшими куполами. За Кимрами, по берегу Волги и по дорогѣ въ Калязинъ, виднѣются остатки старинныхъ городовъ Тверского княжества въ видѣ селъ, изъ которыхъ Бѣлый Городокъ населенъ всего какою-нибудь полусотнею жителей, и село Скнятино при устьѣ р. Нерли, бывшее укрѣпленіе, называвшееся городомъ Скнятинымъ и Кснятинымъ, имѣющее постоянныхъ жителей около 300 чел.

На луговомъ берегу, близъ устья рѣчки Кашинки лежитъ село Кашинское Устье, а отъ него верстахъ въ 12-ти очень древній городъ Кашинъ, расположенный на этомъ же маленькомъ притокѣ Волги; его относятъ къ числу древнѣйшихъ поселеній на великой рѣкѣ, принадлежавшихъ Суздали, потому что первое лѣтописное извѣстіе о немъ относится къ 1238 году. Нѣкоторые изъ кашинскихъ купцовъ ежегодно скупаютъ въ Кимрахъ такое же количество

Калязинъ.

сапожнаго товара, и на такую же сумму (около 600 тыс. руб.), какъ и самые богатые столичные купцы извѣстныхъ фирмъ.

На лѣвомъ берегу Волги издали бѣлѣютъ стѣны и башни и четыре церкви Троицкаго Макарьева монастыря, а на правомъ, высокомъ берегу — церкви Калязина, обязаннаго своимъ возникновеніемъ именно этому монастырю. Какъ другой Троицкій монастырь далъ начало посаду Селижарову, Борисоглѣбскій—Торжку, Отрочъ—Твери, Макарьѣвъ желтоводскій—Макарьеву, Спасскій—Ярославлю, такъ точно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь городъ Калязинъ, издревле существовалъ монастырь «Николы на Жабнѣ» и подлѣ него, по обычаю, собралась слобода, превратившаяся потомъ въ городъ. Слобода эта до 1776 года принадлежала Калязину монастырю, отъ котораго и получила свое названіе. Въ церкви св. Троицы сохраняются мѣстныя святыни: направо, въ стѣнѣ, въ аркѣ, серебряная позолоченая рака съ мощами преподобнаго Макарія калязинскаго, а въ ризницѣ два деревянныхъ потира, два блюдца и дискосъ, на которыхъ угодникъ священнодѣйствовалъ. Каменная монастырская ограда съ башнями окончена постройкою въ 1648 году, а соборная церковь вмѣстѣ съ колокольнею въ 1654 году

Самый городъ Калязинъ, ни по торговлѣ, ни по внѣшности, ничѣмъ особеннымъ не замѣчателенъ, кромѣ того, что между мѣщанками сохраняются остатки стариннаго излюбленнаго рукодѣльнаго промысла—плетенія кружевъ, который поддерживаютъ скупщики изъ-за Кашина и Углича и изъ села Кимръ. Нужно замѣтить, что отсюда главнымъ образомъ происходитъ снабженіе обѣихъ столицъ самымъ разнообразнымъ торговымъ и промышленнымъ людомъ. Отсюда выходятъ приказчики столичныхъ лавокъ, ношатаи всякаго разноснаго товара и сидѣльцы въ разнообразныхъ торговыхъ заведеніяхъ — всѣ тѣ, которыхъ называютъ «молодцами». Тутъ «булочникъ и колбасникъ, пряничникъ и пирожникъ», — какъ характерно выражается народъ въ своемъ присловьѣ объ этихъ интересныхъ мѣстахъ. Изъ этого крайняго уѣзда Тверской губерніи и изъ всего дальнѣйшаго Поволжья Ярославской губ., народъ, съ неудержимою охотою, идетъ искать заработковъ на чужой сторонѣ. Насчитываютъ до 500 разнообразныхъ промысловъ и ремеслъ, которые придуманы жителями этого тверского и ярославскаго Поволожья, начиная съ плотниковъ и красильщиковъ Корчевскаго уѣзда и кончая штукатурами Калязинскаго, которые всѣ уходятъ въ разныя стороны Россіи.

По милости этого крупнаго явленія въ народной жизни, здѣсь же вырабатывается и та трудолюбивая, находчивая, изворотливая и умная русская женщина, для которой не найдешь подобія въ хлѣбородныхъ и земледѣльческихъ мѣстностяхъ Россіи. Когда мужья заработками своими оплачиваютъ государственныя и общественныя повинности и подати, семейныя женщины исполняютъ наиболѣе трудную половину критической житейской задачи—веденіе сложнаго домашняго хозяйства, обставленнаго всевозможными неудобствами и неудачами. Лѣнивыхъ женщинъ здѣсь не бываетъ, и даже дѣвочки прилагаютъ свой малосильный трудъ, разсчитывающій на содѣйствіе и помощь семьѣ, покинутой главою и старшими работниками.

VI. Угличъ.

Угличане—толоконники: толокномъ Волгу перепрудили.
— Небось, небось, батька: вѣдь это не наше! — ободрялъ сынъ отца, съ которымъ пошелъ вмѣстѣ воровать.
(Насмѣшки надъ угличанами).

Отъѣзжаетъ мой любезный
Жить во дальные города,
Жить во дальные, незнакомые,
Въ славный городъ Петербургъ.
(Изъ извѣстной пѣсни).

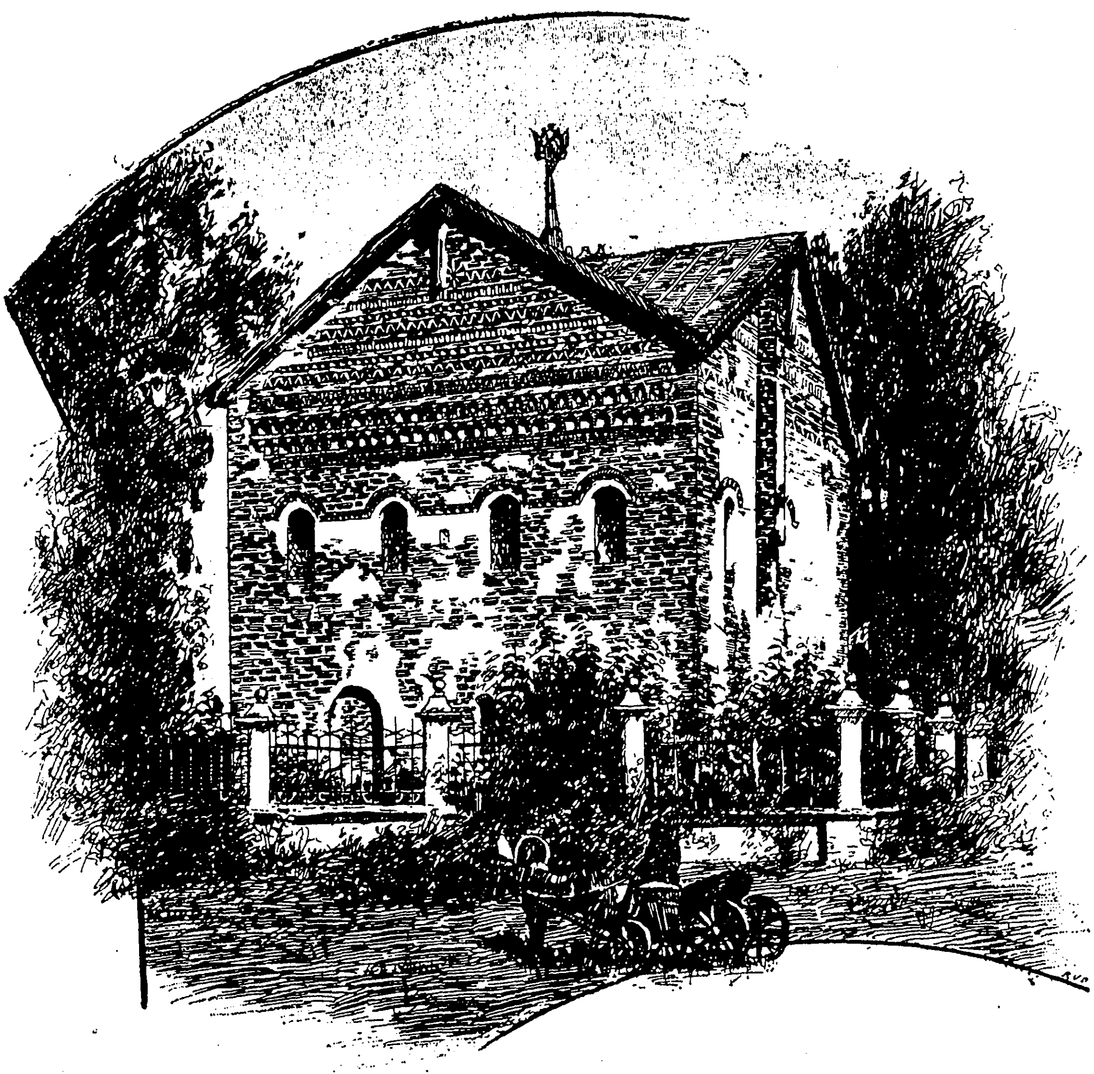
ДВАДЦАТЬ четыре церкви и два монастыря (одинъ мужской, другой женскій), всѣ на виду и на счету, внушительно удостовѣряютъ плывущихъ по Волгѣ въ томъ, что они на этотъ разъ будутъ имѣть дѣло съ однимъ изъ обширныхъ городовъ на этомъ волжскомъ плесѣ, и притомъ извѣстнымъ и древнѣйшимъ. До польскаго разоренія въ 1609 году въ Угличѣ считалось 150 церквей, 12 монастырей, до 17 тысячъ тяглыхъ домовъ и до 40 тысячъ жителей обоего пола. Теперь въ немъ около 15 тысячъ жителей.

Что городъ этотъ дѣйствительно одинъ изъ древнѣйшихъ сѣверной Руси, ясно изъ того, что лѣтописи принуждены были упомянуть объ его существованіи еще въ 1148 году: «придоста Изяславъ къ Ксятину и начаста городы Юрьевы жечи и села обаполъ Волгы и поидоста оттолѣ на «Угличе-Поле», и оттуда на устье Мологи». Однако, мѣстныя лѣтописи, не безъ положительнаго основанія, подробно говорятъ о существованіи здѣсь населеннаго пункта еще во времена св. Ольги, а болѣе позднѣйшее указаніе на него могло быть вызвано лишь испытанною имъ невзгодою, которая на этотъ разъ была только первою въ ряду множества послѣдующихъ и тягчайшихъ бѣдствій.

Съ древнѣйшихъ временъ принадлежалъ Угличъ къ городамъ Ростовской области и получилъ свое двойное прозваніе несомнѣнно потому, что расположился на обширной плоскости, на ровномъ, какъ всякое «поле», мѣстѣ и, вѣроятно, по той причинѣ, что вся городская мѣстность представляетъ «уголъ» на правомъ и возвышенномъ берегу Волги, вдающійся въ материкъ. Уголъ этотъ обстроенъ теперь каменными домами, идущими по склону горы амфитеатромъ, и народное преданіе указываетъ намъ на одну мѣстность въ городѣ, застроенную заводами и называемую «Яновымъ полемъ». По этому преданію, первый нарядъ установилъ здѣсь псковичъ Янъ, родственникъ св. княгини Ольги, который объѣзжалъ, по ея приказанію, области тогдашней Руси.

Въ настоящее время отъ древнихъ укрѣпленій остался валъ, вышиною въ 5 саженъ и ровъ глубиною, однако, уже только въ двѣ сажени; замѣтны также слѣды подземныхъ ходовъ и основаніе кремля. Этотъ-то кремль, или собственно городъ, вмѣщавшій въ себя княжескіе дворцы, разрядную и посольскую избы, городовой и пушечный приказъ и княжескія службы,

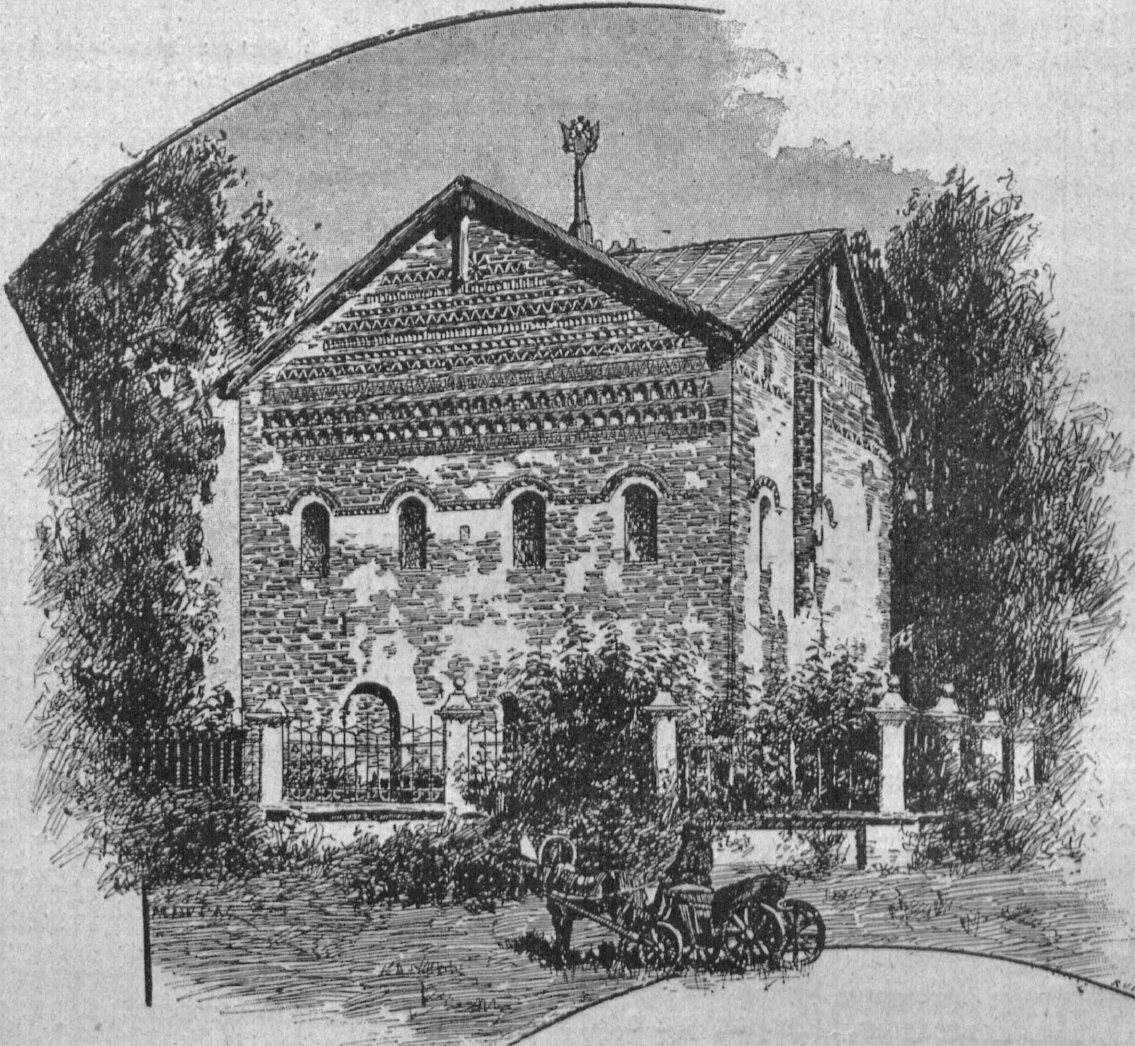
сохраняетъ до нашихъ дней самую главную достопримѣчательность Углича — дворецъ царевича Димитрія, любопытный образчикъ древняго русскаго зодчества. Въ сущности, онъ построенъ княземъ Андреемъ Васильевичемъ около 1462 года и называется настоящимъ именемъ лишь въ силу послѣдняго въ немъ и столь памятнаго событія, вызвавшаго столько бѣдствій на Русскую землю. Дворецъ окруженъ признаками фундаментовъ сосѣднихъ съ нимъ приспѣшенъ и службъ и самъ состоитъ изъ двухъ комнатъ (одна — вверху, превращенная въ церковь, и другая—внизу) съ подвалами. На крышѣ утвержденъ шестъ съ государственнымъ русскимъ гербомъ. Кромѣ голыхъ стѣнъ, дворецъ не сохраняетъ никакихъ памятниковъ о послѣднемъ жильцѣ своемъ: святыня углицкая, въ видѣ серебряной раки, находится въ церкви царевича

Дворецъ въ Угличѣ.

Димитрія «на крови», стоящей въ 15 саженяхъ отъ двора, въ сѣверномъ углу крѣпости, на высокой крутизнѣ Волги.

Церковь эта построена царемъ Михаиломъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, убитъ былъ царевичъ. Въ ракѣ положена плащаница, вышитая руками его матери, инокини Мароы; на плащаницѣ положена складная серебряная икона, съ чернѣтью и позолотой, царемъ Михаиломъ. Въ иконѣ крестообразно врѣзаны четыре орѣха, найденные въ рукѣ св. царевича, когда открыты были его мощи и ковчегъ съ окровавленной землею, взятою съ мѣста убіенія. Покровъ, вынутый изъ гроба при открытіи мощей, вмѣстѣ съ носилками, на которыхъ онѣ переносились изъ могилы, въ церковь, хранятся въ городскомъ соборѣ Спаса Преображенія.

Дворецъ въ Угличѣ.

Соборъ, построенный Петромъ, отличается отъ прочихъ церквей массивною среднею главою, а внутренность превосходно расписана академикомъ Медвѣдевымъ.

Народная память, столь сильно возбужденная страшнымъ событіемъ убійства царевича, не успокоилась на томъ, что удалось сохранить въ городѣ. За городомъ, за городской рощей, по которой идутъ двѣ дороги въ Москву и Ростовъ, мѣстное преданіе указываетъ на ручей и называетъ его «Грѣховымъ». Здѣсь, будто-бы, убійцы Димитрія Ивановича Качаловъ и Волоховъ, бросившіеся спасаться бѣгствомъ, ослѣпли и отсюда воротились въ городъ и отдались въ руки судей. Въ тѣхъ-же городскихъ окрестностяхъ, около р. Корожечны, на мѣстѣ нынѣшняго Краснаго Села, указываетъ мѣсто потѣшнаго дворца и охотничьяго двора, а близъ Введенскаго монастыря—мѣсто самаго княжескаго загороднаго двора, съ «Царскимъ озеромъ», въ которомъ держалась для княжескаго стола всякаго рода рыба. Все это уже на противоположномъ лѣвомъ берегу Волги, гдѣ возвышается надъ всѣми окрестностями гора Богоявленская.

Эти «копачи» или «колодезники» опытнымъ, наметавшимся глазомъ угадываютъ присутствіе или близость водяной жилы, въ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгая къ желѣзной сковородѣ, которая обнаруживаетъ на своей поверхности влажность вездѣ, гдѣ опрокидываютъ ее на потномъ мѣстѣ. Эти знатоки увѣренно роютъ узвую и глубокую яму «дудку» и запускаютъ деревянный срубъ. Одѣваютъ имъ, чтобы не изсякала вода, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ водяная жила проходитъ не далеко отъ поверхности земли, приспособляютъ, вмѣсто сруба, простую, цѣльную дуплястую колоду. Съ углецкими колодезниками соперничаютъ, впрочемъ, костромичи, владимірцы и смоляки. Впрочемъ, чѣмъ дальше внизъ по Волгѣ, тѣмъ сложнѣе нужды и изобрѣтательнѣе умъ поволжскаго жителя, конечно, болѣе сельскаго, чѣмъ городского.

Вотъ, напримѣръ, городокъ Мышкинъ. Онъ выдѣлываетъ крупу, торгуетъ яйцами, и очень бѣденъ, дурно обстроенъ и очень молодъ. Городомъ онъ признанъ только въ 1778 году. Интересны въ данномъ случаѣ двѣ легенды, объясняющія имя города. Одна, наименѣе вѣроятная, разсказываетъ, что когда владѣлецъ этихъ мѣстъ, бояринъ Милославскій, утомившись на охотѣ, заснулъ на берегу Волги, къ нему подползала змѣя. Въ то-же время прыгнула ему на лицо мышь, разбудила и спасла отъ опасности. Въ память событія, бояринъ, будто-бы, построилъ на этомъ мѣстѣ часовню, а потомъ и церковь во имя Бориса и Глѣба, въ день памяти которыхъ произошелъ этотъ случай. Другое преданіе, болѣе достовѣрное, увѣряетъ въ томъ, что имя селенію, превратившемуся теперь въ городъ, далъ каменщикъ Мышкинъ, уроженецъ здѣшнихъ мѣстъ, принимавшій участіе въ постройкѣ (въ послѣдней четверти XV вѣка) московскаго Успенскаго собора. Несомнѣнное существованіе селенія засвидѣтельствовано XVII вѣкомъ по списку вотчинъ московскаго Чудова монастыря, когда существовала уже Борисоглѣбская церковь.

По сосѣдству съ Мышкинымъ, на правомъ берегу, построена одинокая каменная церковь. Ее называютъ «Пастушковой» и объясняютъ, что она построена пастухомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ обычно пасъ стада, какъ крайній бѣднякъ и бездомный сиротка. Впослѣдствіи повезло ему счастье, и онъ разбогатѣлъ до такой степени, что былъ въ состояніи отблагодарить Бога постройкою каменнаго храма.

VII. Молога.

Мологжане—коноводы.

Сицкая кокора. Сицкарь съ топоромъ, что казакъ съ конемъ.

Сицкаря топоръ одѣваетъ, топоръ обуваетъ, топоръ кормитъ.

(Народныя присловья).

МОЛОГА находится на устьѣ рѣки Мологи, на правомъ берегу ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ бѣдные ея домишки разбросаны и по лѣвому берегу Волги. Въ 1238 г. всю Моложскую страну забралъ Батый «съ погаными агаряны» послѣ жесточайшихъ сѣчъ на берегахъ рѣки Сити, по которымъ было разбросано неизчисленное множество могилъ павшихъ воиновъ въ видѣ кургановъ, сохраненныхъ простодушными простаками «сицкарями» до нашихъ временъ.

Тамъ, въ странѣ этихъ сицкарей, въ 60 верстахъ отъ Волги, издревле существовалъ «Городокъ» не добраго имени—«Холопій» (теперь «Борисоглѣбъ» или село «Старое Холопье»), но славной памяти, какъ сильное и бойкое торговое мѣсто. Здѣсь разъ въ году происходила огромная ярмарка, на которую съѣзжались купцы нѣмецкіе, греческіе, венеціанскіе, генуэзскіе и персидскіе мѣнять свои товары. Московскій царь Иванъ Третій, захватившій въ свою власть всѣ поволжскія удѣльныя княжества, а въ томъ числѣ Ярославское и Моложское, отдалъ Мологу сыну своему Димитрію. А чтобы ему было привольнѣе и сытнѣе жить, перевелъ ярмарку изъ Холопьяго городка на устье Мологи. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло до XV вѣка, когда обнаружилось обмеленіе въ этомъ мѣстѣ Волги, недопускавшее большихъ судовъ. Тогда купцы начали мало-по-малу отставать отъ Мологи и, помимо княжеской воли и власти, собирать изъ Рыбной слободы городъ Рыбанскъ, т.-е. нынѣшній Рыбинскъ, или попросту—Рыбной, который растетъ теперь не по днямъ, а по часамъ въ полнѣйшій ущербъ городу Мологѣ.

Настоящее его уныло, а давно-прошедшее—прекрасно, отъ котораго, впрочемъ, въ наличности остались лишь икона Тихвинской Богоматери, какъ свидѣтельство древней связи съ Новгородчиной и какъ память благословенія отца сыну, князю Михаилу, присланному сюда на удѣлъ ярославскимъ княземъ Даніиломъ Ѳедоровичемъ. Икона сохраняется въ городскомъ дѣвичьемъ Аѳанасьевскомъ монастырѣ, кромѣ котораго въ городѣ имѣются еще 4 церкви на память прошлаго. Мологу жгли и разоряли окрестности ссорившіеся между собою изъ-за удѣловъ князья. И здѣсь они достигли того, что народъ разбѣжался во всѣ стороны, а городъ палъ и не возсталъ даже и въ то время, когда съ него начался въ 1810 году искусственный путь съ Волги на море, черезъ Петербургъ, по каналамъ, извѣстный подъ названіемъ Тихвинской системы. Суда—какъ извѣстно—идутъ отсюда по р. Мологѣ въ ея притокъ Чагоду и въ притокъ послѣдней, Горюнъ. Изъ Горюна суда вступаютъ въ озеро Важе, рѣку Сомину, озеро Сомино и озеро Еглино; отсюда въ каналъ десятиверстной длины до озера Лебядини, изъ котораго вытекаетъ рѣка Тихвинка. Пройдя по этой рѣкѣ, суда входятъ въ Тихвинскій каналъ, чтобы попасть въ рѣку Сясь, каналъ Сясьскій, каналъ Ладожскій и въ Неву. По этой системѣ, самой худшей изъ всѣхъ, съ малыми запасами воды, ходятъ суда только небольшихъ размѣровъ, извѣстныя подъ именемъ «тихвинокъ» и «соминокъ», какъ и подобаетъ сообразно названію главныхъ водныхъ путей этой упадающей системы. Ее предпочитаютъ, какъ болѣе выгодную и короткую (848 верстъ), лишь тѣ суда, которыя идутъ со срочною кладью изъ

Петербурга въ приволжскіе города, съ заграничными колоніальными товарами: чаемъ, сахаромъ, табакомъ, фруктами, винами и т. д.

Въ Мологѣ дерутъ только овсяную и ячную крупу да приготовляютъ солодъ. Въ уѣздѣ-же жители либо куютъ гвозди изъ желѣза, доставляемаго ярославскими купцами, либо собираютъ на поляхъ колчеданъ и отвозятъ въ Ярославль для выдѣлки тамъ чернаго купороса и мусіи. Въ 12 верстахъ, близъ пристани Горькая Соль, составляющей особую часть города, строятъ суда, и опять-таки не въ такомъ количествѣ, какъ на Волгѣ: при Романовѣ-Борисоглѣбскѣ (романовки); близъ Рыбинска (унжаки, барки и маломѣрныя ржевки), и въ особенности въ Мышкинскомъ Поволжьѣ (барки, тихвинки и унженки). Сицкари—искусные и ловкіе плотники, за что и прозвали ихъ «сицка кокора». Безъ топора за поясомъ они и изъ дому не выходятъ; не берутъ его только въ церковь да снимаютъ по праздникамъ, которыхъ очень много, и которые они очень любятъ, справляя, по крайней случайности, совершенно не-бѣлорусски. Къ тому же сицкари въ говорѣ придзекиваютъ и причокиваютъ, говоря «ёнъ» вмѣсто *онъ*, «дзядя» вм. *дядя*, дзѣлать, дзеньги, идзи, подзи, заграбаздзиць (заграбастать), ксцицца вм. креститься; братечь, сестрича, курича, кольчо, умнича и т. д.

Молога.

Отъ Мологи Волга представляется уже очень полной рѣкой; берега изъ однообразныхъ, скучныхъ и голыхъ, какіе сопутствовали намъ отъ самой Твери, мало-по-малу измѣняются въ высокіе, крутые, покрытые лѣсами; острова одѣты зеленью, берега оживлены непрерывнымъ рядомъ селеній, и въ Волгѣ начинаютъ чувствоваться тѣ изящныя черты, которыя не замедлятъ слиться въ несомнѣнную красоту, и рѣка «кормилица» превращается въ рѣку «красавицу».

Оставляя городъ Мологу, нельзя не упомянуть о чрезвычайно-любопытныхъ особенностяхъ той рѣки, которая дала имя городу. Рѣка Молога чрезвычайно извилиста: случается такъ, что бурлаки, варившіе кашу на заднемъ плесѣ, пройдя за цѣлый день нѣсколько верстъ, располагаются на ночлегъ почти на старомъ огнищѣ, отдѣленномъ всего лишь узенькою полосою земли. Молога замѣчательна особенно тихимъ теченіемъ въ верховьяхъ, вопреки обычаямъ всѣхъ рѣкъ, и необыкновенно большими разливами, которые весною въ половодье творятъ поразительные перевороты. Вода открываетъ берега саженъ на 15 въ ширину и, передвигая свое русло, ставитъ на береговой кручѣ тѣ избы, которыя были построены далеко отъ рѣки. Передъ самымъ городомъ, въ серединѣ рѣки, указываютъ мѣсто, гдѣ нѣкогда стоялъ городской соборъ. На подгородныхъ меляхъ вскрывшаяся рѣка наваливаетъ изо льду такъ-наз. «сторы», или цѣлыя горы, достигающія, какъ говорятъ, въ вышину до 15 саженъ. «Берега дрожатъ, когда тронется накопившаяся громада льда, поднятая соотвѣтственно огромнымъ количествомъ быстро прибывшей воды въ самозапрудившейся рѣкѣ. Къ тому же въ это время несутся затертыя льдомъ изломанныя барки, лодки, дрова, а иногда и цѣлыя избы бѣдныхъ

Молога.

мужиковъ. Преградивъ себѣ путь этими заторами, сильная Волга бросается въ Мологу и заставляетъ ее течь обратно и очень сильно»...

У Мологи Волга въ своемъ теченіи достигаетъ самаго крайняго сѣвернаго предѣла; отсюда она направляется на юго-западъ и окончательно устанавливаетъ свой путь не въ Бѣлое, а въ Каспійское море, когда встрѣчается съ Шексной, всего въ тридцативерстномъ разстояніи. Можно сказать: не успѣешь оглянуться, какъ выплываетъ навстрѣчу правый берегъ съ древней Таговщиной. Это — первая судовая пристань, входящая въ составъ рыбинской. Нѣсколько ниже ея лежитъ вторая деревня — Бутырки, и третья, на лѣвомъ берегу, при впаденіи Шексны—Васильевская, и четвертая, передъ самымъ Рыбинскомъ—Петровская. А вотъ и городъ Рыбинскъ съ великолѣпнымъ, богатымъ соборомъ, съ двумя своими пристанями—Песками при городской выгонной землѣ и по правому берегу Волги до устья рѣчки Черемхи. Если прибавить сюда еще пристани Мягкинскую, Абакумовскую и Никольскую ниже города, то получимъ всѣ девять рыбинскихъ пристаней, которыя тянутся на нѣсколько верстъ и между которыми полагаются главнѣйшими: Городская, Абакумовская и Петровская.

VIII. Рыбинскъ.

Рыбинскіе „бѣлотѣльцы“ извели пудъ мыла, чтобы смыть у сестры родимое пятнушко, хотя нарочно и баню топили. (Присловье).

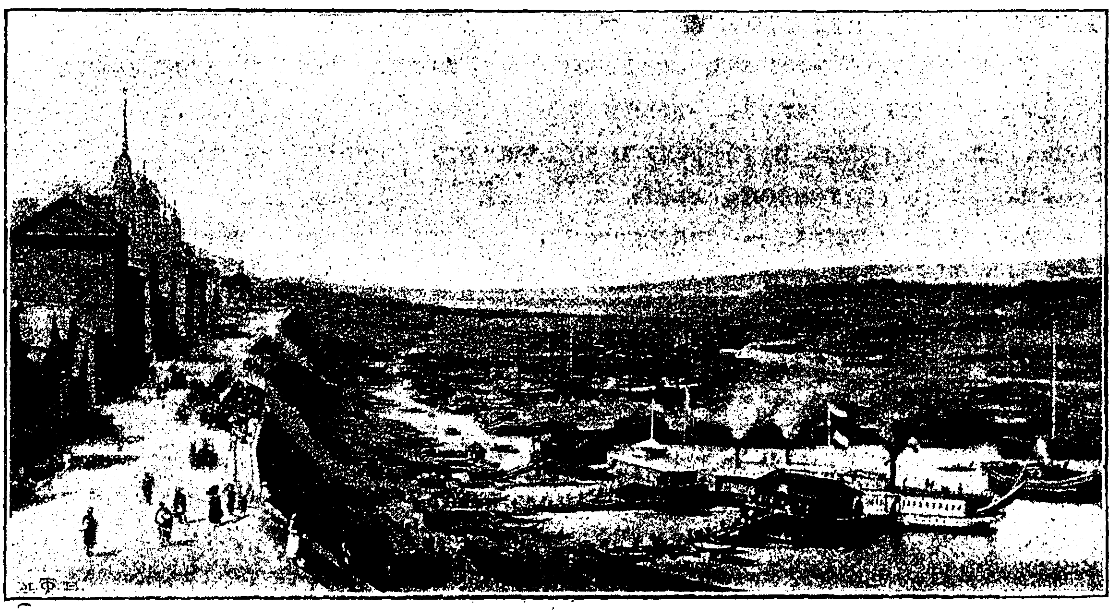
„Какъ Шехонь-рѣка пройдетъ, и вамъ бы о томъ вѣдомо учинить на государевъ Рыбной Дворъ, не мѣшкавъ, чтобы погонной великаго государя рыбной ловлѣ времяни не испустить: ловить стерлядей съ великимъ радѣніемъ, не облѣнясь“.

(Изъ старинныхъ актовъ).

ЛѢТНЯЯ пора самое бойкое время въ жизни Рыбинска. Въ немъ успѣваетъ перебывать тысячъ сто и болѣе разныхъ судовъ. Во все это время, пока продолжается безпрерывный приливъ и отливъ рабочихъ, заполняющихъ собою городъ, ведется приблизительно такой порядокъ.

Близъ рѣки Черемхи имѣются бани, приглашающія, прежде всего, рабочихъ помыться за дешевую цѣну. Какъ извѣстно, это — народное лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней, съ придачею зелена вина изъ любого кабака, которые сидятъ одинъ на другомъ и третьимъ погоняютъ. Затѣмъ—за величественнымъ соборомъ, за гостинымъ дворомъ, биржей и навѣсомъ для найма лоцмановъ и бурлаковъ, устроенъ особый рядъ, попросту называемый «обжорнымъ». Обѣденная карта его не сладка: въ скоромные дни щи да каша. Кромѣ того, есть и пшеничный хлѣбъ, называемый проголодавшимися на судахъ бурлаками то калачомъ, то пирогомъ. Бурлакъ любитъ ѣсть и нехорошаго, но много. Въ постные дни обѣденныя блюда разнообразятся вареньмъ горохомъ, лапшей, огурцами, соленымъ судакомъ. Въ видѣ лакомства, отдѣльно сидящія на бойкихъ мѣстахъ и перекресткахъ курносыя торговки предлагаютъ гречневики (въ формѣ бурлацкихъ шапокъ) и зеленое конопляное масло для запиванія ихъ. Верхъ же наслажденія бурлаковъ—водный настой на можжевеловыхъ ягодахъ, извѣстный подъ именемъ «мозжучнаго» квасу. Для лоцмановъ же и мелкихъ судохозяевъ имѣется и вареная груша, цареградскіе рожки и пряники.

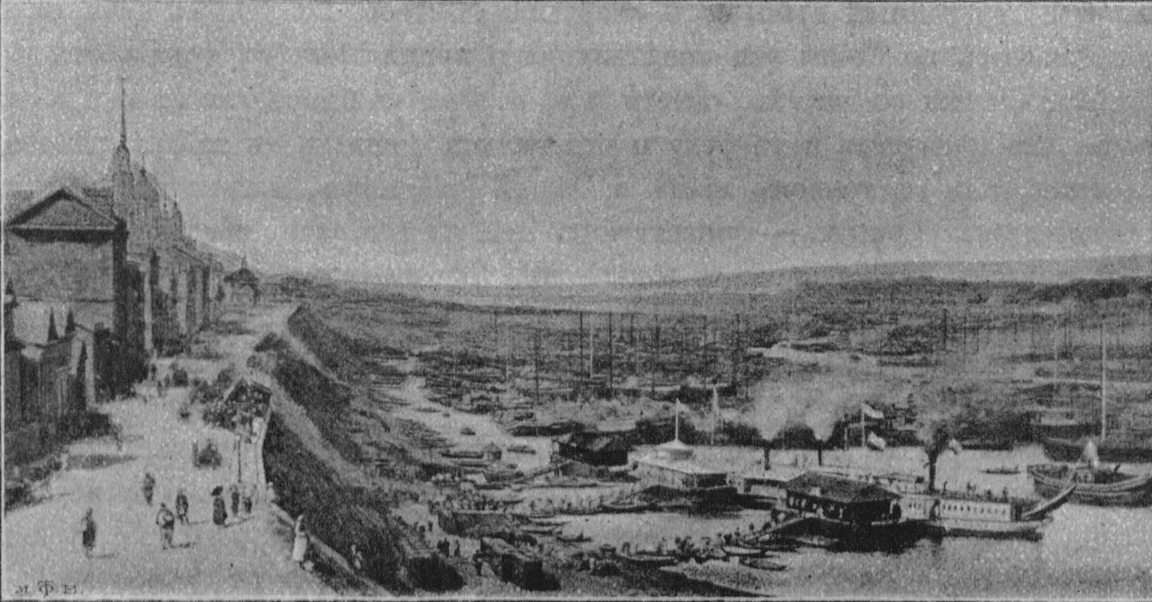
Для крупныхъ судохозяевъ и хлѣбныхъ торговцевъ угощенія почище и разнообразнѣе — въ трактирахъ, столь излюбленныхъ, что нарочно-выстроенная биржа почти вовсе не посѣщается. Въ трактирахъ же, взамѣнъ ея, за чаемъ, основываются новыя и мелкія, но болѣе дѣятельныя биржи. Торговцы, пренебрегая биржевымъ домомъ, предпочитаютъ толкаться на такъ-наз. «крестѣ» — совершенно открытой площади, близъ часовни Югскаго монастыря, подвергаясь всѣмъ стихійнымъ невзгодамъ. За чаемъ въ трактирѣ начинается сдѣлка, за мадерой кончается, а если захлопали пробки шампанскаго, заплясали и начали взвизгивать и потряхивать полными и круглыми плечами цыганки—значитъ совершилась сдѣлка, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Тотъ, кто получилъ задатки (такъ какъ хлѣбъ идетъ въ продажу за наличныя деньги и векселей не любитъ) виденъ по тому, что около него сидятъ арфистки. Вечеромъ онъ въ-загулѣ будетъ сидѣть въ театрѣ и допивать день за театральнымъ буфетомъ, а затѣмъ начнетъ дѣлать многосложные карамболи по доморощенному вдохновенію. Театръ на Рыбинской ярмаркѣ неизбѣжнѣе, чѣмъ на какой-нибудь другой, даже и безъ особенностей. Приманиваетъ онъ, по обычаю большихъ ярмарокъ, пріѣзжими столич-

Первый караванъ въ Рыбинскѣ.
Картина В. М. Максимова.

ными актерами и афишами, гдѣ извѣстныя всѣмъ классическія и заурядныя драмы разбиваются на такія отдѣленія, или картины, что, читая ихъ, отъ множества обѣщаемыхъ злодѣйствъ, ужасовъ и кровопролитій, сердце обливается кровью и волосъ становится дыбомъ. Трактировъ для этого сорта посѣтителей такъ много, что на волжской набережной то и дѣло врывается въ ухо либо томный металлическій звукъ арфы, либо взвизги невѣроятныхъ руладъ жидовскихъ скрипокъ, либо безалаберное цыганское пѣніе. Дальше и поглуше, попозднѣе, когда окончится театръ, эти звуки изъ трактировъ дополняются въ городѣ Рыбинскѣ шипѣньемъ органовъ и шарманокъ, наигрывающихъ кадрили, вальсы и польки.

Такимъ образомъ, около хлѣбнаго каравана появляются еще содержатели заманчивыхъ торговыхъ заведеній, разсчитывающіе на дѣятелей первой руки, и продавцы питейнаго и съѣдобнаго—на пришельцевъ послѣдней руки. Все это на помощь рыбинскимъ жителямъ, поставленнымъ хлѣбнымъ караваномъ въ столь счастливое и блестящее положеніе, и отчасти на барышъ и выгоду тѣхъ, которые умѣютъ и успѣваютъ пользоваться ярмарочными временами и пунктами, и пріѣзжаютъ сюда изъ Москвы и другихъ городовъ съ подходящимъ живымъ и не живымъ товаромъ, въ томъ и другомъ случаѣ не свѣжимъ. Впрочемъ, самый видный на всѣхъ пристаняхъ и самый главный дѣятель, на спинѣ котораго выѣзжаетъ вся здѣшняя хлѣбная

Первый караванъ въ Рыбинскѣ.

Картина В. М. Максимова.

операція,—это крючникъ-Зимогоръ, несчастный человѣкъ. Перекинувъ желѣзный крюкъ правой рукой черезъ лѣвое плечо и подхвативъ девятипудовый куль лѣвой рукой снизу онъ цѣлый день шагаетъ по сходнямъ и нагуливаетъ могучую силу, которая потомъ и истрачивается, при самыхъ отчаянныхъ условіяхъ жизни, безъ крова и одежды.

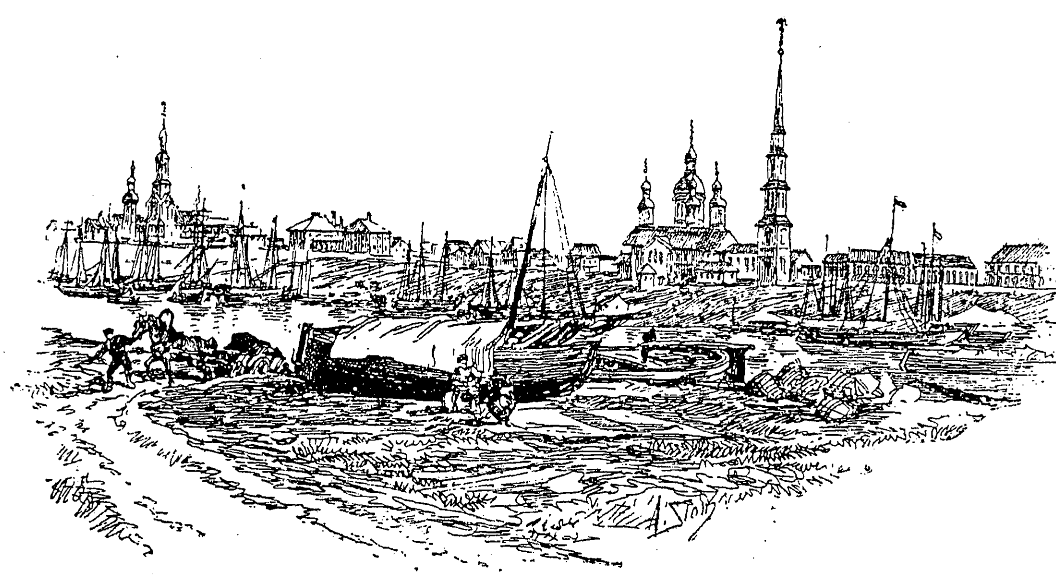
Кромѣ нихъ, хлѣбнымъ караваномъ вызваны на дѣло плотники, занятые въ подгородныхъ деревняхъ Бутыркахъ и Торговщинѣ постройкою барокъ, унжаковъ и маломѣрныхъ лодокъ. Въ самомъ городѣ требованія судовъ относительно принадлежностей не особенно велики, такъ какъ проходныя суда плывутъ съ готовыми запасами и число ихъ ограничено. Какъ на особенное явленіе, можно указать на изготовленіе надгробныхъ монументовъ въ видѣ крестовъ, пирамидъ, колоннъ, призмъ и т. под., и на граненіе камней. Мастерство это обязано своимъ существованіемъ здѣсь тѣмъ гранитнымъ валунамъ, которые въ большомъ количествѣ разбросаны по Рыбинскому уѣзду, и тверскому крестьянину Львову, устроившему здѣсь гранитное заведеніе. Рабочіе большею частію тверскіе, изъ тѣхъ, которые выучились гранить камни при постройкѣ мостовъ на Николаевской желѣзной дорогѣ. Собственно у рыбинскихъ мѣщанъ, доведенныхъ до крайней испорченности городскимъ баловствомъ и всяческими соблазнами большого порта, развился темный промыселъ «мартышничество». Въ темныя ночи, на небольшихъ лодкахъ, разъѣзжаютъ по Волгѣ эти «мартышки» и принимаютъ съ судовъ отъ рабочихъ ворованный хлѣбъ, снятки съ палубъ, снасти и т. п. При удобномъ случаѣ они и сами не брезгуютъ стянуть, что попадется подъ руку и что можетъ принять въ кабакѣ цѣловальникъ, въ харчевнѣ хозяинъ, или въ темномъ мѣстѣ за Волгой пріемщикъ, привыкшій сбывать краденое. За Волгой — главнымъ образомъ — существуютъ пріюты разврата, предназначенные исключительно для коноводовъ, крючниковъ и лоцмановъ. Ѣздятъ мартышки по рѣкѣ вооруженные топорами, какъ для собственной защиты, такъ и для обрубанія канатовъ. Во время ледохода, когда обязательно гибнутъ суда, для мартышекъ—самая горячая пора и благонадежный заработокъ.

Въ другое время рыбинскіе мѣщане составляютъ такъ-наз. «вольныя артели» (безъ посредниковъ) съ неизмѣннымъ «батыремъ» во главѣ и помогаютъ тѣмъ крючникамъ, которые приходятъ сюда въ количествѣ до 4 тыс. человѣкъ ежегодно, не только изъ сосѣднихъ уѣздовъ, но и изъ губерній: Владимірской, Нижегородской и Рязанской. Тѣ, у которыхъ въ рукахъ скопился кое-какой капиталецъ, обыкновенно работаютъ подъ прозваніемъ «овсяниковъ». Они пріискиваютъ лоцманамъ работу у поставщиковъ, снабжаютъ ихъ въ дорогу всѣмъ нужнымъ, начиная съ пшена и кончая ложками и чашками. Безъ овсяниковъ ни одинъ лоцманъ не обходится, и эта тяжелая опека очень накладна для нихъ. Кромѣ того, что они обязываются брать для лошадей овесъ непремѣнно у нихъ по вольной, втридорога, цѣнѣ, — безъ помощи ихъ могутъ остаться на мели, т.-е. безъ работы. Такихъ молодцовъ имѣется въ Рыбинскѣ не менѣе десяти человѣкъ, не считая тѣхъ, которыхъ держатъ овсяники въ Бѣлозерскѣ, какъ агентовъ своихъ для сбора долговъ въ то время, когда лоцмана получаютъ отъ поставщиковъ вторую половину условленной платы. Барыши собственно остаются въ рукахъ этихъ овсяниковъ; коноводы положительно нищенствуютъ въ виду также и того обстоятельства, что деревенское хозяйство остается на рукахъ женщинъ; заработокъ оставляется въ попутныхъ кабакахъ; лошади гибнутъ отъ сибирской язвы. Пришекснинскій или Пошехонскій край сдѣлался кладбищемъ падали, гнѣздомъ заразнаго яда и главнымъ центромъ періодически повторяющихся падежей. Сибирская язва прочно поселилась на Шекснѣ. Не даромъ жители деревень, лежащихъ между Бѣлозерскомъ и Рыбинскомъ, иногда встрѣчали коноводовъ кольями и гнали прочь. Новою язвою для коноводовъ являются еще такъ-наз. «караванные приказчики», дѣйствующіе одновременно въ двоякую пользу: для себя и хозяевъ. Для себя они обыкновенно экономятъ плату за 2—3 тяглецовъ. Тяга судовъ народомъ вообще организована дурно и представляетъ собою мало выгодный и незавидный промыселъ, около котораго наживаются

только одни караванные приказчики. Они обсчитываютъ лоцмановъ даже въ тѣхъ деньгахъ, которыя имъ слѣдуютъ, сверхъ условленныхъ, за благополучный проходъ пороговъ, и называются «рукавичными» (т. е на рукавицы).

Между прочимъ, тотъ же хлѣбный караванъ вызвалъ необходимость постройки канатной фабрики, которая и существуетъ въ 3 верстахъ отъ города на берегу р. Шексны. Превосходное устройство ея и отличная выдѣлка канатовъ привлекаетъ особенное вниманіе. Смотря по потребностямъ, она вырабатываетъ каждогодно пеньковыхъ канатовъ, смольныхъ и бѣльныхъ, до 400 тыс. пудовъ, передъ которыми ручные канаты, приготовляемые въ Рыбинскѣ ручною работою и простыми средствами, не могутъ идти въ сравненіе. Шекснинскіе канаты продаются не только въ Рыбинскѣ, но идутъ въ Астрахань—для каспійскаго судоходства, и въ Петербургъ—для заграничной отправки.

Во время каравана въ Рыбинскѣ ищутъ работы до 3 тыс. лоцмановъ и до 7 тыс. коноводовъ съ 20 тысячами лошадей,—все это бо̀льшею частію крестьяне рыбинскіе, пошехонскіе, мологскіе, корчевскіе и частію череновскіе; бо̀льшею частію народъ самый бѣдный, занятый въ зимнее время извознымъ промысломъ. Весь народъ этотъ лѣтомъ ломаетъ по 4 путины:

Общій видъ г. Рыбинска.

по Шекснѣ—до Бѣлозерска, по Волгѣ—до Твери и по Тихвинской системѣ—до Сомины. Сплавляютъ они изъ Рыбинска не одни только хлѣбные товары, но и многіе другіе.

Суда, на которыхъ идутъ, послѣ перегрузки, всѣ товары по Маріинскому пути, отличаются непрочностію, обѣщаютъ при всякомъ сильномъ толчкѣ дать течь, подмочить товаръ и потонуть. Строются они на одинъ проходъ и не выгодны еще тѣмъ, что истребляютъ громадное количество лѣсовъ во всемъ рыбинскомъ районѣ. Если же около нихъ питается много народа, то—этотъ черствый хлѣбъ далеко не кормитъ досыта. Мы уже сказали, какъ притѣсняютъ рабочихъ-тяглецевъ и овсяники и караванные приказчики. Къ довершенію бѣдъ, на помощь имъ явился и бичевникъ, сокрушавшій дурнымъ устройствомъ и силы людей и лошадей. Въ виду этого, нельзя не радоваться тѣмъ улучшеніямъ, которыя иногда затѣваются и вводятся на этой системѣ каналовъ. Цѣпь, смѣнившая лямку и перекинутая не на людскія плечи и спины, а черезъ судно на барабанъ, находящійся на немъ,—оказала первую и громадную услугу. Это улучшеніе было существенно дополнено сооруженіемъ Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги, которая сразу же сравнялась по доходности съ самыми большими рельсовыми путями.

Приходящія въ Рыбинскъ большія суда, послѣ перегрузки, оказываются въ учетверенномъ числѣ и направляются по всѣмъ тремъ системамъ каналовъ. Бо̀льшая часть ихъ приходится

на Маріинскую, а меньшая—на Тихвинскую, несмотря на то, что послѣдняя короче всѣхъ. На Маріинскую приходится вдвое больше, чѣмъ на всѣ остальныя и на всю Верхнюю Волгу.

Когда Петръ Великій провелъ въ 1711 году Вышневолоцкій каналъ и тѣмъ оживилъ Волгу, соединивъ ее съ Петербургомъ, — жители Рыбной слободы одними изъ первыхъ поспѣшили воспользоваться нововведеніями. Они стали входить въ торговые подряды по поставкѣ дуба, соли, желѣза. Въ 1762 году въ слободѣ была уже судоходная пристань Каспійско-Балтійскаго торговаго путей. Въ 1777 году Рыбацкая слобода переименована была въ городъ Рыбинскъ, и въ 1846 году онъ уравненъ въ торговыхъ правахъ съ губернскими городами, потому что возрастаніе его, съ открытіемъ Маріинской судоходной системы, пошло быстро впередъ и потребовало сообразныхъ коммерческихъ льготъ. Въ 1862 году учрежденъ здѣсь общественный банкъ. Въ 1855 году отмѣнено устройство зимней гавани, такъ какъ, съ разрѣшеніемъ буксирнаго пароходства, число судовъ, остающихся въ Рыбинскѣ на зимовку, значительно уменьшилось, и они свободно помѣщаются въ рѣкѣ Черемхѣ. Собранныя съ торговцевъ деньги (60 тыс. руб.) велѣно тогда же употребить на устройство новой каменной набережной отъ биржи къ устью р. Черемхи.

По берегу этой рѣки въ настоящее время разведенъ бульваръ, который до сихъ поръ плохо разрастается, какъ говорятъ, по той причинѣ, что за рѣкою, на низменномъ ея берегу, жгутъ известку въ печахъ, которыми усѣяно все пространство за рѣкою непривѣтливаго, унылаго вида. Еще въ прошломъ столѣтіи (именно въ 1797 году) велѣно было не принуждать рыбинскихъ жителей строиться, по неудобству мѣстности къ заселенію, за р. Черемхою, а дозволить имъ строиться на выгонномъ мѣстѣ, вверхъ по Волгѣ. Это помогло городу растянуться по рѣкѣ на нѣсколько верстъ, а затѣмъ—и застроить домами и новыми церквами весь тотъ пустырь, который тянулся отъ театра и бульвара до того мѣста, гдѣ теперь выстроился вокзалъ Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги. Вообще, окрестности Рыбинска некрасивы: оба берега Волги безлѣсны и ровны и кажутся пустырями, на которыхъ въ разныхъ мѣстахъ выстроены магазины для товарныхъ складовъ.

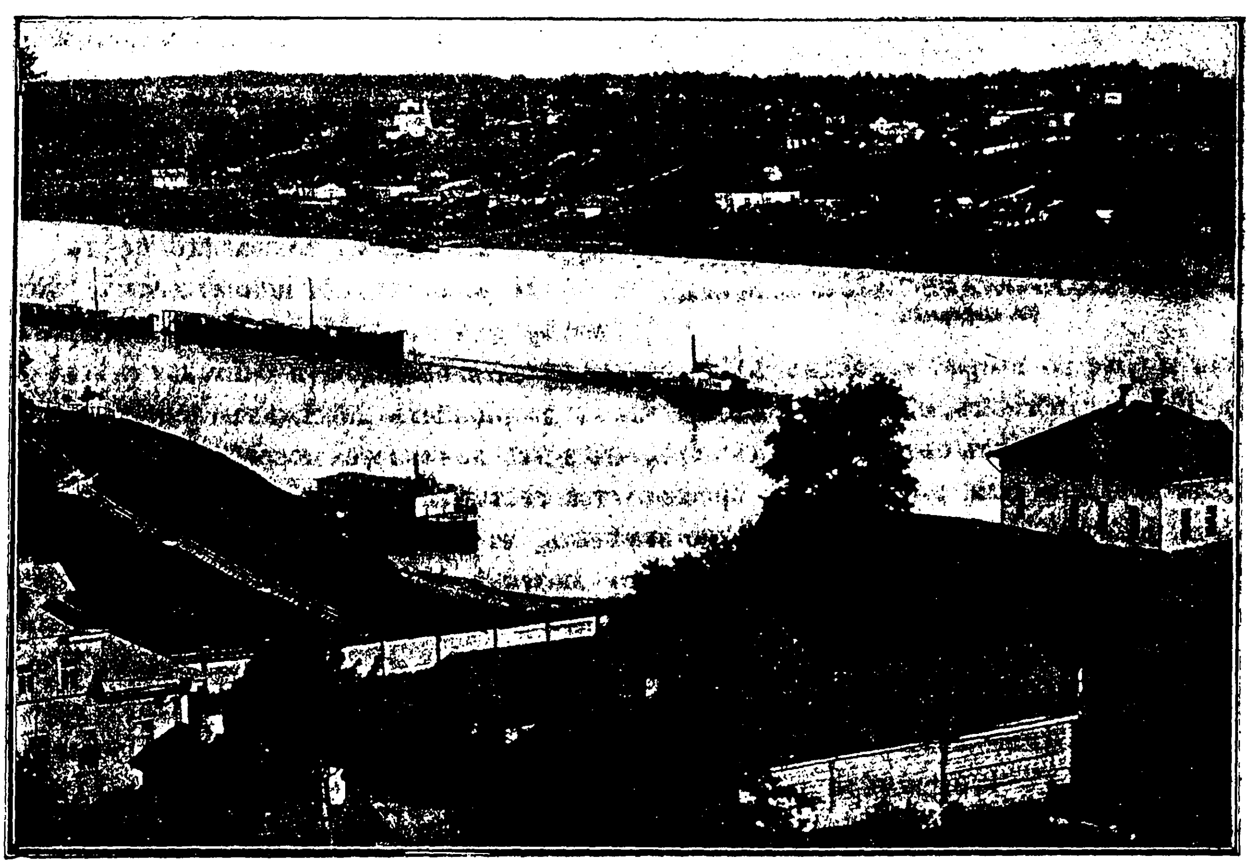
Въ 1660 году, въ слободѣ считалось двѣ церкви и между ними одна каменная соборная Преображенія Господня и монастырь во имя Казанской Божіей Матери. Въ 1863 году городскихъ церквей было уже 8, а затѣмъ—12. Рыбинское купечество въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія успѣло даже вступить въ соперничество съ ярославскимъ и побѣдить его, перезывомъ изъ губернскаго города къ себѣ въ уѣздный, знаменитаго въ свое время проповѣдника, протоіерея Родіона Путятина. Стараніе о благолѣпіи храмовъ выразилось въ изяществѣ архитектуры нынѣшняго вновь выстроеннаго Преображенскаго собора съ высокимъ шпицемъ колокольни, виднымъ по Волгѣ за нѣсколько верстъ. Голосистые дьяконы въ немъ до сихъ поръ не переводятся, и отыскиваніе ихъ составляетъ главнѣйшій и живой предметъ желаній и розысковъ мѣстнаго купечества. Иконостасъ собора залитъ золотомъ, и колокола—произведеніе прославившагося въ этомъ дѣлѣ Ярославля — гудятъ громко и торжественно. Между прочими городскими церквами обращаетъ на себя вниманіе по внутренной отдѣлкѣ и архитектурѣ — Воздвиженская церковь.

Толпы нищихъ, докучливыхъ и грубыхъ, прикормленныхъ тароватымъ купечествомъ и избалованныхъ имъ, осаждаютъ на улицахъ и оставляютъ въ памяти наиболѣе крупное впечатлѣніе, какими въ особенности богатъ этотъ замѣчательный и исключительный городъ. Не мало собирается сюда сборщиковъ подаяній на церкви со всѣхъ концовъ Россіи, въ видѣ монаховъ и монахинь и лысыхъ стариковъ съ иконами на груди и книжками въ рукахъ, толкающихся по трактирамъ и шныряющихъ по лавкамъ гостинаго двора, съ просьбою порадѣть на «церкву Божью», «на каменное строеніе», «на благовѣстное колоколо» и т. д. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ на всѣхъ русскихъ ярмаркахъ и бойкихъ торговыхъ мѣстахъ одна и та-же вѣковѣчная и неизмѣнная пѣсня: «порадѣйте, подайте, православные, Христа-ради»...

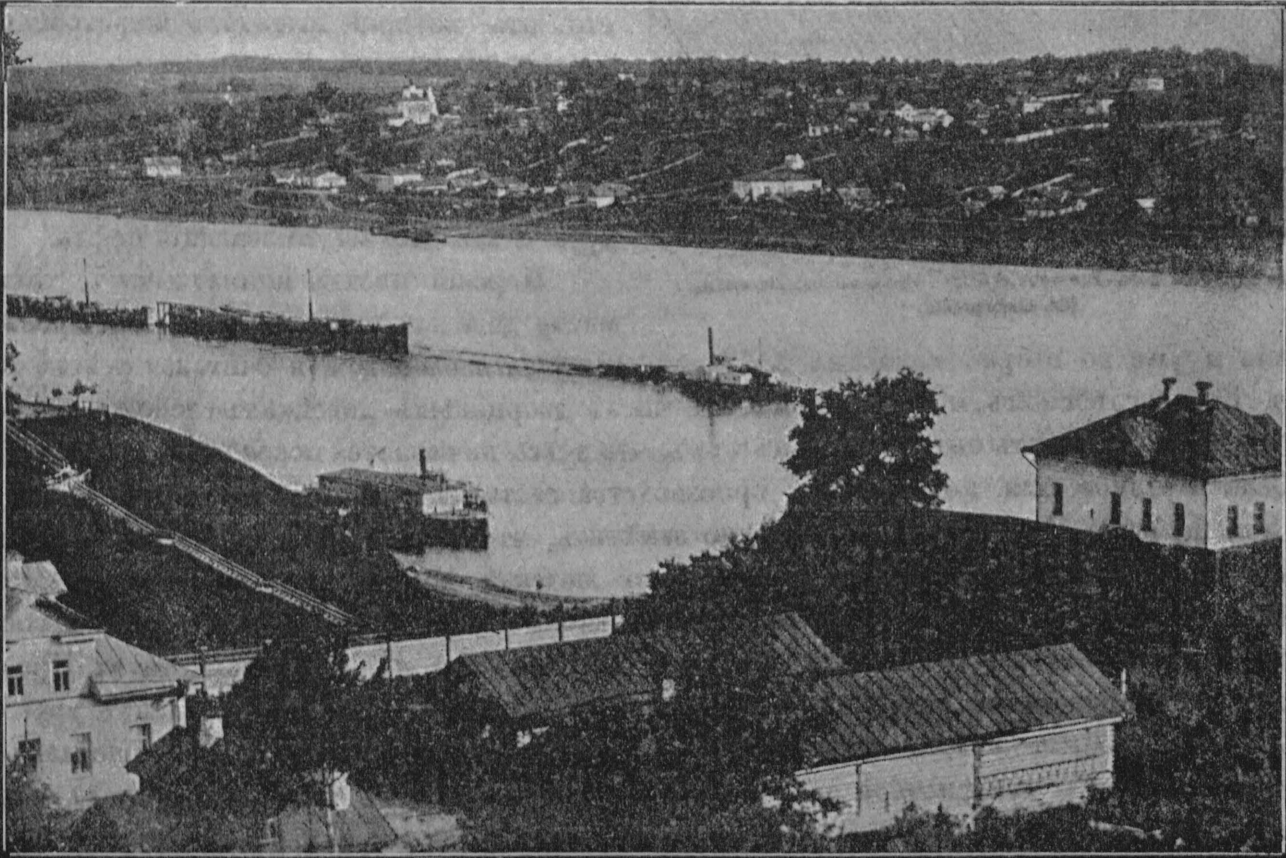
IX. Романовъ, Норскій посадъ и Толгскій монастырь.

Романовцы—схорони концы.—Барана въ зыбкѣ закачали.
Вотъ вамъ правая рука, даю черезъ милое дитя, да коли я укралъ, то и ему бы на ножѣ поторчать.
(Насмѣшки).

ГОРОДЪ Романовъ напоминаетъ намъ ту-же двойственность владѣнія въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, которое раздѣляется лишь Волгою, причемъ правый берегъ принадлежалъ одному владѣльцу, лѣвый другому. Романовъ, получившій свое имя отъ основателя своего св. князя Романа, почивающаго въ Углицкомъ соборѣ, постоянно принадлежалъ ярославскимъ князьямъ съ именемъ города. Борисоглѣбскъ же, расположившійся напротивъ его и также на высокомъ берегу Волги, составлялъ, подъ именемъ дворцовой ловецкой слободы, личную собственность московскихъ царей. Романовъ только съ паденіемъ поволжскихъ удѣльныхъ княжествъ вошелъ, при Иванѣ III, въ составъ московскихъ земель и въ 1584 г. все еще назывался «городкомъ», а въ 1614 году, все еще платилъ по 33 руб. на годъ подать романовскимъ татарскимъ мурзамъ, которые въ тяжелое время татарскаго владычества, поселены были здѣсь на постоянное жительство. Въ 1648 году Романовъ считался уже городомъ, каковое званіе сосѣдъ его—Борисоглѣбскъ получилъ лишь во второй половинѣ XVIII вѣка, а въ 1584 году жители назывались еще крестьянами и селеніе «слободою». Указомъ 30 мая 1822 года оба города соединены въ одно управленіе подъ наименованіемъ Ро-

Общій видъ города Романова-Борисоглѣбска, Яросл. губ.
(Съ фотографіи).

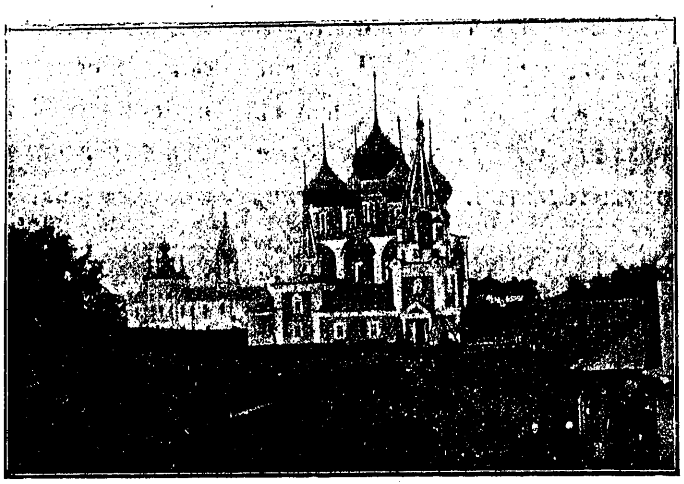

Общій видъ города Романова-Борисоглѣбска, Яросл. губ.
(Съ фотографіи).

манова-Борисоглѣбска. Романовъ лежитъ на лѣвомъ берегу и отъ старины (17 вѣка) сохраняетъ соборъ, упраздненный Покровскій монастырь и земляную крѣпость. Борисоглѣбскъ, на правомъ берегу, болѣе отлогомъ, представляетъ болѣе красивый пейзажъ, потому что между строеніями разведены сады и отдѣльный соборъ картинно украшаетъ весь амфитеатръ его зданій. Всего церквей въ соединенномъ городѣ не менѣе 10-ти церквей.

Съ именемъ Романова невольно приходитъ на память столь прославившійся своей теплотой, мягкой шерстью и прочной выдѣлкой дубленый полушубокъ изъ романовскихъ овчинъ. Въ дѣйствительности-же, лучшія овчины выдѣлываются въ Подгородной-Слободской и Сидоровской волостяхъ. Въ сущности-же, бо́льшую часть сосѣдняго Поволжья можно назвать овчиннымъ царствомъ, потому что скорняжный промыселъ занимаетъ множество рукъ и въ Мышкинскомъ, и въ Рыбинскомъ, и въ Моложскомъ, и въ Ярославскомъ и въ сосѣднихъ неприволжскихъ уѣздахъ, каковы напр. Пошехонскій и Любимскій.

Рядомъ съ этимъ промысломъ въ романовской мѣстности, благодаря той же романовской овцѣ, образовался другой промыселъ—валеной. Изъ шерсти дѣлаютъ, въ помощь полушубку, валеные сапоги, къ каковому ремеслу приспособляютъ даже мальчиковъ, а нѣкоторыя селенія имѣютъ отдѣльныя мастерскія изъ матеріала домашняго и покупного. Расходится товаръ по сосѣднимъ базарамъ по $1^1/_2$—2 руб. за пару. Около валяльнаго производства пропитываются и шерстобиты. Очень часто скорнякъ и швецъ—одно и тоже лицо: въ романовской сторонѣ занимаются этимъ ремесломъ въ 15 селеніяхъ, а въ углицкомъ изъ той же волости, изъ которой выходятъ шерстобиты, являются и портные.

Городъ Романовъ-Борисоглѣбскъ. Церковь св. Леонтія. (Съ фотографіи).

Слѣдуя внизъ по Волгѣ, вскорѣ-же можно добраться до Норскаго Посада съ придаточными къ нему заведеніями, какова Норская мануфактура и заводъ, выдѣлывающій нефть.

Норскій посадъ принадлежитъ также къ числу довольно старыхъ поселеній Ярославской губерніи и уже во второй половинѣ XVI вѣка назывался слободою и считался вмѣстѣ съ Мологою, Борисоглѣбскомъ, и Рыбинскомъ, въ числѣ дворцовыхъ ловецкихъ слободъ. Не важный самъ по себѣ, для насъ онъ интересенъ тѣмъ, что здѣсь начинается новое царство—полотняное.

Село Великое для полотнянаго производства составляетъ такой же центръ, какъ Романовъ для шубнаго. Вообще-же необходимо замѣтить, что сѣвъ льна и ткачество полотенъ въ этомъ волжскомъ плесѣ настолько древни, что людская память не сохранила воспоминаній о времени перваго ихъ появленія. Всюду поспѣвавшій Петръ Первый былъ уже въ состояніи оказывать покровительство большой фабрикѣ Затрапезнова или Трапезникова въ Ярославлѣ, сдѣлавшейся впослѣдствіи знаменитою. Императоръ Николай Первый не носилъ другого полотна, кромѣ ярославскаго, о чемъ собственноручно засвидѣтельствовалъ на всеподданѣйшемъ отчетѣ ярославскаго губернатора за 1844 годъ. За ярославскимъ полотномъ до сихъ поръ еще сохраняется названіе «господскаго», усвоенное издѣлію въ то время, когда въ селѣ Великомъ на субсидію отъ правительства основано было въ 1837 году заведеніе г. Карповича для бѣленія и апретуры льняныхъ издѣлій.

Такъ какъ полотна вызываютъ первоначальную основу для ткачества—приготовленіе нитокъ, то Норская мануфактура и выстроилась подъ бокомъ сильно развившагося промысла съ полною надеждою и увѣренностію, несмотря даже на то, что для этой же цѣли основалась купцемъ Зотовымъ льно-прядильня въ Костромѣ.

Городъ Романовъ-Борисоглѣбскъ. Церковь св. Леонтія.
(Съ фотографіи).

Тканьемъ полотенъ занимались прежде исключительно женщины; теперь это дѣло перешло въ руки мужчинъ и мальчиковъ, а женщины стали работать только узкіе сорта для домашняго обихода. При этомъ замѣчательно, что ремесло, быстро разливающееся по окрестностямъ, способно сдерживать мѣстное населеніе въ той трезвости, которая рѣзко бросается въ глаза и выдѣляетъ этихъ рабочихъ изъ ряда другихъ.

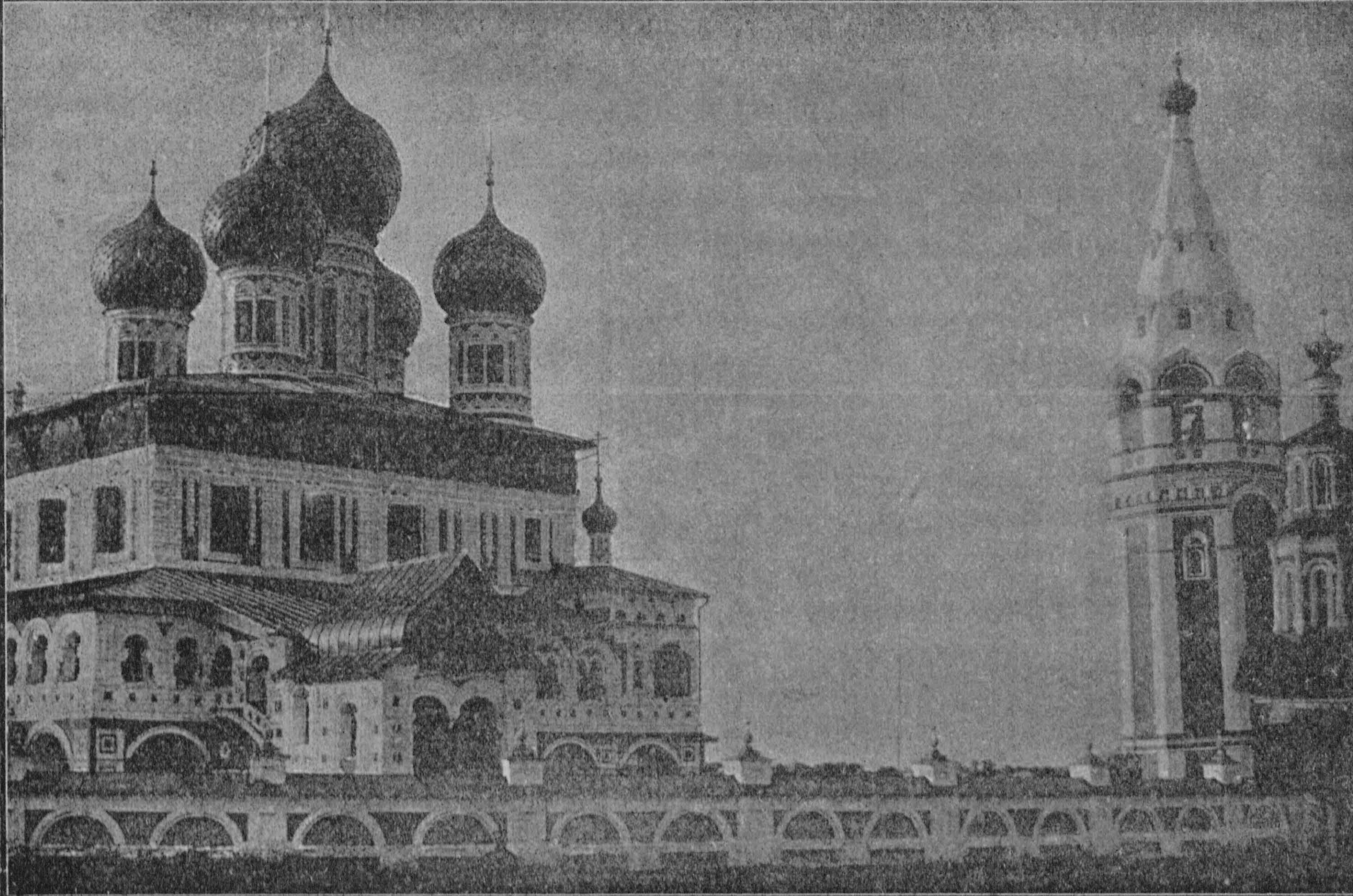
При машинной пряжѣ не перестаетъ существовать и ручная нитка, выкрученная веретеномъ. Изъ пряхъ умѣли выдѣлиться даже и столь искусныя, какъ пряхи Гагаринской вотчины, которыя получаютъ съ тальки изъ хозяйской пряжи за одну лишь работу столько, что могутъ платить другимъ за пряжу ихъ собственнаго льна. Пряденіе нитокъ въ послѣднее время изъ большихъ селъ стало переходить въ мелкія деревни и этотъ товаръ обыкновенно сбы-

Городъ Романовъ-Борисоглѣбскъ Соборъ Спасителя.
(Съ фотографіи).

вается на базарахъ. Какъ толстая, такъ и тонкая нитка сортируется уже послѣ покупки самими ткачами; покупается же мотками и на вѣсъ.

На фабрикахъ и въ свѣтелкахъ выдѣлываются слѣдующіе сорта полотенъ. Полотна пятичетвертныя и аршинные платки. Новины — суровый холстъ въ три стѣны или 30 аршинъ трубка, и холсты. Камчатное бѣлье и салфеточныя матеріи съ узоромъ и разводами, похожими на старинную матерію камку, гдѣ основа бумажная, а утокъ льняной. Фламское полотно и равендухъ. Коломянка и полосатые тики. Чешуйки и пестрядь. Пеньковая грубая ткань чаще съ синими полосами, многихъ названій: третная, съ перелучкой, бѣлоглазка или погоняйка, тяжина, скворцовая и проч. Лѣтъ 40 тому назадъ стало развиваться производство настоящихъ тонкихъ полотенъ. Для тканья ихъ устраиваются особыя свѣтелки, преимущественно въ мѣстахъ низменныхъ, по самому берегу рѣкъ. Устраиваютъ или нѣсколько ткачей въ складчину и, по жеребью, выбираютъ окна, или какой нибудь одинъ предпріимчивый хозяинъ, который

Городъ Романовъ-Борисоглѣбскъ Соборъ Спасителя.
(Съ фотографіи).

и отдаетъ одно окно рубля за 2 сер. въ зиму. Здѣсь ткачи работаютъ обыкновенно съ учениками, которыхъ выучиваютъ ткачеству въ одну или двѣ зимы, нерѣдко съ наемными помощниками изъ опытныхъ ткачей и платятъ имъ отъ осени до лѣтней Казанской, на своихъ харчахъ и свѣчахъ, рублей по 25 сер.

Вытканное полотно, какъ продажный товаръ, требуетъ отъ покупателя большой осмотрительности и, можно сказать, нѣкоторыхъ спеціальныхъ познаній. Богомъ, напримѣръ, побожится, икону пообѣщаетъ снять плутоватая торговка, увѣряющая покупателя, что лишь легонько спрыснула новину съ вѣничка известкой; но покупатель, при первой стиркѣ, не замедлитъ увидѣть дыры на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ попали известковыя капли. Вообще ярославскихъ женщинъ нельзя похвалить за особенную добросовѣстность. Требуя держать ухо востро, онѣ не задумываются надувать и болѣе опытные глаза скупщиковъ пряжи тѣмъ, что продаютъ мотки на базарахъ, содержащіе внутри грубую пряжу, лишь снаружи обмотанную тонкою. Дѣлается это такъ искусно, что обманъ обнаруживается лишь при разматываніи талекъ, когда на фабрикѣ оказывается много пряжи, совершенно негодной для тканья. Впрочемъ, практика фабрикантовъ и оптовыхъ купцовъ, установила правиломъ: грубую работу цѣнить ни во что, и возвышать заработную плату на тѣ издѣлія, которыя вышли изъ ткацкихъ рукъ чистыми и прочными и обнаруживаютъ въ мастерѣ навыкъ и искусство.

Толгскій монастырь въ 8-ми верстахъ отъ Ярославля.

По какому-то роковому для Руси закону, ни одна продажа изъ первыхъ рукъ во вторыя, и изъ этихъ въ третьи или послѣднія, не обходится безъ посредниковъ. И здѣсь то-же явились пройдохи изъ мѣщанской голытьбы, которые очень портятъ прямое дѣло, и сильно вредятъ производителямъ. Какъ около крестьянскихъ лошадей стоятъ плотной стѣной маклаки-барышники, раздѣляющіе стараго хозяина съ новымъ, покупателя съ покупщикомъ, около хлѣба «крахи» и «кулаки», около рогатаго скота «просолы», около тряпья и другихъ деревенскихъ мелочей «орлы», такъ точно около льна и пряжи увиваются «булычи», а около холстовъ и полотна «маяки». Первые бѣгаютъ съ фальшивымъ безмѣномъ по базарамъ, и въ этомъ полотняномъ царствѣ извѣстны болѣе подъ именемъ, «бѣгуновъ». Нарождаются въ мѣщанствѣ Нерехты и сосѣднихъ селеніяхъ.

Производство полотенъ вызвало въ окольныхъ мѣстностяхъ подспорныя занятія ремеслами. Если по всѣмъ ярославскимъ деревнямъ веретена выдѣлываются самими крестьянами, то самопрялки изготовляются лишь опытными мастерами въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Ткачи ставятъ станы сами, но берда, прялки, мялки, прядильные гребни, щетки для вычески льна, и катушки должны покупать на базарахъ, куда ихъ привозятъ изъ Углицкаго, Мышкинскаго и Романовскаго уѣздовъ. Впрочемъ, отличныя прялки изготовляютъ на Волгѣ въ Діевомъ-Городищѣ и Бурмакинѣ (Ярославскаго уѣзда). Красильщики, въ свою очередь, также пристроились къ этимъ мѣстамъ, являясь изъ-подъ Романова и Ярославля синить пряжу и набивать холстъ.

Противъ Норской мануфактуры, всего въ разстояніи какой-нибудь версты отъ нея, на лѣвомъ берегу Волги разнообразится своими красивыми церквами, большой оградой, осѣненный рѣдкостью здѣшняго края вѣковой кедровой рощей, Толгскій монастырь, прозванный такъ по рѣчушкѣ, которая бѣжитъ вблизи его въ Волгу. Въ деревняхъ по берегамъ ея крестьяне въ

Толгскій монастырь въ 8-ми верстахъ отъ Ярославля.

обширныхъ размѣрахъ заняты производствомъ печныхъ и мѣдныхъ приборовъ, въ монастырѣ— монахи, которые, при приближеніи къ берегу всякаго парохода выходятъ въ часовню на пристани, служатъ явленной Толгской Богоматери молебны, продаютъ просфоры и между прочимъ описаніе монастыря. Въ «описаніи» же разсказывается слѣдующее.

Въ 1314 году Ярославскій епископъ Трифонъ возвращался въ Ярославль съ Бѣлоозера. Ночь застигла его—противъ того мѣста, гдѣ стоитъ теперь монастырь и начинаются выгоны Норскаго посада. Онъ вышелъ изъ лодки, велѣлъ раскинуть шатеръ на этомъ, въ то время пустынномъ пригоркѣ, и заснулъ. Ночью разбудилъ его свѣтъ, который казался огненнымъ столбомъ на противоположномъ лѣвомъ берегу Волги. Черезъ Волгу же онъ увидѣлъ мостъ, протянувшійся до самаго столба. Взявши свой жезлъ, Трифонъ направился по этому призрачному мосту, какъ бы по настоящему, на ту сторону рѣки. Здѣсь онъ увидѣлъ, что свѣтъ исходилъ изъ иконы Богоматери, висѣвшей на воздухѣ такъ, что ее нельзя было достать руками. Помолившись, Трифонъ возвратился на ночлегъ и утромъ собрался въ путь. Свита его искала архіерейскаго жезла,—и не нашла. Отправившись за нимъ, нашли образъ Богоматери, стоявшей на землѣ между деревьями, и подлѣ нея забытый епископомъ жезлъ. Помолившись начали рубить лѣсъ, очищать мѣсто, заготовлять бревна. Быстро дошла вѣсть до Ярославля, откуда явилась толпа народа и принялась за работу: къ полудню деревянная «обыденка» — церковь была готова, а въ вечеру освящена во имя Входа во храмъ Богоматери. Это было 8-го августа, когда и было установлено всегдашнее празднованіе явленія иконы и благословлено быть на этомъ мѣстѣ монастырю. Изъ деревянной церкви сдѣлался въ 1683 году двухэтажный каменный пятиглавый соборъ. Въ сосѣдствѣ его встали потомъ три другія каменныя церкви: Воздвиженская, Спасская и Никольская, благодаря усердію богомольныхъ ярославцевъ, вообще усердныхъ къ храмамъ и церковнымъ обрядамъ. Чудотворная икона Толгской Божіей Матери, писанная древнимъ греческимъ письмомъ на доскѣ, длиною въ 14 и шириною въ 11 вершковъ, со дня явленія сдѣлалась главною святынею и палладіемъ всей ярославской страны, какъ Иверская для Москвы, Θеодоровская для Костромы, Тихвинская для лѣсного сѣвера Россіи, Ченстоховская для всей Польши, и т. д. Нѣтъ въ Ярославлѣ, Рыбинскѣ и Угличѣ такого благочестиваго дома, въ которомъ не было бы копіи съ этой иконы.

По издревле—установившемуся обычаю икона Толгской Богоматери, четыре раза выносится изъ монастыря. Въ первый разъ въ самый городъ Ярославль, въ четвертое воскресенье по Пасхѣ, гдѣ и остается она до 1-го іюля. Весь городъ Ярославль участвуетъ въ этомъ крестномъ ходѣ изо-всѣхъ ближнихъ и дальныхъ окрестностей собираются богомольцы на это время и составляютъ по пути одинъ изъ торжественныхъ и величественныхъ крестныхъ ходовъ. Во все время пребыванія народной святыни въ городѣ, при ежедневномъ выносѣ ея изъ городскаго собора, слѣдуютъ за нею толпы молящихся, которыя, становясь на колѣна и преклоняя головы, вереницею ожидаютъ проноса иконы надъ ихъ головами. Съ 2 по 31 іюля икона шествуетъ по даниловскому, ярославскому и романовскому уѣздамъ (съ 1826 года); съ 16 сентября по 20 ноября—по Волгѣ въ село Діево-Городищѣ (съ 1836 г.); съ 14 августа по 13 сентября въ посадъ Норскій (съ давнихъ временъ), и въ городъ Рыбинскъ (съ 1870 г.), по особому ходатайству и просьбамъ хлѣбныхъ торговцевъ 8-го августа, въ день празднованія иконы, совершается крестный ходъ изъ Ярославскаго кафедральнаго собора, въ самый монастырь Толгскій.

На сколько богомоленъ ярославскій людъ, можетъ служить самый губернскій городъ, въ которомъ насчитываютъ въ теченіи года 26 крестныхъ ходовъ, болѣе чѣмъ въ Москвѣ. Эти церковныя процессіи продолжаются съ весны до глубокой осени, и одна чудотворная икона смѣняетъ другую: Толгскую—Владимірская, и послѣднюю Тихвинская. Обѣ приносятся изъ-за 60 верстъ, изъ богатаго святынями, церквами и монастырями города Ростова.

Городъ Ярославль. Власьевская улица.
(Съ фотографіи).

X. Ярославль.

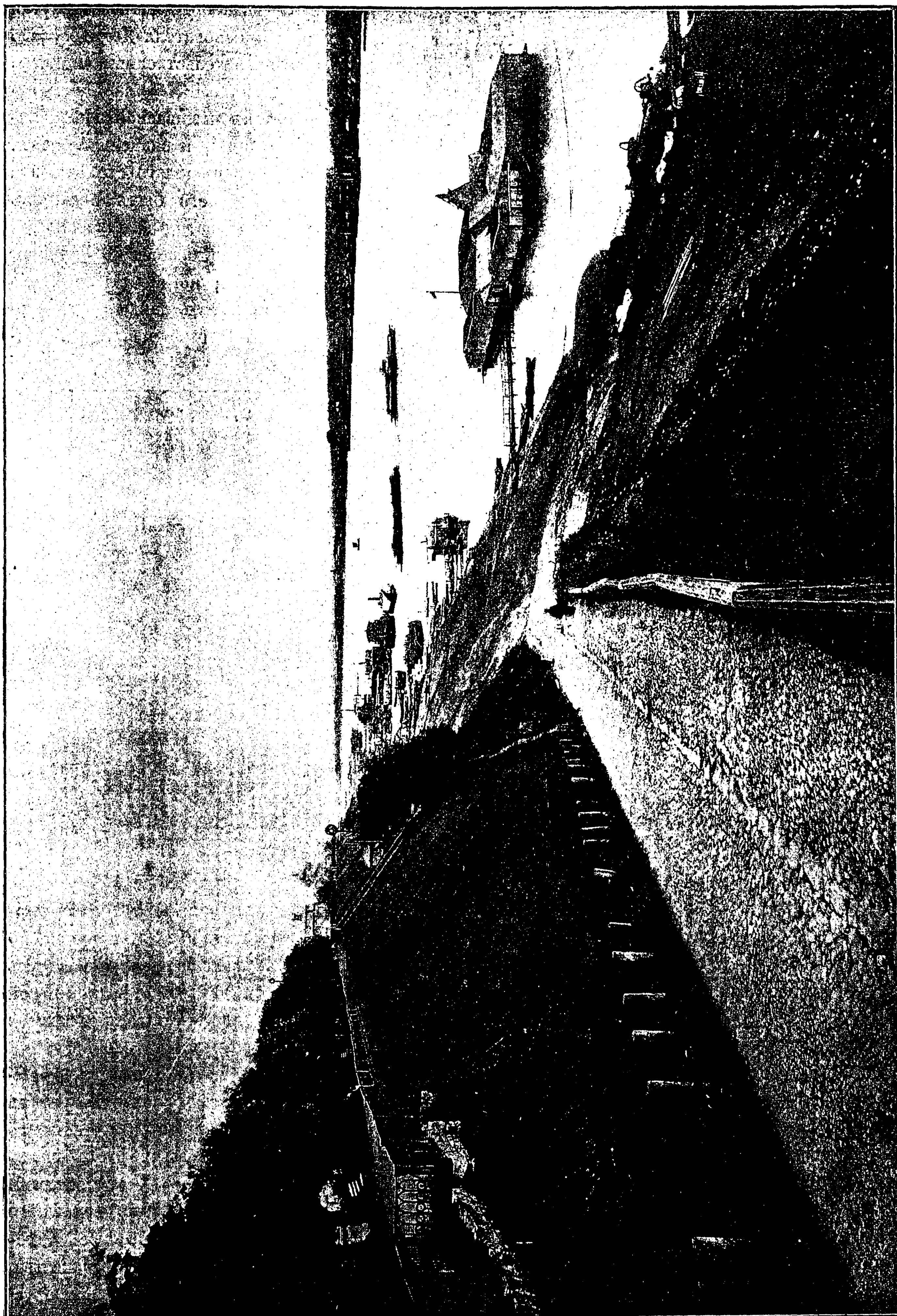
Ярославцы — красавцы, лукавцы, пѣсенники, чистоплюи.
Ярославцы—конфетчики, кукушкины дѣтки.
(Народныя присловья).

ЯРОСЛАВЛЬ, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ нашего обширнаго отечества, находится въ 656 верстахъ отъ С.-Петербурга и на 262 верстѣ отъ Москвы. Онъ расположенъ при впаденіи рѣки Которости въ Волгу и главное его ядро составляютъ Рубленый и Земляной городъ. Рубленымъ городомъ называютъ юговосточный уголъ Ярославля, находящійся на мысѣ между Волгой, Которостью и оврагомъ Медвѣдицей. Какъ гласитъ преданіе, Ярославъ Владиміровичъ срубилъ здѣсь въ самомъ началѣ XI столѣтія деревянную крѣпость и основалъ такимъ образомъ городъ. Въ древнемъ Рубленомъ городѣ находилось нѣсколько церквей и княжескій теремъ. Въ настоящее время въ этой живописной части Ярославля, окруженной набережной Волги и Которости, помѣщается Демидовскій Юридическій Лицей. Что же касается Земляного города, то это характерное названіе объясняется тѣмъ, что въ началѣ XVI вѣка данная часть была обнесена землянымъ валомъ. Въ Земляномъ городѣ находится красивая Ильинская площадь, которая составляетъ одну изъ достопримѣчательностей Ярославля. На этой площади возвы-

Городъ Ярославль. Власьевская улица.

(Съ фотографіи).

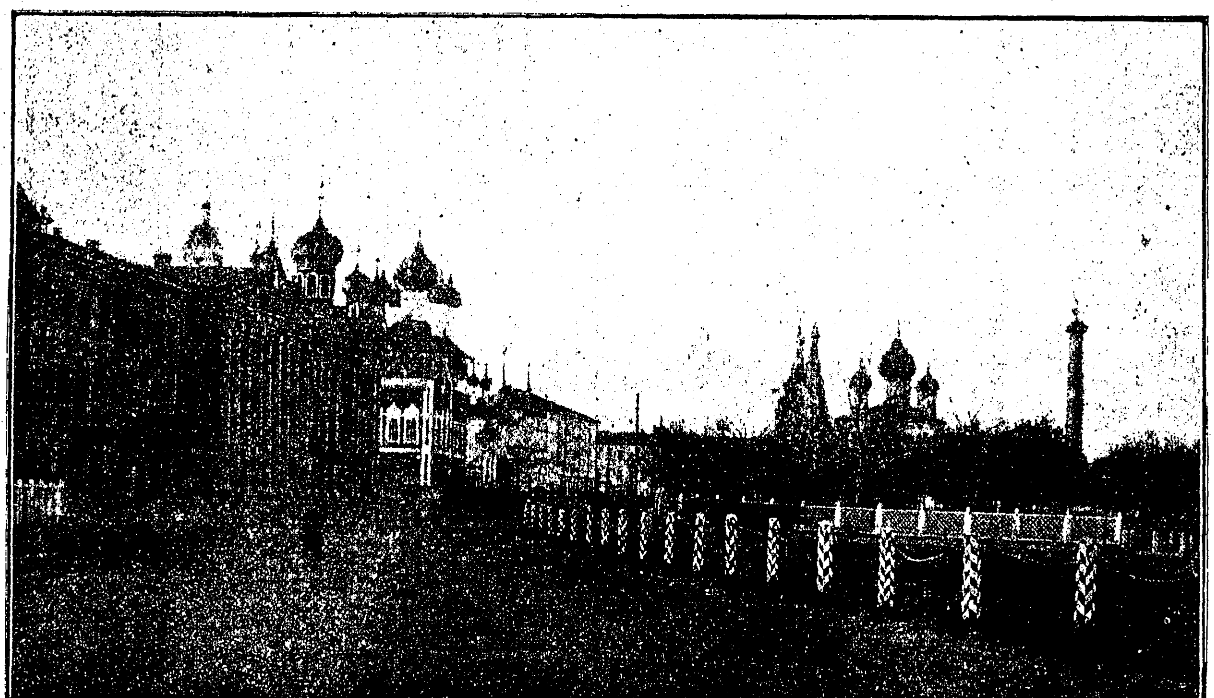

Набережная р. Волги у Ярославля.

Набережная р. Волги у Ярославля.

шается бронзовая колонна съ металлическимъ глобусомъ и двуглавымъ орломъ, воздвигнутая ярославскимъ дворянствомъ въ честь Павла Григорьевича Демидова, основателя Демидовскаго лицея. Въ Рубленомъ и Земляномъ городѣ расположены и всѣ правительственныя и общественныя учрежденія: домъ губернатора, гостиный дворъ, театръ, гимназіи, банки, дума, губернскія присутственныя мѣста, почта и проч. Упомянемъ еще о такъ называемой Полушкиной рощѣ. Она находится на краю города, въ концѣ Духовской улицы, и знаменита тѣмъ, что здѣсь положено начало публичному русскому театру. Въ половинѣ прошлаго столѣтія эта роща принадлежала костромичу Полушкину, купцу по профессіи. У него былъ пасынокъ Федоръ Григорьевичъ Волковъ (род. 2 февраля 1729 года), любимый вотчимомъ за способность и умъ. Вотчимъ не поскупился воспитать старшаго пасынка въ московской Заиконоспасской академіи, и обучить его наукамъ, музыки, живописи и пѣнію; когда Федоръ сталъ отлично играть на гусляхъ и скрипкѣ, пѣть по нотамъ и порядочно рисовать ландшафты, вотчимъ обезпечилъ его службою въ одной изъ нѣмецкихъ конторъ въ Петербургѣ. Здѣсь Вол-

Дума и гимназія на Ильинской площади.

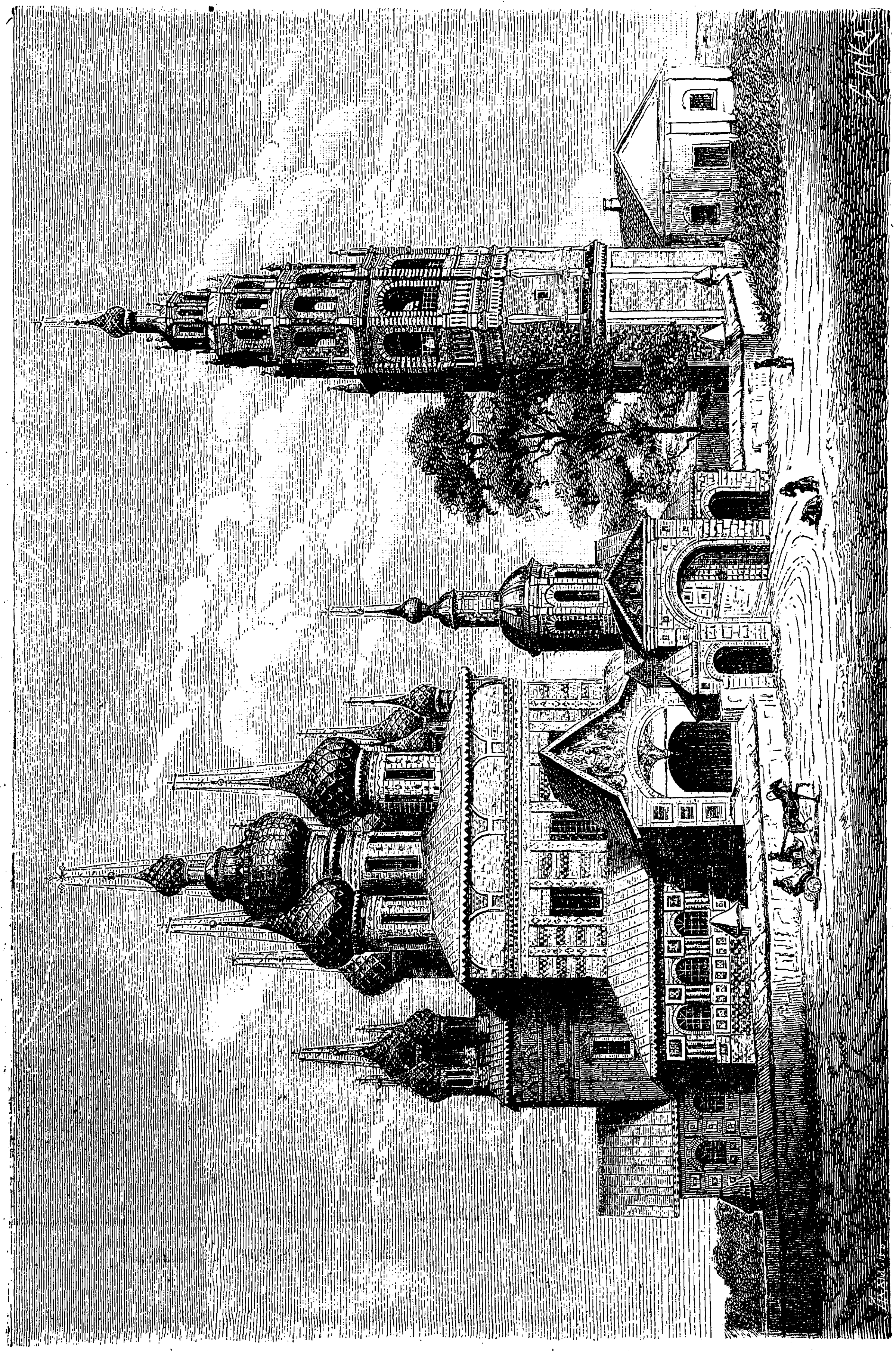
кову стоило лишь побывать однажды въ придворномъ театрѣ и въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, чтобы возродилась въ немъ страсть къ сценическимъ представленіямъ. Одновременно возбудились въ немъ и литературные таланты, выразившіеся въ прекрасныхъ переводахъ итальянскихъ и нѣмецкихъ пьесъ, и въ замѣчательномъ сценическомъ дарованіи. Одной рукой онъ щелкалъ на счетахъ въ интересахъ хозяина и вотчима, другой перелистывалъ для себя лучшія того времени драматическія произведенія иностранныхъ литературъ.

Когда Волковъ возвратился домой,—къ вотчиму и нашелъ у него полное довѣріе, прежнюю любовь и новое уваженіе по заслугамъ, то началъ обучать братьевъ и сосѣднихъ ребятъ представленіямъ на театрѣ, и между актерами, отыскалъ и выдѣлилъ перваго знаменитаго впослѣдствіи и величайшаго артиста Ивана Афанасьевича Дмитровскаго (получившаго отъ императрицы Елизаветы эту фамилію за наружное сходство съ польскимъ графомъ Дмитровскимъ). Но, по Ярославскому имени, — Ванюшу Нарыкова, недоучившагося семинариста, игравшаго сначала женскія роли. Въ день имянинъ вотчима Полушкина, Ф. Г. Волковъ, со своей доморощеной труппой, представилъ библейскую драму «Эсфирь», и привелъ виновника торжества, богатаго человѣка, въ восхищеніе облаками, которыя, какъ настоящія, поднимались и опус-

Дума и гимназія на Ильинской площади.

кались. Судьба любителя и геніальнаго человѣка этимъ пустымъ обстоятельствомъ была рѣ-

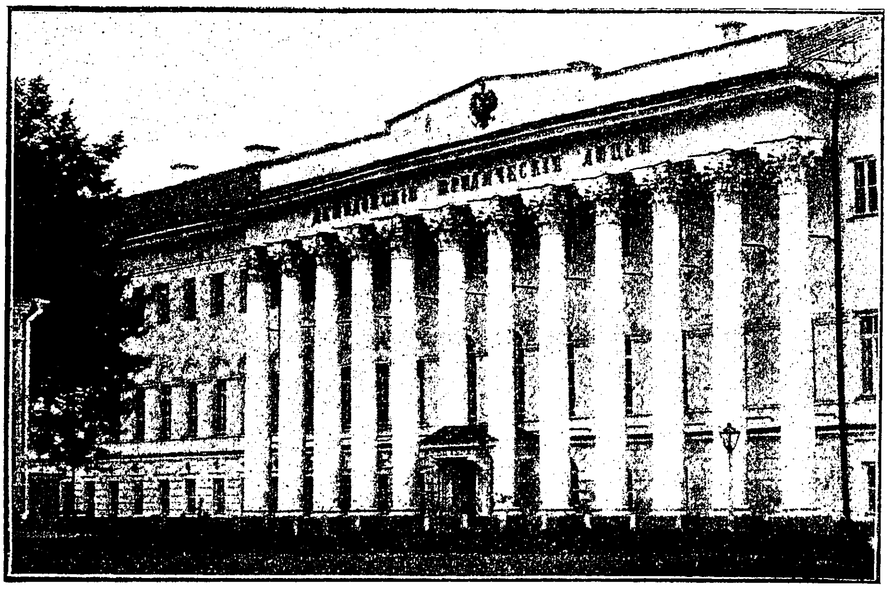
Церковь Св. Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ.

шена, особенно, когда самъ воевода Мусинъ-Пушкинъ и помѣщикъ Майковъ похвалили представленіе. Рѣшено было построить театръ, а до того времени Ф. Г. Волковъ успѣлъ дать нѣсколько представленій въ одномъ изъ сараевъ вотчима, стоящихъ на берегу Волги близъ По-

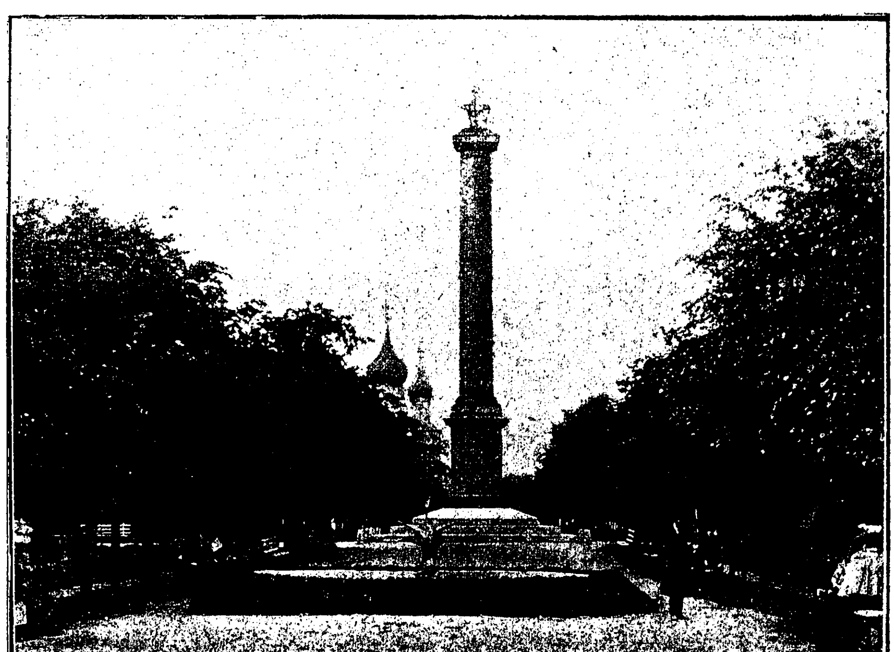
Церковь Св. Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ.

лушкиной рощи. Вскорѣ Елизавета Петровна вызвала волковскую труппу въ Петербургъ, приказала играть ей сумароковскую трагедію «Синавъ и Труворъ», и оставшись довольною Волковымъ, поручила ему устройство въ Петербургѣ русскаго театра, а потомъ въ 1759 году и въ Москвѣ. Образованный, и остроумный Ф. Г. Волковъ возведенъ былъ въ дворянское достоинство и умеръ въ 1762 году, какъ несомнѣнный и незабвенный родоначальникъ русскаго театра.

Демидовскій Юридическій Лицей.

По статистическимъ даннымъ, собраннымъ въ 1896 году, число жителей въ Ярославлѣ достигаетъ 73.885 человѣкъ, при чемъ огромное большинство населенія состоитъ изъ мѣщанъ. Какъ и вездѣ въ Россіи, въ Ярославлѣ имѣется множество церквей самой разнообразной и образцовой архитектуры и сверхъ того три монастыря, Спасскій *), Аѳанасьевскій и Казанскій. Всѣхъ жилыхъ домовъ въ Ярославлѣ насчитываютъ около 4.000, изъ которыхъ меньшинство только каменныя. Въ городѣ квартируютъ два резервныхъ батальона и гренадерскій полкъ. Учебныхъ заведеній имѣется свыше 30: мужская гимназія, двѣ женскихъ; кадетскій корпусъ, городскія училища, церковноприходскія школы и т. п. Въ составѣ учебныхъ заведеній города Ярославля существуетъ и одно высшее, а именно Демидовскій юридическій лицей, основанный въ 1803 году Павломъ Григорьевичемъ Демидовымъ; число студентовъ въ немъ довольно ограниченное.

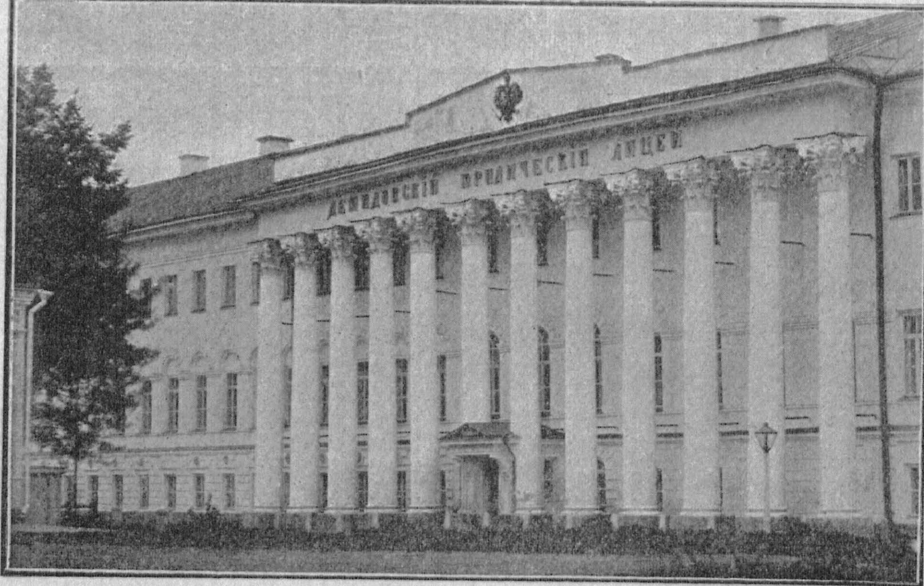

Памятникъ Демидову въ Ярославлѣ.

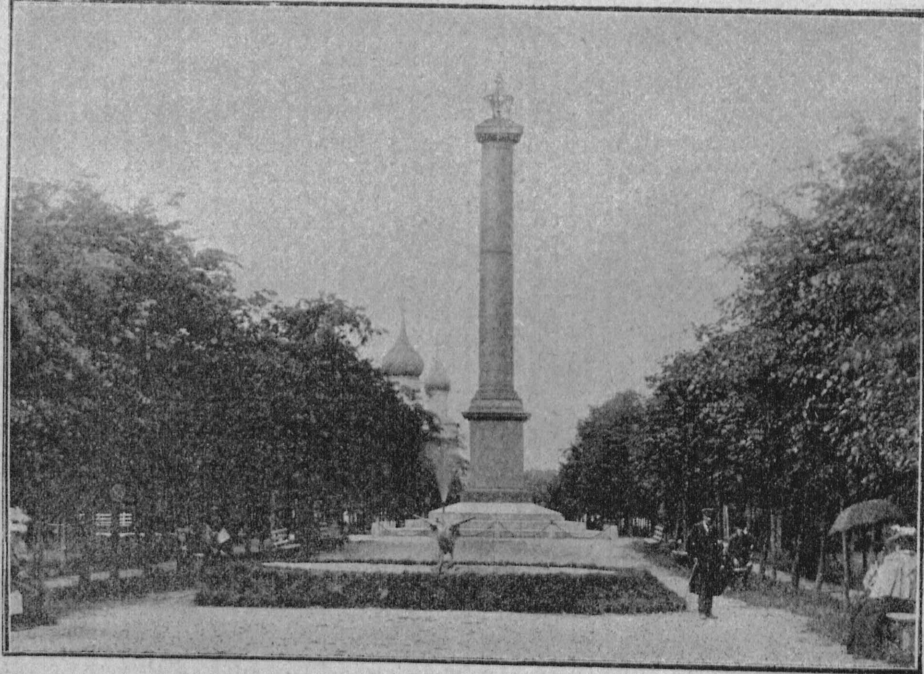
Перейдемъ теперь къ торгово-промышленной дѣятельности Ярославля. Эта дѣятельность развита весьма широко и особенно усилилась съ тѣхъ поръ, какъ проведена желѣзнодорожная линія на Вологду. Она еще болѣе возрастаетъ, когда путь будетъ доведенъ до Архангельска, такъ какъ Ярославль естественный посредникъ между Москвою и сѣверомъ Россіи. Главные предметы торговли: ленъ, хлѣбъ, строительные матеріалы, мануфактурныя издѣлія, посуда, желѣзо и проч.

До какой степени обширна торговая дѣятельность Ярославля, показываетъ то обстоятель-

*) Въ этомъ монастырѣ найдена между прочимъ единственная рукопись «Слова о полку Игоревѣ».

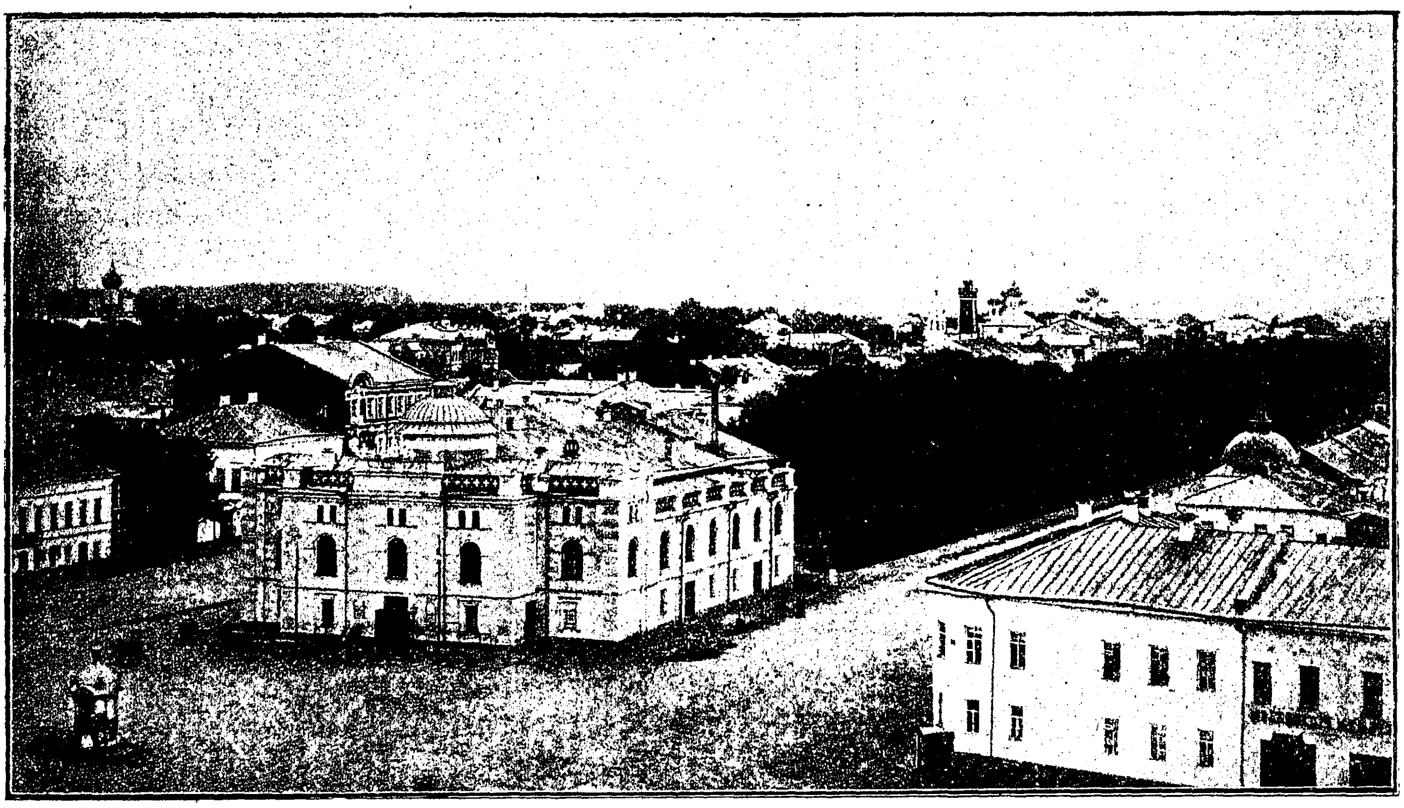
Демидовскій Юридическій Лицей.

Памятникъ Демидову въ Ярославлѣ.

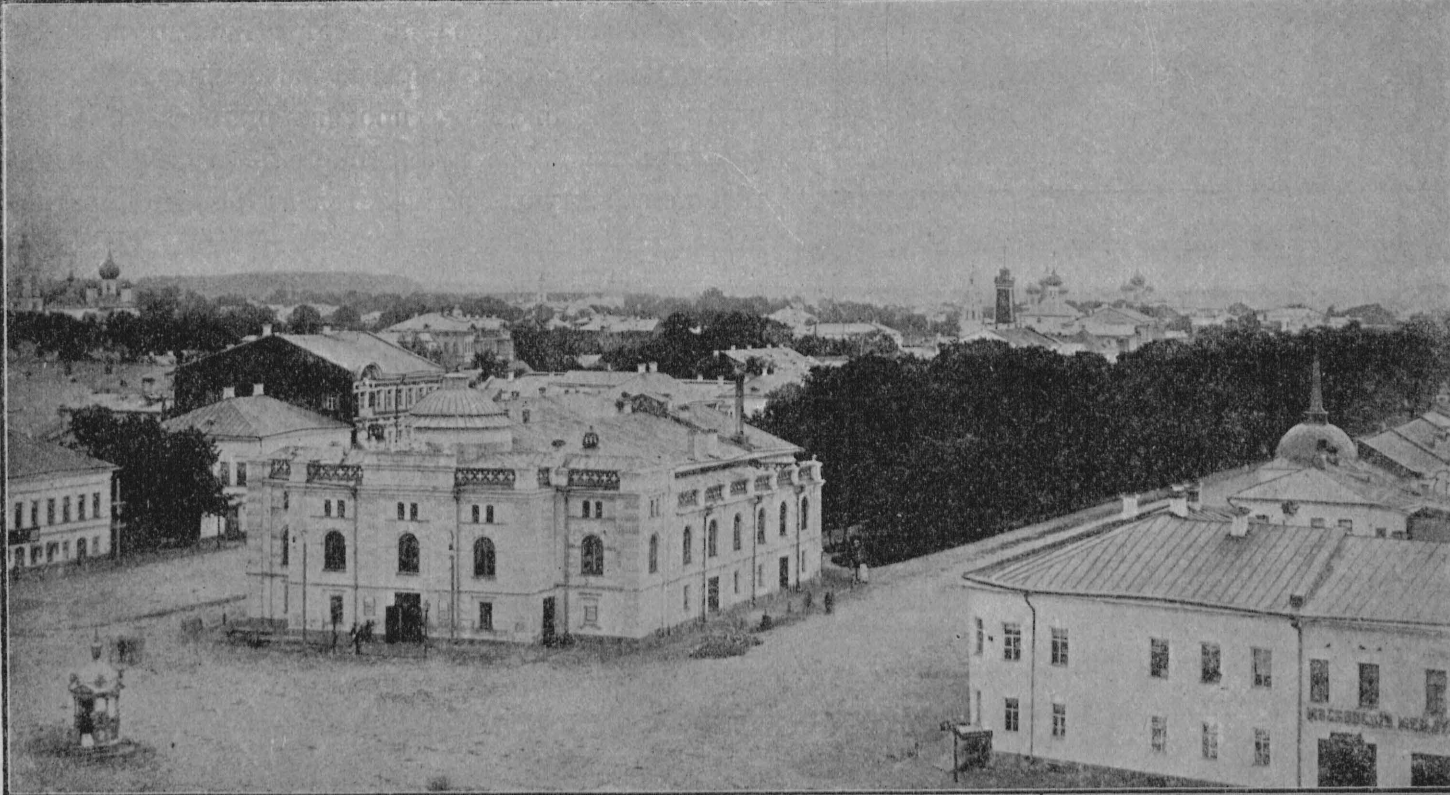
ство, что два года тому назадъ изъ Ярославля вывезено свыше 85 милліоновъ пудовъ всевозможныхъ товаровъ. Три раза въ недѣлю въ Ярославлѣ устраиваются такъ называемые базары, на которыхъ продаются самые разнообразные предметы, но подавляющую роль здѣсь играетъ торговля льномъ. Столь обычныя и характерныя для нашего отечества ярмарки происходятъ и въ Ярославлѣ. Такая ярмарка устраивается здѣсь на Ильинской площади, съ 5 по 25 мая. Главнымъ образомъ на ней торгуютъ посудой, которая направляется затѣмъ на сѣверъ Россіи. Торговля Ярославля быстро прогрессируетъ изъ года въ годъ, чему не мало способствуетъ и самый характеръ ярославцевъ: они издавна считаются у насъ «природными коммерсантами».

Что касается фабричной промышленности, то она началась здѣсь еще со временъ Петра Великаго. Геніальный творецъ современной Россіи, всегда серьезно заботившійся о преуспѣяніи и развитіи всѣхъ отраслей человѣческой дѣятельности, обратилъ свое вниманіе и на Яро-

Городской театръ.

славль. Петръ лично посѣтилъ нѣсколько разъ этотъ городъ и понялъ, что современемъ ему суждено будетъ играть видную роль въ промышленномъ отношеніи. Царь прилагалъ всѣ старанія, чтобы насадить въ Ярославлѣ всевозможные фабрики и заводы. Въ видѣ поощренія онъ даже предлагалъ ярославцамъ самое широкое содѣйствіе и разнаго рода льготы. И дѣйствительно усилія Петра Великаго не пропали даромъ. Уже въ первой четверти восемнадцатаго столѣтія, на участкѣ земли, принадлежавшемъ Спасо-Преображенскому монастырю, была устроена полотняная фабрика Затрапезнаго. Вслѣдъ затѣмъ возникло и еще нѣсколько фабричныхъ предпріятій. Съ тѣхъ поръ фабрично-заводская дѣятельность Ярославля стала совершать быстрые успѣхи. Нынѣ она достигла весьма солидныхъ размѣровъ. Всего насчитывается теперь въ Ярославлѣ 60 фабрикъ съ ежегоднымъ производствомъ въ двадцать милліоновъ рублей; рабочихъ имѣется около двѣнадцати тысячъ. По производительности особенно видное мѣсто занимаютъ бумаго-прядильно-ткацкія и табачныя фабрики и мукомольное производство. Обращаясь теперь къ перечисленію отдѣльныхъ фабрикъ, намъ прежде всего необходимо обратить вниманіе на Ярославскую большую мануфактуру, такъ какъ ежегодная производительность ея

Городской театръ.

достигаетъ очень почтенной суммы, а именно 11 милліоновъ рублей. Эта огромная и замѣчательная мануфактура, учрежденная въ концѣ пятидесятыхъ годовъ московскимъ купцомъ Корзинкинымъ, преобразована изъ полотняныхъ фабрикъ, принадлежавшихъ въ свое время Затрапезновымъ и пользовавшихся прекрасной репутаціей на пространство всего нашего обширнаго отечества. Въ началѣ своего существованія, ярославская мануфактура имѣла сравнительно скромные размѣры, а нынѣ она достигла поразительно широкаго развитія. Комплектъ фабричныхъ зданій заключаетъ теперь пять главныхъ построекъ въ 5 и 6 этажей и цѣлый рядъ построекъ второстепенныхъ, которыя служатъ жилищами для рабочихъ, а также и для многихъ другихъ надобностей. Ярославская мануфактура имѣетъ два отдѣленія: бумагопрядильное и ткацкое. Въ особенную заслугу слѣдуетъ поставить то обстоятельство, что мануфактура, по мѣрѣ возможности, стремится пользоваться сырьемъ исключительно русскаго происхожденія, противъ чего такъ часто грѣшатъ наши фабрики. Хлопокъ, идущій для данной мануфактуры, получается въ нашихъ средне-азіатскихъ провинціяхъ и въ Закавказьи. Поощряя именно этотъ хлопокъ, фабрика Корзинкина поступаетъ безусловно правильно, такъ какъ нашъ русскій хлопокъ, по отзыву свѣдущихъ лицъ, по качеству отнюдь не уступаетъ иностранному, т.-е. хлопку, добываемому въ южныхъ частяхъ сѣверо-американскихъ штатовъ и въ другихъ мѣстахъ. О громадности производства могутъ дать яркое понятіе слѣдующія цифровыя данныя: въ бумагопрядильномъ отдѣленіи вырабатывается ежедневно не менѣе 2.500 пудовъ пряжи, а въ отдѣленіи ткацкомъ—свыше 150.000 аршинъ. Только что обозначенныя цифры относятся къ производствамъ 1895 и 1896 годовъ. Нынѣ это производство еще значительнѣе. Въ составъ главныхъ машинъ Ярославской мануфактуры входятъ 5 большихъ паровыхъ, изъ которыхъ одна развиваетъ силу въ 1.300 индикаторныхъ силъ при 10 атмосферахъ, и три турбины. Но для такой обширной фабрики, какъ ярославская, сверхъ указанныхъ машинъ, потребно имѣть еще цѣлый рядъ двигателей второстепеннаго порядка. Такихъ машинъ, служащихъ для перевозки нефти, подъема воды и т. п. надобностей, на мануфактурѣ существуетъ 17 штукъ. Въ качествѣ топлива, мануфактура, помимо обычнаго въ этомъ случаѣ матеріала, пользуется также въ довольно широкихъ размѣрахъ и нефтяными остатками, которые за послѣднее время начинаютъ пріобрѣтать все бо́льшее и бо́льшее распространеніе, благодаря ихъ дешевизнѣ и способности развивать очень сильный жаръ. По количеству рабочихъ, ярославская мануфактура занимаетъ весьма видное мѣсто среди русскихъ промышленныхъ предпріятій: число рабочихъ превосходитъ 8.000 человѣкъ. Очень отрадно, что мануфактура не только даетъ имъ заработокъ, но и всячески заботится о нихъ. При фабрикѣ имѣется образцовая больница

Власьевская церковь на Театральной площади.

Казанскій монастырь въ Ярославлѣ.

Власьевская церковь на Театральной площади.

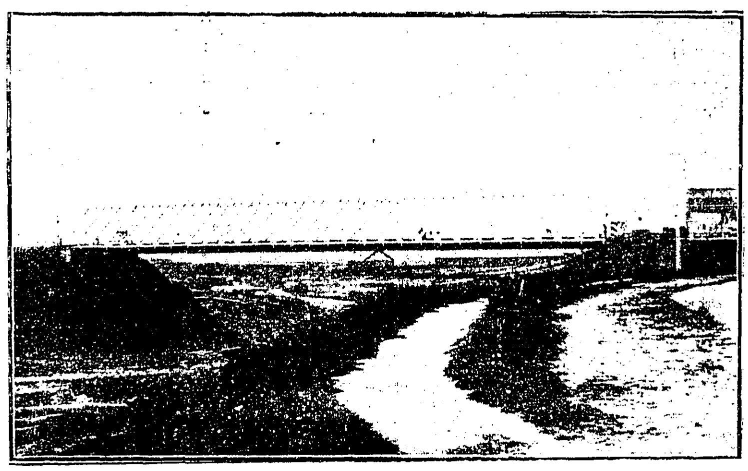

Казанскій монастырь въ Ярославлѣ.

на 80 кроватей, два врача, 4 фельдшера, акушерка и 2 фельдшерицы. На просвѣщеніе фабрика обращаетъ весьма серьезное вниманіе. Существующая при мануфактурѣ школа поставлена превосходно и ее посѣщаютъ свыше 5.000 дѣтей обоего пола. Въ дни воскресные и праздничные, въ огромномъ читальномъ залѣ, который по внѣшнему виду напоминаетъ собою театръ, происходятъ популярныя чтенія, при чемъ нерѣдко такія чтенія сопровождаются демонстраціей туманныхъ картинъ. Отъ времени до времени въ залѣ этомъ, которому безусловно могутъ позавидовать многіе русскіе города, даются театральныя представленія. Исполнителями ролей являются главнымъ образомъ лица, занимающіяся на мануфактурѣ. Такія заботы администраціи ярославской мануфактуры о нравственномъ и умственномъ развитіи рабочихъ оказываютъ на послѣднихъ, разумѣется, очень благотворное влія

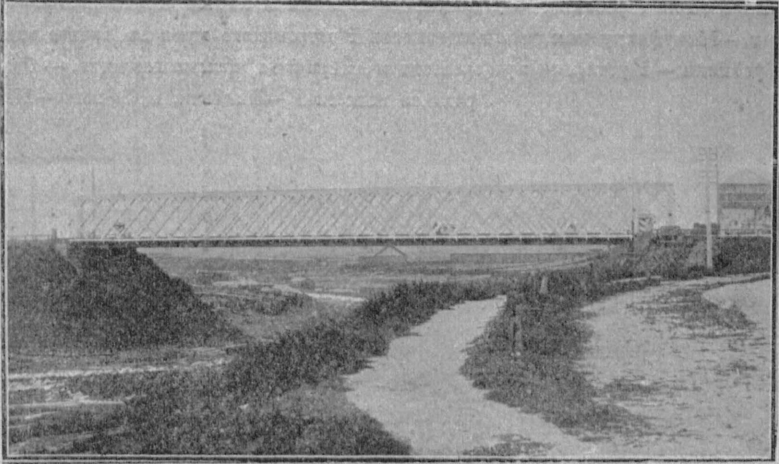
Что касается самихъ издѣлій ярославской мануфактуры, то они пользуются у насъ широкимъ распространеніемъ.

Какъ сказано уже выше, въ Ярославлѣ, на-ряду съ бумаго-прядильно-ткацкимъ производствомъ, процвѣтаетъ также и табачное. Необходимо замѣтить, что высокіе сорта табаку здѣсь совсѣмъ не вырабатываются. Исключительное вниманіе сосредоточено здѣсь на махоркѣ. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть фабрику И. Н. Дунаева. Она помѣщается въ самомъ городѣ, даетъ заработокъ около 500 рабочимъ и производитъ ежедневно 1.250 пудовъ махорки. Ежегодное производство Дунаевской фабрики опредѣляется въ $2^1/_2$ милліона рублей. Кромѣ указанной фабрики, въ Ярославлѣ существуютъ еще три другія табачныя фабрики. На нихъ также получается махорка. Упомянутый нами фабрикантъ Дунаевъ не ограничивается только производствомъ табаку. У него имѣется сверхъ того и спичечная фабрика, съ довольно значительнымъ ежегоднымъ производствомъ. Изъ заводовъ Ярославля, особенно выдвигается «Лѣсопильный заводъ Сѣвернаго лѣсопромышленнаго общества», устроенный дѣйствительно образцово, съ соблюденіемъ всѣхъ новѣйшихъ требованій техники. Мукомольнымъ производствомъ заняты двѣ крупныя фирмы: «Вахрамѣева» и «Златоустовская мельница Стоюнинъ и К°». Видную роль въ промышленной жизни Ярославля играетъ и производство свинцовыхъ бѣлилъ. Это производство сосредоточено въ нѣсколькихъ заводахъ. О нефтяныхъ остаткахъ мы имѣли случай говорить уже выше, при описаніи Ярославской большой мануфактуры. Эти остатки служатъ топливомъ не столько для данной фабрики, но и для многихъ фабрикъ и заводовъ, расположенныхъ въ сѣверной части Россіи. Для храненія этихъ остатковъ, въ Ярославлѣ устроено нѣсколько «нефтяныхъ ямъ», въ которыхъ содержится нѣсколько десятковъ милліоновъ пудовъ остатковъ. Такова въ общихъ чертахъ картина торгово-промышленной жизни города Ярославля. Что ни годъ, эта жизнь развивается все шире и шире.

Желѣзнодорожный мостъ черезъ р. Котросль.

С. Максимовъ.

Желѣзнодорожный мостъ черезъ р. Которосль.

ОЧЕРКЪ V.

ВОЛГА ОТЪ ЯРОСЛАВЛЯ ДО НИЖНЯГО.

Волга ниже Ярославля.—Перекаты.—Правый и лѣвый берега Волги. — Хмѣлеводство и другіе промыслы.—Кострома и ея роль въ исторіи.—Мануфактурная промышленность Костромского края въ давнее время. — Ипатіевскій монастырь. — Бурлачество.—Потомки Ивана Сусанина.—Кустарное производство и фабричная промышленность. — Село Вичуга; Кинешма и Юрьевецъ; Пучежъ и Плесъ.—Нижегородское поволжье.—Балахна и Сормово.—Макарьево, Лысково и Василь-Сурскъ.

Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
Вездѣ слѣды довольства и труда.

А. С. ПУШКИНЪ.

„Бурлакъ—шатунъ, побродяга".

«Кобылку—въ хомутъ, а бурлака—въ лямку".

«Дома бурлаки бараны, а на плесу—буяны».

„Бурлакъ—что сиротка: когда бѣлая рубашка, тогда и праздникъ".

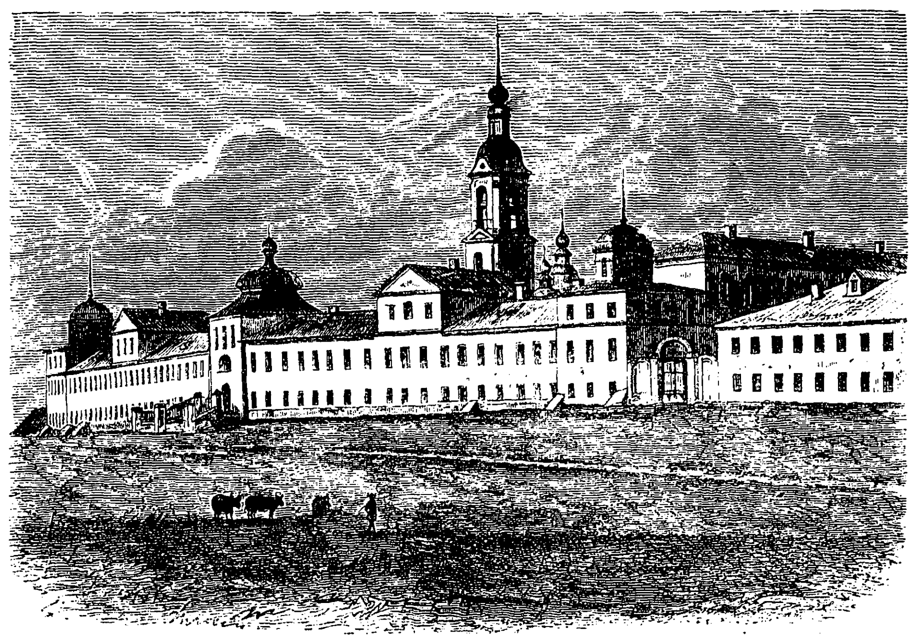
(*Изъ народныхъ поговорокъ*).

НИЖЕ Ярославля берега Волги однообразны, отлоги и песчаны, кое-гдѣ съ селами и деревнями, вообще—мало останавливаютъ на себѣ вниманіе туриста. Даже самая матушка-Волга не представляетъ ничего особеннаго. Пароходамъ приходится выбирать фарватеръ, и они то и дѣло снуютъ отъ одного берега къ другому, хоть и довольно ходко. На правомъ берегу Николо-Бабаевскій монастырь,—первый поселокъ Костромской губерніи. Верхушка купола и золоченый крестъ блестятъ издали. Монастырь на правомъ высокомъ, но отлогомъ берегу. Густая тѣнистая роща изъ столѣтнихъ дубовъ, березъ, липъ и осинъ скрашиваетъ эту обитель.

Когда она основана достовѣрно не извѣстно, но въ писцовыхъ книгахъ 1621 года говорится, что «монастырь Николо-Бабаевскій существуетъ изъ давнихъ лѣтъ». Эти давнія времена вѣроятно относятся къ XIV столѣтію, къ концу его, когда нынѣшнія угодья монастыря и его рыбная ловля по Волгѣ принадлежали Николаевскому Угрѣшскому монастырю, чтò въ 15 верстахъ отъ Москвы. Часть братіи этого послѣдняго, отправляясь на рыбныя ловли въ эти мѣста, навѣрно и положила основаніе нынѣшней обители, построивъ здѣсь сначала келью для стоянки, а потомъ и церковь во имя св. Николая, покровителя ихъ коренной обители.

Весь этотъ уголъ Костромской губерніи отъ Николо-Бабаевскаго монастыря вплоть до г. Костромы, примѣрно верстъ на 50 въ длину и 20 въ ширину, отличается производствомъ особыхъ формъ земледѣльческой культуры: разведеніемъ картофеля, капусты и усиленнымъ льневодствомъ. Громадные посѣвы картофеля, распространенные и на лѣвомъ Ярославскомъ берегу, заслуживаютъ вниманія. Картофель здѣсь начинаетъ играть видную роль въ экономическомъ быту крестьянъ. Благодаря своей неприхотливой природѣ, это растеніе не требуетъ хорошей земли, которой тутъ чрезвычайно мало, но при небольшихъ стараніяхъ даетъ большой урожай, вполнѣ вознаграждающій труды поселянина. Такъ, извѣстная полоса крестьянскаго надѣла, употребленная подъ посѣвъ картофеля, приноситъ почти въ четыре раза болѣе выгоды, чѣмъ она же засѣянная хлѣбомъ.

Рядомъ съ картофельниками, ближе къ Костромѣ, идетъ мѣстность разведенія островной капусты, по берегамъ и островамъ р. Волги. Эта форма земледѣльческой культуры обусловливается невозможностію посѣвовъ хлѣба на заливныхъ мѣстахъ, а также и лучшими выгодами сравнительно съ земледѣліемъ, гдѣ оно возможно, такъ какъ близость города Костромы и большихъ поселковъ позволяетъ выгодный сбытъ.

Николо-Бабаевскій монастырь.

Наконецъ, за капустниками идетъ мѣстность сильнаго льневодства, которая доходитъ до Костромы и продолжается дальше.

Въ описываемомъ раіонѣ Волги заслуживаетъ вниманія Харчевенскій перекатъ, одно изъ самыхъ опасныхъ мѣстъ по Волгѣ въ Костромской губерніи. Хотя опасность эта грозитъ только грузовымъ судамъ, но и легкіе пароходы проходятъ это мѣсто довольно осторожно. Такихъ опасныхъ мелей по Волгѣ не много: можно указать еще на Густомѣсовскую около города Плеса. Всѣхъ-же мелей въ Костромской губерніи, но значительно меньше, насчитывается до 10, и пароходчиками ожидаются новыя. Вообще матушка-Волга годъ отъ году замѣтно мелѣетъ. Весенній разливъ ея дѣлается все выше и выше, но за то скоро спадаетъ, и лѣтняя вода съ каждымъ годомъ все меньше и меньше, что зависитъ отъ сильнаго истребленія лѣсовъ, которые хотя и не увеличиваютъ атмосферныхъ осадковъ, но способствуютъ болѣе правильному распредѣленію ихъ въ рѣкахъ. По берегамъ самой Волги вѣковые лѣса исчезли съ незапамятныхъ временъ; по берегамъ-же притоковъ интенсивная эксплуатація ихъ принимаетъ грозные размѣры только съ послѣдняго времени, почему притоки эти, прежде сильно питавшіе Волгу во время таянія снѣговъ въ лѣсахъ, въ настоящее время сами годъ отъ году мелѣютъ и доходятъ иногда до того, что ихъ можно перейти, замочивъ одну только ступню.

Немного выше Харчевенскаго переката оканчивается, тянувшаяся до сихъ поръ по лѣвому берегу, Ярославская губернія, и теперь оба берега составляютъ территорію Костромской губерніи. Правый берегъ возвышенъ и мѣстами гористъ, лѣвый же, напротивъ, низменный и представляетъ прекрасные поймы, заливаемые водою во время водополья. На всемъ протяженіи его до самой Костромы отъ Харчевенскаго переката нѣтъ ни одного поселка, между тѣмъ

Николо-Бабаевскій монастырь.

какъ правый унизанъ деревнями и селами, которыя, чѣмъ ближе къ Костромѣ, тѣмъ дѣлаются оживленнѣе и населеннѣе. Вся низменность, лежащая по лѣвому берегу Волги, заключается въ углу, образованномъ сліяніемъ Волги и р. Костромы и состоитъ изъ однихъ луговъ, усѣянныхъ безчисленнымъ количествомъ озеръ и причудливо разрѣзанныхъ озерными притоками. Низменность эта въ одной Костромской губерніи занимаетъ 35 верстъ въ длину и 25 верстъ въ ширину. Весною, при разливѣ Волги и Костромы, она сплошь покрывается водою до начала іюня, такъ что разбросанныя по ней, на болѣе высокихъ мѣстахъ села и деревни, представляютъ въ это время небольшіе застроенные и населенные островки, сообщеніе между которыми производится на лодкахъ, что нерѣдко встрѣчается и на улицахъ самыхъ поселковъ, которые въ виду этого и выстраиваются на большихъ деревянныхъ сваяхъ. Вся эта равнина, послѣ спаденія воды, покрывается наноснымъ иломъ, утучняющимъ почву и способствующимъ къ произрастанію травъ. Вслѣдствіе долгаго, почти двухмѣсячнаго стоянія воды, хлѣбопашество, несмотря на тучность почвы, здѣсь совершенно не развито, за исключеніемъ небольшихъ клочковъ на высокихъ мѣстахъ, такъ какъ «озимые» хлѣба не могутъ сняться, ибо размываются и уничтожаются, а «яровые», поздно засѣянные, не выдерживаютъ осеннихъ заморозковъ, почему все населеніе занимается луговодствомъ, съ успѣхомъ вознаграждающимъ труды. Обиліе луговъ позволяетъ крестьянскимъ обществамъ сдавать ихъ въ аренду. Аренда эта берется обыкновенно кулаками, которые, раздробивъ съемные луга на мелкіе участки, отдаютъ ихъ въ кортому крестьянамъ, пріѣзжающимъ сюда верстъ за 30—40, изъ мѣстностей не богатыхъ сѣнокосомъ. Кромѣ луговодства, безчисленныя озера и полои, въ которыя весною бросается рыба для метанія икры, даютъ пищу развитому здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ-либо у насъ, рыболовству. Лучшій сезонъ этого промысла бываетъ въ началѣ лѣта, при сходѣ воды, когда крупная рыба, чуя что-то недоброе, массами бросается изъ мелѣющихъ озеръ въ глубокую воду Волги и Костромы. Этотъ періодъ ловли отличается крупною рыбою. Болѣе обильный, но менѣе выгодный—это сезонъ осенній, когда «спускается подрость», т. е. образовавшаяся изъ наметанной весною икры мелкая рыба, оставшаяся въ озерахъ и полояхъ. Крестьяне, чтобы подрость не ушла лѣтомъ въ большія рѣки черезъ озерные протоки, устраиваютъ въ этихъ протокахъ земляныя плотины, «загрузы» по мѣстному выраженію, и продѣлываютъ въ нихъ оконца, которыя замыкаютъ на лѣто втулками. Осенью, когда наступитъ время, по ихъ расчету, спускать подрость, они отправляются артелями, отмыкаютъ втулки, прикрѣпляютъ къ оконцамъ длинныя сѣти наподобіе мѣшковъ или рукавовъ. Въ эти сѣти подрость и попадаетъ.

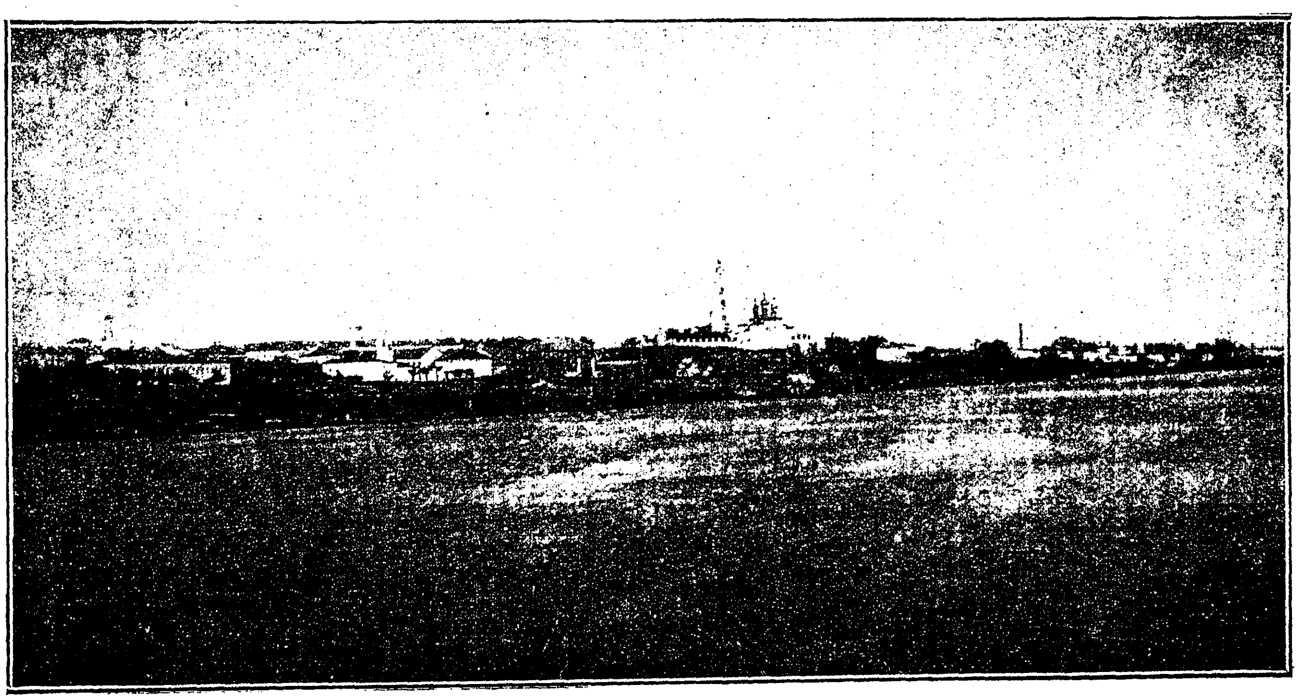
Подобная ловля невольно вліяетъ на размноженіе рыбы, которая, не достигая періода зрѣлости, истребляется милліонами, отчего количество рыбы въ рѣкахъ уменьшается. Уменьшенію ея много способствуетъ и развивающееся пароходство. Рыбныя ловли по луговой сторонѣ принадлежатъ главнымъ образомъ крестьянамъ Шунгенской волости и Ипатіевскому монастырю. Первыя ведутся обыкновенно самими хозяевами-крестьянами, соединяющимися въ артели, человѣкъ по 10 въ каждой, вторыя же сдаются въ аренду или тѣмъ же крестьянамъ, или кулакамъ.

Кромѣ луговодства и рыболовства, нельзя пройти молчаніемъ еще хмелеводство, не уступающее по доходности и скорѣе превышающее его, а также разведеніе капусты, картофеля и огурцовъ.

Хмелеводство еще въ недавнія времена занимало населеніе двухъ большихъ волостей Мисковской и Шунгенской, но въ послѣднее время оно составляетъ исключительно занятіе одной только Мисковской волости. Много бы можно было сказать объ этой интересной формѣ земледѣльческой культуры, но недостатокъ времени и мѣста заставляетъ коснуться его только вскользь и указать на него не только, какъ на средство къ жизни, но и какъ на источникъ благосостоянія. Дома въ селеніяхъ этой волости отличаются своею величиною, просторностью помѣщенія, чистотою и пошибомъ на городское расположеніе и отдѣлку, равно какъ и надвор-

ныя постройки. Нерѣдко случается видѣть здѣсь и каменные дома. Такъ, въ селеніяхъ Мисковѣ и Жаркахъ ихъ можно насчитать до нѣсколькихъ десятковъ, между тѣмъ какъ многіе города нашей губерніи имѣютъ ихъ не болѣе 6—7. Одежда жителей не только отличается чистотою, опрятностію и добротою, но не рѣдкою роскошью. Кусокъ мяса въ щахъ или похлебкѣ здѣсь не выходящее изъ ряду явленіе, а молочная пища замѣняетъ «купоросныя щи» другихъ мѣстностей нашей губерніи. Все это вмѣстѣ взятое показываетъ не только на достатокъ, но и на полное благосостояніе жителей. Что же касается вліянія этого экономическаго положенія на внутренній міръ населенія, то все оно принадлежитъ къ крестьянству трезвому и развитому. Намъ случалось встрѣчать въ крестьянской избѣ десятки книгъ для чтенія, и между ними даже и журналы, выписываемые болѣе состоятельными хозяевами.

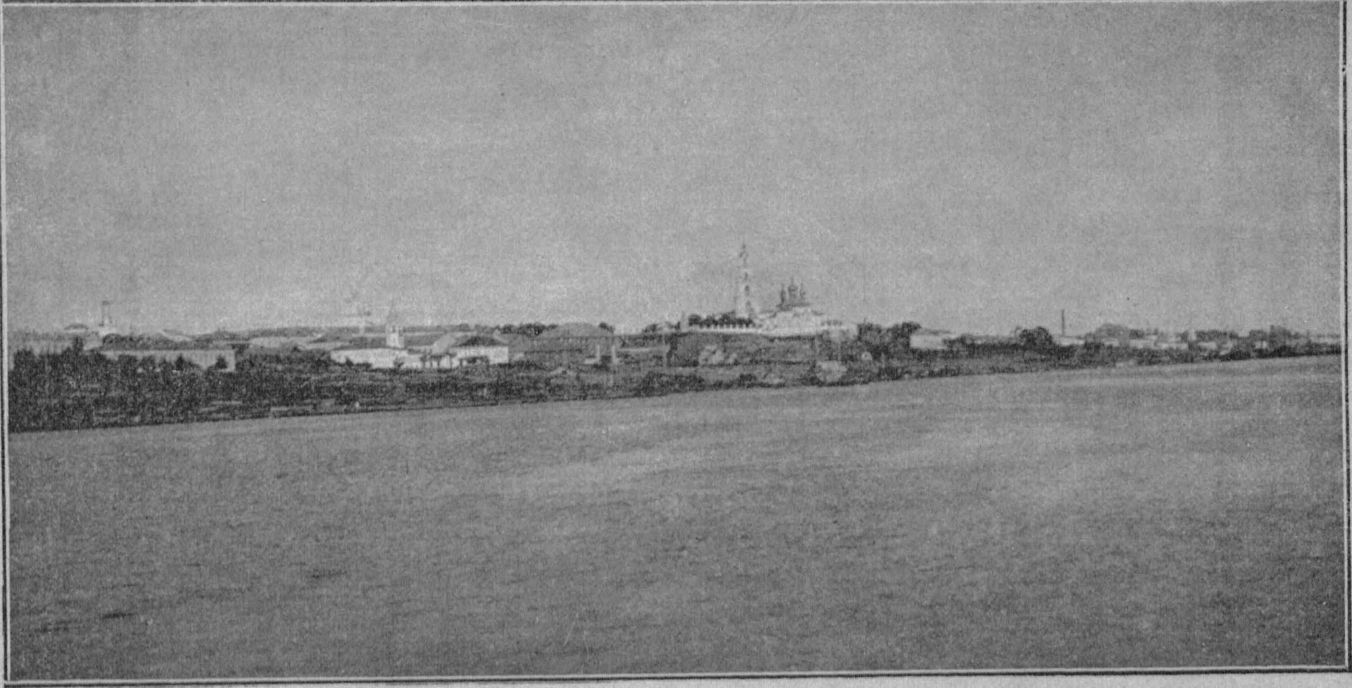
Относительно самого производства можно сказать, что оно требуетъ много труда, рукъ и заботы, такъ что привлекаетъ сюда до 2,800 человѣкъ пришлаго народа въ помощь обывателямъ и, несмотря на довольно высокую поденную плату на хозяйскихъ харчахъ, оно даетъ населенію десятки тысячъ чистаго дохода, доходящаго въ Мисковской волости до солид-

Общій видъ г. Костромы съ Волги.

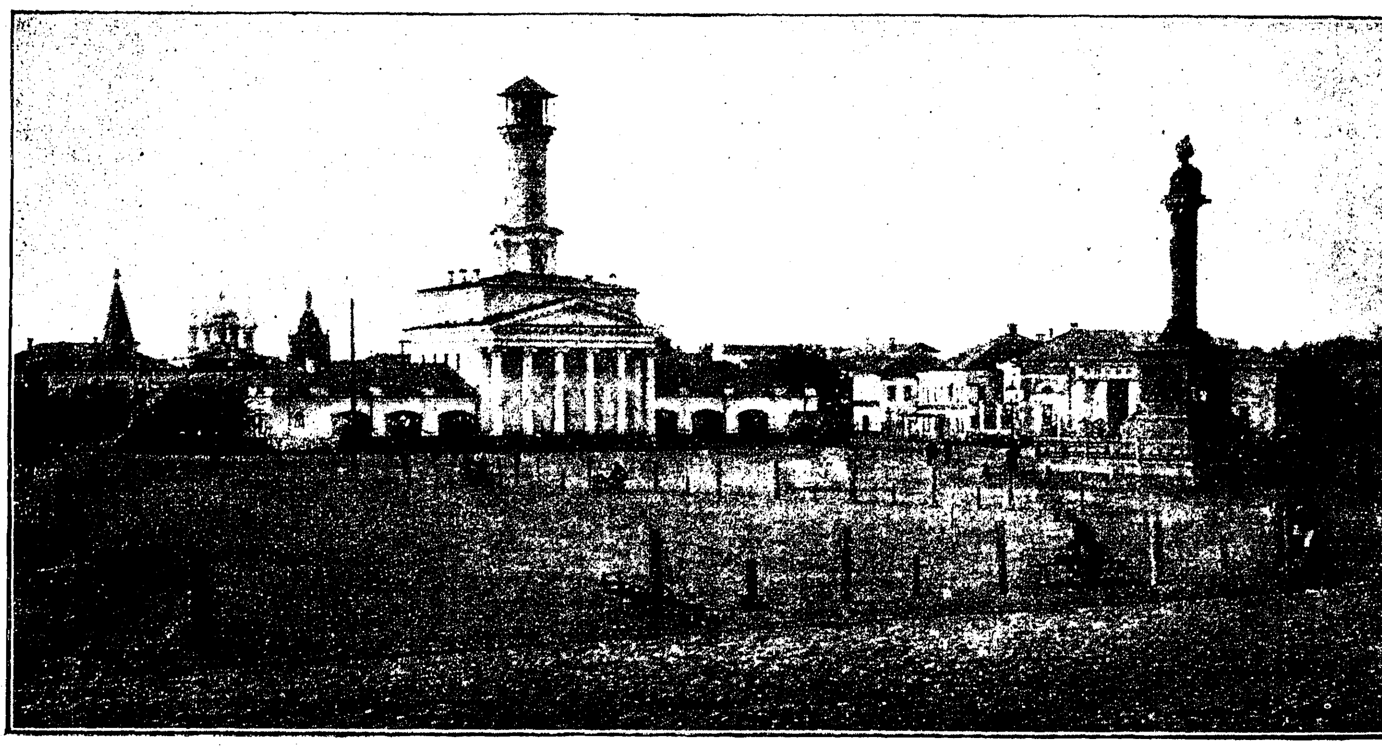
ной цифры 80,000 рублей. Хмелеводство, требующее усиленнаго удобренія земли, заставляетъ жителей держать большое количество скота, который при лугахъ не составляетъ для нихъ никакого бремени, и даетъ, кромѣ удобренія, молочную пищу. Села Мисково и Жарки представляютъ по своей производительности главные пункты хмелеводства и отличаются наибольшимъ благосостояніемъ и богатствомъ.

До шестидесятыхъ годовъ хмелеводство велось и въ сосѣдней съ Мисковской волостью, въ Шунгенской, но страшная дешевизна хмеля въ 1863 и 1864 годахъ подорвала это производство, которое замѣнилось разведеніемъ картофеля въ большихъ размѣрахъ, а также огурцовъ и капусты. Прежніе хмельники по своей тучности представляютъ отличную почву для двухъ послѣднихъ видовъ земледѣльческой культуры. Хотя растенія эти не такъ выгодны, какъ хмель, но за то они и не требуютъ столько трудовъ, ухода и времени, сколько необходимо для перваго. Кромѣ того, близость Костромы, немилосердно истребляющей эти растенія, всегда позволяетъ имѣть вѣрный, скорый и выгодный сбытъ, такъ какъ крестьянинъ, при первой необходимости въ деньгахъ, спокойно наваливаетъ возъ картофеля, котораго у него вдоволь въ запасѣ, и везетъ на продажу.

Общій видъ г. Костромы съ Волги.

Наконецъ, нельзя не упомянуть о ручномъ ткачествѣ, практикуемомъ въ Шунгенской волости. Почти во всѣхъ деревняхъ и селахъ ея недавно существовали ткацкія свѣтелки, число которыхъ превышало 125; станковъ же въ нихъ было болѣе 1,200. Внѣшній видъ этихъ свѣтелокъ представлялъ собою квадратную деревянную постройку съ тесовой крышей въ 4 или 2 ската, аршинъ по 17 въ длину и ширину; съ трехъ сторонъ ея прорублены аршинныя окна, а съ четвертой—низкая дверь. Число оконъ соотвѣтствовало по большей части числу работающихъ въ свѣтелкѣ станковъ и доходило до 20. Внутренняя обстановка не особенно приглядна. Вдоль почернѣвшихъ стѣнъ, около оконъ, располагались станки. Грязный полъ обыкновенно устланъ соломой, а по срединѣ свѣтелки—небольшая кирпичная печка. Подобныя свѣтелки принадлежатъ или мѣстнымъ крестьянамъ, или постороннимъ владѣльцамъ. Были, впрочемъ, и свѣтелки, напоминающія небольшія фабрики или зачатки ихъ. Вообще-же нужно замѣтить, что указанныя свѣтелки оставались въ силѣ только въ названной части губерніи, въ прочихъ же мѣстахъ онѣ совсѣмъ опустѣли.

Сусанинская площадь въ Костромѣ.

Вообще же ручное ткачество, такъ сильно развитое въ прежнее время, годъ отъ году падаетъ, вслѣдствіе сильно развивающейся въ краѣ мануфактурной дѣятельности, непосильная конкуренція съ которой убиваетъ наповалъ кустарей, которые болѣе и болѣе покидаютъ ручные станки и идутъ въ работники на ткацкія фабрики.

Изъ девяти губернскихъ городовъ, расположенныхъ по теченію Волги, Кострома занимаетъ послѣднее мѣсто, какъ по величинѣ и красотѣ, такъ и по своей производительности. Народная пословица: «Костромушка-Кострома—вольная сторона» называетъ Кострому вольной, а народныя пѣсни прибавляютъ къ ней эпитетъ «привольной». Повидимому, эту «вольность» нужно отнести ко временамъ болѣе раннимъ, ко временамъ татарщины, а пожалуй даже и «ушкуйниковъ». Во времена татарскаго ига, напримѣръ, Кострома не разъ служила убѣжищемъ не только для простого народа, но и для великихъ князей Московской Руси: Димитрія Донского, Василія Димитріевича (сына Донского) и Василія Темнаго. Эти бѣгства князей и укрывательство ихъ въ Костромѣ указываютъ на то, что городъ этотъ былъ надежнымъ оплотомъ въ древней Руси и, конечно, не потому, чтобы онъ былъ хорошо защищенъ искусствомъ, а

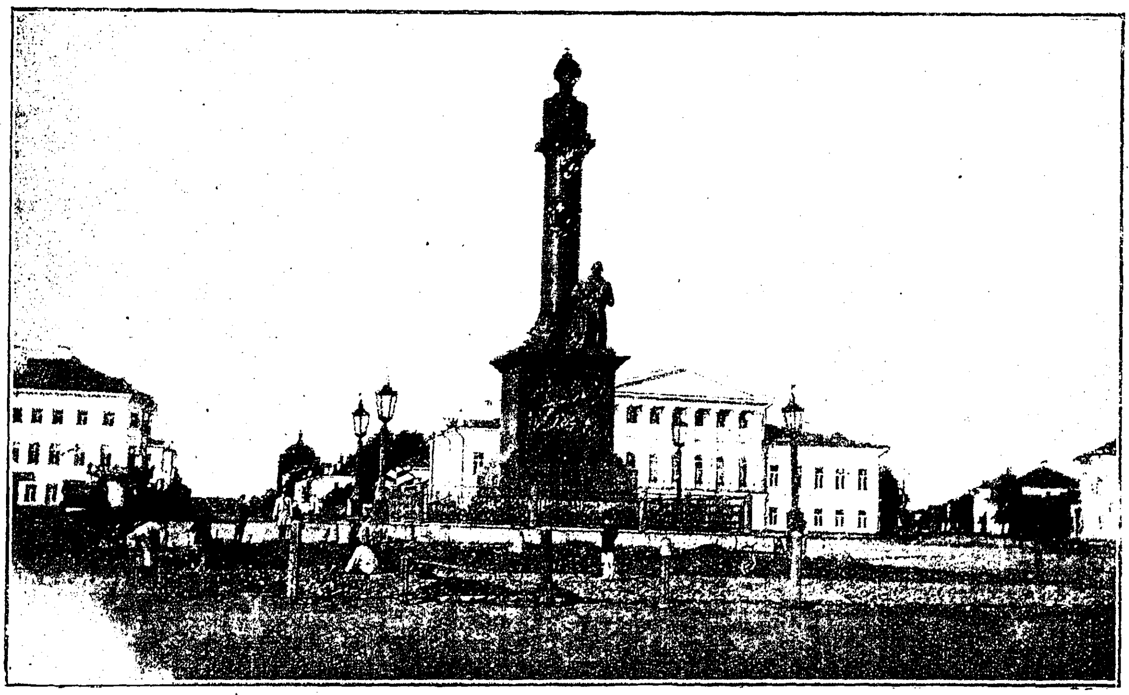

Сусанинская площадь въ Костромѣ.

потому, что громадная Волга и сплошные дремучіе лѣса, окружавшіе его со всѣхъ сторонъ, давали болѣе гарантіи къ самосохраненію, чѣмъ искусственныя сооруженія, а дороги, ведущія этими дремучими лѣсами въ мѣста еще болѣе глухія и безопасныя, усиливали значеніе Костромы, какъ спасательнаго пункта. За князьями же бѣжалъ и народъ, который избавлялся здѣсь какъ отъ нашествія татаръ и разоренія, такъ и отъ своевольства княжескихъ вельможъ, ибо татарскія полчища никогда не достигали Костромы (за исключеніемъ казанскихъ татаръ). Жители же ея и округи, до самаго опустошенія казанскими татарами, не были знакомы съ этимъ бѣдствіемъ. Отсутствіе князей и ихъ двора еще болѣе способствовало спокойному житью, которое такъ рѣдко было въ то время, и позволило назвать Кострому *вольной стороною*.

Но нельзя отрицать и того обстоятельства, что «вольность» за Костромой укрѣпилась еще ранѣе. Народныя преданія говорятъ, что Кострома основана новгородскою вольницею, какъ и многіе другіе города и жилыя мѣста и селенія на бассейнѣ Волги.

Губернскій городъ Кострома лежитъ на лѣвомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее рѣки

Памятникъ Сусанину.

Костромы. Берегъ этотъ низкій, луговой, послѣ впаденія рѣки Костромы, вдругъ переходитъ въ гористый и образуетъ довольно значительные холмы. На холмахъ-то этихъ и расположенъ самый городъ. Лучшій видъ на него—съ холмовъ противоположнаго волжскаго берега. Широкая Волга, унизанная всевозможными судами съ цѣлою рощею мачтъ, украшенныхъ флагами, полный движенія и дѣятельности берегъ, сплошь заваленный лѣсомъ, дровами, строющимися барками и пароходами, наконецъ, самый городъ, спускающійся къ берегу террасами, со множествомъ церквей и зданій, обросшихъ густою зеленью садовъ, рѣчка Кострома и слѣва безпредѣльная луговая сторона съ Ипатіевскимъ монастыремъ, а справа—громадная, живописно расположенная по холмамъ «Татарская» деревня съ столѣтнимъ сосновымъ боромъ,—все это представляетъ довольно красивый видъ. Но вообще Кострома не отличается видами, мѣстоположеніемъ и своими архитектурными постройками. Только въ послѣднее время городъ началъ обстраиваться и охорашиваться, что находится въ связи съ увеличеніемъ его производительности и промышленности.

Обратившись къ плану города, замѣтимъ, что онъ отличается большою простотою и удобствомъ, представляя почти круговую площадь, отъ центра которой радіусами расходятся глав-

Памятникъ Сусанину.

ныя улицы. Въ самомъ центрѣ города, на громадной, усыпанной мелкимъ гравіемъ, площади, стоитъ памятникъ родоначальнику дома Романовыхъ Михаилу Ѳеодоровичу и крестьянину Ивану Сусанину, вслѣдствіе чего площадь эта называется Сусанинской. Памятникъ состоитъ изъ четырехугольнаго гранитнаго пьедестала и возвышающейся на немъ гранитной колонны съ бронзовымъ бюстомъ царя Михаила Ѳеодоровича на самой вершинѣ. Съ лѣвой стороны, у подножія колонны помѣщена бронзовая статуя молящагося Сусанина, а съ правой изображена его родословная и двѣ хартіи, или грамоты, данныя его роду за его заслуги. Въ барельефѣ на лицевой сторонѣ пьедестала изображена мученическая смерть Сусанина въ дремучемъ лѣсу; на половинѣ колонны находится гербъ губерніи, а подъ самымъ бюстомъ гербъ Россіи. На задней сторонѣ пьедестала надпись: «Ивану Сусанину, за Царя, Спасителя Вѣры и царства, животъ свой положившему. Благодарное потомство». На двухъ же боковыхъ сторонахъ пьедестала годы: 1613 г. и 1851; первый — годъ избранія на царство Михаила Ѳеодоровича и подвигъ Ивана Сусанина; послѣдній—годъ открытія памятника. Памятникъ обнесенъ чугунною

Видъ собора съ Волги.

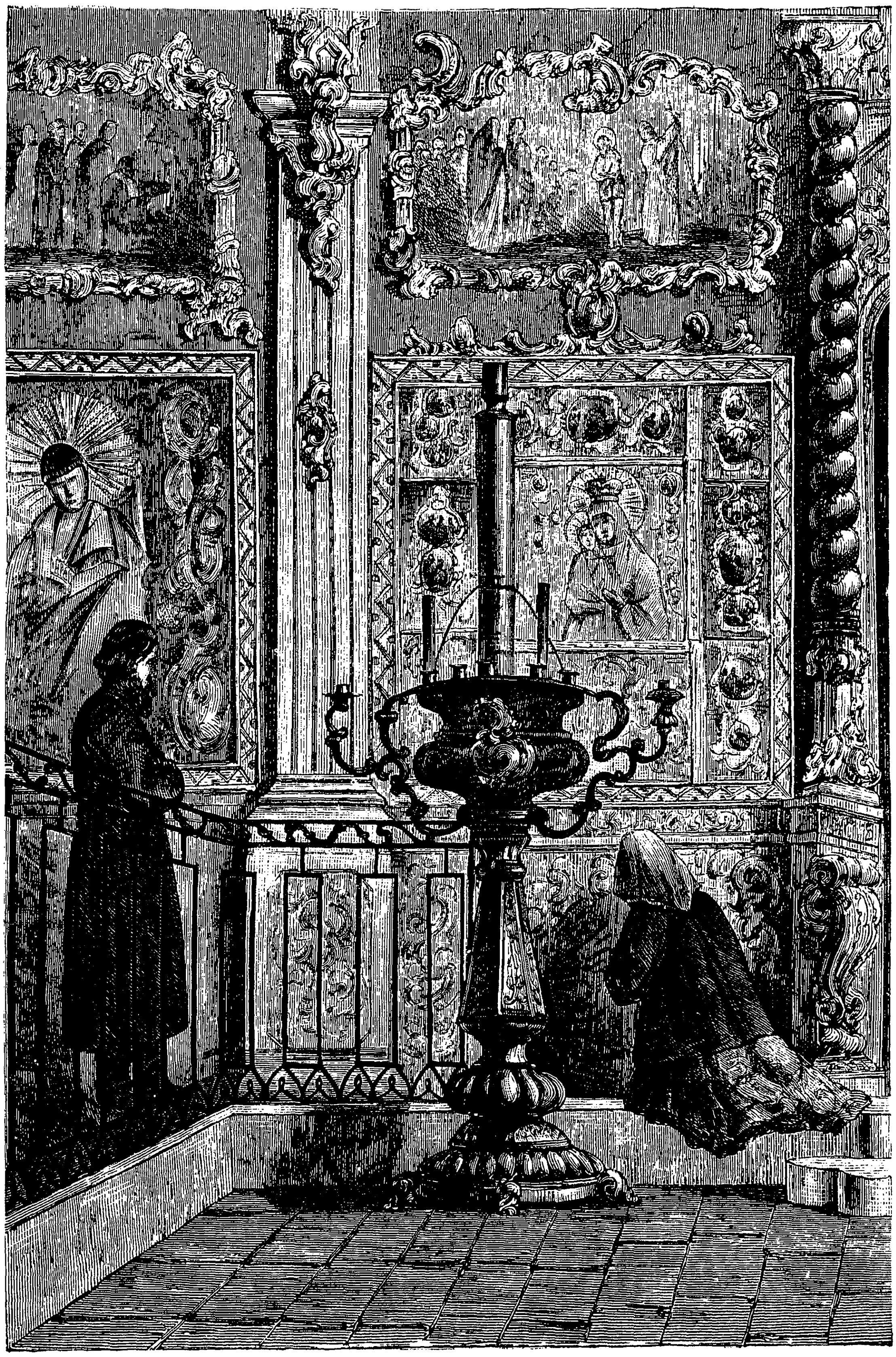
рѣшеткою. Съ художественной стороны выполненіе не оставляетъ желать лучшаго. Въ дѣтскихъ глазахъ юноши-Царя просвѣчиваетъ что-то доброе, радужное, а высокій, сухощавый Сусанинъ представляетъ собою безграничную преданность и полнѣйшее самозабвеніе. Мысль о сооруженіи этого памятника принадлежитъ костромскому дворянству, которое, во время пріѣзда въ Кострому Императора Николая I-го, просило Его объ осуществленіи ихъ завѣтной мечты — увѣковѣчить въ потомствѣ воцареніе династіи Романовыхъ и подвигъ Сусанина. Государь изъявилъ свое согласіе.

Сусанинская площадь ограждена съ двухъ сторонъ большими корпусами торговыхъ лавокъ: слѣва—гостинымъ, справа—хлѣбнымъ дворомъ, а съ третьей—разными губернскими присутственными мѣстами; четвертая-же сторона совершенно открыта и выходитъ на такъ-называемую «Молочную гору» — спускъ къ Волгѣ. Изъ общественныхъ зданій въ самомъ городѣ заслуживаютъ вниманія только нѣкоторыя церковныя, и между ними въ архитектурномъ смыслѣ первое мѣсто принадлежитъ церкви Воскресенія Христова, — сколку съ Василія Блаженнаго. Единственный недостатокъ — это неудобное мѣстоположеніе ея, такъ какъ она находится въ большой ямѣ, между двумя холмами, и окружена многочисленными частными постройками, тѣсно

Видъ собора съ Волги.

примыкающими къ ней. Снаружи вся церковь разрисована разноцвѣтными красками, а внутри живописью.

Икона Ѳеодоровской Божіей Матери.

Каѳедральный соборъ отличается своею массивностью, и только одна колокольня претендуетъ на художественность. Золоченыя главы, часы, громадные колокола указываютъ на богатство церкви, внутри-же весь храмъ, тысячъ на 6 человѣкъ, выложенъ мраморомъ и укра-

Икона Θеодоровской Божіей Матери.

шенъ золотомъ и серебромъ. Богатство церкви неразрывно связано съ находящейся въ ней чудотворной иконой Ѳеодоровской Божіей Матери, мѣстной святыней, почти единственной почитаемой всѣмъ населеніемъ, которое тысячами стекается на поклоненіе въ дни ея празднованія. Изъ городскихъ монастырей стоитъ упомянуть о Богоявленскомъ. Монастырь этотъ былъ прежде мужскимъ, но послѣ опустошительныхъ пожаровъ 1847 г., уничтожившихъ бо̀льшую и лучшую часть города, отъ него остались только однѣ обгорѣлыя стѣны; но въ 60-хъ годахъ онъ былъ реставрированъ и обращенъ въ женскій. Въ настоящее время отдѣланъ изящно и богато, во вкусѣ церквей древней Руси.

Въ срединѣ города разбитъ скверъ—мѣсто вечернихъ прогулокъ горожанъ; на одной же изъ улицъ, примыкающей къ Волгѣ, на возвышенномъ мѣстѣ, устроенъ террасовидный бульваръ, откуда можно любоваться Волгою, на протяженіе 20 верстъ, совершенно невооруженнымъ глазомъ.

Обыденная физіономія города только лѣтомъ въ двѣ-три недѣли значительно измѣняется.

Главная улица г. Костромы.

Обычныя въ эти недѣли народныя гулянья, крестные ходы и наступившая ярмарка привлекаютъ въ городъ тысячи народа изъ окрестныхъ селъ и деревень. Передъ началомъ Петрова поста всегда бываетъ три народныхъ гулянья, самыя названія которыхъ (напр. Яриловка — гулянье въ честь языческаго бога солнца, Ярила), достаточно свидѣтельствуютъ о незапамятныхъ языческихъ временахъ, откуда они ведутъ свое существованіе. Гулянья эти, устраиваемыя обыкновенно среди полей, на окраинахъ города, съ каждымъ годомъ утрачиваютъ свое значеніе.

Гораздо болѣе привлекаютъ въ городъ деревенскій людъ крестные ходы, установленные въ память избавленія Костромы отъ моровой язвы, свирѣпствовавшей въ 1655 году. Народъ тысячами сбирается по этому случаю изъ ближнихъ и дальнихъ деревень и идетъ въ городъ не съ пустыми руками: ближніе несутъ сырые продукты своего хозяйства, дальніе—издѣлія ручного тканья: полотенца, салфетки, платки, полотна и новины, кружева и т. д. Послѣ совершенія крестнаго хода, а часто и до него, все это распродается, и на вырученныя деньги народъ веселится. Сады, улицы, площади — все бываетъ занято гуляющимъ людомъ и оглашается звонкими пѣснями. Городъ превращается въ праздничную деревню. Совпадающая съ

Главная улица г. Костромы.

крестными ходами, мѣстная ярмарка еще болѣе способствуетъ привлеченію крестьянскаго люда, котораго почти и не видать цѣлое лѣто, вплоть до осени, т.-е. до окончанія полевыхъ работъ (около Покрова), послѣ чего опять тысячи народа съѣзжаются въ городъ на такъ-называемые «обжорные» или «пьяные» базары, цѣлыми семьями, отъ мала-до-велика, «обмывать серпы», «хоронить серпы», т.-е. въ волюшку погулять послѣ лѣтнихъ трудовъ, вдоволь попить и до отвалу поѣсть жареной баранины, которую кучами приготовляютъ въ виду такого спроса городскіе трактирщики. Въ былыя и недавнія еще времена окрестное крестьянство посѣщало городъ и зимою, устраивая здѣсь своеобразныя катанья; но теперь обычай этотъ вывелся. Только въ среду на масляной всякій домовитый хозяинъ считаетъ почему-то своею обязанностью побывать въ городѣ и начать тамъ справлять широкую масляницу, опять-таки, конечно, въ формѣ питія и ѣды Народу въ этотъ день бываетъ столько, что всякаго рода блюстители порядка откладываютъ исполненіе своихъ обязанностей на будущее время, а потому и простору больше. Въ среду-же на масляной пріѣзжаютъ въ городъ изъ деревень всѣ «мо-

Успенскій соборъ въ г. Костромѣ.

лодые», т.-е. поженившіеся въ эту зиму, и утромъ на одной изъ базарныхъ площадей выстраиваются въ кругъ, называемый «столбомъ». Хотя этотъ обычай «показываться» уже и начинаетъ мало-по-малу выходить изъ моды, тѣмъ не менѣе еще не одна сотня новобрачныхъ является къ «столбу» на людей посмотрѣть и себя показать всѣмъ своимъ родственникамъ, знакомымъ и всему гуляющему люду и такимъ образомъ всенародно объявить о состоявшемся бракѣ.

Стояніе у «столба» продолжается часовъ около 2-хъ въ безмолвной тишинѣ со стороны «показывающихся» и въ пересудахъ со стороны смотрящихъ и разбирающихъ все по ниточкѣ родственниковъ, знакомыхъ и досужихъ людей. Отстоявшіе свое время новобрачные расходятся по трактирамъ гулять и обѣдать. Обычай этотъ исполняется не у однихъ только русскихъ, но и у татаръ, по крайней мѣрѣ въ нашей мѣстности. Такъ, напр., тутъ же, на площади, только въ другомъ мѣстѣ, совершенно отдѣльно, устраивается татарскій «столбъ», который уступаетъ русскому въ многочисленности, но превосходитъ его богатствомъ, роскошью, отсутствіями пестроты и обвѣшиванія. «Столбы» прекращаются къ полдню, т.-е. къ такому

Успенскій соборъ въ г. Костромѣ.

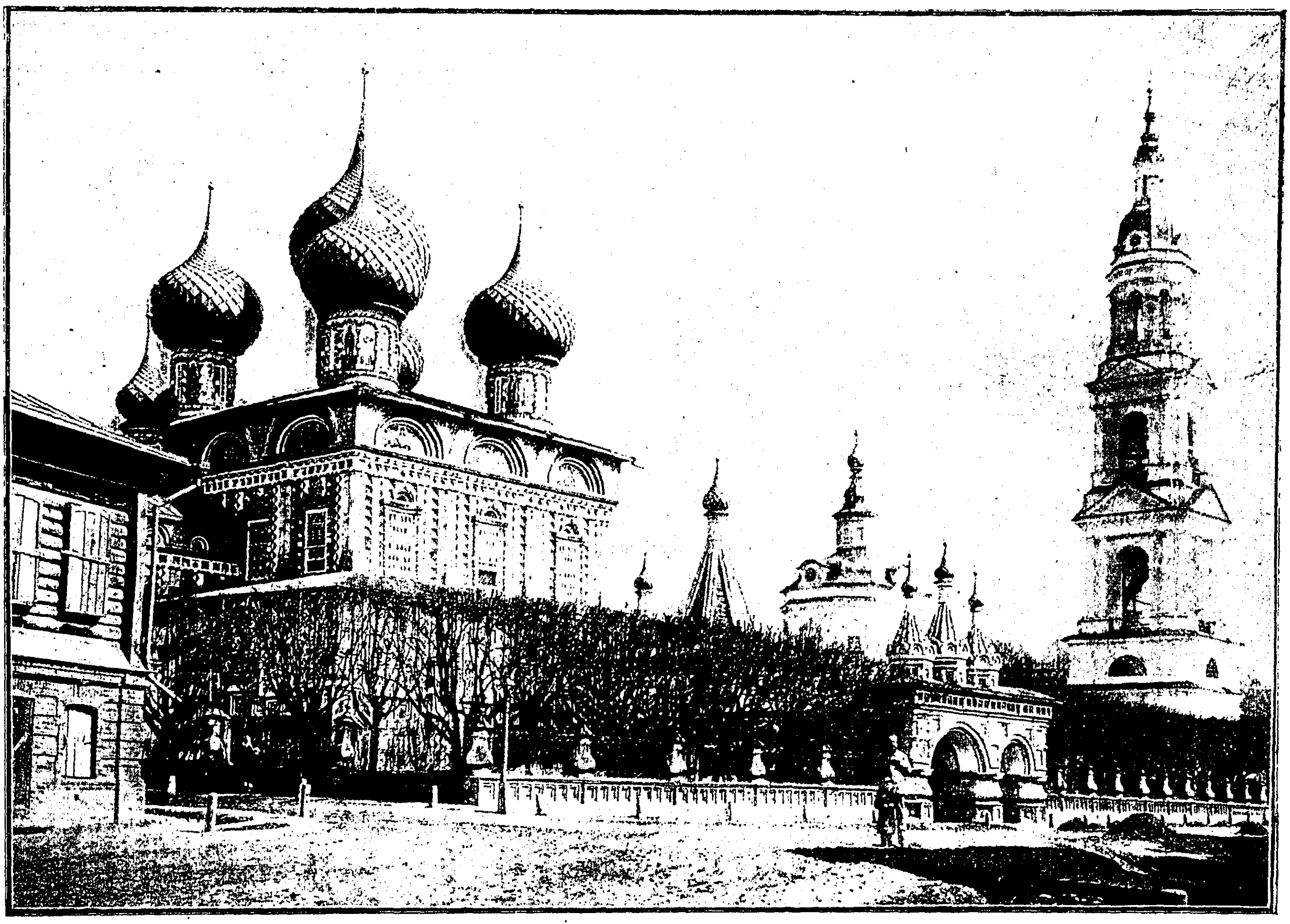
часу, съ котораго Кострома въ этотъ день превращается въ шумный, гогочущій, пьяный городъ до глубокой ночи, когда пріѣзжіе гости, накупивши сластей, отправляются шумными поѣздами во свояси. Подобные наѣзды крестьянъ придаютъ Костромѣ время отъ времени нѣсколько иную физіономію въ сравненіи съ другими городами, въ обычную же пору она нисколько не отличается отъ любого губернскаго города.

За послѣднія 20-ть лѣтъ населеніе ея возрастаетъ, что зависитъ отъ развитія ея торговли и промышленности. Важнѣйшими предметами торговли служатъ: ленъ, хлѣбъ, лѣсъ, кожевенные и колоніальные товары. Первое мѣсто между ними нужно отдать льну. Льняные базары начинаются съ Покрова дня и идутъ вплоть до Пасхи. Выше было уже сказано, что Кострома лежитъ въ мѣстности усиленнаго льноводства, которое, начинаясь вслѣдъ за «картофельниками» на правомъ берегу Волги, идетъ до Костромы, гдѣ перебирается на другую сторону и, углубляясь верстъ на сорокъ во внутрь губерніи, тянется затѣмъ по обѣимъ берегамъ, почти не прерываясь, до самой Нижегородской губерніи, мѣстами сильно ослабѣвая и какъ бы исчезая, мѣстами же снова показываясь и заявляя о своемъ существованіи на базарахъ какого-нибудь торговаго села, посада или заштатнаго городишка.

Одностороннее направленіе льноводства убиваетъ хлѣбопашество и при отсутствіи сѣнокосовъ ведетъ къ уничтоженію скотоводства, а слѣдовательно и къ перерожденію почвы, которая послѣ истощенія не будетъ годна ни для льноводства, ни для хлѣбопашества, ни даже для огородничества. Вслѣдствіе же усиленнаго разведенія льна, хлѣбопашество въ мѣстности около Костромы находится въ крайне незавидномъ положеніи, почему населеніе принуждено питаться привознымъ хлѣбомъ изъ низовыхъ губерній, и Кострома является главнымъ центромъ торговли хлѣбомъ во всѣхъ его видахъ. Количество привозимаго хлѣба выражается въ милліонахъ пудовъ. Торговлею занимаются мѣстные купцы, которые на своихъ пароходахъ и баркахъ привозятъ купленный на-низу хлѣбъ. Конкуррентовъ со стороны почти не бываетъ, а потому и цѣны устанавливаются произвольныя, по общему соглашенію мѣстныхъ хлѣбныхъ тузовъ, и, конечно, не легко отзываются на потребителяхъ, поневолѣ мирящихся съ притѣсненіями въ пріобрѣтеніи хлѣба и топлива. Лѣсная торговля также сосредоточена въ очень немногихъ рукахъ мѣстныхъ лѣсопромышленниковъ, сплавляющихъ лѣсъ или изъ собственныхъ дачъ, или изъ купленныхъ, лажащихъ по бассейну рѣки Костромы въ сѣверозападныхъ уѣздахъ губерніи. Съ уничтоженіемъ лѣсовъ лѣсная торговля сильно сокращается, лѣсъ-же, какъ строевой, такъ и прочій, почти цѣликомъ остается въ самой Костромѣ и стоитъ въ очень высокой цѣнѣ, тѣмъ болѣе, что кромѣ сплавного, никакого другого достать почти нельзя, кромѣ дровяного, да и того въ послѣднее время, со введеніемъ болѣе строгого контроля въ мѣстныхъ казенныхъ и частныхъ дачахъ, на рынкѣ стало появляться немного, своего-же у крестьянъ не имѣется.

Еще въ XVI и XVII столѣтіяхъ костромская сторона отличалась въ мануфактурномъ отношеніи, и бо́льшая часть отпуска заграницу полотняныхъ издѣлій, парусины и холста принадлежала ей, а въ половинѣ прошлаго столѣтія костромскія полотняныя ручныя фабрики и кожевенные заводы были извѣстны не только всей Россіи, какъ лучшіе, но и заграницей, гдѣ (напримѣръ, въ Англіи) представители костромской промышленности этого рода были настолько популярны, что достаточно было одной именной подписи ихъ, и любая лондонская контора открывала какой угодно кредитъ. Но ручная фабрикація полотняныхъ издѣлій въ началѣ нынѣшняго столѣтія, со введеніемъ въ Англіи машиннаго производства, по невозможности конкуррировать съ послѣдними, настолько упала, что громадныя фабрики принуждены были постепенно сокращать свое производство, а съ появленіемъ въ Россіи машинъ совершено закрыться. Ручное-же ткачество, такъ хорошо привившееся къ населенію и въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій поддерживаемое имъ, оставивъ Кострому, разбрелось по деревнямъ и селамъ и изъ фабричнаго обратилось въ кустарное. Этому паденію много способство-

вала и другая причина—появленіе хлопка и бумаготкацкой промышленности, быстро развившейся во всѣхъ приволжскихъ уѣздахъ губерніи, вслѣдствіе дешевизны своихъ издѣлій, уменьшило спросъ на льняныя. Убитая почти наповалъ фабрикація полотняныхъ издѣлій вскорѣ замѣнилась фабричнымъ приготовленіемъ льняной пряжи, введеніемъ чего Кострома, какъ и многіе другіе фабричные центры губерніи—Нерехта, Орьевецъ, обязана извѣстному въ свое время фабриканту полотенъ изъ ручной пряжи купцу Брюханову. Онъ въ компаніи съ Зотовымъ въ 1854 году пустилъ въ ходъ устроенную имъ въ Костромѣ первую льнопрядильную фабрику въ 1,600 веретенъ. Успѣхъ фабрики послѣ перваго же года былъ довольно значителенъ, привлекъ новаго компаньона Михина и увеличилъ производство до 3,000 веретенъ. Дѣла компаніи пошли такъ хорошо, что Зотовъ бросилъ товарищество и основалъ новую фаб-

Церковь Воскресенье въ г. Костромѣ.

рику на 6,000 веретенъ. Немного спустя появилась и третья фабрика Кашина. Все это произошло менѣе, чѣмъ въ десять лѣтъ. Дѣло это замѣчательно упрочилось. Фабрика, напримѣръ, Зотовыхъ заняла почти первое мѣсто въ ряду такого же рода фабрикъ въ Россіи; остальныя немного уступаютъ ей. Что касается достоинства приготовляемой на кустарныхъ фабрикахъ пряжи, то она нисколько не уступала заграничной.

Кромѣ льнопрядильныхъ фабрикъ, въ Костромѣ существуетъ чугунно-литейный заводъ. Причиною возникновенія его—введеніе на ситцевыхъ фабрикахъ Московской и Владимірской губерніи машиннаго приготовленія ситцевъ и матерій и уничтоженіе ручного печатанія ихъ. Машинное производство вмѣсто набивныхъ печатныхъ досокъ—«манеровъ», потребовало мѣдныхъ цилиндровъ-валовъ со всевозможнаго рода узорами. Валы эти доставлялись въ Россію изъ Англіи по дорогимъ цѣнамъ. Это именно и побудило владѣльца завода Шипова дѣлать

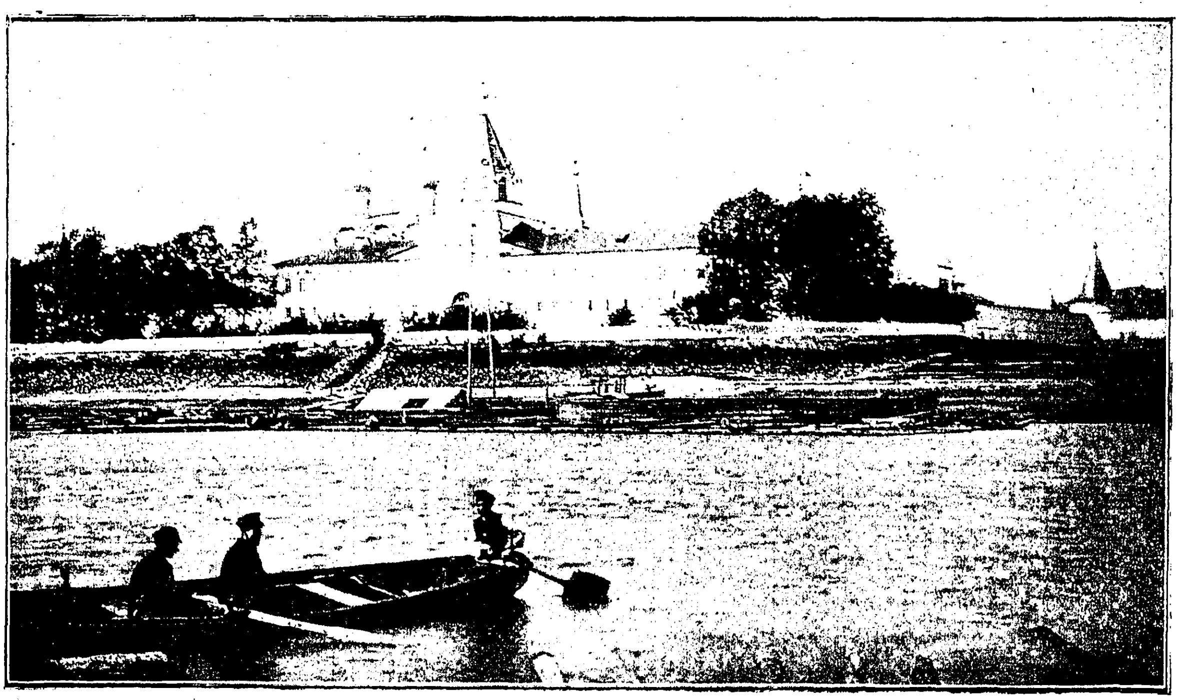
Церковь Воскресенье въ г. Костромѣ.

Желтиковъ монастырь въ Твери.

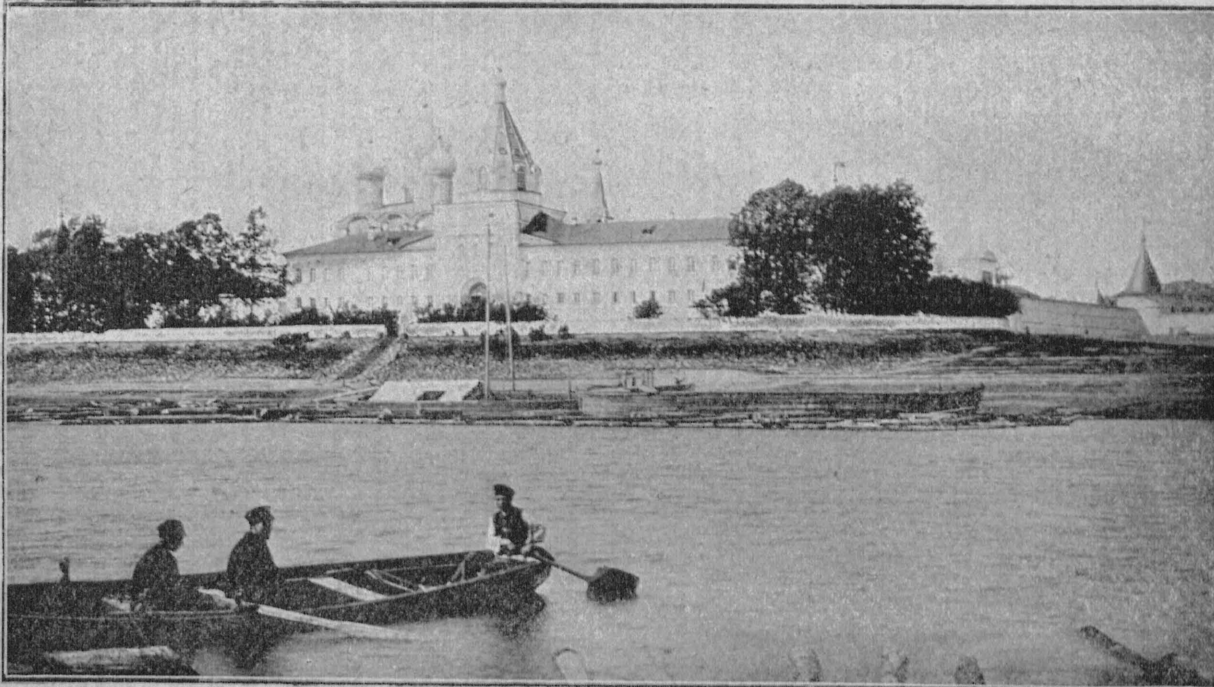
мѣдные валы въ Костромѣ. Вскорѣ-же начались заказы не только на отливку мѣдныхъ валовъ, но и на разнаго рода чугунныя издѣлія, что вызвало прибавку къ мѣдно-литейной кузницѣ чугунно-литейной, а потомъ заводъ началъ мало-по-малу приготовлять всякаго рода машины, до устройства пароходовъ включительно. Это былъ чуть ли не единственный заводъ, котораго не коснулась рука иностранца, несмотря на его громадность и сложность. Заводъ шелъ съ блестящимъ успѣхомъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, пока находился въ рукахъ русскихъ директоровъ, и опустился только въ послѣднее время при управленіи иностранцами, замѣнившими русскихъ. Организація завода и производство работъ, установленныя русскими спеціалистами, не оставляютъ желать ничего лучшаго и несмотря на то, что заказы разбиваются на мелкія части и производятся въ разныхъ отдѣленіяхъ зявода, многихъ приводила въ удивленіе точность, съ которою складывалась цѣлая машина изъ частей.

Изъ окрестностей Костромы укажемъ на Ипатьевскій монастырь, который лежитъ въ углу, образованномъ сліяніемъ рр. Волги и Костромы. Мѣстоположеніе его чрезвычайно красиво,

Видъ на Ипатьевскій монастырь съ р. Костромы.

особенно съ холмовъ противоположнаго Волжскаго берега, во время весенняго разлива, когда, какъ мы упоминали выше, рр. Волга и Кострома выходятъ изъ береговъ и затопляютъ пойму, на которой стоитъ монастырь, на безконечное пространство. Тогда весь монастырь буквально окруженъ водою, изъ которой словно выросли его бѣлые стѣны съ возвышающимися надъ ними гигантскими зелеными макушками кедровъ, дубовъ и липъ, и еще выше — съ остроконечными башнями, главами и колокольнями, сіяющими крышами и золочеными крестами. Основателемъ монастыря и по народному преданію, и по историческимъ свѣдѣніямъ былъ родоначальникъ дома Годуновыхъ, татарскій мурза Четъ, жившій сначала въ Ордѣ и принявшій еще тамъ св. крещеніе отъ митрополита Петра. Будучи человѣкомъ благочестивымъ и тихимъ, онъ оставилъ свое отечество, въ которомъ постоянно происходили мятежи и велись интриги между знатными татарскими вельможами, и поселился въ Россіи. Ища себѣ болѣе удобнаго мѣста для жительства, онъ былъ застигнутъ жестокою бурею и чуть не поплатился жизнію, со всѣмъ своимъ караваномъ. Какъ говоритъ преданіе, Царица Небесная съ младенцемъ Іисусомъ и съ апостоломъ Филиппомъ и св. Ипатіемъ явились вельможѣ, по молитвѣ котораго появившаяся буря утихла. Явленіе и спасеніе такъ подѣйствовали на Чета, что онъ немедленно

Видъ на Ипатьевскій монастырь съ р. Костромы.

рѣшился остановиться здѣсь и устроить на томъ мѣстѣ, надъ которымъ явились святые, обитель во имя Животворящей Троицы съ предѣлами св. Ипатія, ап. Филиппа и во имя Рождества Христова, что̀ въ точности и исполнилъ. Потомки его, Годуновы, много способствовали обогащенію монастыря и самые дорогіе и рѣдкіе вклады жертвовались ими.

Въ исторіи монастырь, какъ мы знаемъ уже, игралъ роль убѣжища великихъ князей и царей въ трудныя годины, въ томъ числѣ и Михаила Ѳеодоровича, дворецъ котораго въ оградѣ Ипатіевскаго монастыря служитъ и теперь памятникомъ давно минувшихъ лѣтъ. Это — небольшой каменный двухъ-этажный домикъ, съ крашеною въ четыре ската крышею, съ очень малыми окнами, защищенными желѣзными рѣшетками. Верхній этажъ занимали покои инокини Марѳы Іоанновны и Михаила Ѳеодоровича, нижній — раздѣлялся на кухню, людскую и столовую. Весь верхній этажъ разбитъ на нѣсколько очень узкихъ, во всю ширину дома, комнатъ, въ большинствѣ которыхъ освѣщеніе получилось отъ одного небольшого оконца. Всѣ эти комнатки выкрашены по потолку и стѣнамъ разными масляными красками, и почти въ каждой имѣется голландская печь изъ прекраснаго бѣлаго изразца, испещреннаго разнаго рода рисунками синяго цвѣта, съ металлическими душниками и запорами. Комнатная мебель, конечно, стариннаго стиля. Столы, кресла, стулья и табуреты обиты или парчей, или кожей съ тиснеными золочеными и серебряными узорами, почернѣвшими отъ времени.

Соборъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Костромская губернія ежегодно отпускаетъ болѣе 100,000 здоровыхъ работниковъ, и цѣлые уѣзды ея, особенно сѣверо-западные, почти сплошь заселены семьями отхожихъ промышленниковъ, только по зимамъ, да и то не всегда, живущихъ дома, а въ прочее время года расхаживающихъ по всей матушкѣ-Руси изъ конца въ конецъ. Отхожіе промыслы, или просто «отходъ», въ Костромской губерніи практикуются издавна. Возникновеніе ихъ вызвано невозможностью удовлетворительно вести хозяйство и содержать семью, не говоря ужь о сбереженіи. Еще во времена крѣпостничества практиковались эти промыслы въ широкихъ размѣрахъ, несмотря на то, что промышленникамъ приходилось платить большой оброкъ, значительно превышающій плату осѣдлаго крестьянина, иногда даже около половины всего заработка; но даже и такія тяжелыя условія не останавливали промышленниковъ. Въ настоящее время отходъ, постепенно возрастая, сталъ распространяться на отдаленные края, преимущественно на Малороссію, Крымъ, Кавказъ и Сибирь, а также—на сѣверъ: Петербургъ и Финляндію. Отправляются промышленники или артелями человѣкъ отъ 10 до 40, или въ одиночку. Послѣдній видъ промысла выгоднѣе перваго, такъ какъ артели приходится работать не на заказчика, а

Соборъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

на подрядчика; отдѣльный-же промышленникъ, если онъ «путящій», всегда выручитъ больше артельнаго.

«Отходовъ» въ году бываетъ нѣсколько, а именно: осенью, весною и въ началѣ лѣта. Главный «отходъ»—это осенній, когда крестьяне тысячами покидаютъ свои семьи и идутъ на зиму и на весну въ дальнія мѣста, преимущественно пѣшкомъ. Отходъ начинается съ Покрова дня и продолжается обыкновенно до Петрова дня, къ которому стараются попасть домой, чтобы помочь въ тяжелыхъ полевыхъ работахъ «бабамъ», заправляющимъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ хозяйствами не хуже мужчинъ. Часто уходятъ и на весь годъ и на цѣлые года, когда въ семьѣ достаточно рабочихъ рукъ. Крестьяне-же одиночки въ рѣдкихъ случаяхъ уходятъ на годъ, только тогда, когда возможно свой надѣлъ сдать въ аренду или нанять за подходящую цѣну батрака. Промышленники осенняго «отхода» занимаются особаго рода работами, болѣе приспособленными къ времени года, какъ-то: катаніемъ валеной обуви, приготовленіемъ шерсти, плотничествомъ и т. д. Всѣ они разсѣиваются по деревнямъ, селамъ и вообще по малымъ пунктамъ. Весенній отходъ немного меньше осенняго, и промышленники его устремляются въ столицы, въ большіе города и въ «казаки» въ Малороссію. Наконецъ, лѣтній отходъ—это запоздалые промышленники, почему-либо задержавшіеся дома и неуспѣвшіе убраться во время со своими ушедшими товариществами. Всѣ они обыкновенно маляры, столяры, каменьщики и идутъ только въ столицы. Кострома считается сборнымъ пунктомъ отхожихъ промышленниковъ, наплывъ которыхъ особенно замѣтенъ весною, когда они спѣшатъ къ открытію навигаціи.

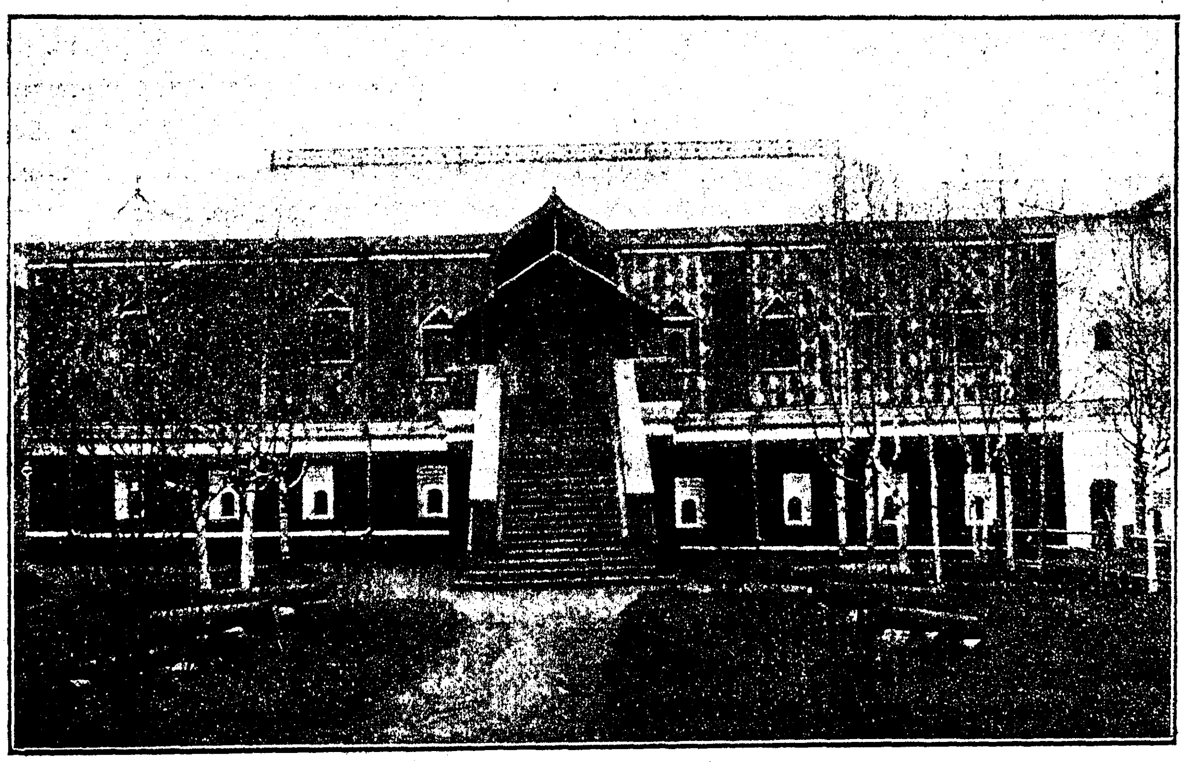
Начиная почти отъ самой Костромы, оба берега Волги дѣлаются гористѣе, и чѣмъ дальше, тѣмъ красивѣе и живописнѣе. Этому много способствуетъ мѣстами причудливая, раскошная растительность на высокихъ холмахъ то одного, то другого берега, на крутизнахъ которыхъ размѣщены многонаселенныя, промышленныя приволжскія села, деревни и барскія усадьбы. Крутизна береговъ не мѣшаетъ, однако, имѣть имъ прекрасные бичевники, гдѣ еще не такъ давно тысячи темнаго люда, мѣрно выступая, со стономъ вытягивали на плечахъ милліоны пудовъ, гдѣ еще и теперь нерѣдко можно видѣть небольшія бурлацкія артели и слышать неизмѣнную «дубинушку», такую-же унылую и еще болѣе вопіющую... Не забыты и бурлацкія стоянки, гдѣ по привычкѣ и теперь отдыхаютъ. Такъ, почти въ виду самой Костромы, верстахъ въ семи отъ нея, возвышается на песчаномъ бичевникѣ на половину ушедшій въ землю громадный камень — «кобыла», какъ называютъ въ народѣ, послѣдняя бурлацкая смѣна и стоянка передъ Костромой.

Въ былыя времена, на этомъ именно камнѣ происходило посвященіе въ бурлачество новичковъ-лямошниковъ. Обрядъ посвященія былъ простъ, незатѣйливъ, грубъ и жестокъ. Не доходя саженей 100—150 до камня, ватага бросала лямки и выгоняла впередъ новичковъ, которые, насколько позволяли имъ ноги, подъ ударами плетокъ и веревочныхъ «концовъ» ватаги, во весь духъ бѣжали къ камню и, вспрыгивая на него, должны были добраться до верхушки. Дѣло было не легкое, и на первый разъ рѣдко возможное. Не удивительно поэтому, что большинство платилось за неудачу ушибами, а инога разбивалось до смерти. Только рѣдкіе счастливчики удачно исполняли испытаніе и сразу дѣлались истыми бурлаками въ глазахъ своей артели, неудачники-же вновь продѣлывали испытаніе, пока не достигали успѣха.

Такихъ камней по бичевникамъ Волги довольно много, какъ много и другихъ памятниковъ временъ бурлачества. Изъ разбросанныхъ по берегамъ Волги или вблизи ихъ селъ, слободъ и деревень нѣкоторыя заслуживаютъ вниманія, особенно-же — село Красное, верстахъ въ тридцати отъ города. Село это существуетъ съ давнихъ временъ и въ отдаленномъ прошломъ было дворцовымъ имѣніемъ. Древняя церковь его была реставрирована Годуновымъ, который подарилъ красноселамъ отличный, звонкій колоколъ, до сихъ поръ призывающій православныхъ къ молитвѣ. Когда-то село стояло на самомъ берегу Волги, но теперь удалено отъ

него прекрасными каймами версты на три, и только весною Волга снова подходитъ къ красносельскому яру. По многонаселенности, промышленности и торговлѣ село Красное считается однимъ изъ первыхъ въ губерніи, далеко во всемъ этомъ оставляетъ за собою многіе заштатные и уѣздные города и занимаетъ видное мѣсто по Поволжью. Красное, вмѣстѣ съ другимъ селомъ Сидоровскимъ, лежащимъ по другую сторону Волги, служитъ центромъ одной вѣтви кустарной промышленности, распространенной въ небольшомъ районѣ, но изготовляющей на милліоны рублей мелкихъ металлическихъ украшеній и побрякушекъ изъ мѣди, бронзы и серебра, развозимыхъ красносельскими прасолами по всей Россіи и сбываемыхъ на сотни тысячъ рублей на Ирбитской ярмаркѣ — для Сибири, и на украинскихъ ярмаркахъ — для всей Малороссіи.

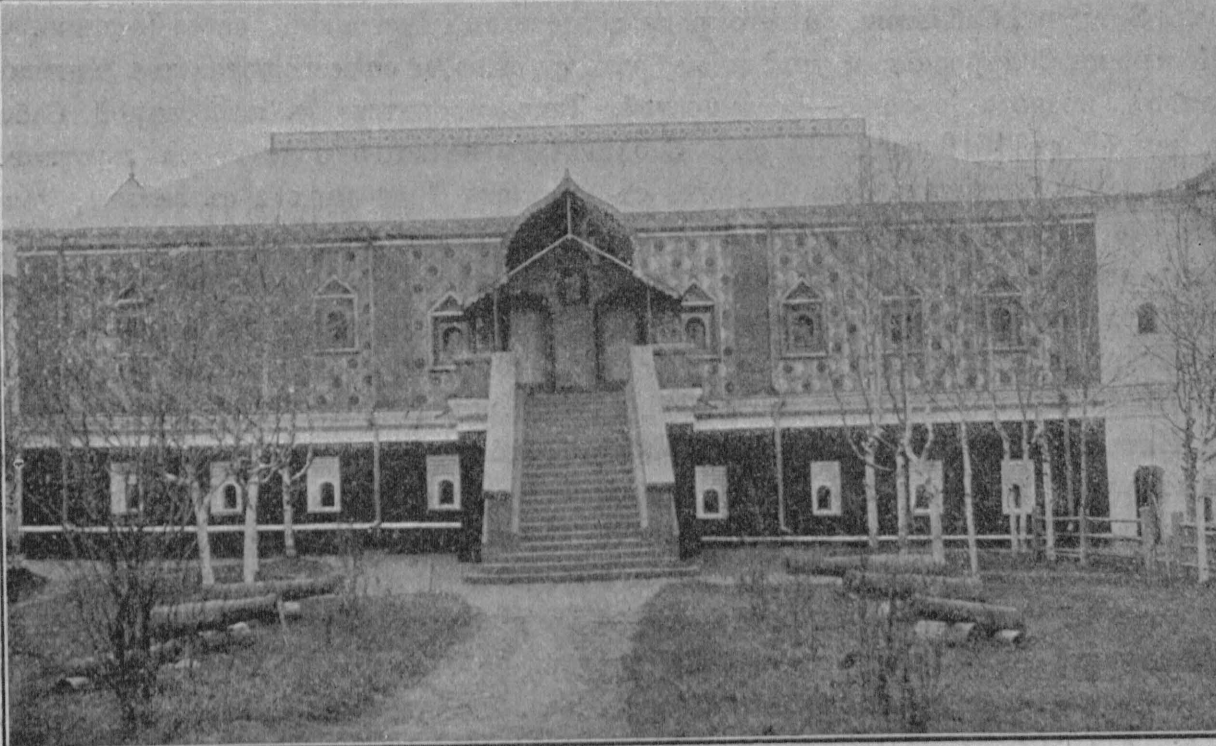
Это производство ведется въ Красномъ съ незапамятныхъ временъ и удачно поддерживается хорошимъ сбытомъ, недороговизною употребляемыхъ матеріаловъ и строгимъ раздѣленіемъ труда въ обработкѣ, что способствуетъ необычайной скорости, отчетливости и деше-

Дворецъ Романовыхъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

визнѣ. Самая мелкая и простая вещь должна пройти не однѣ руки спеціалиста прежде, чѣмъ получить право на выходъ въ продажу. Существуютъ даже отдѣльныя деревни, которыя занимаются какою-нибудь отдѣльною частью производства, напримѣръ: граненіемъ камней, ковкою и т. д. Достоинство приготовляемыхъ вещей бываетъ, конечно, различно. Разныя рѣзныя и червленыя вещи бываютъ иногда настолько хороши, что не уступаютъ работамъ извѣстныхъ фабрикантовъ (Хлѣбникова, Овчинникова и др.).

Производство села Краснаго съ округой, куда присоединяется село Сидоровское съ пятью шестью другими селами и десятками деревень, разбросанныхъ около этихъ селъ, достигаетъ милліонами рублей, изъ которыхъ, однако, по обыкновенію, лишь незначительная доля остается на прокормленіе производителей-кустарей, т. е. крестьянъ съ ихъ женами и дѣтьми, неустанно работающихъ съ утра до ночи, зимою и лѣтомъ, и закабалившихъ себя крупнымъ торговцамъ-скупщикамъ, такъ-называемымъ «прасоламъ», ничего не признающимъ, кромѣ наживы. Кустарь и его семья—въ рукахъ прасоловъ, которые даютъ сырой матеріалъ для производства, по возвышеннымъ цѣнамъ, и принимаютъ выдѣланныя вещи по произвольнымъ цѣнамъ, во-

Дворецъ Романовыхъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

обще-же—такимъ низкимъ, что не окупается работа. Прасолъ-же снабжаетъ и предметами первой необходимости (отъ съѣстного до платья), взимая за это въ нѣсколько разъ дороже обыкновенныхъ цѣнъ, даетъ и денегъ взаймы, съ цѣлью, конечно, закабаленія на вѣчныя времена.

Село Красное, кромѣ того, что служитъ центромъ описаннаго производства, считается однимъ изъ торговыхъ пунктовъ льномъ. На базары его свозятъ тысячи пудовъ льна, быстро раскупаемаго костромскими фабрикантами. Въ первыя-же воскресенья послѣ Пасхи еще и теперь существуетъ «новинный боръ», оригинальный базаръ, на который стекаются преимущественно крестьянки со своими «новинами» (полотнами, салфетками и другими льняными издѣліями).

Верстахъ въ семи отъ села Краснаго,—село Коробово, населенное потомками рода Ивана Сусанина, называемыми въ народѣ «бѣляками», а на офиціальномъ языкѣ — «бѣлопашцами». Подвигъ Сусанина, по пріѣздѣ Михаила Ѳеодоровича съ матерью въ Москву, не остался безъ вознагражденія со стороны государя, который, въ память своего спасенія, пожаловалъ зятю Сусанина, Богдану Сабинину, и его роду полдеревни Деревницъ, село Домнино, Буйскаго уѣзда, Костромской губерніи, и велѣлъ не брать съ него и со всего потомства никакихъ податей, кормовъ, подводъ, вообще—повинностей. Такъ говорится въ жалованной Сабининымъ грамотѣ, данной въ 1619 году. Но родъ Сабининыхъ не долго пользовался льготами. Марѳа Ивановна, умирая, завѣщала село Домнино съ деревнею Деревницъ и съ землею, данною Сабининымъ, въ поминъ души своей, Московскому Новоспасскому монастырю. Богданъ Сабининъ умеръ еще раньше, а жена его Антонида съ двумя сыновьями осталась не причемъ. Тогда государь вновь подтвердилъ пожалованныя роду Сусанина льготы и надѣлилъ Антониду въ Костромскомъ уѣздѣ землею (село Коробово). Льготы эти и пожалованье землею подтверждались почти во всѣ царствованія. Родъ Сабининыхъ размножился. Въ Коробовѣ, по волѣ императора Николая Перваго устроена церковь замѣчательной архитектуры и красоты, во вкусѣ старинныхъ русскихъ храмовъ, съ рѣзными колоколами снаружи и внутри, съ карнизами и подвѣсками также рѣзными, въ русскомъ стилѣ. Чистота церкви, оригинальная архитектура, роскошныя одежды на священнослужителяхъ, на престолѣ, жертвенникѣ и аналоѣ, сдѣланныя изъ покрововъ съ гроба Николая Павловича, — производятъ пріятное впечатлѣніе на молящихся. Въ алтарѣ церкви хранятся всѣ Высочайше пожалованныя «бѣлопашцамъ» грамоты. Содержаніе церкви и ея причта всецѣло лежитъ на Министерствѣ Двора.

Всѣ жители села принадлежатъ къ бѣлопашцамъ, т. е. къ тѣмъ людямъ, которые освобождены отъ всякихъ податей и не несутъ никакихъ повинностей; но, несмотря на такіе благопріятныя условія, большинство бѣлопашцевъ—народъ крайне бѣдный, и бѣдность эта происходитъ отъ особенности ихъ быта, чуждаго общественныхъ началъ, и потому во многомъ разнящагося отъ быта окружающаго ихъ крестьянства, не пользующагося никакими льготами, отбывающаго денежныя и натуральныя повинности, но живущаго несравненно зажиточнѣе и богаче. Чтобъ объяснить это, заглянемъ въ прошлое. Всѣ пожалованныя бѣлопашцамъ земли были отданы имъ въ собственность и раздѣлены на двѣ равныя части, между двумя родами, происшедшими отъ двухъ сыновей Сабинина: Даніила и Константина. Каждый родъ въ свою очередь раздѣлилъ надѣленную ему землю на число участковъ, соотвѣтствующее числу семей. Съ размноженіемъ послѣднихъ, участки дробились на новые, болѣе мелкіе и, наконецъ, дошли по величинѣ до такихъ размѣровъ, что опредѣлить ихъ въ дѣйствительности не было никакой возможности. Такъ, напримѣръ, сѣнокосные участки нужно было бы измѣрять вершками. Это вызвало своеобразный обычай: пользоваться землею по очереди, въ нѣсколько лѣтъ одинъ разъ.

Понятно, что, при такихъ условіяхъ, земля не представляла достаточно средствъ для существованія, а потому мелкіе домохозяева продавали принадлежащую имъ землю, какъ собственность, болѣе состоятельнымъ и крупнымъ домохозяевамъ, у которыхъ такимъ обра-

зомъ, и сосредоточивалась наибольшая часть пожалованныхъ имъ земель. Сами-же обращали дарованныя имъ льготы на разнаго рода промыслы, конечно мелкіе, ибо не съ чѣмъ было пускаться въ крупные имъ, голякамъ. На такое положеніе было обращено вниманіе императоромъ Николаемъ I-мъ; «бѣлопашцамъ» прирѣзали земли, но лишили ихъ льготъ, когда льготы эти не соприкасались съ земледѣліемъ, какъ, напримѣръ, въ торговлѣ и разнаго рода промыслахъ. Произошла старая исторія: участки вновь раздробились и мелкіе присоединились къ крупнымъ; владѣльцы-же ихъ ушли на-сторону, но уже безъ всякихъ льготъ.

Существуй у бѣлопашцевъ община, конечно, они, если бы не благоденствовали, то, по крайней мѣрѣ, жили бы зажиточнѣе. Въ настоящее-же время это можетъ относиться только къ нѣсколькимъ семьямъ, и если есть что-то похожее на общинный духъ, такъ это—самоуправленіе, выражающееся въ прекращеніи разнаго рода распрь, споровъ и ссоръ, никогда не доводимыхъ до высшаго начальства, но обыкновенно кончаемыхъ родовыми старостами — достоинствомъ одной семьи, переходящимъ отъ одного ея члена къ другому по наслѣдству. Ни одна изъ губернскихъ властей не имѣетъ для бѣлопашцевъ никакого значенія, ибо всѣ они находятся въ непосредственномъ вѣдѣніи Министерства Двора. И даже мѣстный губернаторъ не имѣетъ права въѣзда въ ихъ селеніе, кромѣ исключительныхъ случаевъ, нетерпящихъ отлагательства, да и то съ разрѣшеніемъ Министра Двора.

Положеніе женщины у бѣлопашцевъ представляетъ также нѣкоторыя особенности. Дѣвушки, не желая, съ выходомъ замужъ, въ случаѣ брака съ временно-обязаннымъ, лишиться льготъ, по бо́льшей части остаются на всю жизнь незамужними, при чемъ дѣти ихъ отъ гражданскаго брака считаются, по установившемуся въ средѣ бѣлопашцевъ обычаю, не внуками, а сыновьями и дочерями отцовъ внѣбрачныхъ женщинъ. Дочери, наравнѣ съ братьями, послѣ смерти отца получаютъ одинаковую долю всего движимаго и недвижимаго имущества, въ томъ числѣ и земли; при жизни родителей могутъ получать въ приданое также и землю, которая и остается въ ея родѣ въ вѣчномъ владѣніи, если мужъ бѣлопашецъ; если же онъ обыкновенный крестьянинъ,—земля возвращается въ родъ послѣ ея смерти.

Все Поволжье Костромской губерніи, начиная отъ села Краснаго, до самой границы съ Нижегородскою губерніею и р. Волгою, какъ бы естественною границею, раздѣляется на двѣ части, рѣзко различающіяся между собою. Правда, различіе это мало бросается въ глаза, если сравнить только прибрежныя полосы этихъ частей, такъ какъ по ту и другую сторону Волги живетъ одинъ и тотъ же промысловый народъ «*волгарь*», какъ онъ называется на простомъ языкѣ, — почти одинаковый во всѣхъ отношеніяхъ; но чѣмъ дальше отъ рѣки, тѣмъ различіе становится крупнѣе и рѣзче. Сѣверная часть можетъ считаться земледѣльческою, съ оттѣнками кустарничества, южная—промысловою, съ рѣзкимъ колоритомъ фабричнаго производства.

Костромская губ. хотя и не принадлежитъ къ хлѣбнымъ губерніямъ, тѣмъ не менѣе, хлѣбопашество составляетъ главное, коренное занятіе жителей, особенно сѣверной полосы отъ Волги и, при всей его малодоходности и крайней неудовлетворительности, оно здѣсь привязало къ себѣ населеніе.

До введенія уставныхъ грамотъ, крестьяне еще могли пользоваться, съ грѣхомъ пополамъ, при своихъ надѣлахъ разными окружающими угодьями и вести хозяйство сносно, но, когда грамоты вошли въ силу,—пользованіе оказалось невозможнымъ, и обѣдненіе крестьянъ приняло фазу довольно большихъ размѣровъ. Отсутствіе такихъ угодій, какъ луговыя, лѣсныя и выгонныя, сразу почувствовалось и разрѣшилось значительной убылью скота, недостаткомъ удобренія, упадкомъ земледѣлія. И это не въ какихъ-нибудь отдѣльныхъ общинахъ, незначительныхъ количественно, а въ значительныхъ частяхъ уѣздовъ. Недостаточность надѣловъ, особенно-же при нарастаніи населенія и поступленіи новыхъ членовъ, породила въ обществѣ еще новое бѣдствіе—передѣлы, а тѣмъ болѣе—черезполосные, которые очень вредно отзыва-

ются на крестьянскихъ обществахъ, когда часто повторяются, такъ какъ заставляютъ крестьянъ небрежно относиться къ своимъ полямъ, въ виду урѣзки ихъ при передѣлѣ другимъ, — урѣзки при томъ лучшей части полосы—средины, которая удобряется лучше краевъ. Вообще-же говоря, главными причинами неудовлетворительности хлѣбопашества въ общиныхъ владѣніяхъ оказывается недостаточность надѣловъ и отсутствіе необходимыхъ угодій (луговыхъ, выгонныхъ и лѣсныхъ), безъ которыхъ невозможно никакое сельское хозяйство.

Частные землевладѣльцы нашли *выходъ* изъ затруднительнаго хозяйственнаго положенія въ продажѣ своихъ имѣній, и этотъ выходъ лично для нихъ—самый наилучшій, такъ какъ выгоднѣе продать свои «Монрепо», пока еще не совсѣмъ запущенныя и не въ конецъ разстроенныя, и жить на проценты съ полученнаго капитала, чѣмъ убивать въ эти имѣнія послѣднія крохи прежняго барства, безъ малѣйшей надежды на ихъ возвращеніе, въ виду экономическаго кризиса. Другое дѣло *выходъ* крестьянства: тутъ о спускѣ съ рукъ своихъ убогихъ надѣловъ и рѣчи быть не можетъ, и нужно искать иныхъ выходовъ, которые, въ общемъ, сводятся къ слѣдующему перечню: 1) кустарная промышленность; 2) фабричный трудъ; 3) отхожіе промыслы; 4) интенсивная эксплуатація своихъ угодій; 5) прикупка отрѣзковъ, оставленныхъ за надѣломъ и 6) переселенія. Первое мѣсто между этими «выходами» принадлежитъ, конечно, кустарной промышленности, безъ которой крестьянство давно померло-бы съ голоду и холоду, такъ какъ земля даетъ лишь около половины того, что добывается кустарною промышленностью. Самое возникновеніе множества видовъ кустарной промышленности произошло главнымъ образомъ отъ неудовлетворительности земледѣлія, а скученность и крайнее разнообразіе этихъ видовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ какъ разъ совпадаетъ съ крайне незначительными надѣлами и даже съ такими изъ нихъ, гдѣ нѣтъ необходимыхъ для веденія сельскаго хозяйства угодій. Но и эта чрезвычайно важная поддержка, получаемая отъ кустарной промышленности, въ послѣдніе годы сильно ослабѣла и быстро уходитъ изъ рукъ крестьянина, вслѣдствіе развитія фабрично-заводской промышленности и машиннаго производства, какъ объ этомъ было уже сказано выше.

Всѣ кустарныя производства—изъ бумаги, льна и даже пеньки, пали въ Костромской губерніи и никогда не могутъ возродиться. Кромѣ того, произошло уничтоженіе или сокращеніе другихъ кустарныхъ промысловъ, имѣющихъ такъ или иначе близкую съ ними связь. Лучшія изъ другихъ кустарныхъ производствъ всѣ почти пали. Такъ, напримѣръ, выдѣлка крестьянскихъ суконъ (производится изъ шерсти и кожи), развитая прежде въ Кинешемскомъ и Юрьевецкомъ уѣздахъ, почти вовсе уничтожилась, вслѣдствіе непосильной конкуренціи съ фабриками.

Вообще-же всѣ болѣе или менѣе крупныя кустарныя производства или совершенно пали, или сократились и близки къ паденію, или приносятъ незначительную поддержку.

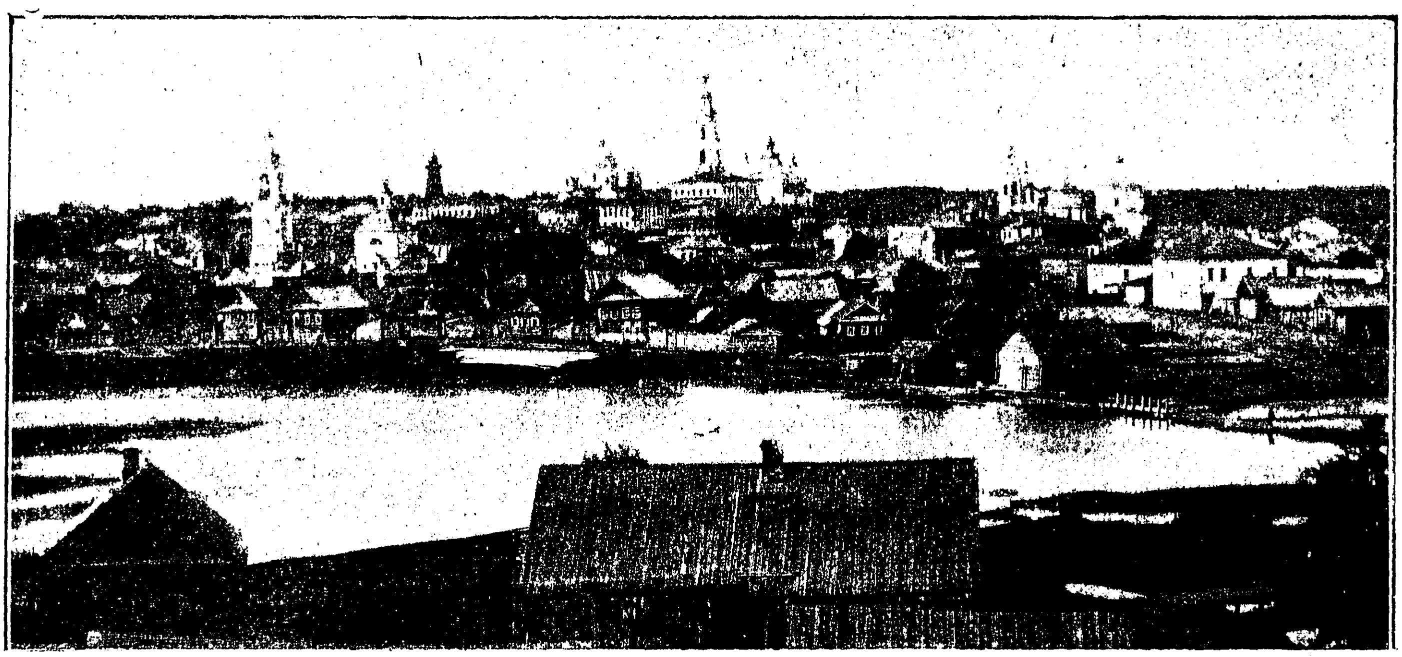
Наблюдая за развитіемъ механическихъ производствъ, не трудно убѣдиться, какъ они съ каждымъ годомъ отбиваютъ у кустарей производство, и кустарямъ нѣтъ никакой возможности конкурировать съ машинами. Для поддержанія кустарныхъ производствъ необходимы: дешевый кредитъ и распространеніе познаній въ средѣ кустарей.

Недостатокъ надѣловъ, не позволяющій вести хозяйство, какъ слѣдуетъ, отсутствіе подспорья со стороны кустарныхъ промысловъ и невозможность найти занятіе, чтобы приложить руки и время—съ одной стороны, заставляютъ многихъ крестьянъ призадумываться надъ своимъ положеніемъ. Разсказы-же о какихъ-то «далекихъ краяхъ», гдѣ, будто-бы, живется такъ привольно и богато, о разнаго рода отхожихъ промыслахъ, побуждаютъ ихъ искать счастія на сторонѣ. Крестьяне отказываются отъ земли, за безцѣнокъ распродаютъ все, имѣющееся у нихъ и на авось отправляются въ путь.

Выселеніе крестьянъ все идетъ и идетъ, преимущественно изъ земледѣльческой полосы, но, въ общемъ, приноситъ пока слишкомъ много зла и требуетъ большихъ заботъ, труда и денежныхъ затратъ, чтобы стать, наконецъ, дѣломъ полезнымъ въ странѣ.

Перейдемъ теперь къ правой сторонѣ р. Волги, гдѣ преобладаетъ фабрично-заводская промышленность.

Вредное вліяніе фабричнаго заводскаго труда довольно общеизвѣстно. Прежде всего этотъ видъ труда требуетъ въ большинствѣ случаевъ ухода изъ дома, и производитъ, такимъ образомъ, разрывъ между хозяиномъ и хозяйствомъ, и послѣднее, «безъ хозяйскаго глаза», скоро расшатывается. Къ этому нужно прибавить еще и недостаточное вознагражденіе за весьма тяжелый трудъ, такъ что заработка вообще говоря, едва хватаетъ на то, чтобы не умереть съ голоду. При этомъ обыкновенно фабричные снабжаются всѣми продуктами изъ фабричныхъ-же лабазовъ куда и уходитъ весь заработокъ. Въ нравственномъ-же отношеніи первое и главное слѣдствіе этого труда,—деморализація деревни, разложеніе ея, такъ какъ уходящіе изъ нея на фабрику, послѣ первой же побывки на ней, являются окрещенными въ иную вѣру, въ иныя понятія, и возвращаются полными разврата и цинизма. Короче говоря, въ общемъ итогѣ отъ фабричнаго труда никакихъ благъ для населенія нѣтъ.

Общій видъ г. Кинешмы, Костромской губ.

Центрами фабричнаго производства считаются с. Вичуга и гг. Кинешма, Нерехта и Юрьевецъ. С. Вичуга—одно изъ самыхъ богатыхъ селъ губерніи. Въ немъ живутъ самые крупные капиталисты.

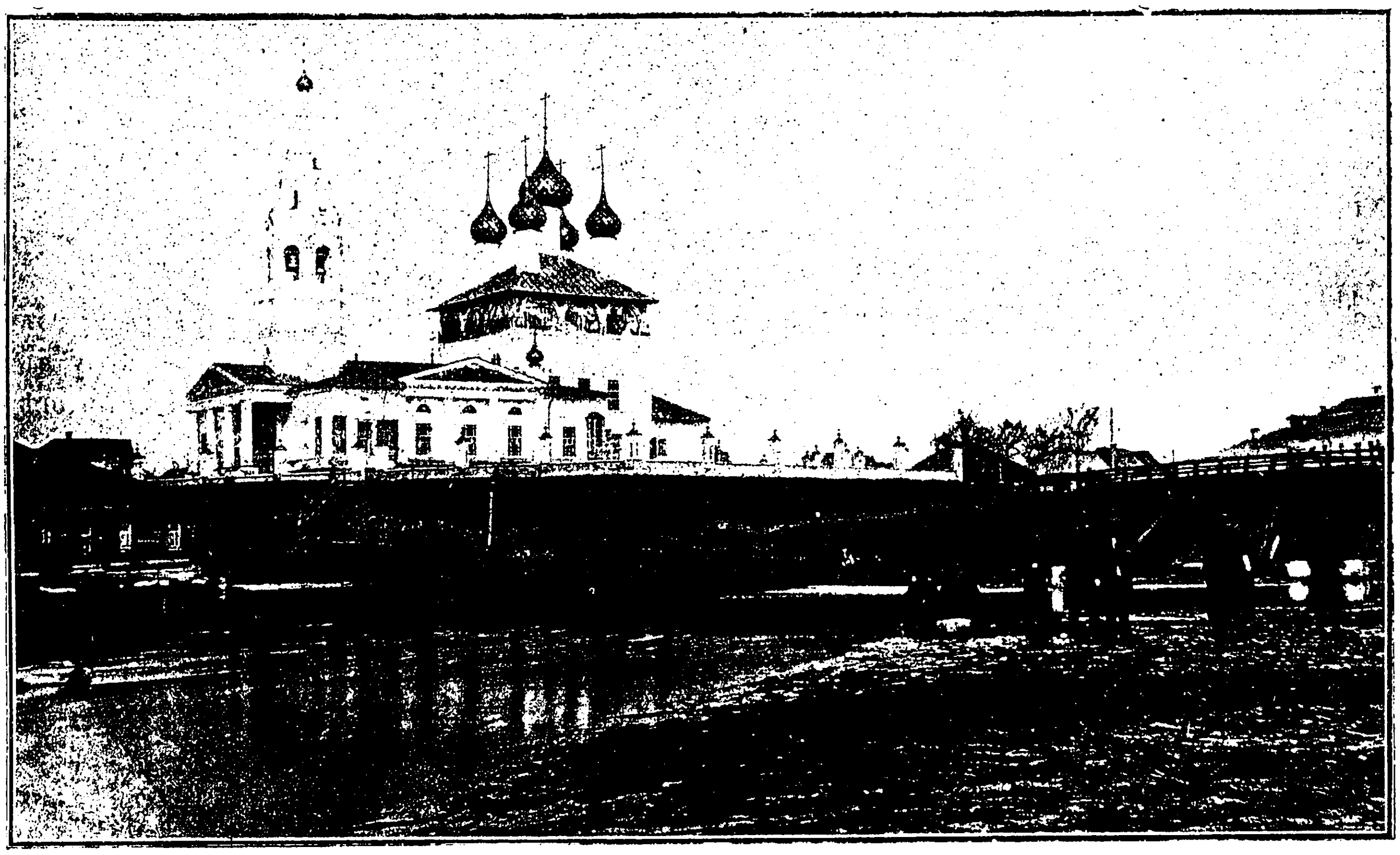
Кинешма, благодаря желѣзной дорогѣ, совершенно убила торговое значеніе города Плеса, бывшаго прежде крупнымъ центромъ хлѣбной торговли, теперь—заштатный городъ. Но жители его, какъ типичный промысловый народъ, продолжаютъ заниматься мелкою торговлею.

Кинешма—одинъ изъ лучшихъ городовъ въ губерніи. Онъ расположенъ на крутой горѣ, охваченной съ трехъ сторонъ водою. Окрестности города по живописности считаются самыми красивыми по Поволжью, Костромской губерніи. На набережной города выдвинуты его лучшія каменныя зданія. Въ былыя времена въ Кинешмѣ процвѣтали полотняныя фабрики и дѣятельность ихъ какъ и всего уѣзда была настолько широка, что въ гербѣ города изображены въ зеленомъ полѣ два свертка полотна. Въ настоящее время промыселъ этотъ палъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги отъ Кинешмы къ Иванову-Вознесенску и съ соединеніемъ такимъ образомъ города съ промышленными центрами торговая жизнь его оживилась; сюда-же перешла изъ Плесъ хлѣбная пристань снабжающая хлѣбомъ эти центры и сырьемъ, требуемымъ на фабрикахъ и заводахъ ихъ.

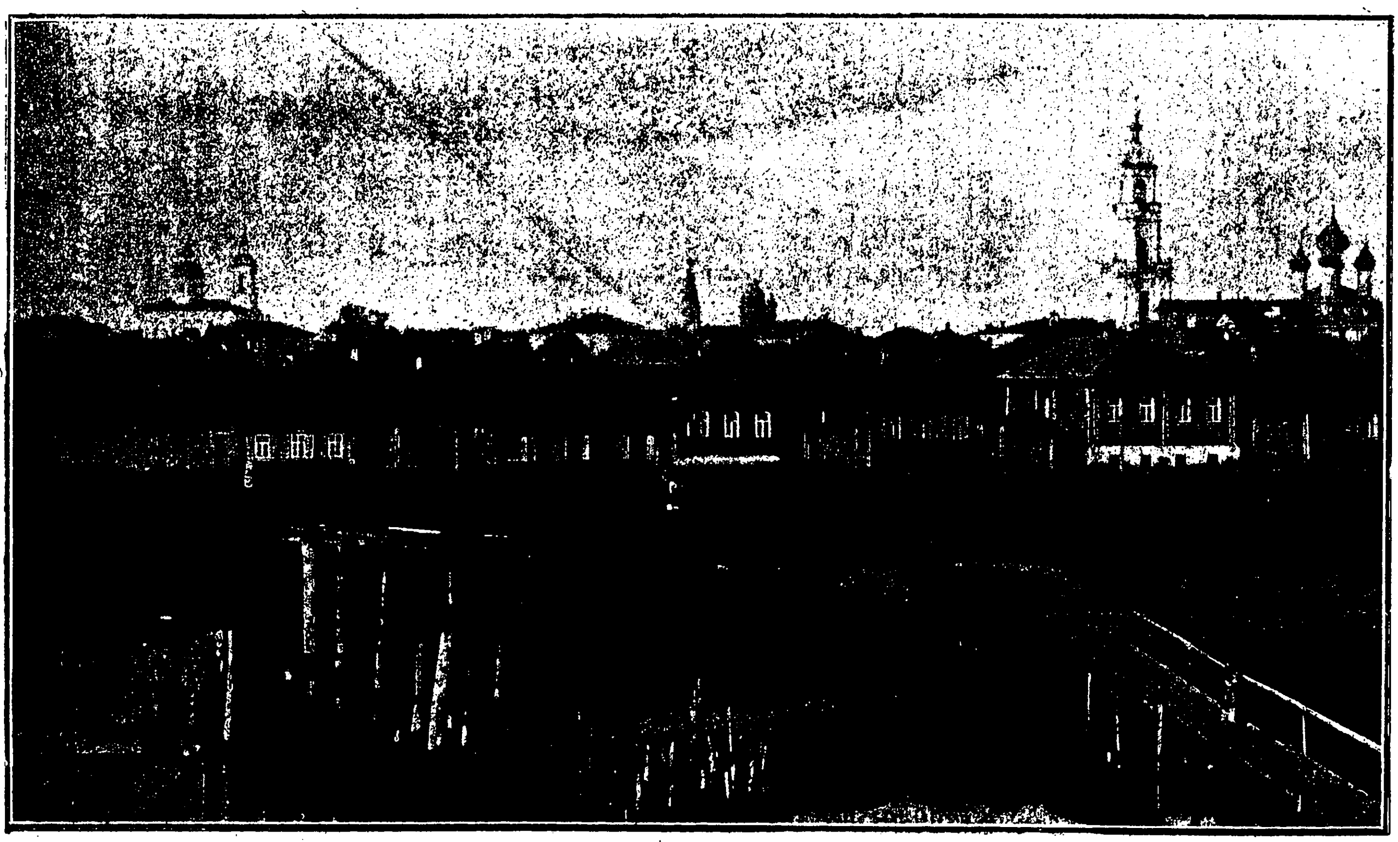

Общій видъ г. Кинешмы, Костромской губ.

Поволжье Костромской губерніи тянется еще далѣе Кинешмы на очень большое разстоя-

Городъ Нерехта. Видъ церкви Николая Чудотворца и городского моста.

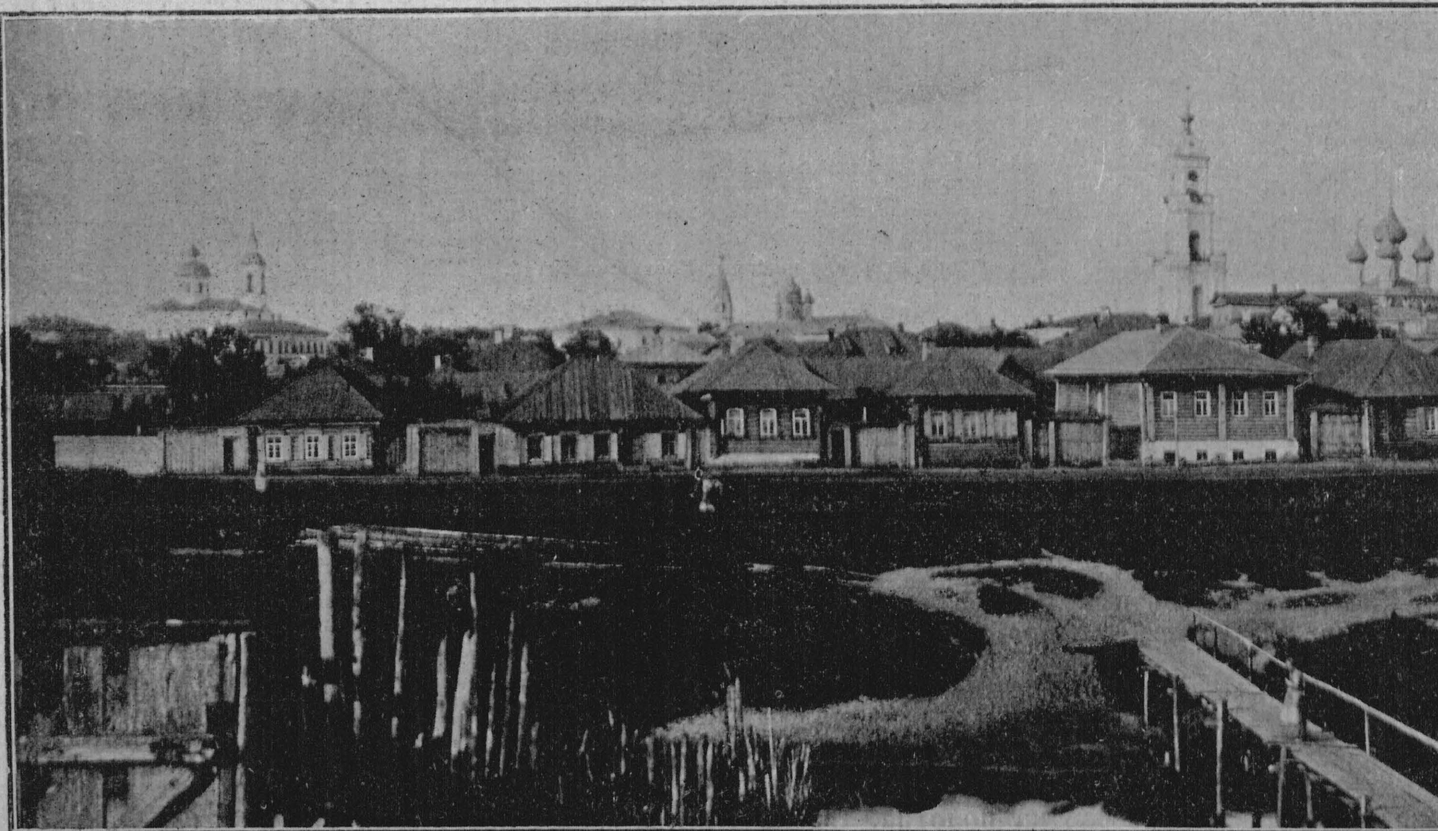

Общій видъ г. Нерехты.

ніе, гдѣ есть два поселенія: Юрьевецъ и Пучежъ. Но первый не представляетъ ничего такого, что могло бы обратить на него вниманіе. Расположенъ онъ на правомъ берегу Волги и

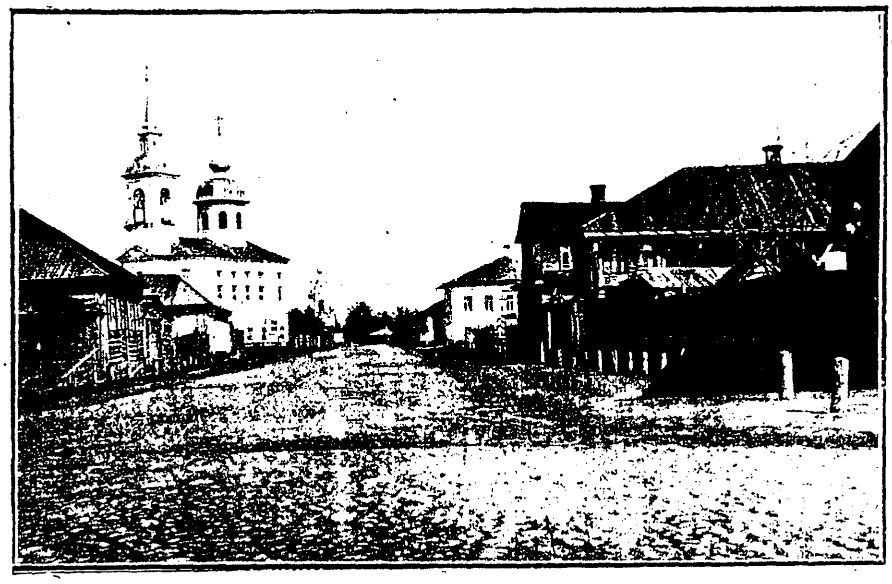

Городъ Нерехта. Видъ церкви Николая Чудотворца и городского моста.

Общій видъ г. Нерехты.

выстроенъ въ одну линію, такъ что во всемъ городѣ одна улица, и получается скорѣе деревня, чѣмъ городъ. Торговля Юрьевца весьма незначительна и ограничивается только потребностями самихъ горожанъ и окружного населенія. Пучежъ-же—посадъ, въ которомъ бываетъ лѣсная ярмарка. Нѣсколько большее значеніе имѣетъ Нерехта, благодаря крупной льно-прядильной фабрикѣ. На торговлѣ льномъ, полотномъ, холстомъ и пряжей зиждется все матеріальное благосостояніе жителей Нерехты. Въ былыя времена, въ XV и до XVIII вѣка Нерехта славилась своими солеварнями. Изъ достопримѣчательностей Нерехты на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Казанскій соборъ, построенный по указу Петра I, пожертвовавшаго на его постройку 200 тысячъ кирпичей. Въ церкви Воскресеніе находится древняя и многочтимая икона великомученицы Варвары.

Городъ Нерехта. Церковь Иліи Пророка.

Нижегородскіе берега Волги до Нижняго Новгорода составляютъ, по очертанію своему, продолженіе костромского ландшафта, налѣво стелется пойма, направо, на небольшихъ возвышенностяхъ, мелькаютъ сѣрыя деревнюшки; изрѣдка — села. За посадомъ Пучежемъ Волга вступаетъ въ предѣлы Нижегородской губерніи, причемъ именно село Катунки является довольно характернымъ представителемъ чисто нижегородскаго обличья.

Городъ Нерехта. Суздальская улица съ видомъ на соборъ.

Типическія черты нижегородскаго Поволжья заключаются въ скудости почвы, не обезпечивающей возможности жить на ней человѣку одними произведеніями земли, безъ какого-нибудь другого занятія. Въ *Катункахъ* почва настолько слаба, что своимъ хлѣбомъ, не покупнымъ, жители прокормиться здѣсь въ теченіе года не могутъ. Для того, чтобы добыть денегъ на покупку хлѣба, нужно приняться за какую-нибудь работу, за промыселъ не «около земли». И вотъ Катунки придумали себѣ такую работу, которая нашлась прежде всего на Волгѣ, въ бурлачествѣ, а потомъ—на пароходахъ; кромѣ того жители Катунокъ стали шить кожаныя рукавицы и женскіе крестьянскіе башмаки—«коты». Лѣтъ сто тому назадъ развилось въ Катункахъ кожевенное производство (главнымъ образомъ — выдѣлка опойка). Особенной извѣстностью пользовался изъ катунскихъ кожевенныхъ мастеровъ правнукъ перваго кожевника въ Катункахъ, Самарина, Яковъ Самаринъ, умершій въ 1864 году, который дубилъ и выдѣлы-

Городъ Нерехта. Церковь Иліи Пророка.

Городъ Нерехта. Суздальская улица съ видомъ на соборъ.

валъ непромокаемыя овчины съ волосомъ; изобрѣтеннымъ имъ составомъ онъ давалъ непромокаемость не только кожамъ, но и холсту. Секрета своего Самаринъ никому не передалъ.

За Катунками слѣдуетъ внизъ по Волгѣ село «Василева Слобода». Здѣсь земля тоже бѣдна хлѣбомъ; поэтому населеніе пустилось въ торговлю чужимъ хлѣбомъ.

Верстахъ въ 20 ниже Василевой Слободы, стоитъ историческое село—Городецъ, когда-то городъ, и притомъ древнѣйшій въ краѣ, такъ какъ Городецъ извѣстенъ еще съ XI вѣка, когда онъ назывался Волжскимъ Городцемъ, Городцомъ-Радиловымъ или просто Радиловымъ. Легендарное названіе Городца—Малый Китеръ, въ отличіе отъ Великаго Китера, который теперь, по народному преданію, стоитъ на днѣ озера Свѣтлояра (въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи) со всѣми своими домами, церквами и монастырями...

Свидѣтельницей былого значенія Городца въ исторіи заволжскаго старообрядчества («что

Общій видъ г. Юрьевца, Костромской губ.

положитъ Городецъ, на томъ станетъ Керженецъ») стоитъ и по настоящее время городецкая старообрядческая часовня, уцѣлѣвшая отъ всѣхъ невзгодъ, на нее обрушавшихся.

Теперь Городецъ ведетъ крупную торговлю низовымъ хлѣбомъ и кромѣ того составляетъ одинъ изъ центровъ, на ряду съ Нижнимъ-Новгородомъ, городомъ Семеновымъ и селомъ Хохломой, Семеновскаго уѣзда, по сбыту балахнинскаго и семеновскаго щепного товара (деревянныхъ ложекъ, чашекъ, блюдъ и т. п.), который расходится не только по всей европейской и азіатской Россіи, но идетъ и заграницу, преимущественно въ Пруссію, Францію и Англію, посредствомъ петербургскихъ конторъ. Въ Городцѣ-же пекутъ пряники, извѣстные въ торговлѣ подъ именемъ городецкихъ.

Пониже Городца раскинулась *Балахна* (уѣздный городъ Нижегородской губерніи), именно раскинулась, потому что постройки этого маленькаго городка такъ разбросаны, что дали поводъ сложиться поговоркѣ «Балахна стоитъ полы распахня». Въ старину Балахна славилась своими соляными варницами, которыхъ въ XVII вѣкѣ было до 80 (теперь онѣ всѣ заброшены);

Общій видъ г. Юрьевца, Костромской губ.

въ ближайшее къ намъ время въ Балахнѣ было сильно развито судостроеніе. Изъ болѣе старинныхъ промысловъ, дающихъ физіономію Балахнѣ, слѣдуетъ назвать плетеніе кружевъ, которымъ занимается почти сплошь все женское населеніе города. Но все прошлое значеніе Балахны съ 1877 года поблѣднѣло передъ основаннымъ здѣсь заводомъ для выдѣлки минеральныхъ маслъ (олеонафтовъ) изъ отбросовъ нефти. Заводъ этотъ сразу былъ поставленъ широко; онъ имѣлъ: 8 паровыхъ машинъ, водопроводъ на 100,000 ведеръ въ сутки, паровую бондарню, и занималъ работою слишкомъ 200 рабочихъ рукъ. Кромѣ олеонафтовъ на заводѣ приготовлялось астролинъ (новое ламповое освѣтительное масло) и олеонидъ (масло для швейныхъ машинъ). Заводъ сталъ вырабатывать ежегодно на сумму до 2 милліоновъ своихъ продуктовъ, которые начали расходиться въ Россіи и за-границей, гдѣ открыли свои конторы (въ Парижѣ, Лондонѣ и Бременѣ).

Не доѣзжая Нижняго, въ 10 верстахъ отъ него, расположена деревня Сормово (Балахнинскаго уѣзда), извѣстная своимъ механическимъ заведеніемъ, основаннымъ въ 1849 году Камско-волжскимъ пароходнымъ обществомъ. Сормовской заводъ приготовляетъ желѣзнодорожные вагоны и запасныя части для пароходовъ; занимаетъ сотни рабочихъ рукъ. Заводъ употребляетъ въ дѣло русскіе матеріалы (желѣзо, чугунъ, мѣдь, олово и т. п.); сталь производитъ самъ.

Приволжское село.

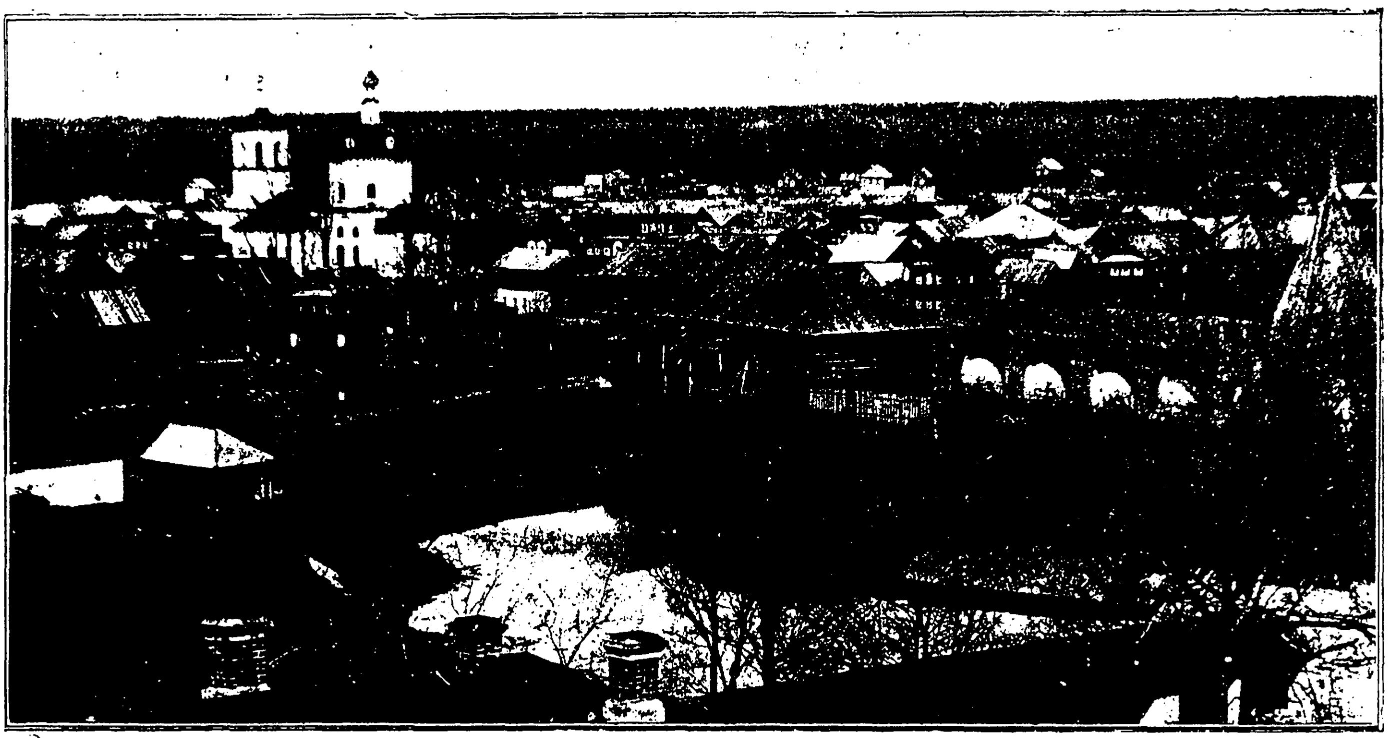
Берега Волги у Сормова низменны: правый еще повыше, а лѣвый—совершенно лугового поемнаго характера. Чѣмъ ближе «подбѣгаетъ» пароходъ къ Нижнему, тѣмъ рельефнѣе вырисовывается передъ глазами высокій Нижегородскій берегъ: кажется рѣка, упираясь съ разбѣга въ этотъ берегъ, брызжетъ въ обѣ стороны. Но это, конечно, только кажется: на самомъ-же дѣлѣ справа омываетъ подошвы нижегородскихъ горъ устье Оки, а Волга спокойно уходитъ, принявъ въ себя Оку, налѣво, огибаютъ нижегородскія горы и величественно течетъ далѣе, на юго-востокъ. На мысу (стрѣлкѣ), образуемомъ отъ сліянія Оки съ Волгой, расположена знаменитая Нижегородская ярмарка. Но мы еще вернемся къ Нижнему и его ярмаркѣ, а пока остановимся на двухъ болѣе замѣтныхъ пунктахъ въ волжскомъ плесѣ отъ Нижняго до Казани: на Макарьевѣ-Лысковѣ-Исадахъ и на Василѣ.

Миновавъ расположенныя на правомъ нагорномъ берегу Волги (лѣвый не населенъ вплоть до линіи разлива) села: Безводное, почти сплошь занимающееся точеньемъ рыболовныхъ удочекъ, преимущественно для каспійскаго рыболовства; Работки, дающее лучшихъ лоцмановъ на пароходы; Татинецъ и Слопинецъ, отличавшіеся разбоями въ смутное время на Руси, вслѣдствіе чего сложилась и поговорка: «Татинецъ и Слопинецъ—всѣмъ ворамъ кормилецъ»; миновавъ все это, мы видимъ, у лѣваго берега, устье рѣки Керженца, знаменитой въ исторіи заволжскаго раскола своими скитами. Керженецъ и теперь протекаетъ почти непробудными лѣсами, сотни-же лѣтъ тому назадъ лѣса эти были еще гуще и дѣвственнѣе и служили привольнымъ обиталищемъ для всякаго люда, хоронившагося отъ принятаго строя жизни: старообрядцы бѣжали сюда отъ московскихъ порядковъ и ставили здѣсь свои скиты, разбойники находили тоже безопасный пріютъ здѣсь. До сихъ поръ по Керженцу показываютъ множество «печинъ»—остатковъ скитскаго строенья, до сихъ поръ ходитъ здѣсь слухъ о зарытыхъ тамъ и сямъ кладахъ и немало находится охотниковъ отыскивать эти клады, несмотря на то, что послѣдніе все-таки никому не даются.

Приволжское село.

Въ нѣсколькихъ верстахъ ниже устья Керженца, на лѣвомъ берегу Волги, пріютился крошечный городокъ *Макарьевъ*, съ своимъ славнымъ встарь Желтоводскимъ монастыремъ, нынѣ уже упраздненнымъ и разрушающимся, съ своимъ напоминаніемъ о былой макарьевской ярмаркѣ; о ней мы скажемъ нѣсколько словъ ниже, говоря о замѣнившей ее нижегородской ярмаркѣ, а теперь послушаемъ очевидца, посѣтившаго остатки «Стараго Макарья» въ 1860 г. «Устроенная въ 1641 году макарьевская ярмарка» (говоритъ г. Н. Т. въ статьѣ своей «Поѣздка на прежнее мѣсто макарьевской ярмарки», помѣщенной въ № 35 «Ниж. Губ. Вѣдомостей» за 1860 годъ) находилась первоначально ниже монастыря (макарьевскаго Желтоводскаго), начинаясь отъ стѣнъ его, и простиралась вдоль Волги саженъ на сто. До сихъ поръ видны нѣкоторыя незначительныя примѣты существованія тутъ ярмарки, а именно остатки столбовъ, на которыхъ строились временныя лавки. Онѣ были всѣ деревянныя и лучшія изъ нихъ были построены изъ пиленаго пополамъ лѣса, а прочія изъ досокъ и теса или крытыя частью тесомъ, частью лубками. Проходы между лавками покрывались просто зелеными березками, а

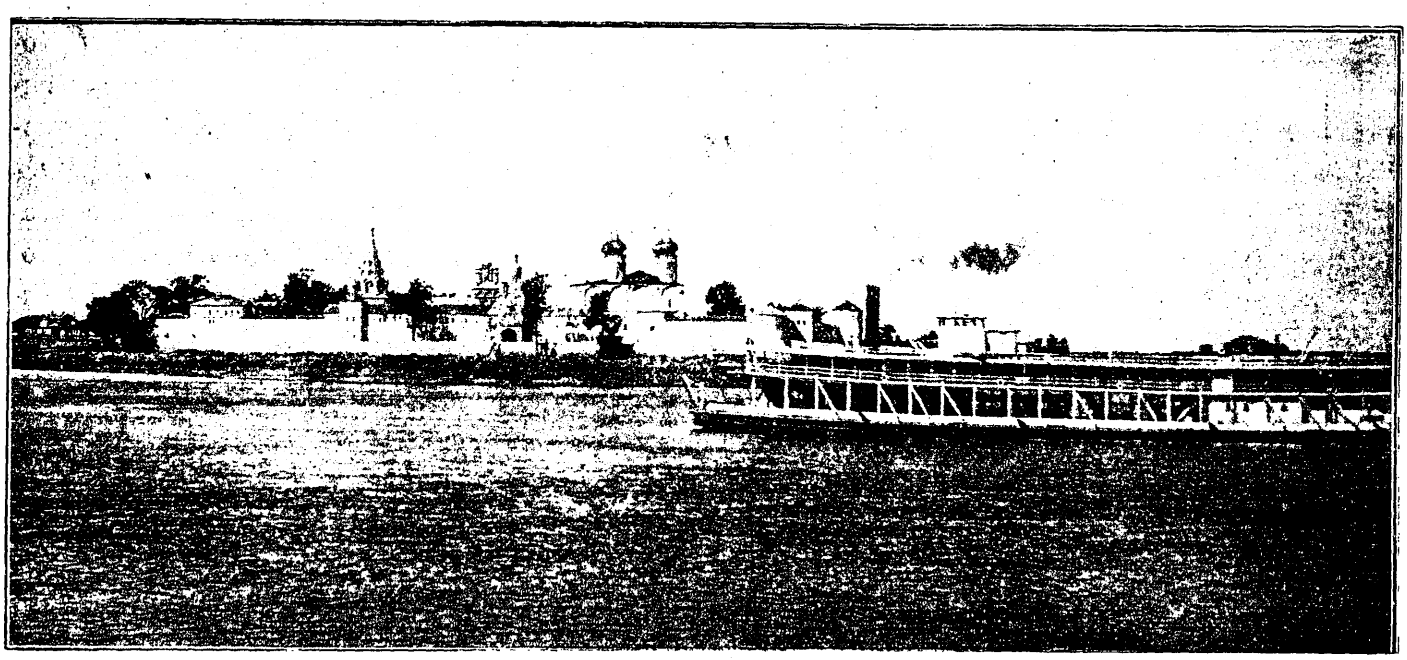
Общій видъ города Макарьева.

въ суровской линіи и на другихъ лучшихъ мѣстахъ ярмарки сверхъ березокъ разстилался холстъ. Такое временное ежегодное устройство лавокъ продолжалось до 1808 года, когда ярмарка была переведена выше Макарьева, возлѣ самаго монастыря. На этомъ новомъ мѣстѣ были построены правительствомъ постоянныя помѣщенія для ярмарки, съ отдачею ихъ внаймы, въ пользу казны. Ярмарочныя зданія состояли изъ одного каменнаго корпуса, который хотя началъ уже разрушаться, но еще существуетъ вполнѣ. (Этотъ каменный гостиный дворъ впослѣдствіи, въ серединѣ 60-хъ годовъ, былъ окончательно разломанъ и проданъ на-свозъ одному нижегородскому купцу). Онъ построенъ отъ монастыря въ полуверстѣ, вдоль Волги, длиною въ 40 и шириною въ 12 саж. Это трехъэтажное зданіе выстроено въ итальянскомъ вкусѣ, какъ воздвигались у насъ всѣ лучшія зданія въ началѣ нынѣшняго столѣтія, съ колоннами и фронтонами и покрыто желѣзомъ. Въ нижнемъ этажѣ, въ длину всего зданія, находились, по обѣ его стороны, крытыя со сводами галлереи и внутри тоже, во всю длину зданія, по его серединѣ, была галлерея со сводами между лавокъ. Лавки были также со сводами, во всю длину зданія, въ четыре ряда. Изъ нихъ два ряда были обращены къ наружной и два ряда къ внутренней галлереямъ. Эти три галлереи и четыре ряда лавокъ были пересѣчены

Общій видъ города Макарьева.

поперечною галлерею по срединѣ зданія, идущею съ наружной части ярмарки на внутренній ярмарочный дворъ. Во второмъ этажѣ помѣщались лавки въ такомъ-же порядкѣ, какъ и въ нижнемъ, а третій этажъ состоялъ изъ бельведера съ окружающими его открытыми галлереями. Въ бельведерѣ помѣщалась ярмарочная контора. По обѣ стороны каменнаго зданія были ворота на ярмарочный дворъ, которыя запирались на ночь, а по обѣ стороны воротъ находились два ряда корпусовъ съ лавками, въ каждомъ ряду по два корпуса, длиною каждый въ половину противъ каменнаго корпуса. Въ каждомъ изъ этихъ деревянныхъ корпусовъ было по два ряда лавокъ. Отъ этихъ продольныхъ корпусовъ шли, въ три ряда, по обѣ стороны ярмарочнаго двора, поперечные такой-же величины корпуса лавокъ. Эти перпендикулярные корпуса къ линіи каменнаго зданія замыкались поперечными, тоже въ два ряда, корпусами лавокъ, параллельными каменному зданію, въ разстояніи отъ него саженяхъ въ 125. Внутри этого четырехугольника лавокъ находился ярмарочный дворъ, посрединѣ котораго помѣщался губернаторскій домъ. Всѣ строенія этого четырехугольника, кромѣ, разумѣется, описаннаго выше каменнаго зданія, были деревянныя, на каменныхъ фундаментахъ, крытыя желѣзомъ.

Видъ на Макарьевскій монастырь съ Волги.

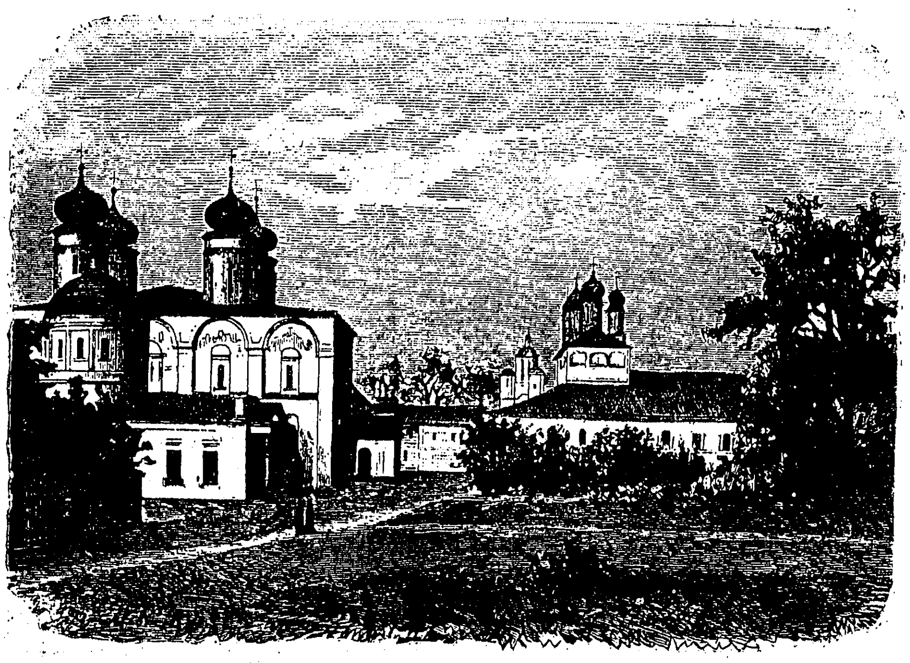
Это главное четырехугольное ярмарочное зданіе было окружено разнаго рода временными помѣщеніями для торговли, театромъ, балаганами для разныхъ представленій, трактирами и харчевнями. Пріѣзжіе-же на ярмарку останавливались на квартирахъ въ городѣ и въ монастырскихъ зданіяхъ».

Почти противъ Макарьева, на правомъ берегу Волги, раскинулось торговое село *Лысково*, исторически извѣстное уже съ XV вѣка. Въ древнѣйшія времена на мѣстѣ Лыскова стоялъ, предполагаютъ, болгарскій городъ Сундавитъ, имя котораго сохранилось въ названіи протекающей здѣсь рѣчки Сундовикѣ. Въ 1536 году разыгрался здѣсь историческій курьезъ: въ одну изъ войнъ Москвы съ Казанью московская рать, погнавшись за татарами, разграбившими передъ тѣмъ Нижній и Балахну, настигла ихъ подъ Лысковымъ ночью. Оба войска остановились другъ передъ другомъ въ боевомъ порядкѣ. Ночь была темная; огней ни та, ни другая сторона не разводила. На разсвѣтѣ московская рать увидала казанскую, казанская—московскую: испугавшись другъ друга, воители разбѣжались.

Во время казанскихъ войнъ въ Лысковѣ построена была крѣпость на такъ-называемой до сихъ поръ Оленьей горѣ; остатки этой крѣпости—валъ и ровъ—видны и теперь; изъ писцовыхъ книгъ 1624—1626 гг. извѣстно, что внутри вала расположена была деревенька Оленина

Гора, жители которой, однако, вскорѣ (въ половинѣ XVII вѣка) выселились въ Лысково, потому что часто подвергались нападеніямъ волжскихъ разбойниковъ. Оленья гора, отдѣленная отъ Лыскова рѣчкою Сундовикомъ, впадающею въ Волгу, возвышаясь среди довольно ровной мѣстности, видна далеко съ Волги, если плыть сверху, и представляетъ очень красивый видъ. Вообще нельзя равнодушно подъѣзжать къ этой мѣстности: помимо историческихъ воспоминаній, которыя она возбуждаетъ, она сама по себѣ, вслѣдствіе природныхъ условій и отпечатка, положеннаго на нее человѣкомъ, крайне величественна и красива. Съ лѣвой стороны виденъ древній макарьевскій Желтоводскій монастырь, а за нимъ теряющійся въ далекой туманной синевѣ низкій луговой берегъ; направо взоръ упирается въ высокій, покрытый зеленью берегъ, дѣлающій вслѣдъ за Лысковымъ и Исадами крутой поворотъ.

Современное значеніе Лыскова заключается въ его хлѣбной торговлѣ. На пятитысячное его населеніе съ 1000 жилыхъ помѣщеній приходится однихъ хлѣбныхъ амбаровъ свыше 300. Подвозъ хлѣбовъ (изъ Нижегородской, Казанской, Симбирской и Пензенской губерній) къ Лыскову начинается съ первыхъ чиселъ сентября для такъ-называемыхъ костромскихъ лодочниковъ, скупающихъ льняное сѣмя—первый изъ хлѣбныхъ товаровъ, появляющихся въ Лысковѣ въ началѣ его хлѣбно-торговой лихорадки. За льнянымъ сѣменемъ идетъ, въ теченіе сентября и октября, для новоторовъ, т.-е. для купцовъ, пріѣзжающихъ изъ Тверской губерніи—новь, т.-е. хлѣбъ послѣдняго урожая. Самый сильный подвозъ ржи, ячменя, пшеницы и овса начинается въ послѣднихъ числахъ декабря (въ началѣ декабря подвозятся лишь ближніе хлѣба), особенно усиливаясь около 20 января, и ходко идетъ вплоть до марта, или, лучше сказать до той поры, когда путь начинаетъ «рушиться». Около двадцатыхъ чиселъ января окончательно опредѣляются и цѣны на хлѣба, такъ-же какъ и предполагаемое количество всего ихъ подвоза. Зимой уходитъ хлѣбъ изъ Лыскова только въ Нижній гужомъ и даже въ Москву, по желѣзной дорогѣ, главнымъ образомъ въ извѣстную пекарню Филиппова; важнѣйшее-же значеніе лысковской пристани заключается въ движеніи хлѣбныхъ грузовъ вверхъ по Волгѣ, посредствомъ лысковскихъ, нижегородскихъ, костромскихъ, ярославскихъ, рыбинскихъ, тверскихъ, мышкинскихъ и петербургскихъ торговцевъ. До открытія навигаціи лысковскій хлѣбъ хранится въ здѣшнихъ амбарахъ. По вскрытіи воды отъ льда, хлѣбъ грузится въ большія суда у устья Сундовика, лѣтомъ—тутъ-же, но въ мелкія суда. Способы продажи и закупки хлѣба въ Лысковѣ характеризуются особеннымъ, своеобразнымъ родомъ торговли *открытой* и *на дворахъ*. Открытой называется продажа и закупка хлѣба въ Лысковѣ на базарной площади, съ возовъ; торговля-же на дворахъ происходитъ всегда при непосредственномъ участіи въ ней *праховъ*.

Макарьевскій монастырь на берегу рѣки Волги.

Прахъ, *прахи* — мѣстное, исключительно свойственное Лыскову, названіе сводчиковъ продавца съ покупателемъ, нѣчто въ родѣ маяковъ, кулаковъ, пушниковъ и т. п. посредниковъ нашего крестьянскаго торговаго быта, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что прахи сами закупокъ не производятъ. Число праховъ въ Лысковѣ такъ велико, что его даже нельзя опредѣлить. Спро-

Макарьевскій монастырь на берегу рѣки Волги.

сите мѣстнаго жителя, сколько въ Лысковѣ праховъ, и вы получите въ отвѣтъ: «а что ни дворъ—то прахъ!» При этомъ вы также смекнете, что и самъ отвѣчающій не прочь причислить себя къ прахамъ, такъ какъ если онъ до сегодняшняго дня почему нибудь и не былъ еще прахомъ, значитъ «дѣло не подошло», и завтра онъ имъ можетъ сдѣлаться. Самое названіе праха производятъ отъ того, что прахъ «изъ праха деньги кустъ». Замѣчательно, что прахи сами себя этимъ прозвищемъ никогда не называютъ, замѣняя его болѣе благозвучнымъ названіемъ сводчика. Слово прахъ въ Лысковѣ вообще считается обиднымъ и причисляется къ ругательнымъ. Смотря по различію подвоза хлѣбовъ, и прахи бываютъ трехъ родовъ: одни занимаются операціями по *возовому* хлѣбу, другіе—по *чувашскому*, *завалавскому* (изъ-за рѣчки

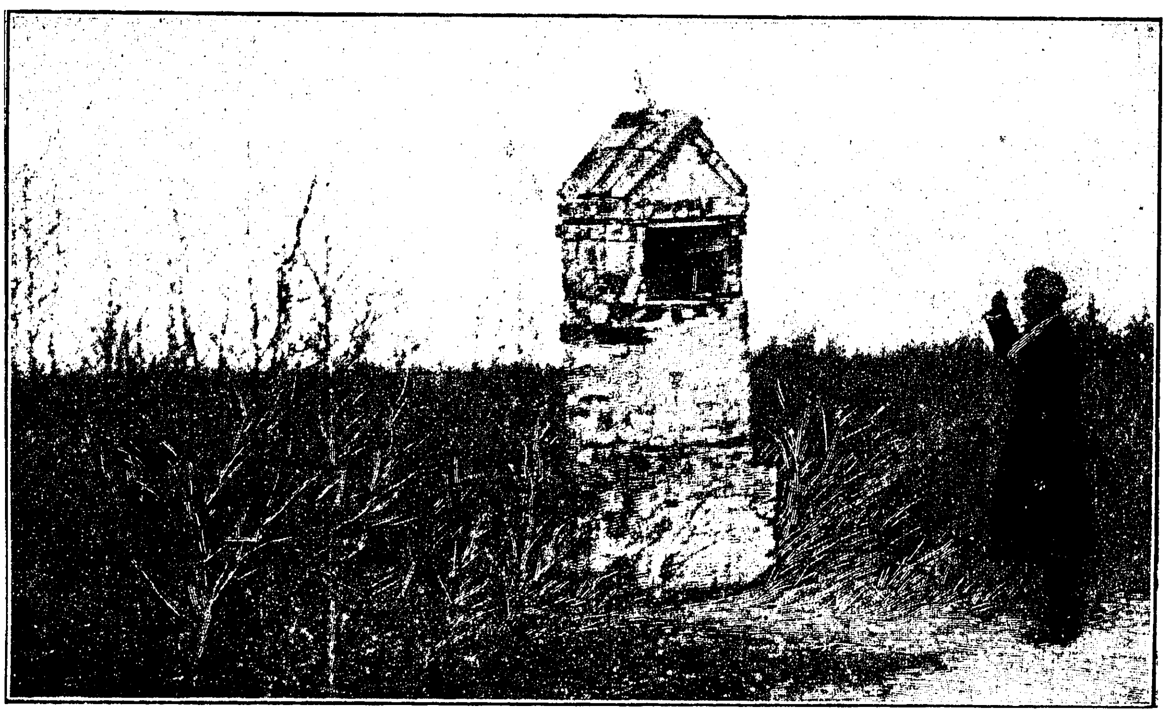
Іорданъ у Макарьевскаго монастыря.

Валавы, протекающей по восточной сторонѣ Лыскова и вливающейся въ Сундовикъ), третьи— по *помѣщичьему*. Прахи пускаютъ къ себѣ во дворъ продавцовъ хлѣба, принимая содержаніе ихъ на свой счетъ, и затѣмъ сводятъ ихъ съ покупателями, получая за это отъ послѣднихъ извѣстный процентъ, обыкновенно отъ 10 до 20 коп. съ четверти всякаго рода хлѣба. Покупатели видятъ нѣкоторое удобство существованія прахового промысла въ томъ, что, имѣя каждый своихъ знакомыхъ праховъ, не заботятся о пріисканіи товара; продавцы, въ свою очередь, довольствуются тѣмъ, что не имѣютъ надобности бѣгать за покупателями. Замѣчательно, что почти подъбокомъ у Лыскова—въ Воротынцѣ—и помину нѣтъ, о прахахъ и только одна привычка къ изстари заведенному порядку мѣшаетъ искорененію этого промысла въ Лысковѣ, такъ какъ имъ все-таки, въ концѣ-концовъ, не довольны ни покупатели, ни продавцы: выгоды, доставляемыя имъ удобствомъ сбыта и покупки, далеко не уравновѣшиваются тѣми не-

Іорданъ у Макарьевскаго монастыря.

выгодами, которыя происходятъ отъ вошедшей въ пословицу недобросовѣстности праховъ: прахъ и мошенникъ—въ Лысковѣ понятія почти однозначущія; прахъ норовитъ надуть и продавца и покупателя, чтó ему почти всегда и удается, и все-таки и тотъ и другой идутъ къ нему и разыгрываютъ съ нимъ роли пріятелей. Стоитъ поселиться въ лысковскомъ торговомъ районѣ новому помѣщику, сбывающему хлѣбъ въ Москвѣ, и первымъ своимъ дѣломъ онъ считаетъ пріисканіе себѣ постояннаго праха; въ этомъ первомъ шагѣ онъ видитъ даже доказательство своей житейской мудрости въ новой для себя наукѣ «коммерціи». Нечего и прибавлять, какими эволюціями выражаютъ прахи свою дѣятельность по отношенію къ крестьянамъ, сбывающимъ свой хлѣбъ по мелочамъ: тутъ они пускаютъ въ ходъ весь запасъ своей энергіи и держатся главнымъ образомъ принципа подпаиванья. Всего искреннѣе довольны прахами помѣщичьи управляющіе... Со временемъ, конечно, праховой промыселъ въ Лысковѣ, съ развитіемъ народа, или вовсе упразднится, или видоизмѣнится въ правильно и добросовѣстно организованное артельное комиссіонерство.

Часовня на мѣстѣ, гдѣ была ярмарка въ г. Макарьевѣ до 1817-го года.

Въ послѣднее время движенія русской жизни, отражающагося и на движеніи экономическихъ силъ—развитіи ихъ въ одномъ мѣстѣ, упадкѣ въ другомъ, перестановкѣ центровъ подъ вліяніемъ новыхъ путей сообщенія — замѣтны отклоненія отъ стоявшихъ долго на одной точкѣ дѣлъ и въ Лысковѣ. Такъ, стали развиваться въ Лысковѣ дѣла среднихъ торговцевъ, хлѣбная торговля стала здѣсь освобождаться отъ чрезмѣрнаго вліянія крупныхъ капиталистовъ. До постройки московско-нижегородской желѣзной дороги, въ Рыбинскѣ самодержавно владычествовали одни крупные капиталисты; теперь съ ними конкурируютъ средніе и мелкіе. Весь лысковскій хлѣбъ попадалъ прежде въ Рыбинскѣ въ руки однихъ крупныхъ торговцевъ, теперь же, накопится у средняго или мелкаго торговца четвертей 80, 100 или 150 хлѣба, онъ и везетъ его въ Нижній гужомъ, а оттуда въ Москву, по желѣзной дорогѣ...

Верстахъ въ четырехъ ниже Лыскова, по склону горы, построилось село *Исады*, у котораго останавливаются пароходы. Село это, получившее свое названіе, вѣроятно, отъ множества садовъ, которые здѣсь разводятся съ незапамятныхъ временъ, было прежде, въ эпоху процвѣтанія Макарьевскаго монастыря, монастырской слободкой, гдѣ была архидіаконовская пустынь, упраздненная въ 1764 году, при учрежденіи монастырскихъ штатовъ. Въ Исадахъ по-

Часовня на мѣстѣ, гдѣ была ярмарка въ г. Макарьевѣ до 1817-го года.

этому всегда останавливались макарьевскіе монахи, часто имѣвшіе надобность отправляться на правый берегъ Волги, и, по своей враждѣ съ лысковцами, находившимися всегда въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ волжскими разбойниками, не имѣвшими у нихъ пріюта.

Начиная отъ Исадъ тянутся по правову нагорному берегу Волги яблочные сады почти вплоть до города Василя, стоящаго при впаденіи въ Волгу рѣки Суры.

Городъ *Василь* или въ просторѣчіи *Василь-Сурскъ* — послѣдній изъ нижегородскихъ городовъ на Волгѣ, основанъ въ 1523 году воеводами великаго князя московскаго Василія Ивановича, князьями Горбатымъ и Шуйскимъ, посланными имъ противъ Казани, и названъ имя, по имени великаго князя, *Васильевымъ Новгородомъ*; впослѣдствіи онъ сталъ называться короче *Василь-городомъ*, *Василь-Сурскимъ*, *Василемъ*. Основавши городъ съ цѣлью защиты русскихъ предѣловъ отъ татаръ, великій князь хотѣлъ придать ему и другое, болѣе мирное значеніе: онъ думалъ устроить въ немъ и ярмарку. Съ этою цѣлью онъ указалъ русскимъ куп-

Общій видъ г. Василь-Сурска.

цамъ не ѣздить болѣе въ Казань, на арскую ярмарку, опредѣливъ даже тяжкое наказаніе ослушникамъ. Впрочемъ, не сохранилось никакихъ историческихъ указаній о томъ, была-ли въ дѣйствительности такая ярмарка, какъ арская и замѣнившая ее впослѣдствіи макарьевская.

До покоренія Казани на долю Василя выпало не мало бѣдствій, но за то съ покореніемъ Казанскаго царства (1552) и даже ранѣе, съ основаніемъ Свіяжска (1550), существованіе Василя лишилось всякой важности. Положеніе города при рѣкѣ Сурѣ оказалось также неудобнымъ, такъ какъ рѣка эта, своимъ сильнымъ прибоемъ къ правому берегу, постепенно разрушала васильскія постройки. Разрушеніе первой, построенной князьями Горбатымъ и Шуйскимъ, церкви народное воображеніе украсило легендой, по которой церковь была поглощена водой во время службы, со всѣмъ народомъ, въ ней молившимся, и затѣмъ перенеслась за Волгу, въ лѣса, на озеро Нестіяръ (Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи), въ которомъ живетъ до сихъ поръ семь иноковъ.

Общій видъ г. Василь-Сурска.

Въ настоящее время Василь принадлежитъ къ числу бѣднѣйшихъ городковъ Нижегородской губерніи и оживляется лишь ненадолго, во время сплава баржей и судовъ съ верховьевъ Суры, въ полую воду. Такимъ образомъ, Василь во многомъ уступаетъ многимъ селамъ Васильскаго уѣзда и прежде всего своему ближайшему сосѣду — селу *Воротанцу*, находящемуся всего въ 12 верстахъ отъ города и ведущему большой торгъ хлѣбомъ, соперничающему въ этомъ отношеніи съ Лысковымъ.

Изъ старинныхъ остатковъ около Василя слѣдуетъ назвать на самой вершинѣ горы, висящей надъ Василемъ, валы и рвы, извѣстные въ народѣ подъ именемъ *Цѣпели*,—остатки, по всей вѣроятности, какой-нибудь черемисской крѣпости, которой исторія не помнитъ. Ниже Василя, верстахъ въ 8 отъ него, въ лѣсной чащѣ, видны теперь остатки валовъ и рвовъ, называемые народомъ *Чортовомъ Городищемъ*. Объ этомъ Чортовомъ Городищѣ ходятъ въ народѣ два преданія: по одному—здѣсь жилъ какой-то «панъ» и притомъ злодѣй, по другому — Разинъ съ своею вольницей. По всей вѣроятности, и Чортово Городище принадлежитъ къ числу до-историческихъ остатковъ, тѣмъ болѣе, что очертанія валовъ и рвовъ его весьма сходны съ очертаніями другихъ (и именно болгарскихъ) древнихъ памятниковъ на Волгѣ.

А. С. Гацискій.

ОЧЕРКЪ VI.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ И ЕГО ЯРМАРКА.

Происхожденіе города.—Историческія судьбы его.—Картина Нижняго-Новгорода въ разное время года.—Пароходство по Волгѣ.—Достопримѣчательности Нижняго.—Ярмарка.—Главнѣйшіе предметы торговли.—Обороты ярмарки.—Прогулка по нижегородской ярмаркѣ.—Благовѣщенскій монастырь.—Рождественская церковь.—Печерскій монастырь.—Нижегородскій Кремль и его достопримѣчательности.—Промышленная дѣятельность Нижегородской губерніи вообще.—Кустарные промыслы въ различныхъ уѣздахъ и селахъ.

Нижній—сосѣдъ Москвы ближній:
дома каменные, люди желѣзные.

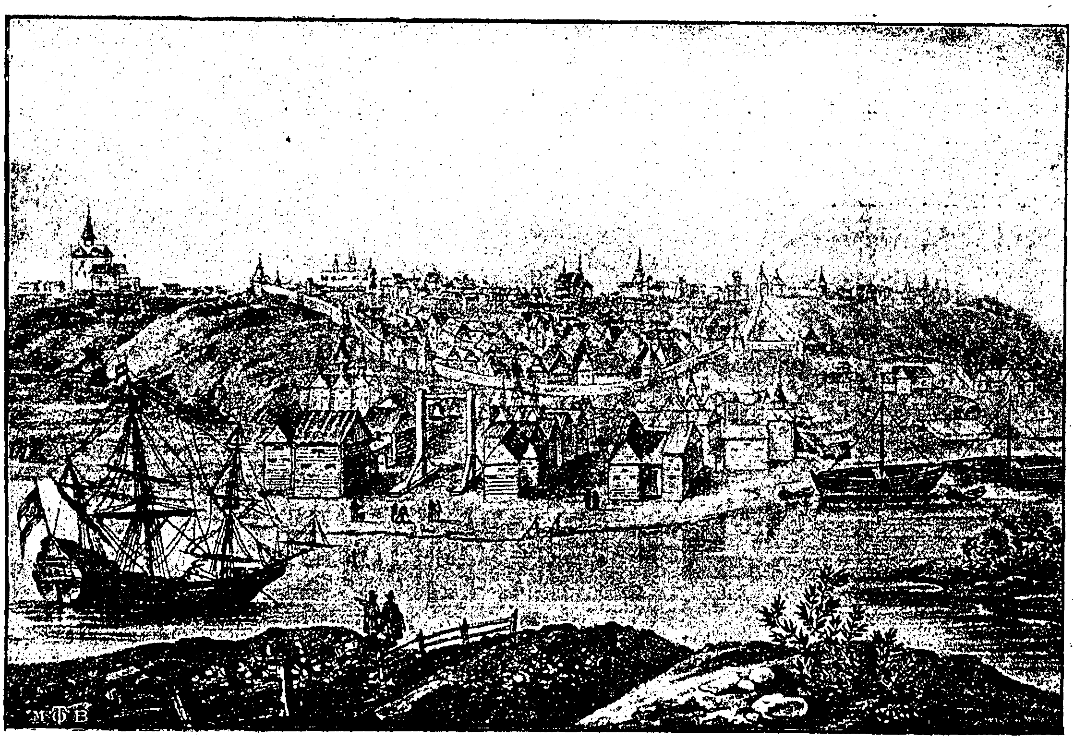
Пословица.

ЖИВОПИСНО раскинулся на горахъ, при устьѣ Оки, Нижній-Новгородъ, справедливо считающійся однимъ изъ красивѣйшихъ поволжскихъ городовъ. Абсолютная высота нижегородскихъ горъ равняется 490 футамъ, высота же надъ уровнемъ Волги и Оки достигаетъ 400 футовъ, т.-е. 57 саженей съ небольшимъ.

Происхождеіне этого «красавца» и его историческія судьбы весьма интересны. Устье Оки, при которомъ теперь стоитъ городъ, стало чаще посѣщаться русскими, какъ видно изъ лѣтописей, лишь около XII столѣтія, но только въ XIII, а именно около 1222 года, основанъ здѣсь великимъ княземъ Юріемъ II Всеволодовичемъ городъ, названный имъ Новгородомъ Низовской земли.

Въ одной мордовской пѣснѣ основаніе Нижняго передается слѣдующимъ образомъ: «По Волгѣ ѣхалъ русскій князь Мурза; на ту пору на горѣ мордва въ бѣлыхъ своихъ балахонахъ молилась Богу; спросилъ Мурза своихъ воиновъ: «Что это за березникъ мотается-шатается, къ землѣ-матушкѣ на востокъ приклоняется?» Посланные донесли, что это не березникъ мотается-шатается, а мордва своему Богу молится; въ бадьяхъ у нихъ стоитъ пиво сладкое, на рычагахъ виситъ яичница, въ котлахъ янбеды (жрецы) говядину варятъ... Старики изъ мордвы, узнавъ о прибытіи русскаго князя Мурзы, послали ему съ молодыми людьми говядины и пива; молодые люди дорогой говядину съѣли, пиво выпили, а русскому князю принесли земли да воды. Князь Мурза обрадовался этому дару, принялъ его за знакъ покорности мордовскаго племени и поплылъ далѣе по Волгѣ-рѣкѣ: гдѣ кинетъ на берегъ горсть поднесенной ему недогадливой мордовской молодежью земли—тамъ быть городу, гдѣ броситъ щепотку—тамъ быть селу... Такъ и покорилась русскимъ земля Мордовская».

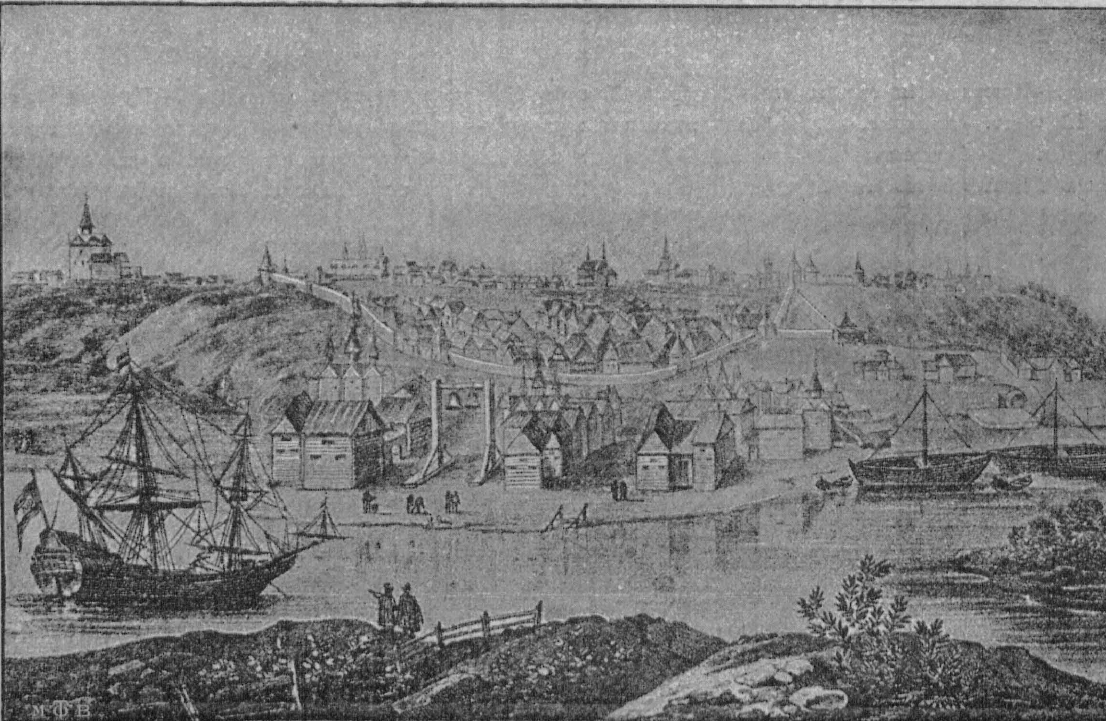
О младенческомъ періодѣ Нижняго-Новгорода сохранилась еще слѣдующая любопытная легенда. Во времена стародавнія, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Нижній, жилъ мордвинъ Скворецъ, другъ и помощникъ Соловья-Разбойника, связаннаго Ильею Муромцемъ. Скворецъ имѣлъ 18 женъ, которыя родили ему 70 сыновей. Вся семья жила вмѣстѣ, занимаясь скотоводствомъ: пасла свои стада на горѣ, а къ закату солнца гоняла ихъ на водопой на Оку. Неподалеку обиталъ чародѣй Дятелъ, тоже другъ и пріятель Соловья-Разбойника. Однажды Скворецъ спросилъ Дятла о будущей судьбѣ своихъ дѣтей. «Если дѣти твои будутъ жить мирно другъ съ другомъ,—отвѣчалъ Дятелъ,—они долго будутъ владѣть здѣшними мѣстами, а если разсорятся — будутъ покорены русскими, которые поставятъ на устьѣ Оки градъ каменъ и крѣпокъ зѣло-зѣло, и не одолѣютъ его силы вражескія». Въ заключеніе Дятелъ просилъ Скворца честно похоронить его. Померъ чародѣй Дятелъ и похоронилъ его Скворецъ на мѣстѣ нынѣшняго Благовѣщенскаго монастыря, и прозвалось то мѣсто Дятловыми горами. Умеръ и Скворецъ. Умирая, завѣщалъ дѣтямъ своимъ взаимное согласіе. Но они не послушались ста-

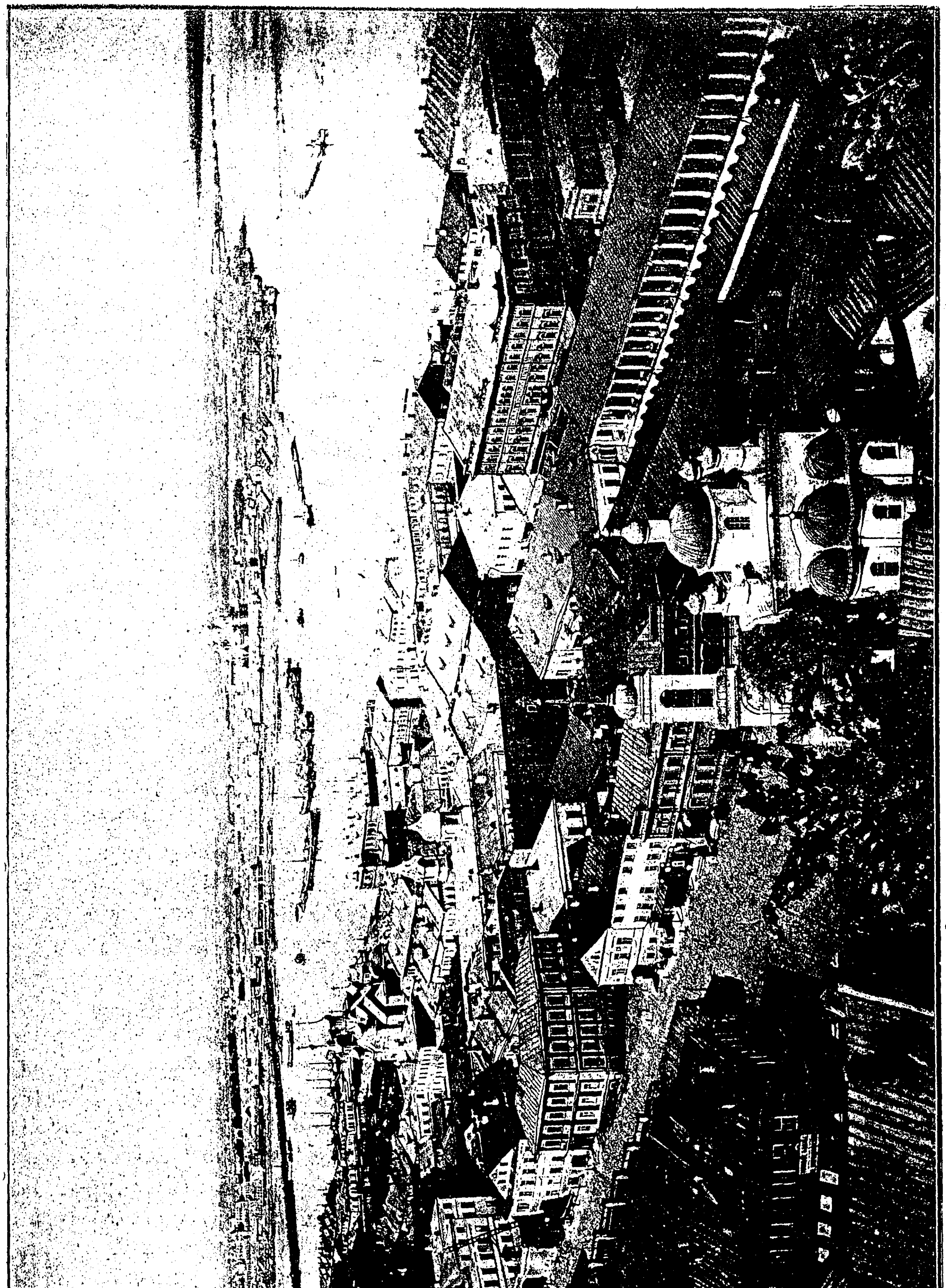
Видъ Нижняго Новгорода въ началѣ XVII столѣтія.
(Гравюра того времени).

рика, и тогда Андрей Боголюбскій прогналъ ихъ съ устья Оки, а племянникъ его Юрій построилъ Нижній.

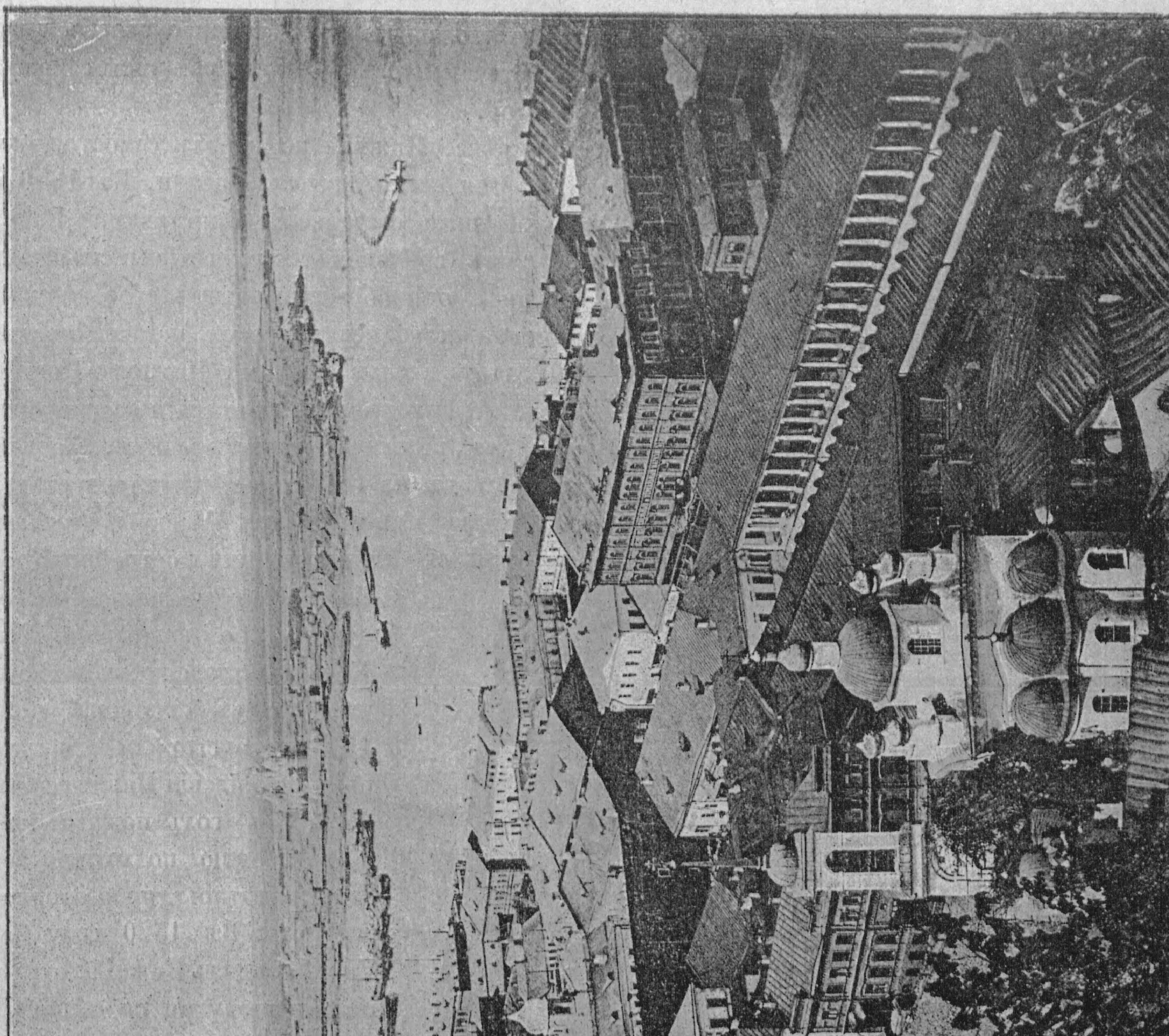
Исторически извѣстно, что при походахъ суздальцевъ на болгаръ глаза ихъ разгорались на устье Оки тѣмъ сильнѣе, что туземныя мордовскія племена, несмотря на безпокойства, которыя по временамъ наносили надвигавшемуся на нихъ съ запада русскому племени, были все-таки въ сущности слабы своею разрозненностью. За то численностью населенія сильна была Мордовская земля, особенно по берегамъ Оки, Волги, Кудьмы, Теши, Суры, и потому разсчетливѣе было русскимъ не особенно углубляться внутрь страны, дѣйствовать исподволь. Необходимо было основать у господствовавшаго надъ Мордовской землею устья Оки крѣпкое поселеніе. Эту мысль понялъ и осуществилъ, какъ выше замѣчено, около 1222 года Юрій II Всеволодовичъ. Кромѣ соображеній политическихъ въ выборѣ именно устья Оки мѣстомъ основанія Нижняго, руководили Юріемъ до нѣкоторой степени, быть можетъ, и чисто-поэтическія побужденія: вспоминая дорогой русскому Кіевъ, Юрій, догадывается преданіе, думалъ поставить у себя подъ рукою подобіе Кіева, съ которымъ Нижній дѣйствительно имѣетъ сходство. Это

Видъ Нижняго Новгорода въ началѣ XVII столѣтія
(Гравюра того времени).

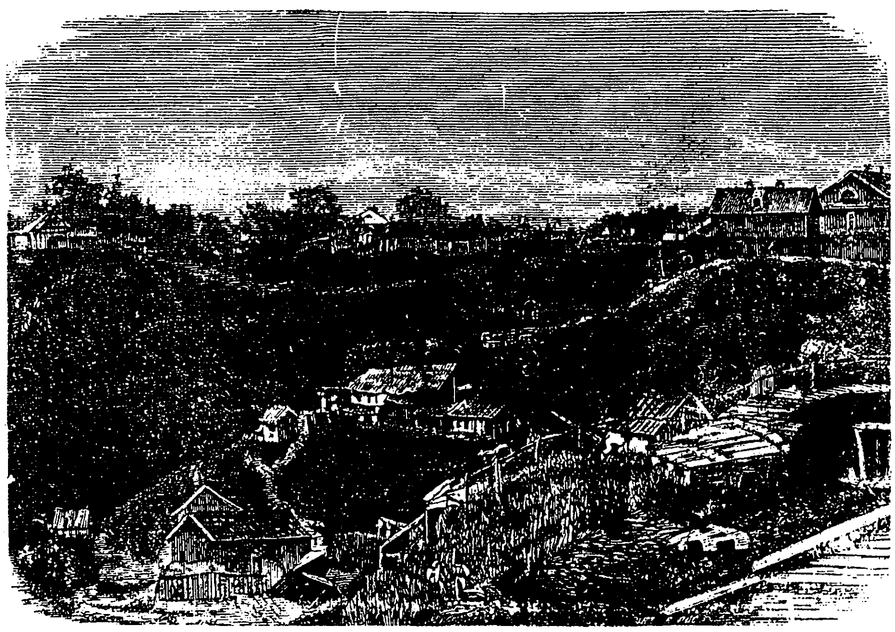
Общій видъ Нижняго-Новгорода.

Общій видъ Нижняго-Новгорода.

сходство до того поразило, по преданію, Юрія Всеволодовича, что, думая о своемъ нижегородскомъ печерскомъ монастырѣ, онъ и рѣчку, протекающую по одному изъ нижегородскихъ овраговъ и впадающую въ Волгу, прозвалъ Почайной.

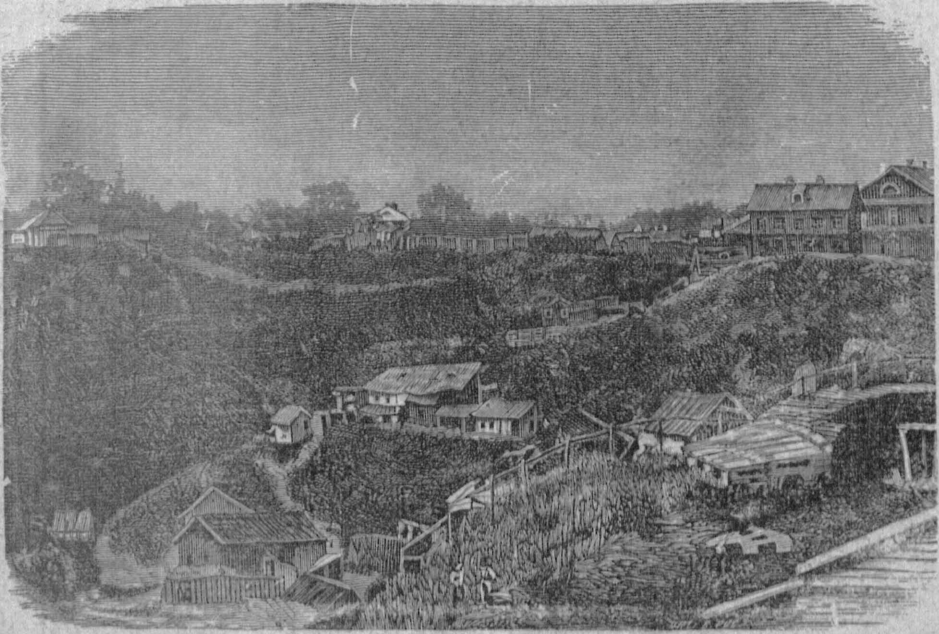
Со времени основанія и вплоть до начала XIV вѣка, Нижній не игралъ самостоятельной роли, а служилъ пригородомъ Суздаля и крѣпостью для всей Низовской земли. Въ 1350 году такое положеніе вещей, однако, измѣнилось: великій князь суздальскій Константинъ Васильевичъ перенесъ престолъ изъ Суздаля въ Нижній; тѣмъ временемъ московскіе князья успѣли уже усилиться. Завоевывая одинъ удѣлъ за другимъ, они обратили затѣмъ свое вниманіе на Нижегородское княжество. Преемники Константина старались удержать независимость, но пользоваться ею имъ пришлось недолго. Въ 1392 году передъ стѣнами Нижняго-Новгорода появилась московская рать. Послѣ краткаго сопротивленія городъ былъ взятъ и великаго князя московскаго Василія Димитріевича объявили великимъ княземъ нижегородскимъ. Завладѣвъ Нижнимъ, московскіе князья стали смотрѣть на него, какъ на сторожевой пунктъ и старались его всячески укрѣпить. Въ 1508 году въ Нижній былъ присланъ изъ Москвы итальянскій архитекторъ Франческо или Фрязинъ, какъ называютъ его лѣтописи, для постройки Кремля. Въ 1511 году постройка была совершенно закончена. Такой Кремль оказался тѣмъ болѣе кстати, что въ огромный пожаръ 1513 года сгорѣли всѣ старинныя укрѣпленія Нижняго-Новгорода. Въ годъ пожара къ новому кремлю подходили астраханскіе татары, но и отошли ни съ чѣмъ. Въ 1520 году Саинъ Гирей осадилъ Нижній, но кремль оказался ему не по силамъ: постоявши передъ нимъ три дня, Саинъ Гирей послѣдовалъ примѣру астраханскихъ татаръ, и «ничтоже сотвориша, отыде вспять».

Нижній-Новгородъ. Мѣстность стараго Нижняго-Новгорода.

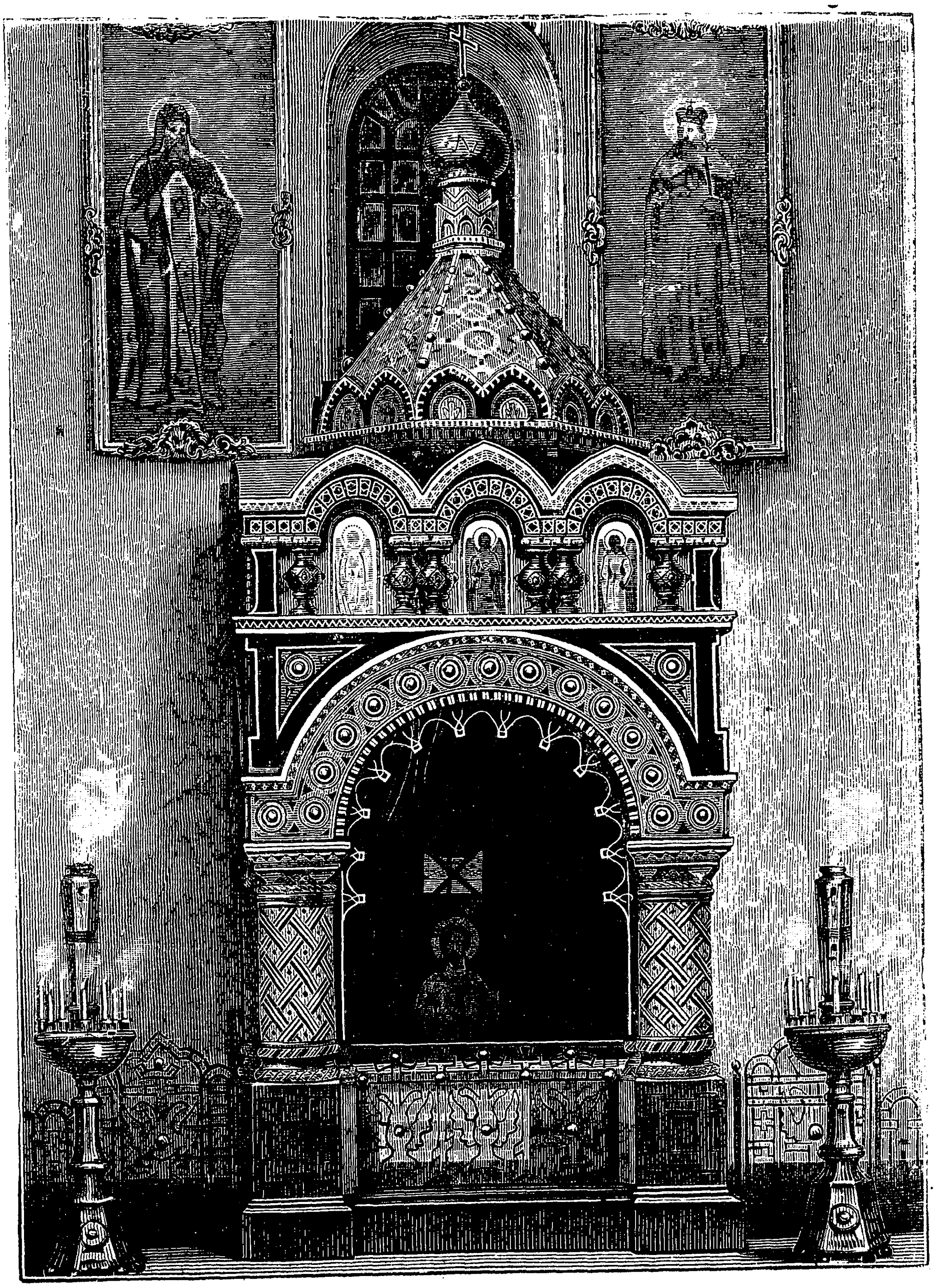
Въ смутное время и въ нижегородскомъ поволжьѣ стали появляться «воры», какъ назывались въ XVI и XVII столѣтіяхъ люди политически-неблагонадежные. Первые воры, приверженцы тушинскаго царька, показались въ Березопольѣ (мѣстность, занимаемая нынѣшнимъ Нижегородскимъ уѣздомъ и частью Горбатовскаго) около 1606 года. Вскорѣ вольница разбрелась повсюду, увеличиваясь, какъ катящійся комъ снѣга, всѣми недовольными существовавшимъ порядкомъ вещей элементами. Вольница проникла до Алатыря, взяла его, двинулась къ Нижнему, «многія пакости дѣяху», но удалилась, не смогши ничего сдѣлать съ нижегородскими укрѣпленіями. Московская рать старалась затушить возстаніе, но была на ту пору безсильна дѣйствовать на громадномъ пространствѣ, имъ охваченномъ. Алатырь, Курмышъ, Ядринъ, Арзамасъ, Темниковъ и Касимовъ и подъ самымъ Нижнимъ—Балахна, Пуреховская и сосѣднія волости возстали открыто и грозно держали знамя имени Дмитрія до самой Вятки. Нижній стоялъ за Москву.

6 октября 1611 года троицкія власти, игравшія, какъ извѣстно, такую видную роль въ возбужденіи русскаго народа стоять противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ своихъ, разослали по всѣмъ областямъ грамоты съ извѣстіемъ, что «пришелъ къ Москвѣ, къ литовскимъ людямъ на помощь, Ходкѣвичъ и съ нимъ пришло всякихъ людей съ 2000 человѣкъ и стали

Нижній-Новгородъ. Мѣстность стараго Нижняго-Новгорода.

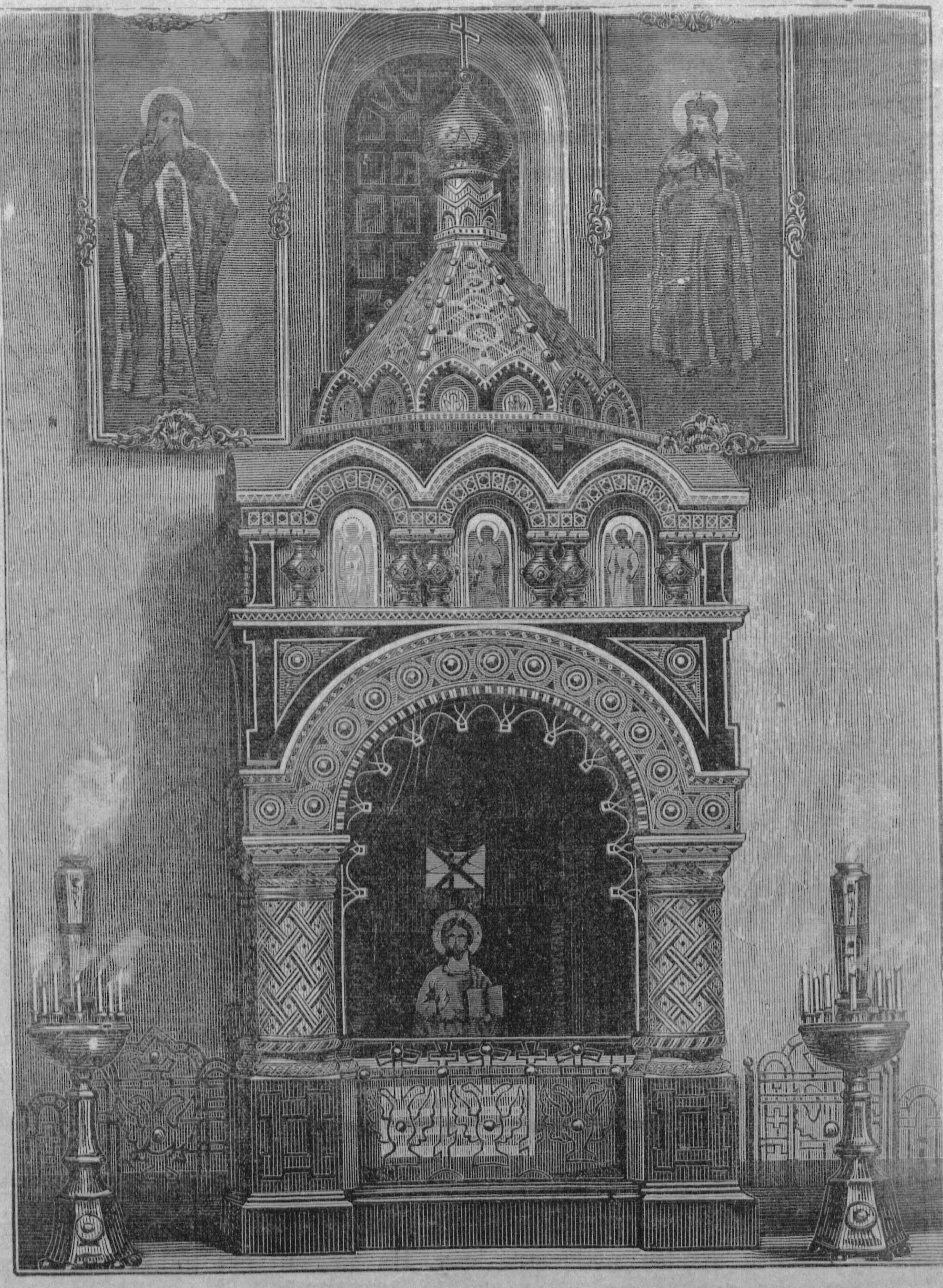
по дорогамъ въ Красномъ Селѣ и по коломенской дорогѣ, чтобы имъ къ боярамъ, воеводамъ и ратнымъ людямъ, которые за православную христіанскую вѣру, никакихъ запасовъ не пропустить и голодомъ отъ Москвы отогнать, и насъ, православныхъ христіанъ, привести въ конечную погибель; а бояре, воеводы и всякіе ратные люди стоятъ подъ Москвою крѣпко и

Новый памятникъ Минину, въ каѳедральномъ соборѣ, въ г. Нижнемъ-Новгородѣ, по проекту архитектора Даля.

неподвижно, хотятъ за православную вѣру, по своему обѣщанію, пострадать и смертью животъ вѣчный получить».

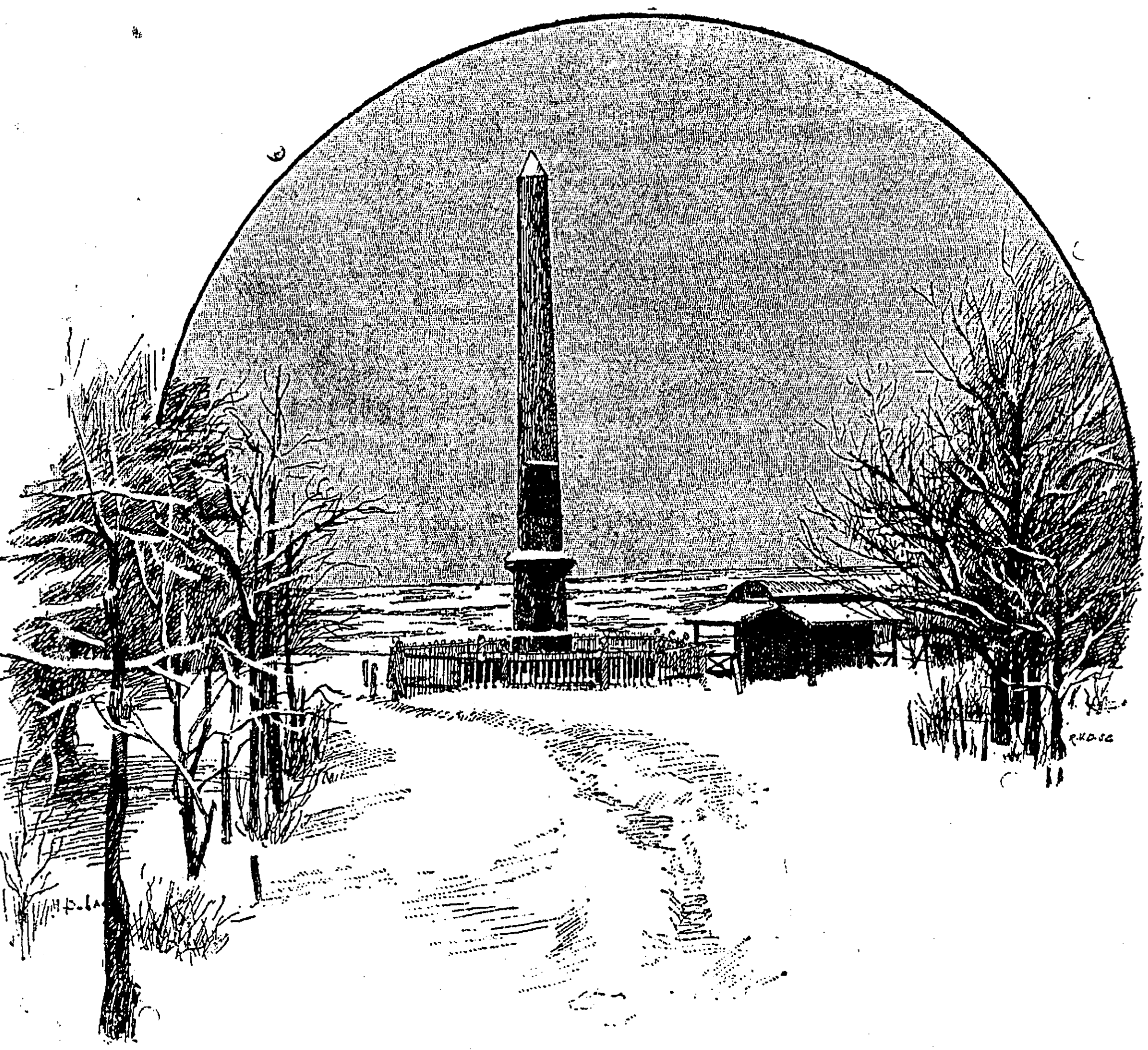
Въ то время въ Нижнемъ были воеводами князь Василій Андреевичъ Звенигородскій и Андрей Семеновичъ Алябьевъ. Въ числѣ земскихъ старостъ былъ Мининъ, о которомъ до 1611 года извѣстно только, что онъ «имяше торговлю мясную», служилъ старостой, участво-

Новый памятникъ Минину, въ каѳедральномъ соборѣ, въ г. Нижнемъ-Новгородѣ, по проекту архитектора Даля.

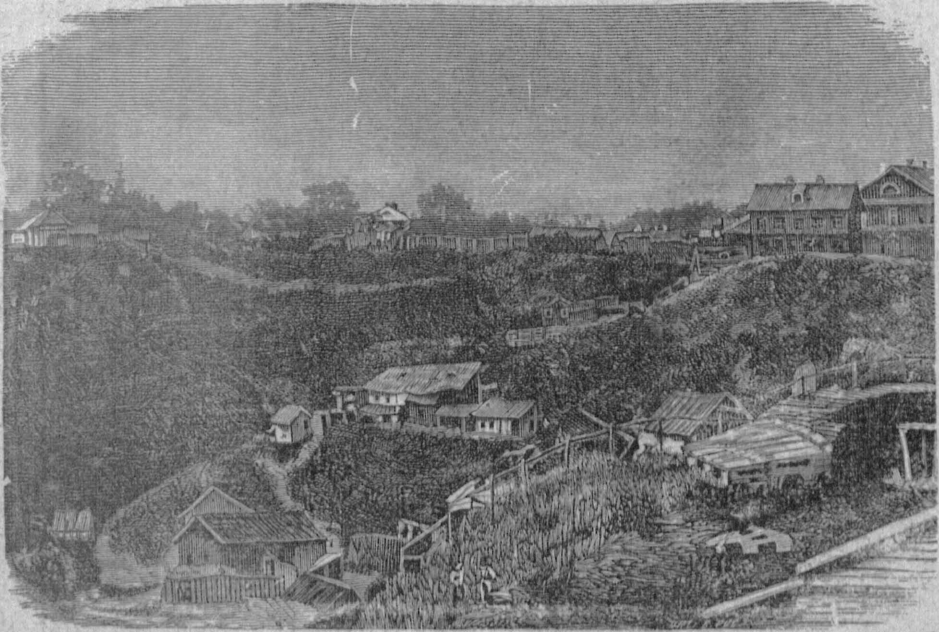
валъ въ нѣсколькихъ походахъ противъ вольницы, имѣлъ значительное состояніе и родомъ былъ будто-бы изъ Новгорода Великаго. Жилъ въ то время Мининъ въ Нижнемъ на Почайнѣ, около «Верхнебазарнаго Николы», что видно изъ напечатанныхъ П. И. Мельниковымъ въ «Москвитянинѣ» за 1852 годъ актовъ (прежде полагали, что домъ Минина стоялъ въ Благовѣщенской Слободѣ); акты эти указываютъ на то, что до пожалованія Минину мѣста въ кремлѣ онъ имѣлъ домъ именно на Почайнѣ. Въ записи на одну купчую крѣпость 1605 года говорится, что рядомъ съ купленнымъ домомъ стоитъ домъ посадскаго человѣка Кузьмы Захарьевича Минина-Сухорука.

Когда въ октябрѣ 1611 года въ Нижнемъ получена была троицкая грамота, старшіе люди въ городѣ собрались съ духовенствомъ для совѣта, и Мининъ сказалъ: «Святый Сергій явился

Нижній-Новгородъ. Памятникъ Минину.

мнѣ во снѣ и приказалъ возбудить уснувшихъ; прочтите грамоты Діонисіевы въ соборѣ, а тамъ, что будетъ угодно Богу». Стряпчій Биркинъ сталъ противорѣчить, но Мининъ остановилъ его, давъ ему понять, что не довѣряетъ ему. На другой день нижегородцы сошлись въ соборѣ; протопопъ Савва убѣждалъ ихъ стать за вѣру, а затѣмъ прочиталъ громогласно троицкую грамоту. Послѣ протопопа Саввы, началъ говорить Мининъ: «Захотимъ помочь московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать и бить челомъ—кто-бы вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ». На начавшихся послѣ того въ Нижнемъ частыхъ сходкахъ, Мининъ продолжалъ говорить въ томъ-же духѣ, и когда его, наконецъ, стали спрашивать, что-же дѣлать—отвѣчалъ: «Ополчаться! Сами мы не искусны въ ратномъ дѣлѣ, такъ станемъ кличъ кликать по вольныхъ служилыхъ людей».—«А казны намъ откуда взять служилымъ людямъ?»—

Нижній-Новгородъ. Мѣстность стараго Нижняго-Новгорода.

Нижній-Новгородъ. Памятникъ Минину.

снова спрашивали его. «Я, убогій, — отвѣчалъ Мининъ, съ товарищами своими, всѣхъ насъ 2500 человѣкъ, а денегъ у насъ въ сборѣ 1700 рублей; брали третью деньгу: у меня было 300 рублей, и я 100 рублей въ сборныя деньги принесъ; тоже и вы всѣ сдѣлайте». — «Будь такъ, будь такъ!»—закричали всѣ. Начался сборъ; пришла одна вдова и сказала: «Осталась я послѣ мужа бездѣтна и есть у меня 12,000 рублей, 10,000 рублей отдаю въ сборъ, 2000 оставляю себѣ».

Какъ справедливо замѣчалъ Мининъ, прежде чѣмъ скликать ратниковъ, нужно было найти начальника, воеводу. Такимъ воеводой былъ выбранъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Завѣдываніе казной, по настоянію Пожарскаго, поручили Минину.

Вѣсть, что нижегородцы встали и готовы на всякія пожертвованія для ратныхъ людей, быстро распространилась по ближайшимъ городамъ, изъ которыхъ массы народа шли на раздавшійся зовъ изъ Нижняго. Пріѣхалъ и князь Дмитрій Михайловичъ и началъ здѣсь свою дѣятельность съ раздачи жалованья ратнымъ людямъ. Но скоро нижегородской казны стало недоставать; нужно было писать къ другимъ городамъ, просить ихъ помощи. Такимъ образомъ была написана грамота отъ имени Пожарскаго и всякихъ ратныхъ и земскихъ людей Нижняго.

Волга около Нижняго.

Бурлаки за обѣдомъ.

«Эта грамота»,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—возвѣщавшая второе возстаніе земли, отличается отъ грамотъ, писанныхъ во время перваго возстанія (Ляпунова) тѣмъ, что въ ней объявляется движеніе чисто-земское, направленное столько-же, если еще не больше, противъ казаковъ, сколько и противъ польскихъ и литовскихъ людей; основная мысль грамоты: надобно намъ соединиться и дѣйствовать вмѣстѣ, чтобы не дать казакамъ сдѣлать ничего дурного. Грамота имѣла сильное дѣйствіе, ибо въ областяхъ всѣ были готовы къ возстанію и ждали только начала. Отовсюду слали въ Нижній выборныхъ на совѣтъ, присылали и казну, шли ратные люди».

Первые пришли въ Нижній коломничи, за ними рязанцы, потомъ казаки и стрѣльцы, сидѣвшіе въ Москвѣ въ осадѣ съ царемъ Василіемъ. Между всѣми этими гостями и нижегородцами былъ великій совѣтъ и любовь, говоритъ лѣтописецъ. Какъ вдругъ получены были дурныя вѣсти оттуда, откуда ихъ всего меньше ожидали: Казань, которая также до тѣхъ поръ стояла за Москву, отказалась участвовать въ общемъ движеніи. Получивъ о томъ извѣстіе,

Волга около Нижняго.

Бурлаки за обѣдомъ.

князь Пожарскій, Мининъ и всѣ остальные, собравшіеся въ Нижнемъ люди положили, по словамъ лѣтописца, упованіе на Бога, и, какъ Іерусалимъ былъ очищенъ послѣдними людьми, такъ и въ московскомъ государствѣ послѣдніе люди собрались и пошли противъ безбожныхъ латынъ и противъ своихъ измѣнниковъ. «Дѣйствительно,—прибавляетъ С. М. Соловьевъ,—это были послѣдніе люди московскаго государства, коренные, основные люди: когда ударили бури Смутнаго времени, то потрясли и свѣяли много слоевъ, находившихся на поверхности, но когда коснулись основаній общественныхъ, то встрѣтили и людей основныхъ, о силу которыхъ напоръ ихъ долженъ былъ сокрушиться».

Конецъ нижегородскаго движенія извѣстенъ всякому русскому.

При избраніи на престолъ Михаила Өеодоровича Романова участвовалъ, конечно, и Нижній. Избирательную грамоту подписали нижегородскіе выборные: протоіерей Преображенскаго собора Савва, посадскій Самойла Богомоловъ, стрѣльцы Яковъ Ульяновъ и Өедоръ Княжегородскій съ братомъ, стрѣлецкимъ сотникомъ Степаномъ Княжегородскимъ, архимандритъ печерскаго монастыря Өеодосій, князь Пожарскій и другіе; всего подписей подъ избирательной грамотой было до 50. За Минина къ грамотѣ руку приложили другіе, значитъ, онъ грамоты не зналъ. Но это, конечно, не помѣшало ему имѣть ту энергію и способность угадать историческій ходъ событій, безъ чего жизнь не выдвигаетъ впередъ людей изъ толпы ихъ современниковъ.

За заслуги свои всей странѣ Мининъ получилъ званіе думнаго дворянина, домъ въ Нижнемъ и богатое помѣстье въ Березопольѣ—село Богородское съ деревнями и пустошами.

Кончина Минина въ Нижнемъ относится къ 1616 году. Потомство его вскорѣ прекратилось.

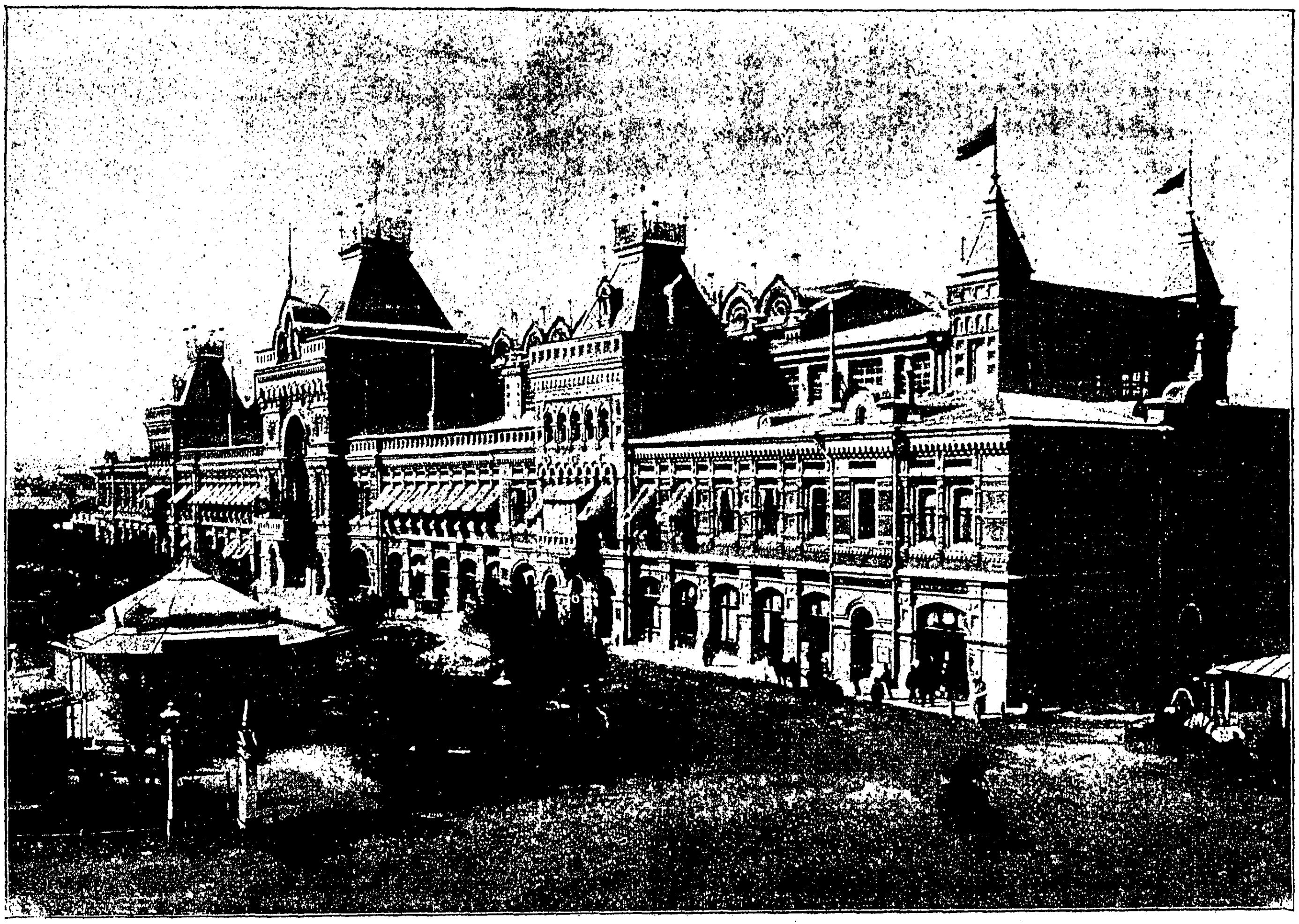
Послѣ Минина въ исторіи Нижняго-Новгорода произошло затишье. Впослѣдствіи она два раза опять оживилась, а именно въ эпохи Разина и Пугачева. Столь памятный для насъ, русскихъ, 1812 годъ коснулся, разумѣется, и Нижняго-Новгорода. Нижегородская губернія выставила 13 дружинъ ополченія, подъ начальствомъ князя Георгія Александровича Грузинскаго, который, однако, дошелъ только до с. Доскина: его мѣсто заступилъ Каратаевъ.

Теперь перейдемъ къ описанію Нижняго.

Городъ растетъ съ каждымъ годомъ: въ 1800 году въ немъ считалось всего до 10,000 жителей обоего пола, въ тридцатыхъ годахъ не болѣе 25,000, а теперь постоянное народонаселеніе его зашло за 95,000.

Самое оживленное время года въ Нижнемъ находится въ связи съ географическимъ положеніемъ мѣстности, слѣдствіемъ котораго является *ярмарка*, съ одной стороны, и съ другой— *весна*, связанная съ началомъ жизни на Волгѣ, освобождающейся отъ зимнихъ оковъ своихъ. Въ январѣ, но особенно въ февралѣ и мартѣ, появляются новыя фигуры въ городѣ, одѣтыя бóльшею частію въ коротенькое верхнее платье съ цвѣтнымъ шарфомъ на горлѣ, въ большихъ сапогахъ и въ полу-военной фуражкѣ — это всевозможные пароходные приказчики, лоцмана, водовозы, машинисты, матросы и т. д. Они снуютъ по всѣмъ направленіямъ города, но особенно толпятся на Нижнемъ Базарѣ, т.-е. въ Нижней части города. Но вотъ Волга посинѣла и обезлюдѣла, изрѣдка виденъ на ней только одинокій смѣльчакъ, протестующій противъ распоряженія полиціи, пробираясь по рыхлому льду пѣшкомъ или даже и на лошади. Черезъ нѣсколько дней настаетъ, наконецъ, уже полное затишье въ ожиданіи роковой минуты. Пароходной публики въ городѣ не видать, ее вымело отсюда, какъ метлой: ряда кончена, всѣ на своихъ мѣстахъ, по затонамъ, на пароходныхъ зимовкахъ, стоянкахъ, гдѣ пароходы, съ расколотымъ около нихъ льдомъ, уже охорашиваются, чистятся, красятся и принимаютъ свой лѣтній, нарядный видъ. Къ набережной со всѣхъ концовъ города стремится публика, съ нетерпѣніемъ ожидающая, что вотъ-вотъ треснетъ ледъ и тронется. Идетъ сюда человѣкъ, интересы котораго всецѣло поглощаются Волгой, идетъ и тотъ, котораго Волга вовсе не касается матеріально, идетъ, подчиняясь какому-то общему движенію... За границей непремѣнно па-

лили-бы изъ пушекъ въ такой моментъ, какъ вскрытіе рѣкъ подъ Нижнимъ... Наконецъ, Волга тронулась. Отдѣлились другъ отъ друга огромныя льдины, на которыхъ сидятъ застигнутые врасплохъ зайцы; зимняя черная дорога разорвалась на части, и гдѣ стала поперекъ Волги, гдѣ скрестилась. Начинается ледоходъ, а черезъ нѣсколько дней уже пароходы перерѣзываютъ рѣку по всѣмъ направленіямъ, оглашаютъ воздухъ пронзительными свистками; на пристаняхъ, гдѣ уже уставились въ рядъ пароходныя конторки (дебаркадеры), выведенныя изъ затоновъ, начинается выгрузка и нагрузка товаровъ, при чемъ, при погрузкѣ, по волжскому обычаю, не забывается «натопецъ», т.-е. на всю пропорцію груза, которую можетъ безопасно поднять судно, прикидывается еще лишечекъ чуть не въ нѣсколько тысячъ пудовъ, на авось, вслѣдствіе чего суда, застигнутыя волненіемъ, нейдутъ въ вѣтеръ, а, прижавшись къ берегу, отстаи-

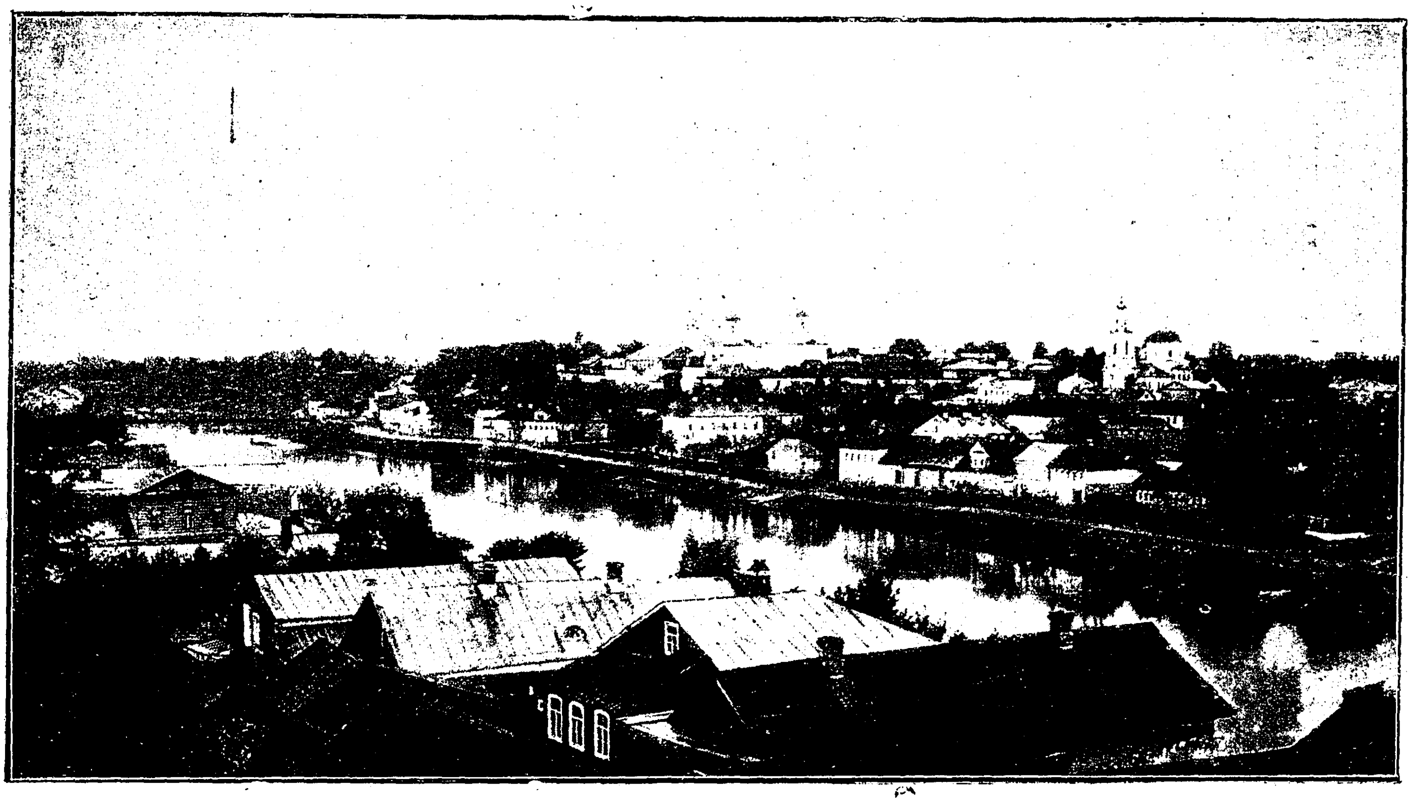
Главное зданіе ярмарки.

ваются на якорѣ, а на меляхъ и перекатахъ чаще и чаще слышится вѣчный волжскій припѣвъ: «Суйся, ребятушки, суйся!» Чаще и чаще затягивается «Дубинушка», выкрикивается «Сама пойдетъ, сама пойдетъ» и даже «Сама пошла, сама пошла», когда дѣло стоитъ на мѣстѣ, и ни взадъ, ни впередъ нейдетъ.

Зимняя уличная публика—такъ-называемые «Ваньки», деревенскіе легковые извозчики, во множествѣ пріѣзжающіе въ городъ, по окончаніи молотьбы — убралась по домамъ, довольная тѣмъ, что прокормила себя и лошадь. Эту публику, одновременно съ появленіемъ пароходнаго персонала, смѣняютъ одиночные парни съ изнуреннымъ видомъ, приходящіе изъ ближайшихъ деревень искать въ городѣ работы—дрова рубить, снѣгъ убирать: «Другой день не ѣмши, хуже нищаго», говорятъ они и, въ случаѣ отказа въ работѣ, просятъ подать на хлѣбъ. Ихъ вскорѣ смѣняютъ голосистые разносчики, съ своими перекрикивающими другъ друга возгласами: «Живый ракъ, свѣж-жь ра-акии!» или «Тхачить ножи, да но-ожницы тачить!»

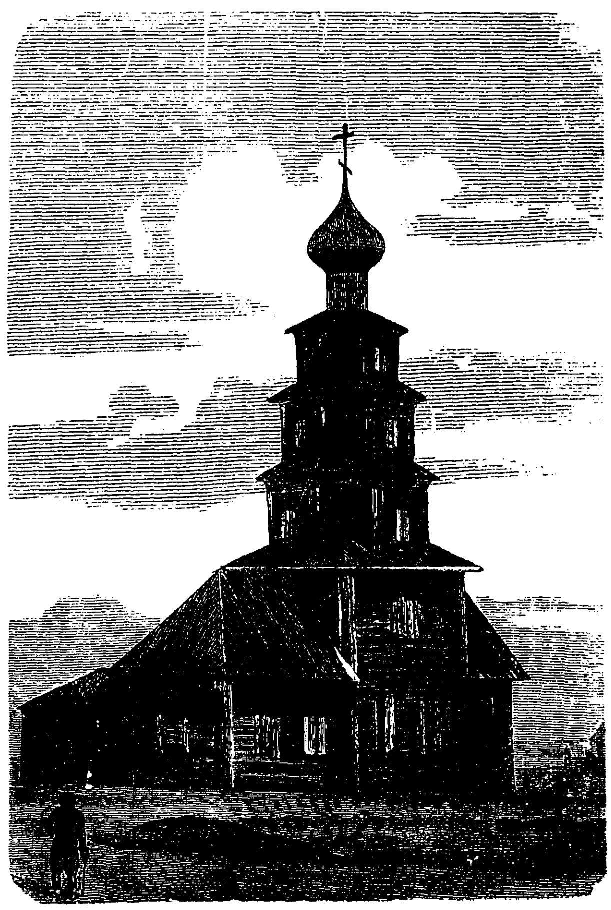
Главное зданіе ярмарки.

Общій видъ г. Торжка. (Съ фотографіи).

стоящее время, не считая монастырскихъ и соборной,—17. Изъ 7 городскихъ монастырей осталось только два.

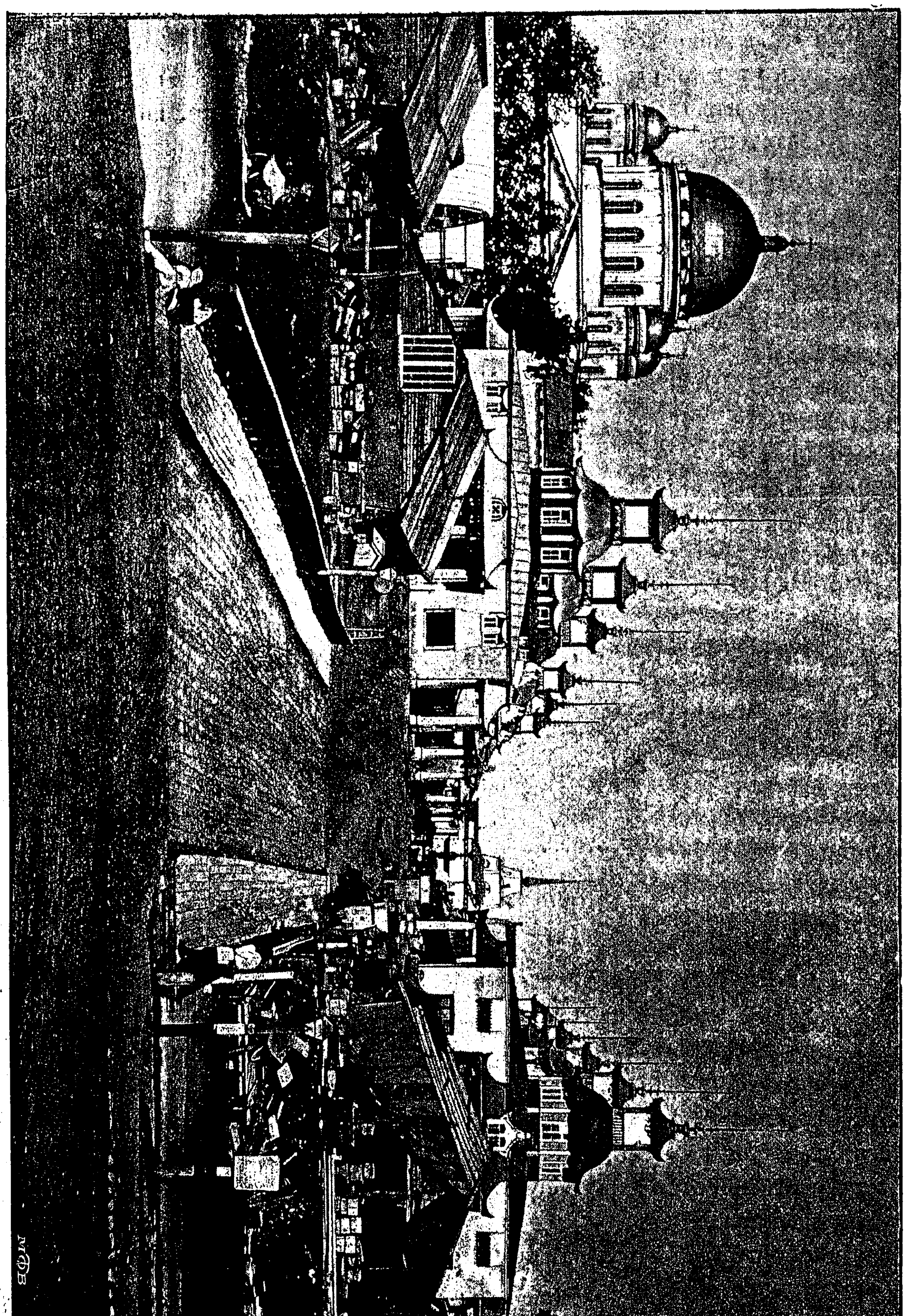
Исчезновенію монастырей немало способствовалъ упадокъ города съ паденіемъ торговли и независимости Великаго Новгорода, а оскудѣнію благочестія—появленіе среди городского торговаго сословія раскола старообрядства, въ значительномъ количествѣ знаменующаго свое пребываніе, какъ и во Ржевѣ, осьмиконечными крестами надъ входными дверями въ лавкахъ и въѣздными воротами при домахъ.

Вознесенская церковь въ Торжкѣ.

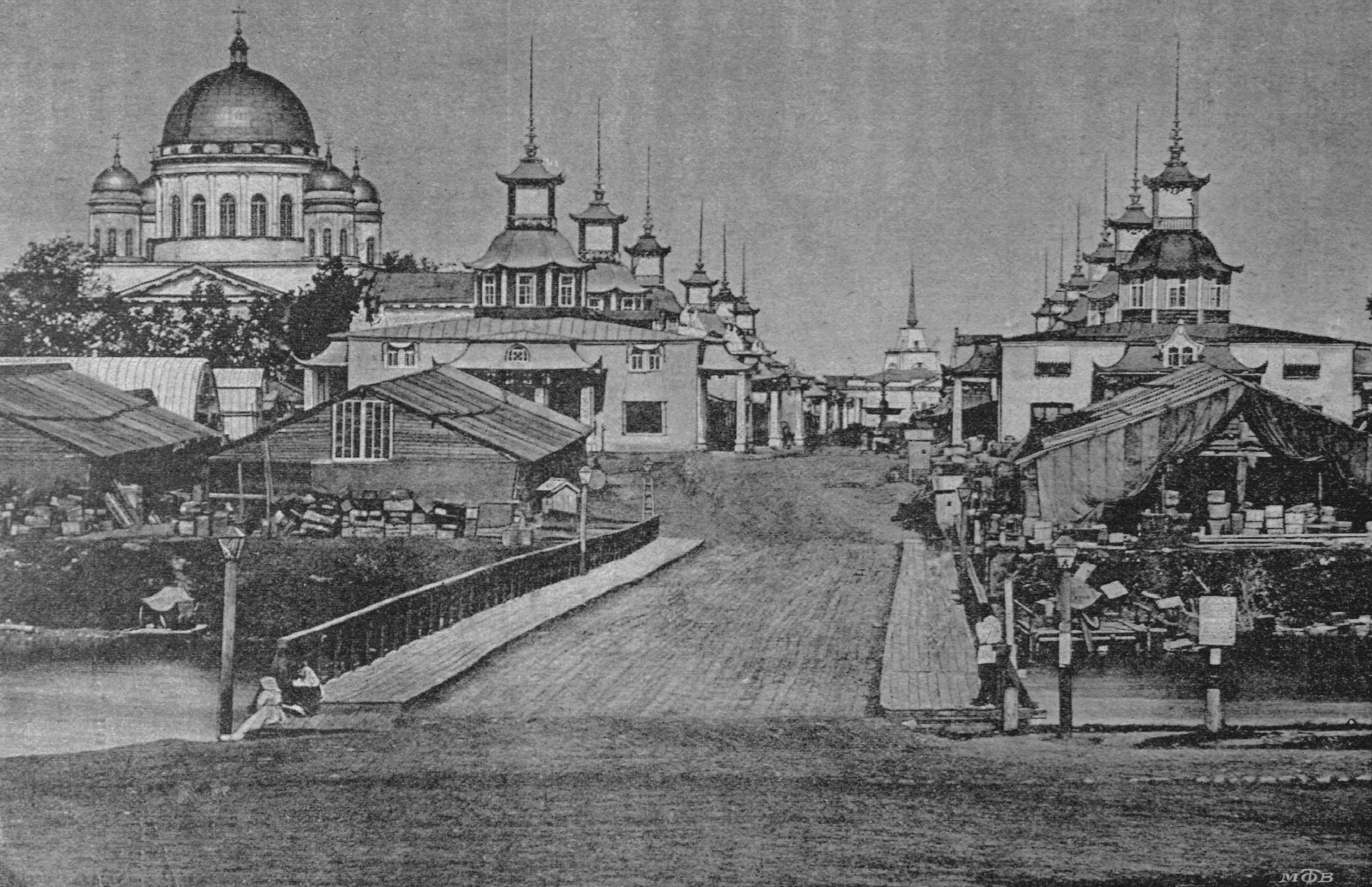
Здѣсь сильно былъ развитъ промыселъ шитья сапогъ и башмаковъ сафьянныхъ, бархатныхъ и замшевыхъ, расшитыхъ золотомъ, серебромъ, золотянкой или мишурой и шелкомъ. Многочисленные покупатели разносили объ этихъ издѣліяхъ славу во всѣ концы Россіи. Кромѣ обуви начали изготовлять ермолки тканыя и точаныя, сафьянные подушки и матрацы, пояса, кошельки, кисеты и чемоданы. Теперь ремесло держится лишь туфель, дѣтскихъ башмачковъ, поясковъ, мячиковъ, ридикюлей, да и то только благодаря повсемѣстной извѣстности этихъ рукодѣлій. Однако, въ Торжкѣ продажа этихъ издѣлій изъ первыхъ рукъ уже не производится. Швеи работаютъ лишь по заказамъ извѣстныхъ торговцевъ, которые и снабжаютъ ихъ своимъ матеріаломъ. У одного имѣется лавка въ самомъ городѣ, но издѣлія продаются лишь между прочимъ, вмѣстѣ съ другими болѣе

Въ концѣ мая и началѣ іюня желѣзная дорога то и дѣло ссаживаетъ на пароходы цѣлые транспорты аристократической публики, направляющейся въ свои бузулукскія и стерлитамак-

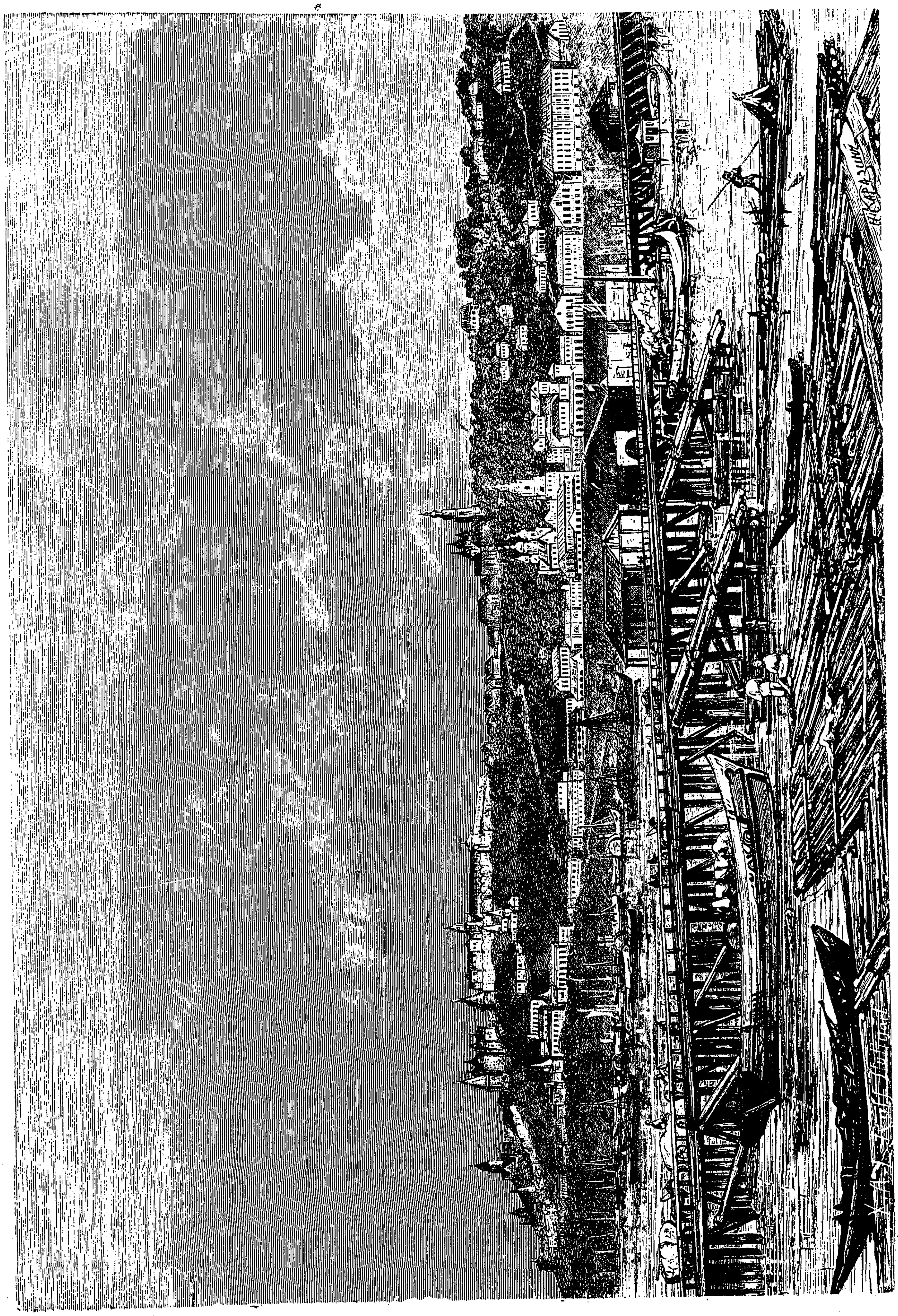
Китайскій рядъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. (Фотографія съ натуры).

скія «terres», для починки понадѣланныхъ на невскихъ или сенскихъ берегахъ прорѣхъ, цѣлые легіоны чахоточныхъ, чающихъ движенія воды у знаменитаго доктора Постникова въ Самарѣ. Нижегородская публика высшихъ и среднихъ классовъ (низшіе давно на Волгѣ за работой), разъѣзжается на дачи, откуда бо́льшею частью перебирается, изъѣденная комарами и мошками

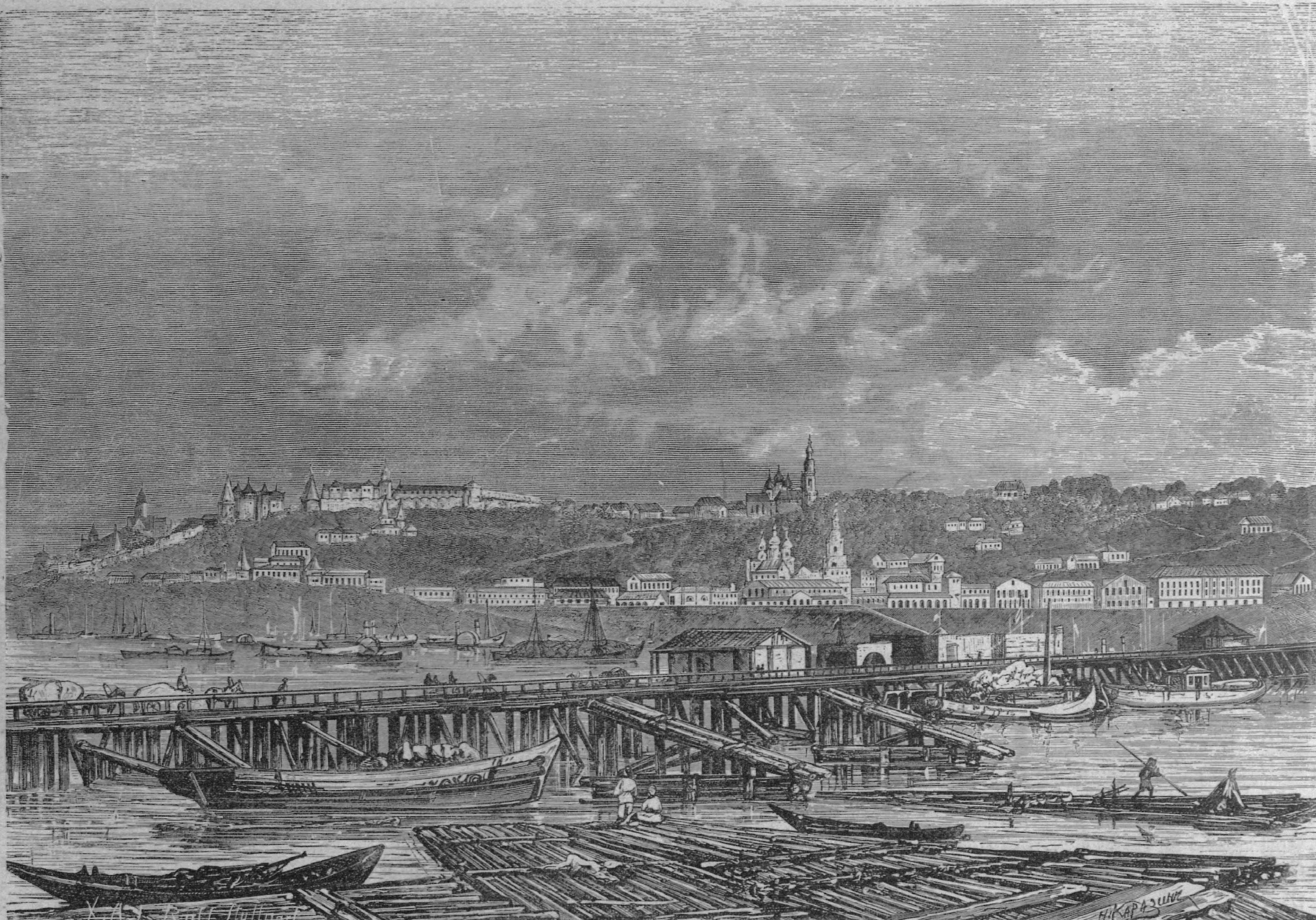
Китайскій рядъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. (Фотографія съ натуры).

въ городъ ко времени ярмарочнаго развала, и тогда путешествуетъ почти ежедневно на зна-

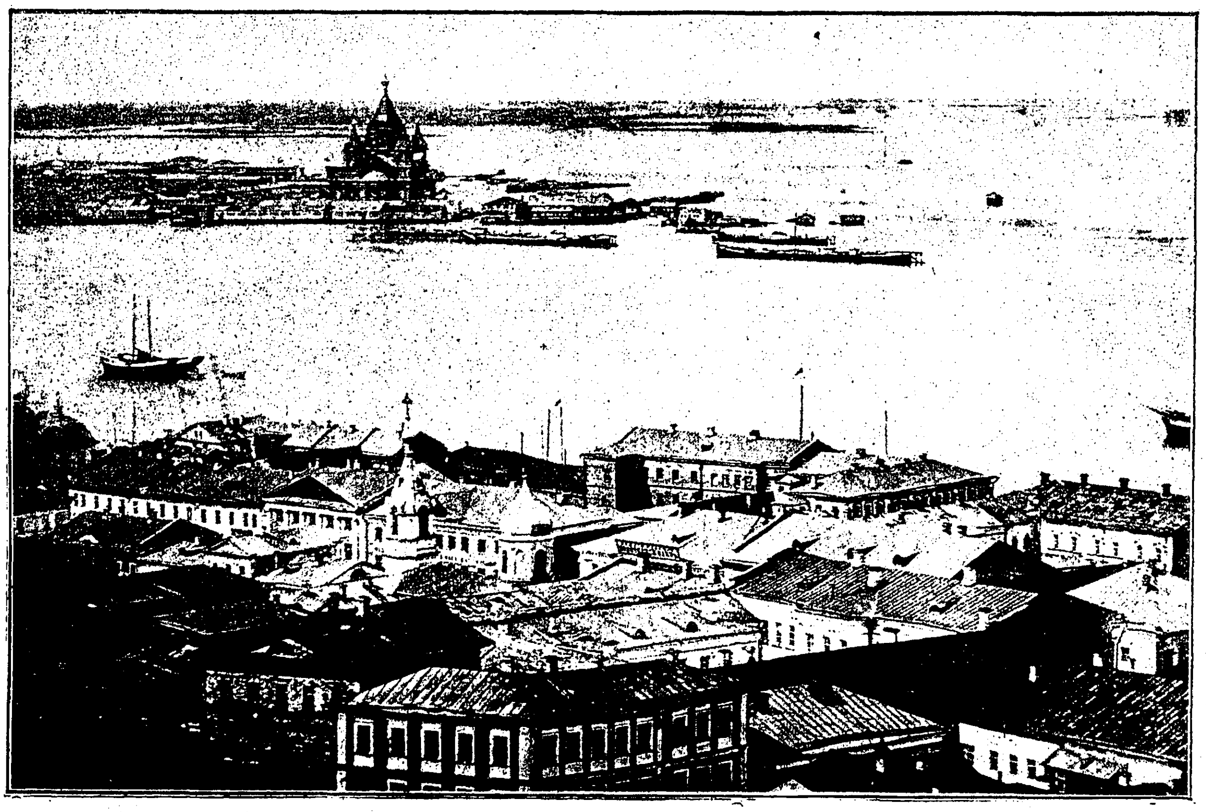
Видъ Нижняго-Новгорода съ ярмарочной стороны.

менитую Стрѣлку, мало стѣсняясь дождемъ, пылью и грязью, образомъ пѣшаго и коннаго пе редвиженія.

Видъ Нижняго-Новгорода съ ярмарочной стороны.

Какъ волжская пароходная пристань, Нижній пользуется первостепеннымъ значеніемъ съ самаго возникновенія волжскаго пароходства, которое серьезно стало развиваться всего съ сороковыхъ годовъ, хотя объ этомъ еще въ началѣ текущаго столѣтія подумывалъ владѣлецъ пожевскаго желѣзо-дѣлательнаго завода Всеволожской, устроившій въ 1815 году первый пароходъ на востокѣ Россіи. На Волгѣ пароходы появились впервые въ 1821 году. Но только съ сороковыхъ годовъ, какъ сказано, т.-е. съ учрежденія пароходныхъ обществъ, слѣдуетъ, собственно говоря, считать начало правильнаго развитія пароходства на Волгѣ. Въ настоящее время насчитываютъ на Волгѣ слишкомъ 500 пароходовъ. Это такой флотъ, мимо котораго, конечно, невозможно пройти. До существованія пароходства грузы перевозились по Волгѣ преимущественно на расшивахъ, которыя приводились въ движеніе парусомъ при попутномъ вѣтрѣ, и при противномъ —тягою лямкой. До 1846 года, по приблизительнымъ вычисленіямъ, плавало по Волгѣ около 1000 расшивъ; если каждою изъ нихъ до Рыбинска и другихъ по-

Сліяніе Волги и Оки въ розливъ.

путныхъ городовъ доставлялось съ низовыхъ пристаней до 20 000 пудовъ, то всѣ онѣ могли, слѣдовательно, поднять до 20.000,000 пудовъ грузу. Кромѣ расшивъ по Волгѣ ходили коноводныя машины или коноводки, первая мысль о которыхъ принадлежитъ Кулибину, но воспользовался которой иностранецъ Пуа де-Бартъ, получившій даже за *свое* изобрѣтеніе привиллегію въ 1819 году на 10 лѣтъ. Къ 1846 году было на Волгѣ до 200 коноводокъ, поднимавшихъ каждая отъ 150,000 до 250,000 пудовъ, слѣдовательно всѣ онѣ могли выводить въ навигацію до 40,000,000 пудовъ грузу. Такимъ образомъ до 1846 года передвигалось по Волгѣ всего грузовъ около 60,000,000 пудовъ, не считая, конечно, тѣхъ, которые грузились на мелкія суда. Пароходство вытѣснило прежніе способы передвиженія грузовъ: въ настоящее время коноводокъ и расшивъ уже на Волгѣ вовсе не видать. Въ настоящее время, Волга поднимаетъ за пароходами, въ плесѣ между Астраханью и Рыбинскомъ, до 200,000,000 пудовъ грузу, цѣнностью до 300,000,000 рублей.

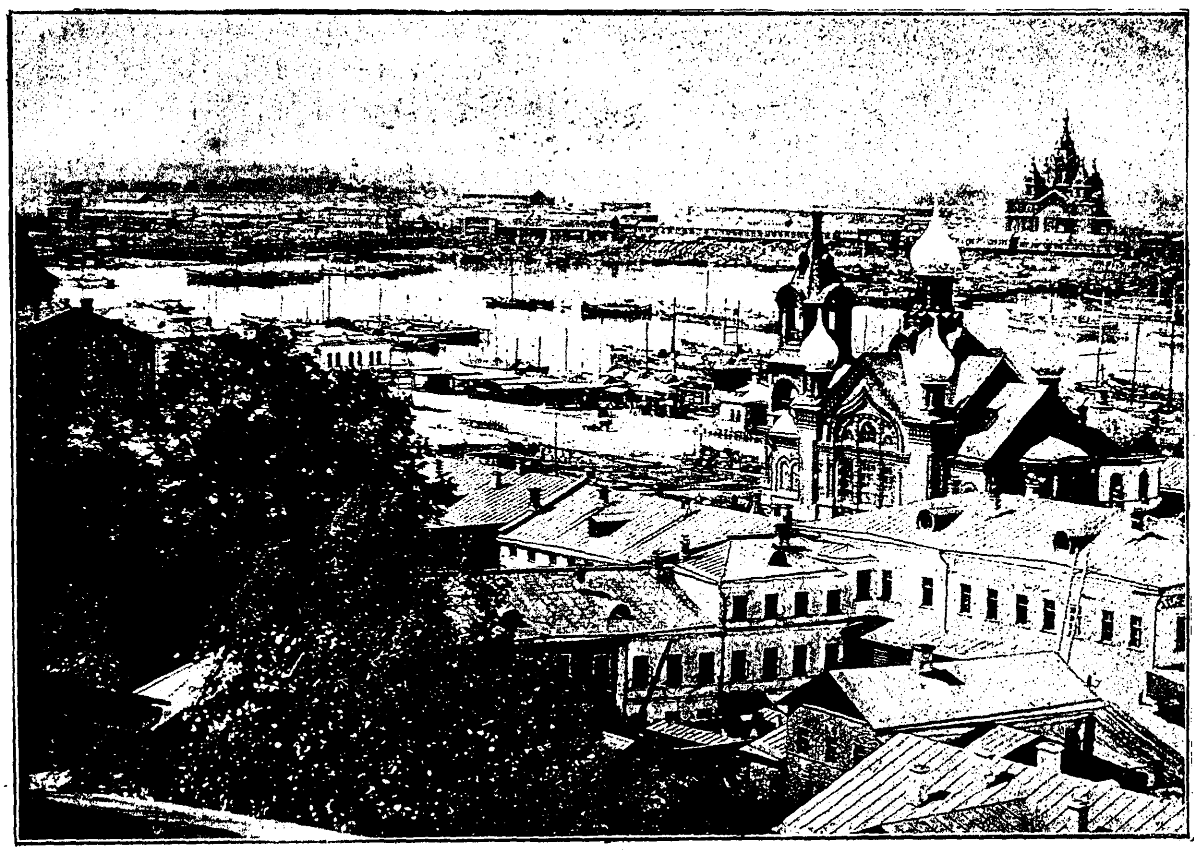
Главную достопримѣчательность Нижняго составляетъ его знаменитая ярмарка, про кото-

Сліяніе Волги и Оки въ розливъ.

рую еще Зотовъ, наставникъ Петра, сказалъ, когда она была «у Макарья», что она «есть зѣло важное сходбище, о которомъ всегда думать надлежитъ», по случаю перевода которой въ Нижній, графъ Румянцевъ предсказывалъ въ 1816 году, что Нижній «возвысится на степень третьей государственной столицы»...

На нижегородской ярмаркѣ торгуютъ, какъ говорится, «всѣми обращающимися въ торговлѣ предметами»; но главныя особенности ея заключаются въ сдѣлкахъ по слѣдующимъ статьямъ: чаю, хлопку, хлопчато-бумажному товару, металламъ, рыбѣ, соли, хлѣбу, мѣху, вину. Обороты ярмарки касаются четырехъ главныхъ группъ товаровъ: русскаго сырья, русскихъ фабрикантовъ, иностранныхъ европейскихъ и колоніальныхъ товаровъ и иностранныхъ азіатскихъ. Главную роль играютъ на ярмаркѣ русскіе и азіатскіе товары; западно-европейскіе совершенно теряются въ общей массѣ первыхъ. Существеннѣйшее значеніе нижегородской ярмарки заключается въ томъ, что здѣсь отыскивается сбытъ товаровъ, производимыхъ въ

Видъ на Нижній-Новгородъ съ Кремля.

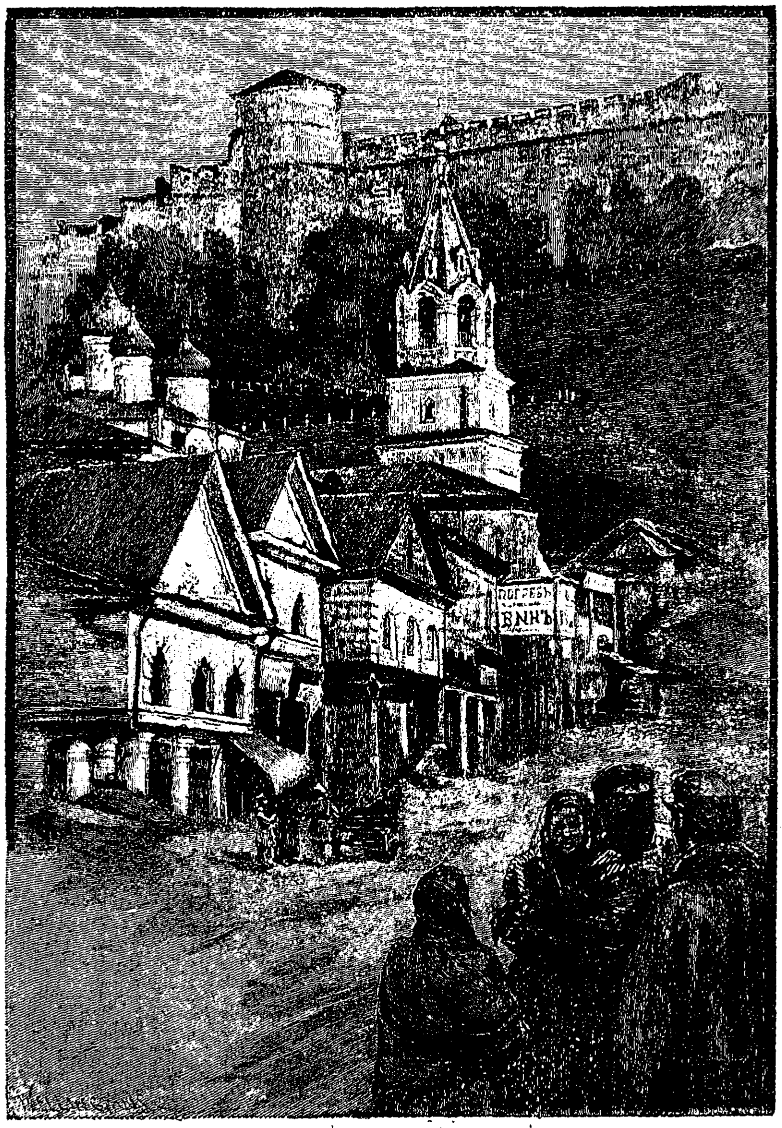
самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ; здѣсь развязываются узлы громаднаго экономическаго района за цѣлый годъ дѣятельности, здѣсь, всякій, кому нужно продать, найдетъ покупателя, всякій, кому нужно купить—найдетъ, что ему требуется, здѣсь, наконецъ—что всего важнѣе—устанавливается цѣна на товаръ.

Новѣйшее время, когда вообще, какъ уже выше было замѣчено, ясно стали обнаруживаться нѣкоторыя измѣненія въ различныхъ экономическихъ сферахъ, отразилось и на нижегородской ярмаркѣ. Прежде чайная торговля считалась здѣсь важнѣйшею, какою она и была въ дѣйствительности, такъ что цѣна на чай устанавливала цѣны на другіе первостатейные предметы ярмарочной торговли; сложилось на ярмаркѣ даже нѣчто въ родѣ поговорки: «чай на все цѣну ставитъ». Между 1 и 5 августа всеобщее вниманіе на ярмаркѣ бывало устремлено на «торговый шестигласный конгрессъ» (Колесовъ, Шестовъ, Лобковъ, Рудаковъ, Корзинкинъ и Куманинъ — бывшіе главные представители чайной торговли прежнихъ временъ, изъ Москвы, этой «уставщицы» ярмарки), отъ котораго зависѣло рѣшеніе чайнаго вопроса,

Видъ на Нижній-Новгородъ съ Кремля.

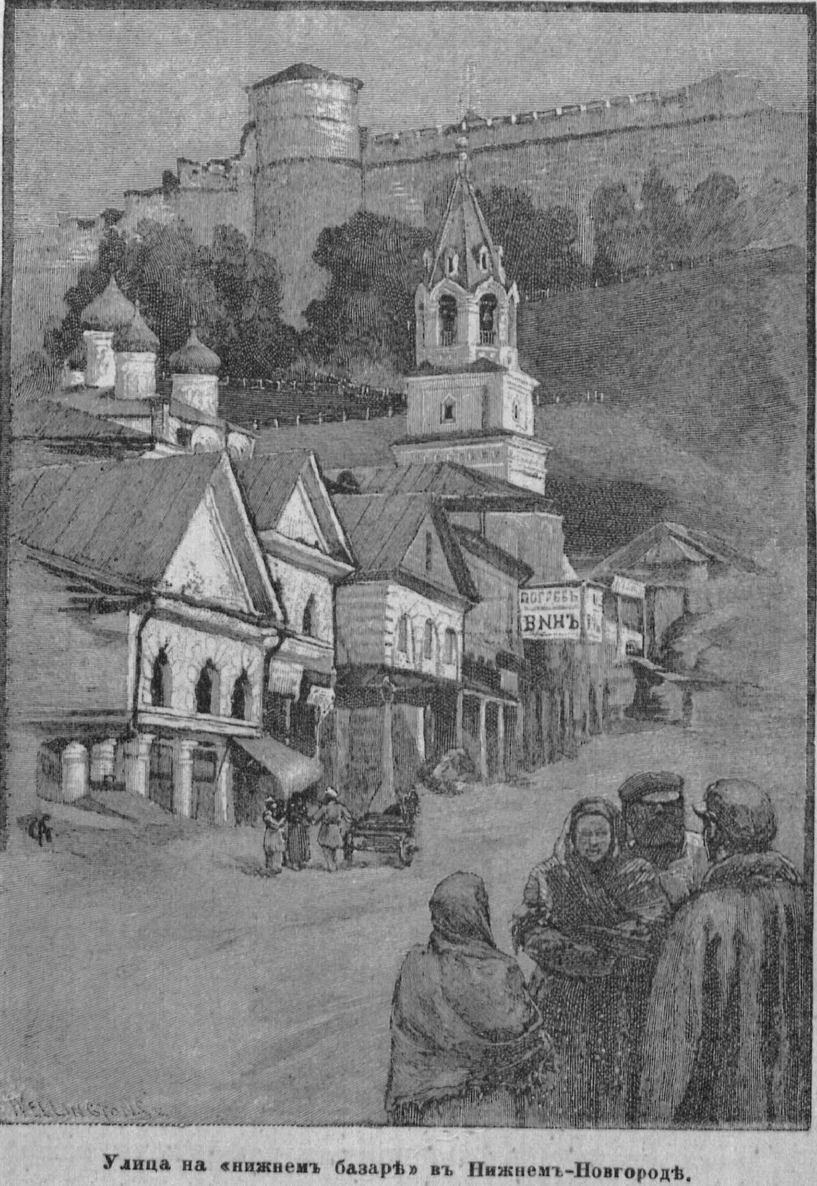
т.-е. цѣны на чай... Такое значенiе чайной торговли на ярмаркѣ зависѣло, главнымъ образомъ, отъ мѣнового характера торговли на Кяхтѣ, причемъ отъ исхода чайной торговли на ярмаркѣ ждали своего приговора вообще всѣ русскiя мануфактуры и все, что съ ними такъ или иначе было связано, потому что китайцы, въ обмѣнъ на чай, съ небольшими денежными приплатами, получали русскiе мануфактурные товары. Но когда дозволенъ былъ русскимъ правительствомъ ввозъ въ Россiю чая, такъ-называемаго кантонскаго, съ западной границы, когда, начиная съ 1861 года, предпринятъ былъ правительствомъ рядъ мѣръ, направленныхъ противъ монополiи въ кяхтинской торговлѣ, первенство чайнаго дѣла на нижегородской ярмаркѣ потерпѣло крушенiе, такъ что въ настоящее время можно полагать, оно едва-ли когда нибудь будетъ снова возстановлено. Роль чая на ярмаркѣ, съ начала крестьянскаго преобразованiя, когда обнаружился громадный спросъ на крестьянскiе товары, замѣнилъ хлопчато-бумажный товаръ, который идетъ на ярмарку изъ трехъ районовъ его производства—московскаго, владимiрскаго и костромского. Московскiй районъ доставляетъ ситцы преимущественно высшихъ сортовъ, владимiрскiй и костромской—низшихъ, въ числѣ которыхъ немаловажную роль играютъ такъ-называемые азiатскiе ситцы, выдѣлываемые на шуйско-ивановскихъ фабрикахъ для азiатскихъ потребителей—съ драконами, «змiями» и подобными ужасами, весьма легко, однако, побѣждаемыми первымъ кипяткомъ.

Улица на «нижнемъ базарѣ» въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ тѣсной связи съ хлопчато-бумажнымъ товаромъ находится торговля хлопкомъ и красками (главнымъ образомъ — мареной), употребляемыми въ хлопчато бумажномъ производствѣ. Въ послѣднюю американскую войну въ торговлѣ хлопкомъ разразился такой кризисъ, какого заинтересованныя лица и не запомнятъ. Цѣна на американскiй хлопокъ поднялась до невозможности; вмѣстѣ съ тѣмъ выросли конечно и цѣны на бухарскiй хлопокъ, къ которому обратилось требованiе, и дошли съ 4—5 р. за пудъ въ 1861 году, до 7 р. 75 к., въ 1862—до 12 р., а въ 1863 году даже до 22 и 23 рублей за пудъ. Но вслѣдъ за окончанiемъ американской войны, цѣны на бухарскiй хлопокъ упали вдругъ съ 23 р. на 8 р. Бухарскiй хлопокъ достоинствомъ вообще ниже американскаго, вслѣдствiе менѣе тщательной его отдѣлки, а также и вслѣдствiе азiатскихъ обычаевъ въ торговлѣ имъ: для увеличенiя вѣса къ бухарскому хлопку нерѣдко подбавляется песокъ, мелкiе камешки и т. п. Въ послѣднее время, впрочемъ, азiатскiй хлопокъ настолько улучшаетъ свои качества, что начинаетъ вытѣснять въ хлопчато-бумажномъ производствѣ американскiй.

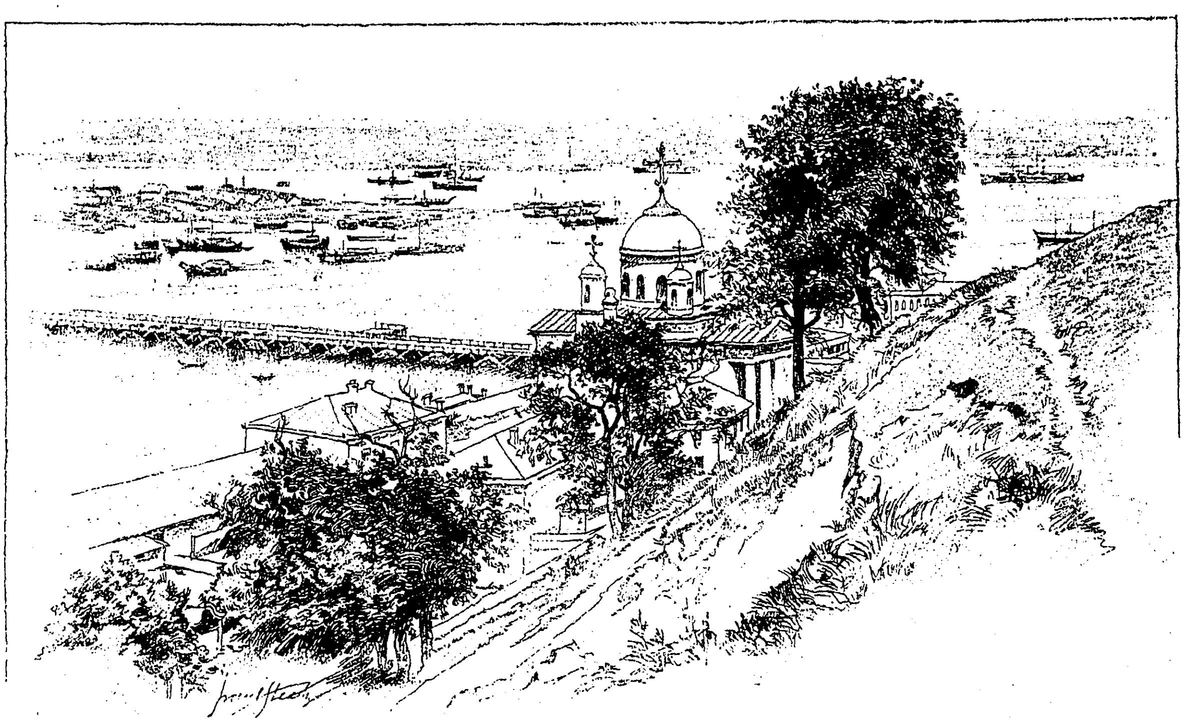
Для торговли мареной наступилъ весьма опасный кризисъ, вслѣдствiе новѣйшихъ откры-

Улица на «нижнемъ базарѣ» въ Нижнемъ-Новгородѣ.

тій техники — замѣны марены минеральными окрашивающими веществами: анилиномъ и въ особенности ализариномъ.

Торговля металлами на ярмаркѣ вращается преимущественно около сдѣлокъ съ желѣзомъ, которое привозится сюда главнымъ образомъ съ Урала, караванами, по Чусовой, Бѣлой, Камѣ и Волгѣ, въ коломенкахъ, межеумкахъ и т. п. «посудинахъ». До прибытія на ярмарку желѣзный караванъ дѣлаетъ въ маѣ мѣсяцѣ большую стоянку у г. Лаишева, Казанской губерніи, гдѣ въ это время бываетъ настоящая желѣзная ярмарка; въ Лаишевѣ караванъ отдѣляетъ ту часть желѣза (до 1.500,000 пудовъ, не считая заказовъ и покупокъ за-глазно), которая идетъ на югъ Россіи, не достигая устья Оки. Торговля желѣзомъ на ярмаркѣ находится въ рукахъ немногихъ капиталистовъ, снабжающихъ заводчиковъ задатками на «будущее желѣзо», вслѣдствіе чего заводчики не могутъ освободиться изъ подъ сильнаго давленія этихъ такъ-называемыхъ «первыхъ рукъ». Попавши на ярмарку въ «первыя руки», т. е. къ немногимъ крупнымъ капиталистамъ, покупающимъ желѣзо цѣлыми партіями, оптомъ, желѣзо поступаетъ уже ко «вторымъ», «третьимъ» рукамъ и т. д. До момента сдѣлокъ первыхъ рукъ со вто-

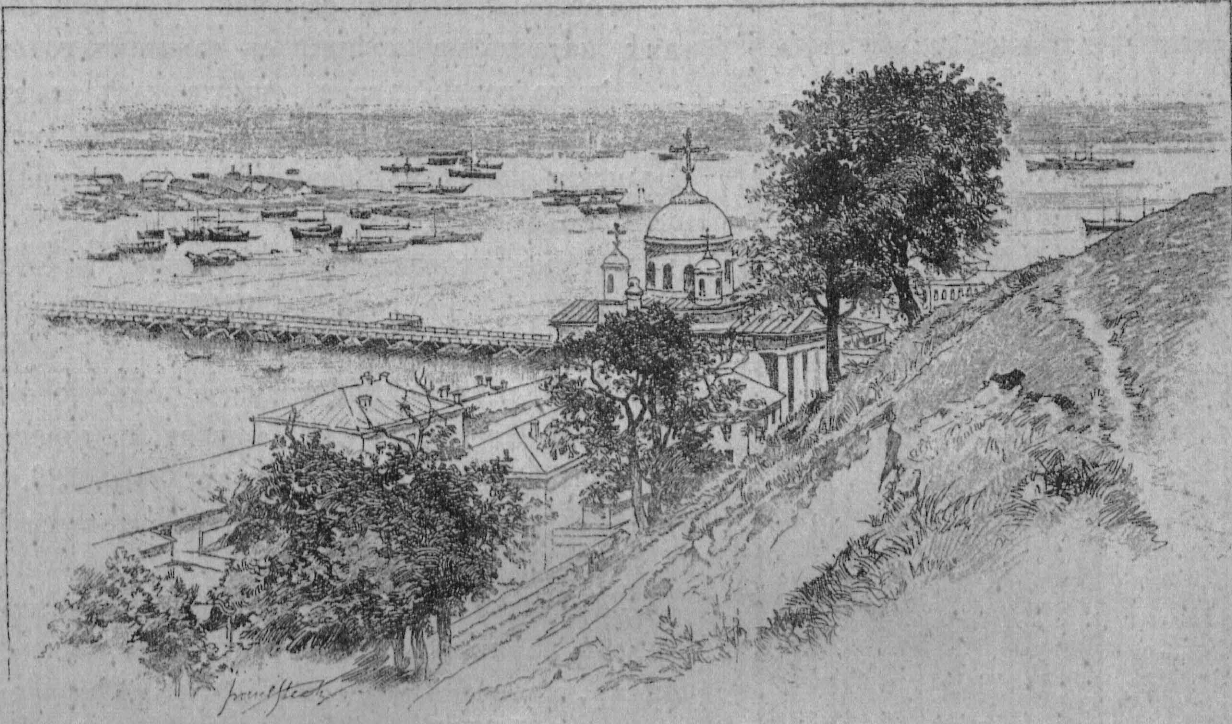

Видъ на Благовѣщенскій монастырь.

рыми нѣтъ и цѣны на желѣзо, нельзя его и пуда купить ни за какія деньги. Заводчики конечно тяготятся такой зависимостью отъ первыхъ рукъ; имъ несравненно выгоднѣе было-бы имѣть дѣло не только со вторыми, но и съ третьими, но операціи ихъ, какъ извѣстно, такъ запутаны, что безъ продажи «будущаго желѣза», т. е. безъ полученія громадныхъ суммъ впередъ за желѣзо, еще не выдѣланное на заводѣ, по цѣнамъ, какія установитъ будущая ярмарка, они должны-бы были вовсе прекратить свои дѣла; предлагать-же задатки могутъ одни крупные капиталисты. Только немногіе, не нуждающіеся въ оборотномъ капиталѣ заводчики, продаютъ желѣзо на ярмаркѣ въ розницу, не завися отъ первыхъ рукъ. Непроданное на ярмаркѣ желѣзо остается въ нижегородскихъ складахъ, такъ какъ самый Нижній играетъ крупную роль въ желѣзной торговлѣ, тѣмъ болѣе, что въ Нижегородской губерніи сильно распространена (Павловскій, Краснораменскій районы и друг.) переработка желѣза въ издѣлія, а также и самая добыча желѣза на Выксѣ, въ Ардатовскомъ уѣздѣ.

Торговля остальными металлами не имѣетъ уже на ярмаркѣ особаго значенія, въ сравненіи съ желѣзной, за исключеніемъ торговли мѣдью.

Рыбная торговля занимаетъ на ярмаркѣ одно изъ видныхъ мѣстъ; для торговли рыбой, и

Видъ на Благовѣщенскій монастырь.

астраханской въ особенности, существуетъ даже особая мѣстность на ярмаркѣ — гребновская пристань, на Окѣ, около желѣзной линіи.

Соль, въ торговлѣ которой постоянно весьма крупное участіе принимаетъ Нижній, идетъ на ярмарку главнымъ образомъ пермская, а также илецкая; менѣе всего на ярмаркѣ елтонской соли, которой выгоднѣе направляться въ мѣстности, лежащія гораздо южнѣе Нижегородской ярмарки.

Торговля хлѣбомъ на ярмаркѣ, также какъ и торговля чаемъ, желѣзомъ, солью, рыбой, служитъ такъ-сказать утолщеннымъ продолженіемъ торговли Нижняго. На долю ярмарки падаетъ однако и нѣкоторое спеціальное значеніе хлѣбной торговли: въ самый разгаръ ярмарочнаго движенія, въ августѣ мѣсяцѣ, становятся извѣстны результаты урожая, а эти-то результаты имѣютъ крупное значеніе въ торговлѣ всякаго рода предметами, а тѣмъ болѣе хлѣбомъ. Установленіе ярмарочныхъ цѣнъ на хлѣбъ зависитъ (не говоря объ общихъ причинахъ) также и отъ положенія дѣлъ на рыбинской биржѣ.

Рождественская (Строгоновская) церковь на Нижнемъ Базарѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Торговля мѣхами, особенно дорогими ихъ сортами, падаетъ на ярмаркѣ съ каждымъ годомъ.

Въ торговлѣ винами, также какъ и въ рыбной, принимаетъ дѣятельное участіе Астрахань. Крымскія вина стали появляться на ярмаркѣ сравнительно недавно.

На сколько растутъ ярмарочные обороты, можно судить по тому, что въ 1817 году было привезено на ярмарку товаровъ, считая на серебро, на 26.000,000 р., въ 1860 году, за годъ до открытія Московско-Нижегородской желѣзной дороги — на 104.000,000 р., въ 1879 году уже на 180.000,000 руб. (изъ этого числа продано было товаровъ почти на 163.000,000 р.).

За послѣднее время обороты Нижегородской ярмарки начинаютъ падать по весьма многимъ причинамъ, но очень медленно. Въ 1896 году привозъ равнялся 176,557 пудамъ, а продано на 153,338 руб. Что же касается истекшаго 1897 года, то, какъ усматривается изъ доставленныхъ Нижегородскимъ губернаторомъ свѣдѣній, привозъ товаровъ на ярмарку составлялъ сумму въ 165,337 т. р. (противъ средней за послѣднее десятилѣтіе на 12 м. рублей менѣе), а продано было на 142,754 т. р. (противъ послѣдняго десятилѣтія менѣе на 30,577 т. р.). Кромѣ того, было запродано желѣза, хлопчатобумажныхъ издѣлій и чая на 8,463 т. По сравненію съ 1896 г. привезено было товаровъ менѣе на 11,220 т. р., а продано менѣе на 10,574 т. рублей *).

Собственно внѣшній видъ ярмарки, т. е. ярмарочнаго гостинаго двора, представляетъ мало любопытнаго: это одноформенные ряды каменныхъ корпусовъ съ лавками. Интересъ ярмарки остается за сибирской пристанью, за желѣзной линіей (на Пескахъ), за гребновской пристанью, за хлѣбной.

Сибирская пристань представляетъ сплошной рядъ горъ хлопка, мочальнаго товара, ободь-

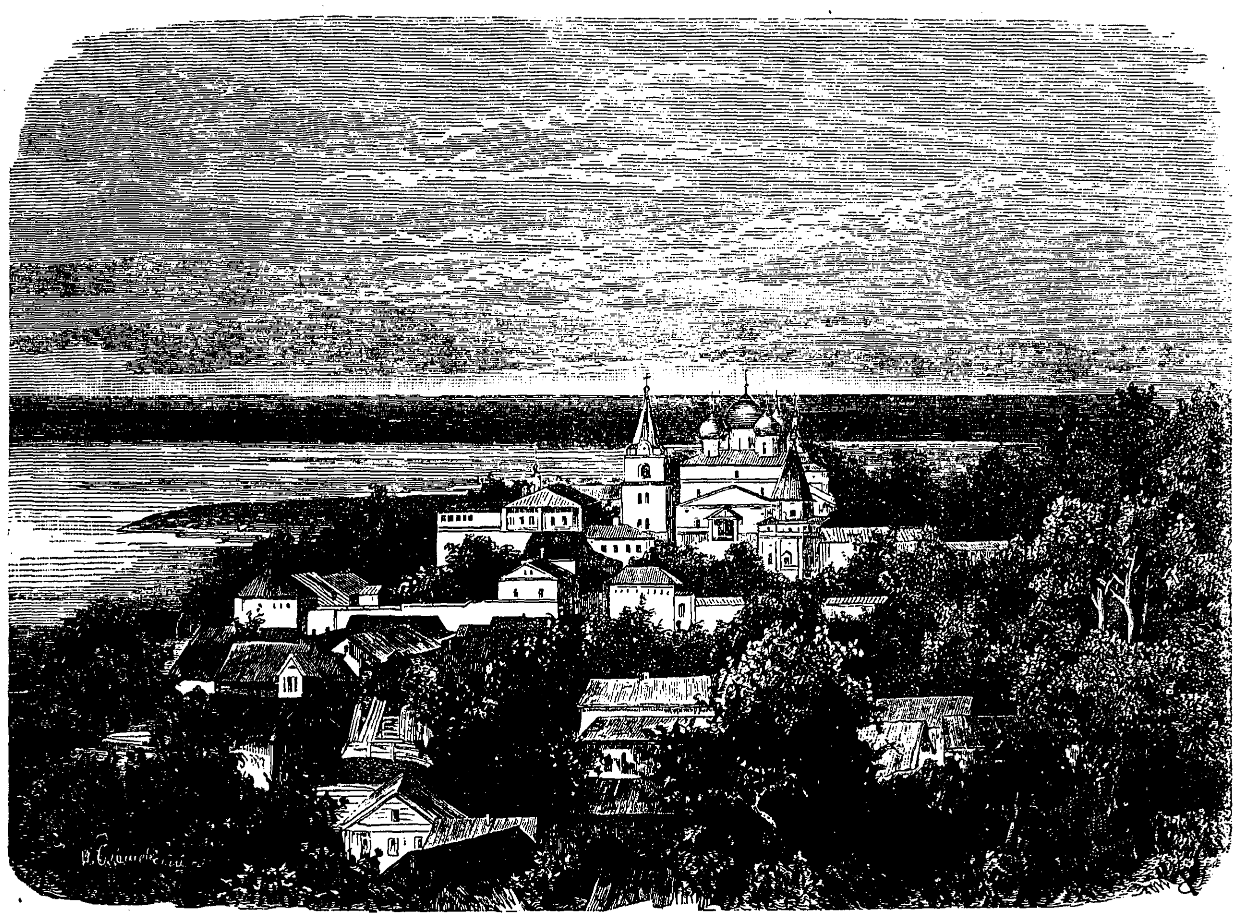
*) Данныя эти заимствованы нами изъ только что вышедшей книги «Торгово-промышленная Россія 1899 г.». (Изданіе Деп. Торговли и Мануфактуръ).

Рождественская (Строгоновская) церковь на Нижнемъ Базарѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

евъ, поташа, шадрика и наконецъ чая. Осматривающему сибирскую пристань не мѣшаетъ попросить дозволенія приказчиковъ и довѣренныхъ чайныхъ торговцевъ (сами торговцы здѣсь рѣдко бываютъ) осмотрѣть ихъ оригинальные циновочные балаганы, въ которыхъ они живутъ въ теченіе всей ярмарки. Въ большинствѣ случаевъ обитатели балагановъ любезно угостятъ посѣтителя отличнымъ чаемъ, покажутъ ему кирпичики кирпичнаго чая, разскажутъ способы его приготовленія, сообщатъ подробности разцѣнки чая, состоящія въ томъ, что въ чайной торговлѣ есть особаго рода дѣятели, получающіе тысячное жалованье за одну только тонкость вкуса, цѣлые дни сидящіе за арміей чашекъ горячаго чая всевозможныхъ сортовъ и опредѣляющихъ по вкусу ихъ достоинство.

Желѣзная линія представляетъ такія-же массы всевозможныхъ сортовъ желѣза; но вмѣсто приказчиковъ здѣсь уже живутъ и сами хозяева, въ болѣе европейскаго вида деревянныхъ съ

Нижній-Новгородъ. Печерскій монастырь.

мезонинчиками балаганахъ, ежегодно разбираемыхъ въ глубокую осень. Въ желѣзной линіи, какъ и на сибирской пристани, такъ и пахнетъ милліонами, и хотя балаганы построены на глубокомъ зыбкомъ пескѣ, стоятъ все-таки прочно относительно благъ земныхъ.

Такою-же внушительностью вѣетъ и отъ сосѣдней гребневской пристани, занятой рыбнымъ товаромъ; запахъ рыбы представляетъ здѣсь даже нѣкоторый высокій ароматъ, такъ какъ запахъ одинокой сухой воблы, трещащей подъ крѣпкими зубами бурлака, и той-же сухой воблы, сложенной цѣлыми горами—далеко не одинъ и тотъ-же. Рыба на гребновской пристани не имѣетъ особыхъ складовъ на берегу, а продается прямо изъ баржей.

Хлѣбная пристань раздѣляется на двѣ части: за Ярмарочнымъ мостомъ, вдоль праваго берега Оки, подъ Благовѣщенской Слободой (слободская пристань) и по ту сторону—около Софроновской площади (городская пристань).

Осмотрѣвъ Ярмарочный соборъ (построенный строителемъ Исаакіевскаго собора Монферраномъ), армянскую церковь, татарскую мечеть, сосѣдній съ мечетью караванъ-сарай, а также

Нижній-Новгородъ. Печерскій монастырь.

новый строющійся соборъ, зайдя изъ любви къ сильнымъ ощущеніямъ въ туннель, огибающій подъ землею ярмарку прерванной подковой (ярмарочный ретирадъ, нечистоты изъ котораго уносятся пускаемой въ него каждые 2 — 3 дня изъ ярмарочнаго обводнаго канала водою въ Оку)—можно считать осмотръ ярмарки конченымъ.

Не мѣшаетъ, впрочемъ, посидѣть на одной изъ скамеекъ, торчащихъ на площадкѣ передъ такъ-называемымъ Главнымъ домомъ; ежесекундно проходитъ мимо васъ самый разнообразный людъ: то обдастъ своимъ постояннымъ запахомъ мыла татарка, нарумяненная, съ черными зубами, давно забывшая наказъ Магомета о сокровенности своей физіономіи, то простучитъ каблуками персіянинъ въ своей высочайшей остроконечной шапкѣ, которая вотъ-вотъ свалится назадъ, то татаринъ чуть не въ носъ ткнетъ вамъ мерлушкой, которой онъ обвѣшался со всѣхъ сторонъ, то навалится на васъ закудемскій провинціалъ... Доносятся до васъ клочки разговоровъ на всѣхъ европейскихъ и восточныхъ языкахъ, «окромя свинячаго»; въ густомъ гулѣ говора, криковъ и зазываній разносчиковъ раздается пронзительный пискъ гуттаперчеваго балончика съ дудочкой, оглушительный хохотъ надъ оборвавшейся массой разноцвѣтныхъ гуттаперчевыхъ пузырей, порывисто уносимыхъ подъ облака... Шелестятъ по землѣ длинные шелковые шлейфы болѣе или менѣе милыхъ, болѣе или менѣе погибшихъ созданій... Поднимается порою кулакъ полицейскаго, играющій магическую роль палочки лондонскаго полисмена, но лишь съ оттѣнкомъ чувствительности...

Георгіевская церковь въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Стоитъ также пройтись, въ темную августовскую ночь, по мостамъ черезъ обводный каналъ между соборомъ и театрами. Тысячи огней, отражающихся въ черной водѣ, музыка, ночной говоръ и смѣхъ, вдали—темный грозный силуэтъ нижегородскихъ горъ, все это представляетъ извѣстный эффектъ.

Городъ Нижній-Новгородъ раздѣляется географически (не считая ярмарки, расположенной въ зарѣчьи) на двѣ части: верхнюю, на горахъ и нижнюю, по подолу горъ.

Въ нижней части города, на такъ-называемомъ Нижнемъ Базарѣ, всего замѣчательнѣе Благовѣщенскій монастырь и при входѣ въ него часовня съ резервуаромъ бѣгущей изъ-подъ горы чистой ключевой воды, построенная на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, отдыхалъ митрополитъ Алексѣй, возвращаясь изъ Орды, и гдѣ поставилъ самъ часовенку, сгорѣвшую, какъ полагаютъ, въ пожаръ 1722 года. На мѣстѣ этой, поставленной митрополитомъ Алексѣемъ, часовни, построена была другая, въ 1725 году, каменная, при чемъ на стѣнѣ ея была сдѣлана слѣдующая надпись: «6878 года (1370) иже во святыхъ отецъ нашихъ Алексій митрополитъ, егда возвратися изъ Орды, отъ царя Жабека (Джанибека) и пріиде къ великому князю Борису Константиновичу, у него-же и сына крести, и приста выше Нижняго-Новгорода при источникѣ, и возлюби мѣсто оно и возгради на мѣстѣ томъ часовню» и т. д. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ часовня существуетъ съ 1846 года.

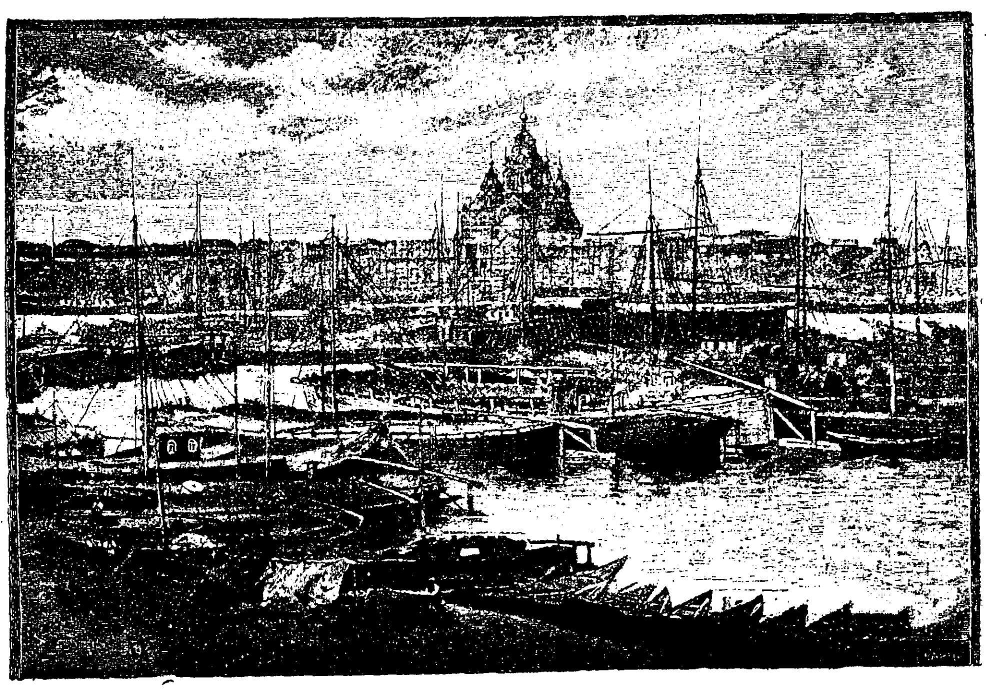
Благовѣщенскій монастырь принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ на нижегородской землѣ; полагаютъ, что первоначальное строеніе его современно основанію Нижняго. Страдая, какъ и все въ Старой Руси (да и въ теперешней тоже), отъ пожаровъ, монастырь не сохранилъ въ стѣнахъ своихъ особенно древнихъ построекъ. Самая старинная изъ пяти монастырскихъ церквей—Соборная, Благовѣщенская, построенная въ 1647 году. Замѣчательнѣйшая древность монастыря—икона Богоматери, писанная, какъ полагаютъ, въ Греціи въ 6501 (993) году, т. е. почти вслѣдъ за принятіемъ Русью христіанства (988)—что, впрочемъ, оспаривается археоло-

Георгіевская церковь въ Нижнемъ-Новгородѣ.

гами, и «Евангеліе» конца XI вѣка, съ нотами, похожими на буквы греческаго алфавита, т. е. самаго первобытнаго типа, такъ-называемыхъ просодо-ритмическихъ «знаменъ». Подъ Сергіевскою церковью монастыря сохранилась небольшая пещера съ родникомъ, выкопанная въ горѣ подъ монастырской стѣной; правѣе отъ нея идетъ другая пещера, болѣе обширная, извилинами. Кѣмъ и когда выкопаны эти пещеры—неизвѣстно.

Прямо отъ Благовѣщенской Слободы, вдоль берега Оки, внизъ по теченію ея, идетъ одна изъ лучшихъ по постройкамъ улицъ, не только Нижняго Базара, но и самаго города — Рождественская. Здѣсь останавливаетъ на себѣ вниманіе оригинальная архитектура Рождественской церкви своими затѣйливыми украшеніями, своимъ громаднымъ пьедесталомъ, поросшимъ не только травою, но даже кустами и небольшими деревцами, своимъ краснымъ цвѣтомъ. Церковь эта, извѣстная еще подъ названіемъ Строгоновской, построена въ прошломъ столѣтіи (освящена въ 1719 году) знаменитыми пермскими солепромышленниками Строгоновыми, вмѣсто приходской ихъ церкви, стоявшей на берегу Оки, около нынѣшней Софроновской площади. Преданіе разсказываетъ о постройкѣ Строгоновской церкви почти то-же, что и о постройкѣ одного дворца въ Персіи, объ устройствѣ страсбургскихъ часовъ и о постройкѣ многихъ церквей вообще, а также церкви Василія Блаженнаго въ Москвѣ: строитель Строгоновской церкви Григорій Дмитріевичъ Строгоновъ спросилъ будто-бы своего архитектора, можетъ-ли онъ соорудить еще лучшее зданіе? Тотъ, не понимая, къ чему клонится вопросъ, отвѣчалъ утвердительно; тогда его, по приказанію Строгонова, ослѣпили, для того, чтобы ничего лучшаго Строгоновской церкви болѣе не появлялось. Объ иконахъ Спасителя и Богоматери, находящихся въ церкви, тоже сохранилась легенда: ихъ писалъ будто-бы художникъ Каравакъ, по заказу Петра Великаго, для Петропавловскаго собора въ Петербургѣ; въ отсутствіи Петра, бывшаго заграницей, увидалъ ихъ тотъ-же Г. Д. Строгоновъ и присталъ къ Караваку съ просьбой уступить ихъ ему, а по заказу государя, къ его пріѣзду, написать другія, на что художникъ согласился. Другой, написанный имъ для Петра, экземпляръ иконъ былъ хуже. Бывши въ Нижнемъ въ 1722 году и остановившись въ домѣ Строгонова, Петръ посѣтилъ и церковь его, замѣтилъ иконы, писанныя Каравакомъ, узналъ ихъ, такъ какъ видѣлъ въ Петербургѣ ихъ эскизы, до отъѣзда за-границу, и до изслѣдованія дѣла велѣлъ запечатать церковь. Конца легенды нѣтъ, но положительно извѣстно, что церковь дѣйствительно была запечатана въ 1722 г. и открыта только при Екатеринѣ I, въ 1727 году.

Нижній-Новгородъ—Кунавино.

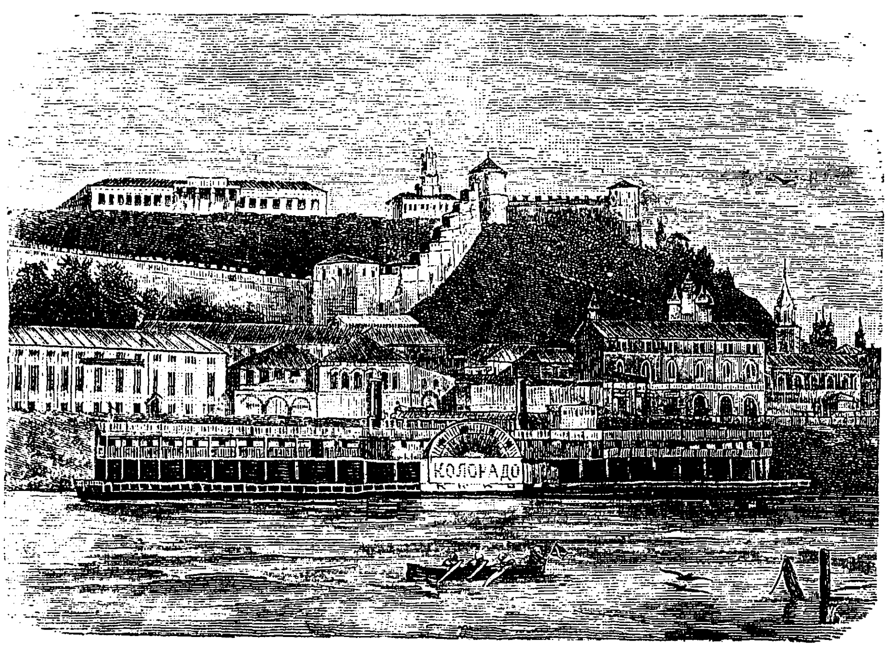
Миновавъ устроенную мининскимъ братствомъ, съ ремесленнымъ классомъ и постояннымъ пріютомъ для бѣднѣйшихъ дѣтей начальную школу (мининскую) и знаменитый трактиръ Ермолаевыхъ, въ которомъ, за стаканомъ чая, рѣшается большинство торговыхъ сдѣлокъ Нижняго въ неярмарочное время (во время ярмарки открывается правильно устроенная биржа, съ

Нижній-Новгородъ—Кунавино.

биржевымъ комитетомъ), мы достигаемъ перекрестка, образуемаго пересѣченіемъ Рождественской улицы Зеленскимъ съѣздомъ, упирающимся въ набережную Оки. На этомъ мѣстѣ, а вовсе не въ Кремлѣ, какъ полагаютъ, дѣлалъ свои воззванія въ 1611 году Мининъ.

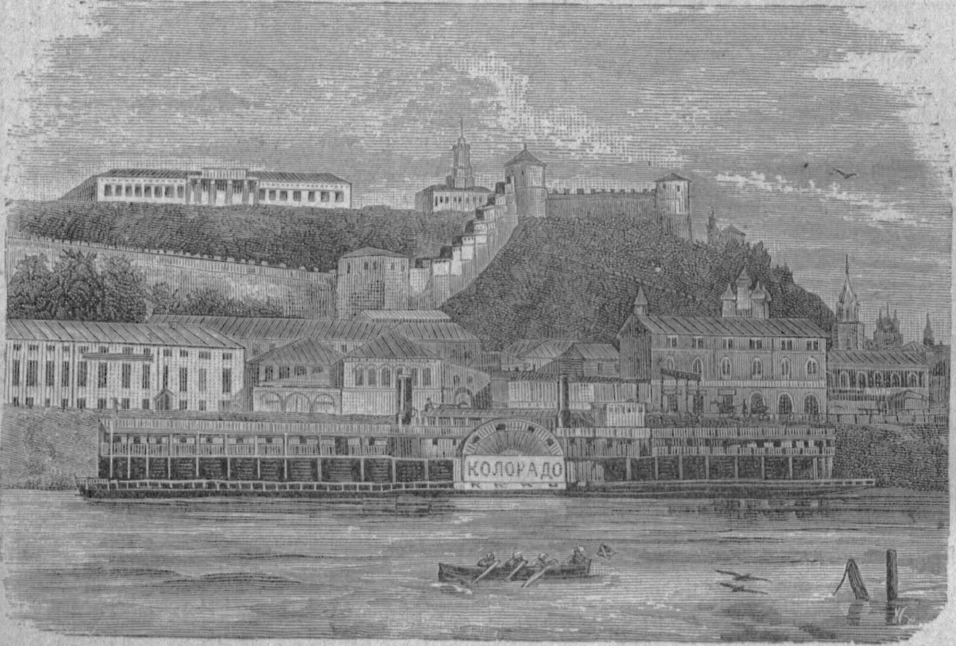
Поднявшись по превосходному отлогому Зеленскому (въ старину здѣсь стоялъ пороховой—зелейный-дворъ) съѣзду, съ очаровательнымъ видомъ, слѣва—на спускающуюся по гребню горы кремлевскую стѣну, съ вьющимся у подошвы ея бульваромъ, справа — на Почайновское ущелье, мы достигаемъ самой красивой площади города—Благовѣщенской, или Верхне-базарной, на которой стоятъ Благовѣщенскій соборъ и гимназія (классическая). Благовѣщенскій соборъ, по первоначальному своему названію—церковь Дмитрія Солунскаго, относится къ числу древнѣйшихъ нижегородскихъ церквей, но въ теперешнемъ своемъ видѣ построенъ не ранѣе XVII столѣтія. Въ гимназіи получили свое первоначальное образованіе П. Д. Боборыкинъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Е. А. Бѣловъ, В. П. Васильевъ, С. В. Ешевскій и П. И. Мельниковъ (Андрей Печерскій), бывшій въ ней и учителемъ въ сороковыхъ годахъ. На томъ краю площади, который касается Волжской набережной, стоитъ зданіе духовной семинаріи, изъ которой вышелъ Н. А. Добролюбовъ.

Нижній-Новгородъ, видъ Кремля.

На Волжской набережной находится довольно изящной архитектуры Георгіевская церковь, построенная въ настоящемъ своемъ видѣ въ 1702 году. Внизу, подъ горой, тянется рядъ пароходныхъ конторокъ, высится труба водопровода и бѣлѣетъ зданіе собственника расположенной тутъ-же механической фабрики г. Курбатова.

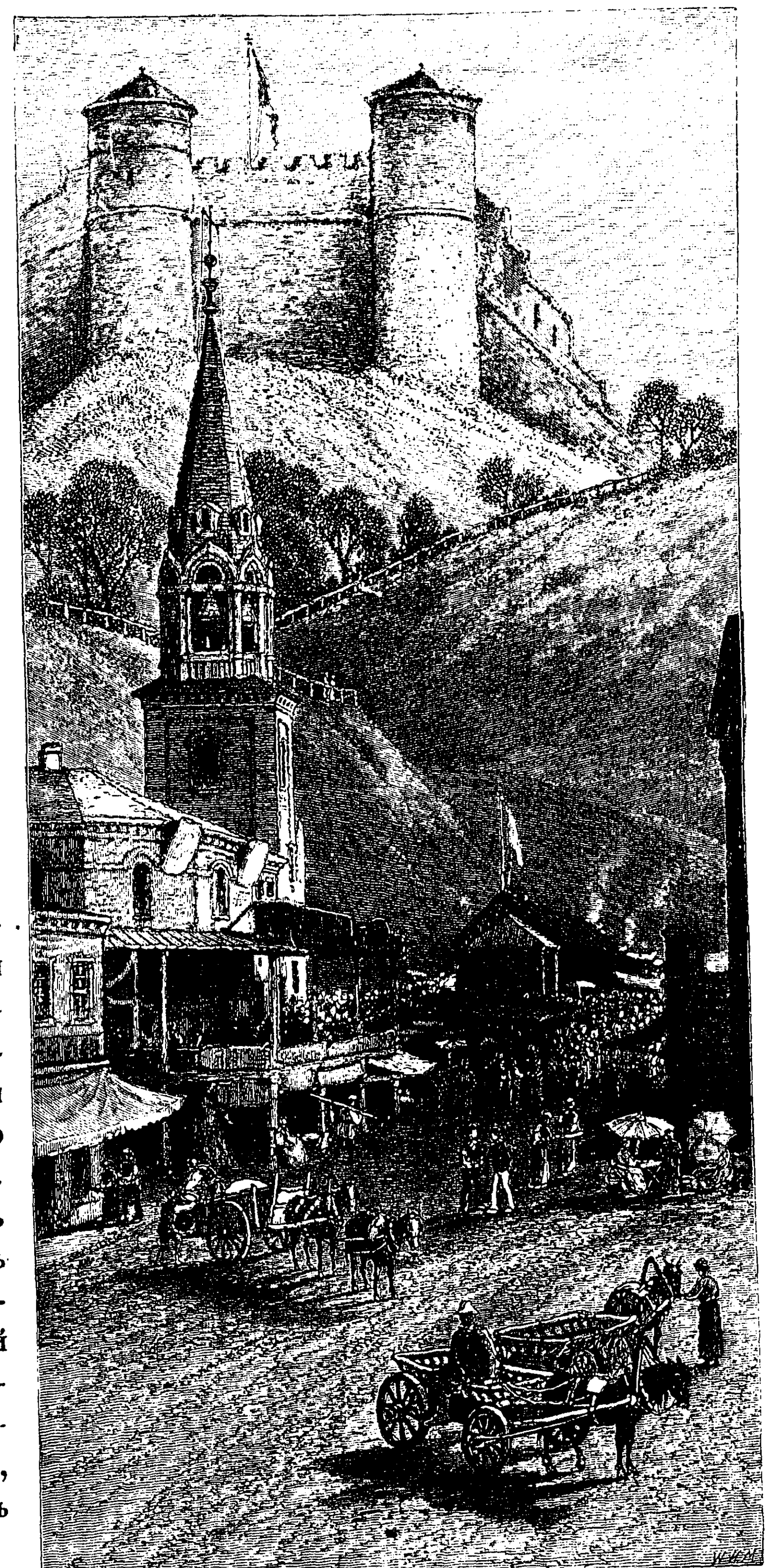
Едва-ли нужно описывать красоту, какъ Волжскаго откоса, такъ и открывающагося съ него вида на Волгу, на синѣющую даль Заволжья, на часть ярмарки, на Печерскій монастырь, вдохновлявшій еще графа В. А. Соллогуба въ «Тарантасѣ». Печерскій монастырь, основанный Діонисіемъ между 1328 и 1330 годами, находился до 18 іюня 1597 года, когда былъ совершенно почти разрушенъ оползнемъ горы, подъ которой стоялъ, находился нѣсколько ниже теперешняго своего мѣстонахожденія (еще видны въ кустарникѣ остатки древнихъ стѣнъ его); въ настоящемъ своемъ видѣ монастырь построенъ на семи холмахъ, въ первой половинѣ XVII столѣтія. Въ немъ замѣчательны: икона Печерской Богоматери, письмо которой относится къ XIV столѣтію, и два «Евангелія» 1605 года; въ монастырской библіотекѣ сохранилось также 7 писанныхъ «Синодиковъ», изъ которыхъ древнѣйшій относится къ 1552 году; «Синодикъ» 1595 года перечисляетъ опальныхъ людей Грознаго и выражается слѣдующимъ образомъ: «Отдѣлано 369 человѣкъ, да у 12 по рукѣ отдѣлано»; нѣкоторые изъ «отдѣланныхъ» поименованы. Тамъ-же хранятся: картина, изображающая Печерскій монастырь до его разрушенія, древнія вериги и оружіе — бердыши, копья. До пятидесятыхъ годовъ библіотека монастыря была богата всевозможными древними актами, бóльшая часть которыхъ находится въ настоящее время въ Петербургѣ. На одной изъ монастырскихъ колоколенъ виситъ до сихъ поръ колоколъ съ латинскими надписями, присланный сюда Грознымъ изъ Юрьева (Дерпта). На монастырскомъ кладбищѣ, служившемъ прежде мѣстомъ

Нижній-Новгородъ, видъ Кремля.

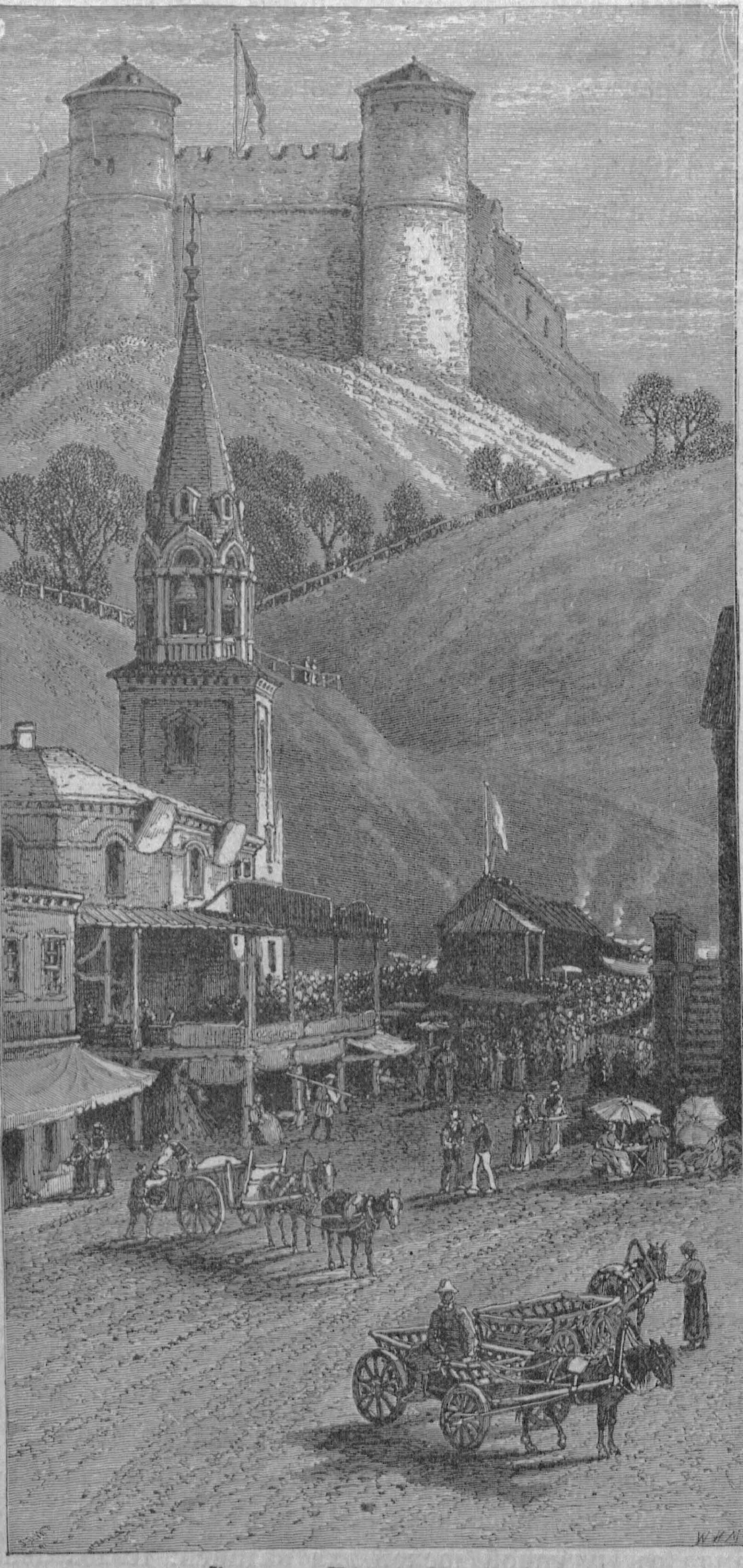
погребенія именитыхъ нижегородскихъ людей, находится много старинныхъ надгробныхъ памятниковъ, древнѣйшій изъ которыхъ относится къ 1662 году. Здѣсь между другими, игравшими довольно видную роль въ нижегородской исторіи лицами, похороненъ князь Николай Григорьевичъ Шаховской, основатель Нижегородскаго театра.

Въ Нижегородскомъ Кремлѣ всего интереснѣе и по своей древности и по архитектурѣ Архангельскій соборъ, первая церковь, построенная при основаніи Нижняго. Въ теперешнемъ своемъ видѣ соборъ построенъ (возобновленъ) въ 1732 году. Въ этомъ соборѣ замѣчательны нѣкоторыя древнія соборныя вещи, которыя, какъ полагаютъ, находились и въ первоначальной, горѣвшей до 1732 года нѣсколько разъ, церкви, какъ напр., мѣдный колокольчикъ съ примѣсью серебра, вѣсомъ до 5 фунтовъ, довольно хорошо отлитый, и священническое облаченіе, называемое княжескимъ, сшитое, какъ говоритъ преданіе, изъ одежды великихъ князей нижегородскихъ. Въ соборѣ погребены: Василій Юрьевичъ, послѣдній великій князь нижегородскій; сынъ его Иванъ; Василій Семеновичъ Кирдяпа; внукъ Дмитрія Константиновича — Иванъ Васильевичъ; князья Петръ, Зиновій, Зосима и Іона и княгиня Ирина. На паперти собора сдѣлана въ 1816 году надпись, излагающая вкратцѣ исторію основанія Нижняго-Новгорода и исторію самого собора, и начинающаяся такъ: «Древле-Низовскою землею владѣли идолопоклонники мордва. Благочестивый великій князь, нынѣ духомъ въ Бозѣ, а нетлѣннымъ тѣломъ своимъ въ градѣ Владимірѣ почивающій, Георгій Всеволодовичъ...» и т. д. Между колокольней и шатромъ церкви устроена четырехъугольная башня, входъ въ которую сдѣланъ въ стѣнахъ самой церкви; съ этой башни въ старину, во время непріятельскихъ набѣговъ, дѣлались наблюденія надъ окрестностями города.

Кремль въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Другая, достойная вниманія въ Кремлѣ церковная древность—Спасопреображенскій каѳедральный соборъ. Но и она впрочемъ древняя только по названію, по нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ въ ней древнимъ вещамъ, и по назначенію своему служить усыпальницей великихъ князей и преосвященныхъ нижегородскихъ, такъ какъ собственно нынѣшнее зданіе собора, крайне притомъ неизящное, имѣющее форму ровнаго, гладкаго четырехъугольнаго ящика или короба, построено въ 1834 году. Первоначальное зданіе церкви «Спаса Святого» было заложено года

Кремль въ Нижнемъ-Новгородѣ.

четыре спустя послѣ постройки Архангельскаго собора; въ 1350 году великій князь Константинъ Васильевичъ построилъ на мѣстѣ «Спаса Святого» «Соборъ благолѣпнаго Преображенія»; съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ перестраиваемый Преображенскій соборъ, наконецъ, вслѣдствіе крайней своей ветхости, трещинъ въ стѣнахъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія дошелъ до того, что сперва въ немъ признано было необходимымъ прекратить служеніе, а затѣмъ былъ весь разобранъ и замѣненъ нынѣшнимъ зданіемъ.

Въ Преображенскомъ соборѣ замѣчательны: икона Одигитрія, писанная съ подлинника, въ 1380 году; харатейное «Евангеліе» 1404 года; старинныя облаченія нижегородскихъ архіереевъ; хоругви и пелены XVI и XVII столѣтій; іерусалимскія пальмы, принесенныя въ старину паломниками. Усыпальница великихъ князей нижегородскихъ съ гробницей Минина, находившаяся до 1851 года въ простомъ склепѣ подъ соборомъ, теперь превращена въ подзем-

Кремль въ Нижнемъ-Новгородѣ. Церковь св. женъ Мироносицъ.

ную церковь, куда не проникаетъ ни одинъ лучъ дневного свѣта, служеніе въ которой очень эффектно. Здѣсь, по лѣвую руку отъ входа, стоитъ гробница Минина, осѣненная спискомъ со знамени князя Пожарскаго, сдѣланнымъ въ 1855 году, и подлинными знаменами нижегородскаго ополченія 1812 и 1856 годовъ. Въ числѣ 10 великихъ князей и княгинь нижегородскихъ здѣсь погребенъ и великій князь Константинъ Васильевичъ; въ числѣ 7 митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ—Питиримъ. Надъ прахомъ каждаго изъ почившихъ устроена гробница съ чугунной доской для надписи. Колокольня собора, стоящая отдѣльно отъ него, съ каменнымъ шатромъ и небольшой главой, гораздо старше главнаго соборнаго зданія: она построена при послѣднемъ митрополитѣ нижегородскомъ, Сильвестрѣ, въ 1716 году.

Въ разведенномъ въ 1871 году скверѣ, на краю Кремлевской горы, стоитъ памятникъ Минину и Пожарскому въ формѣ остроконечнаго обелиска, поставленный въ 1826 году; обелискъ и пьедесталъ его гранитные. Московскій памятникъ Минину и Пожарскому предназначался сперва для Нижняго.

Кремль въ Нижнемъ-Новгородѣ. Церковь св. женъ Мироносицъ.

Затѣмъ въ Кремлѣ помѣщаются: зданіе присутственныхъ мѣстъ, губернскій домъ, военная графа Аракчеева гимназія, казармы, единовѣрческая церковь Симеона Столпника, духовская часовня (въ губернаторскомъ саду), построенная вмѣсто бывшаго здѣсь монастыря, и друг.

Въ Кремлѣ въ старину было много частныхъ построекъ «для осаднаго времени», на случай опустошенія непріятелемъ посадовъ. Здѣсь-же былъ пожалованный Минину государевъ, т. е. казенный домъ. Въ настоящее время въ Кремлѣ частныхъ построекъ вовсе нѣтъ.

Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ о промышленной дѣятельности Нижегородской губерніи. Особенно большихъ мануфактуръ здѣсь нѣтъ, а главнымъ образомъ развита такъ-называемая кустарная промышленность. Нижегородская губернія дѣлится протекающими по ней рр. Волгой и Окой на нагорную и луговую сторону, на Горы, Заволжье и Заочье. Горы продовольствуютъ въ теченіе года, за немногими исключеніями, своимъ хлѣбомъ; луговая же сторона положительно въ немъ нуждается. Вотъ почему самыя физическія условія существованія человѣка заставили его здѣсь пріучиться къ самымъ разнообразнѣйшимъ промысламъ.

Главными видами промысловъ въ Нижегородской губерніи слѣдуетъ назвать: лѣсной, металлическій, валеный и кожевенный. Лѣсной промыселъ со всѣми своими подраздѣленіями на вырубку лѣса собственно, на щепной (выдѣлка деревянной посуды), мочальный, рогожный, смоляной, скипидарный, дегтярный и т. п., группируется конечно, какъ и само названіе его показываетъ, въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ губерніи (главнымъ образомъ въ Семеновскомъ, Макарьевскомъ и Балахнинскомъ уѣздахъ). Металлическій промыселъ развитъ преимущественно въ Семеновскомъ и Горбатовскомъ уѣздахъ; въ первомъ, въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ Красной Рамени, состоящей изъ 20 селеній, выдѣлывается гвоздь, вѣсовыя коромысла и скобы; во второмъ село Павлово на Окѣ и расположенное неподалеку отъ него село Ворсма, съ окрестными деревнями (частью и смежной Владимірской губерніи) заняты производствомъ всѣмъ извѣстныхъ замковъ, ножей, хирургическихъ инструментовъ и т. п. издѣліями, слывущими подъ общимъ названіемъ павловскихъ. Валеный промыселъ распространенъ по всей губерніи, но особенно сильно сосредоточенъ въ Семеновскомъ уѣздѣ. Кожевенное (вмѣстѣ съ мѣховымъ) производство также раскинулось, какъ и валеное, по всѣмъ угламъ губерніи, но важнѣйшими своими центрами имѣетъ село Большое Мурашкино (такъ-называемыя мурашкинскія овчины)—Княгининскаго, село Богородское—Горбатовскаго и село Спасское—Васильскаго уѣздовъ, а также городъ Арзамасъ.

Есть, наконецъ, въ Нижегородской губерніи такіе пункты, которые характеризуются именно какимъ-нибудь спеціальнымъ, имъ исключительно свойственнымъ промысломъ. Таковы Балахна со своимъ плетеніемъ кружевъ, Арзамасъ—со своими шерстяными ботинками, Семеновъ — съ лѣстовками (старообрядческими четками) и шелковыми поясками, село Безводное—со своими рыболовными снастями и т. п.

А. С. Гацискій.

ОЧЕРКЪ VII.

ЛѢСНОЕ ЗАВОЛЖЬЕ.

Лѣсная глушь.—Обитатели лѣса.—Города: Галичъ, Чухлома, Солигаличъ—и ихъ старина, по сказаніямъ лѣтописцевъ.

Старая тамъ Русь, исконная, кондовая...
АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

СОСНЫ и лохматыя ели... Глушь непроглядная, непроходимая. Здѣсь и днемъ—сумерки... Густая масса темной зелени, сплошнымъ сводомъ, застилаетъ вершины лѣса и заслоняетъ отъ него бѣлый свѣтъ. Лишь въ полуденную пору солнечный лучъ, съ великимъ трудомъ пробившись тамъ и сямъ сквозь чащу, скользитъ золотистыми пятнами по жилистымъ стволамъ вѣковыхъ деревъ, скользитъ трепетно, словно крадучись, и черезъ мгновеніе пропадаетъ... Тихо и сумрачно въ лѣсу. Шумъ падающихъ сучьевъ, да крики филина нарушаютъ безмолвіе лѣсныхъ сумерекъ. Полумракъ, окутывающій лѣсъ, всему придаетъ здѣсь какой-то странный, таинственный отпечатокъ,—и лѣсные великаны, обожженные молніей, со своими искалѣченными вѣтвями, обломленными бурей—принимаютъ дикій, фантастическій видъ. Черезъ эту дебрь порой лишь пробирается медвѣдь, да промчится стадо лосей, отыскивающихъ для себя привольное пастбище. Нѣтъ здѣсь ни дорогъ, ни тропинокъ... Валежникъ такъ заламываетъ лѣсъ, что изъ-подъ него земли не видать. Тамъ и сямъ валяются деревья, вырванныя бурею или сами упавшія отъ ветхости. Въ этихъ мѣстахъ, такихъ полусгнившихъ и гніющихъ деревьевъ лежитъ на землѣ такъ много, что они образуютъ собой какъ бы одинъ неровный помостъ. Изъ труповъ деревьевъ дѣлается сплошная настилка—иногда даже въ нѣсколько рядовъ... Кое-гдѣ едва видимый подъ мохомъ и валежникомъ, серебристою струйкой, просачивается ручей, но и онъ не веселитъ окружающій его угрюмый и мрачный пейзажъ.

Чѣмъ ближе къ рѣкѣ, тѣмъ явственнѣе измѣняется характеръ дремучей, лѣсной чащи. Здѣсь уже токочетъ глухарь, стучитъ дятелъ, лазая вверхъ и внизъ по деревьямъ, зайцы выскакиваютъ на полянки. Здѣсь уже не такъ часты деревья и уже не такъ темно подъ сводами ихъ вѣтвей. Здѣсь уже чувствуется жизнь, движеніе. Чувствуется близость человѣка... Вотъ стоитъ снизу опаленная сосна съ зеленою верхушкой, а кругомъ ея — пожарище; головни и зола покрываютъ почернѣлую и обгорѣвшую землю. Это—уже явные признаки того, что здѣсь побывалъ человѣкъ. Еще одинъ шагъ впередъ—и посреди лѣса на полянахъ, кое-какъ обне-

сенныхъ обгорѣлыми елями, уже растетъ рожь или ленъ. А тамъ ошмыганы кусты, трава помята, видны тропинки, глубоко пробитыя въ мягкой, болотистой почвѣ: это—«выгонъ», пастбище, гдѣ лѣтней порой ходитъ скотъ... Изъ-за деревьевъ показывается дымъ, и, наконецъ, выступаетъ крестьянская изба, прислонившаяся къ лѣсу почти въ упоръ, за нею — другая, третья избушка... Деревня, передъ деревней—небольшое поле, съ торчащими посреди хлѣба тамъ и сямъ черными, обуглившимися пнями не вплотную вырубленныхъ деревьевъ,—явный признакъ того, что деревня и поля явились здѣсь еще очень недавно. За полемъ опять—лѣсъ, словно идущій безъ конца и уходящій изъ виду вонъ.

Рѣчка, протекая черезъ лѣсъ, какъ бы оживляетъ это зеленое, спящее царство. По теченію рѣки углубляется въ лѣсъ человѣкъ въ сермягѣ, съ топоромъ за поясомъ, съ кремнемъ и огнивомъ за пазухой... Надъ водою паритъ рыболовъ, вдругъ, какъ камень, падаетъ въ воду и, схвативъ добычу, летитъ къ своему гнѣзду. Чайки съ жалобнымъ крикомъ плавно проносятся надъ рѣкой. Послѣ вечерней зари изъ кустовъ раздается чарующая пѣснь соловья. А утромъ на зарѣ поетъ малиновка. Надъ водою и надъ прибрежными кустами толкутся комары и мошки, миріады бѣлыхъ бабочекъ вьются межъ кустовъ и, какъ снѣжными, пушистыми хлопьями, покрываютъ траву на большомъ пространствѣ. Въ травѣ мелькаютъ ночныя фіалки, ландыши, незабудки, голубые и лиловые колокольчики и множество другихъ бѣлыхъ, желтыхъ и алыхъ цвѣтковъ. Лѣсъ рѣдѣетъ... На горѣ густо разростается молодой березнякъ, а между нимъ ютятся кусты вереса и можжевеля и тутъ же поднимаются сосны и ели, осины съ вѣчно трепещущими листьями и плакучія ивы, протягивающія чуть не до земли свои вѣтви, длинныя и гибкія, какъ зеленыя нити...

Дремучіе сосновые и еловые лѣса сумрачны и пустынны; непривѣтливы кажутся они для посторонняго, пришлаго человѣка, впервые попавшаго въ ихъ чащу. Но лѣсному жителю въ этой глуши привольно и отрадно. Онъ сызмалу свыкся съ лѣсомъ, сжился съ нимъ, сроднился. Онъ знаетъ свой лѣсъ съ малолѣтства; онъ читаетъ его, какъ раскрытую книгу, написанную на понятномъ для него языкѣ. Каждый лѣсной звукъ внятенъ ему; онъ близко знакомъ съ нравами, со всѣми свычаями и обычаями звѣрей и птицъ, ютящихся въ лѣсныхъ чащахъ... Здѣшній крестьянинъ почти круглый годъ живетъ въ лѣсу, вѣсь вѣкъ работаетъ онъ около лѣса,—и не мудрено, послѣ этого, если онъ привязывается къ лѣсу и зоветъ его своимъ кормильцемъ.

И хороши эти лѣса—хороши они во всякій часъ дня и ночи, во всякое время года. Особенно же хороши лѣса въ лѣтнюю пору, когда они стоятъ всѣ въ зелени и въ цвѣтахъ. Лѣса густы и великолѣпны въ своемъ живомъ разнообразіи... Тамъ, рядомъ съ темнохвойною елью, красуется бѣлостволая березонька съ ея свѣтлозеленою листвой. А тутъ, глядишь, величаво и широко размахнули сосны свои красивыя, густыя вѣтви. Внизу же, между деревьями, кустарникъ сплетается съ молодыми деревцами въ такую чащу, что сквозь нея и съ топоромъ не скоро проберешься... Такіе густые полулиственные, полухвойные лѣса перемежаются иногда сосновыми борами... Лѣтомъ лѣса всегда хороши, всегда роскошны—при всякомъ освѣщеніи, во всякую погоду...

Не шелохнувшись, неподвижно стоятъ они въ ясный, тихій полдень подъ кротко сіяющими небесами,—стоятъ, залитые яркимъ свѣтомъ, въ своемъ царственномъ нарядѣ, въ своемъ могучемъ величіи. Прекрасны они вечеромъ, въ часъ волшебной игры свѣта и тѣней, когда послѣдніе дневные лучи еще играютъ по ихъ вершинамъ, а по низамъ то мягкимъ полутономъ, то рѣзкимъ пятномъ ложатся синеватыя тѣни... Сквозь прозрачный сумракъ лѣтней ночи, полна таинственности, темнѣетъ глубина лѣсныхъ чащъ. И чудится тогда, что деревья, словно, все выше и выше тянутся къ звѣздному небу, и все дальше и шире раскидываются кудрявыя вѣтви бѣлоствольныхъ березъ и темные, лохматые сучья сосенъ и елей. Скрадывающійся шопотъ и шорохъ порою проносятся по лѣсу, словно чье-то сдержанное, затаенное дыханіе. Шо-

рохъ становится слышнѣе, явственнѣе трепещетъ, дрожитъ осина, какъ будто кто-то приближается незримо, идя широкими шагами по лѣснымъ вершинамъ. То вдругъ тепломъ повѣетъ, а черезъ мгновенье обдаетъ лѣсной свѣжестью... И рано утромъ прекрасенъ лѣсъ, когда яркіе, красные лучи начинаютъ, скользя, пробѣгать тамъ и сямъ по зеленымъ верхушкамъ деревъ, а синее небо свѣтлѣетъ. Востокъ пышетъ, горитъ—и на этомъ зарево-багровомъ фонѣ рѣзко обрисовываются вѣтви и листья деревьевъ, чуть трепещущіе подъ дуновеньемъ утренняго вѣтерка. Въ ту пору иной разъ не возможно надышаться вдоволь, когда лѣсъ пахнетъ въ лицо своими чистыми ароматами—пахнетъ цвѣтами, зеленью, глушью лѣсною... Въ часъ утра краски въ лѣсу свѣжи и ярки, какъ на картинѣ, только что нарисованной. Каждый влажный листочекъ—изумрудъ; каждая капля росы—чистѣйшей воды алмазъ; каждый цвѣточекъ виденъ и красуется, какъ на показъ...

А поднимется буря—и затрещитъ, загудитъ лѣсъ. Весь онъ горитъ молніями, и небесная музыка, грохочущая надъ лѣсомъ, находитъ себѣ отголосокъ въ лѣсной глубинѣ, наполняя ее трескомъ, воемъ и ревомъ...

Бури иногда производятъ въ лѣсахъ ужасныя опустошенія... Послѣ бури въ лѣсу тамъ и сямъ лежатъ блѣдные трупы березъ; громадныя, вѣковыя сосны, разщепленныя, сломанныя валяются въ хаотическомъ безпорядкѣ, загораживая собой дорогу даже дикому звѣрю. Ели, вывороченныя съ корнями и съ громадными глыбами дерна и земли, таращатся, какъ какія нибудь сказочныя чудовища. Иныя деревья стоятъ надломленными, наклонившись, и не падаютъ на земь лишь потому, что ихъ еще поддерживаютъ сосѣдніе великаны... Случается, что довольно большія пространства въ лѣсу расчищаются бурями. На иныхъ мѣстахъ лѣсъ сначала погорѣлъ, а затѣмъ погорѣлыя деревья, простоявъ жалкими скелетами нѣкоторое время, иногда даже нѣсколько лѣтъ, сваливались, наконецъ, бурею на земь. И вотъ—обугленные или посѣрѣвшіе трупы ихъ лежатъ теперь неправильными рядами. Ни кустарника не растетъ вокругъ нихъ, ни высокая, зеленая травка не пробивается. Мѣсто давно минувшаго несчастія остается пустынно и уныло... На иныхъ пожарищахъ торчатъ только обугленные пни.

Мѣстами въ лѣсу тянется порубка, мѣстами чернѣетъ пожогъ, а иногда бываетъ и то и другое вмѣстѣ. Тамъ навалены груды сушняка, тутъ лежатъ цѣлыя посохшія деревья и всюду торчатъ сѣрые, бѣлые или обугленные пни, то стоящіе стоймя, то выкорчеванные и вывороченные корнями вверхъ. Если вечеромъ, въ сумерки, подольше всматриваться издали въ это безпорядочно, безобразно навороченное пенье, то при помощи воображенія можно нарисовать самыя причудливыя, фантастическія картины... Тутъ какъ будто стоитъ, сгорбившись, старикъ въ какомъ-то сѣромъ рубищѣ и съ бѣлою, сѣдою бородой. Тамъ встаетъ темная, взъерошенная фигура медвѣдя, поднявшагося на заднія лапы. Далѣе, вытянувшись, стоитъ длинный—длинный мертвецъ въ саванѣ. Тамъ мерещится женщина въ грустной, унылой позѣ: сидитъ она, низко опустивъ голову на руки и полузакрывшись волосами, сбѣгающими волной чуть не до земли. Тутъ какъ будто рыцарь въ шлемѣ, весь въ желѣзѣ, склоняется на копье. Тамъ какой-то старецъ въ древне-жреческой бѣлоснѣжной одеждѣ и въ тіарѣ воздѣваетъ руки къ небу—съ благословеньемъ или съ мольбой. Здѣсь какъ будто двое схватились бороться... А тамъ—вдали—словно нагромождена куча человѣческихъ труповъ: торчатъ руки, торчатъ длинныя тонкія ноги, видны головы и цѣлыя туловища, то прикрытыя кусками бѣлаго савана, то голыя, совсѣмъ почернѣвшія... Какихъ только страховъ и диковинокъ нельзя усмотрѣть въ лѣсу при сумеречномъ ночномъ освѣщеніи!

Лѣтомъ въ лѣсахъ почти постоянно припахиваетъ дымомъ—особенно же въ засуху. Горитъ-ли то лѣсъ, жгутъ-ли подсѣки, рыболовы ли съ косарями или пастухи и божьи страннички разводятъ гдѣ-нибудь огонь на берегу ручья—узнать трудно. Всего же вѣроятнѣе, что случается и то, и другое и третье.

Весною лѣсъ живетъ полною жизнью. Тогда, стаи птицъ гнѣздятся подъ сводами его гу-

стыхъ вѣтвей. Щебетанье, чириканье, гомонъ неумолкаемый стоитъ въ лѣсу съ утра до ночи. Тамъ матерый глухарь хлопаетъ крыльями, поднимаясь на дерево; тамъ, глядишь, съ легкимъ шумомъ вылетѣлъ рябчикъ и тотчасъ же потонулъ въ зеленой чащѣ. Изъ кустарника выпрыгнулъ заяцъ и, приложивъ уши, всматривается куда-то вдаль своими вѣчно испуганными глазками. А тамъ высоко-высоко на деревѣ бѣлка трудится надъ сосновою шишкой, закинувъ на голову свой пушистый хвостъ. Вдругъ въ сторонѣ слышится трескъ, то, знать, медвѣдь валитъ черезъ пень—черезъ колоду. Лѣтомъ въ лѣсу становится тихо, — и лѣсъ, какъ заколдованный, стоитъ безмолвно въ своемъ роскошномъ убранствѣ... Въ эту пору птицы сидятъ по гнѣздамъ, звѣри забираются въ непроходимыя дебри. Тогда въ лѣсу настаетъ царство ягодъ и грибовъ. И взрослые и малые ребята уносятъ тогда изъ лѣсу цѣлые кузова грибовъ и ягодъ, но все-таки еще масса ихъ остается въ лѣсу и гибнетъ... Осенью лѣса становятся мрачны и унылы; зловѣще стонутъ они подъ напорами сердитаго вѣтра. Въ эту-же пору лѣсные исполины, отжившіе свой вѣкъ, ломаются или вырываются съ корнемъ силой неистовой бури. Зимою лѣсъ весь стоитъ въ снѣгу, и все въ немъ покрывается сыпучимъ снѣгомъ, какъ бѣлымъ саваномъ. Зимою эти дебри принимаютъ печальный, грустный видъ. Но и въ грусти ихъ сказывается своеобразная прелесть... Иногда зимою поднимется буря,—и какой же широкій разгулъ представляется ей въ лѣсу! Снѣжныя облака носятся взадъ и впередъ, то внизъ, то вверхъ—взлетаютъ къ вершинамъ деревъ и гнутъ и мечутъ ихъ туда и сюда, направо и налѣво. И подъ напорами вѣтра деревья стонутъ, трещатъ, иной разъ ломятся и валятся наземь...

Лѣсъ.

Богато и разнообразно въ лѣсу животное царство. Здѣсь въ тѣни лѣсной живутъ медвѣди, волки, куницы, кое-гдѣ бѣлки, лисицы, зайцы, норки, изрѣдка выдры. Еще не очень давно здѣсь водились лоси, олени проходили огромными стадами, бѣгали рыси. Лѣсные пожары прорѣдили лѣса, мѣстами слишкомъ завалило ихъ валежникомъ, порубки также сдѣлали свое дѣло, а смоляные и дегтярные заводы сдѣлали нѣкоторыя части лѣса жилыми почти круглый годъ. Огни и шумъ, стукъ топоровъ и людской говоръ распугиваютъ чуткихъ звѣрей... Изъ птицъ, кромѣ пѣвчихъ и перелетныхъ, здѣсь во множествѣ водятся тетерева, утки, рябчики и глухари; красная дичь—безъ переводу... Такъ же богатъ и разнообразенъ міръ лѣсныхъ насѣкомыхъ. Миріады комаровъ несмѣтными роями день и ночь толкутся въ воздухѣ въ лѣтнюю пору, носятся надъ болотами и трясинами, безжалостно преслѣдуя и жаля всякое попавшееся имъ живое существо. Но комары и мошки кажутся самыми невинными созданіями въ сравненіи съ оводомъ, слѣпнями, паутами и въ особенности съ ужасной «строкой». (Эту строку—oestris—не должно смѣшивать со слѣпнями и паутами—tabanus, хотя у нея съ ними и есть большое сходство). Усталыя, измученныя лошади, укушенныя строкой, мчатся, какъ бѣшеныя, сломя голову. Коровы отъ укуса строки, положительно, бѣсятся, ревутъ и мечутся во всѣ стороны. Отъ строки и медвѣдь, царь лѣсной, реветъ благимъ матомъ, какъ шальной, неистовствуетъ, рычитъ, огрызается...

Вѣковые лѣса—сосновые и еловые—облегли почти все костромское и нижегородское Заволжье. Широко раскинулись они во всѣ стороны по сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ притокамъ Волги и мѣстами даже понадвинулись къ лѣвому берегу самой Волги. Они сливаются съ вятскими и вологодскими волоками и мѣстами сплошною зеленою тѣнью прикрываютъ Заволжье.

Лѣсъ.

Еще и понынѣ здѣсь есть немало такихъ мѣстъ, такихъ глухихъ, заповѣдныхъ чащей, гдѣ не бывала нога человѣка, гдѣ не раздавался стукъ топора. И въ этихъ лѣсахъ, вдалекѣ одна отъ другой, раскиданы деревушки въ десять-пятнадцать дворовъ, «починки» изъ двухъ-трехъ избушекъ на курьихъ ножкахъ и лишь изрѣдка попадется село съ двумя-тремя десятками дворовъ и съ церковью... Человѣкъ, съ порядочнымъ запасомъ упорства и съ топоромъ въ рукѣ, врывается мало-по-малу въ заповѣдную область лѣсного генія, не безъ труда, съ помощью огня и желѣза, прокладывая себѣ путь въ вѣковѣчномъ сумракѣ деревьевъ, ихъ нависшихъ и переплетшихся вѣтвей. Здѣсь животная жизнь плодится, множится, хотя и очень туго, и вступаетъ въ борьбу съ лѣснымъ растительнымъ міромъ. По берегамъ рѣкъ и рѣчекъ видны селенія, небольшія поля, луга—скудные побѣдные трофеи, отвоеванные человѣкомъ въ борьбѣ съ лѣснымъ царствомъ. Въ сторонѣ же отъ рѣкъ деревни очень очень рѣдки, ихъ почти вовсе не видать... Западная — незначительная—часть края можетъ сравнительно назваться населенною стороной. Она тянется съ запада, отъ границы Ярославской губерніи, и до рѣки Унжи, а съ юга—отъ Волги и до Вологодскихъ предѣловъ; сюда, слѣд., въ административномъ отношеніи входятъ: Костромской, Галичскій, Чухломскій, Солигаличскій, Кологривскій и Макарьевскій уѣзды Костромской губ. и Семеновскій уѣздъ Нижегородской губ. Здѣсь лѣса уже порѣдѣли, мѣстами здѣсь даже залегаютъ уже довольно большія безлѣсныя пространства; здѣсь, наконецъ, стоитъ много городовъ и между ними есть очень старинные, древніе русскіе города, съ громкими воспоминаніями, съ историческимъ прошлымъ... Восточная же, болѣе обширная часть края идетъ отъ Унжи до границъ Вятской губерніи, захватывая уѣзды Варнавинскій и Ветлужскій Костромской губ. и часть Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Здѣсь и по сію пору—владычество лѣсного духа, царство могучихъ растительныхъ силъ. Здѣсь почти незамѣтно, чтобы человѣкъ серьезно, систематически пытался вступать въ борьбу съ этими силами. Лишь кое-гдѣ торчатъ жалкія истопочки-зимовки, живое подобіе сказочныхъ избушекъ, въ которыхъ удобно было сидѣть лишь на печи Бабѣ-Ягѣ. Изрѣдка видны деревушки, еще рѣже—большія села съ церковью и съ кабакомъ. На весь обширный край приходится лишь два города—Варнавинъ и Ветлуга, болѣе похожіе на села, чѣмъ на дѣйствительные города. Это лѣсистое и дремучее пространство называется Ветлужскимъ краемъ. Ветлужье до послѣдняго времени служило синонимомъ лѣсной глуши и захолустья...

Въ нуждѣ, въ бѣдности, въ тяжелыхъ работахъ проходитъ жизнь обитателей этихъ лѣсныхъ починковъ и деревень; тяжкую борьбу ведутъ они за свое существованіе и мало радостей видятъ въ жизни. Съ помощью огня и желѣза и съ великими усиліями отвоевываютъ они у лѣса каждый шагъ, каждую пядь земли, каждый кусокъ хлѣба. Всѣ заботы, всѣ самые насущные интересы, всѣ печали и радости здѣшняго крестьянства тѣсно связаны съ лѣсомъ. Поэтому намъ и придется главнымъ образомъ говорить о лѣсахъ. Въ нашемъ очеркѣ мы проведемъ читателя по лѣсамъ костромского и нижегородскаго Заволжья, покажемъ ему житье-бытье крестьянское въ лѣсныхъ дебряхъ, укажемъ на лѣсные промыслы, на характеръ лѣсныхъ жителей, на ихъ міросозерцаніе, на ихъ поэтическія преданія и на ихъ дѣтскую вѣру въ «заговоренные» клады, въ русалокъ и въ лѣшихъ. Мимоходомъ заглянемъ и въ города лѣсного Заволжья... Прежде всего набросаемъ вкратцѣ—легкими штрихами — географическій очеркъ всего края, безъ чего былъ бы не совсѣмъ понятенъ нашъ послѣдующій разсказъ о бытѣ заволжанъ.

Волга, протекая по Костромской губ., раздѣляетъ ее на двѣ неравныя части: лѣсную — бо́льшую часть и нагорную—значительно меньшую. Мѣстности лѣваго берега Волги, съ приближеніемъ къ устьямъ рѣкъ Унжи и Немды, превращаются въ песчаную и мѣстами лѣсистую низменность, а внутрь страны все побережье представляетъ мѣстность слегка холмистую, перерѣзанную оврагами. Восточная часть этой полосы, прилегающей къ Унжѣ, вся покрыта лѣсами, низменна, и только по правымъ берегамъ Унжи, Неи и Немды идутъ неширокіе кряжи

возвышенностей. Самые высокіе пункты этого полѣсья лежатъ въ уѣздахъ: Солигаличскомъ, гдѣ находится водораздѣлъ волжскаго бассейна отъ сѣверо-двинскаго; въ Галичскомъ, гдѣ около Галичскаго озера проходитъ невысокій кряжъ, и въ Чухломскомъ уѣздѣ. Далѣе, между рѣками Унжею и Ветлугою, уже разстилается Ветлужскій край, страна совершенно ровная, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ праваго берега Ветлуги, и почти вся покрытая дремучими лѣсами, которые рѣдѣютъ лишь съ приближеніемъ къ Волгѣ. По лѣвую сторону Ветлуги до границъ Вятской и Нижегородской губ. тянется болотистая низменность, сплошь покрытая лѣсами и очень скудно населенная. Здѣсь на 1 кв. милю приходится 269 душъ и не болѣе 3 селеній. Въ жителяхъ и до сего времени здѣсь замѣтенъ финскій типъ, напоминающій нѣсколько о древней мери, жившей нѣкогда въ этихъ мѣстахъ. Кромѣ того, здѣсь же въ XVII столѣтіи поселились черемисы (въ Тоншѣевской волости). Характеръ мѣстности, съ переходомъ ея въ Нижегородскую губ., мало измѣняется. Правда, здѣсь населеніе гуще, богаче, но и здѣсь лѣса дремучи—и здѣсь то-же самое Ветлужье, только оно называется «нижегородскимъ» въ отличіе отъ сосѣдняго костромского Ветлужья.

Въ то время, какъ нѣкоторыя мѣстности на правомъ берегу Волги уже и нынѣ нуждаются въ лѣсныхъ матеріалахъ, Заволжье все еще богато лѣсами—даже несмотря на то, что лѣса сильно истребляются и вслѣдствіе постоянной вырубки, и вслѣдствіе опустошительныхъ лѣсныхъ пожаровъ и нашего неразсчетливаго хозяйства. По послѣднему генеральному межеванію, въ Костромской губерніи было до 5,344,000 дес. лѣсу, то-есть на лѣса приходилось 72% общей площади. Теперь эти цифры, разумѣется, значительно уменьшились. Лѣса дѣвственные, еще нетронутые рукою человѣка, находятся лишь на лѣвой сторонѣ Волги. Въ 1858 году изъ 1,809,000 дес. всей казенной земли подъ лѣсами находилось 1,501,600 дес., то-есть около 83%, и въ числѣ ихъ корабельныхъ лѣсовъ было до 75,868 дес. Чтобы дать понятіе о количествѣ лѣсовъ въ краѣ, приводимъ для сравненія нѣсколько краснорѣчивыхъ цифръ. Общее пространство Ветлужскаго уѣзда, напримѣръ, равняется 1,325,657 дес., а подъ лѣсами изъ нихъ находится 1,172,113 дес.; въ Макарьевскомъ уѣздѣ изъ общаго пространства 1,066,716 дес. находится подъ лѣсами 852,713; въ Солигаличскомъ уѣздѣ изъ 389,527 дес. занято лѣсами 270,703 дес.; въ Чухломскомъ уѣздѣ изъ 329,251 дес. числится подъ лѣсомъ 195,536 и въ Галичскомъ изъ 420,883 дес.—237,910 дес. подъ лѣсами.

Край богатъ лѣсомъ, да богатъ и рѣками для сплава всякихъ лѣсныхъ произведеній. Кромѣ Волги, здѣсь судоходны Кострома, Унжа съ Макарьевскою пристанью, Ветлуга, Нея, Векса, и множество сплавныхъ рѣкъ и рѣчекъ: Свѣтица, Сельма, Тебза, Обнора, Елпать-Желватая, Лухъ Бѣлый и Черный, Уста и другія. Вообще край щедро надѣленъ водами и высылаетъ по нимъ лѣсъ и лѣсныя издѣлія во всѣ стороны: къ Архангельскому порту, въ Петербургъ и въ низовые поволжскіе города. Изъ озеръ должно замѣтить два: Галичское—пространствомъ въ 50 кв. вер., и Чухломское—до 38 кв. вер. Тутъ же на лѣвой сторонѣ Волги, въ уѣздахъ Ветлужскомъ, Варнавинскомъ, Макарьевскомъ и Кологривскомъ залегаютъ обширныя болота, но они, впрочемъ, мало извѣстны, потому что залегаютъ среди дремучихъ лѣсовъ и почти недоступны для изслѣдованій. Въ этихъ топяхъ и трясинахъ, разукрашенныхъ зеленью и цвѣтами, путнику на каждомъ шагу грозятъ смертельныя опасности, и онъ на каждомъ шагу рискуетъ быть засосаннымъ вѣроломною трясиной и погребеннымъ заживо подъ красивыми болотными цвѣточками... По берегамъ лѣсныхъ рѣкъ и рѣчекъ также мѣстами залегаютъ болота, нерѣдко съ богатымъ запасомъ торфа.

Изъ упомянутыхъ рѣкъ Унжа представляетъ большія выгоды въ томъ отношеніи, что впадаетъ въ Волгу выше Нижняго-Новгорода и тѣмъ даетъ возможность огромному сбыту лѣсныхъ матеріаловъ на одинъ изъ важнѣйшихъ нашихъ внутреннихъ рынковъ, между тѣмъ какъ другія рѣки лѣсного Заволжья лишены этого преимущества. Лѣсъ, сплавляемый по Унжѣ и ея притокамъ, доставляется въ деревню Федурино, гдѣ находится лѣсная пристань; лѣсъ же,

заготовляемый по рѣкѣ Немдѣ и ея притокамъ, сплавляется къ устью этой рѣки на пристань при деревнѣ Лиходомовой. Чтобы дать понятіе о количествѣ лѣса, сплавляемаго изъ Заволжья, достаточно указать на то, что только по этимъ двумъ рѣкамъ до послѣдняго времени ежегодно сплавлялось приблизительно на 1,500,000 руб.

Вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій климата и почвы, хлѣбопашество здѣсь не могло развиться въ большихъ размѣрахъ, хотя, разумѣется, имъ занимаются повсюду. Подъ пашнями занято до 1,505,000 дес., то-есть около 21% всей площади земли. Сѣютъ рожь, овесъ и ячмень. Вообще хлѣба родится недостаточно, за исключеніемъ Чухломскаго и Галичскаго уѣздовъ, которые въ урожайные годы даже высылаютъ свой небольшой избытокъ хлѣба въ сосѣдніе уѣзды. Недостатокъ хлѣба пополняется или привозомъ по Волгѣ «снизу» или гужомъ изъ Вятской губерніи. Волжскимъ хлѣбомъ снабжаются уѣзды, лежащіе въ южной части края, вятскимъ же—уѣзды Кологривскій, Варнавинскій, часть Макарьевскаго и Ветлужье. Въ недавнее время стали сѣять ленъ въ бо̀льшемъ количествѣ, а конопля идетъ лишь для собственной потребности. Огородничествомъ также занимаются только «для себя», для домашняго обихода, да и то не вездѣ... Скотоводство, по недостатку пастбищъ, находится въ незавидномъ состояніи.

Если нельзя прокормиться отъ земледѣлія, то нужно, значитъ, искать заработковъ въ другомъ мѣстѣ—либо на сторонѣ, въ отхожихъ разныхъ промыслахъ, либо на фабрикахъ, либо сидя дома за какимъ-нибудь «рукомесломъ». Точно въ такое положеніе поставленъ и нашъ заволжанинъ. Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ онъ занимается пчеловодствомъ, охотой на птицъ и на пушныхъ звѣрей, собираньемъ ягодъ и грибовъ и различными лѣсными промыслами: заготовляетъ на продажу — бревна, жерди, тесъ, дрова, мочалу, рогожу, кули, гнетъ ободья, дѣлаетъ чашки, ложки и вообще всякую деревянную посуду, строитъ суда, гонитъ деготь и смолу... Въ мѣстностяхъ, сосѣднихъ съ судоходными рѣками, заволжанинъ занимается бурлачествомъ. Въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ занимается тканьемъ полотенъ и холста или выдѣлываніемъ серебряныхъ и бронзовыхъ вещей, или отправляется въ странствованія, въ качествѣ ходебщика, и разноситъ въ своихъ коробахъ по всѣмъ закоулкамъ нашего обширнаго отечества разныя фабричныя издѣлія, произведенія сѣрой московской литературы и суздальской живописи. Онъ работаетъ и на своихъ мѣстныхъ фабрикахъ и идетъ въ отхожіе промыслы— въ роли плотника, каменьщика, печника и т. под. А вблизи рѣкъ и озеръ занимается немного и рыболовствомъ...

Разнообразіе и раздѣленіе труда—полное, само собой установившееся въ силу различныхъ естественныхъ и историческихъ условій. Въ одной деревнѣ, напримѣръ, занимаются рогожнымъ промысломъ, въ другой заготовляютъ ложки, въ третьей курятъ смолу или гонятъ деготь, въ четвертой дѣлаютъ различной величины короба и пестери изъ тоненькой драницы для ношенья сѣна, мякины и всякой всячины, въ пятой деревнѣ дѣлаютъ колеса, оси, въ шестой— бороны и т. д. Старики же почти вездѣ плетутъ лапти...

Главный источникъ пропитанія края—лѣсные промыслы. Съ незапамятныхъ временъ установились эти промыслы по указанію, такъ сказать, самой природы, и до сего дня ведутся они въ лѣсномъ Заволжьѣ. Но лѣсовъ съ каждымъ годомъ становится все менѣе и менѣе; лѣса вырубаются, выгораютъ и вообще страдаютъ отъ неразсчетливаго, неразумнаго хозяйства. Особенно сильно пожары разоряютъ наше лѣсное богатство. Отчего происходятъ эти пожары? Трудно допытаться отвѣта на этотъ вопросъ... Горитъ лѣсъ отъ подсѣки, горитъ лѣсъ отъ огонька, оставленнаго послѣ себя странниками, пастухами или охотничками, загорается иногда и отъ «Божьей милости»... Лѣсной пожаръ иногда охватываетъ громадное пространство—на протяженіи сотни верстъ и болѣе; горитъ иногда въ разныхъ сторонахъ, горитъ разомъ тамъ и сямъ на протяженіи 20—30 верстъ...

Въ эту пору бываетъ не видно безоблачнаго голубого неба, хотя бы погода и стояла ясная;

точно какая-то свинцовая, сѣрая дымка низко спускается надъ землей. Солнце безъ лучей — въ видѣ краснаго, огненнаго круга — бываетъ видно лишь съ полудня и задолго до заката скрывается въ густыхъ клубахъ дыма, заволакивающихъ горизонтъ. При этомъ какой-то желтовато-кровавый оттѣнокъ лежитъ на всемъ... По утрамъ дымъ становится до того густъ, что самыя близкія окрестности совершенно скрываются изъ виду, утопая въ сѣроватой мглѣ. Дымомъ, гарью пропитывается жаркій, удушливый воздухъ, дымомъ пахнетъ въ домахъ, дымомъ пахнетъ отъ одежды, отъ волосъ... Горятъ лѣса хвойные и лиственные, горятъ луга—покосы, горятъ стога сѣна, горятъ хлѣба на корню, горятъ деревни,—однимъ словомъ, начиная съ торфа, огонь пожираетъ все, встрѣчающееся ему на пути. Деревни, застигнутыя лѣснымъ пожаромъ ночью врасплохъ, испытываютъ иногда горькую участь: весь крестьянскій скотъ и скарбъ погораютъ, а подчасъ и нѣсколько человѣкъ погибаетъ въ пламени... Огонь неудержимо разливается во всѣ стороны, смотря по тому, куда подуетъ вѣтеръ. То подъ дуновеніемъ вѣтра онъ течетъ, какъ всесокрушающая лава, со страшной силой и быстротой охватывая разомъ сотни десятинъ, то, въ минуты затишья, горитъ, какъ громадныхъ размѣровъ свѣча, составленная изъ сосенъ и елей.

Года два тому назадъ мнѣ пришлось быть на одномъ громадномъ лѣсномъ пожарѣ... Когда я подходилъ къ лѣсу, до меня издали доносился лишь глухой шумъ, подобный шуму проходящаго желѣзно-дорожнаго поѣзда, и при этомъ чудилось, что земля какъ будто слегка дрожала. Синевато-сѣрый дымъ закутывалъ весь лѣсъ, всю лѣсную опушку и полосами стлался по лугу, по которому я проходилъ. Сквозь дымъ были видны вокругъ кусты, купы деревьевъ, стога сѣна... Подойдя ближе, вступивъ уже въ область ѣдкаго, удушливаго дыма, больно рѣзавшаго глаза, я услыхалъ въ лѣсу тамъ и сямъ какой-то сухой, зловѣщій трескъ, свистъ и завыванье, похожее на завыванье вѣтра, но то не могло быть завываньемъ вѣтра, потому что въ воздухѣ на ту пору было тихо. Когда я зашелъ за первыя—за «сторожевыя» деревья, то издали увидалъ, что въ лѣсной чащѣ, въ разныхъ мѣстахъ, уже бушевало цѣлое море пламени. Мѣстами на фонѣ зелени еще уцѣлѣвшихъ елей и сосенъ выступало чернымъ силуэтомъ обуглившееся, погорѣвшее дерево, другое же дерево—неподалеку отъ него—еще горѣло сверху до низу: его толстый стволъ, корявые сучья, тонкія, перепутавшіяся вѣтки и лохмотья, колючая хвоя—все было огненное... Мѣстами огонь захватывалъ широкое пространство, стлался по землѣ, метался по кустамъ, по нависшимъ вѣтвямъ деревьевъ, съ шумомъ крутился по деревьямъ и, взлетая красновато-желтыми языками на вершины самыхъ высокихъ елей, казалось, лизалъ этими красновато-желтыми языками густые, темные клубы дыма, тяжело нависшаго надъ лѣсомъ. Мѣстами весь лѣсъ сплошь казался въ пламени, какъ тѣ очарованныя кущи, которыя нѣкогда описывалъ Торквато Тассо...

Оглядываясь направо и налѣво и стараясь запомнить направленіе, по которому я вступилъ въ лѣсъ, дабы, въ случаѣ опасности, могъ успѣшно ретироваться, сталъ я осторожно подвигаться впередъ, все ближе и ближе къ огненной чащѣ. Я подошелъ къ огню съ подвѣтренной стороны и остановился отъ него въ двухъ шагахъ. Въ ту минуту горѣли кусты, пни, сухіе листья и сучья валежника, кучами лежавшаго на землѣ, но вдругъ съ шумомъ и свистомъ, именно подобнымъ шуму вѣтра, огонь съ силой вырвался изъ-подъ груды сухого валежника и моментально взлетѣлъ вверхъ по вѣтвямъ высокой ели... Черезъ мгновеніе ель уже стояла передо мной вся объятая пламенемъ, со сверкающими въ огнѣ сучьями и хвоей, сыпля внизъ и вверхъ вокругъ себя на близъ стоящія деревья цѣлый дождь золотистыхъ искръ. И сосѣднія деревья — великаны лѣсного царства—таяли, дымились и въ свою очередь моментально вспыхивали съ трескомъ и шумомъ. Чѣмъ гуще была лѣсная чаща, чѣмъ она была непроходимѣе, тѣмъ огонь сильнѣе свирѣпѣлъ, находя для себя массу пищи въ валежникѣ и буреломѣ, и тогда его вой уже напоминалъ не завыванье вѣтра, но ревъ и гулъ расходившейся бури. Тучи искръ вмѣстѣ съ дымомъ взлетали вверхъ и неслись по-надъ лѣсомъ. Сухая трава,

сухія деревья загорались моментально, словно искусственно зажигаемыя при помощи пороха или петроля...

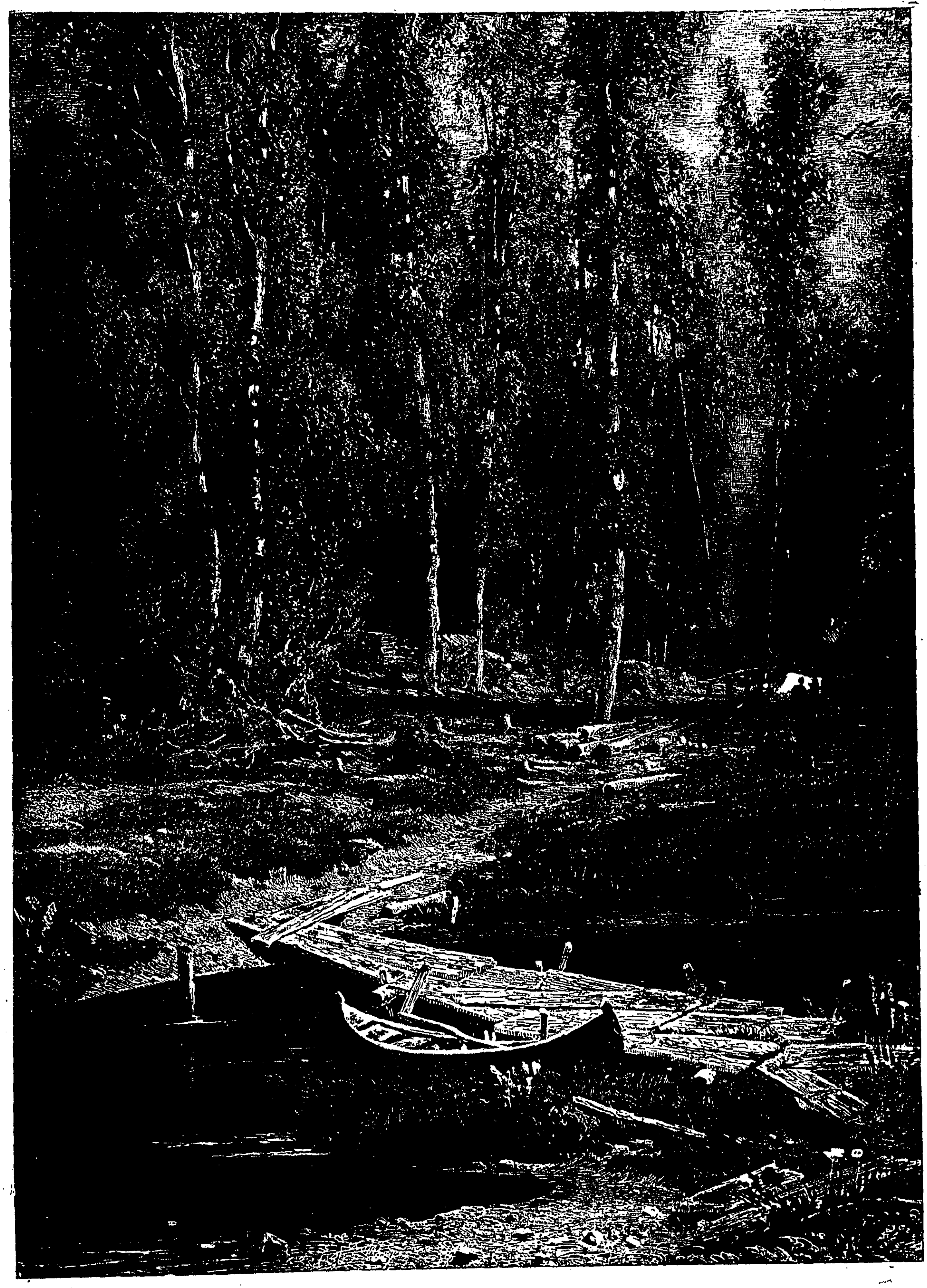
На моихъ глазахъ лѣсные великаны одинъ за другимъ исчезали въ огнѣ, уничтожалась могучая растительная сила... А тамъ откуда ушелъ огонь, сдѣлавъ свое дѣло, посреди пожарища, посреди груды угольевъ и выжженныхъ ямъ, какъ жалкія привидѣнія, стояли черные, обгорѣлые остовы деревьевъ... Ни птицы, ни звѣря я не встрѣтилъ въ лѣсу. Все живое, все, чтó было въ силахъ, чтó могло летать, бѣжать, ползти, — уже давно скрылось отсюда, гонимое ѣдкимъ дымомъ и жаромъ. Я видѣлъ, впрочемъ, еще группы лягушекъ, долѣе другихъ не оставлявшихъ пожарища. Но и онѣ теперь торопливо вытягивали свои голыя лапки и проворно улепетывали отъ огня.

Я задумалъ обойти часть пожарища, чтобы имѣть понятіе о размѣрахъ и силѣ огня. Съ большою осторожностью пробирался я въ сопровожденіи знакомаго крестьянина-охотничка по лѣснымъ тропинкамъ, озираясь по сторонамъ и поминутно оглядываясь назадъ. Предосторожность далеко не излишняя... Подуй вѣтеръ въ нашу сторону—и мы легко могли бы очутиться посреди наступающаго на насъ пламени. Часа черезъ три, возвращаясь по тому же самому направленію, мы должны были забирать въ сторону, ибо тамъ, гдѣ мы еще недавно проходили, уже во всемъ раздольѣ бушевалъ огонь. Опасность еще увеличивалась и вслѣдствіе того, что въ пяти шагахъ ничего нельзя было хорошо разсмотрѣть изъ-за дыма. А въ то-же время по землѣ, подъ валежникомъ, подъ сучьями, покрытыми мхомъ и зарослью, — неслышно, невидимо, «какъ тать въ нощи», самымъ коварнымъ образомъ, пробирался огонь все дальше и дальше... Отъ горящихъ деревьевъ, отъ тлѣющихъ сучьевъ и отъ искръ, переносимыхъ вѣтромъ, еще можно кое-какъ уберечься, но отъ этого коварнаго, по землѣ ползущаго, крадущагося огня спастись трудно. Благодаря ему, мы могли вдругъ очутиться посреди такого фейерверка, что и сами живо обратились бы въ пепелъ. Нѣсколько разъ мы наклонялись и дотрогивались до подошвъ сапогъ: «Не нагрѣлись ли?» Въ мѣстахъ особенно подозрительныхъ — вблизи большого огня — мы останавливались и шарили руками по кочкамъ и мху...

Незадолго передъ моимъ путешествіемъ къ мѣсту пожара, одинъ мужикъ зашелъ въ лѣсъ и, видя вездѣ дымъ, но не замѣчая нигдѣ огня, отправился искать мѣсто пожара, но не успѣлъ сдѣлать и десяти шаговъ, какъ провалился по поясъ въ яму между кочками,—и въ то-же мгновеніе изъ ямы пыхнулъ огонь. Мужикъ, полуобгорѣлый, полуослѣпленный, едва успѣлъ выбраться изъ ямы, благодаря лишь тому обстоятельству, что еще не далеко зашелъ въ лѣсъ отъ опушки...

На мой вопросъ: «Отчего загорѣлся лѣсъ?» получался только одинъ отвѣтъ: «Богъ его знаетъ!» Въ самомъ дѣлѣ, кто скажетъ, кто укажетъ!.. Можетъ быть, странничекъ шелъ путемъ-дорожкой, теплинку разложилъ,—уходя, не погасилъ ее, какъ слѣдуетъ. Можетъ быть, ребята ходили въ праздникъ силки ставить, да захотѣли «побаловаться» и развели огонь. А, можетъ статься, мужики были на сѣнокосѣ подъ лѣсомъ, кашу варили, или пастухъ ночью костеръ раскладывалъ, или бѣглый, «несчастненькій», у огня грѣлся... Кто знаетъ! Лѣсъ вѣдь не улица, не углядишь за нимъ... А въ засуху стоитъ только горящей спичкой ткнуть въ хворостъ для того, чтобы загорѣлся лѣсъ... И вотъ «сгоняютъ» на пожаръ народъ, сгоняютъ сотнями, въ иныхъ мѣстахъ собирается до тысячи человѣкъ и болѣе, сходятся верстъ за 50, рубятъ просѣку, роютъ канавы, чтобы остановить распространеніе пожара въ извѣстномъ направленіи, а огонь, глядишь, переноситъ и черезъ канаву и черезъ просѣку саженъ за 15,—и тотчасъ же въ тылу у работающихъ начинаетъ бушевать огненная буря. Значитъ: бѣги, куда глаза глядятъ, спасайся, кто можетъ, кому еще жизнь не постыла!... И опять начинается въ другомъ мѣстѣ рубка просѣки, рытье канавы и т. д. А то бываетъ и иначе: вдругъ вѣтеръ перемѣнитъ направленіе, дунетъ, — и огонь, не дойдя еще до канавы и до просѣки,

которымъ было предназначено — по расписанію — преградить ему пусть вдругъ поворачивается совсѣмъ въ другую сторону, и хлещетъ, и рветъ и мечетъ, разомъ охватывая лѣсъ на десятки верстъ. Бѣги, догоняй его...

Начало рубки.—Картина И. И. Шишкина.

Силъ человѣческихъ не хватаетъ на борьбу съ огнемъ. Въ этомъ случаѣ единственное спасеніе — хорошій дождь, да такъ, чтобы онъ хлестнулъ, какъ изъ ведра, да лилъ бы безпрерывно часовъ 10—12.

Начало рубки.—Картина И. И. Шишкина.

Возвращаясь съ пожарища, я встрѣтилъ ватаги мужиковъ, откомандированныхъ — пополамъ съ грѣхомъ — для борьбы со стихіей. Убоги и невеселы на видъ были эти борцы: за плечами у нихъ кошелки съ краюхой хлѣба, съ горстью соли, да съ нѣсколькими головками луку; за поясомъ — топоръ, въ рукахъ — заступъ. Лица у всѣхъ утомленныя, грустныя... Еще бы имъ не быть грустными, когда въ самую рабочую, «нуждную» пору — ихъ гонятъ въ лѣсъ... А нельзя не идти, не тушить пожаръ, никакъ нельзя, ибо горитъ народное богатство, горитъ благополучіе настоящихъ и грядущихъ поколѣній...

Во время пожаровъ сгораютъ десятки тысячъ десятинъ лѣса. Особенно памятны для жителей Заволжья пожары 1839—1841 гг. Первый пожаръ — самый ужасный — начался въ лѣсахъ Макарьевскаго уѣзда 29 іюля, а 30 онъ такъ усилился, что загорѣлось нѣсколько селеній и заштатный городъ Кадый. При поднявшемся тогда юго-восточномъ вѣтрѣ, пламя распространилось по всѣмъ смежнымъ лѣсамъ на необъятное пространство; дымъ въ подвѣтренной сторонѣ до того сгустился, что въ уѣздахъ Галичскомъ и Солигаличскомъ — при безоблачномъ небѣ — затемнилъ собою солнце. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этихъ уѣздовъ въ тотъ день передъ полуднемъ цвѣта предметовъ даже начали измѣняться; трава стала отливать зеленовато-голубымъ цвѣтомъ, красные цвѣта превратились въ желтые; солнце было видимо какъ бы черезъ закопченое стекло, а въ часъ пополудни вдругъ сдѣлалось такъ темно, что въ домахъ — по словамъ очевидцевъ — нельзя было безъ огня ничего различить. Пепелъ, перегорѣвшіе листья, мохъ, еловый и сосновый игольникъ переносило изъ Макарьевскаго уѣзда по прямому направленію слишкомъ на 100 верстъ въ Галичскій и Солигаличскій уѣзды. Этотъ пожаръ навелъ паническій страхъ на деревенскихъ людей. Во время пожара въ Галичѣ случилось, что дождевыя капли, пролетая воздухъ, наполненный пепломъ, приняли красноватый цвѣтъ, а народъ, видя это, говорилъ: «Кровавый дождь идетъ... Не быть добру!» Думали: насталъ конецъ міру, — и народъ весь день толпился на улицахъ и боялся войти въ дома... Потери частнаго и казеннаго имущества отъ этого пожара были исчислены въ нѣсколько милльоновъ рублей.

Лѣсной пожаръ 1841 года продолжался съ половины іюня по 5 сентября, то есть до тѣхъ поръ, пока выпавшій глубокій снѣгъ не прекратилъ его. Этотъ пожаръ также истребилъ множество лѣсовъ, скота, дичи, сѣна и прочаго имущества. Въ продолженіе пожара воздухъ былъ до того наполненъ дымомъ, что въ иной день трудно было дышать... Въ пожары 1839—1841 гг. въ одномъ Ветлужскомъ уѣздѣ погибло до 50 тысячъ десятинъ лѣса.

Но не одни пожары губятъ лѣса. Однажды, напримѣръ, разсказываетъ А. Потѣхинъ въ своихъ «путевыхъ замѣткахъ», на лѣса нижегородскаго Заволжья напала такъ-называемая «сосновая пяденица» (falaena diometra), объѣдающая на деревѣ хвою, послѣ чего дерево сохнетъ и погибаетъ. Сосновая пяденица — опаснѣйшій врагъ лѣсовъ — плодится чрезвычайно быстро такъ-что въ теченіе недолгаго времени было охвачено ею пространство лѣса въ нѣсколько тысячъ десятинъ. Мѣстные лѣсничіе, донося объ этой бѣдѣ начальству, просили указаній, что̀ имъ дѣлать, какія принимать мѣры къ истребленію этого лютаго врага. Ученый лѣсничій, справившись съ нѣмецкими руководствами, предложилъ слѣдующія мѣры: выпускать въ лѣсъ свиней, поѣдающихъ яички пяденицы, которыя она кладетъ въ мохъ у корня деревъ, и обвязывать каждое дерево, на которомъ появилась пяденица, паклей, насыщенной скипидаромъ. А пяденица, какъ уже сказано, гуляла въ лѣсу на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ!... Намъ не извѣстно, пытались ли лѣсничіе примѣнять на практикѣ мѣры, рекомендованныя начальствомъ...

Также точно убыточенъ для благосостоянія лѣсовъ и щепенный промыселъ. Такъ, напримѣръ, выдѣлка корытъ, колодъ, чашекъ, блюдъ, лопатъ, лодокъ, ободьевъ, ложекъ, совковъ требуетъ непремѣнно осины бѣлой, безъ темной сердцевины, а поэтому изъ срубленныхъ осинъ много бросается въ лѣсу зря, на гніеніе. Лодки дѣлаются изъ осины цѣльныя, однодеревки,

называемыя душегубками. Графъ Н. Толстой разсказываетъ, что еще не очень давно милліоны осинъ тратились на выдѣлку ложекъ. Для ложекъ требовался узорочный пень, — и онъ выбирался въ такомъ маломъ количествѣ изъ числа загубленныхъ деревьевъ, что простая, деревянная ложка, выдѣланная въ Семеновскомъ уѣздѣ, обходилась иногда не дешевле серебряной... Промышленникъ, обыкновенно, подрубалъ каждую осину у самого корня и смотрѣлъ: достаточно ли въ ней узора. Эту затеску онъ дѣлалъ съ разныхъ сторонъ, и если узора оказывалось мало, то онъ бросалъ надрубленную осину и шелъ къ слѣдующей. Если же узоръ оказывался удовлетворителенъ, то онъ отрубалъ нѣсколько плахъ вершка на четыре длиною отъ самого корня или еще лучше по корнямъ, гдѣ именно кроется узоръ, и затѣмъ шелъ далѣе.

Такимъ образомъ, одинъ промышленникъ въ день, когда мало попадалось узорчатыхъ осинъ, бывало, перепробуетъ ихъ болѣе сотни. Должно замѣтить при этомъ, что годныя и негодныя осины послѣ этой операціи сохнутъ и сламываются подъ напоромъ первой сильной бури, вслѣдствіе чего лѣсъ засоряется, заграмождается поваленными деревьями и дѣлается непроходимымъ, а при лѣсномъ пожарѣ сушнякъ даетъ усиленную пищу пламени... Впослѣдствіи стали дѣлать ложки липовыя. Тутъ уже для ложекъ идетъ цѣльный пень, и въ этимъ случаѣ особеннаго вреда для лѣса не оказывается. Вообще же у насъ лѣсъ не берегутъ когда онъ есть, а когда не станетъ лѣсу — прибѣгаютъ вмѣсто него къ различнымъ суррогатамъ. По поговоркѣ: что имѣемъ — не хранимъ, потерявши — плачемъ...

Пожары и нерасчетливое хозяйство сдѣлали свое дѣло... Прекрасные, строевые лѣса Макарьевскаго, Солигаличскаго и Галичскаго уѣздовъ быстро порѣдѣли. Между рѣками Унжею и Ветлугой и за Ветлугой далѣе на востокъ и юго-востокъ еще недавно шли сплошные лѣса, за исключеніемъ мѣстностей, прилегающихъ къ Волгѣ, къ границамъ Нижегородской губерніи и узкой полосы обработанныхъ полей по р. Ветлугѣ, на которой и сосредоточивается почти все народонаселеніе Ветлужья. Еще въ недавнее время эти лѣса были непроходимы, но нынѣ съ значительнымъ истощеніемъ заунженскихъ лѣсовъ, въ особенности казенной Понизовской дачи, заключающей въ себѣ до 200 тысячъ дес., одна половина которой выгорѣла, а другая вырублена, эта часть лѣсовъ сдѣлалась не такъ дика, какъ лѣса сѣверной части края. Къ югу лѣса постепенно рѣдѣютъ, чередуясь съ полосами обработанной земли, которую крестьяне охотно распахиваютъ, занимая подъ поля «новь», дающую въ первые годы, какъ извѣстно, хорошій урожай безъ всякаго удобренія. Нынѣ лучшіе лѣса, не тронутые ни огнемъ, ни топоромъ, еще сохранились въ сѣверо-восточномъ углу Ветлужскаго края, особенно по рѣкамъ Кокшѣ, Пижмѣ и Ошмѣ, да отчасти до сѣверной полосы Кологривскаго, Чухломскаго и Солигаличскаго уѣздовъ, да въ восточной половинѣ Варнавинскаго. Казенныхъ лѣсовъ считалось за послѣднее время до 1.500,000 дес. Лѣса охраняются стражей — полѣсовщиками и пожарными старостами.

Физіономія лѣсовъ разнообразится, смотря по характеру почвы. Въ Макарьевскомъ уѣздѣ, напримѣръ, гдѣ почва нерѣдко черноземная, растутъ лиственные лѣса: березы, осины, мѣстами примѣшивается липа, орѣшникъ, частью также кленъ, рябина, сосна и ель. Въ Галичскомъ, Солигаличскомъ и Чухломскомъ уѣздахъ, гдѣ почва песчаная и гдѣ мѣстами залегаютъ моховыя болота,—лѣсъ болѣе хвойный, ель и сосна, съ примѣсью осины, березы и ольхи. Въ Ветлужскомъ уѣздѣ, гдѣ почва суглинистая, лѣса—сосновые, изрѣдка тянутся боры, а въ мѣстахъ болѣе низменныхъ и сырыхъ—ель въ смѣси съ пихтою, осиной, липой и березой. Замѣчательно, что по вырубкѣ сосны, обыкновенно, является береза—даже и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ея до той поры вовсе не было, какъ, напримѣръ, въ Макарьевскомъ уѣздѣ, за рѣкой Унжей... Въ заволжской части Макарьевскаго уѣзда (Нижегородской губ.), породы лѣса очень разнообразны. Здѣсь ростутъ: дубъ, кленъ, сосна, ель, осина, липа, ольха, ясень, лиственница и пихта. Здѣсь много строевого и корабельнаго лѣса, но лѣсъ съ каждымъ годомъ истреб-

ляется. Пространство отъ рѣки Керженца и Ветлуги до границъ Казанской губ. и отъ Волги до границъ Костромской и Вятской губ. почти сплошь покрыто лѣсами. Въ сухихъ мѣстахъ лѣсъ—довольно рѣдокъ, ростетъ на песчаной почвѣ и состоитъ, главнымъ образомъ, изъ сосны, ели, пихты и лиственницы. Особенно много строевого лѣса было до послѣдняго времени по Керженцу и Ветлугѣ.

Теперь посмотримъ на житье-бытье западной полосы лѣсного Заволжья.

Домашній бытъ здѣшняго крестьянина почти ничѣмъ не отличается отъ обычнаго быта великорусса. Здѣшній крестьянинъ ѣстъ, одѣвается и живетъ также, какъ нашъ русскій мужикъ... Нѣсколько избушекъ стоятъ въ одинъ рядъ или тянутся въ два «порядка»: плетень изъ тонкихъ жердей окружаетъ избы, отдѣляя ихъ отъ полей, а за полями тотчасъ-же начинается лѣсъ. Посерединѣ улицы—колодезь съ высоко поднявшимся скрыпучимъ огепомъ. Около избъ—полѣнницы дровъ, тутъ-же прислоненныя къ нимъ стоятъ бороны, видны одрецы для возки сѣна и сноповъ. Такова лѣсная деревня... Здѣшняя изба, какъ и вездѣ русская изба, полутемная, грязная и душная; маленькія оконцы едва пропускаютъ свѣтъ; задній лѣвый уголъ занятъ большою, закоптѣлою печью и голбцемъ, а отъ него до передней стѣны идетъ досчатая переборка; въ правомъ переднемъ углу—«тябло» съ почернѣвшими образами и простой, бѣлый столъ; въ заднемъ—палати, подъ которыми можно проходить лишь не иначе, какъ низко наклонивъ голову; около переборки, обыкновенно, виситъ «зыбка»—колыбель, нѣчто въ родѣ короба изъ луба...

Интереснѣе прослѣдить за мѣстными промыслами. Главные изъ нихъ, какъ уже сказано, лѣсные: сидка дегтя и смолы, добываніе лыка и мочалы, тканье рогожи, выдѣлка различной посуды, постройка барокъ, рубка бревенъ и сплавъ ихъ.

Чистый деготь курится на заводахъ въ желѣзныхъ ящикахъ, вмазанныхъ въ печи. Изъ куб. сажени бересты выкуривается до 25 пуд. дегтя. Если же прибавить на 1 сажень бересты треть смолья, то дегтя выходитъ до 35 пуд,, но уже худшаго достоинства. Смола курится изъ сосновыхъ смоляныхъ пней и корней, которые называются смольемъ; изъ куб. сажени мелко наколотаго смолья выкуривается болѣе 30 пуд. смолы, а изъ средне-наколотаго—24 пуда. Въ старину смолу курили самымъ первобытнымъ и самымъ убыточнымъ способомъ—при помощи ямъ. Намелко разщепанное смолье набивалось въ яму и выводилось курганомъ надъ срубомъ, запущеннымъ въ землю въ видѣ колодца, куда и стекала смола; при горѣніи или при теченіи смолья спасались отъ воспламенѣнія засыпкою мелкими угольными остатками отъ прежнихъ смольныхъ ямъ, но эта засыпка все-таки не мѣшала притоку воздуха, и, слѣдовательно, происходило слишкомъ сильное горѣніе, пожиравшее массу горючаго вещества. Впослѣдствіи стали курить въ глиняныхъ горшкахъ, въ кирпичныхъ кубахъ, въ желѣзныхъ качанахъ и, наконецъ, уже въ чугунныхъ котлахъ. При этомъ кстати замѣтить, что изъ еловыхъ лапъ гонятъ поташъ,—впрочемъ, не въ большомъ количествѣ. Дегтярные заводы въ началѣ — при первомъ своемъ появленіи—давали здѣсь огромную прибыль, иногда рубль на рубль. Этимъ то обстоятельствомъ и объясняется ихъ быстрое размноженіе въ этой лѣсной сторонѣ. Но сильная конкурренція и истребленіе березовыхъ рощъ нынѣ уже сильно подорвали эту промышленность—такъ, что съ пуда дегтя нынѣ вѣроятно, приходится чистой прибыли немного болѣе 6 или 7 копѣекъ.

Дегтярные и смоляные заводы, обыкновенно, строятся въ лѣсу, и во время работъ на нихъ крестьяне, въ лѣтнюю пору, подвергаются не малымъ пыткамъ со стороны комаровъ и лѣсной мошкары. Ни въ горячій полдень, ни прохладнымъ вечеромъ, ни темною ночью нѣтъ людямъ покоя отъ комариной силы; только въ дождливую погоду рабочіе избавляются отъ своихъ маленькихъ мучителей. Даже на дымныхъ смоляныхъ казанахъ и на скипидарныхъ заводахъ рабочіе иначе не спятъ, какъ на подкурахъ, не то комары заѣдятъ... Въ землю врываютъ толстыя жерди сажени три въ вышину и мостятъ на нихъ для спанья палати, подъ па-

латями раскладываютъ на землѣ огонь,—и курево отгоняетъ мошекъ и комаровъ. Такъ и спятъ въ дыму рабочіе, прокопченые насквозь, да и тутъ нѣтъ-нѣтъ, да и запустятъ въ нихъ свое жало несносные маленькіе мучители...

Не мало рукъ также занимаетъ добываніе лыкъ и мочалъ для выдѣлки рогожъ. Весною, когда древесный сокъ подымается, наружная кора на деревѣ сидитъ очень слабо — такъ, что если въ концѣ мая или въ началѣ іюня сдѣлать на корѣ надрѣзъ сверху внизъ, то древесный сокъ отдеретъ ее отъ ствола, а въ іюлѣ кора совершенно отдѣлится и спадетъ сама собою. Если же пропустить это время, то уже представятся большія затрудненія въ отдѣленіи коры отъ стволовъ. Для добыванія лыкъ и мочалъ крестьяне отправляются большими партіями въ лѣса, строятъ тамъ шалаши и производятъ операцію надрѣзыванія липовой коры на деревьяхъ и на отпрыскахъ. Кора со ствола даетъ отличный лубъ, а съ вѣтвей выдѣлывается мочала. Собранное такимъ образомъ лыко опускается въ проточную воду или въ ямы, наполненныя водой, гдѣ оно очищается отъ верхней коры и клейкаго вещества. Въ октябрѣ лыко вынимается изъ воды, развѣшивается по шестамъ, сушится и зимою привозится домой, гдѣ уже и раздирается на мелкія части, въ видѣ лентъ. Изъ нихъ вьютъ веревки, приготовляютъ судовыя снасти, дѣлаютъ конскія шлеи, лапти, разныя мелкія вещи и ткутъ рогожи. Еще въ недавнее время славилась шангская рогожа (въ имѣніи Лучинина), которая покупалась безъ браку и была даже извѣстна въ Англіи по своей добротности. Крестьянинъ Данила Панковъ на Петербургской Выставкѣ получилъ за рогожу своего издѣлія серебряную медаль и похвальный листъ, а на Всемірной Выставкѣ онъ получилъ за свою рогожу бронзовую медаль.

Осенью рогожники перебираются въ свои закоптѣлыя «зимницы». Зимницы, обыкновенно, строятся позади двора, часто безъ сѣней. При входѣ съ улицы, въ избѣ почти ничего не видно — отъ пыли и отъ скуднаго свѣта, едва проникающаго сюда черезъ небольшія и заложенныя соломой оконца. Затѣмъ, когда зритель поосмотрится, передъ нимъ начинаетъ обрисовываться въ одномъ углу большая печь безъ трубы, въ другомъ—лохань, около которой возятся свиньи, въ третьемъ — корыто, квашня, чашки, кадка и прочая домашняя рухлядь. Среди избы высится рогожный станъ—кормилецъ обитателей этого чернаго, грязнаго жилища. Работаютъ день и ночь. Только въ сумерки не горитъ въ хатахъ дымная лучина: въ это время рабочіе, обыкновенно, закусываютъ и ложатся спать до десяти часовъ, а затѣмъ опять работаютъ всю ночь до разсвѣта, затѣмъ завтракаютъ, отдыхаютъ часъ и опять становятся за работу. Нестерпимый жаръ, духота, дымъ отъ лучины, смрадъ и пыль отъ мочалы невольно заставляютъ всякаго непривычнаго человѣка бѣжать изъ избы на вольный воздухъ. Тутъ же, въ этой адской атмосферѣ работаютъ и дѣти съ 8 лѣтъ. Не даромъ же они такіе хилые, да тщедушные... Рогожа даетъ денегъ и на хлѣбъ и на уплату податей.

Но не красна доля рогожника. «Трясется онъ, бѣдный, въ худой одеженкѣ у своей рогожи на базарѣ,—говоритъ священникъ М. Поспѣловъ,—трясется отъ холода, ждетъ покупателя. А покупателя нѣтъ. Скрѣпя сердце везетъ онъ свою рогожу къ богатому мужику: деньги ему нужны—на хлѣбъ, на соль, староста оброкъ спрашиваетъ. Кулакъ пользуется выгодой своего положенія... Рогожникъ-*рабочій* рѣзко отличается отъ рогожника-*торгаша*. Физіономія перваго—вялая, безжизненная; одѣтъ онъ въ дубленый, дырявый полушубокъ, сверху котораго накинутъ истертый чапокъ домашняго сукна, на головѣ—оборванная шапка, на ногахъ—скорблыя онучи и лапти. А рогожникъ-торгашъ одѣтъ всегда чисто, опрятно; лицо у него—свѣжее, рѣчь бойкая. Это—оттого, что одинъ изъ нихъ работаетъ по 16 часовъ въ сутки, а другой только чужой товаръ собираетъ и везетъ его на рынокъ; одинъ питается щами изъ черной кислой капусты, грибами, да брюквой, да моченой брусникой и можжевеловымъ квасомъ, а другой ѣстъ мясныя щи, молоко, кашу, лапшу; одинъ всю зиму живетъ вмѣстѣ со своей скотиной, а другой наслаждается комфортомъ въ свѣтлой, чистой избѣ»... Такъ воочію

отражается здѣсь на людяхъ различіе ихъ общественныхъ положеній. Контрасты поставлены рядомъ самою жизнью.

Рогожный промыселъ здѣсь очень развитъ и ведется онъ испоконъ вѣку. Но въ послѣднее время производство его стало сокращаться, на что указываютъ цифры. Изъ статьи Нейгарда («О липахъ въ Костромской губерніи») видно, что отсюда—изъ предѣловъ Костромской губ. въ 1839 г. вывозилось рогожъ до 5 милліоновъ штукъ. По вычисленію Кеппена, въ 1846 г. здѣсь выдѣлывалось рогожъ до 4 милліоновъ штукъ, а нынѣ уже не свыше 3 милліоновъ штукъ—на 400 тыс. руб.

Если заводить рѣчь о выдѣлкѣ посуды, то необходимо сказать нѣсколько словъ о знаменитыхъ «семеновскихъ» издѣліяхъ, извѣстныхъ всему русскому крещеному міру... Семеновъ (Нижегородской губ.) — городокъ маленькій, тихій, заброшенный въ глушь и дичь Заволжья. Замкнутый кругомъ лѣсами, какъ бы отрѣзанный отъ остальнаго міра, онъ живетъ въ одиночку, тихо и безмолвно. Пустынны и безмолвны его двѣ-три улицы, уставленныя деревянными домиками. Семеновъ втихомолку дѣлаетъ свое дѣло, приготовляя на продажу десятки милліоновъ ложекъ, которыми хлебаетъ до сего дня русскій крестьянскій людъ. Семеновъ высылаетъ и тѣ большія и маленькія чашки, которыя въ деревенскомъ обиходѣ замѣняютъ собой всю посуду. Окрестные крестьяне вырубаютъ изъ дерева первоначальную грубую форму ложки, а въ Семеновѣ ее уже окончательно отдѣлываютъ и красятъ.

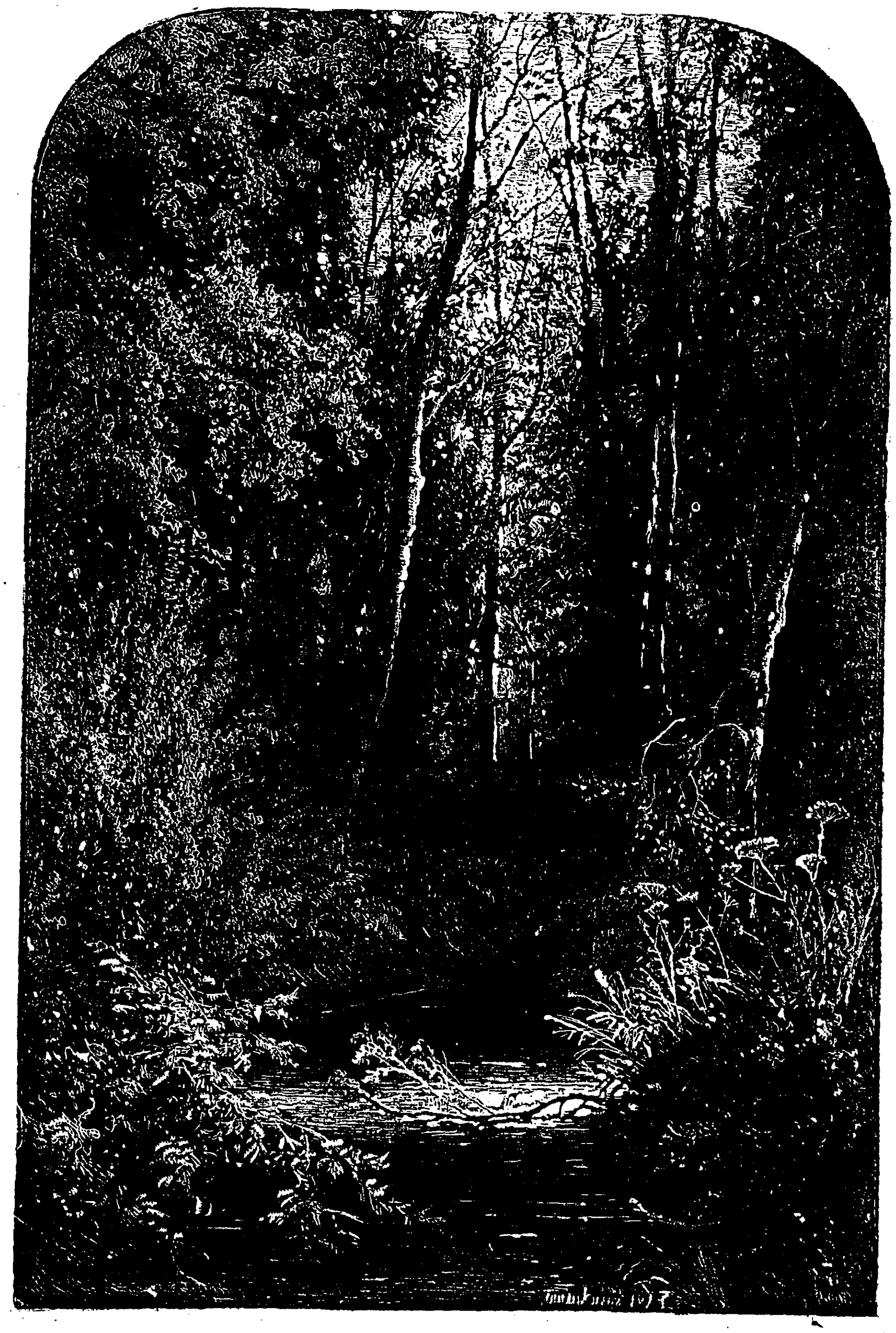
Въ Семеновскомъ уѣздѣ ложечнымъ производствомъ занимаются болѣе 7 тыс. человѣкъ. Мужики подрубаютъ дерево, а бабы или подростки вывозятъ легкія баклуши изъ лѣсовъ въ деревни или въ лѣсныя зимницы, а весною, лѣтомъ и осенью занимаются ихъ настоящей отдѣлкой. Въ иныхъ мѣстностяхъ эта работа идетъ круглый годъ, въ иныхъ — она прерывается на время лѣтнихъ работъ и продолжается лишь съ Покрова до Пасхи. Лѣсъ на ложки идетъ березовый, частью ольховый. (Лучшею посудой считается кленовая и липовая, но матеріалъ для нея Семеновцы принуждены закупать въ Васильсурскомъ у., по Сурѣ). Рабочій въ теченіе дня дѣлаетъ, обыкновенно, отъ 150 до 250 штукъ; нѣкоторые, правда, изготовляютъ штукъ до 400, но такіе мастера уже — исключеніе. Семеновцы ежегодно выдѣлываютъ около 126 милліоновъ деревянныхъ ложекъ, па что идетъ до 31,500 куб. саж. березы. Ложки не вполнѣ отдѣланныя и не крашеныя свозятся отовсюду изъ деревень на базаръ въ г. Семеновъ еженедѣльно и здѣсь продаются. Торговцы затѣмъ уже отъ себя раздаютъ ихъ затачивать и завивать ручки; этимъ дѣломъ занимаются жители двухъ пригородныхъ селеній, Жугрелки и Дьякова. Потомъ торговцы отдаютъ ложки въ краску; окрашиваніемъ занимаются женщины и дѣти—семеновскіе мѣщане. Такимъ образомъ, каждая ложка прежде, чѣмъ попадаетъ въ коробъ торговца или въ лавку, проходитъ 15 разъ черезъ руки трехъ рабочихъ.

Для оптовой продажи ложки привозятъ въ с. Городецъ, на Волгѣ, но главнымъ образомъ торговля ими производится на Нижегородской и Ирбитской ярмаркѣ. Окрашенныя и совершенно готовыя ложки стоятъ отъ 6 до 8 руб. тысяча; слѣдовательно, ложечное производство даетъ въ годъ до 882,000 р. Оптовая торговля ложками сосредоточена въ Семеновѣ въ рукахъ нѣсколькихъ здѣшнихъ торговцевъ и она настолько прибыльна, что торговцы, бывшіе бѣдными мѣщанами, въ 20 лѣтъ разживались на славу и ворочали сотнями тысячъ. Вотъ онѣ—деревянныя-то ложки...

Въ средѣ лѣсныхъ промысловъ видное мѣсто занимаетъ — рубка и сплавъ бревенъ, а также постройки судовъ и сгонъ ихъ. Но и здѣсь, какъ вездѣ, повсюду, эксплоатація кошелька лишаетъ рабочаго значительной доли его самаго законнаго, непререкаемаго заработка... Въ началѣ осени каждая крестьянская семья подряжается доставить мѣстному кулаку извѣстное количество лѣса (или смолы и т. под.), но условія подряда при этомъ диктуются «хозяиномъ». Крестьянинъ всегда нуждается въ деньгахъ и для уплаты податей, и для содержанія семьи и

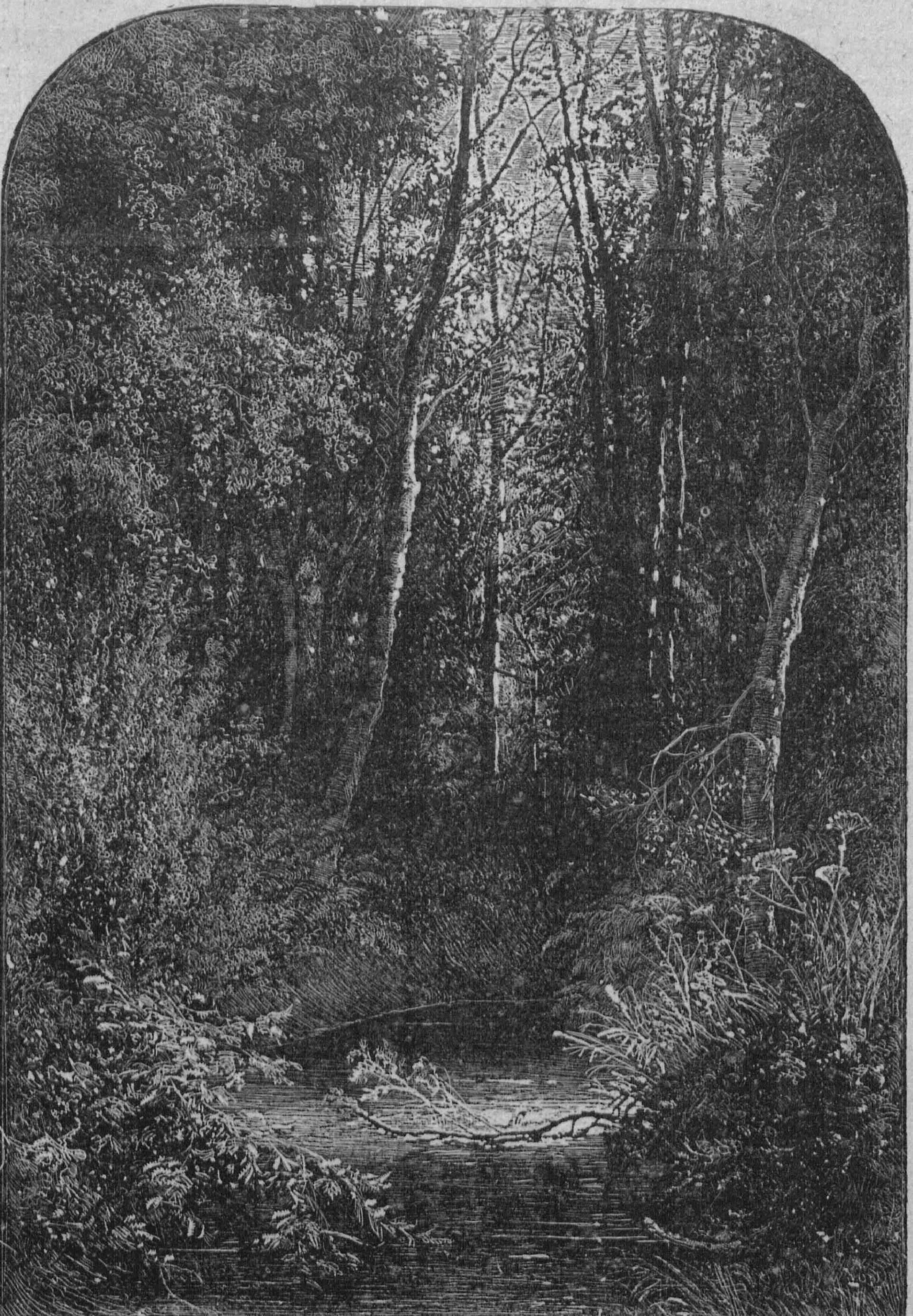
для прокормленія скота—въ особенности—лошади. Безъ лошади онъ—какъ безъ рукъ: лошадь ему необходима, и онъ долженъ содержать ее въ лучшемъ видѣ — для того, чтобы потомъ употребить ее для вывозки лѣса. Не зная никакихъ ремеслъ, брошенный государствомъ на произволъ «laissez faire—laisser passer», оставленный безъ знаній лицомъ къ лицу съ сутолокой соціальной борьбы и безурядицы, крестьянинъ всегда находится въ горькой необходимости заключать сознательно невыгодныя сдѣлки—лишь-бы добыть грошъ. Въ теченіе зимы хозяинъ предупредительно снабжаетъ подрядившихся крестьянъ всѣмъ необходимымъ: рукавицы, топоры, соль, крупа—все къ ихъ услугамъ, а при расчетѣ онъ уже съумѣетъ по своей «ариѳметикѣ» за все вывести двойныя цѣны. Поэтому-то, несмотря на тяжелый, изнурительный трудъ, весной при расчетѣ рабочихъ съ хозяевами всегда слышны стоны да охи, жалобы и слезы. Оказывается, что крестьяне всю зиму въ потѣ потрудились на пользу другихъ, а сами остались съ грошомъ ломанымъ въ карманѣ и, измученные, побрели домой къ своей сохѣ-кормилицѣ, къ новымъ тяжкимъ трудамъ.

Самый же промыселъ идетъ такимъ порядкомъ: осенью, послѣ уборки хлѣба крестьяне подряженные или «на свой страхъ» отправляются для пріисканія лѣса для зимнихъ работъ; на выбранномъ мѣстѣ они строятъ шалашы для зимняго житья, а когда выпадетъ снѣгъ—принимаются за рубку...

Въ лѣсной глуши.—Картина Г. И. Шишкина.

Осенью со всѣхъ сторонъ изъ лѣсныхъ деревень идутъ крестьяне съ пестеркой за плечами, идутъ въ лѣсъ, въ ту мѣстность, гдѣ ожидается въ наступающую зиму вырубка бревенъ. Идутъ день, идутъ—другой, и останавливаются только на ночь гдѣ нибудь возлѣ рѣчки или на берегу лѣсного ручья; тутъ они вынимаютъ изъ пестерки хлѣбъ, соль—и устраиваютъ походную трапезу. Тутъ же, отдыхая, они присматриваются: гдѣ выгоднѣе и удобнѣе представляется работа. Надо узнать во-первыхъ: далеко ли придется возить вырубленный лѣсъ на сплавную рѣченку? вѣдь провозъ бревна отъ 5 до 10 саженъ длиною въ лѣсу черезъ сугробы

Въ лѣсной глуши.—Картина Г. И. Шишкина.

снѣга—безъ пути, безъ дороги—дѣло очень трудное и тяжелое; вѣдь тутъ можно и лошаденку загубить, да и самому легко изувѣчиться. Вовторыхъ надо сообразить: можно ли надѣяться выгнать лѣсъ изъ рѣченки на большую сплавную рѣку—въ томъ случаѣ, если весною вода будетъ мала? Это знать чрезвычайно важно: въ этомъ, можно сказать, вопросъ «жизни и смерти». Если лѣсъ не выйдетъ и останется на мѣстѣ до слѣдующей весны, то рабочимъ придется остаться на весь годъ безъ хлѣба—до продажи лѣса, то-есть до окончательнаго расчета, причемъ половина заработка почти навѣрное пропадетъ, такъ какъ лѣсъ, пролежавшій зиму, рѣдко удается продать по его настоящей цѣнѣ. Въ третьихъ нужно расчитать: сколько на томъ или на другомъ участкѣ можно вырубить бревенъ и какого размѣра?..

Работа чаще всего производится «исполу», такимъ образомъ: крестьянинъ, по условію, беретъ у лѣсопромышленника денегъ на покупку провизіи и другого прочаго и отправляется въ лѣсъ на работу; въ зиму онъ еще переберетъ у хозяина дачи нѣсколько денегъ. Весь лѣсъ, вырубленный за зиму, онъ вывозитъ на рѣчку, сбиваетъ его тамъ въ плоты, а затѣмъ лѣсъ раздѣляется на двѣ части: одна идетъ — хозяину, другая — рабочимъ. Впрочемъ, при этой «испольной» работѣ, доли не всегда бываютъ равны: рабочіе получаютъ иногда больше, иногда меньше, смотря по трудности вывозки и т. под. Изъ 200 деревъ на долю рабочихъ приходится вообще, можно сказать, отъ 60 до 140 бревенъ. Рабочіе не могутъ продать свою часть безъ согласія и безъ вѣдома хозяина. Хозяинъ самъ дѣлаетъ расчетъ съ покупателемъ лѣса, вычитая изъ выручки всѣ забранныя у него рабочими деньги, а остальное уже выдавая имъ на руки. Ясное дѣло, что для крестьянъ испольная работа — рискъ, для хозяевъ же — вѣрное средство нажить деньгу, не подвергаясь опасности банкротства, если, разумѣется, лѣсъ вырубается изъ собственной дачи.

Надежда на заработокъ увлекаетъ крестьянина на сплавъ лѣса по Волгѣ, но эта надежда бываетъ часто обманчива. Случится урожай въ низовыхъ губерніяхъ—ладно, задумаютъ проводить гдѣ нибудь желѣзную дорогу или воздвигать какія нибудь значительныя постройки, (что случается послѣ большихъ пожаровъ), само собой разумѣется спросъ на лѣсъ увеличивается, — и рабочіе въ такомъ случаѣ не останутся въ накладѣ. Но при маломъ спросѣ, тяжелая работа крестьянина за всю зиму и весну иногда очень плохо вознаграждается; приходится ему получить только кусокъ хлѣба, то есть — возможность не умереть съ голода — и ничего болѣе. Иной разъ онъ же еще остается въ долгу у хозяина, когда вырученныхъ за лѣсъ денегъ не хватаетъ на уплату забранныхъ имъ на хлѣбъ въ теченіе зимы. Хозяинъ же не унываетъ и при плохой продажѣ лѣса. Ему что за бѣда! Задешево купленная дача, изъ которой можно вырубать лѣсъ въ продолженіе десятковъ лѣтъ, расплачиваясь за работу тѣмъ же, почти ничего не стоющимъ для него лѣсомъ, — въ нѣсколько счастливыхъ годовъ вполнѣ возвратитъ затраченный на ея покупку капиталъ—такъ, что весь остальной лѣсъ, въ дѣйствительности, ему приходится уже даромъ. Значитъ: сколько бы онъ ни выручилъ за свою половину въ неудачный годъ, убытка ему не можетъ быть.

По продажѣ лѣса, какъ уже сказано, рабочему иногда приходится еще доплачивать хозяину. Приказчики не рѣдко насчитываютъ на безграмотнаго мужика. Запишутъ ему иной разъ въ расчетную книжку и такія выдачи денегъ, какихъ никогда не бывало. А у крестьянина книжка — очень своеобразная, которая не можетъ служить документомъ ни въ какомъ судѣ и нигдѣ ничего ею не докажешь. Это, просто, — четыреугольный брусокъ липовой лутошки, на которой рабочій нарѣзываетъ разныя черточки и крестики себѣ на память. Смыслъ этихъ черточекъ и крестиковъ для него ясенъ, онъ никогда не сбивается въ своей липовой книжкѣ... ну, а для другихъ, для людей постороннихъ, его книжка — ничто иное, какъ деревянный брусокъ съ какими-то кабалистическими знаками, лишенными всякаго смысла и значенія.

Рубка и сплавъ бревенъ — работа тяжелая, надрывающая силы и нерѣдко до времени сводящая въ могилу...

Забравшись въ лѣсъ артелью человѣкъ въ 10—12, верстъ за 50 и далѣе отъ дома, крестьяне первымъ дѣламъ починиваютъ, приводятъ въ порядокъ заброшенную старую зимницу. Зимница, собственно, — большая, четыреугольная яма, аршина въ полтора либо въ два глубины. Въ нее запущенъ бревенчатый срубъ, а надъ ней, поверхъ земли, выведено вѣнцовъ 6—7 срубовъ. Пола нѣтъ, одна убитая земля, а потолокъ накатной, немного сводомъ. Оконъ въ зимницѣ не полагается: люди бываютъ тамъ только ночью, а чуть утро забрезжитъ, они ужь въ лѣсъ лѣсовать и лѣсуютъ, пока не наступятъ глубокія сумерки. И окно, и дверь и «дымволокъ» замѣняются въ зимницѣ однимъ отверстіемъ, прорубленнымъ вровень въ землею, въ аршинъ вышины, со створками, надъ которыми остается оконце для тяги дыма. Къ этому отверстію приставлена лѣстница, по которой спускаются внутрь. Середи зимницы, обыкновенно, стоитъ сбитая изъ глины печь, что топится «почерному», или, просто, вырыта теплинка, какая бываетъ въ овинахъ. Теплина служитъ и для согрѣванья и для просушки одежи. Противъ входнаго отверстія придѣлываются къ стѣнѣ широкія нары для спанья. Въ переднемъ углу возлѣ наръ обѣденный столъ, а возлѣ него скамья и нѣсколько обрубковъ. Въ другомъ углу—очагъ съ подвѣшенными надъ нимъ котелками для варива. Вотъ передъ читателемъ и вся зимница, какъ на ладони, черная, закоптѣлая, но теплая и сухая... Непривычный человѣкъ не долго пробудетъ въ зимницѣ, а лѣсники остаются ею много довольны. Живутъ они въ своей мурьѣ мѣсяцѣ по три—по четыре, работая на волѣ отъ зари до зари, обѣдая еще до свѣта, ужиная поздно вечеромъ, когда, воротясь съ работы, поставятъ лошадей въ «загонъ», построенный изъ жерди и еловыхъ лапъ—тутъ же рядомъ съ зимницей.

Приведя зимницу въ надлежащій видъ, крестьяне принимаются срубать мелкій лѣсъ и такимъ образомъ немного разчищаютъ путь для возки вырубленныхъ бревенъ къ рѣчкѣ—и затѣмъ уже принимаются за свою работу... До сего времени тихо стояли деревья, лѣсъ какъ будто дремалъ, погруженный въ заколдованный сонъ Дѣдушкой — Морозкомъ. Снѣгъ сугробами навалился понизу между толстыми стволами деревьевъ и густыми хлопьями повисъ на ихъ сучьяхъ. Тихо, мертвенно — тихо было въ лѣсу... Но вотъ въ одно утро пришли сѣрые, бородатые люди; инеемъ серебрились ихъ усы и бороды, а въ рукахъ поблескивали острые топоры. Нарушено безмолвіе лѣсныхъ чащъ... Трескъ и стонъ стоитъ по лѣсу: весь день съ утра до ночи гулъ идетъ. Лѣтъ ожилъ, кипитъ работа... Только поздно вечеромъ мужики возвращаются въ свою зимницу, нахолодившуюся за день; они разводятъ огонь, варятъ кашу. Тутъ происходятъ отрывочные разговоры, иногда кто нибудь изъ артели принимается разсказывать разныя лѣсныя приключенія, бывавшія съ нимъ на охотѣ или на рубкѣ лѣса. Въ ожиданіи каши всѣ молчатъ и слушаютъ... Зимовка отъ разведеннаго огня быстро нагрѣвается, но за то въ тоже время наполняется дымомъ и тяжелымъ запахомъ отъ просушиваемыхъ онучъ и кошуль. Воздухъ въ зимницѣ дѣлается такой спертый, что хоть топоръ вѣшай, какъ говорится, — не упадетъ... Но мужики, измучившись за день, повалившіе не по одному дереву и немало поворочавшіе бревенъ стягами, не обращаютъ ни на что вниманія и, послѣ скуднаго ужина, засыпаютъ крѣпкимъ сномъ. Они рады тому, что добрались, наконецъ, до зимницы и пообогрѣлись. А утромъ до свѣта, на-скоро пообѣдавъ, они снова идутъ на работу. Кто «роняетъ» деревья и очищаетъ ихъ отъ сучьевъ, кто вывозитъ ихъ къ рѣчкѣ...

И такъ идетъ день за днемъ — и день за днемъ проходитъ зима. У людей по деревнямъ и красная Никольщина, и веселыя Святки и широкая Масляница, а въ лѣсахъ нѣтъ праздниковъ, работаютъ лѣсники и въ будни и въ праздникъ, и никто изъ нихъ, кромѣ подростковъ, всю зиму домой не ходитъ, да и къ нимъ изъ деревень никто не наѣзжаетъ.

Вотъ стало солнышко пригрѣвать, дни сдѣлались замѣтно длиннѣе, перестали «бѣлыя мухи» летать въ воздухѣ. Весной запахло, начало таять, по дорогамъ сдѣлались зажоры, дорожки въ лѣсу почернѣли и лошади вязнутъ въ нихъ по брюхо. Въ рѣчкѣ вода прибываетъ, ледъ посинѣлъ, вздулся и отъ береговъ его уже «отъѣло» — такъ что ни пройти, ни проѣхать.

Темная полоска обозначаетъ слѣдъ бывшей дороги. Зіяетъ темная прорубь и издали кажется чернымъ пятномъ... Крестьяне еще за хорошую дорогу кончили вывозку лѣса. Въ большихъ кострахъ лежитъ лѣсъ на берегу рѣчки. Уже нарублены клинья и вичи для свивки лѣса въ гнѣзда и въ челена, которыя впослѣдствіи на большой рѣкѣ свяжутся въ плоты... Для сплава, обыкновенно, выбирается лѣсъ сосновый, «зелено-ростущій», называемый краснымъ лѣсомъ, какъ болѣе цѣнный. Въ послѣднее время, впрочемъ, пошелъ на продажу и еловый. Сухоподстойный лѣсъ идетъ почти исключительно въ г. Балахну (Нижегородской губ.) для тамошнихъ соляныхъ варницъ. Вырубкою и вывозкою этого лѣса занимаются лишь крестьяне Кологривскаго и Макарьевскаго уѣздовъ — и только тѣ изъ нихъ, у которыхъ лошади малосильны и не въ состояніи вывозить сырой лѣсъ.

Тяжела работа зимой, а весной она нелегче и полна опасности для жизни. Выгоняя изъ рѣчки бревны до мѣста свивки ихъ въ плоты, выгоняя «молемъ», то есть по два бревна вмѣстѣ, съ помощью богра или, просто, шеста—рабочій иногда не разъ свалится въ студеную воду. Какъ варомъ обдаетъ его ледяная весенняя вода, руки—ноги коченѣютъ, духъ захватываетъ... А онъ, выбравшись изъ воды, какъ ни въ чемъ не бывало, въ своей оледенѣлой одежѣ, безъ шапки, подъ пронизывающимъ насквозь сѣвернымъ вѣтромъ, снова принимается за дѣло и снова лѣзетъ по колѣна въ воду. Случается, что рабочіе и тонутъ, попавъ подъ бревно... Крестьянской семьѣ или артели, удается вырубить, вывезти и отдѣлать иной разъ до 400 бревенъ; за нихъ въ хорошій годъ выручается около 150 руб. Когда полая весенняя вода станетъ спадать, весь вырубленный за зиму лѣсъ уже оказывается сплавленнымъ къ устьямъ маленькихъ рѣчекъ. Лишь только сплавная рѣка входитъ въ берега, по ней начинаютъ тянуться сотни плотовъ одни за другими. И вотъ плывутъ эти плоты на Волгу-Матушку, плывутъ днемъ на ночь иногда останавливаются...

А хороши ночи надъ лѣсною рѣкой!... Звѣзды мигаютъ въ небесахъ, въ водѣ нѣтъ—нѣтъ да и плеснетъ рыбка, у береговъ стоятъ плоты и на каждомъ изъ нихъ разведенъ огонь. Красные огоньки отражаются въ струящейся водѣ, а кругомъ нихъ мракъ еше пуще сгущается. На берегу скрипитъ коростель, гдѣ-то крякаютъ утки, свиститъ куличекъ. И всѣ эти звуки по зарѣ доносятся такъ явственно. Вотъ запѣлъ соловей, засвисталъ, защелкалъ и чудесными звуками своихъ пѣсенъ наполнилъ спящія окрестности. А то вдругъ откуда-то донесется заунывная, въ сердце западающая пѣсенка...

Въ Галичскомъ, Солигаличскомъ и Чухломскомъ уѣздахъ сплавъ производится по рѣкамъ Вексѣ, Туткѣ и др. плотами, по 20 деревъ въ рядъ; далѣе по р. Костромѣ сплавляется къ лѣсной пристани при г. Буѣ, гдѣ и продается. Крестьяне при продажѣ получаютъ мало барыша, потому что торговцы устраиваютъ между собой негласную стачку и понижаютъ цѣны на лѣсъ до minimum'а. А крестьянину выжидать некогда, надо домой забираться, полевыя работы уже на дворѣ. Торговцы пользуются его безвыходнымъ положеніемъ и прижимаютъ всячески... При г. Буѣ ежегодно продается строевого и дровяного лѣсу до 200 тыс. деревъ; здѣсь также продаются дрова, деготь, смола и т. под. Проданный лѣсъ крестьяне обязаны сплавить для сдачи въ такъ называемые станы, въ 30 верстахъ ниже Буя. Отсюда покупщики уже ведутъ его сами въ г. Кострому и далѣе по Волгѣ.

Изъ Макарьевскаго уѣзда сплавъ производится также плотами по рр. Неѣ, Шуѣ, Пеженгѣ и др. по 5 или по 10 деревъ въ рядъ, а дойдя до Унжи переплачиваются уже отъ 100 до 300 деревъ въ рядъ. Болѣе всего сплавляется лѣсовъ изъ уѣздовъ Кологривскаго, Чухломскаго и Ветлужскаго; лѣсъ приплавляется къ Филеву и Калдышеву плесу и въ другіе пункты, гдѣ находятся лѣсныя пристани; всего же пригоняется сюда на сумму до 500 тыс. руб. и болѣе. Лѣсъ, оставшійся непроданнымъ, гонится внизъ по Волгѣ — или промо въ Нижній-Новгородъ или къ посаду Пучежу, а оттуда уже въ Нижній. Такимъ же путемъ отправляются и дрова, брусья, жерди, тесъ, деготь, смола, лубы, кора, уголь и проч. Дровяной березовый и ольхо-

вый лѣсъ сплачивается въ плоты, называемые *турками*, состоящіе, обыкновенно, изъ четырехъ рядовъ бóльшею частью 4-хъ саженныхъ деревъ. Сосновый же, еловый и осиновый лѣсъ сплачивается въ три ряда крестообразно, заключая въ каждомъ ряду до 30 деревъ, длиною до 5 саженъ, — и по способу сплачиванья эти плоты называются *крестами*. Жерди и колья сплавляются въ плотахъ, называемыхъ *кошмами*, изъ которыхъ каждый содержитъ по 1,000 штукъ. Затѣмъ, здѣсь еще сплавляются плоскодонныя суда — гусянки, подчалки, паузки, паромы...

Познакомившись съ жизнью лѣсовъ и съ бытомъ лѣсныхъ деревень, теперь мы заглянемъ въ города западной полосы лѣсного Заволжья.

Костромской край, въ древности населенный финскимъ племенемъ, мерею, въ XII столѣтіи вошелъ въ составъ Суздальско-Владимірскаго княжества. Въ XIII вѣкѣ въ Костромской области были уже свои удѣльные князья. Присоединеніе же этой области къ Московскому государству началось при Иванѣ Калитѣ, а закончилось при Иванѣ Грозномъ. Проповѣдниками христіанства въ землѣ Галичской явились въ XII вѣкѣ Авраамій ростовскій, родомъ изъ Чухломы, Макарій унженскій и Іона, митрополитъ московскій. Города здѣшняго края — Галичъ, Чухлома, Солигаличъ, Макарьевъ на Унжѣ—замѣчательны тѣмъ, что древнія сказанія о нихъ большею частью связываются съ преданіями о подвигахъ и чудесахъ святыхъ отшельниковъ. Если, говоря объ этихъ городахъ, не сказать о связанныхъ съ ними легендахъ, то значитъ— не дать читателю понятія о томъ,—чѣмъ были и какую роль играли они въ старой Руси...

Галичъ стоитъ на низменномъ юго-восточномъ берегу Галичскаго озера, у подножія холмовъ, подходящихъ къ нему съ противоположной стороны. Онъ былъ основанъ изъ земли мери, и поэтому въ древности назывался *Галичемъ-Меряжскимъ* или Мерьскимъ, въ отличіе отъ другого Галича, Червенскаго, находившагося въ Галиціи. Галичъ богатъ историческими воспоминаніями и о языческой мери, и о святыхъ отшельникахъ—просвѣтителяхъ Галичской страны, и о кровавыхъ междоусобицахъ удѣльныхъ князей, и о нашествіяхъ монголовъ, казанскихъ татаръ, поляковъ и литовцевъ. На берегахъ Галичскаго озера долго оставались въ памяти людей имена Батыя, и Шемяки, и Василія Темнаго и Лисовскаго съ его бѣдовыми летучими отрядами. На гористыхъ же берегахъ Галичскаго озера святые отшельники, Авраамій и Паисій, воздвигли первыя пустыни для распространенія евангельскаго ученія среди мери языческой... Когда и кѣмъ основанъ Галичъ—неизвѣстно, но только вѣрно, что въ XII столѣтіи онъ уже существовалъ; о немъ уже упоминается въ лѣтописи подъ 1167 годомъ, и затѣмъ онъ упоминается все чаще и чаще. Такъ, въ лѣто 1172 «преставися князь Ѳедоръ на бору и повезоша его погребсти у Св. Трихины у Галиця».

Галичъ—это маленькое поселеніе въ землѣ полудикой мери, затерявшееся среди дремучихъ лѣсовъ—со времени Юрія Долгорукаго становится однимъ изъ главныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ лѣсного Заволжья. Во времена этого князя былъ возведенъ здѣсь земляной валъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ нѣкогда княжескій дворецъ и церковь Симеона Столпника, отчего и самая гора получила названіе «Столбища», сохранившееся и понынѣ въ народной памяти. На мѣстѣ этой церкви была поставлена часовня, а потомъ—столбъ, куда-то исчезнувшій послѣ 1825 г. На одной изъ окрестныхъ горъ до сего времени находились остатки древняго укрѣпленія, называвшагося Столбищемъ. На Столбищѣ показывали мѣсто, гдѣ находились княжескіе сады и дворецъ. По народному преданію, здѣсь, въ землѣ, Шемяка зарылъ сокровища, награбленныя имъ съ братомъ въ Москвѣ и въ Ярославлѣ. Этотъ кладъ, будто-бы, иногда показывается на землѣ въ видѣ золотого корабля, но заклятія, наложенныя на это сокровище, такъ страшны и кровавы, что никто не рѣшается достать его... Другое укрѣпленіе галичское состояло изъ вала, который спускался съ крутого холма до самаго берега озера и такимъ образомъ былъ въ состояніи защищать жителей, спасавшихся—при вторженіи непріятеля — на лодкахъ черезъ озеро. По угламъ укрѣпленія до послѣдняго времени возвышались курганы

(мѣста сторожевыхъ башенъ). Въ городъ въѣзжали четырьмя воротами, защищенными башнями съ бойницами. Башня отъ Староторжья называлась архангельскою, обращенная къ озеру—успенскою, къ Паисіеву монастырю—аѳанасьевскою, а выходившая къ рѣкѣ—покровскою. Въ городской ратушѣ до послѣдняго времени сохранилось нѣсколько очень старинныхъ пушекъ.

Въ окрестностяхъ Галича сохранились также и слѣды языческой мери. На Поклонной горѣ близъ города, по преданію, находилось капище идола Ярсита; другое капище Купалы находилось на берегу озера, на томъ мѣстѣ, гдѣ и теперь бываютъ гулянья 24 іюня, при чемъ гуляющіе купаются, обливаютъ другъ друга водой и катаются въ лодкахъ по озеру...

Галичъ видѣлъ много невзгодъ на своемъ вѣку. Въ 1238 г. онъ долго и храбро защищался противъ батыевыхъ полчищъ; въ 1427 г. онъ храбро выдержалъ осаду казанскихъ татаръ. Въ періодъ удѣловъ Галичъ нерѣдко бывалъ жертвою княжескихъ междоусобицъ и не однажды переходилъ изъ рукъ въ руки. Такъ, напримѣръ, въ 1437 г. Василій Темный, преслѣдуя дядю своего, Юрія, разорилъ Галичъ. По изгнаніи Шемяки, удѣлъ галичскій былъ уничтоженъ и присоединенъ къ Московскому государству. Моровая язва трижды опустошала Галичъ; особенно жестоко она проявилась въ 1420 г. Съ 1493 г. Галичъ становится мѣстомъ ссылки: здѣсь жилъ въ ту пору опальный князь Ѳеодоръ Бѣльскій; въ 1597 г. здѣсь жилъ Андрей Шуйскій, сосланный Борисомъ Годуновымъ, и затѣмъ Василій Шуйскій, сосланный сюда въ заточеніе самозванцемъ. Въ 1609 и 1619 гг. Галичъ былъ разоренъ литовцами, что видно изъ дозорной и писцовой книги 1620 г. Наконецъ, послѣ различныхъ административныхъ перетасовокъ, Галичъ въ 1778 г. былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ костромского намѣстничества. Въ настоящее время жителей въ немъ до 7,000, около 900 домовъ, изъ которыхъ 25 каменныхъ; есть 3 училища, больница, богадѣльня, до 17 церквей и 2 монастыря—женскій и мужской; нѣсколько заводовъ мѣховыхъ, замшевыхъ, перчаточныхъ и кожевенныхъ.

Главныя занятія жителей—дѣланіе перчатокъ и рыболовство на Галичскомъ озерѣ. Озеро—въ окружности 40 верстъ, въ длину 17 вер., въ ширину 7; глубина его на серединѣ почти до 2 саж., а у береговъ—не болѣе одного аршина; въ серединѣ озера находятся омуты глубины очень значительной. Дно озера иловатое; берега низменные, болотистые, поросшіе осокой и мелкимъ кустарникомъ. Озеро богато ершами и снѣтками. Большое количество снѣтковъ отправляется отсюда въ Москву на продажу. Рыболовствомъ занимаются галичскіе мѣщане, живущіе въ слободкѣ на южномъ берегу озера; они имѣютъ исключительное право на рыболовство, по грамотамъ, даннымъ ихъ предкамъ. Кромѣ того, здѣсь много разводится огурцовъ и другихъ овощей, которыми снабжаются всѣ окрестныя села, города Чухлома, Солигаличъ и посадъ Парфентьевъ. Городъ ведетъ довольно значительную торговлю пушными товарами, замшею и опойками, отправляемыми въ Петербургъ, Москву, Архангельскъ и въ Нижній. Замша, кромѣ того, поступаетъ и на перчаточныя фабрики въ Галичѣ. При городѣ на самомъ озерѣ находится небольшая пристань, въ которую входятъ тихвинки съ волжскихъ пристаней по рр. Костромѣ и Вёксѣ. Ярмарка, собирающаяся ежегодно въ Галичѣ, не отличается большими оборотами.

Въ старину Галичъ славился своими монастырями и церквами; монастырей насчитывалось до 10, а церквей было вдвое болѣе. Нынѣ же въ немъ только два монастыря и 17 церквей, изъ которыхъ четыре — Преображенія, Рождества Христова, Великомученицы Варвары и Василія Великаго—извѣстны своею древностію.

Староторжскій Никольскій женскій монастырь находится въ самомъ городѣ, на берегу Галичскаго озера, за старымъ Городищемъ, близъ рыбацкой слободы, около того мѣста, на которымъ въ старые годы былъ *торгъ*. Отъ того мѣста и монастырь получилъ свое названіе. Монастырь основанъ преподобнымъ Іаковомъ Галичскимъ во времена Василія Васильевича Темнаго; здѣсь же—на кладбищѣ «странныхъ»—погребенъ и самъ основатель его. Сначала монастырь былъ мужскимъ, но въ 1668 г. обращенъ въ женскій. Очевидно, иноковъ въ мона-

стырѣ оказалось мало, и поэтому, по указу царя Алексѣя Михайловича, сюда были переведены старицы, жившія въ кельяхъ у приходской Богоявленской церкви, при которой былъ богадѣленный дворъ. Въ 1759 г. былъ закрытъ женскій Зачатіевскій монастырь и бывшія тамъ двѣ монахини переведены въ Староторжскій монастырь. Вмѣстѣ съ монахинями сюда было переведено и все монастырское хозяйство; въ это же время за Староторжскимъ монастыремъ было приписано 50 душъ крестьянъ, считавшихся до тѣхъ поръ за Зачатіевскимъ монастыремъ. Монастырь не однажды и не мало потерпѣлъ отъ пожаровъ. Нынѣ въ немъ — каменная церковь во имя Троицы, при Богоявленской церкви каменная трехъярусная колокольня, одно каменное зданіе и нѣсколько деревянныхъ и затѣмъ различныя строенья для службъ. Монастырь окруженъ оградой — длиною въ 176 саж., съ пятью каменными башнями и одною деревянною. Въ настоящее время монастырю принадлежатъ: мельница, двѣ небольшія пустоши и около 80 дес. земли, пожертвованной доброхотными дателями.

Паисіевъ мужской монастырь находится за городомъ, къ юго-западу отъ него. Въ храмѣ этого монастыря особенно почитается образъ Божіей Матери, по преданію, прославившійся многими чудесами. Напримѣръ, однажды во время сильнаго пожара, когда вся церковь была уже въ пламени, инокъ Іаковъ невредимо вынесъ ее изъ огня. Въ другой разъ — во время усобицъ—икона была взята Василіемъ Темнымъ въ Москву и поставлена въ соборной церкви, а для того, чтобы никто не похитилъ ея, князь приказалъ церковныя двери запечатать и къ дверямъ приставить стражу. Такъ все и было сдѣлано по его повелѣнію, но тѣмъ не менѣе икона, по словамъ преданія, въ ту же ночь опять явилась въ Галичѣ... Нынѣ во владѣніи монастыря—около 20 дес. пустопорожней земли, да мукомольная мельница въ 30 верстахъ отъ монастыря.

Дѣвушка горожанка изъ гор. Галича.

Галичане болѣе прочихъ жителей Костромской губерніи придерживаются старины и въ покроѣ одежды и въ бытѣ вообще. Впрочемъ, сказанное относится лишь къ купечеству и къ жителямъ рыбной слободы. Женщины галичскія извѣстны своею типической красотой и своеобразнымъ одѣяніемъ. У нихъ сохранился до сихъ поръ обычай—въ праздничные дни надѣвать платье своихъ бабушекъ.

На рисункѣ изображена дѣвушка изъ рыбной слободы въ ея нарядѣ, довольно богатомъ и затѣйливомъ. Головной уборъ ея состоитъ изъ низанной жемчугомъ бѣлой повязки съ цвѣтными камнями, называемой вѣнцомъ; на лбу спускаются до самыхъ бровей нити жемчуга, расположенныя полукружьемъ. Сверхъ этой повязки надѣвается цвѣтной платокъ, шитый по угламъ и по серединѣ золотомъ,—а на сарафанъ, который дѣлается изъ толстой штофной матеріи различнаго цвѣта и узора, надѣвается полушубокъ или тѣлогрѣйка. Сарафанъ внизу обшитъ поясомъ и держится проймами. Полушубокъ шьютъ очень короткій — изъ парчи или тканаго золотомъ штофа, съ рукавами, у небогатыхъ—на заячьемъ или лисьемъ мѣху, а у достаточныхъ—на куньемъ или собольемъ. Снаружи онъ оторачивается полосами какого-нибудь дорогого мѣха и спереди застегивается тремя или четырьмя пуговицами.

Одѣяніе молодой женщины изъ купеческой среды—вскорѣ послѣ свадьбы—отличается особеннымъ богатствомъ и роскошью. На голову надѣваютъ жемчужную повязку съ поднизью, а сверху кокошникъ. Это самый старинный головной уборъ, сохранившійся лишь въ немногихъ купеческихъ семействахъ. Существуетъ обычай вѣнчать дѣвушекъ въ подобномъ нарядѣ.

Почти двѣ трети здѣшняго городского и сельскаго населенія живетъ въ столицахъ и за-

юго-западу
зъ Божіей
имѣръ, од-
ке въ пла-
разъ — во
скву и по-
хитилъ
мъ

Дѣвушка горожанка изъ гор. Галича.

нимается торговлею и различными ремеслами. Въ деревняхъ, въ лѣтнюю пору, остаются только дѣти, женщины, да старики; мужчины же съ 15-тилѣтняго возраста отправляются на заработки въ Петербургъ и въ Москву, бо̀льшею частью въ качествѣ каменщиковъ, печниковъ, маляровъ, плотниковъ и т. под. Весною они возвращаются въ деревни.

Главное богатство Галичскаго уѣзда—хлѣбъ; ленъ хотя и сѣется въ значительномъ количествѣ, но онъ здѣсь родится плохо. Торговля же хлѣбомъ производится съ Вологодской губерніей и съ нѣкоторыми мѣстностями Костромской губ. Рѣка Вёкса, протекающая черезъ Галичское озеро, самая большая рѣка въ этой сторонѣ; она судоходна для небольшихъ тихвинокъ; въ межень на ней образуется мель при селѣ Вознесенскомъ. Вдоль теченія и въ верховьяхъ ея залегаютъ болота. Изъ нихъ особенно извѣстны въ долинѣ Галичскаго озера, близъ деревни Шокши, два болота, называемыя Подозерицами (болѣе 5 верстъ въ длину каждое), проходимыя только въ самое сухое лѣто. По берегамъ Вёксы и Тебзы встрѣчается желѣзная руда и простая охра. Лѣсовъ въ уѣздѣ мало, строевыхъ почти вовсе нѣтъ, поэтому лѣсные промыслы не въ ходу и ограничиваются лишь незначительнымъ сплавомъ лѣса по Вёксѣ въ Волгу. Жители, какъ сказано, кромѣ хлѣбопашества, еще занимаются плотничествомъ, малярнымъ ремесломъ, отчасти охотою. Кожевенные заводы, за исключеніемъ двухъ-трехъ, принадлежатъ также крестьянамъ. Выдѣлка замши распространена здѣсь съ давнихъ поръ, но, съ открытіемъ замшевыхъ заводовъ въ Мезенскомъ уѣздѣ, это производство стало падать. Остальные же заводы (маслобойные, свѣчно-сальные, клееваренные) не имѣютъ большого значенія. Торговля сосредоточивается въ городѣ Галичѣ и на базарахъ большихъ торговыхъ селъ Костомы, Игодова и другихъ.

Купчиха изъ гор. Галича.

Городъ Чухлома—къ сѣверу отъ Галича и ближайшій сосѣдъ его—стоитъ на восточномъ берегу Чухломскаго озера. Время построенія города неизвѣстно въ точности. Во дни Василія Темнаго Чухлома была уже укрѣпленнымъ городомъ. И понынѣ еще видны остатки нѣкогда защищавшаго ее земляного высокаго вала. Въ Чухломѣ живали въ свое время и высокопоставленныя лица, попадавшія въ опалу, какъ, напримѣръ, Пименъ, митрополитъ московскій, содержавшійся здѣсь подъ стражей, по возвращеніи его изъ Константинополя, или, просто, несчастливцы, попадавшіе въ руки враговъ, какъ, напримѣръ, великая княгиня Софья Витовтовна, захваченная своимъ племянникомъ Шемякой. На западъ отъ Чухломскаго кремля, на озерѣ выдается песчаный мысъ, образованный теченіемъ Санебы, впадающей въ озеро. На этомъ мысу, гласитъ народное преданіе, находится будто-бы могила какой-то княгини. Но это — не вѣрно. Здѣсь была не могила княгини, но стоялъ женскій монастырь, въ которомъ была заключена Шемякой Софья Витовтовна. Послѣ окончательнаго пораженія своего подъ Галичемъ, онъ увезъ тетку съ собой въ Каргополь. Только въ смыслѣ аллегорическомъ можно было считать монастырь временною могилой для несчастной Софьи Витовтовны...

Чухломскій Преображенскій соборъ стоитъ на берегу озера, внутри кремля, обнесеннаго земляным̀ъ квадратнымъ валомъ, въ окружности около 200 саженъ, за валомъ же съ западной стороны лежитъ озеро, а съ остальныхъ трехъ сторонъ идетъ ровъ. Нынѣшній соборъ устроенъ въ 1747 г. вмѣсто древней деревянной церкви во имя Николая Чудотворца. Изъ старинной церкви перенесенъ въ Преображенскій соборъ образъ Св. Николая, очень древняго греческаго письма и понынѣ особенно чтимый мѣстными жителями. Существуетъ преданіе о томъ, что чухломцы, узнавъ о приближеніи отрядовъ Лисовскаго, заперлись въ кремлѣ и стали мо-

Купчиха изъ гор. Галича.

лить Николая Чудотворца о заступленіи отъ враговъ. «Непріятели,—говоритъ преданіе,—почувствовали таинственный страхъ и, не сдѣлавши ни малѣйшаго вреда городу и его жителямъ, удалились къ предѣламъ Солигаличскимъ...» Съ 3 іюля 1698 г., по случаю бывшей засухи, отъ которой по всей Галичской странѣ хлѣбъ и травы погорѣли, источники и колодцы оскудѣли водой,—установлено совершать ежегодно крестный ходъ изъ собора въ обитель преподобнаго Авраамія—въ воскресенье седьмой недѣли послѣ Пасхи. Въ прежніе годы, бывало, болѣе 20 тысячъ народу собиралось на этотъ ходъ изъ Чухломскаго, Галичскаго и Солигаличскаго уѣздовъ. Въ память страшной моровой язвы, бывшей въ 1450 г., въ Чухломѣ построена часовня.

Въ старые годы торговля Чухломы была довольно значительна. Въ началѣ настоящаго столѣтія два купеческіе дома—Симановскіе и Іудины—вели здѣсь обширную торговлю черезъ Архангельскъ съ Амстердамомъ, отправляя туда корабли, нагруженные сѣномъ, пенькой, льнянымъ сѣменемъ и кожами. Нынѣ чухломская торговля въ упадкѣ и ограничивается лишь небольшимъ раіономъ для удовлетворенія чисто мѣстныхъ потребностей, а сама Чухлома служитъ синонимомъ глухого, захолустнаго городка... Съ 24 ноября по 1 декабря здѣсь собирается Екатерининская ярмарка, не имѣющая особеннаго значенія для края. Изъ уѣзда не мало народа уходитъ въ отхожіе промыслы. Чухломскіе краснодеревцы пользовались хорошей репутаціей даже въ Петербургѣ.

Крестьянка изъ гор. Галича.

Въ десяти верстахъ отъ Чухломы, на западномъ берегу Чухломскаго озера, въ очень живописной мѣстности, находится Авраамiевъ Городецкій монастырь. Мѣстоположеніе монастыря очень гористое и открытое съ двухъ сторонъ: отсюда на протяженіи 40 верстъ развертывается чудесная панорама. Помѣщичьи усадьбы, выглядывающія изъ-за рощъ и садовъ, болѣе двадцати сельскихъ церквей, деревни, поля и перелѣски представляютъ въ лѣтнюю пору прелестную картину. Издали виденъ и монастырь, стоящій на искусственномъ холмѣ, называемомъ *осыпь*, которую наносилъ изъ подгорья преподобный Авраамій съ пророческими словами, что «на семъ мѣстѣ возсіяетъ благодать».

«Оставя мірской мятежъ», преподобный Авраамій долго жилъ у Сергія Радонежскаго, и съ его благословенія пошелъ на розыски «пустынныхъ и безмолвныхъ мѣстъ, особенно лѣсистыхъ, приозерныхъ». Долго Авраамій скрывался въ галичскихъ заозерныхъ лѣсахъ, куда пищу доставлялъ ему одинъ галичскій гражданинъ. Наконецъ, князь Галичскій узналъ о дивномъ пустынножителѣ, посѣтилъ его, и на мѣстѣ его подвижничества построилъ церковь во имя Успенія Божіей Матери и кельи для приходящихъ. Такимъ образомъ, «мрачная сторона галицкая стала просвѣщаться». Но Авраамій не долго былъ въ новомъ монастырѣ. Онъ опять пошелъ искать уединенія и пришелъ на западный берегъ Чухломскаго озера, гдѣ на подгорьи и устроилъ себѣ маленькую деревянную церковь. Но опять слава о пустынножителѣ «пронеслась въ отдаленныя страны», и опять къ нему собралась братія. Но онъ оставался въ подгорьи, откуда носилъ землю и камни на возвышенный берегъ озера, гдѣ, предчувствуя свою близкую кончину, и назначилъ мѣсто для своего погребенія. Скончался онъ въ той самой

Крестьянка изъ гор. Галича.

часовнѣ, которая стоитъ въ четырехъ верстахъ отъ монастыря на солигаличской дорогѣ. Чествованіе памяти его совершается 19 и 20 іюля. Первый деревянный храмъ во имя Покрова Богородицы построенъ самимъ преподобнымъ Авраамiемъ, а затѣмъ уже при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ XVII столѣтіи, вмѣсто него, былъ сооруженъ каменный пятиглавый соборъ. Второй монастырскій храмъ во имя основателя — также каменный, трехглавый, съ кельями, въ которыхъ и нынѣ помѣщаются: братская трапеза, кладовыя и хлѣбница. Въ монастырѣ — два каменныхъ зданія: одно—съ кельями для настоятеля и братіи, другое—для богомольцевъ и для пріѣзжающихъ на ярмарки, которыхъ здѣсь въ году бываетъ четыре: 3, 19, 20 іюля и 1 октября. Монастырь существуетъ: рыбною ловлею въ той части Чухломскаго озера, которая примыкаетъ къ монастырю; водяными мельницами по рѣкѣ Вёксѣ; сѣнокосами, доходами съ хлѣбопашества, съ торговыхъ лавокъ для ярмарокъ, съ помѣщеній гостиницы для пріѣзжающихъ богомольцевъ и торговыхъ людей, — братскими трудами и доброхотными даяніями.

Названіе свое Городецкій монастырь, вѣроятно, получилъ отъ самой мѣстности, занимаемой имъ. Въ галичскихъ писцовыхъ книгахъ 1627—1631 гг. описаніе монастыря начинается такъ: «въ чухломскомъ окологородьѣ на городцѣ монастырь»... Монастырь со всѣхъ сторонъ обнесенъ каменной оградой, съ четырьмя башнями по угламъ. Ограда въ окружности 251 саж., а въ высоту 2 саж.,—съ двумя воротами, изъ которыхъ однѣ, называемыя *святыми*, находятся на западной сторонѣ, а другія — съ сѣверо-восточной, отъ большой солигаличской дороги; на южной сторонѣ въ оградѣ есть калитка. Пятиглавый Ильинскій храмъ—лѣтній, устроенъ въ память дня кончины преподобнаго Авраамія; другой храмъ Христорождественскій — теплый, и, наконецъ, третій храмъ, уже упомянутый выше, во имя Покрова. Мощи преподобнаго Авраамія почиваютъ въ маломъ придѣлѣ пророка Иліи. Изъ этого придѣла продѣлано небольшое окно въ соборную церковь преподобнаго, а «надъ окномъ помѣщается вѣрный списокъ съ той чудотворной иконы Божіей Матери, которая явилась преподобному во время его подвижничества еще на берегахъ Галичскаго озера». Покровскій храмъ—памятникъ архитектуры временъ царя Василія Ивановича Шуйскаго и патріарха Гермогена. При входѣ въ храмъ, съ правой стороны висятъ вериги преподобнаго Авраамія. На стѣнахъ этого храма изображена вся исторія чудесъ преподобнаго Авраамія. За правымъ клиросомъ, въ стѣнѣ находится надгробная надпись, указывающая на погребеніе тутъ Елены Владиміровны, княжны Долгорукой, сестры царя Михаила Ѳеодоровича.

Христорождественскій храмъ замѣчателенъ своими тремя главами, издали представляющимися въ видѣ башенъ. Въ этомъ же храмѣ хранятся, какъ древности: серебряный, осьмиконечный крестъ съ мощами, позолоченный, украшенный эмалью и драгоцѣнными камнями, пожертвованный въ 1629 г. Иваномъ Васильевичемъ Шуйскимъ; икона преподобнаго Авраамія въ золоченой кіотѣ, очень древняго письма, при чемъ задняя сторона иконы грубо обтесана топоромъ,—и Евангеліе, напечатанное при патріархѣ Іосифѣ, ноября 28, 1651 года.

Внизу, у подножія гористаго берега, на которомъ стоитъ монастырь, пріютилась деревянная часовня съ колодцемъ, выкопаннымъ руками преподобнаго Авраамія,—любимое мѣсто его молитвы. Къ этой часовнѣ съ береговой кручи ведетъ лѣстница въ 138 ступеней...

Сѣвернѣе Чухломы лежитъ Солигаличъ.

Онъ лежитъ на мѣстѣ ровномъ, на правомъ берегу рѣки Костромы, въ которую въ самомъ городѣ впадаютъ два ручья, текущіе въ оврагъ; на лѣвомъ берегу Костромы находится слобода и бывшая старинная крѣпость съ церковью во имя Успенія. Городъ окруженъ небольшими плоскими возвышенностями, между которыми пролегаютъ небольшія болота и растутъ хвойные лѣса. Мѣсто, на которомъ теперь стоитъ Солигаличъ, до 1335 г. было покрыто дремучими лѣсами. Объ основаніи здѣсь монастыря и города въ мѣстной лѣтописи говорится такъ: «Въ 1335 г. Галичскій князь Ѳеодоръ Симеоновичъ и игуменъ Спасскаго монастыря

Аѳанасій ночью, на день Св. Пасхи, при выходѣ изъ церкви, увидѣли на западной сторонѣ свѣтъ на подобіе зари, склоняющійся къ землѣ. На той же недѣлѣ въ четвергъ, въ пятомъ часу пополудни, князь, идя въ храмъ, слышалъ сильный громъ и видѣлъ огненный столбъ въ той же западной сторонѣ. Не желая оставить безъ вниманія подобныя явленія, князь съ боярами, по

Горожане города Галича, Костромской губерніи.
(Съ фотографіи А. Шевкова).

совѣту игумена, отправился въ указанную явленіями сторону, прошелъ мимо Чудскаго (вѣроятно, Чухломскаго) озера и неподалеку отъ него въ лѣсу нашелъ человѣка, жившаго тутъ уже 17 лѣтъ и бѣжавшаго изъ Твери, отъ князя Тверского, который хотѣлъ убить его и его семейство; человѣкъ этотъ объявилъ, что мѣсто, надъ которымъ былъ виденъ свѣтъ, недалеко, указавши его на берегу рѣки, для узнанія названія которой отправлены были люди по теченію

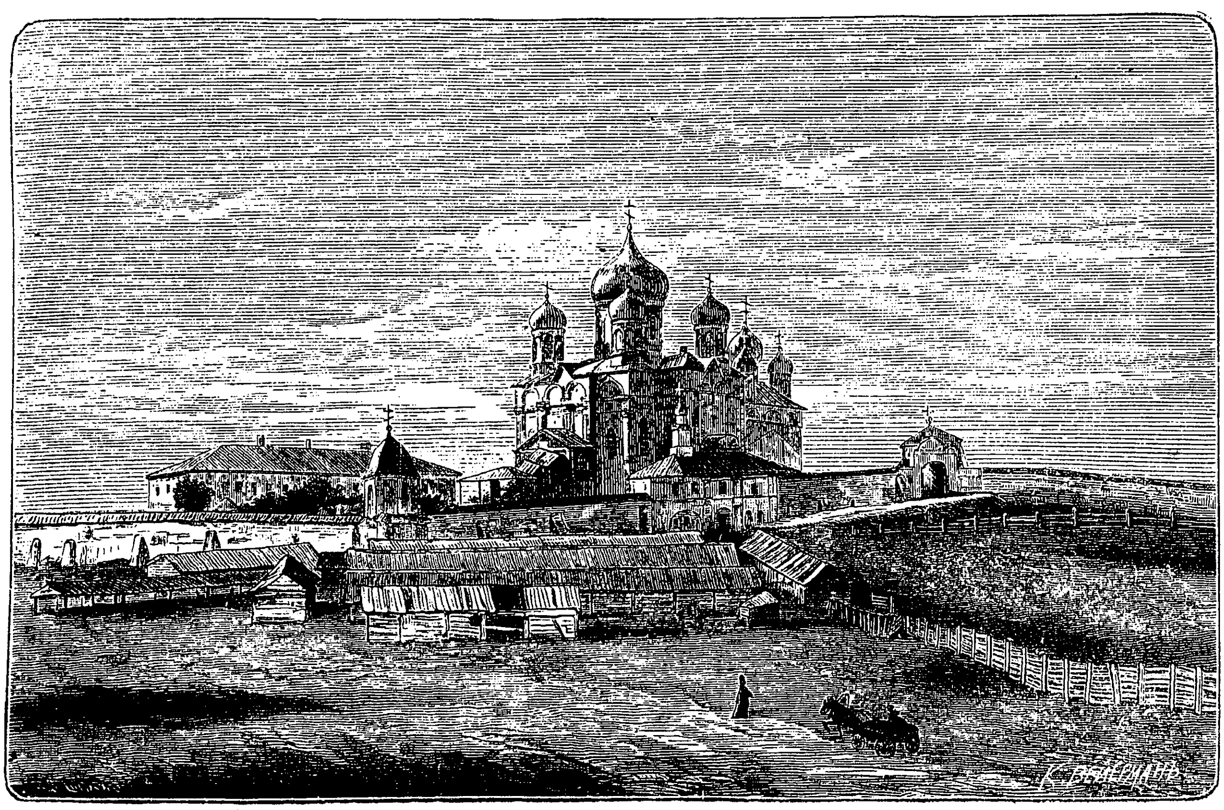
Горожане города Галича, Костромской губерніи.

(Съ фотографіи А. Шевкова).

и нашли, что это—Кострома-рѣка»... Самъ князь, Өеодоръ Симеоновичъ, и бояре его первые начали рубить лѣсъ и, по вырубкѣ его, князь построилъ здѣсь деревянную церковь во имя Воскресенія Христова, снабдилъ ее утварью, и тѣмъ положилъ основаніе Воскресенскому монастырю. Въ 1341 г. князь, уже больной, былъ привезенъ въ эту обитель и 10 мая постриженъ въ иноки подъ именемъ Өеодосія. При сынѣ его, Андреѣ Өеодоровичѣ, монастырь назывался Лаврою и въ немъ тогда было уже братіи 324 человѣка.

Вскорѣ около монастыря стало возникать поселенье. Около того же времени здѣсь были открыты соляные источники, и тогда же началась выварка соли, почему новое поселеніе и получило названіе Солей, а, въ отличіе отъ другихъ подобныхъ мѣстностей, прибавлялось Солей *Галичскихъ*. Здѣшнія соляныя варницы явились, вѣроятно, въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка, ибо о нихъ уже упоминается въ 1332 г. въ духовномъ завѣщаніи Ивана Калиты.

Историческія судьбы Солигалича и Галича тѣсно связаны между собою. Вмѣстѣ они пе-

Авраамiевъ монастырь въ Чухломѣ.

реходили изъ рукъ въ руки, вмѣстѣ боролись, заодно страдали отъ княжескихъ междоусобицъ и терпѣли разоренія. Въ 1350, 1352 и 1354 гг. князь Галичскій Андрей Өеодоровичъ защищалъ Солигаличъ отъ нападенія князя Ветлужскаго, Никиты Байбороды. Тогда же, для охраны Воскресенскаго монастыря, былъ поставленъ вокругъ него деревянный острогъ, снабженный военными снарядами и «огненнымъ боемъ». Въ 1372 г. Никита Байборода съ ногайцами и черемисами опять напалъ на Солигаличъ, разрушилъ острогъ и разграбилъ сокровища монастыря. Въ 1450 г., вмѣстѣ съ Галичемъ, онъ былъ присоединенъ къ Московскому государству и сталъ управляться великокняжескими тіунами. Въ 1532 г., при Иванѣ Грозномъ, на Солигаличъ напали казанскіе татары и черемисы, но—по преданію—городъ на этотъ разъ былъ спасенъ чудеснымъ образомъ заступничествомъ преподобнаго Макарія Унженскаго, и непріятели обратились въ бѣгство. Въ память этого событія установлено ежегодно праздновать день 19 января. Наконецъ, въ 1612 г. литовцы и русскіе «воры» сожгли въ Солигаличѣ посадъ и Воскресенскій монастырь. Съ 18 авг. 1654 г., по словамъ лѣтописи, «у Соли Галичской почали мереть люди и стояло моровое повѣтріе до Николина дня осенняго; безчисленно

Авраамієвъ монастырь въ Чухломѣ.

много людей померло и многіе дома запустѣли»... Въ 1649, 1752 и 1808 гг. Солигаличъ опустошили страшные пожары. Въ послѣдній пожаръ сгорѣли 4 церкви, 400 дворовъ, присутственныя мѣста, гостиные ряды и варницы. Въ 1778 г., одновременно съ Галичемъ, онъ сдѣлался уѣзднымъ городомъ Костромской губерніи.

Памятниками военныхъ событій здѣсь остались: слѣды земляного вала и большой ровъ, нѣкогда наполнявшійся водой. Это мѣсто, находящееся на лѣвомъ берегу Костромы, вообще называлось городомъ, а селеніе по другую сторону рѣки — звалось посадомъ. На валу было шесть деревянныхъ башенъ и двое воротъ—Спасскія и Дмитровскія; при первыхъ подъ башнями помѣщалась опальная тюрьма, а подъ соборомъ—казна государева.

Въ 1774 г. въ Солигаличѣ было 119 домовъ, 6 каменныхъ и 2 деревянныя церкви и до 1000 чел. жителей. Нынѣ въ нёмъ около 600 домовъ, болѣе 30 лавокъ, 9 церквей и 3 тысячи съ небольшимъ жителей. Есть здѣсь, какъ водится, уѣздное и приходское училища для мальчиковъ, духовное училище, кромѣ того было устроено и поддерживалось училище для бѣдныхъ дѣвочекъ Д. П. Шиповымъ; есть тюрьма, больница и т. д. Городъ выстроенъ довольно

Общій видъ на городъ Солигаличъ.

правильно, большинство улицъ выходятъ на городскую площадь. Но особеннымъ благоустройствомъ до послѣдняго времени городъ не могъ похвалиться; мостовыя и троттуары были плохи, общественный садъ почти не давалъ тѣни...

Изъ девяти церквей особенно замѣчательны по своимъ древностямъ — Соборъ Рождества Христова, сначала бывшій женскимъ монастыремъ и построенный въ 1664 г. по повелѣнію матери Ѳеодора Алексѣевича, царицы Маріи Ильиничны, любившей Солигаличъ, какъ мѣсто своего рожденія и дѣтства,—и церковь Успенская, на лѣвомъ берегу Костромы, въ бывшемъ земляномъ укрѣпленіи. Въ первомъ храмѣ сохраняется серебряный крестъ съ мощами, пожалованный царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, другой крестъ съ мощами—временъ Ивана Грознаго, Евангеліе и Апостолъ эпохи Петра Могилы и патріарха Никона. Во второй церкви до послѣдняго времени находились два котла, ведеръ по 100 каждый, извѣстные подъ именемъ «кипельницъ»; по преданію, во время осадъ жители города кипятили въ нихъ воду и со стѣнъ обливали ею осаждающихъ. Приходская же церковь Воскресенія построена на мѣстѣ бывшаго мужского монастыря, давшаго начало и самому городу.

По поводу соляныхъ источниковъ существуетъ преданіе, что будто бы овцы, прибѣгавшія къ Шишкову ручью и съ жадностью пившія изъ него воду, прежде всего обратили вни-

Общій видъ на городъ Солигаличъ.

маніе жителей на этотъ ручей. Найдя ее соленою, жители сперва вываривали изъ нея соль въ горшкахъ. Выварка соли, какъ уже замѣчено, началась здѣсь въ началѣ XIV вѣка и производилась еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Съ 1751 по 1754 г. здѣсь, напримѣръ, по словамъ академика Георги, было добыто хорошей—бѣлой и мелкой—соли 232,913 пуд. (Georgi's Reise, 885). Къ концу XVIII столѣтія выварка соли уменьшилась, и правительство стало отдавать Солигалицкое Усолье въ содержаніе частнымъ лицамъ. Съ той поры выварка соли по временамъ стала вовсе прекращаться; колодцы по нѣсколько лѣтъ оставались брошены. Послѣ пожара 1808 г. колодцы были засыпаны и заводская земля застроена по новому плану. Въ 1821 г. Усолье было отдано въ вѣчное потомственное владѣніе купцамъ Кокоревымъ, которые въ 1823 г., задумавъ возобновить производство, снова очистили старое мѣсто, но разсолъ при этомъ оказался очень слабымъ и дѣло было брошено. Для полученія крѣпкаго разсола, Кокоревъ въ 1832 г. приступилъ къ рытью артезіанскаго колодца. Но, вмѣсто соляного разсола, черезъ 9 лѣтъ на глубинѣ около 70 саж. въ слоѣ краснаго песчаника найденъ былъ минеральный источникъ, воду котораго жители и стали употреблять, какъ врачебное средство. Сначала водами пользовались лишь мѣстные жители, а впослѣдствіи съ 1841 г. здѣсь было открыто заведеніе минеральныхъ водъ, а въ 1858 г. оно было значительно расширено.

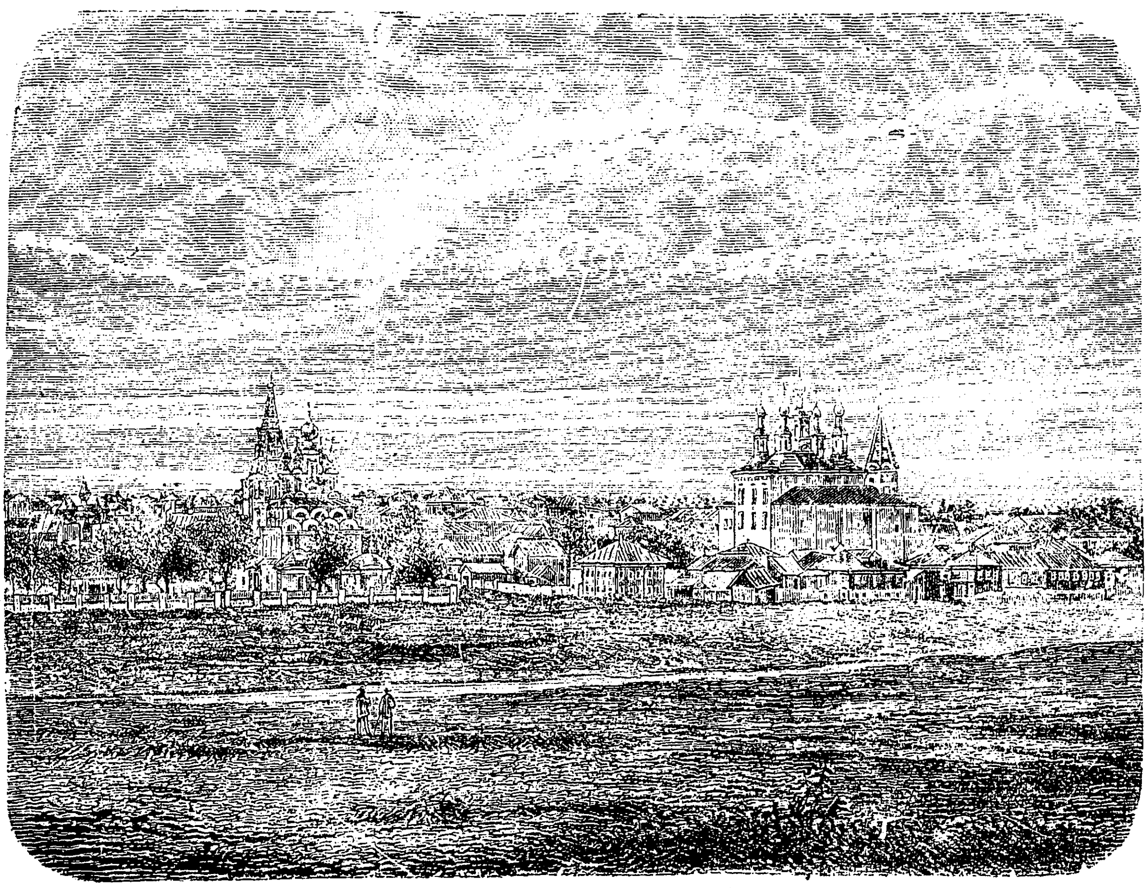
Вода поднимается изъ колодца на высоту $1^1/_2$ саж. надъ поверхностью земли и вытекаетъ въ количествѣ до $2^1/_2$ тыс. ведеръ. Вода—совершенно чиста, прозрачна, солено-горьковата и вяжущая на вкусъ. Она принадлежитъ къ числу водъ холодныхъ, слабыхъ углекислыхъ, хлористо-натровыхъ, сходна съ нашими Сергіевскими и Старорусскими водами, а изъ заграничныхъ подходитъ къ водамъ Киссингена, Крейцнаха, Ишля и Содена. Вода идетъ по преимуществу для наружнаго употребленія (— ванны, купанья въ резервуарѣ, души, обтиранія и компрессы). Солигаличскія воды полезны при хроническихъ завалахъ печени, при желтухѣ, невареніи пищи (indigestio, dispepsia), при геморроѣ, малокровіи и блѣдной немочи, при золотухѣ, англійской болѣзни, хроническомъ ревматизмѣ мышцъ и суставовъ, при безсиліи и т. д. При употребленіи ваннъ больной чувствуетъ свѣжесть, бодрость, аппетитъ усиливается, всѣ отправленія организма дѣлаются правильными, пульсъ ускоряется, въ тѣлѣ развивается теплота, появляется испарина, сонъ дѣлается продолжительнымъ и спокойнымъ; многіе больные замѣчали наклонность ко сну вскорѣ послѣ принятія ваннъ—въ особенности въ первое время лѣченія. Лѣтній сезонъ здѣсь длится не болѣе $2^1/_2$ мѣсяцевъ, начинаясь, обыкновенно, не ранѣе 1 іюня, а кончаясь не позже 15 августа. Количество ваннъ, составляющихъ курсъ лѣченія больного, не одинаково; вообще же достаточно полутора мѣсяца для лѣченія. Цѣна за ванны различна; существовали до послѣдняго времени и даровыя ванны для бѣдныхъ людей.

Заведеніе минеральныхъ водъ находится близъ городской площади, не далеко отъ берега рѣки Костромы и представляетъ много удобствъ къ правильному пользованію водами. Вода, поднятая надъ поверхностью земли на $1^1/_2$ саж., сама собой наливается въ баки изъ артезіанскаго колодца, находящагося подъ переднимъ крыльцомъ здавія минеральныхъ водъ. Противъ крыльца находится резервуаръ или купальня, наполняемая водой нормальной температуры источника. Вокругъ заведенія разбитъ паркъ для прогулки больныхъ послѣ принятія ванны. Пріѣзжіе больные по два раза въ день принимаютъ ванну, слушаютъ музыку, играющую въ заведеніи водъ, пользуются журналами и газетами, билльярдомъ, буфетомъ,—при этомъ устраиваются танцовальные вечера съ неизбѣжными карточными столами, прогулки и поѣздки къ сосѣднимъ помѣщикамъ... Вообще Солигаличъ лѣтомъ, во время съѣзда больныхъ, значительно оживляется.

Городская торговля не особенно оживленна и преимущественно ведется дегтемъ, смолою, лѣсомъ, лѣсными издѣліями и известью, которые сплавляются по рѣкѣ Костромѣ на Волгу. Въ городѣ собираются пять торжковъ, имѣющихъ довольно большіе обороты: въ сочельники

рождественскій и крещенскій, 19 января (въ Макарьевъ день), въ мясопустную субботу и въ четвергъ на 7-й недѣлѣ послѣ Пасхи. По средамъ и субботамъ еженедѣльно собираются базары.

Солигаличскій уѣздъ занимаетъ самую возвышенную часть Костромской губерніи, но мѣстность его—ровная, только близъ рѣкъ встрѣчаются овраги и буераки. По рѣкамъ Свѣтицѣ и Сельмѣ добываютъ много извести; торфъ залегаетъ повсюду, но нигдѣ не разрабатывается. По рѣкѣ Костромѣ, прорѣзывающей вдоль весь уѣздъ, и по притокамъ ея—сплавляютъ лѣсъ и известь, строятъ суда и отправляютъ на Волгу. Въ этой сторонѣ мѣстами еще сохранились лѣса; мѣстами залегаютъ большія болота и изъ нихъ нѣкоторыя—непроходимы (какъ, напримѣръ, при деревнѣ Холоднякахъ, Демьяновой и Кулешевой). Изъ селеній въ уѣздѣ замѣчательно *Одноушево*, родина св. Іоны, митрополита московскаго, скончавшагося въ 1461 г.; сюда въ первое воскресенье Петрова поста совершается крестный ходъ изъ Солигалича.

Видъ на Солигаличъ съ сѣверной стороны.

Почва края неблагопріятна для земледѣлія и бываетъ настолько тверда, что для распашки мѣстами употребляются по двѣ лошади въ соху. Хлѣба родится недостаточно и закупки его дѣлаются на сторонѣ. Жители занимаются лѣснымъ промысломъ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя лежатъ по берегамъ сплавныхъ рѣкъ. За лѣсными промыслами слѣдуютъ отхожіе (отсюда, главнымъ образомъ, идутъ плотники). Торговыми селами считаются — Корцово, Березово, Воча и Тормаково, а ярмарки собираются въ сс. Егорьевскомъ, Филипповскомъ и Николѣ-Корцовѣ.

Къ юго-востоку отъ Солигалича на высокомъ правомъ берегу Унжи лежитъ городъ Макарьевъ, раздѣленный тремя оврагами. Городской гербъ изображаетъ въ голубомъ полѣ два золотые колокола, указывающіе на то, что мѣсто, занимаемое городомъ, принадлежитъ обители преподобнаго Макарія. До прибытія Макарія съ Желтыхъ Водъ Волги на берега Унжи въ 1439 г. во дни князя Василія Іоанновича — на мѣстѣ нынѣшняго Макарьева былъ темный,

Видъ на Солигаличъ съ сѣверной стороны.

дремучій лѣсъ. Обитель преподобнаго Макарія была первымъ человѣческимъ жилищемъ въ этой сторонѣ. Макарьевскій Унженскій монастырь былъ основанъ Макаріемъ; въ монастырѣ почиваютъ и мощи преподобнаго. По смерти Макарія въ 1444 г. здѣсь была построена церковь, а затѣмъ сюда явились поселенцы. Въ XVI столѣтіи здѣсь уже образовалась подмонастырская слобода и село Коврово. Изъ этихъ-то поселеній въ 1778 г. былъ образованъ уѣздный городъ, получившій названіе по имени своего патрона. Въ 1802 г. 10 мая городъ былъ истребленъ пожаромъ; уцѣлѣлъ только одинъ монастырь. Макарьевъ—городъ маленькій, незначительный. Еще немного лѣтъ тому назадъ городскіе доходы не превышали трехъ тысячъ рублей. Здѣшнія ярмарки замѣчательны тѣмъ, что на нихъ приводится много вятскихъ лошадей. Мѣщане занимаются хлѣбопашествомъ и бурлачествомъ...

Засодимскій.

ОЧЕРКЪ VIII.

ТВЕРСКОЕ И ЯРОСЛАВСКОЕ ЗАВОЛЖЬЕ.

Рѣчная область Волги.—Вышній-Волочекъ.—Рыболовство въ рѣчной области.—Промыслы.—Область Шексны.—Судоходство на ней.—Мыльная промышленность.—Пошехонскій край.—Курганы и древности въ Заволжьѣ.—Доисторическій человѣкъ въ Заволжьѣ.—Ростовъ.

На склонѣ темныхъ береговъ
Какой-то рѣчки безымянной,
Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ,
Стоялъ поникшей хаты кровъ,
Густыми соснами вѣнчанный.
Въ теченьи медленномъ рѣка
Вблизи плетень изъ тростника
Волною сонной омывала,
И вкругъ него едва журчала
При легкомъ шумѣ вѣтерка.
Долина въ сихъ мѣстахъ таилась
Уединенна и темна,
И тамъ, казалось, тишина
Съ начала міра воцарилась.

А. С. Пушкинъ.

РѢКИ, подобной Волгѣ, нѣтъ въ Европѣ. Рѣчная область Волги захватываетъ собою пространство въ 30,000 географическихъ миль, кои въ три раза болѣе поверхности Германіи, между тѣмъ какъ водная сѣть Дуная обнимаетъ собою площадь только въ 14,000 квад. геогр. миль, а водная сѣть Рейна 3,000 квад. геогр. миль. Длина Волги составляетъ 3,480 верстъ, но, вслѣдствіе извилистаго ея теченія, причемъ Волга четыре раза уклоняется отъ своего главнаго направленія, отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, прямое разстояніе отъ ея истока до устья составляетъ всего 1,565 верстъ. На пути своемъ Волга омываетъ своими водами 39 городовъ, 6 посадовъ, болѣе тысячи большихъ селъ и деревень. Въ одной Тверской губерніи расположены только на Волгѣ, безъ ея притоковъ, 465 селеній.

На Волгѣ плаваетъ до 500 пассажирскихъ и буксирныхъ пароходовъ, сверхъ другихъ не паровыхъ судовъ разныхъ наименованій. Съ волжскихъ пристаней въ сложности ежегодно грузится и отправляется до 300,000,000 пудовъ разныхъ товаровъ, цѣнностію на 250,000,000 рублей. Семь желѣзныхъ дорогъ, протяженіемъ въ нѣсколько сотъ верстъ, ежедневно подвозятъ къ Волгѣ пассажировъ и грузы и берутъ ихъ обратно съ ея береговъ, а нѣкоторыя изъ этихъ дорогъ продолжены даже въ Заволжье, напримѣръ: до Вологды и до Оренбурга. Столь замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ и съ давнихъ временъ, рѣка беретъ свое начало,—какъ извѣстно,—въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Эта губернія отличается обиліемъ воды, такъ что вся площадь водъ въ ней, вмѣстѣ съ озерами, равняется

530,381 десятинѣ 484 квадр. саженямъ. Особенно много озеръ и болотъ въ сѣверо-западной ея части, именно въ Осташковскомъ и Вышневолочскомъ уѣздахъ, гдѣ сосредоточено 250 озеръ.

Въ предыдущихъ очеркахъ этого тома описаны уже и верховье Волги, и города сѣверной части Заволжья, а потому мы обратимся къ южной части этого раіона и начнемъ съ Вышняго-Волочка. Вышній-Волочекъ, расположенный въ центрѣ вышневолоцкой системы, близъ желѣзной дороги, на Тверскомъ и Цнинскомъ каналахъ и на рѣкѣ Цнѣ, получилъ свое названіе отъ «волока», которымъ издревле называютъ пространство, раздѣлявшее Тверцу отъ Цны. Другой «нижній» волокъ находится на Мстѣ при боровичскихъ порогахъ, которые прежде объѣзжали по берегу. Товары, привезенные по Тверцѣ съ Волги, выгружались въ этомъ мѣстѣ и, обыкновенно, сухимъ путемъ переправлялись до Цны для дальнѣйшаго по ней сплава. Прежде существовавшее на этомъ пунктѣ селеніе принадлежало къ новгородской области и о немъ нерѣдко упоминается въ лѣтописяхъ XIV и XV столѣтій. Въ 1569 году Вышній-Волочекъ былъ разоренъ Иваномъ Грознымъ, а въ 1764 году онъ весь выгорѣлъ. При образованіи намѣстничества въ 1772 году, Вышній-Волочекъ былъ причисленъ первоначально къ новгородскому намѣстничеству, а въ 1775 году къ тверскому. Въ 1776 году въ немъ открыты были уѣздныя присутственныя мѣста и учреждены одно училище и двѣ богадѣльни, мужская и женская. Гербъ города представляетъ щитъ, раздѣленный на двѣ части: въ верхнемъ, въ красномъ полѣ, находится княжеская корона, по боковымъ сторонамъ которой расположено по пяти золотыхъ крестовъ; въ нижней же половинѣ въ голубомъ полѣ изображена нагруженная лодка. Въ городѣ находится шесть церквей. Соборъ Казанской Божіей Матери построенъ въ 1771 г., а соборъ во имя Преображенія въ 1779 г.

Для устраненія сухопутной перевозки между рѣками Тверцою и Цною и для установленія непрерывнаго воднаго сообщенія Петербурга съ Волгою, между обѣими означенными рѣками былъ вырытъ тверской каналъ еще при Петрѣ I, причемъ на Цнѣ сдѣланъ былъ каменный шлюзъ. При новизнѣ этого рода сооруженій въ Россіи, а главное при поспѣшности постройки, каналъ и шлюзы оказались крайне неудовлетворительными. Въ 1719 году исправить все сооруженіе, согласно видамъ государя, взялся Сердюковъ, родомъ изъ калмыковъ, самоучка-механикъ и инженеръ. Онъ былъ простымъ рабочимъ на рыбныхъ ловляхъ московскаго купца Евреинова, въ Астрахани. Петръ Великій, во время пребыванія своего въ этомъ городѣ, обратилъ вниманіе на Михаила Сердюкова, вызвалъ его къ себѣ и велѣлъ записать въ новгородское купечество. Поселившись въ Новгородѣ, Сердюковъ женился тамъ и, при пособіи новыхъ своихъ родныхъ, сталъ принимать участіе въ казенныхъ подрядахъ. Побывавъ въ Вышнемъ Волочкѣ, онъ осмотрѣлъ тамошній каналъ и шлюзъ и представилъ Петру Великому свой проектъ объ улучшеніи соединенія Цны и Шексны. Государь одобрилъ проектъ и указомъ 26 іюня 1719 года повелѣлъ передать въ полное распоряженіе Сердюкова каналъ, шлюзъ и все производство на нихъ работъ и съ тѣмъ, въ вознагражденіе трудовъ Сердюкова, ему разрѣшено было императоромъ строить на рѣкахъ Цнѣ, Тверцѣ, Шекснѣ, каналахъ, мельницы и брать подъ ними землю, по 30 саженъ отъ берега и владѣть этими мельницами безъ оброка въ продолженіе 50 лѣтъ. Сверхъ того Сердюкову отданы были на трехгодичный откупъ всѣ кабаки и питейные стойки въ Вышнемъ Волочкѣ и Удомельской волости, а также таможенные и канцелярскіе сборы, а съ открытіемъ судоходства по каналу ему было предоставлено брать пошлины съ проходящихъ судовъ. Несмотря на такія права и выгоды, Сердюкову пришлось бороться съ большими затрудненіями и препятствіями. Въ Вышнемъ Волочкѣ мѣстные жители старались всѣми мѣрами разстроивать начатыя имъ работы, такъ что рабочихъ и приказчиковъ онъ досталъ себѣ изъ Новгорода, при содѣйствіи родныхъ своей жены. Не рѣдко сдѣланныя работы были повреждаемы мѣстными жителями; ямщики, главная часть населенія тогдашняго Вышняго Волочка, болѣе всѣхъ вредили работамъ Сердюкова, потому что онѣ уничтожали сухопутную перевозку товаровъ, доставлявшую имъ значительные заработки. Они

воровали и истребляли матеріалы, приготовленные для ремонта шлюза и канала, заваливали послѣдній разными нечистотами, портили сдѣланныя уже сооруженія, повреждали плотины мельницъ, принадлежавшихъ Сердюкову, разбивали его кабаки.

Для удержанія теченія рѣки Цны и для наполненія водою Тверского канала, Сердюковъ въ двухъ мѣстахъ устроилъ деревянныя плотины; чтобы болѣе поднять воду въ Тверцѣ и каналѣ, приступлено было къ соединенію Цны съ Шексною, для чего очищена была рѣчка Городолебянка, вытекающая изъ озера того же имени, которое соединено было съ Клечинскимъ каналомъ, длиною въ 2 версты 7 саженъ, а изъ послѣдняго канала до Шексны прорытъ былъ новый каналъ въ 700 саженъ и на рѣкѣ Шекснѣ устроенъ былъ шлюзъ. Въ 1722 году отъ Вышняго Волочка до Шексны по прямому направленію вырытъ былъ еще каналъ со шлюзами. Но какъ при всѣхъ этихъ сооруженіяхъ, во время засухи, шлюзы не въ состояніи были поднимать уровень воды въ Тверцѣ до высоты, необходимой для судоходства, потребовалось устройство запаснаго бассейна. Сердюковъ обратилъ на это обстоятельство свое вниманіе и устроенная имъ для того плотина, въ теченіе 120 лѣтъ, не потребовала никакого исправленія. Въ недальнемъ разстояніи отъ плотины водохранилища сохранился домъ Сердюкова. Онъ похороненъ въ селѣ Городолюбнѣ, въ церкви котораго находятся три иконы, пожертвованныя имъ. Впослѣдствіи первоначальныя сооруженія искусственнаго водяного пути при Вышнемъ Волочкѣ были значительнымъ образомъ пополнены и усовершенствованы. Такъ, на Цнѣ устроены были новые бейшлоты, а на Малѣ, при выходѣ этой рѣки изъ озера Мстино, былъ сооруженъ шлюзъ съ тремя воротами. Для увеличенія воды въ этомъ озерѣ проведены были новые каналы изъ озеръ Яшенскихъ и Березовскихъ, устроены Рунковскій и Березовскій бейшлоты. Устроенъ также бейшлотъ на Цнѣ при Клечинскомъ каналѣ, посредствомъ котораго наполняются водою или водохранилище или озеро Мстино. Сверхъ того, для обезпеченія прохода барокъ и лѣтомъ, въ сухое время, сдѣланъ бейшлотъ на рѣкѣ Шекснѣ, а изъ озера Ѳедовскаго въ рѣку Геницу прокопанъ каналъ, на которомъ также устроенъ бейшлотъ. Въ 1774 году вышневолоцкая система была принята окончательно въ казенное завѣдываніе.

Обратимся теперь къ Шекснѣ.

Пороги Шексны не представляютъ собою сплошныхъ, каменистыхъ толщъ, но состоятъ изъ розсыпей гранитныхъ валуновъ. Когда, при низкой водѣ, каменистыя гряды и косы обсыхаютъ, то онѣ представляютъ массы плотно сложенныхъ булыжниковъ. Нѣкоторые изъ камней, какъ на порогахъ, такъ и на значительной глубинѣ фарватера, бываютъ величиною болѣе кубической сажени. Въ порогахъ ложе рѣки состоитъ изъ плотной красноватой глины съ примѣсью гравія. Шекснинскіе пороги опасны для плаванія судовъ, потому что они не только мелки, но и представляютъ крайне извилистый фарватеръ съ узкими мѣстами не болѣе 8 саженъ ширины. Быстрое теченіе воды въ рѣкѣ, отражаясь отъ разбросанныхъ по ложу валуновъ, очень неправильно и сбивчиво. Глубина пороговъ на Шекснѣ въ разное время года бываетъ неодинакова. Сѣверо-западный вѣтеръ нагоняетъ воду изъ Бѣлаго озера въ Шексну и бываетъ самымъ благопріятнымъ для повышенія горизонта воды. Юго-восточный вѣтеръ производитъ самую большую убыль въ Шекснѣ и поднимаетъ воду въ Ковжѣ. Сильные дожди имѣютъ вліяніе только на мели и пороги въ нижнемъ теченіи Шексны, гдѣ возвышаютъ иногда воду на четверть аршина. Въ верхней порожистой части Шексны вода отъ этихъ дождей не возвышается. Подпоромъ воды съ Волги горизонтъ воды въ вычеловскихъ меляхъ значительно повышается и понижается при наступленіи убыли на Волгѣ.

Отъ вычеловскихъ мелей Шексна течетъ тихо въ крутыхъ, обрывистыхъ берегахъ, которые мѣстами возвышаются отвѣсными стѣнами. Въ разрѣзѣ берега представляютъ правильныя наслоенія темнокраснаго, бураго, синяго и зеленаго ила. Мѣстами берега покрыты густо китнарикомъ, называемомъ на Шекснѣ бечевникомъ, въ тѣни котораго растетъ высокій пы-

рей, вьется ежевика и ползетъ, какъ хмѣль, волчевица со своими красными ягодами. По берегамъ Шексны часто встрѣчаются отполи, голыя мѣста, какъ бы ободранныя. Ихъ зовутъ «отползями». Во время верхняго разлива въ берегу образуется иногда продольная разсѣлина. Съ теченіемъ времени берегъ отмывается водою по разсѣлину и сползаетъ въ глубину вмѣстѣ съ ракитникомъ, отчего и приходится «отполозь», голый, обрывистый берегъ.

Въ такомъ видѣ Шексна, по словамъ Ф. А. Арсеньева, продолжаетъ течь до Прости, которая начинается на 307-й верстѣ. Прость представляетъ самую извилистую часть рѣки и тянется на семь верстъ между крутыми, обрывистыми берегами. Много лѣтъ тому назадъ, на мѣстѣ нынѣшней Прости вовсе не было рѣки, а проходилъ логъ, въ родѣ полоя; настоящая же рѣка, дѣлая крутымъ поворотомъ влѣво большую луку, протекала мимо селеній Березова, Борка, Лутошкина, Столыпина, и, обогнувъ такимъ образомъ болѣе тридцати верстъ, снова выбѣгала на свое прежнее направленіе, продолжая свой путь далѣе довольно прямыми плесами. Во время весеннихъ разливовъ, огромнымъ переваломъ воды чрезъ полой, перерѣзывающій перешеекъ луки, шекснинская вода прорыла себѣ новый путь, сокративъ рѣку верстъ на двадцать пять, а старый заполоскала, заглушила до степени маленькой рѣчки. Новая часть рѣки получила названіе Прости, старая, оставшаяся въ боку, наименована Глухой частью рѣки Шексны. Прость изобиловала мысами, глубока и быстра. Въ иныхъ частяхъ, гдѣ рѣка дѣлаетъ крутой поворотъ, берега сжимаютъ теченіе въ довольно узкое русло и струя воды, завертываясь въ воронкообразныя кольца, бьетъ съ одного берега на другой, съ быстротою 6 футовъ въ секунду, препятствуя взводному судну свободно удерживаться на фарватерѣ. Сплавныя суда, а особенно гонки дровъ и бревенъ также подвергаются на Прости большимъ неудобствамъ, потому что, при малѣйшей оплошности судорабочихъ, сплавное судно стремительно бросается струею съ одного мыса на противоположный и крутитъ въ заводѣ, пока якорями и воротомъ не поставятъ его на фарватеръ. Гонки въ извилинахъ Прости часто ставятся поперекъ рѣки и тогда ихъ разрываетъ по частямъ, дровяныя гонки разбиваетъ притомъ по полѣну. Изгибы на Шекснѣ до того значительны, что два идущіе въ одну сторону парохода кажутся издали, по дыму, расходящимися въ разныя стороны, напримѣръ, между селомъ Вольскимъ и Вороною.

До села Всесвятскаго пески по Шекснѣ очень рѣдки. Если они и попадаются мѣстами, то уже не образуютъ мелей въ нижнемъ теченіи рѣки. Отъ Всесвятскаго до Рыбинска берега Шексны выше и обнаженнѣе, чаще встрѣчаются пески и камни. Вода въ Шекснѣ, до самаго впаденія ея въ Волгу, мутная съ буроватымъ отливомъ, что происходитъ отъ глинистой почвы и ила рѣчного русла.

Шексна вскрывается большею частію въ половинѣ апрѣля. Въ верховьѣ рѣки, въ ея порожистыхъ частяхъ, вскрытіе происходитъ при чрезвычайно низкой водѣ, которая потомъ сбываетъ еще. Въ такомъ положеніи вода въ рѣкѣ остается съ недѣлю, а иногда и болѣе, и затѣмъ начинаетъ понемногу прибывать отъ таянія снѣговъ въ лѣсахъ и горахъ и въ концѣ или въ началѣ мая, когда взломаетъ ледъ на Бѣломъ озерѣ, Шексна нѣсколько наполняется водою и тащитъ своимъ теченіемъ ледъ съ озера. Совсѣмъ другое значеніе имѣютъ весеннія воды въ нижнемъ ея теченіи, которое проходитъ по низменной мѣстности. Правый берегъ Шексны отъ Пустыни, а лѣвый отъ Козьмодемьянска, понижаются до такой степени, что рѣка течетъ въ глубокой котловинѣ. Около села Краснаго берега до того еще понижаются, что эта мѣстность на Шекснѣ принадлежитъ къ наиболѣе низменнымъ. Въ этой части бассейна рѣки на каждой верстѣ встрѣчается множество небольшихъ озеръ, чистыхъ и затянутыхъ болотными растеніями, моховыхъ и торфяныхъ болотъ, трясинъ, рѣчекъ и ручьевъ. Всѣ они представляютъ большія или меньшія водохранилища, имѣющія сильное вліяніе на поднятіе весеннихъ водъ, которыя въ низовьѣ Шексны переходятъ въ большіе разливы, соединяющіеся, какъ мы уже видѣли, съ такими же широкими разливами Мологи. Бѣдствія, пре-

терпѣваемыя населеніемъ пришекснинской низменности, одинаковы съ такими же невзгодами primологскихъ жителей, причемъ на мѣсяцъ прекращаются всякія сухопутныя сообщенія между обитаемыми пунктами. Дождливая осень, высокое состояніе горизонта воды при замерзаніи рѣкъ, дружная весна, большіе снѣга и сторы Волги, бываютъ главнѣйшими причинами большихъ разливовъ Шексны. Большія льдины (щогры), при движеніи льда на Волгѣ, образуютъ ледяныя плотины, называемыя сторами и запруживающія теченіе воды. Такія сторы на Волгѣ бываютъ причиною самой большой прибыли воды въ Шекснѣ, такъ что въ иные годы вода поднималась аршина на два и болѣе въ сутки. Чѣмъ значительнѣе и продолжительнѣе сторы на Волгѣ, тѣмъ шире бываютъ разливы на Шекснѣ. По обратному движенію воды въ Шекснѣ и по быстрому ея возвышенію, пришекснинскіе жители безошибочно узнаютъ о проходѣ льда по Волгѣ и о ея сторахъ. Эти сторы и обратное теченіе воды ясно удерживаютъ шекснинскій ледъ. Часто Шексна выйдетъ изъ береговъ, зальетъ водою всѣ окрестности, затопитъ лѣса до половины ихъ роста, а ледъ стоитъ неподвижно на своемъ мѣстѣ, рыхлѣетъ и испаряется до тѣхъ поръ, пока вода не пойдетъ своимъ нормальнымъ путемъ и не понесетъ его съ собою. Иногда весенніе разливы на Шекснѣ захватываются жестокими морозами, такъ что на полой водѣ образуется довольно толстый ледъ, называемый на мѣстномъ нарѣчіи «начемерзью». Особенно сильно выразилось это явленіе въ 1857 году, когда, послѣ полнаго разлива, при обратномъ уже теченіи въ Шекснѣ, 12-го апрѣля наступилъ жестокій морозъ, подернувшій весь разливъ льдомъ. За первымъ морозомъ послѣдовали второй, третій, суровѣе и суровѣе, такъ что водоколица застыла толстымъ льдомъ, по которому безопасно ходили люди. Сильные холода съ сѣвернымъ пронзительнымъ вѣтромъ простояли такимъ образомъ всю недѣлю. Подобной «начемерзи» старожилы не помнили. Во время весенняго половодья на Шекснѣ производится большая охота тамошними многочисленными стрѣльцами на звѣрей и птицъ, несмотря на запрещенное весеннее время. Охотники разъѣзжаютъ по разнымъ направленіямъ въ своихъ челнахъ, выдолбленныхъ изъ цѣлой осины и усмотрѣть за ними, или преслѣдовать ихъ, не представляется возможности. Къ такимъ принадлежитъ охота на тетеревей-березовиковъ на току, къ которымъ мѣстами охотники подъѣзжаютъ на лодочкахъ. Когда вода покроетъ весною токовища, то тетерева, называемые въ народѣ косачами перебираются стаями въ лѣсъ на высокія березы и раскидистыя сучковатыя осины. При этой охотѣ очень много бьютъ самокъ. Нерѣдко на одну лодку добывается до 20 тетеревей, даже болѣе, изъ которыхъ непремѣнно двѣ трети бываютъ самки. Такая охота истребляетъ дичь. Точно также въ это время убивается множество дупелей на току, которые они устраиваютъ на гривахъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть расчистки, если онѣ еще не затопляются водою. Такая охота на дупелей произвела уже значительное уменьшеніе этой вкусной птицы около Вологды и въ Костромской губерніи около озеръ, пограничныхъ съ Даниловскимъ уѣздомъ, гдѣ ихъ истребляютъ во множествѣ на току петлями и сѣтями. Не меньше истребляется весною на Шекснѣ гусей, куликовъ разныхъ породъ, бекасовъ, утокъ, курохтанъ, вальдшнеповъ, куропатокъ и другихъ птицъ. Много убивается и зайцевъ, которые зимою по первому снѣгу и въ самомъ началѣ весны по настамъ переселяются на низменныя мѣстности въ лиственные лѣса, куда и ихъ привлекаетъ изобиліе осины и ивняка, составляющихъ часть ихъ пищи. При разливѣ вода гоняетъ зайцевъ на гривъ и суходолы, гдѣ они тѣснятся на самыхъ маленькихъ островкахъ. Охотники поперекъ острова напяливаютъ тенета, а съ обоихъ концовъ заводятся собаки съ загонщиками, такъ что зайцы стремглавъ летятъ въ разставленныя сѣти, гдѣ и гибнутъ подъ палками. Такою бойнею охотники иногда добываютъ отъ 200 до 300 шкурокъ въ день.

Правый берегъ Бѣлаго озера выше лѣваго и называется жителями нагорнымъ. Онъ часто разрывается ручьями и маленькими рѣчками и представляетъ рядъ очень невысокихъ холмиковъ съ отлогими скатами. Отъ озера до города Череповца холмистая мѣстность не ослож-

няется въ своемъ характерѣ, только съ болѣе частыми пронизями и съ меньшимъ количествомъ текучей воды. Затѣмъ эти увалы направляются къ центру Новгородской губерніи, оставляя влѣво Шексну, которая уже течетъ тогда по низменности. Мѣстоположеніе лѣваго берега рѣки возвышено до Козьмодемьянскаго прихода. Отсюда начинается поемная мѣстность Шексны. Нагорный же лѣвый берегъ ея бассейна направляется холмами чрезъ села Щетинское, Ильинское, Музьгу, Воскресенское и Ермаково вплоть до города Пошехонья, оставляя Шексну вправо. Увалы, пересѣкающіе Шексну въ ея верховьѣ, расходятся такимъ образомъ отъ нея на обоихъ берегахъ почти съ одной точки, причемъ направленіе ихъ вполнѣ согласно съ направленіемъ большихъ хвойныхъ лѣсовъ, т.-е., что всѣ возвышенныя мѣста пришекснинскихъ мѣстностей покрыты хвойными лѣсами, а всѣ низменныя—лиственными.

Вѣтви валдайской возвышенности, отдѣляющей воды Балтійскаго моря отъ водъ Чернаго и Каспійскаго морей, направляются, какъ извѣстно, въ разныя стороны и служатъ водораздѣломъ другихъ бассейновъ. Одна изъ нихъ идетъ на сѣверо-востокъ до Новгородской губерніи и соединяется тамъ съ западными увалами Урала, посредствомъ водораздѣльнаго хребта, образуя сплошныя возвышенія въ видѣ огромной дуги, а не горный хребетъ. Таково мнѣніе Риттера, съ которымъ не согласенъ Генрихъ Мюллеръ, принимающій всѣ возвышенности Новгородской губерніи за вѣтви валдайскихъ горъ и продолжающій ихъ даже до сѣвернаго Урала. Эти увалы проходятъ по срединѣ Кирилловскаго уѣзда и направляются къ Бѣлоозеру, около котораго раздѣляются на двѣ вѣтви. Меньшая изъ нихъ образуетъ южный берегъ озера и правый берегъ Шексны до Череповца, а большая окружаетъ озеро, составляетъ его сѣверный предѣлъ и отдѣляетъ отъ озера Кубинскаго, южнѣе котораго переходитъ въ Вологодскую губернію. При поворотѣ на востокъ отъ этихъ горъ отдѣляется незначительная вѣтвь, направляющаяся вдоль лѣваго берега Шексны, покидаетъ его около села Козьмодемьянскаго и идетъ на городъ Пошехонье, причемъ пересѣкается нѣсколькими рѣками: Шармою, Музгою, Моткомою и Конгорою и образуетъ крутизны ихъ береговъ. Сверхъ того, названная вѣтвь, направляясь къ востоку, идетъ сначала по Череповскому уѣзду, входитъ въ Пошехонскій, придерживаясь праваго берега рѣки Юга, притока Шексны, затѣмъ при деревнѣ Сосѣ на Лому переходитъ въ Вологодскую губернію, откуда снова возвращается въ Ярославскую съ рѣкою Согожею. Эти второстепенныя вѣтви составляютъ водораздѣлъ Шексны и Костромы съ ихъ притоками. Поэтому поверхность Пошехонскаго уѣзда разнообразится этими грядами и кое-гдѣ возвышенными берегами рѣкъ. Изъ такихъ холмовъ замѣчательнѣе всѣхъ, находящійся у деревни Холмъ, Подорвановской волости, который представляется довольно значительною горою среди ровной мѣстности. Наиболѣе же возвышенные пункты находятся по другую сторону Шексны, около города Кирилова, гдѣ называются уже горами, а именно гора Маурина, близъ Горицкаго монастыря, гора Цыпина, у подошвы которой расположенъ знаменитый въ исторіи Ѳерапонтовъ монастырь, нынѣ упраздненный, и гора Поклонная, по дорогѣ отъ Бѣлозерска въ Кириловъ. По изслѣдованію Барбота де Марни, Цыпина гора состоитъ отъ известняка цехштейновой формаціи и представляетъ самый возвышенный пунктъ на всей площади этого водораздѣла. Съ вершины этой горы открывается отличный видъ на окрестную страну, которая оказывается болотистою низменностью, усѣянною озерами. Гора покрыта въ большомъ количествѣ гранитными валунами.

Окрестности Шексны въ ея верховьяхъ все еще лѣсисты, несмотря на страшное истребленіе лѣсовъ порубками и пожарами. Послѣдніе можно считать главною причиною уменьшенія лѣсовъ въ Россіи. Большими хвойными строевыми лѣсами покрыты окрестности Шексны, въ Бѣлозерскомъ, Кирилловскомъ и отчасти въ Череповскомъ уѣздахъ. Особенно изобильно встрѣчается строевой лѣсъ въ Череповскомъ уѣздѣ, по рѣкѣ Судѣ, отличающейся прозрачностью воды и впадающей съ правой стороны въ Шексну, въ одиннадцати верстахъ ниже Череповца. Лѣсъ по берегамъ Суды, довольно высокимъ и холмистымъ, сравнительно съ шекснинскими,

состоитъ изъ чистаго еловаго и сосноваго насажденія. При истокахъ Суды этотъ лѣсъ одною полосою перекидывается въ Олонецкую и Выборгскую губерніи, а другою чрезъ Ковжу и Вытегру соединяется съ хвойными великорослыми лѣсами, находящимися по лѣвую сторону Вытегры, Бѣлоозера и Шексны, и съ лѣсами вологодскими и архангельскими. Пришекснинскіе строевые лѣса разрѣжены большими порубками и мостами. Ф. А. Арсеньевъ, странствуя по мелкимъ притокамъ Суды, забирался въ глубину лѣсовъ отъ сплава верстъ на сорокъ и встрѣчалъ очень часто большіе гари (пожарища), растилавшіяся печальными пустынями на нѣсколько десятковъ верстъ. На подобныхъ выгорѣвшихъ мѣстностяхъ образуются природные висячіе мосты. Представьте себѣ, пишетъ г. Арсеньевъ, что огонь истребилъ густой еловый лѣсъ. Мелкія ели сгораютъ тутъ же при самомъ пожарѣ, остаются стволы крупныхъ деревьевъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ корни сухоподстойнаго лѣса подгниваютъ; по мѣсту гари пробѣгаетъ буря и валитъ множество деревьевъ по направленію всего хода. Но упавшія деревья не плотно прилегаютъ къ землѣ; въ комлѣ корни, а въ вершинѣ сучья сдерживаютъ стволъ дерева на вѣсу, аршина на два надъ землею. Чрезъ нѣсколько времени, можетъ быть чрезъ десятки лѣтъ, ударитъ буря съ другой стороны и свалитъ еще рядъ деревьевъ, которыя лягутъ на перекрестъ первымъ. Такимъ образомъ сухоподстойный лѣсъ, перейдя изъ вертикальнаго положенія въ горизонтальное, образуетъ какъ бы висячій мостъ на десятки верстъ въ ширину и длину. Замѣчательно, что такимъ образомъ свалившіяся деревья не гніютъ; они еще на корню высохли до того, что при ударѣ звенятъ, какъ металлическая трубка. Потомъ почва подъ ними обсѣменится отъ сосѣдственнаго живого насажденія и начнется медленное ея заростаніе. Молоднякъ просовываетъ свои вершины въ промежутки лежащихъ деревьевъ и впослѣдствіи выбѣгаетъ въ довольно большой лѣсъ, скрывая въ своей тѣни совершенно цѣлымъ висячій мостъ. Г. Арсеньевъ не разъ наталкивался въ окрестностяхъ Суды на такіе мосты, по которымъ свободно перебираются чрезъ все замощенное пространство охотники-промышленники, преслѣдующіе куницъ или бѣлокъ.

Отъ рѣки Суды, внизъ по теченію Шексны, по правому ея берегу, лѣсъ изъ строевого постепенно переходитъ въ мелкій лиственный. Причиною тому, вѣроятно, понизившаяся мѣстность, на которой преобладаютъ такія породы деревьевъ. Однѣ породы ихъ растутъ на гривахъ, другія на болотахъ. На гривахъ довольно часто растетъ осина, то отдѣльными осталицами въ видѣ двадцатисаженныхъ деревьевъ, то густыми рощами ровнаго и прямого лѣса, береза находится въ смѣшеніи съ мелкимъ осинникомъ и изрѣдка отдѣльными старыми толстоствольными деревьями. Липа растетъ непроходимыми чащами по гривамъ, распространяясь по нимъ мелкою подрослью, истребляемою ежегодно въ огромнѣйшемъ количествѣ на лыко для лаптей и корзинъ. Рябина и черемха встрѣчаются рѣже; дубъ, кленъ, вязъ мелкорослы, приземисты, корявы, съ большою дряблостью, обозначающею уже вырожденіе этихъ породъ. Современемъ они совершенно исчезнутъ изъ окрестностей Шексны. Кустарниковыя породы состоятъ изъ малины, ростущей преимущественно на пожогахъ, черной и красной смородины, шиповника, жимолости. Болота, окружающія во многихъ мѣстахъ живы, покрыты довольно густо ольхою, березою, ивою, черемхою и изрѣдка и льномъ. При шекснинскихъ болотахъ находится множество росплавлей, большихъ и малыхъ озеръ, затянутыхъ водорослями, пловучими островками и трясинами. Тутъ привольныя мѣста для водяной и болотной дичи. На пространствѣ отъ пустыни до Всесвятскаго, по обѣимъ берегамъ рѣки ежегодно побивается жителями несмѣтное множество утокъ, которыми насаливаются цѣлыя кадки для мѣстнаго продовольствія. Послѣ Петрова дня, какъ только немного подрастутъ молодыя утки и настанетъ линяніе селезней, охотники отправляются на легкихъ лодкахъ на узкія травянистыя озера и собаками выгоняютъ изъ кочкарника утокъ на средину озера, гдѣ бьютъ ихъ острогами съ болѣе рѣдкими, но чрезвычайно острыми зубами, подобно употребляемымъ при лученіи рыбы. Острога имѣетъ длинное легкое, тонкое древцо. Въ прежніе года существовалъ еще болѣе гу-

бительный способъ ловли перевѣсами, или довольно рѣдкими сѣтями, вышиною сажени въ четыре, а длиною въ десять саженъ. Сѣть раскидывалась въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бываетъ перелетъ утокъ въ вечернія зари, на узенькихъ и длинныхъ озерахъ, въ лѣсной чащѣ, причемъ охотники накрывали въ одну зарю по 200 и даже по 300 утокъ. Такое истребленіе дичи острогами и перевѣсами также способствовало уменьшенію дичи въ пришекснинскихъ мѣстностяхъ, бывшихъ, по разсказамъ стариковъ, садкомъ, въ которомъ водилось чрезмѣрное множество лѣсной, болотной и водяной птицы.

Въ ольшинахъ или торфяныхъ болотахъ, по обѣимъ сторонамъ Шексны, при основаніи ольховыхъ и ивовыхъ деревьевъ, существуютъ высокія земляныя возвышенія, въ которыхъ спрятанъ корень дерева. Такія возвышенія называются «коблюхами» или «кубрями». Они служатъ жильемъ для хорька, норки, горностая. Охотники, промышляющіе этими звѣрьками, въ осеннее время бродятъ по болотистымъ кубрямъ съ простою русскою собакою и добываютъ этою охотою ежегодно отъ 20 до 30 руб. на человѣка. Между коблюхами растутъ торфяныя высокія кочки съ косматою осокою, до того нетвердыя съ основанія, что сгибаются въ ту же минуту, какъ только на нихъ вступаетъ человѣкъ. Такія болотныя пространства расчищались прибрежными жителями подъ сѣнокосы, сильные перевалы воды, существующіе при розливахъ Шексны, замывали илистыми наносами кочки, выравнивали всѣ углубленія и современемъ изъ подъ болотной расчистки получается ровный, гладкій лугъ съ богатою, густою травою. Подобныя расчистки въ большомъ числѣ надѣланы около селеній Ягорбы, Пельнева, Краснаго, Воятицъ, Верхняго Березова, Всесвятскаго, Вороны и Нижняго Березова. Это самыя богатѣйшія травянистыя мѣста на Шекснѣ, продовольствующія своимъ сѣномъ Рыбинскъ, Мологу, Пошехонье и половину комплекта коноводскихъ лошадей, дѣйствующихъ по Маріинской системѣ.

Въ прежнія времена шекснинскій лиственный лѣсъ славился своимъ ростомъ, объемистыми и прямыми, какъ стрѣла, дубами, чудными, въ нѣсколько охватовъ толщины, осинами и рощами могучихъ березъ, годныхъ на самыя лучшія подѣлки. Эти березовыя рощи остались въ памяти народа только по названію урочищъ, на которыхъ существовали прежде, а объ исполинахъ дубахъ свидѣтельствуютъ, по словамъ г. Арсеньева, изрѣдка находимые обломки ихъ на глубинѣ пришекснинскихъ озеръ и иногда въ самой Шекснѣ, почернѣвшихъ отъ воды и времени, не составляютъ ли эти шекснинскіе дубы того же явленія, о которомъ было говорено при описаніи Москвы. На памяти г. Арсеньева, многія лѣсныя гривы пришекснинскихъ окрестностей, когда-то богатыя березовымъ и осиновымъ лѣсомъ и изобиловавшія лѣсною дичью, до того истреблены были въ концѣ шестидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, что съ трудомъ можно узнать самую мѣстность, на которой росъ лѣсъ. Причиною тому было, то, что не во всѣхъ пришекснинскихъ владѣніяхъ совершено было размежеваніе, почему много дачъ на лучшихъ мѣстахъ Шексны съ превосходными полями и покосами и чудными рыбными ловлями и лѣсомъ на сплавѣ, жестоко бѣдствовали отъ самоуправства и неурядицы общаго владѣнія и черезполосицы. Крестьяне истребляли лѣсъ по своему усмотрѣнію, платя имъ и подати и оброки и справляя праздники, очень частые на Шекснѣ. Свободное пользованіе лѣсомъ продолжалось такъ долго, что помѣщичьи крестьяне составили о немъ понятіе, какъ о своей неотъемлемой собственности и когда владѣльцы, спохватившись, съ общаго согласія, воспретили рубку на продажу, крестьяне долго не хотѣли вѣрить въ законность такого воспрещенія и много было дѣлъ съ самовольными порубками, которыя производились совершенно явно. И послѣ надѣла крестьянъ, по положенію 19-го февраля, дѣло не улучшилось. Вообще, занятіе земледѣліемъ, сельскимъ хозяйствомъ принебрегалось и пренебрегается пришекснинскими крестьянами, оставляющими его на попеченіе женщинъ и уходящими на судоходный промыселъ на рѣкѣ. Но по берегамъ Шексны находится множество торфяныхъ озеръ и росплавей, занимающихъ десятки десятинъ, напримѣръ между рѣчкою Глухою и Шексною, во владѣніяхъ села Борка, Лутошкина и деревни Іерусалима, считающихся по межевымъ планамъ, въ числѣ не-

удобныхъ угодій, которыхъ озера легко очистить, если только прорыть неглубокій, въ нѣсколько десятковъ саженей длины стокъ въ рѣку. Эти озера лежатъ на три съ половиною сажени выше уровня Шексны, протекающей отъ нихъ въ разстояніи 100 саженъ. Глубина этихъ озеръ не превышаетъ въ самые дождливые годы полутора аршинъ. При очисткѣ ихъ, тинистая вязиль, состоящая изъ перегнившихъ болотныхъ растеній и другихъ разложившихся органическихъ веществъ, составила бы верхній плодородный слой почвы и вознаградила бы незначительныя хлопоты богатымъ урожаемъ.

Лиственный лѣсъ по правому берегу Шексны доходитъ; за исключеніемъ небольшихъ хвойныхъ гривъ, до рѣки Пушмы. Въ лѣтнюю пору она до того заростаетъ и заплываетъ грязью, что не имѣетъ вовсе теченія. Пушма беретъ начало отъ Волги, въ трехъ верстахъ ниже города Мологи, и впадаетъ въ Шексну при селѣ Всесвятскомъ. На мѣстѣ существуетъ сказаніе, что императоръ Павелъ, полюбившій Мологу и вознегодовавшій на Рыбинскъ, намѣревался перевести пристань изъ послѣдняго города въ первый, для чего прорытъ каналъ рѣкою Пушмою, для постояннаго соединенія Шексны съ Волгою у Мологи. За Пушмою по Шекснѣ вновь начинается хвойный лѣсъ, который лѣтъ шестьдесятъ-семьдесятъ тому назадъ, былъ до того дремучъ, что въ немъ жили олени, медвѣди, волки, россомахи, лисицы, куницы, и въ огромномъ числѣ глухари и рябчики. Старики-охотники, лѣтъ пятьдесятъ еще тому назадъ убивали въ одно поле болѣе сорока глухарей на току. Этотъ лѣсъ имѣлъ въ окружности около 115 верстъ, а со всѣхъ сторонъ ограниченъ рѣками Пушмою, Волгою и Шексною.

Какъ лѣса праваго берега Шексны имѣютъ непрерывное соединеніе съ сосѣдственными лѣсами и съ лѣсами дальняго сѣвера, такъ и лѣса лѣваго берега этой рѣки имѣютъ непрерывное соединеніе съ тѣми же лѣсами. Спускаясь внизъ по лѣвой сторонѣ Шексны, хвойный лѣсъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, при селѣ Козьмодемьянскомъ, оставляетъ рѣку вправо и обходитъ селеніе Скобѣевское и Пятницкій приходъ, гдѣ, на границѣ Вологодской губерніи, называется Мусорскимъ лѣсомъ, а по направленію къ Грязовцу—Сохотскимъ и Поземовскимъ, посредствомъ которыхъ percтается съ вологодскими лѣсами. Далѣе онъ идетъ одною стороною въ Любимскій уѣздъ и соединяется съ лѣсами Костромской губерніи. Мусорскій и сохотскій лѣса замѣчательны во многихъ отношеніяхъ. Всѣ селенія этой мѣстности извѣстны подъ общимъ названіемъ Мусоры и Сохоты. Съ давняго времени въ этихъ лѣсахъ находили рядъ укрывательствъ раскольники и бѣглые, пользовавшіеся пристанодержательствомъ мѣстныхъ жителей. По всѣмъ направленіямъ мусорскаго и сохотскаго лѣсовъ настроены были въ большомъ числѣ скиты со всѣми удобствами и тайными лазейками. Большая часть этихъ скитовъ была открыта въ свое время правительственными властями и разорена, но въ тамошнихъ лѣсныхъ чащахъ, за моховыми болотами, до сихъ норъ существуютъ тайныя жилища раскольниковъ. Подъ кровъ этихъ скитовъ до шестидесятыхъ годовъ стекались въ особенности не «проповѣдники жизни по вѣрѣ», но преимущественно бѣглые господскіе люди, солдаты, преступники, скрывшіеся изъ Сибири, которымъ стоило только прикинуться «къ вѣрѣ» и исполнять всѣ условія жизни и обряды своихъ хозяевъ. Жители мѣстныхъ деревень, особенно села Мусоры, покровительствовали этому таинственному населенію ихъ лѣсовъ, доставляли имъ хлѣбъ, крупу, масло и все необходимое для дома, за то въ рабочую лѣтнюю пору имѣли дружное подспорье въ бѣгломъ населеніи. Покражи и грабежъ по Янгосоркѣ, небольшой рѣкѣ, по направленію которой идетъ зимняя дорога въ Вологду, въ чемъ прежде упражнялись мусорскіе крестьяне, также находили себѣ пріютъ въ какомъ-нибудь скиту въ лѣсной трущобѣ. Нынѣ все это принадлежитъ къ прошлому времени. Жизнь мусорянъ сдѣлалась порядочнѣе, а жители почти всей Янгосорки обратились къ промышленности и торговлѣ, особенно къ салотопленію и гонкѣ смолы. Очищенное сало идетъ въ большомъ количествѣ изъ Мусоры и янгосорскаго края на свѣчные и стеариновые заводы. Но расколъ не прекращаетъ развиваться по лѣвую сторону Шексны, въ Пошехонскомъ уѣздѣ. Еще въ 1882 году, въ нѣкоторыхъ его приходахъ, много

крестьянъ обратилось въ расколъ изъ православія, а другіе, хотя офиціально и числятся православными, но церкви не посѣщаютъ и на исповѣди не бываютъ, напримѣръ, въ верховскомъ приходѣ изъ 700 душъ въ продолженіе Великаго поста 1882 года на исповѣди было немного болѣе ста человѣкъ.

Верховья рѣки Согожи чрезвычайно живописны. Вытекая изъ дремучаго сохотскаго лѣса, она разбѣгается по широкому луговому пространству, окаймленному красивыми сосновыми борами и березовыми лѣсами. Это такъ называемая «Савостьяновская долина», гдѣ покоятся мощи Св. Савостьяна, чрезвычайно почитаемаго пошехонцами. Надъ его могилою, невдалекѣ отъ рѣки Согожи, возвышался въ прежнія времена монастырь, именовавшійся Савостьяновскою пустынею, слѣды его существованія и преданія о немъ еще не изгладились изъ преданій. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія на мѣстѣ пустыни находилась бѣдная часовня со старинными образами греческой иконописи и со скромною ракою почивающихъ подъ спудомъ мощей святого угодника. Въ эту часовню любили ходить на богомолье раскольники изъ скитовъ сохотскаго лѣса. Нынѣ въ Севастьяновской долинѣ вмѣсто бѣдной часовни возвышается довольно роскошная, красивая церковь, при которой находится причтъ, совершающій постоянное богослуженіе. По берегамъ рѣки Согожи, по протяженію долины, основаны были военныя поселенія, которыя развились въ послѣдующее время въ большія деревни. Край сдѣлался вмѣсто прежняго пустыря населеннымъ, но при этомъ сильно разрѣдились лѣса. Изъ этой мѣстности ежегодно сплавляются бревна на значительную сумму и притомъ «молемъ», т. е. бревна, въ весеннее время, когда вода въ Согожи поднимается почти до ея окраинъ, сваливаются въ рѣку и въ безпорядкѣ, несплоченныя ничѣмъ, увлекаются теченіемъ внизъ до Пошехонья, а если лѣсъ назначенъ на Шексну, то тащатъ его молемъ до деревень—Дьяконова, Мормужина и другихъ. Въ этихъ деревняхъ предупрежденные крестьяне перенимаютъ лѣсъ, плывущій въ безпорядкѣ, сплочивается въ плоты и въ такомъ видѣ выгоняется въ Шексну, въ которую Согожа впадаетъ противъ села Всесвятскаго. По берегу извилистой Согожи отъ Пошехонья до Мологи тянется затоминой трактъ, затоминая Пошехонка. Дорога идетъ первоначально возвышенными мѣстами, скатистыми полями, бугристыми пашнями, но потомъ вдругъ спускается подъ гору и начинаетъ извиваться по мелколѣсью, которое раскидалось по обширному покосу, забравшемуся даже въ самый лѣсъ. Это—извѣстные поемные сѣнокосы села Мормужина, деревни Вороны и села Всесвятскаго. «Какъ только спустишься въ эту впадину, говоритъ Ф. А. Арсеньевъ, какъ только обдастъ васъ туманомъ, сыростью и гнилостью болотной ряски и дерганьемъ коростелей и мѣрнымъ свистомъ болотной курочки, такъ уже значитъ вы выѣхали на низменныя прибрежья Шексны».

По правому и лѣвому берегамъ Шексны, во многихъ мѣстахъ ея окрестностей, тянутся по лѣсамъ въ разныхъ направленіяхъ мховыя болота и березины. Особенно богаты обширными «мшеринами» уѣзды Череповскій и Бѣлозерскій. Характеръ мховыхъ болотъ повсюду одинаковъ. Это тощая, холодная почва, покрытая исландскимъ и оленьимъ мхомъ, который лежитъ мѣстами ровно, а мѣстами собрался въ кочки, поросшія клюквою, голубикою, бобовникомъ. Сквозь мохъ обыкновенно просачивается вода. Многія деревни сообщаются одна съ другою въ продолженіе всего года по деревяннымъ дорогамъ. По моховому болоту растетъ рѣдкими насажденіями паршивая сосна, приземистая, подернутая зеленоватымъ мхомъ, кривая, тощая береза и мѣстами ель. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такихъ болотъ встрѣчаются широкія «росплавы» или «паточины», т. е. такія пространства, которыя въ дождливые годы покрываются водою на полтора или на два фута. Посрединѣ мшеринъ изрѣдка встрѣчаются чрезвычайно характерныя мховыя озера, имѣющія по нѣскольку верстъ въ окружности. Эти озера всегда налиты водою вровень съ берегами, воду имѣютъ темную, окраины зыбучія. Рыба водится во множествѣ въ такихъ озерахъ, особенно щуки и окуни, но она не вкусна, потому что сильно пахнетъ тиною и имѣетъ непріятный сѣровато-черный цвѣтъ. Моховыя

пространства пришекснинскихъ лѣсовъ находятся, повидимому, въ непрерывной связи съ лѣсами сѣвера и замѣчательны по становищамъ оленей и лосей. Тѣснимый промышленниками архангельскихъ и вологодскихъ пущей, лось появлялся въ рѣчной области Шексны въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда одновременно было замѣчено сильное уменьшеніе лосей на сѣверѣ. Лось спустился по моховымъ низменностямъ къ юго-западу и появился въ предѣлахъ Шексны въ Бѣлозерскомъ, Кириловскомъ, Череповскомъ, Пошехонскомъ и даже въ Моложскомъ уѣздахъ. Въ послѣднемъ онъ появился исключительно на плоской низменности, которая тянется отъ Шексны, чрезъ Захарьинскую волость, Новоселки и Яну къ рѣкѣ Мологѣ. Въ шестидесятыхъ годахъ шекснинскіе охотники убивали въ зиму до двадцати лосей и не больше шестидесяти оленей. Мховая низменность, служащая кочевьемъ для оленей и лосей, съ обѣихъ сторонъ, т. е. къ Шекснѣ и къ Мологѣ, граничитъ съ торфяными озерами, замѣчательными по притокамъ гусей и лебедей, при ихъ осеннихъ отлетахъ. На большихъ Янскихъ озерахъ, по ту сторону мхового болота, и на Ягорбскомъ, по эту сторону къ Шекснѣ, ежегодно осенью показываются огромныя стаи гусей и лебедей, станующія по мѣстамъ открытымъ, съ которыхъ опасность видна издалека и со всѣхъ сторонъ. Ягорбское озеро имѣетъ въ окружности около двѣнадцати верстъ. Глубина его очень невелика, грунтъ дна плотный, а по отлогимъ берегамъ густо разрослась осока по мелкому кочкарнику. Въ срединѣ этого озера замѣчено нѣсколько ключей, постоянно снабжающихъ озеро свѣжимъ притокомъ воды. Изъ озера вытекаетъ небольшая рѣчка Ягорба, съ омутами и крутыми берегами, и впадаетъ въ Шексну. Ягорбскіе луга изобилуютъ отличными покосами. Въ Ягорбскомъ озерѣ ловится вкусная рыба, снабжающая изобильнымъ продовольствіемъ мѣстныхъ жителей. Ловля окуней, плотвы, сороги, лещей, язей, щукъ производится по первому осеннему льду. Лѣтомъ на самомъ озерѣ водятся многія породы утокъ, а по тѣнистымъ берегамъ озера дупели и бекасы въ большомъ количествѣ.

Въ настоящее время лѣса въ верховьяхъ пришекснинскаго края по большей части ограждены полюбовными размежеваніями отъ общаго владѣнія ими. Самыя большія лѣсныя дачи по рѣкамъ Шекснѣ и Судѣ и ея притоку, принадлежатъ купцамъ-капиталистамъ. По своему практическому расчету, они успѣли во время прибрать къ своимъ рукамъ самые лучшіе лѣса этихъ верховьевъ и притомъ по большей части, сравнительно, за безцѣнокъ. Дачи строевого лѣса на Шекснѣ, какъ на превосходной сплавной и судоходной рѣкѣ, въ настоящее время составляютъ многопроцентный капиталъ и цѣна имъ чрезвычайно возвысилась. Но, несмотря на то, правильнаго лѣсного хозяйства въ лѣсахъ частныхъ владѣльцевъ пришекснинскаго края нѣтъ и слѣда, и эти лѣса уничтожаются безпощаднымъ образомъ, почему цѣна имъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе возвышается. Многія мѣстности, еще недавно богатыя строевымъ и другимъ лѣсомъ, представляютъ нынѣ обнаженныя пространства. Поэтому лѣса частныхъ владѣльцевъ обречены на окончательное истребленіе. Даже лѣсное управленіе удѣльнаго вѣдомства и вѣдомство государственныхъ имуществъ только съ шестидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія стало оберегать свои лѣса отъ расхищенія и начало устраивать лѣсныя дачи на основаніи раціональныхъ правилъ, т. е. окапывать лучшіе лѣсные участки канавами для неизмѣнности межевыхъ признаковъ, для огражденія лѣсовъ отъ порубокъ и для осушки подмористыхъ болотныхъ пространствъ, отводить подъ вырубку годичные лѣсосѣки сообразно площади дачъ и тому числу лѣтъ, которое необходимо лѣсу для достиженія полныхъ размѣровъ, и притомъ узкими покосами, дабы предоставить возможность лучшаго обсѣмененія вырубленнымъ пространствамъ. Послѣдняя мѣра, воспрещая выборочную рубку, служитъ лучшимъ средствомъ для обновленія лѣсовъ и для прекращенія самовольнаго расхищенія ихъ, потому что выправившій у лѣсничаго билетъ на двадцать бревенъ, вырубаетъ ихъ сто, двѣсти, сколько только подъ силу и притомъ выше тѣхъ размѣровъ, которые опредѣлены въ билетѣ. Двадцать лѣтъ тому назадъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, по словамъ Ф. А. Арсеньева, произво-

дилось подобное сверхбилетное мошеничество лѣсомъ въ Согожскомъ лѣсу, гдѣ, между прочимъ, расходилось много бревенъ на домовища-гробы, выдолбленные изъ цѣльнаго дерева, на подобіе колоды. На домовища шли толстые еловые и сосновые кряжи, въ отрубѣ вершковъ десяти и двѣнадцати, слѣдовательно деревья очень цѣнныя и пошлиною также неоплаченныя. Производствомъ этимъ занимаются крестьяне въ продолженіе зимы, особенно же великимъ постомъ. Гробовщикъ, можетъ быть, и выправлялъ билетъ кряжей на пять, а срубалъ ихъ пятьдесятъ, если не больше.

Операція сплава лѣсовъ обыкновенно совершается весною, лишь только вода Шексны уляжется въ берега, и продолжается до конца іюня. Въ продолженіе этого сплава рѣка бывала годами въ полномъ смыслѣ запружена гонками лѣса, плотами дровъ и барками-бѣлозерками, которыя въ большомъ количествѣ приготовлялись въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ для вышневолоцкой системы. Большіе выгоны лѣса бываютъ преимущественно въ хорошія половодья, когда разливъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ и сплавъ становится доступнымъ со всѣхъ мелкихъ рѣчекъ и ручьевъ, впадающихъ въ Шексну и въ Суду. Небольшіе весенніе разливы препятствуютъ выгонкѣ заготовленныхъ къ сплаву бревенъ, барокъ и дровъ, которыя, по полноводію, не въ состояніи бываютъ выйти изъ своихъ мѣстъ. Въ маленькую воду 1857 года сотню еловаго лѣса, длиною въ 9 аршинъ, отъ 5 до 7 вершковъ въ отрубѣ, покупали на Шекснѣ отъ 40 до 45 р., а въ большія воды 1859 и 1861 годовъ только по 23 до 25 руб. По мелкимъ рѣчкамъ лѣсъ сплавляется молемъ въ разсыпную, но когда его доведутъ до широкаго теченія, то сплачиваютъ въ плоты или, какъ называется, въ гонки, позвенно. Въ каждомъ звенѣ отъ 36 до 40 бревенъ, а въ каждой гонкѣ отъ 25 до 30 звеньевъ. Вязка бревенъ въ звенья и скрѣпа звеньевъ между собою дѣлается черемуховыми верчеными вѣтвинами, а за неимѣніемъ ихъ березовыми. Изъ этихъ же вѣтвинъ крутятся канаты для плотовъ. Пришекснинскіе жители дошли до совершенства въ дѣланіи древесныхъ канатовъ, притомъ столь прочныхъ, что они выдерживаютъ полный напоръ воды на стосаженный плотъ во время весенней быстрины.

Дрова по рѣкѣ Шекснѣ сплавляются въ двухъ видахъ—распильнаго дѣла и рубленыя. Пиленыя дрова сплавляются въ «юмахъ» и судахъ. Юмою называется квадратный косякъ, для чего въ четыре толстыя слеги, соединенными концами въ квадратъ врубаются трехаршинныя стойки. По стойкамъ основывается изъ жердей обрѣшетники, на подобіе полевого горизонтальнаго огорода. Такой же обрѣшетникъ кладется на дно косяка. Изъ подобнаго устройства образуется вмѣстилище, въ которое нагружается отъ 40 до 50 саженъ однополѣнныхъ швырковыхъ дровъ средней толщины. Каждая юма бываетъ длиною и шириною четыре сажени. Шесть такихъ юмъ, вмѣстѣ сплоченныхъ, составляютъ такъ называемый огородъ, длиною въ 24 сажени и шириною въ четыре сажени, такъ что въ каждомъ огородѣ вмѣщается 300 саженъ однополѣнныхъ дровъ. Изъ судовъ для сплава дровъ преимущественно употребляются коломенки, но бывали сплавы дровъ въ унжакахъ и тихвинкахъ. Непилеными полѣньями дрова сплавляются въ кошмахъ, или плотахъ, составленныхъ изъ дровъ, полѣнья которыхъ бываютъ въ одну или двѣ сажени. При двухсаженной длинѣ полѣнъ, кубическое содержаніе подобной кошмы равняется двумъ кубическимъ саженямъ, а при односторонней длинѣ одной кубической сажени. Четыре кошмы при односаженной длинѣ полѣнъ составляютъ косякъ, а двадцать косяковъ образуютъ гонку. На каждую гонку (80 кубическихъ саженъ) требуются три потеси, а для укрѣпленія потесей два осиновыя амеловыя валежныя бревна, длиною 4 сажени, толщиною отъ 4 до 5 вершковъ. Такія бревна называются головняками. Для причаливанія на гонкѣ имѣется канатъ изъ вѣтвинъ, длиною въ 60 саженъ. Каждая потесь выдѣлывается изъ одного валежнаго еловаго бревна, длиною въ 5 саженъ, толщиною въ три вершка. Барочныя дрова превосходнѣе плотовыхъ и цѣнятся дороже, потому что что гораздо суше и на тотъ же объемъ горючаго матеріала даютъ болѣе единицъ

тепла, слѣдовательно они выгоднѣе для потребителя. До усиленія пароходства и сооруженія Рыбинской желѣзной дороги, барочное дѣло составляло одинъ изъ главнѣйшихъ промысловъ пришекснинскихъ и присудскихъ жителей въ Череповскомъ, Бѣлозерскомъ и Кирилловскомъ уѣздахъ. Ежегодно приготовлялось здѣсь до 2.000 плоскодонныхъ барокъ, постройкою которыхъ занимались до 14,000 рабочихъ, а сгономъ къ Рыбинску до 5,000 людей. Сверхъ того, въ этихъ мѣстностяхъ строятся небольшія тихвинки и красивыя, прочныя озерныя суда. Для сплава къ Рыбинску, барки стягиваются вмѣстѣ по три, четыре, даже по пяти штукъ. Въ благопріятную, тихую погоду, весною, барки достигаютъ Рыбинска Шексною на шестой и даже на пятый день. Но случается, что, при боковомъ вѣтрѣ, барки стоятъ на одномъ мѣстѣ по недѣлѣ и даже по десяти дней. Въ Шекснѣ сплавляются къ Рыбинску также много кокоръ и кошевника (дровяной, трехполѣнный лѣсъ изъ подстоинъ и бурелома), при чемъ кокоры остаются на устьѣ рѣки, въ селѣ Васильевскомъ, гдѣ строятъ изъ нихъ тихвинки, баржи для буксирныхъ пароходовъ и другія суда.

Наибольшее количество лѣса, барокъ, дровъ изъ всѣхъ притоковъ Шексны, доставляетъ рѣка Суда, вытекающая изъ болотъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ и впадающая въ Шексну въ одиннадцати верстахъ ниже Череповца. Чрезъ Суду выходитъ на Шексну ежегодно до 700,000 деревъ, до 20,000 кубическихъ саженъ дровъ и до 300 барокъ и другихъ судовъ. До соединенія своего съ рѣкою Курбашкою, Суда, на протяженіи 30 верстъ, называется Колошмою, а затѣмъ уже, подъ именемъ Суды, она течетъ 185 верстъ. Съ правой стороны въ Суду впадаютъ рѣки: Курбашка, Ладокша, Воядица, Колпца, Колпъ, Ворона, Пѣтухъ, а съ лѣвой — Нождема, Шогда, Андога, сверхъ другихъ незначительныхъ рѣчекъ и ручьевъ, по которымъ сплава не существуетъ. Рѣка Суда протекаетъ по возвышенной мѣстности, между берегами, состоящими изъ известняковаго плитняка, отъ котораго образовались частые пороги на рѣкѣ, именно Никольскіе, Архангельскіе, Колпсоде, Коловицъ, Кривецъ, каменная гряда противъ устья Андоги и песчаная мель Торовская. По значительности этихъ пороговъ и малой глубинѣ фарватера, постояннаго судоходства на Судѣ не существуетъ, и только иногда въ межень поднимаются по ней рѣкою Колпомъ нѣсколько тихвинокъ съ осадкою отъ 4 до 6 вершковъ. Сплавъ же судовъ по Судѣ весною производится съ давняго времени. Заготовка лѣсныхъ матеріаловъ и сплавъ по Судѣ производятся преимущественно изъ дачъ, расположенныхъ по ея берегамъ на всемъ ея протяженіи. Заготовляются бревна, кокоры (копани), лопастники, жерди и дрова. Бревна и кокоры сплачиваются въ плоты въ одинъ рядъ деревъ; лопастникъ, жерди и однополенные дрова нагружаются въ суда, а долгіе, односаженные дрова складываются въ кошмы. Сверхъ того, сплавляется ежегодно по Судѣ известки болѣе 60.000 пудовъ. Сооружаемыя на Судѣ разнаго рода суда и барки отчасти нагружаются известкою, однополѣнными дровами и другими мѣстными матеріалами, а отчасти гонятся сплавомъ на продажу въ Рыбинскъ и въ другія мѣста. На рѣкѣ Судѣ, особенно въ ея верховьяхъ, находится нѣсколько мельницъ и заводовъ, дѣйствующихъ водою съ разборчатыми плотинами, которыя весеннему сплаву не мѣшаютъ. Рѣка Курбашка беретъ начало изъ озеръ и болотъ Тихвинскаго уѣзда и имѣетъ длины 22 версты. Сплавъ деревъ по ней начался съ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Рѣки Ладокша, Воядица и Колпца вытекаютъ изъ болотъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ; первая имѣетъ длины 25 верстъ, вторая 18, третья 27. Всѣ онѣ протекаютъ по лѣснымъ дачамъ и по нимъ производится сплавъ лѣсныхъ матеріаловъ. Извилистая рѣка Колпъ, вытекая изъ Тихвинскаго уѣзда, имѣетъ длины 285 верстъ. Въ довольно значительныхъ порогахъ Колпа находится въ изобиліи известковая плита, но известка не заготовляется по неудобности сплава. На рѣкѣ Колпъ, съ 26 версты, на протяженіи 259 верстъ, а также по впадающимъ въ нее пяти рѣчкамъ (Крупани, Колоденькѣ, Сіучу, Весарѣ или Веси, Шушбѣ), сплавъ весною бревенъ въ плотахъ производится около 60 лѣтъ. Близъ Колпа находится никольскій желѣзодѣлательный заводъ Балашовыхъ, а на самой рѣкѣ построено нѣсколько

мукомольныхъ мельницъ, плотины которыхъ не препятствуютъ весеннему сплаву. Рѣка Ножнема беретъ свое начало изъ озера Ладмозера, въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ, и послѣ 50 ти верстнаго теченія впадаетъ въ Суду, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ. По берегамъ Ножнемы во многихъ мѣстахъ находится известковая плита. Весенній сплавъ бревенъ въ плотахъ производится съ давняго времени. На рѣкѣ также построено нѣсколько вододѣйствующихъ мельницъ. Рѣка Шогда, длиною въ 60 верстъ, вытекаетъ изъ болотъ Бѣлозерскаго уѣзда и при устьѣ берега состоятъ изъ известковой плиты. Лѣсное производство усилилось на этой рѣкѣ съ 1860 года. Рѣка Андога, главный притокъ Суды, вытекаетъ изъ озера Андозера, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, и впадаетъ въ Суду, въ 22 верстахъ отъ ея устья. Длина Андоги 110 верстъ, при чемъ первыя сорокъ верстъ она проходитъ по низменной, болотистой мѣстности, затопляемой весною, остальныя 70 верстъ—между болѣе возвышенными берегами. Въ десяти верстахъ ниже впаденія рѣки Мичи въ Суду, на послѣдней начинаются пороги, которые тянутся почти безпрерывно на протяженіи 30 верстъ. Въ рѣку Андогу впадаетъ съ правой стороны Мича (длиною въ 29 верстъ), съ лѣвой стороны Вязьма (35 верстъ) Шатома (20 верстъ), Солохта (27 верстъ), Шумла (50 верстъ), Шухтовка (30 верстъ). Въ Шумлу впадаютъ рѣки: Казара, Кумсора, Улозерка. Какъ притоки Андоги, такъ и притоки Шумлы сплавны для лѣса, заготовляемаго на системѣ Андоги болѣе семидесяти лѣтъ, а потому мѣстами лѣса истреблены уже сильнымъ образомъ. По Андогѣ, Мичѣ, Вязьмѣ, Шатомѣ, Солохтѣ, Шухтовкѣ, бревна и кокоры сплавляются на плотахъ, а по рѣкѣ Шумлѣ и ея притокамъ гонятся розсыпью (молемъ). По Андогѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ находится много дѣйствующихъ водою мельницъ и заводовъ съ разборчатыми плотинами, не мѣшающими весеннему сплаву. Въ геологическомъ отношеніи, рѣка Суда оказывается позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ рѣка Шексна, въ которую она впадаетъ, вслѣдствіе большого изобилія пороговъ, большей неравномѣрности въ теченіи, въ большемъ количествѣ неправильныхъ, необточенныхъ валуновъ и плитъ и вслѣдствіе другихъ признаковъ, которые обыкновенно исчезаютъ постепенно, съ бóльшимъ совершенствованіемъ рѣки.

Посредствомъ канала герцога Виртембергскаго, выходящаго изъ Шексны, въ ея верховья, и посредствомъ Александровскаго водяного сообщенія, оконченнаго въ 1828 году, Шексна соединена съ Кубенскимъ озеромъ, изъ котораго вытекаетъ рѣка Сухона, западный притокъ Сѣверной Двины. Такимъ образомъ Шексна, входитъ также въ составъ водяного непрерывнаго пути Петербурга съ Архангельскомъ и этого Бѣломорскаго порта съ Волгою и Каспійскимъ моремъ.

А. А. Крыловъ, изслѣдовавшій геогностическое строеніе береговъ Шексны, нашелъ, что, начиная съ устья, они довольно плоски, возвышаются только мѣстами и принимаютъ обыкновенно въ этомъ случаѣ видъ террасы, обнаженій поэтому оказывается мало и въ нихъ встрѣчаются бóльшею частію слѣдующіе слои, если считать сверху: 1) растительный слой и песокъ; 2) глина и песокъ, образующіе отдѣльный уступъ; 3) очень вязкая темная глина на самомъ нижнемъ уступѣ, которая часто спускается на дно рѣки, а иногда покрывается наноснымъ пескомъ или валунами. Этотъ слой имѣетъ большое сходство съ юрскими слоями на Волгѣ, но въ немъ только вовсе не оказывается ископаемыхъ. У села Архангельскаго, непосредственно подъ растительнымъ слоемъ, лежитъ слой, богатый растительными остатками и очень сходный съ такимъ же слоемъ на берегахъ Мологи, но главное отличіе заключается въ томъ, что сѣрая глина не встрѣчается здѣсь никогда сверху, а всегда подъ нимъ. Ручьевъ здѣсь много, но они не желѣзисты. Село Архангельское есть крайній предѣлъ распространенія каменника на нижнемъ теченіи Шексны. Въ обвалѣ между Большимъ и Малымъ Сырневымъ строеніе почвы оказалось другое, а именно: 1) растительный слой отъ 5 до 6 вершковъ; 2) темный песокъ съ черными прослойками; 3) болотная руда сначала въ видѣ мелкихъ бѣловатыхъ кусковъ, слоемъ до 12 вершковъ, потомъ значительными плита-

ми темнокраснаго цвѣта отъ 5 вершковъ толщиною; 4) бѣлая песчанистая глина; 5) темная желтовато-сѣрая глина, сырѣе вышележащей, почему, вѣроятно, и отличается отъ нея своимъ цвѣтомъ. Немного выше села Всесвятскаго опять показывается слой древеснаго торфа съ сѣрою глиною внизу, дѣлающеюся, наконецъ, желтовато-коричневою, отъ примѣси желтаго песку. У села Покровскаго, во время водополья, вымываетъ изъ береговъ много дубинъ и различныхъ костей, въ томъ числѣ и мамонтовыхъ. Вообще, далѣе, въ береговыхъ обнаженіяхъ, оказываются обыкновенно наверху пески или торфяныя образованія съ покрышкою изъ голубоватой глины съ растительными остатками и красноватыми гнѣздами, а внизу темныя глины. У Уголома, версты за двѣ до села Козьмодемьянска, нижній уступъ берега, болѣе высокій, состоитъ изъ сырой, при высыханіи бѣлой, очень вязкой глины, прослаивающейся съ слоемъ известковыхъ отдѣленій очень разнообразной формы, весьма интересныхъ по своему строенію. Они состоятъ изъ стержневой части, болѣе плотной, обыкновенно четыреугольной, относительно тонкой и желтоватаго цвѣта; вокругъ нея находится почти бѣлая, мягкая, глинистоизвестковая масса, принявшая самыя разнообразныя и часто затѣйливыя формы. Несмотря на составъ этихъ известковыхъ соединеній, сама глина нисколько не содержитъ въ себѣ извести и вовсе не вскипаетъ съ кислотами. Мѣстами она окрашена съ поверхности красноватымъ наметомъ отъ желѣзистыхъ ключей, при чемъ ея внутренняя масса становится совершенно черною и при дѣйствіи кислотою издаетъ запахъ сѣрнистаго водорода. Этотъ уступъ покрытъ сначала пластомъ красной глины, надъ которымъ находится холмъ желтаго песку. Нѣсколько выше Уголома этотъ песокъ пронизанъ песчаными трубочками, почти черными внутри и заключающими въ себѣ изсохшіе стебли травы и вѣтви деревьевъ. Это служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что пески отложились въ этой мѣстности въ позднѣйшее время, послѣ покрытія береговъ растительностію, что̀ подтверждается также нахожденіемъ такъ-называемыхъ дубовъ, составляющихъ цѣлый пластъ, покрытый тѣми же песками около села Козьмодемьянска. Выше этого села оказываются тоже пески, чередующіеся съ торфяниками, отчасти погребенными подъ ними. Что касается до каменника, то его вообще по Шекснѣ очень мало, а если гдѣ онъ и встрѣчается, то состоитъ преимущественно изъ известняковыхъ кусковъ, иногда съ плохими отпечатками спирифировъ. Собственно же валуновъ здѣсь вовсе нѣтъ, такъ что жителямъ многихъ мѣстностей приходится покупать камни для домашнихъ потребностей. Такое отсутствіе ихъ замѣчается отъ села Архангельскаго до Козьмодемьянска и то по правому берегу; по лѣвому же берегу, на нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки, валуны довольно часты, при чемъ они иногда располагаются въ видѣ грядъ, изъ коихъ одна проходитъ нѣсколько выше Козьмодемьянска и направляется на юго-востокъ къ череповскому тракту, шириною около версты, а другая, около села Никольскаго - Лапушки, пересѣкаетъ рыбинско - пошехонскій трактъ. Небольшая возвышенная гряда по череновскому тракту сначала сопровождаетъ Шексну, а потомъ, уклонившись отъ нея, направляется къ городу Пошехонью. Эта возвышенность составляетъ какъ бы предѣлъ длины Шексны, прорѣзывается иногда притоками этой рѣки, и представляетъ нѣсколько обнаженій, состоящихъ только изъ дилювіальныхъ образованій, напримѣръ, въ видѣ красной глины съ валунами, которыя во множествѣ находятся, между прочимъ, въ рѣкѣ Маткомѣ, и въ числѣ коихъ встрѣчаются также и известковые. Между рѣками Конгорою и Согожею проходитъ новая гряда валуновъ по пустошѣ Рачуга. На рѣкѣ Согожѣ въ обнаженіяхъ главную массу занимаетъ красная глина, покрытая бо̀льшею частію охристымъ пескомъ, при чемъ валуны очень часто встрѣчаются по теченію этой рѣки. Повсюду встрѣчаются также белемниты и известковые куски, часто съ отпечатками спирифировъ, энкринктовъ и проч. Верстахъ въ четырехъ отъ Пошехонья, у села Покровскаго, на лѣвомъ берегу Вехи, близъ впаденія ея въ Согожу, въ большихъ обнаженіяхъ видна та же красная глина, среди которой мѣстами замѣчается совершенно особенное наслоеніе. Ниже красной глины лежатъ: 1) желтоватые и красноватые пески; 2) щебенка толщи-

ною въ одинъ аршинъ; 3) сѣроватожелтый мергель, сильно вскипающій съ кислотою, толщиною до двухъ саженъ; 4) сѣрый песчаный мергель, толщиною въ одинъ аршинъ; 5) сѣрый крупный песокъ, слоемъ отъ 2 до 8 вершковъ; 6) мокрый мергель темнаго цвѣта, оканчивающійся обвалами. Внизу у рѣки множество валуновъ, среди которыхъ встрѣчаются белемниты. Красная глина, сопровождаемая валунами и белемнитами и изрѣдка перемежающаяся съ песками встрѣчается по рѣкѣ Кештомѣ, по извилистой рѣкѣ Ухрѣ, по ея притоку, рѣкѣ Есѣ. Вообще, область Шексны по ея лѣвому берегу покрыта толстымъ слоемъ наносовъ, сопровождаемыхъ валунами, такъ что въ обнаженіяхъ по берегамъ рѣкъ нигдѣ не выказывается коренной почвы. Белемниты, повсюду встрѣчающіеся, служатъ только доказательствомъ, что юрскія образованія, во время отложенія этихъ глинъ и песковъ, подвергались сильному разрушенію и дали отчасти матеріалъ для этихъ наносовъ. Соляные ключи находятся на лѣвомъ берегу Конгоры, на рѣкѣ Ухрѣ, около деревни Опалихи, гдѣ, вѣроятно, былъ прежде заводъ, такъ какъ остатки трубъ сохранились донынѣ, и въ жаркіе дни соль осаждается до сихъ поръ.

Берега Шексны изобилуютъ жирнымъ иломъ, въ которомъ находятъ себѣ существованіе множество организмовъ, служащихъ въ свою очередь превосходною пищею рыбамъ. Отъ того стерлядь, водящаяся въ Шекснѣ, бываетъ золотистая и по вкусу едва ли не лучшая во всей Россіи. Когда-то рыболовство на Шекснѣ, по словамъ Ф. Л. Арсеньева, было важнымъ промысломъ; имъ пропитывались и богатѣли цѣлыя семьи; лучшая мѣрная шекснинская стерлядь шла ко двору. По поговоркѣ старыхъ рыбаковъ, въ это время на Шекснѣ «было ушисто и рыбисто». Рыболовствомъ занималось множество рукъ. Около половины нынѣшняго столѣтія по Шекснѣ ходило около двухсотъ неводовъ, а на днѣ рѣки лежало до 2500 канатовъ для ловли стерлядей. Но объ уменьшеніи количества стерлядей можно заключить уже изъ того, что ярославскіе рыбаки, которымъ Екатерина II пожаловала два острова близъ Ярославля съ тѣмъ, чтобы они доставляли ко двору извѣстное число стерлядей, уже съ начала текущаго столѣтія не были въ состояніи продолжать этого условія. Истребленіе этой вкусной рыбы, какъ на Шекснѣ, такъ и въ верхней части Волги, надобно приписать безразсудному лову огромнаго числа молодыхъ стерлядокъ, отъ 4 до 5 вершковъ длиною (безъ хвоста), которыхъ связывали по десяти штукъ и продавали очень дешево. Въ такихъ стерлядкахъ болѣе даже хряща и костлявыхъ щитиковъ, чѣмъ мяса.

Съ появленіемъ закраинъ, образуется на Шекснѣ первая весенняя рыбная ловля наметами. Весенняя прибыль воды подмываетъ глинистые берега большими рытвинами и обрывами, въ которыхъ мѣстами теченіе рѣки заворачивается въ небольшіе водовороты, и просверливаетъ въ берегахъ глубокія котловины, въ которыхъ, подъ береговыми обрывами любятъ толпиться крупные ельцы, сорочи красноглазки, ерши, подъязки и хрящи. Рыбакъ погружаетъ наметъ въ воду и тихо ведетъ его къ берегу подъ самый его урѣзъ, загребая стоящую подъ нимъ рыбу. Въ иные годы наметомъ ловится очень много рыбы, но никогда не попадаетъ крупной; болѣе же всего добываютъ этою снастью чрезвычайно крупнаго рода икряныхъ ершей. Когда вода разольется по широкому пространству, то рыба разбредется по ея приволью и трется около кустовъ, въ чащѣ лѣса, въ густыхъ бечевникахъ и около грудъ плавающаго хвороста, выбивая изъ себя икру весенняго нароста. Въ эту пору множество рыбы ловится въ заплеты кужами, описаніе которыхъ уже сдѣлано было при разсказѣ о рыболовствѣ на Мологѣ. Уловъ рыбы въ эти снасти годами бываетъ огромнѣйшій; попадаютъ большіе лещи, язи, головли, отъ 6 до 9 фунтовъ, щуки до 25 фунтовъ, окуни, паланы и крупный сорожнякъ. Мелкая рыба въ кужахъ, употребляемыхъ въ заплетѣ, не удерживается вслѣдствіи рѣдкой вязки мережи, имѣющей ячеи по вершку въ квадратѣ. Ловля заплетами въ самомъ большомъ употребленіи около села Борка Лутошкина, по береговымъ откосамъ рѣчки Глухой, около деревни Іерусалима, Верхняго Березова, Воятицъ, и Кривова. Въ этихъ же мѣстахъ весною по полямъ и перекатамъ воды ставятся крылены или крылачи. На Шекснѣ есть много такихъ мѣстъ,

гдѣ разливъ, когда вода пойдетъ на убыль, скатывается съ широкихъ луговъ русломъ одной какой-нибудь рѣчки или круто-берегового ручья. Шуйгскія Чисти, огромнѣйшее луговое пространство, находящееся между деревнею Воятицею и селомъ Краснымъ, освобождаются отъ весенней воды устьемъ маленькой рѣчки Шуйги, изливающейся по плоской низменности Чистей и впадающей въ Шексну. Какъ только обрѣжутся Шекснинскіе берега и выступятъ изъ подъ воды окрайны шуйгскаго устья, вода стремительно повалитъ чрезъ него изъ Чистей и образуетъ единственный сжатый путь рыбѣ, разгуливавшей до того по обширному водному приволью. Въ это время, при устьѣ Шуйги забиваютъ затонъ, или особеннаго рода запруду, непропускающую отъ залива въ Шексну всю болѣе или менѣе крупную рыбу, которая такимъ образомъ какъ бы запирается. Такіе затоны въ іюнѣ бываютъ наполнены громаднымъ скопленіемъ рыбы: большіе лещи, язи, головли, щуки, сплошною массою, въ нѣсколько рядовъ, другъ надъ другомъ, толпятся на глубокихъ омутахъ, большихъ бочагахъ и около мережки затона, такъ что вода тутъ въ полномъ смыслѣ слова бываетъ замѣшана рыбою. Право на ловлю рыбы затонами обходится недешево и допускается или съ торговъ, или по взносѣ извѣстной суммы денегъ въ приходскую церковь. Затоны называются также на Шекснѣ словомъ «сѣжа», отъ сидѣнія рыбаковъ на затонѣ, съ его устройства до окончанія ловли. Въ началѣ устройства затона, рыба идетъ сначала въ мережки и крылены, а по мѣрѣ убыли воды—въ кужи; подъ конецъ же ее вылавливаютъ начисто неводами изъ омутовъ и большихъ бочаговъ. Рыба сбывается рыбинскимъ и ярославскимъ торговцамъ рыбою, а до того хранится въ садкахъ.

Когда весенняя вода уляжется въ берега, на Шекснѣ начинается ловля стерлядей канатами, способомъ оригинальнымъ, принадлежащимъ собственно этой рѣкѣ. Изъ верченыхъ черемховыхъ вѣтвинъ приготовляются въ три пряди канаты, длиною отъ 40 до 45 саженъ. Они вьются при помощи деревянныхъ барановъ съ одного конца и деревянныхъ крюковъ, закручивающихъ отдѣльныя пряди съ другого. Такой канатъ дешевъ, очень проченъ и скоро приготовляется. На глубокихъ мѣстахъ Шексны, изстари извѣстныхъ рыбакамъ по стерляжьему ходу, канатъ закладывается слѣдующимъ образомъ: одинъ конецъ прикрѣпляется къ берегу, а другой, съ деревяннымъ якоремъ о трехъ рогаляхъ, между которыми опутаны для груза каменья, завозится въ рѣку и погружается на дно такимъ образомъ, чтобы линія, по направленію каната, составляла къ берегу прямой уголъ. Затѣмъ, на черемховыхъ же поводкахъ, скрученныхъ въ двѣ пряди, прикрѣпляются къ канату вѣтвиняныя кужи, большіе кувшины съ обращенными внутрь горлами, сплетенныя рѣдкою вязкою изъ ветловыхъ тоненькихъ прутиковъ. Такихъ кужъ на каждый канатъ навязывается не менѣе шести и не болѣе восьми, на разстояніи двухъ аршинъ другъ отъ друга. Быстриною воды ихъ пристилаетъ ко дну рѣки очень плотно, и стерлядь, стремящаяся въ своемъ ходѣ противъ теченія, заходитъ въ эти кувшины. Канаты смотрятъ съ лодки, переборки на корму. Были времена, когда стерлядь ловилась въ канаты въ огромнѣйшемъ количествѣ: не по одному десятку вдругъ вытаскивали изъ одной кужи разныхъ размѣровъ стерлядей и въ числѣ ихъ нерѣдко попадались двѣнадцати и тринадцати вершковыя. Но, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, хорошіе рыбаки, исключительно посвятившіе себя своему промыслу, имѣя по десяти и пятнадцати канатовъ, не налавливали въ нихъ въ продолженіе всего года стерлядей и на полсотню рублей, принимая въ соображеніе существовавшія уже высокія цѣны на эту рыбу. Особенно уменьшилось количество стерляди въ Шекснѣ со временъ прорытія Бѣлозерскаго канала, по которому очень много ушло ея вверхъ. Аршинная стерлядь на Шекснѣ составляетъ нынѣ рѣдкость, а прежде съ этой рѣки такой рыбы вывозилось очень много.

Съ приближеніемъ іюля наступаетъ на Шекснѣ, равно какъ и на Мологѣ, замѣчательная ловля рыбы на «метлицу», насѣкомое, извѣстное также подъ именемъ эфемеридъ, поденокъ, полдневокъ. Оно выходитъ въ видѣ двукрылой мухи и названо мѣстными жителями метлицею

по сходству появленія насѣкомаго съ зимнею метелью. Въ несмѣтномъ количествѣ порхая густыми массами надъ водою, поденки представляютъ видъ закрутившей мятели. Въ илистыхъ массахъ на берегахъ Шексны и зарождаются поденки, живущія въ прорываемыхъ ими трубочкахъ, горизонтальныхъ къ водѣ. Плотный зеленый и черный илъ служитъ преимущественною средою размноженія метлицы; изъ краснаго и желтаго ила поденока выходитъ въ несравненно мельшемъ количествѣ. Раскапывая осторожно илъ и направленіе трубочекъ, или подземныхъ галлерей, можно замѣтить, что каждая норка или трубка сообщается съ сосѣдними и даже съ нѣсколькими норками. Когда метлица стремится къ выходу изъ земли, то протачиваетъ столько проходовъ и каналовъ, что берегъ дѣлается совершенно ноздреватымъ. Личинка шекснинской метлицы живетъ около двухъ лѣтъ въ илѣ рѣки. Вначалѣ это простой, тонкій, длинный, бѣлый червякъ, не толще нитки. Въ двухлѣтнемъ возрастѣ личинка метлицы сходна съ личинкою майскаго жука, но, по мѣрѣ приближенія насѣкомаго къ совершенному возрасту, личинка лишается старыхъ органовъ, непригодныхъ для новой жизни и на третій годъ снабжается по бокамъ своего мясистаго тѣла довольно длинною опушкою, находящеюся въ постоянномъ движеніи; на спинкахъ личинокъ появляются коротенькіе чехлы, въ которыхъ скрыты сложенныя вдоль крылья. При такомъ превращеніи, личинка дѣлается куколкою. Когда настанетъ время превращенія куколки въ крылатое совершенное насѣкомое, то она направляется изъ своихъ гнѣздъ къ поверхности воды чрезъ отверстія, прорываемыя при помощи зубчатыхъ твердокожихъ орудій, находящихся у ней на головѣ. Чѣмъ болѣе куколка приближается къ совершенному насѣкомому, тѣмъ болѣе она подвигается къ выходу. Если за нѣсколько дней предъ появленіемъ метлицы мять ногою илистый берегъ, то изъ него начинаютъ показываться куколки поденокъ, стремительно бросающихся отъ берега и уплывающихъ въ глубину, при помощи своихъ боковыхъ опушекъ, которыми онѣ дѣйствуютъ, какъ рыбы плавательными перьями. Если же сдѣлать подобный опытъ недѣли за три до выхода поденокъ, но ни одна изъ нихъ не вымнется изъ берега, потому что въ это время онѣ залегаютъ въ немъ еще довольно глубоко. Какъ продолжительна водяная жизнь поденки въ состояніи личинки, такъ кратковременна она въ состояніи вполнѣ развитаго насѣкомаго продолжаясь только нѣсколько часовъ. Однажды въ годъ, постоянно въ концѣ іюня или въ началѣ іюля, шекснинская поденка оставляетъ свои илистые берега и служитъ для мѣстныхъ рыбаковъ главною періода въ ловлѣ рыбы. Никогда не случается, чтобы выходъ поденки по всей Шекснѣ былъ въ одинъ день; въ среднихъ частяхъ теченія рѣки она является позже, нежели въ верховьяхъ, а внизу, около устья, позже, нежели въ среднихъ частяхъ. Шекснинскіе рыбаки ожидаютъ метлицу по плесамъ и дѣлятъ ея появленія на два выхода—на малый и большой «чертежъ» и «волку». Чертежъ, или малый выходъ метлицы, служитъ какъ бы предувѣдомленіемъ о времени появленія поденокъ. При ясномъ свѣтѣ утренней зари вылетаютъ изъ береговъ нѣсколько штукъ метлицы и направлятся къ срединѣ рѣки. Неразвязно, вяло порхаютъ онѣ надъ поверхностью воды и, усиленно махая крылышками, безпрестанно опускаются на воду, бороздятъ, «чертятъ» живою чертою площадь воды. Отсюда произошло названіе «чертежъ». Замѣчательно, что въ первый чертежъ не видно ни одной чернокрылки (самца); чертежъ состоитъ весь изъ бѣлокрылокъ (самокъ) и то изъ самаго небольшого числа. Рыбаки не пользуются первымъ чертежемъ потому, что нѣсколько появившихся поденокъ бываютъ подхвачены голодною рыбою и чайками, не оставляя послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Въ плодовитый годъ для метлицы, на другой день послѣ перваго чертежа, бываетъ второй, въ который показывается и чернокрылка. Дня чрезъ два, много чрезъ три, послѣ второго чертежа, надобно ожидать валки, т.-е. большого выхода метлицы. Еще съ вечера, какъ только солнце опустится за лѣсъ, запорхаютъ надъ рѣкою нѣсколько поденокъ, вѣрныхъ вѣстниковъ предстоящей на утро валки. Вся короткая іюльская ночь проходитъ у рыбаковъ въ приготовленіи къ слѣдующему дню: готовятся заплави, приготовляются язки, осматриваются лодки, перебираются на желоба переметы, съ ранняго утра

метлица начинаетъ выходить изъ ила въ несмѣтномъ количествѣ. Чѣмъ ближе время подходитъ къ солнечному восходу, тѣмъ въ большемъ количествѣ летаетъ метлица надъ водою, тѣмъ гуще становятся ея массы въ воздухѣ и, наконецъ, на солнечномъ восходѣ, она тучами валится въ рѣку и совершенно покрываетъ собою поверхность воды. Отъ двухъ до четырехъ часовъ утра продолжается время появленія поденокъ; потомъ массы ихъ начинаютъ рѣдѣть, а къ шести часамъ уже не видно порхающей метлицы. Только густыми массами съ верхнихъ плесъ тащитъ ее теченіемъ рѣки внизъ, разбиваетъ по заплёскамъ и ракитникамъ, наваливаетъ на мысы и кружитъ въ заводяхъ, завертывая въ маленькіе водовороты.

На добычу за метлицею появляются разныя насѣкомоядныя птицы со всѣхъ сторонъ Шексны. Но метлица составляетъ самую лакомую пищу для рыбы. Недѣли за двѣ до появленія подонокъ, исполняется родъ ловли рыбы. За нѣсколько же дней до валки, рыба перестаетъ ловиться во всѣ рыболовныя снасти, сдается съ мелкихъ мѣстъ на глубокія и совершенно «пропадаетъ»; но лишь только появится на рѣкѣ метлица,—язь, лещъ, плотва, сороча, чеша, головель, паланъ и стаи мелкихъ рыбъ поднимаются изъ глубины и начинаютъ жадно глотать падающую метлицу. Необыкновенное скопленіе рыбы въ это время бываетъ поразительно. Всплески и гульканье рыбы раздается во всѣхъ мѣстахъ Шексны, язь и головель такъ много наѣдаются метлицею, что нерѣдко случается видѣть эту породу рыбъ уснувшею на заплескахъ отъ обжорства. Рыбаки, охотники до уженья, немедленно послѣ чертежа, забиваютъ на Шекснѣ язки. Для язка выбирается мѣсто съ чистымъ хрящеватымъ дномъ, и для самаго длиннаго язка, въ восемь аршинъ, вбиваютъ восемь паръ кольевъ. Между кольями грузится ракитникъ, связанный снопами для того, чтобы плотнѣе ложился на дно. Самый язокъ направляется нѣсколько противъ теченія. Когда ракитникъ наполнитъ все пространство между кольями, то теченіе ниже язка прекращается и дѣлается заводь. Послѣ язка, для прикормки рыбы, загружается на длинныхъ колышкахъ метлица, которая для того всыпается, въ количествѣ полуторыхъ четвериковъ, въ лоскутокъ старой мережки, завязываемой въ пухпырь, а послѣдній прикрѣпляется къ колышку, на разстояніи полуторыхъ аршинъ отъ заостреннаго конца, и погружается въ воду. Такихъ загрузокъ у язка дѣлается три или четыре, онѣ часто прополаскиваются для очищенія отъ наноснаго ила и песку и каждый день подновляются новою метлицею. Около каждаго язка рыбаки дѣлаютъ очень большіе запасы метлицы, устраивая заплавь, въ видѣ бревна, въ которую во время валки набиваетъ такое множество метлицы, что она наполняетъ до самаго дна все пространство между язкомъ, берегомъ и заплавью. Для загрузки на прикормку, метлицу вычерпываютъ изъ этого пространства. Отъ вліянія большихъ жаровъ метлица въ заплави приходитъ въ броженіе и распространяетъ не противной, но острый, сильный запахъ, которой привлекаетъ рыбу къ язямъ, гдѣ закидываютъ уды съ насаженною на нихъ метлицею. Лучшій ловъ рыбы начинается со дня валки и продолжается дня четыре, послѣ чего крупная рыба беретъ уже лѣниво, осторожно, за то охотнѣе начинаетъ клевать плотва и чеша, которую случалось выуживать съ утра до полдня до 500 штукъ; бывали годы, когда на одну удочку науживали въ день по шести пудовъ рыбы и болѣе. Пойманная во время метлицы бѣлевая рыба въ садкахъ жить не можетъ, скоро обивается въ красныя пятна и засыпаетъ. Ловля переметами на метлицу производится болѣе для красной рыбы, то-есть для стерлядей, хотя годами на нихъ хорошо идетъ и бѣлевая.

Подъ конецъ августа шекснинскій илъ производитъ еще другой родъ поденокъ, однолѣтнихъ, маленькихъ, схожихъ съ бабочками и до того липкихъ, что нерѣдко онѣ, связавшись, летаютъ парами и тройками. Эти поденки выходятъ изъ береговъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, постоянно, каждый день и всегда вечеромъ. Ихъ называютъ уклейкою, по имени маленькой рыбы уклейки, которая любитъ ими лакомиться. На Мологѣ осеннюю метлицу называютъ «яровичкомъ» или «уклеечною метлою». Осенью ловятъ на Шекснѣ рыбу переметами же, но только на лягушекъ, которыя водятся въ огромномъ количествѣ по болотистымъ бере-

гамъ Шексны. На лягушку ловится налимъ, рѣдко язь и окунь. Иногда въ Шекснѣ попадаются и бѣлуги: у Череповца поймали одну въ 10 пуд. вѣсомъ, а другую въ 18 пуд.

На Мологѣ также появляется метлица и сопровождается такимъ же уловомъ рыбы. Прежде метлицы на Мологѣ появлялось болѣе, такъ что мѣстныя гонки покрывались ею какъ бы снѣгомъ. Судоходство на Шекснѣ подвергалось въ разное время существеннымъ перемѣнамъ и въ этомъ отношеніи оно представляетъ три періода. Первый періодъ обнимаетъ собою время отъ начала нынѣшняго столѣтія до 1846 годъ, то-есть до прорытія Бѣлозерскаго канала, второй періодъ съ 1846 г. до 1863 года, или до введенія буксирнаго пароходства на Шекснѣ, и, наконецъ, третій періодъ съ 1863 года до настоящаго времени. Въ каждомъ изъ этихъ періодовъ условіе судоходства, цѣны на фрахтъ и рабочихъ измѣнились существеннымъ образомъ. Прорытіе Бѣлозерскаго канала, расчистка порожистыхъ мѣстъ на Шекснѣ и, наконецъ, введеніе буксирнаго пароходства на рѣкѣ должны были отразиться рѣзкими перемѣнами въ интересахъ лицъ и селеній, занимавшихся судоходнымъ промысломъ на Шекснѣ. Но и другія причины имѣли на него сильное вліяніе, напримѣръ, конскій падежъ 1864 года, принявшій страшные размѣры, укорененіе сибирской язвы на берегахъ Шексны, появленіе холеры между рабочими, наконецъ, сильныя мелководья, затруднявшія и даже прекращавшія ходъ судовъ на этой рѣкѣ. Прорытіе Бѣлозерскаго канала уничтожило перевозку грузовъ на парусныхъ судахъ чрезъ Бѣлое озеро, прекратило выгодный промыселъ въ этомъ отношеніи посада Крохина, вызвало на Шексну новыхъ судопромышленниковъ, дѣйствовавшихъ прежде только на Волгѣ. Расчистка порожистыхъ мѣстъ на Шекснѣ сдѣлала возможнымъ появленіе буксирныхъ пароходовъ на рѣкѣ, ускорившихъ въ значительной степени перевозку кладей по Маріинской системѣ отъ Рыбинска къ Петербургу. Вмѣстѣ съ такими коренными перемѣнами, для перевозки грузовъ по Шекснѣ должны были строить новыя суда, иными способами и въ другихъ мѣстахъ. До прорытія Бѣлозерскаго канала, суда, слѣдовавшія по Маріинской системѣ, не могли миновать Бѣлаго озера, слѣдовательно требовались суда прочной и съ тѣмъ вмѣстѣ дорогой постройки, поднимавшія большіе грузы, камими являлись бѣлозерки, которыя, какъ всѣ озерныя суда, имѣли парусную оснастку, поднимали отъ 10,000 до 15,000 пуд. груза и обходились въ постройкѣ отъ 1,000 до 1,500 рубл. каждая. Послѣ прорытія Бѣлозерскаго канала, мѣста бѣлозерокъ заняли унжаки, въ родѣ барокъ съ плоскимъ дномъ, поднимавшіе отъ 13,000 до 15,000 пуд. груза, но стоившіе всего въ постройкѣ до 350 руб. Съ введенія буксировки пороходами, туэрами, унжаки, въ свою очередь, уступили мѣсто баржамъ, какъ болѣе удобнымъ для хода за буксирами.

До прорытія Бѣлозерскаго канала, суда ходили по Шекснѣ исключительно во время большой воды, весною, при чемъ друхмачтовыя бѣлозерки шли отъ Рыбинска до Крохина отъ 10 до 12 дней. Послѣ прорытія канала, унжаки стали отправлятся изъ Рыбинска до конца іюня и даже въ іюлѣ, шли медленнѣе бѣлозерокъ, именно въ сложности отъ 25 до 30 дней, а потому наибольшее скопленіе каравана на Шекснѣ происходило въ концѣ іюля и въ началѣ августа. Съ окончательнымъ развитіемъ пароходства на Волгѣ, самая большая отправка судовъ изъ Рыбинска на Шексну стала сосредоточиваться въ маѣ, при чемъ наибольшее скопленіе каравана на этой рѣкѣ уже происходило въ іюнѣ и въ іюлѣ. Поэтому въ августѣ и даже въ концѣ іюля судоходство на Шекснѣ въ настоящее время доходитъ до крайне ограниченныхъ размѣровъ. Прорытіе канала, введеніе буксирнаго пароходства, суда новой постройки удешевили на 25% цѣны за провозъ товаровъ по Шекснѣ. Такая дешевизна, а главное обезпеченность и срочность доставки сдѣлали изъ Шексны и Маріинской системы главный, если не исключительный путь для доставки товаровъ водою съ Волги въ Петербургъ, а также и въ обратномъ направленіи. До прорытія Бѣлозерскаго канала, по Шекснѣ проходило въ годъ отъ 500 до 700 судовъ, а послѣ того число судовъ постепенно стало увеличиваться и доходило годами до 4000, поднимавшихъ груза болѣе 50 милліоновъ пудовъ.

До прорытія канала главными двигателями судоходства по Шекснѣ, заработывавшіе порядочныя отъ него деньги, были жители города Бѣлозерска и посада Крохина. Имъ принадлежало отъ 300 до 400 бѣлозерокъ, или порядочный озерный флотъ, посредствомъ котораго въ тѣ времена и считалось единственно возможнымъ перевозить товары чрезъ бурное Бѣлое озеро. Пароходство на немъ въ то время не начиналось, какъ и на многихъ другихъ внутреннихъ водахъ Россіи, гдѣ оно нынѣ процвѣтаетъ въ видѣ могущественнаго средства передвиженія. Вмѣстѣ со льдомъ бѣлозерки спускались къ Рыбинску, нагружались тамъ кладью, и чрезъ Бѣлое и Онежское озера или до Вытегры или до Вознесенья, гдѣ кладь передавалась на другія суда для доставки къ Петербургу. Возвращавшись въ Крохино, брали второй, а иногда третій грузъ съ судовъ болѣе мелкой конструкціи, прибывавшихъ изъ Рыбинска и которыя не могли идти далѣе двумя обширными озерами. Какъ крупныя такъ и мелкія суда принадлежали жителямъ Бѣлозерска и Крохина, а потому въ ихъ рукахъ было сосредоточено, какъ озерное, такъ и рѣчное судоходство. Они безапелляціонно устанавливали цѣны на доставку грузовъ, вели главную торговлю по Шекснѣ, Бѣлому и Онежскому озерахъ, имѣли большія рыбныя ловли на этихъ водахъ и значительные капиталы. Но, несмотря на всѣ эти благопріятныя условія монопольнаго промысла, несмотря на свои огромные по тому времени капиталы, Бѣлозеры и Крохинцы разомъ обѣднѣли, когда, съ прорытіемъ канала, измѣнились условія судоходства, явились конкуренты съ новыми для того способами и средствами, а старые промышленники закоснѣвъ въ своемъ рутинномъ веденіи дѣла, не могли или не умѣли принаровиться къ свѣжимъ порядкамъ; послѣдствіемъ прорытія Бѣлозерскаго канала было разореніе судопромышленниковъ и торговцевъ Бѣлозерска и Крохина, расположенныхъ на берегу Бѣлаго озера, причемъ посадъ лежитъ при истокѣ изъ него Шексны. Опытные мѣщане Бѣлозерска и Крохина ходили въ лоцманахъ; люди послабѣе въ своихъ знаніяхъ, а также сосѣдніе крестьяне зарабатывали деньгу шкиперами и коренными, перегрузкою товаровъ въ Крохинѣ, постройкою судовъ, выдѣлкою снастей, мелкимъ торгомъ, ковкою желѣзныхъ принадлежностей для судовъ и проч. Постройка одной бѣлозерки требовала столько же времени и труда сколько нужно на постройку двадцати унжаковъ. Поэтому зимою въ одномъ Бѣлозерскомъ округѣ въ то время занимались постройкою судовъ болѣе 3000 человѣкъ. Бѣлозерскъ и Крохино были самыми оживленными населенными мѣстами на Шекснѣ, и въ Крохинѣ порою сосредоточивался весь флотъ двухмачтовыхъ Бѣлозерскихъ судовъ, который какъ въ каждомъ портѣ, увеличивалъ достатки его жителей, нынѣ Крохино опустѣло; дома обветшали, разрушились, торговля совершенно въ немъ прекратилась. Бѣлозеры сначала радовались тому, что каналъ направленъ былъ около ихъ города, но затѣмъ и они стали терпѣть потери, когда прекратились у нихъ прежніе заработки, которые были связаны и судоходствомъ по Бѣлому озеру. Если Бѣлозерскъ не разрушится окончательно, подобно Крохину, то потому, что въ немъ большую часть лѣта нынѣ живутъ въ немъ нѣсколько тысячъ путинныхъ рабочихъ, а также потому, что большая часть рыбинскихъ лоцмановъ и коноводовъ получаютъ окончательный расчетъ въ Бѣлозерскѣ. Какъ путинные, такъ лоцмана и коноводы оставляютъ и проѣдаютъ большую часть полученныхъ ими денегъ въ Бѣлозерскѣ.

Съ устройствомъ Бѣлозерскаго канала, судоходство на Шекснѣ постепенно перешло въ руки Рыбинскихъ купцовъ и судопромышленниковъ, дѣйствовавшихъ уже монопольнымъ образомъ на Волгѣ, на системахъ Тихвинской и Вышневолоцкой. Рыбинскіе промышленники поняли всѣ выгоды Шекснинскаго судоходства, созданныя прорытіемъ означеннаго канала, стали отправлять по Шекснѣ свои тихвинки и межумки и въ какіе нибудь три года вытѣснили съ нея Бѣлозеровъ и Крохинцевъ. Построивъ нѣсколько сотъ унжаковъ, спеціалисты—спекулянты разомъ сбили до крайней степени цѣны за поставку по Маріинской системѣ. Прежніе поставщики разорились и перевозка по Шекснѣ постепенно сосредоточилась въ Рыбинскѣ, сдѣлавшись принадлежностью немногихъ Рыбинскихъ капиталистовъ, такъ какъ

спекулянты, первые понизившіе цѣну за доставку, сами разорились впослѣдствіи, но достигли цѣли, именно отняли это дѣло у жителей Бѣлозерска и Крохина. Явились спекулянты на дешевую постройку унжаковъ и тѣмъ уничтожили промыселъ постройки судовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ давалъ прежде хорошій заработокъ крестьянамъ и мѣщанамъ, ими уменьшенъ этотъ заработокъ до крайняго предѣла, напримѣръ для Бѣлозерскихъ и Мологскихъ крестьянъ. Произошелъ и другой вредъ отъ такого поворота въ судоходномъ промыслѣ. Бѣлозерки служили нѣсколько лѣтъ, подобно тихвинкамъ и полулодкамъ. Унжаки же строятся на одинъ годъ и затѣмъ разламываются на дрова, которыми истребляется дорогой лѣсъ, прежде не уничтожавшійся подобнымъ безполезнымъ образомъ. Сверхъ того изъ Рыбинска унжаки стали отправлять не въ одиночку, а караванами въ нѣсколько судовъ, съ цѣлію сократить расходы, наймомъ меньшаго числа людей для уставленія судами. При караванѣ посылается одинъ приказчикъ распорядителемъ, причемъ уничтожаются должности шкиперовъ, которыхъ было по одному на каждой бѣлозеркѣ.

Въ пятидесятыхъ годахъ вѣдомство путей сообщенія стало постепенно исправлять бечевникъ на Шекснѣ, гдѣ до того, вслѣдствіе грязей и болотъ, могли проходить съ лямкою одни бурлаки, сооружать мосты и насыпи, съ этого времени большая часть судовъ по Шекснѣ пошли подъ лошадьми и на этой рѣкѣ появились въ значительномъ числѣ коноводы, существовавшіе издавна на Мологѣ и въ верховьяхъ Волги. Въ цвѣтущее время коноводнаго промысла, почти имъ однимъ кормились весь Мологскій уѣздъ и большая часть Рыбинскаго, чему также способствовали дешевизна и обиліе сѣна на тамошнихъ наемныхъ судахъ. Вмѣстѣ съ коноводствомъ, съ продленіемъ времени главнаго хода судовъ на Шекснѣ, явилась на ней своего рода промышленность, развившаяся вблизи пороговъ, какъ въ мѣстахъ наибольшаго скопленія судовъ. Сталъ развиваться городъ Череповецъ, лежащій на срединномъ пунктѣ рѣки, потому что жители его разселились, для разнаго рода мелкихъ промысловъ, по Коленѣцкимъ, Ниловицскимъ и Боро-Ивановскимъ порогамъ. На послѣднихъ Череповскіе торговцы и промышленники столкнулись съ Кирилловскими и мѣстными жителями и должны были дѣлить съ ними свои заработки. Такъ, около тридцати-сорока лѣтъ тому назадъ, на Коленцѣ, или Коленецкихъ порогахъ, была только небольшая казарма команды путей сообщенія и двѣ или три харчевни, а теперь тутъ выстроилось цѣлое мѣстечко болѣе чѣмъ съ сотнею домовъ. То же произошло и на другихъ порогахъ Шексны. Не особенно развился промыселъ харчевнями, которыя по бечевнику рѣки встрѣчаются чрезъ каждые пять верстъ, а между порогами еще чаще. Въ харчевняхъ останавливаются и отдыхаютъ коноводы и лоцманы и оставляютъ тамъ большую часть своихъ денегъ; но всѣ эти харчевни и мѣстечки при порогахъ оживляются только въ періодъ судоходства, по окончаніи котораго, промышленники и торговцы разъѣзжаются по мѣстамъ своего коренного жительства, такъ что мѣстное, окрестное населеніе Шексны нисколько не разбогатѣло и не улучшило своего экономическаго положенія отъ развитія судоходства по рѣкѣ. Большая часть выгодъ попрежнему доставалась Рыбинску, гдѣ не только строютъ суда, нанимаютъ рабочихъ, оставляющихъ тамъ свои задатки, но и запасаются харчами и фуражемъ. Въ Рыбинскѣ образовались изъ-за судоходство по Шекснѣ своеобразныя промышлености, въ родѣ овсяниковъ (продающихъ фуражъ коноводомъ), конныхъ барышниковъ, рогожниковъ, харчевниковъ и проч. Всѣ они существуютъ, а иногда и богатѣютъ, судоходствомъ по Шекснѣ.

Первая попытка ввести на Шекснѣ буксирное пароходство принадлежитъ основанной въ 1861 году компанія цѣпного пароходства по Шекснѣ. До ея учрежденія, буксировки судовъ по рѣкамъ Россіи, при помощи туэровъ, или паровыхъ судовъ, поднимающихся по проложенной по дну рѣки цѣпи, не существовало. Правильное пассажирское пароходство введено было на Шекснѣ съ 1862 года, но пароходы стали ходить по рѣкѣ и ранѣе этого времени. Нынѣ компанія цѣпного пароходства процвѣтаетъ и даетъ хорошіе дивиденды своимъ акціонерамъ,

но первые годы ея дѣятельности были неудачны и убыточны, отчасти вслѣдствіе неполнаго знакомства съ условіями плаванія по Шекснѣ. Въ первый 1863 годъ компанія пустила въ буксировку на этой рѣкѣ шесть туэровъ, капитанами которыхъ были французы. Дрова для туэровъ были заготовлены отъ Рыбинска до Чайки, при входѣ въ Бѣлозерскій каналъ, а цѣпь была положена по всей длинѣ Шексны. Предполагалось, что туэра, съ десятью судами на каждый, пойдутъ чрезъ всѣ пороги и что путь отъ Рыбинска до Чайки будетъ совершаться не болѣе, какъ въ четверо сутокъ. Но оказалось, что необходимо расчистить даже такіе небольшіе пороги, какъ Монастырскій, Язь, Баранъ, Филинъ, чтобы туэръ могъ проходить чрезъ пороги съ судами; что около нѣкоторыхъ глубоко вдавшихся мысовъ на Шекснѣ, туэра не въ состояніи были обойти, такъ что явилась необходимость срыть эти мысы, что вмѣсто десяти судовъ, туэръ можетъ вести никакъ не болѣе шести, если не пяти, что, наконецъ, туэра шли около недѣли до одного Череповца, т. е. до половины Шексны, вмѣсто четырехъ дней до Чайки и проч. Капитаны-французы оказались вовсе незнакомыми съ фарватеромъ рѣки. Словомъ, на первыхъ порахъ оказалась полная неудача предпріятія. Зимою въ 1863—1864 и въ 1864—1865 гг. производилась очистка почти во всѣхъ порожистыхъ мѣстахъ на Шекснѣ и въ 1865 году туэра стали ходить уже до Ниловицъ, а между Ивановскимъ Боромъ и Чайкою поставленъ былъ для буксировки судовъ особенный туэръ, такъ что пространство, бывшее внѣ дѣятельности туэровъ, именно между Ниловцами и Ивановскимъ Боромъ, составляло всего 18 верстъ.

Въ 1865 году впервые, сверхъ туэровъ, появились на Шекснѣ буксирные пароходы. Нѣкоторые череповскіе промышленники, понявъ значеніе паровой силы для тяги судовъ вверхъ по рѣкѣ, арендовали до пяти волжскихъ пароходовъ и построили для нихъ до десяти баржъ особой конструкціи. Эти баржи были сплавлены изъ Череповца прямо на низовыя пристани Волги и вышли въ Шексну безъ перегрузки въ Рыбинскѣ. Это былъ новый переворотъ въ судоходствѣ по Шекснѣ. Пароходы эти ходили по Шекснѣ въ 1865 году отъ Рыбинска до Буркова и отъ Иванова Бора до Чайки. Одинъ изъ этихъ пароходовъ сдѣлалъ попытку, но неудачную, пройти съ двумя полулодками въ Коленецкихъ порогахъ. Въ 1866 году, вслѣдствіе удачи первой попытки, на Шекснѣ дѣйствовали уже десять буксирныхъ пароходовъ, изъ которыхъ часть была арендована череповскими судопромышленниками, а часть пріобрѣтена ими въ собственность. Въ 1866 году буксирные пароходы стали проходить даже успѣшно чрезъ Коленецкіе пороги и чрезъ всѣ другіе пороги ниже Ниловецъ, съ тремя и даже четырьмя судами, но только съ подпряжкою для того къ пароходу въ самомъ порогѣ нѣсколькихъ лошадей. Пароходы пробуксировали нѣсколько десятковъ судовъ чрезъ Бѣлое озеро и тѣмъ ускорили ходъ судовъ по Бѣлоозерскому и отчасти по Маріинскому каналамъ. Полулодки, тихвинки успѣшно можно было буксировать пароходами; только унжаки оказывались неудобными дла того. Туэра компаніи цѣпного пароходства также стали постепенно достигать цѣли, имѣвшейся въ виду при основаніи этого предпріятія. Рыбинскіе унжаки, подобно бѣлозеркамъ, послѣ двадцатилѣтняго преобладанія на Шекснѣ, должны были уступить мѣсто другимъ судамъ, обусловленнымъ буксирнымъ и туэрнымъ пароходствами, которые также сократили коноводный промыселъ на этой рѣкѣ. Туэрному пароходству принадлежитъ починъ и указаніе необходимости расчистки пороговъ на Шекснѣ, достиженіемъ чего воспользовались всѣ суда, плавающія по этой рѣкѣ. Нынѣ пароходы совершаютъ рейсы по всей Шекснѣ до Чайки, куда направляются въ опредѣленные часы и почтово-пассажирскіе пароходы.

Къ пришекснинской мѣстности принадлежитъ кустарное производство гвоздей и разныхъ желѣзныхъ издѣлій, занимающее тысячи рукъ и до введенія машиннаго приготовленія гвоздей, имѣвшее обширные размѣры, которые увеличивались съ каждымъ годомъ. Это такъ-называемый Уломскій край, уломское желѣзное производство, уломскіе гвозди. Улома—древній погостъ Череповецкаго уѣзда лежащій на юго-западъ отъ Череповца, получившій свое названіе отъ

рѣки Уломки и озера Улома. Этотъ погостъ существуетъ донынѣ въ видѣ скромнаго, небольшого селенія съ церковью, въ которомъ происходятъ почти еженедѣльные торжки. Пришекснинскій и примоложскій край издавна славились богатствомъ болотной желѣзной руды, залегающей подъ тамошними ржавыми болотами, озерами, такъ что и городъ Устюжна на Мологѣ прозванъ былъ Желѣзопольскимъ. Въ этомъ обиліи болотной желѣзной руды вся мѣстность имѣетъ сходство съ финскою областью, къ которой она прилегаетъ своими сѣверными предѣлами. Въ Уломѣ изстари крестьяне стали добывать желѣзо изъ руды, которую находили въ изобиліи въ Устюженскомъ и Череповскомъ уѣздахъ. Желѣзное дѣло въ Уломскомъ краѣ началось, по крайней мѣрѣ, три столѣтія тому назадъ, потому что изъ «Русской Торговой книги XVI вѣка» видно, что уже тогда изъ Россіи отпускались за-границу «вологодскіе гвозди». Въ первой половинѣ XVII вѣка, въ Устюжну были присланы тульскіе мастера для приготовленія пушекъ и ядеръ изъ устюженской руды. Среди тамошнихъ лѣсовъ еще лѣтъ 25 тому назадъ встрѣчались старыя оставленныя горныя долины, угольныя ямы, указывающія на производившуюся тамъ переработку желѣзной руды. Производство желѣзныхъ издѣлій и гвоздей въ Уломскомъ краѣ только съ 1795 года стало разрастаться все болѣе съ каждымъ годомъ, а до того размѣры его были незначительны.

Почва Уломскаго края, песчаная, глиноватая, не поощряла жителей заниматься земледѣліемъ, такъ какъ оно не могло дать средствъ къ существованію. Кустарное желѣзное производство и такая же выдѣлка гвоздей, явились дополнительнымъ заработкомъ у мѣстнаго населенія, но оно, съ тѣмъ вмѣстѣ, стало переходить изъ рода въ родъ, такъ что дѣти съ малолѣтства обыкновенно начинали имъ заниматься. Машинное производство гвоздей остановило развитіе уломнаго гвоздяного производства. Уломскіе желѣзные промыслы заключаются въ обработкѣ желѣза изъ желѣзной мѣстной руды и изъ чешуи или желѣзныхъ опалинъ, оставшихся въ видѣ мелкихъ частицъ въ кузнецахъ послѣ расковки желѣза, въ приготовленіи гвоздей, уклада (желѣзо на подобіе стали), разрѣзка желѣзныхъ полосъ на прутья, наковальней, косъ, лопатокъ, кованыхъ котловъ, лемеховъ, согиниковъ для сохъ и косуль, втулокъ, поддосокъ. Въ числѣ вспомогательныхъ промысловъ желѣзнаго дѣла находятся заготовленіе древеснаго угля въ кузницахъ, изготовленіе боченковъ для укладки гвоздей, предназначенныхъ къ отвозу и перевозка гвоздей сухимъ путемъ и водою Одни изъ жителей занимаются передѣлкою желѣзной руды, сами для себя пріобрѣтаютъ желѣзо на свой счетъ, имѣютъ небольшое число рабочихъ и сами сбываютъ свои издѣлія на ярмаркахъ,—это такъ называемые собственники-кузнецы. Другіе производятъ выковку гвоздей для мѣстныхъ и иногороднихъ купцовъ за установленную плату и для того получаютъ отъ нихъ заготовленное желѣзо и послѣ выковки сдаютъ гвозди купцамъ. Третьи—просолы, обитающіе почти въ каждомъ селѣ, внимательно наблюдаютъ за нуждами кузнецовъ и скупаютъ только приковные гвозди за дешевую цѣну. Увеличеніе числа кузнецовъ начало значительно возрастать съ 18.0 года, съ увеличеніемъ спроса на гвозди и увеличеніемъ количества ихъ выковки. Въ прежнія времена помѣщичьи крестьяне отдавались въ арендное состояніе иногороднымъ купцамъ и тогда они выковывали гвозди и другія издѣлія исключительно только для нихъ за условленный оброкъ. Нѣкоторые помѣщики сами принимали заказы отъ иногороднихъ купцовъ, получали отъ нихъ желѣзо, и своимъ крестьянамъ предоставляли выковку гвоздей за положенный оброкъ. Тогдашніе крестьяне князя Голицына имѣли свой запасный и экономическій капиталъ на покупку желѣза и у нихъ гвоздарное производство было поставлено на разумномъ основаніи, такъ что эти крестьяне считались лучшими кузнецами на Уломѣ, продавали свои гвозди, сравнительно съ другими гвоздарями, по самой высокой цѣнѣ и гвозди ихъ преимущественно передъ другими покупались въ Ригу и въ остзейскія губерніи, менѣе въ Петербургъ, а еще менѣе въ Москву.

Улучшенію гвоздарнаго и вообще желѣзнаго производства много способствовали купцы,

торговавшіе уломскими издѣліями тѣмъ, что съ 1795 года стали замѣнять мѣстное Крицовое желѣзо привознымъ сибирскимъ. Первоначально это желѣзо прямо привозилось въ Улому, а потомъ его стали покупать на Нижегородской ярмаркѣ. Неудачная расторжка на ней уломскими гвоздями, приготовленными изъ мѣстнаго желѣза, побудило купцовъ покупать сибирское желѣзо для выковки изъ него гвоздей. И уломскій укладъ, замѣнявшій собою долго англійскую сталь и русскую томлянку, также сталъ менѣе требоваться, и впослѣдствіи шелъ только для выковки косъ и серповъ. Между тѣмъ въ прежнія времена уломскій укладъ шелъ на изготовленіе военныхъ доспѣховъ, которымъ дѣломъ занимались многіе мастера въ разныхъ городахъ Россіи. Въ Новгородѣ, напримѣръ, улица, обитаемая преимущественно подобными оружейниками, называлась «Щитною». По разсказамъ старожиловъ, въ XVIII столѣтіи изъ Уломы одного тамошняго уклада вывозилось до пяти лодокъ ежегодно и еще въ нынѣшнемъ столѣтіи въ деревнѣ Починкахъ жилъ лучшій мастеръ уклада, Козьма Петровъ. Укладъ его работы цѣнился въ то время до 40 коп. за фунтъ. Укладъ выдѣлывался полосками (стрѣлками), которыя накладываются на лезвіе серповъ, косъ и проч., привариваются въ горнахъ и обрабатываются на наковальнѣ. Мѣстное крицовое желѣзо, по невысокой его добротѣ, идетъ на приготовленіе наковаленъ. Окальное желѣзо, собираемое изъ чешуи, остающейся на кузницахъ, идетъ на выдѣлку уломскаго уклада, косъ, гвоздей, колесныхъ втулокъ, лемеховъ. и проч. Третій родъ желѣза, употребляемый въ уломскомъ краѣ, это сибирское полосовое, котораго, въ цвѣтущее время гвоздарнаго производства, привозилось въ Улому до 500,000 пуд., и для разрѣзки котораго на прутья, что не мало способствовало развитію производства, устроены были девять заводовъ, четвертый видъ употребляемаго на Уломѣ желѣза—это старое желѣзо, въ видѣ лома, привозимое изъ разныхъ губерній, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ пудовъ. Оно шло на приготовленіе крупныхъ гвоздей, петлей, скобъ и болтовъ для судовъ.

Работы въ кузницахъ уломскаго края начинаются съ осени, въ сентябрѣ и октябрѣ, по окончаніи полевыхъ работъ и продолжаются до весны. Кузницы мѣстныя имѣютъ патріархальный видъ, какъ это болѣе всего свойственно кустарнымъ промысламъ, именно полуразвалившійся горнъ, а вмѣсто наковальни кусокъ желѣза. Грязь, бѣдность поражаютъ посѣтителя при входѣ къ этимъ кустарямъ, которые притомъ очень плохо защищены отъ непогоды. Выковавъ гвозди, крестьяне сдаютъ ихъ купцамъ, но получаютъ за нихъ расчетъ только тогда, когда оптовые скупщики продадутъ весь свой товаръ. Отъ болѣе или менѣе выгоднаго сбыта купцами гвоздей зависитъ задѣльная плата кузнецовъ. Купцы сохраняютъ въ тайнѣ цѣны своей продажи, а потому и кузнецы собственно не знаютъ, по какимъ цѣнамъ проданы ихъ издѣлія.

Лѣтъ двадцать пять тому назадъ вся торговля желѣзными издѣліями уломскаго края сосредоточена была въ рукахъ 60 или 65 домовъ, въ числѣ которыхъ двѣнадцать было купцовъ, а остальные были крестьяне-собственники. Эти промышленники были по большей части родомъ изъ уломскаго края и преимущественно начали свою дѣятельность кузнецами. Сверхъ торговцевъ въ краю находилось въ то время до 50 семей крестьянъ-кузнецовъ, которые покупали желѣзо на свой счетъ, перековывали его въ своихъ кузницахъ и затѣмъ сами продавали свой товаръ на ярмаркахъ.

Замоложскимъ краемъ въ Вязьминскомъ уѣздѣ называется мѣстность по лѣвую сторону рѣки Мологи, вплоть до границъ этого уѣзда. По качеству своей почвы замоложскій край можетъ быть раздѣленъ на двѣ части: песчаную боровую и тяжелую глинистую, отчасти каменистую. Такая почва можетъ быть сравнена съ почвою большей части Осташковскаго уѣзда и принадлежитъ къ наиболѣе безплоднымъ во всей Тверской губерніи. Замоложскій край представляетъ собою, въ волостяхъ Михайловской, Лопатинской, части Топалковской и части Никульской, обширную лѣсную равнину. Только въ югозападной части замоложскаго края, близъ устья рѣки Сырогожи и у лѣваго побережья рѣки Полонухи встрѣчаются высокіе и крутые холмы, поднимающіеся на 650 футовъ надъ уровнемъ моря. Пространство же между Мологою,

Полонухою и Сырогожею представляетъ равнину, почти сплошь покрытую болотами и въ изобиліи поросшую сосновымъ строевымъ лѣсомъ. Такъ въ Лопатинской волости, занимающей около 35,000 десятинъ по обѣимъ сторонамъ рѣкъ Сырогожи и Желѣзинки, находятся обширные казенные лѣса. Большая часть населенія состоитъ изъ кореловъ, въ числѣ которыхъ много оказывается ѳедосѣевцевъ. Лѣсъ, окружающій деревни Заболотье и Васютино (въ 120 верстахъ отъ Весьегонска и въ 70 верстахъ отъ Бѣжецка), принадлежащія къ Лопатинской волости, мѣстами чрезвычайно густъ и старъ и донынѣ доставляетъ великолѣпныя мачтовыя деревья. Лѣсъ этотъ изобилуетъ разнаго рода звѣрями и птицами; въ немъ водятся медвѣди, бѣлки, зайцы, куницы, рыси, лисицы, хорьки, ластки, норки, глухари, тетерева, куропатки, рябчики. На болотахъ встрѣчаются въ обиліи болотная дичь, а на озерахъ и рѣчкахъ утки, гуси, лебеди, послѣднія двѣ птицы, естественно, только пролетомъ. Прежде встрѣчались въ лѣсу сѣверные олени, стадами по двадцати штукъ, но съ появленіемъ лѣтъ за двадцать пять въ краѣ сибирской язвы, олени исчезли окончательно, а число лосей, которыхъ было до того времени очень много, значительно уменьшилось. За медвѣдями и лосями охота въ казенныхъ лѣсахъ воспрещена.

Крестьяне этихъ деревень занимаются рыбною ловлею на Мологѣ, гдѣ, кромѣ лова острогою и удою, употребляютъ въ дѣло такъ-называемые «затинки». Во время мелководія, особенно въ августѣ, какъ только въ рѣкѣ покажется рыба, то все мужское населеніе отправляется со своими судами и сѣтями на рѣку. На мелкомъ мѣстѣ, пониже какой-нибудь хорошей тони, рѣка перегораживается кольями, между которыми укрѣпляются сѣти. На версту повыше загороженнаго мѣста, рыболовы собираются на лодкахъ, разстанавливаютъ ихъ поперекъ рѣки въ порядкѣ и съ шумомъ направляются къ сѣтямъ съ цѣлію погнать туда передъ собою рыбу. Доплывъ до разстоянія около ста саженъ отъ сѣтей, часть рыболововъ загораживаетъ за собою рѣку, такимъ же образомъ какъ она впереди загорожена, чтобы рыба не могла уйдти назадъ и вновь начинаютъ шумъ и медленно подвигаются впередъ. Достигнувъ сѣти, всѣ рыболовы бросаются въ воду гнать рыбу и поднимать сѣти. Послѣ того поднимаются также сѣти, оставленныя назади. Пойманная рыба дѣлится поровну между всѣми участниками въ ловлѣ. Иногда каждому ловцу достается до двухъ пудовъ рыбы, а часто всего по нѣсколько фунтовъ. Крестьяне этой рыбы не продаютъ; она служитъ имъ замѣною мяса, котораго имъ неоткуда взять и съѣдается въ семьѣ. Болѣе всего ловятся язи, лещи, окуни, головли и очень рѣдко сомы. Охота за лѣсною дичью начинается преимущественно въ августѣ и сентябрѣ послѣ уборки полей. Болѣе всего охотятся за рябчиками, которыхъ много въ лѣсу и сбытъ которыхъ постоянно обезпеченъ, потому что за ними пріѣзжаютъ торговцы. Для охоты за бѣлкою необходима собака, а потому не всѣ занимаются этимъ промысломъ, хотя онъ также выгоденъ. Хорошій охотникъ въ осень и зиму зарабатываетъ около 30 рублей.

Съ очень давняго времени всѣ окрестные крестьяне занимаются смолокуреніемъ. Прежде можно было для того пользоваться казеннымъ лѣсомъ безъ всякаго стѣсненія и крестьяне устраивали свои ямы гдѣ хотѣли, брали для того не только сосновые пни, но и стоячій смолистый лѣсъ, и истребляли безъ толку много лѣса, но за то имѣли очень хорошій заработокъ. Когда же лѣсное вѣдомство прекратило рубку для того стоячаго лѣса и запретило устраивать въ лѣсу ямы, во избѣжаніе пожаровъ, то ямное производство стало выводиться. Мѣсто ямъ заняли чугунные котлы и желѣзные казаны, вслѣдствіе чего крестьяне стали получать болѣе продуктовъ изъ одного и того же количества сырого матеріала. Садка смолы производится обыкновенно въ исходѣ зимы и продолжается до начала сѣнокоса, а пни сосновые копаются осенью по уборкѣ полей. Эти крестьянскіе заводы устроены очень просто и состоятъ изъ четырехъ столбиковъ для поддержки крыши изъ корья или дранья, подъ которой стоитъ котелъ, вмазанный въ опечекъ изъ булыжника. Въ днѣ котла вдѣлана желѣзная трубочка для стока смолы, а подъ трубкою подложенъ деревянный лотокъ или цѣлое просверленное дерево, дли-

ною въ десять саженъ. Это дерево лежитъ въ землѣ немного покато и выходитъ наружу въ нарочно выкопанные ямы, въ которыхъ поставлены посудины для пріема вытекающей смолы. Такое устройство завода стоитъ крестьянамъ очень дешево; главная затрата бываетъ на смолокуренный котелъ съ крышею, который обходится слишкомъ 25 рублей.

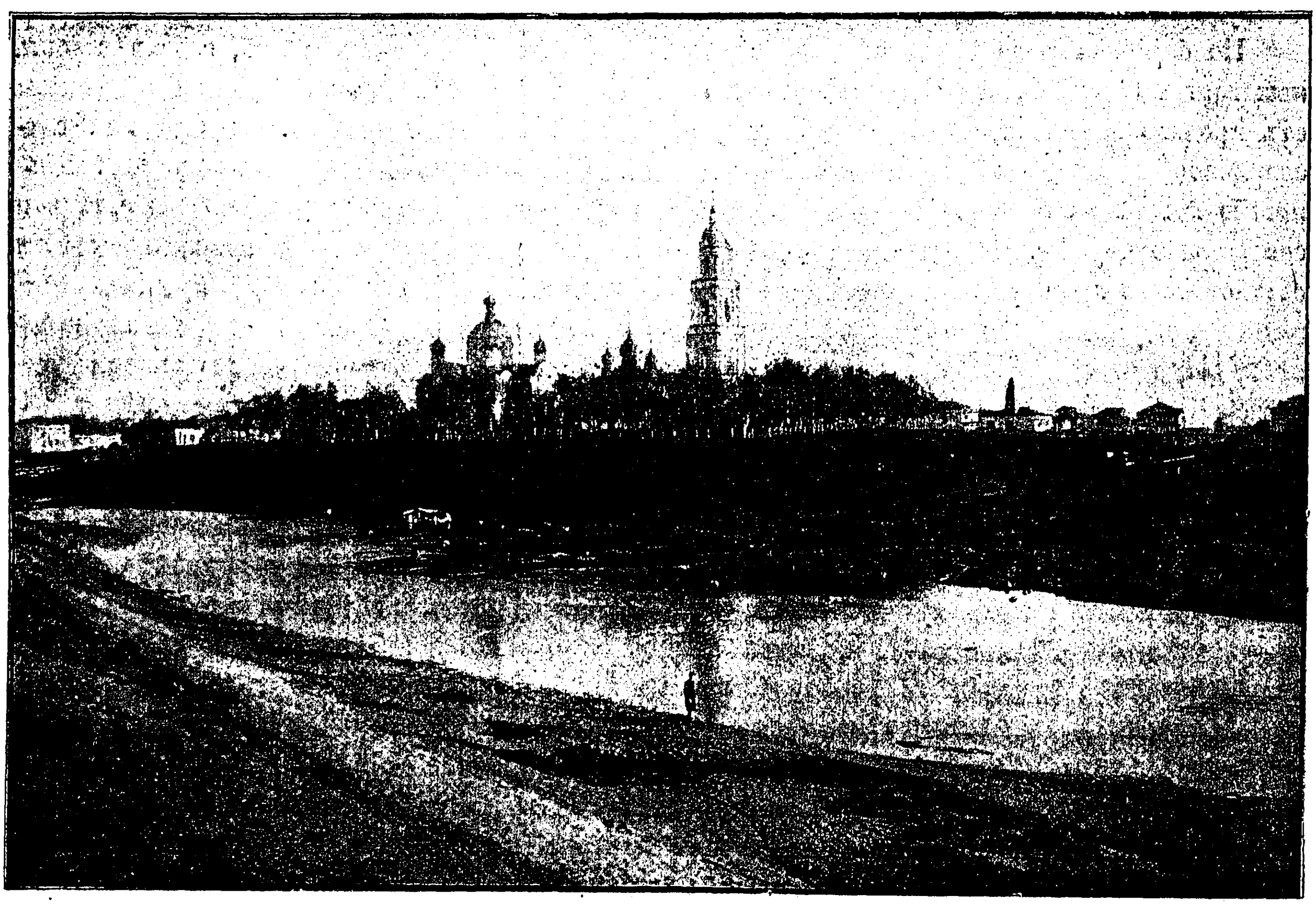
Въ этомъ краѣ сильно развита лѣсная промышленность, для чего лѣсъ ежегодно покупается изъ казенныхъ дачъ весьегонскаго лѣсничества, а также у окрестныхъ землевладѣльцевъ, дачами и выборочно. Лѣсъ этотъ сплавляется по Мологѣ къ Рыбинску, гдѣ и продается, почему и покупается преимущественно въ мѣстахъ, откуда его можно прямо вести на Мологу или сплавлять на нее по ея притокамъ. Лѣсъ сплавляется къ пристани Горькая Соль, Ярославской губерніи. Гонка состоитъ изъ нѣсколькихъ плотовъ, не менѣе десяти и не болѣе пятнадцати, а въ каждый плотъ входитъ отъ 35 до 100 деревъ, смотря по ихъ размѣрамъ. Гонки плывутъ отъ Заболотья до Горькой Соли около трехъ недѣль.

По берегамъ рѣки Сити, впадающей въ Мологу, въ Мологскомъ уѣздѣ, одна мѣстность называется Стичкою, а мѣстные жители ситскарями. Этотъ народъ значительно отличается отъ прочаго населенія своею наружностію, образомъ жизни и нарѣчіемъ. Сицкари или ситскари вообще средняго роста съ рыжеваторусыми волосами, съ незначительною растительностію волосъ на бородѣ. Между ними очень рѣдко встрѣчаются какъ совершенно русые, такъ и совершенно черные. Части ихъ тѣла вообще соразмѣрны всему организму, но замѣтна особая одутловатость лица. Походка ситскарей развалистая. Они отличаются вообще крѣпкимъ сложеніемъ, неутомимостію въ работѣ, медленностію въ своихъ движеніяхъ, сдержанностію въ поступкахъ не обнаруживаютъ предпріимчивости, которою вообще отличаются жители Ярославской губерніи и незамѣтно въ нихъ выдающейся склонности къ щеголеватости. Ситскари, какъ въ одеждѣ, такъ и въ домашнемъ быту довольствуются очень немногимъ. Они говорятъ преимущественно нѣсколько на распѣвъ, звукъ *д* дополняютъ звукомъ *з* (дзеревня, дзядя), а иногда опускаютъ звукъ *д*,—особенно передъ *н* (ни значитъ иди, нно—дно). Женщины вообще говорятъ хуже мужчинъ. Сверхъ земледѣлія, ситскари занимаются лѣснымъ промысломъ, постройкою барокъ по берегамъ Сити. «Сицкаря топоръ одѣваетъ и обуваетъ, а соха кормитъ», говорится въ этомъ населеніи. Сицкари считаются обрусѣвшими корелами, вышедшими въ Россію въ XVII столѣтіи, послѣ Столбовскаго мира со Швеціею. Извѣстно, что, для пополненія населенія, сильно поубавившагося въ смутное время, московское правительство привлекло къ переселенію въ свои предѣлы кореллъ православнаго исповѣданія изъ земель, отошедшихъ къ Швеціи по означенному миру. Московское правительство привлекло къ себѣ трудолюбивыхъ кореллъ-земледѣльцевъ временными льготами и хорошими земельными надѣлами. Многіе кореллы православнаго исповѣданія, жившіе въ нынѣшней Финляндіи и нынѣшней Петербургской губерніи, согласились переселиться. Но переселеніе ихъ совершалось очень медленно. Въ одной рукописи 1666 года сказано о бѣжецкихъ кореллахъ, что они сошли съ прежняго мѣста своего жительства лѣтъ тридцать тому назадъ, скитались все время по различнымъ вотчинамъ и только въ 1665 году поселились окончательно на опредѣленномъ для нихъ мѣстѣ. Первоначально кореллы приписаны были къ дворцовому вѣдомству, но впослѣдствіи многіе изъ нихъ попали въ крѣпостную зависимость къ частнымъ лицамъ. Вслѣдствіе челобитной кореллъ, указомъ 1698 года большинство ихъ были вновь приписаны къ дворцовому вѣдомству.

Край, прилегающій къ Шекснѣ съ лѣвой ея стороны, назывался въ древности Шехоною и Шехною, откуда и произошло названіе Пошехонье, какъ именуется нынѣ вся прирѣчная мѣстность, составляющая Пошехонскій уѣздъ Ярославской губерніи, въ настоящемъ его видѣ. Уѣздный городъ Пошехонье находится въ сѣверо-восточной части, своей губерніи, въ 110 верстахъ отъ города Ярославля, при рѣкахъ Согѣ и Согожѣ, въ красивомъ мѣстоположеніи. Встарину городъ Пошехонье назывался селомъ Пертомою. Это названіе встрѣчается въ спискѣ родовыхъ имѣній царя Ивана Грознаго и съ самаго ранняго времени входило въ составъ Яро-

славскаго удѣльнаго княжества, послѣднимъ удѣльнымъ княземъ котораго былъ Василій Даниловичъ, находившійся въ родствѣ съ московскимъ великимъ княземъ Иваномъ Калитою. По смерти князя Василія Даниловича, Ярославское княжество раздѣлилось на три удѣла, изъ которыхъ одинъ назывался «Шехонскимъ». Княжество это существовало до 1471 года, хотя не отличалось самостоятельностью уже со времени Ивана Калиты. Съ 1680 года въ селѣ Пертомѣ или Пошехоньѣ уже находилась воеводская канцелярія. Уѣзднымъ городомъ Ярославской губерніи село Пошехонье сдѣлано было съ 1778 года, такъ что въ качествѣ города существуетъ съ небольшимъ сто лѣтъ. Въ настоящее время въ немъ находится нѣсколько сотъ домовъ, въ томъ числѣ есть и каменные, и немногимъ болѣе 4000 жителей.

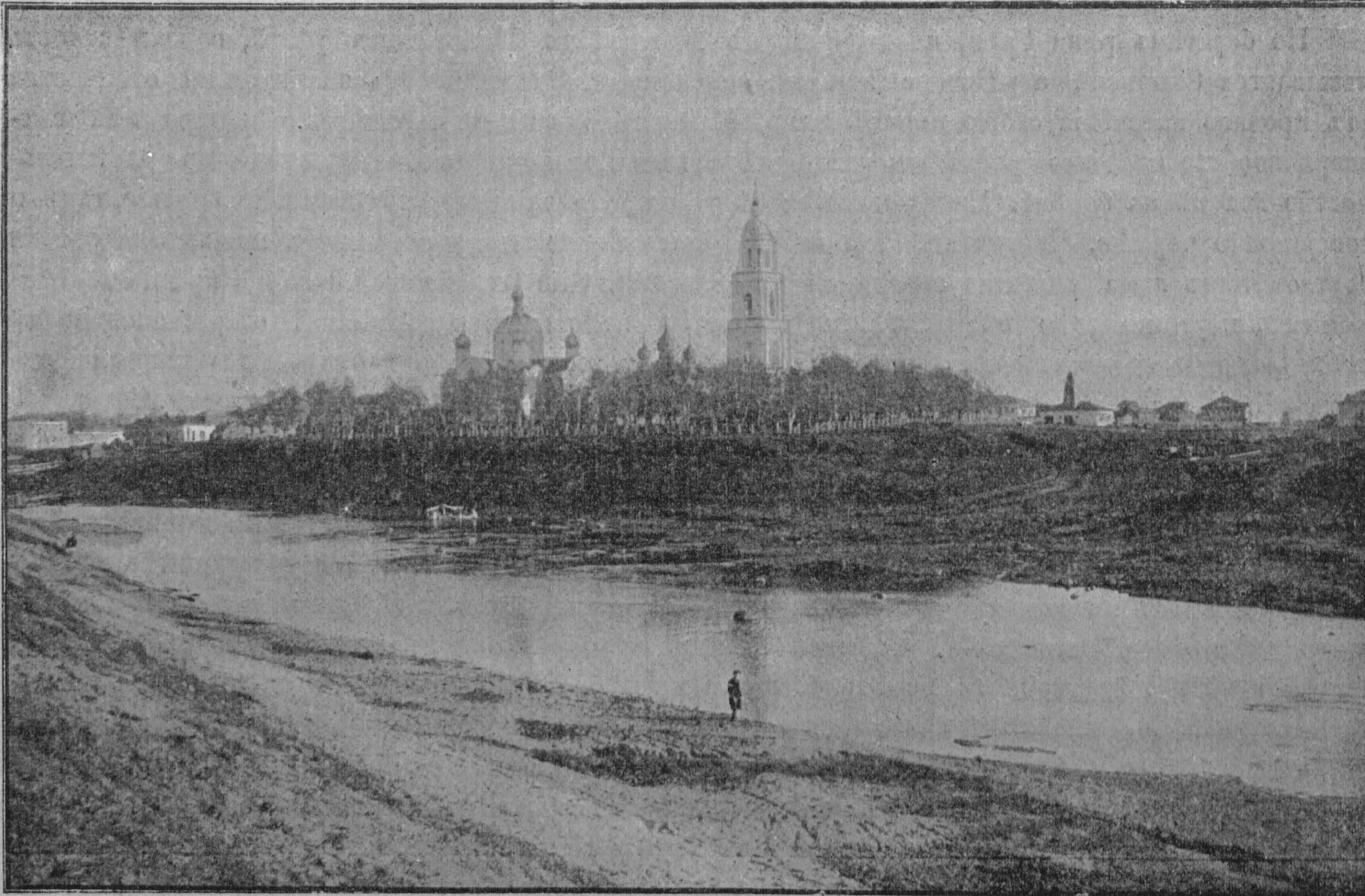
Пошехонскій уѣздъ, по описанію Е. И. Якушкина, отдаленный отъ значительныхъ торго

Городъ Пошехонье, Ярославской губ.

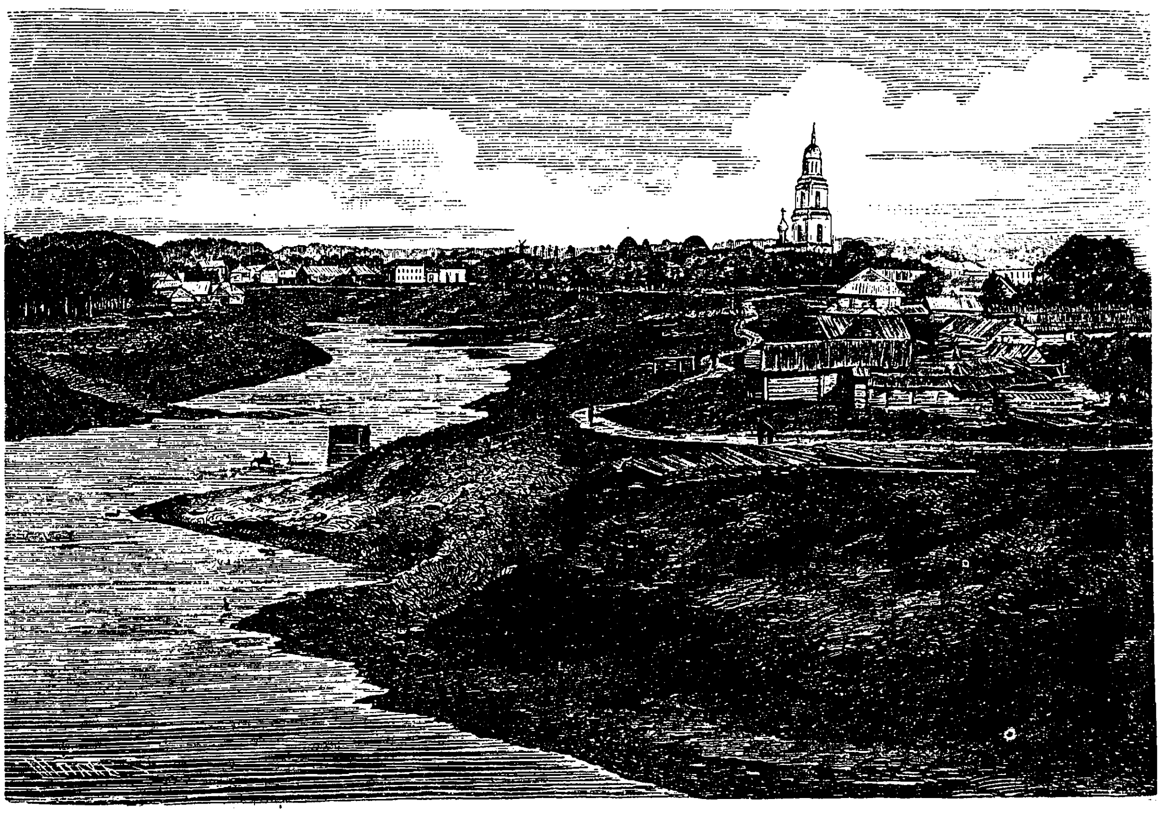
выхъ путей, примыкающій только на небольшомъ пространствѣ къ Шекснѣ, составляетъ по-преимуществу мѣстность земледѣльческую. Въ уѣздѣ нѣтъ ни значительныхъ торговыхъ селъ, ни большихъ фабрикъ; населеніе рѣдкое; отхожіе промыслы, сравнительно, мало развиты; сообщеніе въ большей части уѣзда, покрытой лѣсами и болотами, неудобное. Около двадцати лѣтъ тому назадъ въ городѣ Пошехоньѣ было только одно приходское училище, а во всемъ уѣздѣ—одна школа съ 17 учениками на 94,000 жителей. Поэтому не удивительно, что въ Пошехонскомъ уѣздѣ, больше чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Ярославской губерніи, сохранились остатки языческихъ вѣрованій. Въ народѣ Пошехонскаго края сохранилось множество и заговоровъ, употребляемыхъ при покражахъ, отъ болѣзней, отъ лихорадокъ, заговоры охотниковъ, рыбаковъ, пастуховъ, заговоры отъ начальниковъ и недобрыхъ людей, молитвы и заговоры при устройствѣ пасѣки и уходѣ за пчелами.

Списки заговоровъ очень распространены въ Пошехонскомъ уѣздѣ, но крестьяне неохотно

Городъ Пошехонье, Ярославской губ.

ихъ показываютъ, особенно неохотно передаются тѣ заговоры, въ которыхъ нѣтъ обращенія къ святымъ, напримѣръ заговоръ рыбаковъ *). Они составляютъ величайшую тайну и передаются по наслѣдству. Рѣдко крестьяне рѣшаются пересказать ихъ самымъ близкимъ пріятелямъ. Нѣкоторые заговоры вовсе не встрѣчаются въ спискахъ и переходятъ изустно изъ рода въ родъ, такъ какъ, по краткости своей, они легко удерживаются въ памяти,—напримѣръ, нѣкоторые заговоры отъ болѣзней,—вслѣдствіе чего собираніе ихъ представляетъ большія затрудненія. Люди, сами считающіе себя приверженцами старины, старовѣры, употребляютъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ заговоры наравнѣ съ православными, но къ нѣкоторымъ суевѣрнымъ обычаямъ они относятся крайне враждебно. Такъ украшеніе полотенцами и холстами крестовъ, поставленныхъ на перекресткахъ, осуждается старовѣрами и раскольниками и называется ими идолопоклонствомъ. Значительное развитіе раскола въ Пошехонскомъ уѣздѣ составляетъ глав-

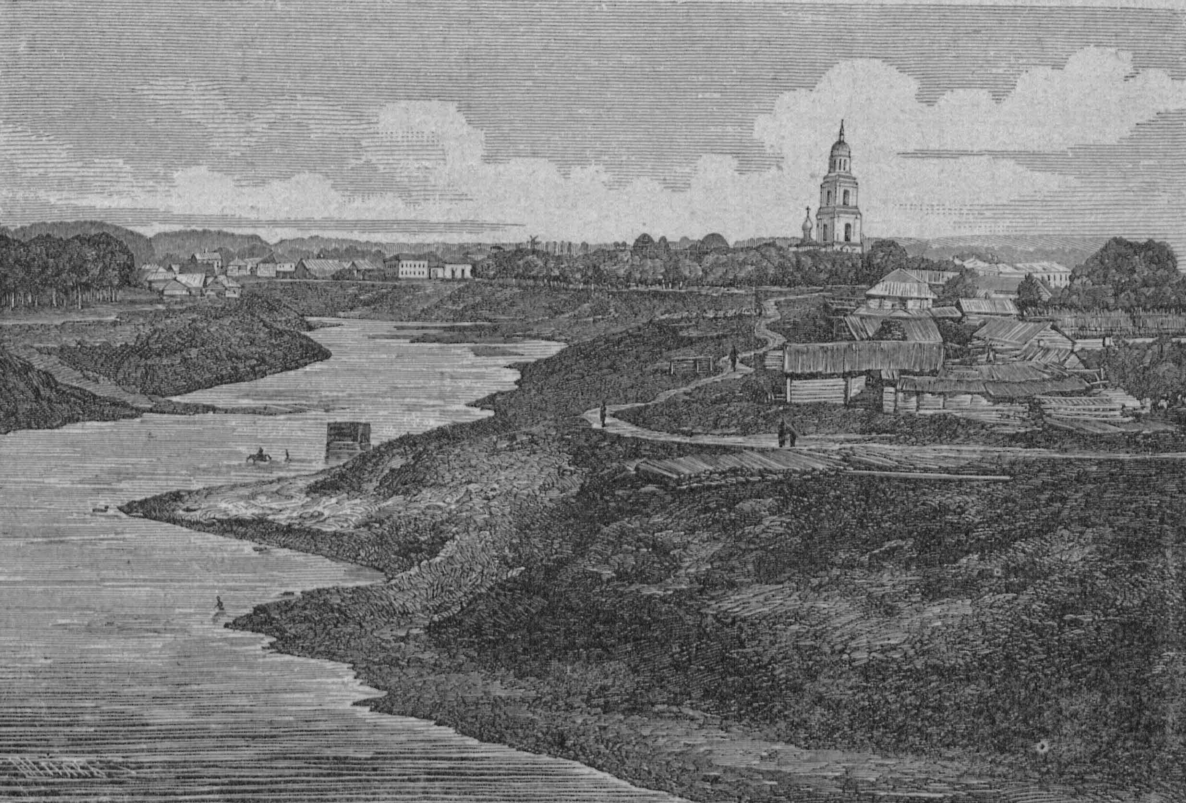

Южная часть города Пошехонья.

ную причину, вслѣдствіе которой обычай этотъ постепенно исчезаетъ, и въ настоящее время вѣроятно, совершенно прекратился въ этомъ краѣ.

Крестьянскія свадьбы въ Пошехонскомъ уѣздѣ связаны съ различными свадебными суевѣріями. По словамъ г. Дерунова, когда сватунья пришла сватать невѣсту, то во все время разговора съ ея родными она не должна садиться: хвалить жениха и договариваться обо всемъ она должна стоя. Если сватунья сядетъ — не будетъ счастья. Сколько ни заставляютъ ее са-

*) Заговоръ этотъ слѣдующій: „Встану я рабъ (имя рекъ) ранехонько, на утренней на зорюшкѣ, до восхода солнца краснаго, выйду я, не умывшись, на всѣ четыре стороны не перекрестившись. Пойду, выйду на быструю рѣку, на струю серединную, спущу я въ рѣку быструю до дна песчанаго, до остатковъ крѣпкихъ, свои сѣти, снасточки, крючечки, мережечки, засмоленные канатики. Стану я говорить на нихъ приговоры, призывы заповѣдные. На крючки иди, рыба красная, мягкотѣлая: осетры востроносые, налимы лѣнивые, стерлядочки жирныя, бѣлуга—лебедь бѣлая; въ мережку: щука вострая, окунь краснoперый, паланъ серебристый, головль, язь мягкобокій, плотичка красноглазая; въ сѣтки мелкотонкія: лещи широкіе, тихіе, судаки бѣлые, толстые, лини мягкіе. И во всѣ мои снасточки, во всѣ сѣти рыболовныя иди, вались, всякая рыба-рыбушка; набирайся, рыба-рыбушка, полнымъ-полно дотуга. Вы, эй, мои загонщики, я вамъ кланяюсь до струи воды, до желта песка. Пусть мои слова не тряхнутся, не поколеблются и не сотрутся ни отговорами, ни знахарями, не смоются водою чистою, не сотрутся пескомъ-каменьемъ, не закладутся травою во вѣки вѣковъ. Аминь. Кои слова переговорилъ—назади, не договорилъ—впереди.

Южная часть города Пошехонья.

диться, она откланивается; въ случаѣ крайности, если ноги устанутъ, она на колѣни встанетъ. Сговоренную невѣсту закрываютъ платкомъ, и она не показываетъ лица, чтобы не сглазили; народу ходитъ много, у иного и дурной глазъ. Когда къ вѣнцу сбираютъ невѣсту, то въ сарафанъ, рубашку, подолъ и воротъ втыкаютъ безухія иголки и булавки, а на тѣло повязываютъ обрывокъ мережки; все это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы невѣсту и молодого не испортили во время свадьбы. Новобрачныхъ за столомъ послѣ вѣнца и за княжескимъ столомъ (у новобрачнаго, на второй день свадьбы) садятъ непремѣнно на шубу, вывороченную вверхъ шерстью, чтобы ихъ не испортили и чтобы жили они богато, да водился бы у нихъ скотъ. Во время столованія за княжескимъ столомъ и первымъ столомъ новобрачные должны свои ноги переплесть или поставить нога на ногу, чтобы не пробѣжала между ними черная кошка. Если такой грѣхъ случится, молодые будутъ жить худо, какъ кошка съ собакою. Когда жениха и невѣсту приведутъ на церковную паперть, то они должны взяться за скобу у двери и сказать: «пусть всѣ скорби и болѣзни не пойдутъ съ нами подъ вѣнецъ, а остаются на тебѣ, на желѣзной скобѣ!» Между народомъ существуетъ суевѣріе, что желѣзо принимаетъ отъ человѣка всякую болѣзнь; въ особенности-же желѣзо ржавое, которое многіе крестьяне, во время повальныхъ болѣзней, носятъ на крестѣ. Когда на брачущихся надѣваютъ вѣнцы и священникъ говоритъ: «вѣнчается рабъ Божій такой-то», то послѣдній крестится и говоритъ тихо: «Я, рабъ Божій, вѣнчаюсь, а мои болѣзни не вѣнчаются». По понятію народа, если у брачущихся есть какія-либо болѣзни, да съ ними вѣнчаютъ, то ихъ никогда не вылѣчишь. Во время вѣнчанія, у котораго изъ брачущихся свѣча горитъ больше или погаснетъ, тому прежде умереть. Молодую вводятъ въ домъ къ свекру отъ вѣнца; тогда свекровь у воротъ суетъ новобрачной подъ пазуху пирогъ, который новобрачные и должны съѣсть въ тотъ-же самый день пополамъ. Это дѣлается для того, чтобы они жили сыто, въ любви, въ согласіи. Тотъ платокъ, подъ которымъ новобрачная, будучи сговоренною, плакала, оставляется навсегда въ домѣ ея родителей, его не берутъ для того, чтобы жить замужемъ—не плакать.

Соборъ въ г. Пошехонье, Ярославской губ.

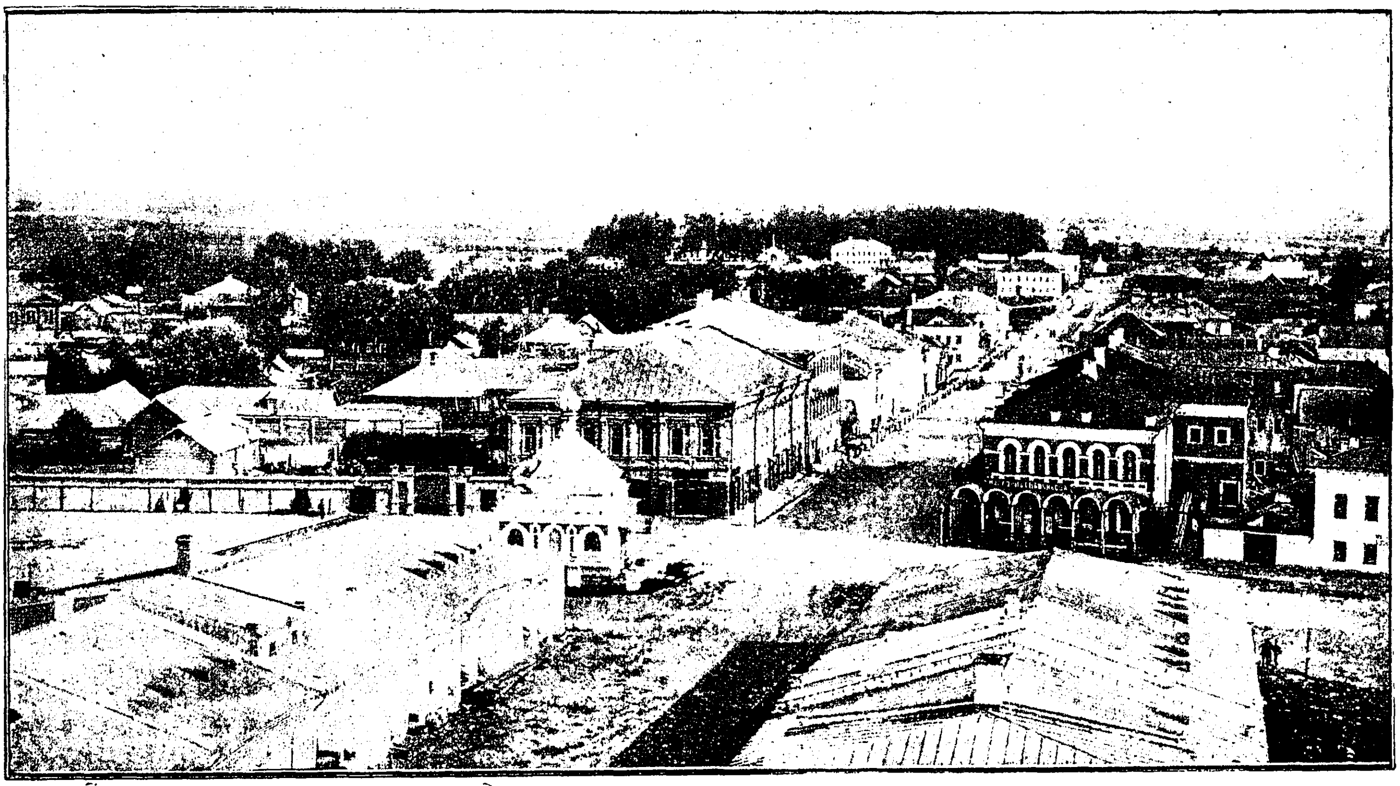
Свадебныя пѣсни пошехонцевъ отличаются смысломъ и извѣстнаго рода поэзіей и опровергаютъ существующее въ Россіи понятіе, что пошехонцы люди неразвитые, простоватые, легковѣрные. Много, какъ извѣстно, ходитъ о нихъ разсказовъ, особенно по поводу ихъ несообразительности: какъ, напримѣръ, они заплутались между трехъ сосенъ, какъ не могли разобрать чьи ноги подъ столомъ, когда спали вмѣстѣ, или какъ втащили на избу корову, чтобы она съѣла выросшую тамъ траву, какъ мѣсили толокно въ рѣкѣ и проч. Но они не такъ простодушны или глуповаты, какъ ихъ стараются выставить означенныя басни-вымыслы. Кустарные и отхожіе промыслы, развитые въ Пошехонскомъ уѣздѣ, напротивъ, свидѣтельствуютъ въ пользу даровитости въ извѣстной степени пошехонцевъ.

Изъ отхожихъ промысловъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ господствующимъ считается ремесло портного. Изъ нѣкоторыхъ волостей почти половина мѣстнаго населенія уходитъ портняжить въ губерніи: Петербургскую, Новгородскую, Тверскую, Олонецкую, Нижегородскую, Симбир-

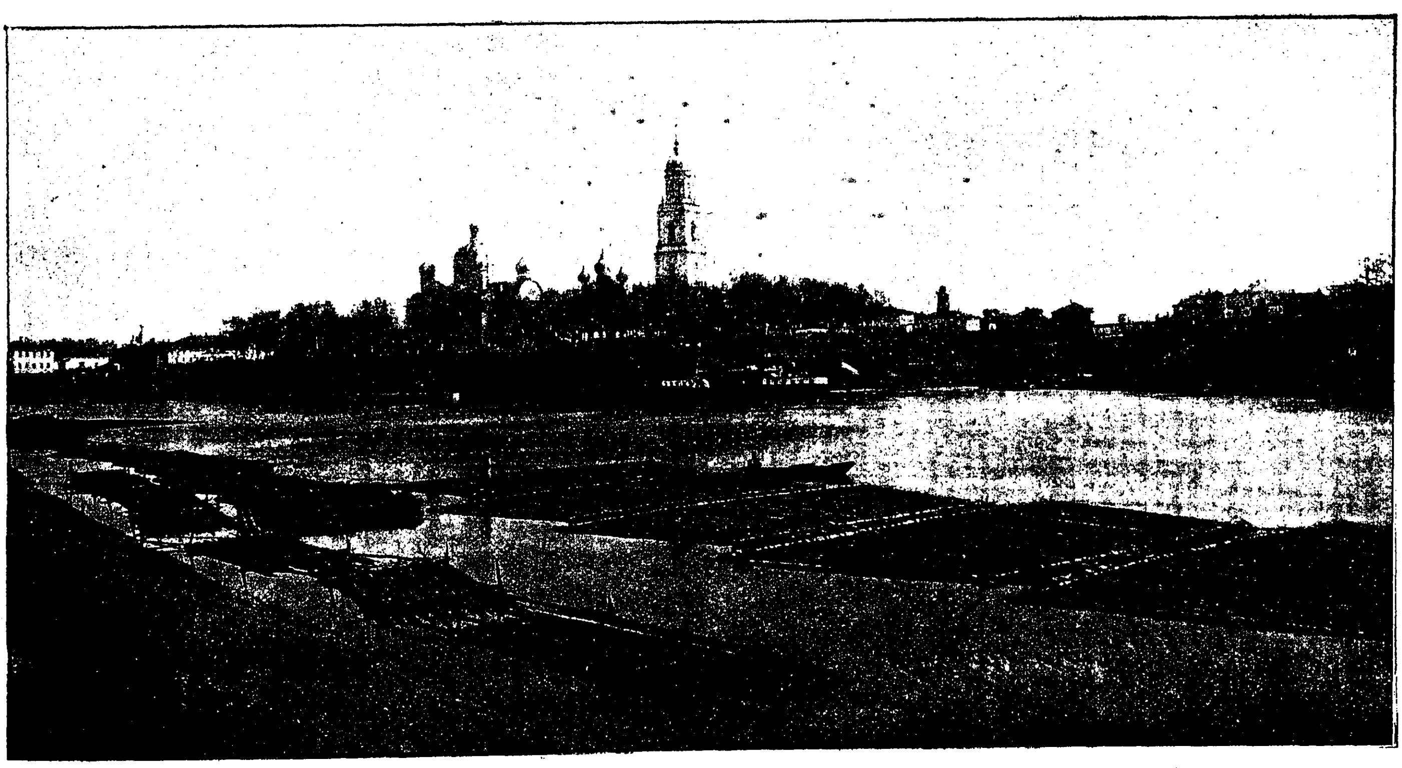
Соборъ въ г. Пошехонье, Ярославской губ.

скую, Казанскую и отчасти даже въ Архангельскую. Шитье русскаго платья составляетъ главную ихъ работу, хотя теперь стало входить въ большое употребленіе и нѣмецкое платье, по-

Городъ Пошехонье. Ярославская улица.

тому что особенно молодежь въ праздники по большей части носитъ пальто и сюртуки. Порт-

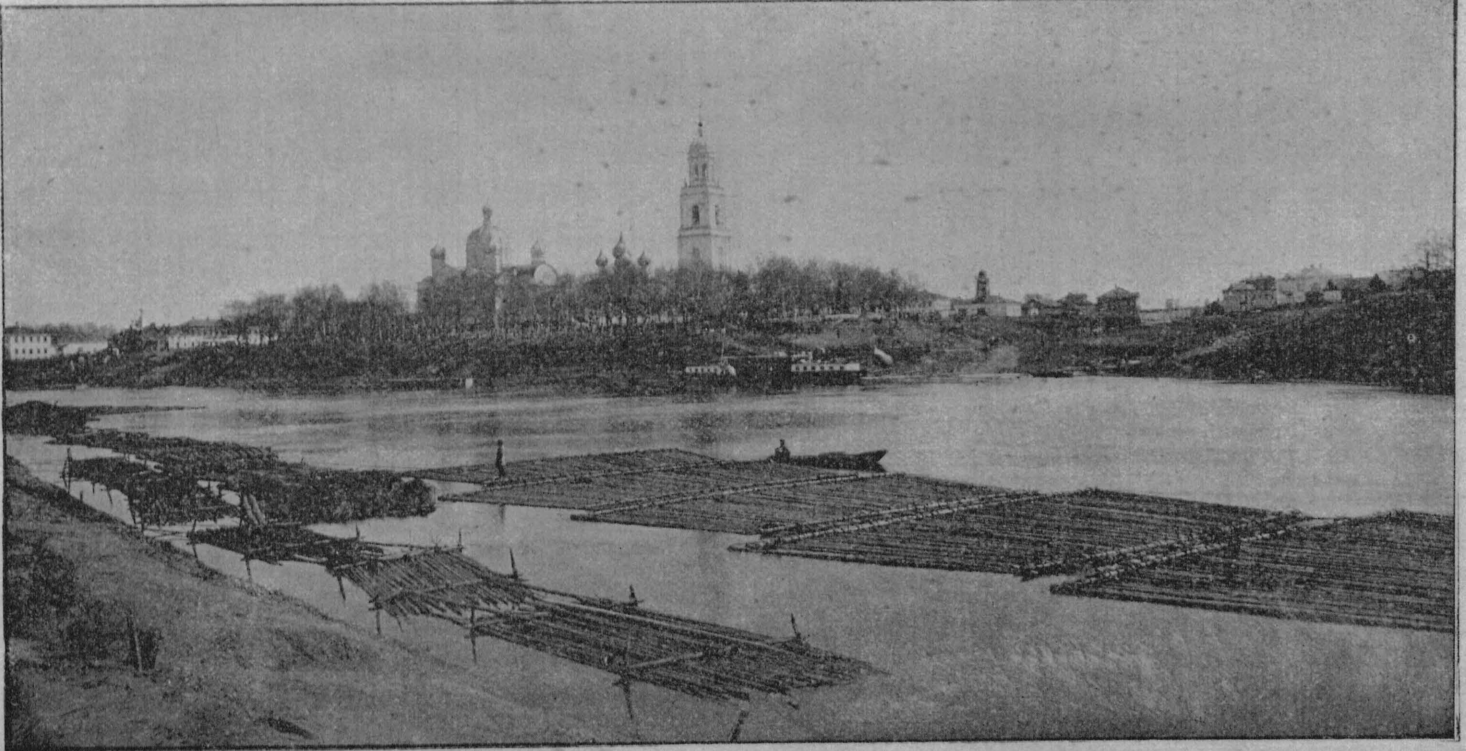

Видъ на рѣку Согожъ.

ной-хозяинъ обыкновенно собираетъ передъ отходомъ артель отъ трехъ до пяти человѣкъ и уходитъ съ ними около 15-го августа, возвращается же всегда не позже Петрова дня, т.-е. ко времени сѣнокоса. Плата опредѣляется хозяиномъ «окортная», отъ 30 до 60 р. въ зиму;

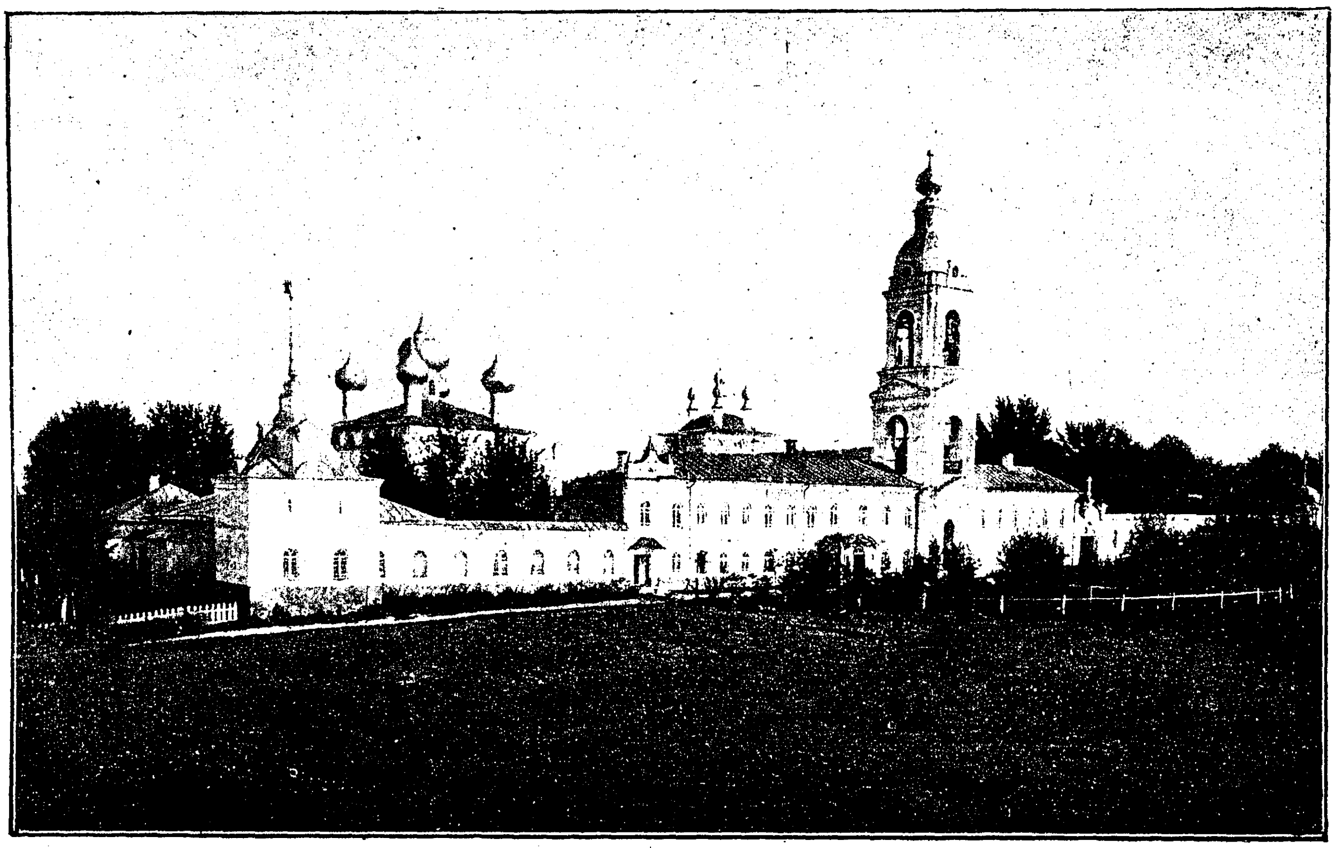
Городъ Пошехонье, Ярославская улица.

Видъ на рѣку Согожъ.

всѣ заказы или работы хозяинъ отыскиваетъ самъ, ходя изъ селенія въ селеніе. Многіе изъ хозяевъ иногда по нѣсколько лѣтъ не возвращаются домой, посылая только своимъ семьямъ деньги для платы повинностей. Хорошій хозяинъ можетъ заработать въ зиму болѣе 200 рублей. Съ введеніемъ швейныхъ машинъ портняжій отхожій промыселъ сталъ упадать. Пошехонцы отправляются также въ качествѣ прислуги въ Петербургъ, въ Москву и въ другіе большіе города, занимаются извозомъ между Рыбинскомъ и Вологдою, нанимаются крючниками въ Рыбинскѣ, лоцманами на судахъ.

Кузнечный промыселъ сдѣлался какъ-бы главнымъ только въ Щетинской волости, въ селахъ Спасъ-Мяксѣ и Шутонскомъ. Жители въ особенности занимаются производствомъ гвоздей, судовыхъ петель, болтовъ, скобъ и замковъ. Это производство перешло въ означенныя села съ давнихъ временъ изъ Уломы. Въ Мусорской волости, въ деревняхъ Мыдьевѣ и Спасъ-Ломѣ дѣлаются косы въ большомъ количествѣ, для чего желѣзо покупается въ Нижнемъ-Нов-

Адріановъ монастырь вблизи г. Пошехонья.

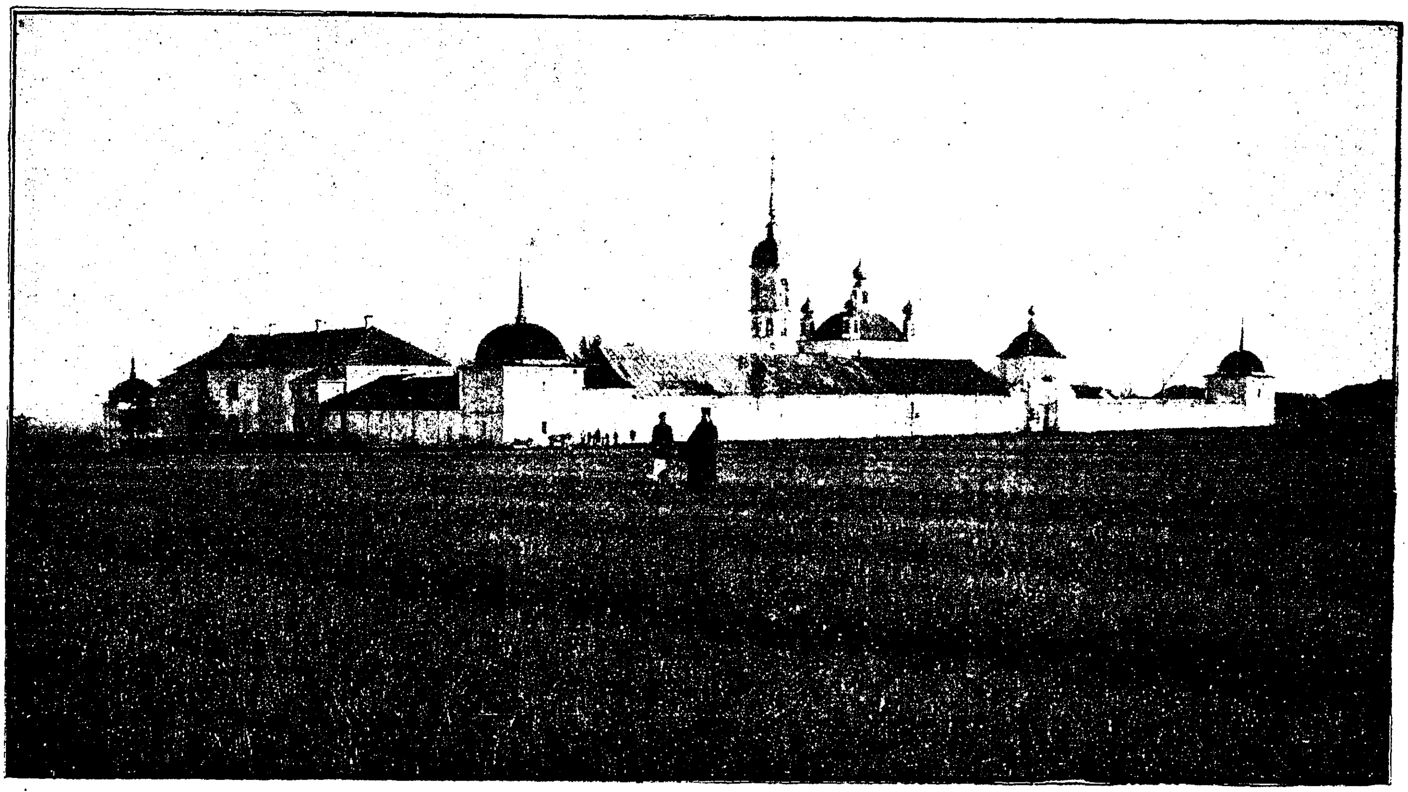
городѣ и Ростовѣ. Косы расходятся по всей губерніи на сумму 2,000 руб. Скорняжное производство существуетъ въ сорока мѣстностяхъ уѣзда, а шитьемъ полушубковъ заняты исключительно Бѣлоселы, Трутковской волости. Бондарный промыселъ особенно сильно развитъ въ Николо-Раменской волости, гдѣ селеніе Пыхань снабжаетъ своими произведеніями Ярославль, Ростовъ, Рыбинскъ. Промышленники эти обыкновенно называются «воробовцами» и они отличаются прочностью своихъ издѣлій, къ которымъ принадлежатъ чаны, шайки, кадки, грабли, ульи, ведра, плетни, обручи. Корзинщиковъ много въ волостяхъ Холмовской, Николо-Раменской и Катринской, гдѣ выдѣлываются лукошки изъ осиновой лучины. Гончары преобладаютъ въ волостяхъ: Займищевской, Мусорской, Меленковской и Ермаковской, а въ Мусорской волости, гдѣ есть удобная глина, выдѣлываютъ корчаги для гонки смолы. Корчаги также производятся въ деревняхъ Поповской, Повирово, Тимово. Кожевники выдѣлываютъ въ уѣздѣ изъ лошадиныхъ шкуръ юфть, а коровьи шкуры обрабатываютъ для доставленія на кожевенные заводы въ городъ Пошехонье, гдѣ число ихъ въ послѣдніе годы увеличилось. Этими производ-

Адріановъ монастырь вблизи г. Пошехонья.

ствами заняты въ Пошехонской волости села Дьяконово и Рождествено. Издѣліями изъ лыка и коры преимущественно занимаются въ Подорвановской волости, хотя промыселъ этотъ существуетъ въ уѣздѣ только для домашняго употребленія. Сверхъ того въ уѣздѣ есть немало сыромятниковъ, красильщиковъ, желѣзниковъ, столяровъ, плотниковъ, сапожниковъ, игрушечниковъ, печниковъ, рѣзчиковъ, золотобоевъ, иконорѣзцевъ, живописцевъ образной живописи. Въ селѣ Юдинѣ, въ Давыдковской волости, есть нѣсколько гармонщиковъ, изъ которыхъ иные достигли значительнаго совершенства въ приготовленіи этихъ инструментовъ. Немало крестьянскихъ дѣвицъ и бабъ занимаются вышиваніемъ на холстѣ, такъ какъ въ обыкновеніе русскихъ крестьянокъ давно уже вошло носить вышивныя рубашки, особенно съ роскошными низами, въ сѣнокосную пору или въ страдное горячее время.

Но особенно сильно развито во всемъ Пошехонскомъ уѣздѣ льноводство и ткачество. Преимущественно разведеніемъ льна занимаются на Ухтомѣ, гдѣ льну благопріятствуетъ плодород-

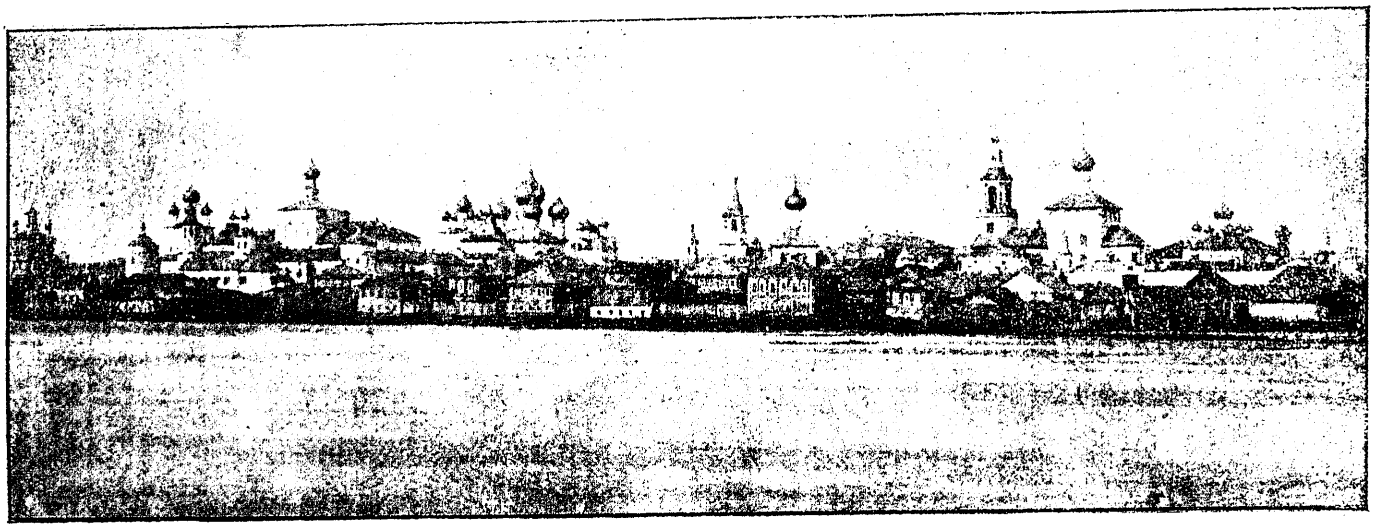
Мужской монастырь Исакова пустынь вблизи г. Пошехонья.

ныя, безлѣсныя земли. Пряжею, тканьемъ холстовъ, бѣленьемъ ихъ и проч. занято почти все женское населеніе уѣзда. Холсты ткутся шириною отъ 8 до 9 вершковъ и лентою отъ 17 до 22 аршинъ и скупаются на мѣстныхъ ярмаркахъ исключительно прасолами изъ Угличскаго уѣзда, по цѣнѣ отъ 7 до 16 коп. за аршинъ. Въ Пошехонскомъ уѣздѣ бываетъ въ году девять полотняныхъ ярмарокъ, а именно: 1) 22-го марта въ селѣ Воскресенскомъ, на Мусорѣ, гдѣ продается отъ 1,000 до 2,000 кусковъ бѣлыхъ полотенъ и отъ 5,000 до 10,000 кусковъ суровыхъ полотенъ и холстовъ; 2) 25-го марта въ селѣ Щетинскомъ продается бѣлыхъ холстовъ отъ 2,000 до 3,000 кусковъ и суровыхъ отъ 10,000 до 30,000 кусковъ; 3) въ Пошехоньѣ, въ седьмое воскресенье послѣ Пасхи (такъ называемое «полотняное воскресенье»), привозится бѣлыхъ холстовъ до 20,000 кусковъ и суровыхъ отъ 2,000 до 10,000 кусковъ; 4) въ селѣ Пятницѣ, въ девятую пятницу послѣ Пасхи, продается холста до 10,000 кусковъ; 5) въ селѣ Семеновскомъ, въ десятую пятницу послѣ Пасхи, продается бѣлыхъ холстовъ до 20,000 и суровыхъ до 10,000 кусковъ; 6) въ селѣ Бѣломъ, 29-го іюня, продается до 10,000 кусковъ; 7) въ селѣ Козьмодемьянскомъ, 1-го іюля, продается бѣлыхъ до 8,000 и суровыхъ

Мужской монастырь Исакова пустынь вблизи г. Пошехонья.

до 4,000 кусковъ; 8) въ селѣ Спасъ-на-Мяксѣ, 6-го августа, продается бѣлыхъ до 10,000 кусковъ и суровыхъ до 3,000 кусковъ; 9) 6-го декабря въ селѣ Кретинскомъ на ярмаркѣ продается до 5,000 кусковъ. Такимъ образомъ, въ Пошехонскомъ уѣздѣ вырабатывается ежегодно

Видъ Кремля г. Ростова съ озера Неро.

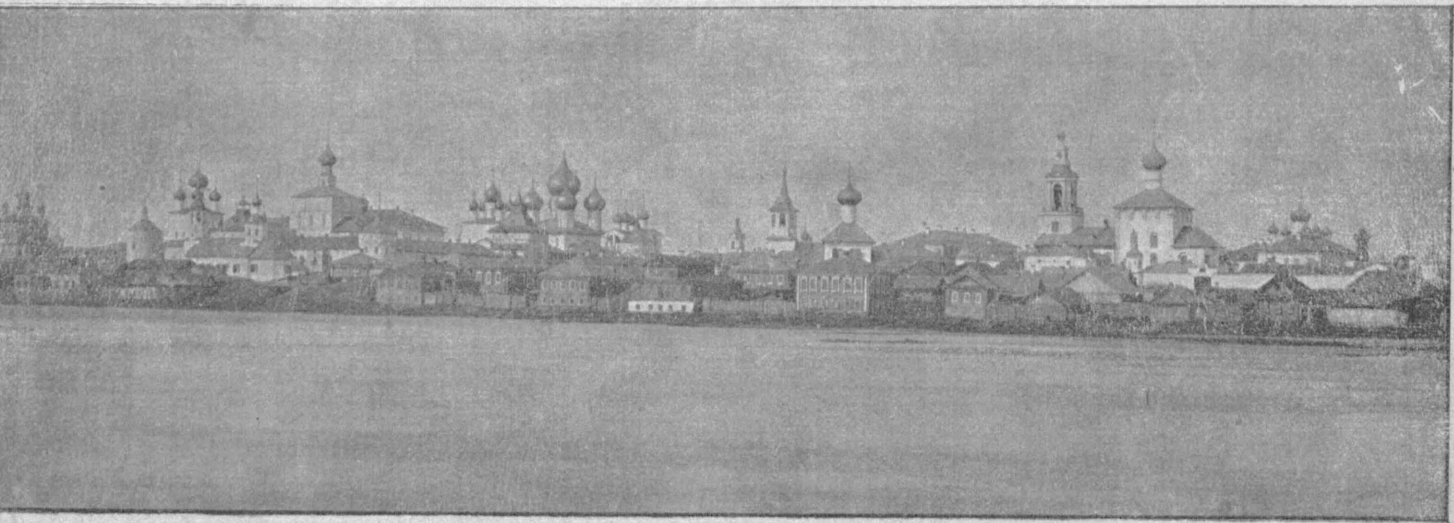
и сбывается холста не менѣе какъ на 200,000 р. Суровые холсты требуются преимущественно для Петербурга, откуда они отправляются заграницу, гдѣ идутъ на укупорку товаровъ.

Успенскій соборъ въ г. Ростовѣ.

Въ то время, какъ вышеназванный городъ представляетъ интересъ исключительно въ торговомъ отношеніи—Ростовъ является городомъ историческаго прошлаго и любопытенъ преимущественно своими памятниками старины.

Въ старину Ростовъ назывался «великимъ, славнымъ и многонароднымъ градомъ». Такого названія онъ вполнѣ заслуживалъ. Дѣйствительно, это былъ городъ очень населенный и раскинувшійся на большомъ пространствѣ. Ростовъ существовалъ уже на зарѣ русской исторіи, при князѣ Рюрикѣ. Въ то время этотъ славянскій городъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ финскимъ племенемъ мерянъ и другими народностями. Славяне естественно стали стремиться подчинить своей власти чуждыя имъ племена. Къ XI столѣтію ихъ старанія увѣнчались тѣмъ, что инородческія племена слились съ славянскимъ населеніемъ, и затѣмъ весь край началъ называться Ростовско-Суздальской землей. Христіанство распространилось въ этой землѣ сравнительно довольно поздно. Владиміръ Святой пытался было насадить здѣсь христіанскую вѣру, но ему удалось крестить лишь немногихъ. Большинство населенія упорно сопротивлялось. Первые епископы, назначенные въ Ростовъ, тщетно прилагали всѣ усилія водворить

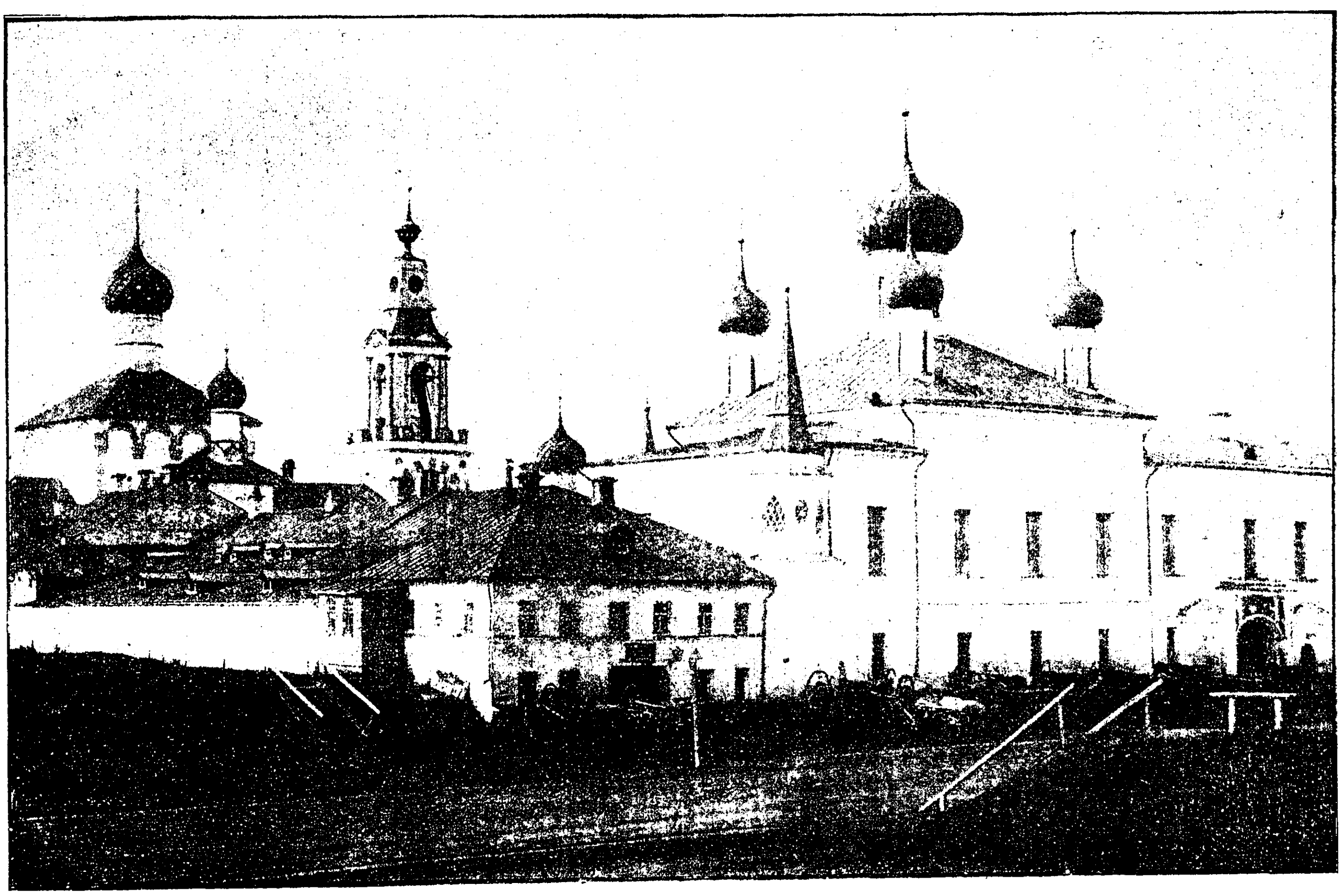

Видъ Кремля г. Ростова съ озера Неро.

Успенскій соборъ въ г. Ростовѣ.

ученіе Христа. Волхвы энергично натравляли народъ на епископовъ и поддерживали въ немъ постоянную смуту. Но служители церкви не унывали. Особенно ревностнымъ проповѣдникомъ явился Св. Леонтій, ставшій впослѣдствіи покровителемъ всей ростовской земли. Онъ поселился въ городѣ въ XI вѣкѣ и принялся обращать язычниковъ. Главное свое вниманіе Св. Леонтій обратилъ на дѣтей, такъ какъ по отношенію къ нимъ гораздо легче было дѣйствовать, нежели по отношенію къ взрослымъ. Кроткій епископъ не только воспитывалъ и просвѣщалъ дѣтей въ духѣ христіанской религіи, но заботился и о ихъ матеріальномъ благѣ. Среди взрослыхъ проповѣдь Леонтія имѣла также нѣкоторый успѣхъ. Толпа, однако, грубо бунтовала, и епископъ не разъ рисковалъ жизнью. Онъ не падалъ духомъ и вѣрно исполнялъ свой долгъ проповѣдника христіанскаго ученія, но въ 1073 году язычники все-таки добились своего: епископа убили, подвергнувъ его предварительно цѣлому ряду ужасныхъ мученій. Христіанство восторжествовало

Городъ Ростовъ. Рождественскій женскій монастырь.

здѣсь только въ самомъ концѣ XI и даже въ началѣ XII столѣтія, благодаря св. Авраамію. Этотъ выдающійся епископъ построилъ первый монастырь въ Ростовскомъ краѣ, а именно Богоявленскій, и дѣйствовалъ съ такой энергіей, что все населеніе восприняло христіанскую вѣру.

Въ первое время, самостоятельныхъ князей въ Ростовско-Суздальской землѣ не было; первый такой князь «садится» здѣсь въ лицѣ Юрія Долгорукаго, сына Владиміра Мономаха. Значеніе самостоятельнаго удѣла Ростовъ сохраняетъ вплоть до XIV вѣка. Этотъ періодъ ознаменованъ въ исторіи Ростовско-Суздальской земли смутами, княжескими междуусобицами и нашествіемъ татаръ. Въ XIV столѣтіи московскіе князья, подчинявшіе своей власти одинъ удѣлъ за другимъ, завладѣли и Ростовомъ. Дальнѣйшая исторія Ростова ничего интереснаго уже не представляетъ.

Городъ расположенъ на берегу озера Неро и насчитываетъ нынѣ около 12,000 жи-

Городъ Ростовъ. Рождественскій женскій монастырь.

телей. Онъ славится на всю Россію своими монастырями и церквами, которые и составляютъ главнѣйшую достопримѣчательность этого стариннаго города. Въ южной части Ростова находится Зачатьевскій Спасо-Яковлевскій монастырь съ прекрасными башнями, колоннами и венеціанскими пролетами. Въ этомъ монастырѣ почиваютъ мощи Св. Димитрія Ростовскаго, который въ началѣ XVIII столѣтія занималъ должность тамошняго митрополита. Св. Димитрій принадлежалъ къ числу блестящихъ и неутомимыхъ проповѣдниковъ. Онъ много потрудился на поприщѣ духовнаго просвѣщенія ростовцевъ. Сверхъ того, онъ извѣстенъ какъ составитель житій святыхъ. Мощи его открыты въ 1757 году и находятся нынѣ въ соборѣ Яковлевскаго монастыря, въ юго-западномъ углу церкви во имя зачатія Св. Анны. Мощи покоятся въ ракѣ изъ перваго серебра, открытаго въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Тутъ же помѣщается и гробница іеромонаха Амфилохія, служившаго 40 лѣтъ при мощахъ Св. Димитрія и считавшагося въ свое время однимъ изъ талантливѣйшихъ русскихъ иконописцевъ. По сосѣдству съ монастыремъ стоитъ Преображенская церковь, бывшая соборная церковь нахо-

Общій видъ Троицко-Варницкаго монастыря, гдѣ родился преподобный Сергій Радонежскій, въ 3-хъ верстахъ отъ г. Ростова.

дившагося здѣсь Княгинина монастыря, основанная въ XIII столѣтіи. Особенное вниманіе по древности происхожденія обращаетъ на себя Авраамієвъ Богоявленскій монастырь. Онъ основанъ еще въ концѣ XI столѣтія преподобнымъ Аврааміемъ Ростовскимъ, на мѣстѣ разрушеннаго имъ камня Волоса, которому поклонялись тогда жители Ростова. При мощахъ Авраамія, покоящихся въ серебряной ракѣ, находятся: его камковая шапка, вышитая золотомъ, и мѣдный крестъ отъ жезла, съ помощью котораго преподобный уничтожилъ камень Волоса. Жезлъ взятъ царемъ Іоанномъ Грознымъ въ 1552 году, посѣтившимъ монастырь и построившимъ тамошнюю соборную церковь. Въ Ростовѣ существуетъ еще Петровскій монастырь, основанный ордынскимъ царевичемъ Петромъ въ XIII вѣкѣ. Петръ приходился племянникомъ хану Берке, который управлялъ Золотой Ордой послѣ Батыя. Царевичъ былъ крещенъ въ христіанскую вѣру ростовскимъ епископомъ Кирилломъ. Мощи Петра покоятся въ основанномъ имъ монастырѣ. Въ ближайшихъ окрестностяхъ Ростова расположенъ, наконецъ, Варницкій Троицкій монастырь. Въ городѣ имѣется еще женскій монастырь, а именно Рождественская обитель съ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери. Основаніе монастыря относятъ къ XIV сто-

Общій видъ Троицко-Варницкаго монастыря, гдѣ родился преподобный Сергій Радонежскій, въ 3-хъ верстахъ отъ г. Ростова.

лѣтію. Изъ мѣстныхъ церквей замѣчательна Соборная Успенская, построенная княземъ Андреемъ Боголюбскимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше стояла дубовая. Основаніе послѣдней пріурочиваютъ еще къ концу X столѣтія. Успенская церковь, построенная въ чисто византійскомъ стилѣ, нѣсколько разъ обрушивалась отъ пожара и нѣсколько разъ реставрировалась. Главными святынями собора являются мощи св. Леонтія, святителя Ростовскаго, и икона Богородицы работы иконописца XI вѣка, Алипія. По поводу этой иконы, называемой Владимірской, въ виду того, что она попала въ Ростовъ чрезъ Владиміра Мономаха, сохранился слѣдующій, весьма любопытный разсказъ. «Нѣкоторый воевода кіевскій, желая имѣть семь иконъ, работы Алипія, для созидаемой имъ церкви, поручилъ двумъ печерскимъ монахамъ просить его объ этомъ трудѣ и далъ имъ на то деньги; но монахи, взявъ деньги, вытребовали отъ него еще два раза значительную сумму, подъ предлогомъ, что иконописецъ недоволенъ платою, присвоили себѣ все золото, скрыли доски и не сказали ни слова Алипію. По жалобѣ воеводы, обманъ открылся, и когда было велѣно отыскать скрытыя иноками доски, то, ко всеобщему изумленію, на этихъ доскахъ были найдены святыя иконы, начертанныя невидимою рукою».

Общій видъ Дмитріевскаго монастыря съ озера Неро.

Вблизи собора находится старинная четырехглавая колокольня съ 4 просвѣтами и тринадцатью колоколами, расположенными въ одинъ рядъ. Основана колокольня въ XVI вѣкѣ митрополитомъ Іоною. Самый большой колоколъ называется «Сысоемъ» и вѣситъ 2,000 пудовъ. Около Успенскаго собора помѣщается бывшая Ростовская митрополія съ архіерейскимъ домомъ и пятью церквами: храмъ Воскресенія Христова, Смоленской Богоматери Одигитріи, Св. Іоанна Богослова—онъ существовалъ, по словамъ Кирилловской лѣтописи, еще въ XIII столѣтіи,—Св. Григорія Богослова и Всемилостиваго Спаса на сѣняхъ, съ замѣчательно роскошнымъ внутреннимъ устройствомъ. Митрополія, окруженная со всѣхъ сторонъ каменной стѣной, напоминаетъ кремль, и потому ростовцы называютъ ее кремлемъ. Кремлемъ называется также и вся внутренняя часть города, огражденная земляным валомъ. Всѣ постройки возведены главнымъ образомъ митрополитомъ Іоной. Въ Кремлѣ замѣчательны еще отдаточная палата съ собраніемъ иконъ и царскихъ вратъ XVII и XVIII вѣковъ изъ разныхъ мѣстъ Ярославской губерніи; Бѣлая палата, выстроенная митрополитомъ Іоной въ 1675 году и содержащая въ себѣ собраніе различной церковной утвари, иконъ, рукописей, старыхъ книгъ и проч.; Іонинская палата; княжьи терема, въ которыхъ когда-то жили ростовскіе князья.

Общій видъ Дмитріевскаго монастыря съ озера Неро.

Въ Ростовѣ существуетъ городская публичная библіотека, пять училищъ, въ томъ числѣ одна женская прогимназія, городской общественный банкъ и больница.

Фабрично-заводская дѣятельность развита въ Ростовѣ очень слабо. Имѣется всего 20 фабрикъ, съ ежегоднымъ производствомъ на нѣсколько милліоновъ рублей. Самое значительное по оборотамъ предпріятіе—это «Товарищество ростовской льняной мануфактуры». Въ годъ вырабатывается до 60 тысячъ пудовъ пряжи. Изъ прочихъ предпріятій заслуживаетъ вниманія цикорный заводъ Селиванова. Продукты этого завода расходятся на всю Россію и славятся своей отмѣнной доброкачественностью. Но если промышленность и слабо развита, за то ростовцы уже издавна пользуются репутаціей лучшихъ въ Россіи огородниковъ. Огородничество ведется здѣсь промышленнымъ способомъ и сосредоточено въ окрестностяхъ Ростова, въ

Церковь Іоанна Богослова вблизи г. Ростова, построенная въ 1687 г.

селахъ Угодичахъ, Воржи, Порѣчьи, Борисовскомъ и др. Преимущественное вниманіе обращено на культуру гороха и на приготовленіе консервовъ сладкаго горошка. Этимъ горохомъ снабжаются многіе города Россіи, въ томъ числѣ и обѣ столицы. Затѣмъ разводятъ еще въ большомъ количествѣ цикорій, мяту, тминъ, огурцы и проч. Въ Ростовъ ѣдутъ даже учиться огородничеству. Чтобы судить о развитіи въ этой области огородничества, надобно вспомнить, что Ростовъ славится по всей Россіи своими овощами и удовлетворяетъ ими большую ея часть и особенно сѣверную полосу. Такъ, одна ростовская станція желѣзной дороги ежегодно отправляетъ изъ Ростова 650,000 пудовъ картофеля, 350,000 пудовъ луку, 6,000 пудовъ огурцовъ, 30,000 пудовъ горошка и цикорія 310,000 пудовъ.

Ростовскіе огородники извѣстны своимъ искусствомъ не только у насъ, но и заграницей, и нѣкоторые цѣлыми селеніями выселялись для этого производства въ Америку, а одинъ,

Церковь Іоанна Богослова вблизи г. Ростова, построенная въ 1687 г.

именно Золотокудровъ, занимался имъ съ успѣхомъ во Франціи. Разнообразіе въ огородномъ производствѣ удивительное. Кромѣ лука, рѣпы, моркови, сельдерея, горошка и прочихъ овощей, въ Ростовѣ растятъ мяту, шалфей, базиликъ, маіоранъ, пиллонъ, острогонъ, чаберъ, укропъ, калуферъ, мелиссу, ружу, ромашку, земляную грушу, макъ, бобы, цикорій и множество другихъ.

Въ торговомъ отношеніи городъ играетъ значительную роль. На 1-ой и на 2-ой недѣлѣ Великаго поста въ Ростовѣ устраивается ярмарка, такъ-называемая Сборная. Раньше эта ярмарка была весьма значительна. Въ 1821 г., напримѣръ, сюда привезли всевозможнаго товару на $8^1/_2$ милліоновъ рублей. Теперь она начинаетъ мало-по-малу падать и привозъ не превышаетъ 2 милліоновъ рублей. Такое паденіе очень понятно; благодаря желѣзнымъ дорогамъ, всѣ необходимые товары можно скоро и удобно получить изъ Москвы и изъ другихъ городовъ.

Р. С. Дорошкевичъ.

ОЧЕРКЪ IX.

ГЛАВНЫЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ РАIОНЪ.

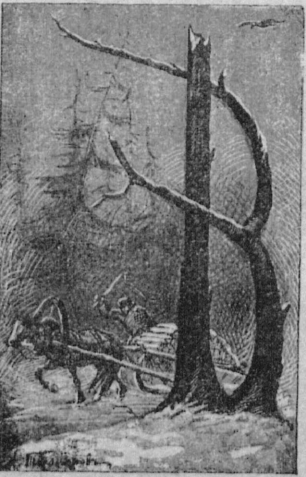
Общій обзоръ Владимірской губерніи въ географическомъ и промышленномъ отношеніи. — Владиміръ, исторія города, описаніе, фабрики, заводы, разныя промышленныя предпріятія. — Ивансво-Вознесенскъ. — Шуя. — Суздаль. — Переяславль. — Муромъ. — Ковровъ.

ВЛАДИМІРСКАЯ губернія лежитъ на срединѣ пути между двумя важнѣйшими пунктами внутренней Россіи—Москвою и Нижнимъ — и занимаетъ пространство въ 42.831 кв. версту. Поверхность губерніи неровная: она представляетъ волнистую равнину. Нѣкоторыя возвышенности, которыми пересѣкается эта равнина, достигаютъ 700 футовъ. Отдѣльные кряжи образуютъ водораздѣлы между Волгой, Окой, Клязьмой и ихъ притоками. Почву Владимірской губерніи нужно отнести къ числу неплодородныхъ: большая часть пространства или глинистая или песчаная. Глинистая полоса находится между Клязьмою, Пекшею, Перлью и водораздѣломъ этихъ рѣкъ. Поверхность всей полосы волнистая и изрыта глубокими оврагами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно въ уѣздахъ Юрьевскомъ и Переяславскомъ, вмѣсто глины обнаруживается черноземъ. Кромѣ песчаной почвы встрѣчаются еще полосы хрящеватая и суглинистая. Изъ ископаемыхъ богатствъ имѣются бѣлая глина, гипсъ, желѣзная руда, алебастръ, ежегодная добыча котораго доходитъ до 500 тысячъ пудовъ, известнякъ и торфъ.

Лѣсовъ во Владимірской губерніи сохранилось много. Муромскіе лѣса пріобрѣли историческую извѣстность. Они когда-то были необычайно густы и изобиловали разбойниками. Проѣзжавшіе и проходившіе черезъ Муромскіе лѣса ежеминутно рисковали попасть въ руки «лихихъ людей».

Губернія орошается рѣками Волжскаго, Окскаго и Клязьминскаго бассейновъ. Къ судоходнымъ принадлежатъ Ока, Клязьма, Теза и Лухъ. По губерніи разсѣяно много болотъ и озеръ; большая часть послѣднихъ невелики. Климатъ довольно постоянный и здоровый, какъ и вообще во всѣхъ губерніяхъ центральной Россіи.

По первой всеобщей переписи 1897 года въ губерніи насчитывается 187.753 человѣка населенія: 96.539 мужчинъ и 91.214 женщинъ.

Земледѣліе слабо развито во Владимірской губерніи, въ зависимости отъ почвы. Исклю-

Общій видъ г. Владиміра на Клязьмѣ.

ченіе составляетъ полоса земли между Суздалемъ и Переяславлемъ, гдѣ трудъ земледѣльца вознаграждается довольно хорошо. Существуютъ мѣстности въ этомъ пространствѣ, въ которыхъ жители не только въ состояніи прокормить себя земледѣліемъ, но и могутъ сбывать зе-

Общій видъ г. Владиміра на Клязьмѣ.

Городъ Владиміръ. Видъ на Золотыя Ворота.

По обработкѣ волокнистыхъ веществъ (бумажныя и льняныя и др. издѣлія), Владимірская губернія имѣетъ наибольшее число фабрикъ; но развиты также и производства: красильное, мѣдное и желѣзодѣлательное. Размѣры же производства слѣдующія: бумагопрядильное—32.184 тысячъ руб.; ситцевое—31.469 т. р.; бумаго-ткацкое — 28.123 руб.; красильное — 14.158 р.; миткалевое—5.688 р.; мѣдное и мѣдно-латунное—4.539 т. р.; полотняное—4.388 т. р.; желѣзодѣлательное и чугунно-плавильное—2.930 т. руб.

Успенскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ.

Каждая отрасль промышленности сосредоточивается, — какъ и въ другихъ около московныхъ губерніяхъ,—въ опредѣленныхъ уѣздахъ и городахъ. Центромъ хлопчато-бумажной промышленности служатъ: Шуя, Иваново-Вознесенскъ и Александровъ. Фабрики разсѣяны здѣсь чуть не на каждомъ шагу и производятъ огромное количество товара. Надо, однако, сказать, что мѣстныя хлопчато-бумажныя издѣлія разсчитаны главнымъ образомъ на вкусъ невзыскательныхъ потребителей. Помимо фабрикъ, производствомъ хлопчато-бумажныхъ товаровъ занимаются еще кустари, преимущественно въ уѣздахъ Александровскомъ, Ковровскомъ, Переяславскомъ, Суздальскомъ и Шуйскомъ. Нынѣ въ кустарномъ ткачествѣ замѣчается утрата его

мледѣльческіе продукты въ другія части губерніи. Ежегодно въ губерніи добывается около 30 милліоновъ пудовъ хлѣба. Важную роль въ мѣстномъ хозяйствѣ играетъ воздѣлываніе льна. Особенно крупнаго развитія культура его достигла въ Меленковскомъ уѣздѣ, гдѣ она составляетъ главное занятіе жителей. Общая площадь посѣва льна доходитъ до 50 тысячъ десятинъ. Ленъ идетъ отчасти на мѣстныя фабрики, отчасти за-границу. Садоводствомъ занимаются почти исключительно крестьяне, при томъ главнымъ образомъ—въ Вязниковскомъ уѣздѣ. Здѣсь особенное вниманіе обращаютъ на разводку вишневыхъ деревъ. Владимірскія вишни издавна славятся повсемѣстно въ Россіи. Огородныя произведенія культивируются въ окрестностяхъ Мурома, Суздаля и Иваново-Вознесенска. Эти произведенія потребляются не только на мѣстѣ, но служатъ также и предметомъ вывоза въ обѣ столицы. Скотоводство во Владимірской губерніи также не процвѣтаетъ, какъ и земледѣліе. Въ довольно удовлетворительномъ состояніи

Городъ Владиміръ. Видъ на Золотыя Ворота.

находится оно лишь тамъ, гдѣ имѣются подходящіе луга, какъ-то: по берегамъ Оки, Клязьмы и ихъ притоковъ.

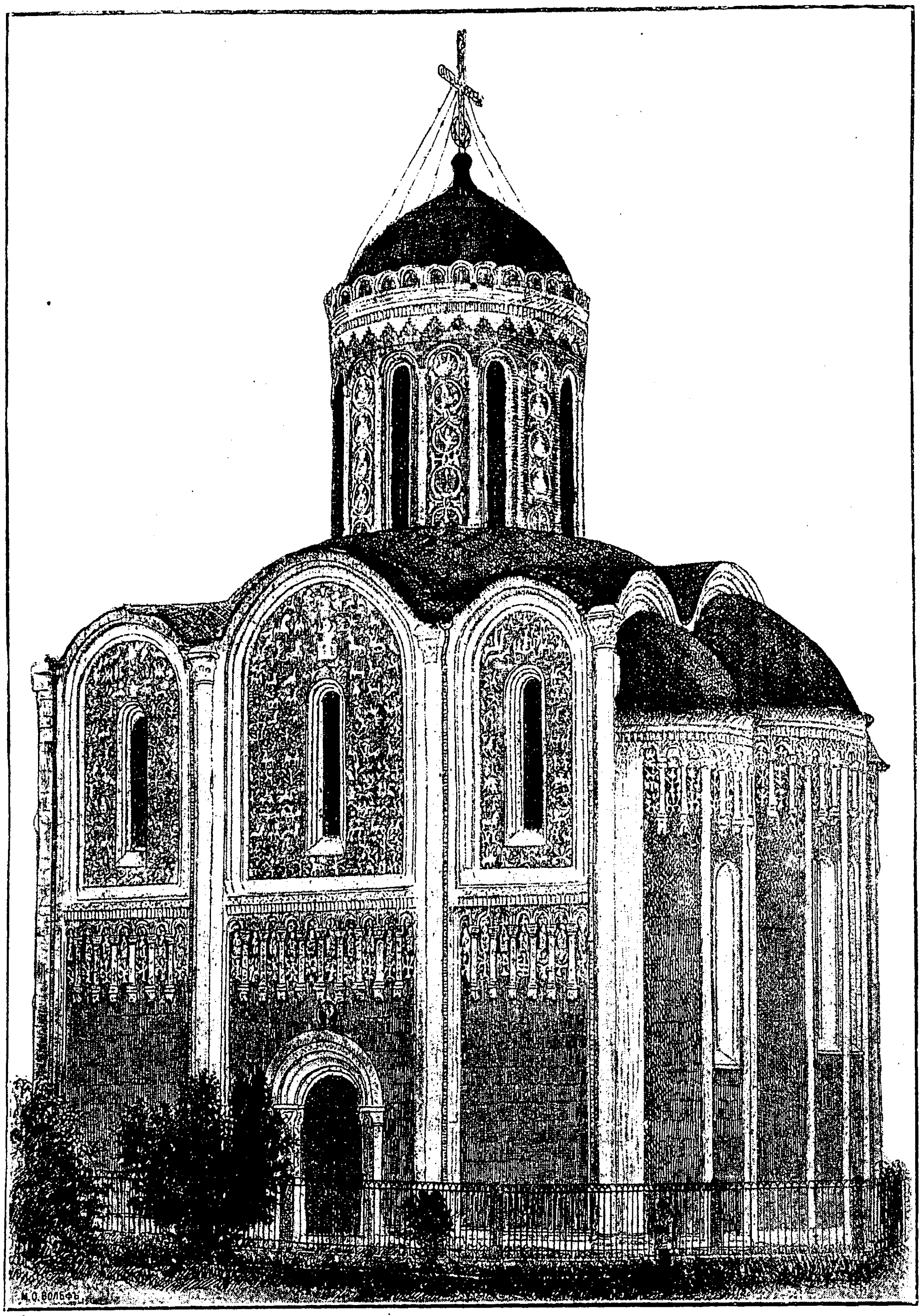
Несмотря, однако, на слабое развитіе перечисленныхъ отраслей труда, жители Владимірской губерніи пользуются хорошимъ достаткомъ. Это обусловливается тѣмъ, что эта губернія издавна славится своею промышленностью. По суммѣ оборотовъ обрабатывающей промышленности она стоитъ на третьемъ мѣстѣ всѣхъ губерній Россійской Имперіи: на первомъ мѣстѣ — Московская, съ производствомъ въ 277 милліоновъ рублей ежегодно; на второмъ — С.-Петербургская—на 213 милліоновъ; на третьемъ—Владимірская—около 140 милліоновъ. Главное вниманіе обращено здѣсь на мануфактурную промышленность, въ чемъ Владимірская губернія занимаетъ третье мѣсто; въ отношеніи-же хлопчато-бумажной промышленности, она стоитъ даже на первомъ: изъ числа всѣхъ нашихъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій, около одной трети принадлежитъ Владимірской губерніи.

Въ 1895 году въ губерніи насчитывалось: 1.566 фабрикъ и заводовъ и около 124 тысячъ рабочихъ; ежегодное производство около 138 милліоновъ рублей.

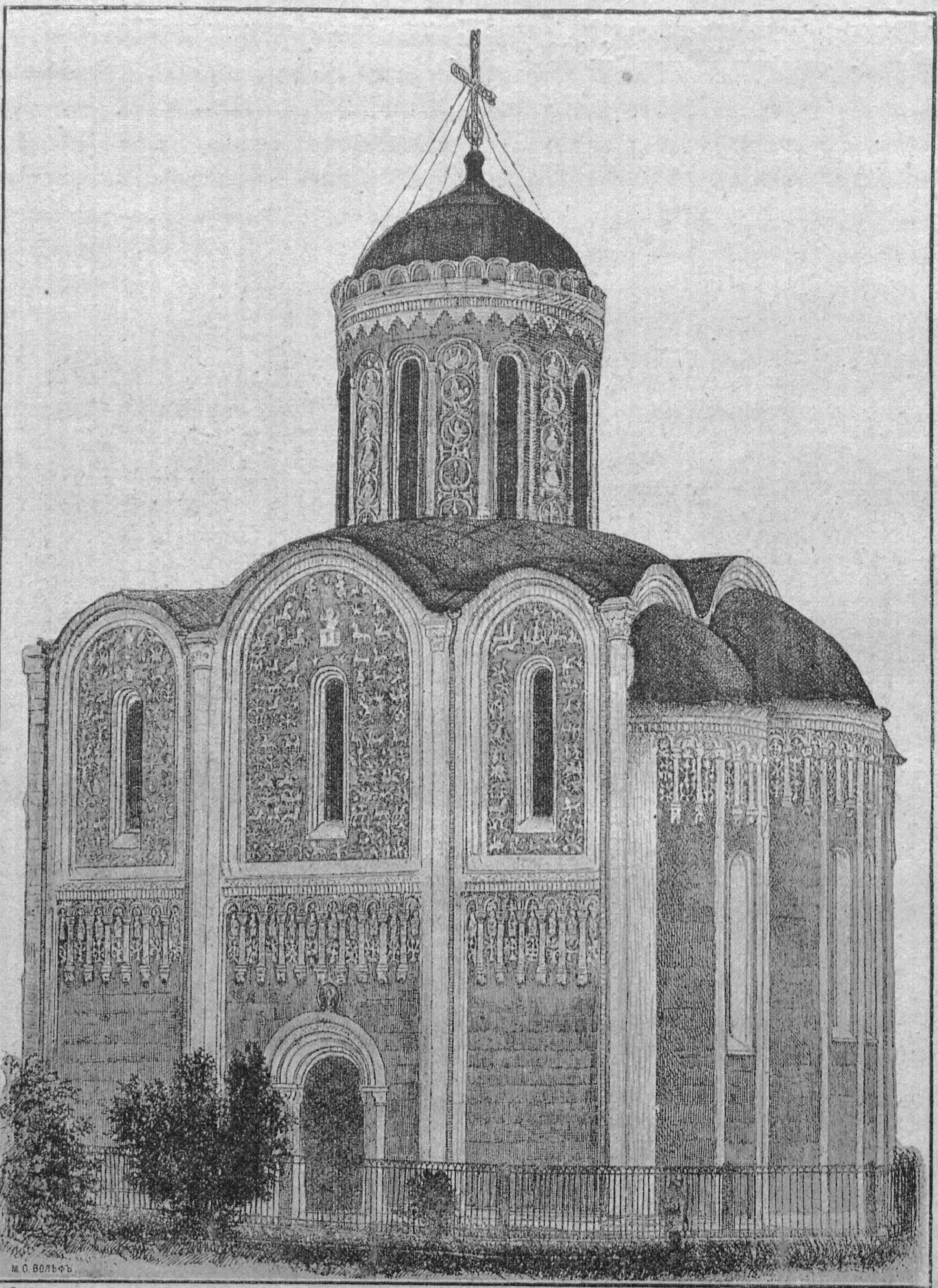
Успенскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ.

самостоятельности и подчиненность фабрикамъ. Кромѣ того, съ развитіемъ механическаго ткачества, кустари прекращаютъ выработку болѣе простыхъ сортовъ тканей, которые оставляютъ за собою механическое ткачество, ткачи же кустари переходятъ къ выдѣлкѣ болѣе

Димитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ.
(Съ западной стороны).

сложныхъ и цѣнныхъ тканей, лучше исполняемыхъ на ручныхъ станкахъ. Производство простого миткаля, напримѣръ, въ деревняхъ кустарнымъ способомъ все болѣе и болѣе сокращается, а кустари начинаютъ заниматься преимущественно выдѣлкою гардинъ, тканьевыхъ одѣялъ, салфетокъ, платковъ, обшивныхъ лентъ, тика, нанки, сарпинки, холстинки, кирги-

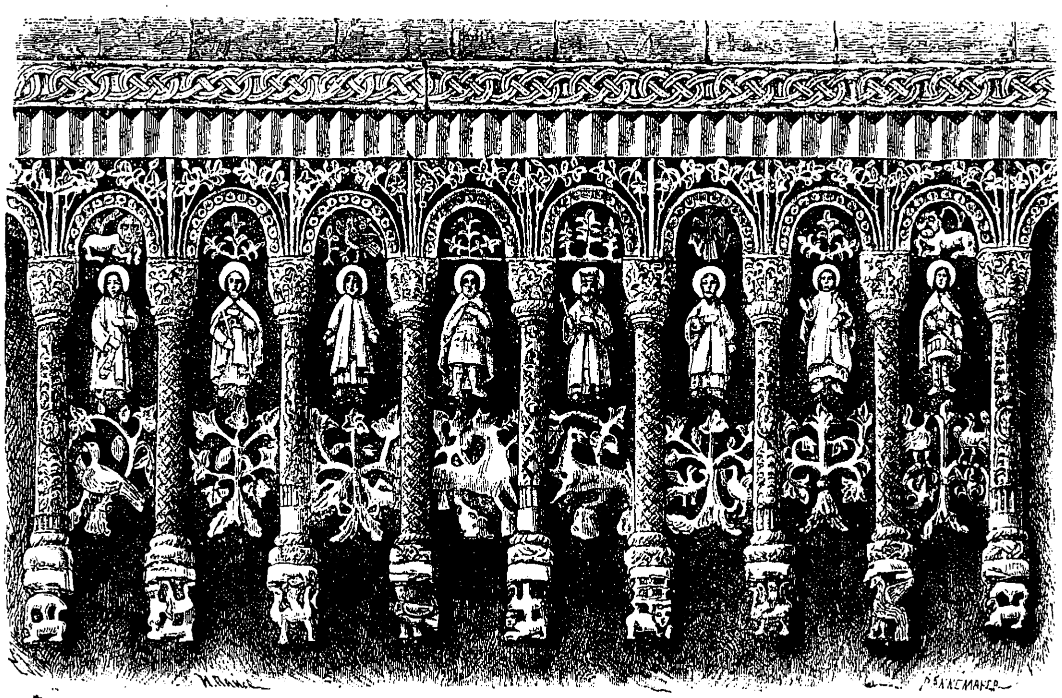

Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ.
(Съ западной стороны).

зины, фланели, шотландки, саржи, твину, русинета, демикотона, молескина, камлота, трико, плиса, полубархата, бумазеи, штофной кисеи, подкладной кисеи, марли и полубатиста.

Несмотря на существованіе машинъ для размотки бумаги, и по настоящее время значительная, если не бо́льшая часть пряжи, употребляемой на бумаго-ткацкихъ фабрикахъ, разматывается по деревнямъ крестьянками ручнымъ способомъ. Къ ручной размоткѣ бумаги побуждаетъ фабрикантовъ прибѣгать крайняя дешевизна труда. Размотка бумаги производится на дому и на харчахъ работницы, при чемъ плата выдается фабрикантами обыкновенно лишь въ извѣстные сроки, напримѣръ, три раза въ годъ—на Рождество, Пасху и передъ Петровымъ днемъ. Только немногіе изъ нихъ выдаютъ часть платы въ неурочное время.

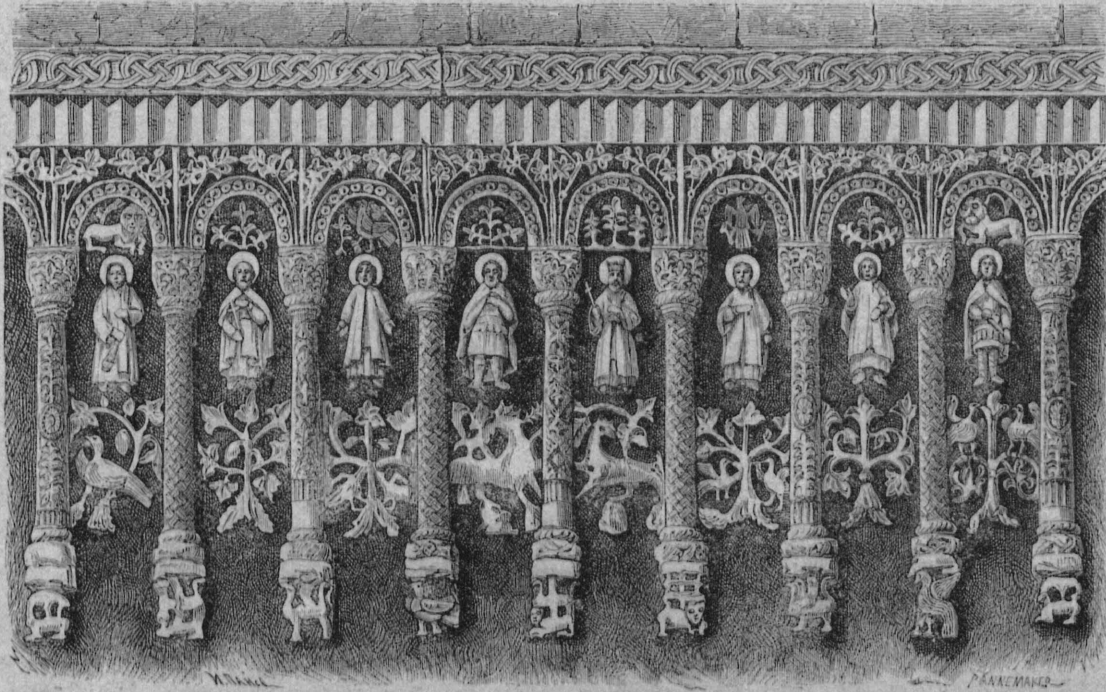
Поразительная дешевизна, съ которой работаютъ кустари, разумѣется, на руку такъ-называемымъ скупщикамъ, которые разъѣзжаютъ по деревнямъ, скупаютъ у населенія хлопчатобумажныя издѣлія и продаютъ ихъ затѣмъ втридорога. Безъ скупщиковъ кустарямъ, впрочемъ, не обойтись: иначе имъ трудно сбыть товаръ. Центрами льняной и полотняной промышленно-

Рѣзной поясъ на южной сторонѣ Димитріевскаго собора во Владимірѣ.

сти являются главнымъ образомъ уѣзды Меленковскій и Вязниковскій и городъ Муромъ. Послѣдній знаменитъ парусным полотномъ, половиками и нѣкоторыми другими тканями. Указанная отрасль процвѣтаетъ также въ уѣздахъ Шуйскомъ и Переяславскомъ.

Стекло, фарфоръ и хрусталь производятся въ Меленковскомъ и Суздальскомъ и въ южной части Покровскаго уѣзда. Покровскій уѣздъ извѣстенъ еще своимъ шелковымъ производствомъ. Желѣзодѣлательные и чугунные заводы расположены преимущественно на югѣ Владимірской губерніи и это весьма понятно: здѣсь сохранилось гораздо больше лѣсовъ, нежели въ сѣверной части, а безъ лѣсовъ заводская дѣятельность не можетъ успѣшно развиваться. Кустари занимаются сверхъ того слѣдующими промыслами: скорняжнымъ, кожевеннымъ, деревяннымъ и кузнечнымъ. Какъ было сказано уже выше (во второмъ очеркѣ), въ селахъ Мстерѣ, Холуѣ и Палехѣ, расположенныхъ въ Вязниковскомъ уѣздѣ, издавна процвѣтаетъ очень оригинальная отрасль промышленности, а именно иконописаніе. Иконы эти такъ-называемаго «суздальскаго письма»; сами иконописцы носятъ названіе «суздальскихъ богомазовъ». Принципъ раздѣленія труда здѣсь строго соблюдается: одинъ кустарь только расписываетъ иконы, другой снабжаетъ ихъ подписями и т. д. Работаютъ «богомазы» чрезвычайно дешево, но работа ихъ, за немно-

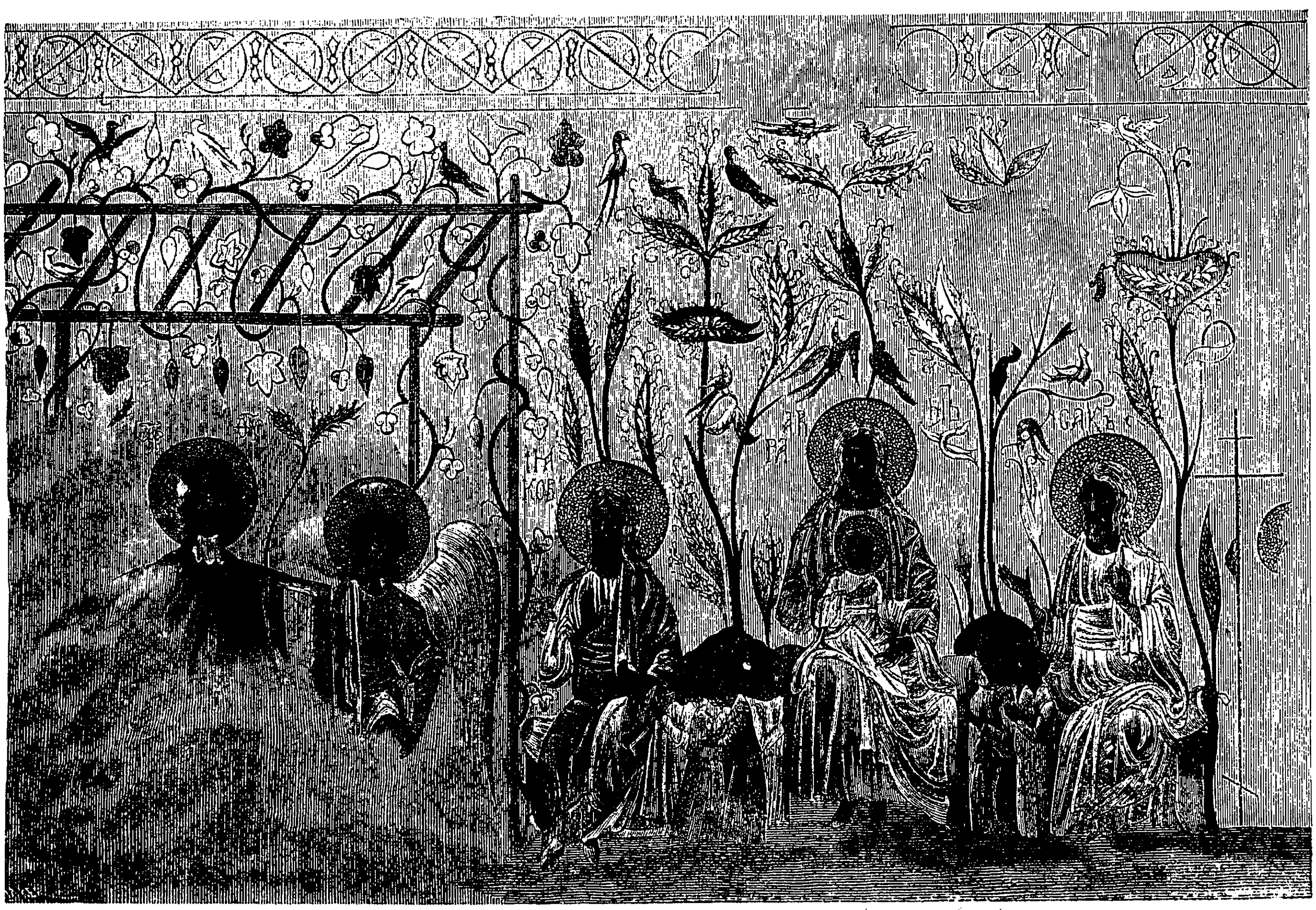

Рѣзной поясъ на южной сторонѣ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ.

гими исключеніями, очень грубая. Въ общей сложности иконописаніе даетъ, однако, весьма значительный чистый доходъ. Въ 1896 году, напримѣръ, чистый доходъ равнялся 8.000 руб. Владимірскія иконы расходятся на всю Россію.

Такъ-называемые отхожіе промыслы очень развиты, и губернія ежегодно поставляетъ большое количество всевозможныхъ рабочихъ въ Москву и другіе города имперіи. Жители уѣздовъ Вязниковскаго, Гороховецкаго, а главнымъ образомъ Ковровскаго занимаются еще разносной торговлей. Они скупаютъ въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ разные товары и продаютъ ихъ по деревнямъ. Эти «офени» расхаживаютъ по всей Россіи.

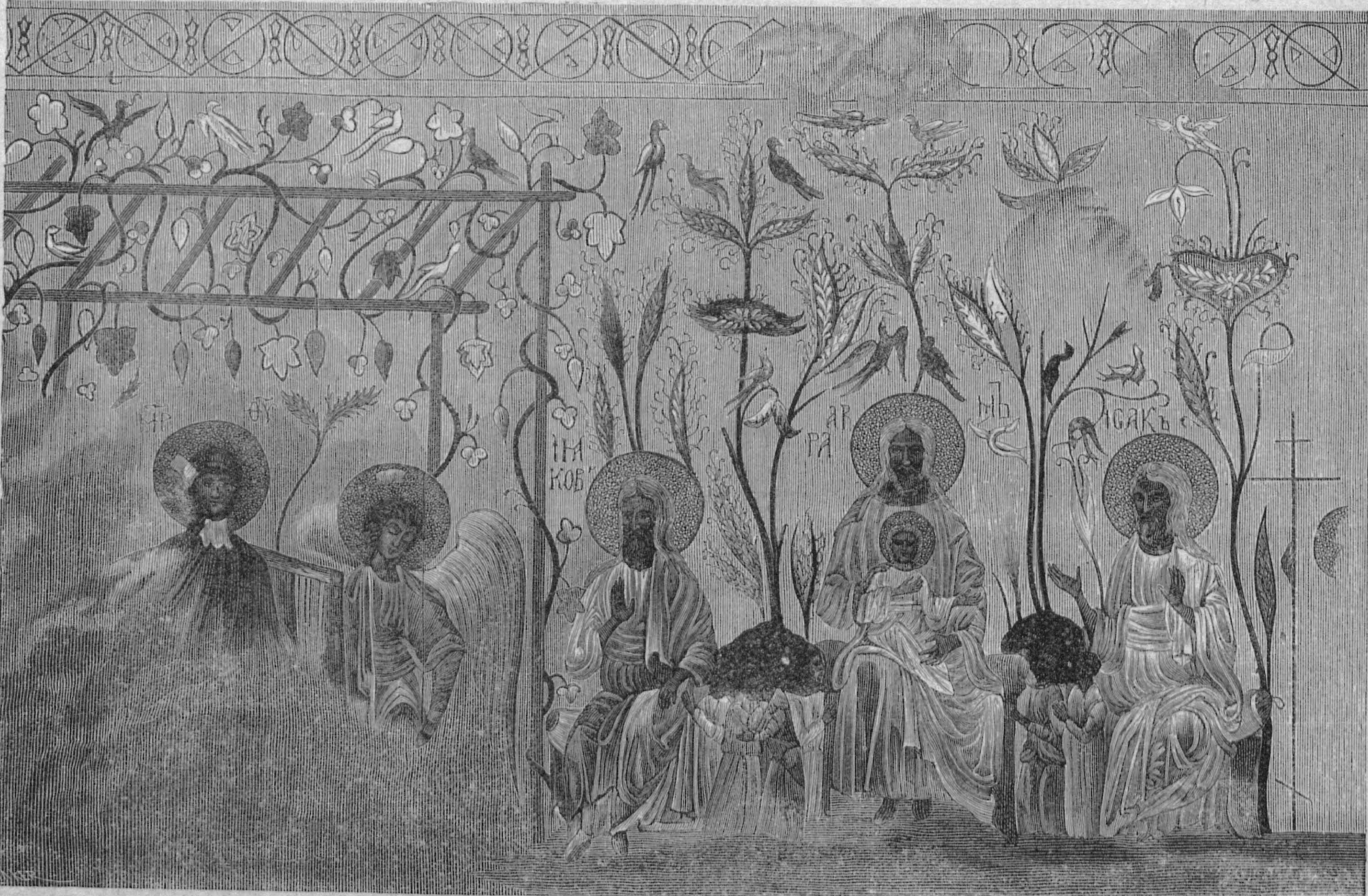
Городъ Владиміръ красиво расположенъ по берегамъ рѣки Клязьмы и имѣетъ 28.315 человѣкъ населенія. Въ исторіи нашего отечества Владиміръ принималъ весьма дѣятельное и

Древнія фрески Дмитріевскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ.

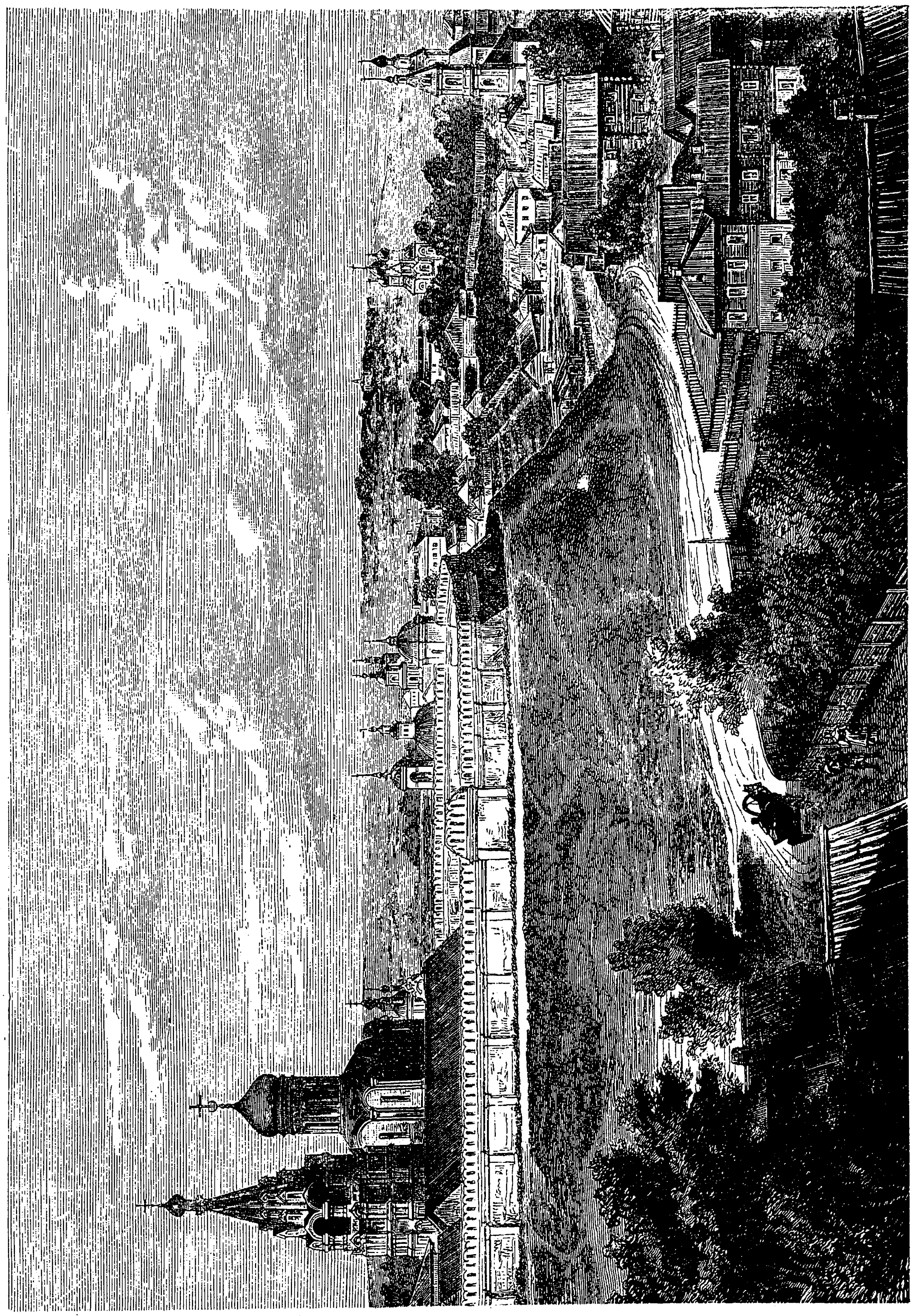
важное участіе. Когда собственно основанъ городъ, въ точности нельзя установить. Достовѣрно только, что основаніе его можно отнести къ двѣнадцатому столѣтію. Въ нашихъ лѣтописяхъ о немъ въ первый разъ упоминается подъ 1151 годомъ. Неизвѣстно также, кто былъ основателемъ Владиміра. Иные приписываютъ это Владиміру Мономаху, другіе называютъ Андрея Боголюбскаго, который, первый изъ князей, перенесъ свой столъ во Владиміръ. Значеніе Владиміра, какъ стольнаго города, подробно разъяснено въ первой части VI-го тома «Живописной Россіи», посвященнаго описанію Москвы, въ связи съ общимъ ходомъ и развитіемъ Россіи. Рекомендуя интересующимся этимъ предметомъ обратиться къ указанному тому, ограничимся напоминаніемъ, что значеніе первопрестольнаго города Владиміръ сохранилъ до 1328 года. Затѣмъ Владимірское великое княжество окончательно подчиняется Москвою.

Низведенный силою обстоятельствъ со степени столицы русскаго государства до значенія обыкновеннаго провинціальнаго города, Владиміръ заслуживаетъ вниманія не только по своему

Древнія фрески Дмитріевскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ.

весьма красивому мѣстоположенію, но и по многимъ древнимъ постройкамъ, которыя внушительно свидѣтельствуютъ о быломъ величіи этого города. По древности особенно замѣчательна

Рождественскій монастырь въ г. Владимірѣ.

главная церковь Владиміра—во имя Успенія. Соборъ этотъ построенъ въ шестидесятыхъ годахъ двѣнадцатаго столѣтія, въ княженіе Андрея Боголюбскаго. Какимъ великолѣпіемъ отличался этотъ соборъ въ эпоху основателя, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Ипатьевской лѣтописи: «Успенскій соборъ весь блисталъ золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями и

Рождественскій монастырь въ г. Владимірѣ.

жемчугомъ. Амвонъ и трое входныхъ дверей обиты были золотомъ и серебромъ. Иконы обложены золотомъ, жемчугомъ и другими драгоцѣнными камнями. Многочисленные паникадила и подсвѣчники были хрустальные и золотые. Служебные сосуды, рипиды, три ковчега для храненія святыхъ даровъ—были вылиты изъ чистаго золота».

Сравнительно не много спустя послѣ основанія, а именно въ 1185 году, соборъ сдѣлался жертвою пожара, и отъ него остались однѣ стѣны и нѣсколько лѣпныхъ фигуръ. Всеволодъ Юрьевичъ Большое-Гнѣздо, много заботившійся объ украшеніи Владиміра, воздвигъ на мѣстѣ сгорѣвшаго собора новый, значительно увеличивъ при этомъ его размѣры. Всеволодъ довелъ число главъ до пяти, въ то время какъ при Андреѣ, по преданію лѣтописцевъ, соборъ былъ одноглавый. Этотъ храмъ нѣсколько разъ подвергался пожарамъ и разграбленіямъ и нѣсколько разъ реставрировался. Корпусъ церкви—четыреугольный, съ примыкающей колокольней въ готическомъ стилѣ. Главы круглыя. Важнѣйшей достопримѣчательностью древняго храма служатъ мощи Андрея Боголюбскаго, Глѣба Андреевича и Юрія Всеволодовича. Въ соборѣ имѣются многія старинныя иконы. Въ прежнее время тамъ находилась также и икона Владимірской Божьей Матери. Эта икона писана будто бы самимъ Евангелистомъ Лукою, и перенесена во Владиміръ, изъ Вышгорода, княземъ Андреемъ Боголюбскимъ. Въ XIV вѣкѣ она попала въ Москву. На мѣстѣ нахожденія Владимірской иконы въ Успенскомъ соборѣ поставили потомъ точную копію съ нея.

Золотыя Ворота во Владимірѣ.

Другой знаменитый соборъ во Владимірѣ—Дмитріевскій основанъ, какъ нѣкоторые полагаютъ, еще раньше Успенскаго, а именно—Юріемъ Долгорукимъ. Бóльшаго вѣроятія заслуживаетъ, однако, взглядъ, что Дмитріевскій соборъ сооруженъ лишь въ самомъ концѣ двѣнадцатаго столѣтія княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ. Постройка была поручена иностранному зодчему. Дмитріевскій соборъ, воздвигнутый въ честь великомученика Солунскаго Димитрія, поражаетъ обиліемъ украшеній крайне оригинальныхъ, а нѣкоторыя изъ нихъ—даже странны. Всѣ три фасада собора заняты фигурою Спасителя. Вокругъ этой фигуры группируются ангелы, фантастическіе звѣри, люди, птицы, размахивающія крыльями, цвѣты, всадники и проч.

«Стройныя линіи собора»,—говоритъ Полевой,—«строгое соотвѣтствіе частей съ цѣлымъ, богатство и оригинальность разнообразныхъ украшеній, покрывающихъ бóльшую часть его стѣнъ,—все это производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе на каждаго, кто впервые подходитъ къ прекрасному Дмитріевскому храму. Чѣмъ болѣе всматриваемся въ орнаментацію каждаго изъ трехъ фасадовъ храма, тѣмъ болѣе сглаживаются въ нашемъ сознаніи всѣ отдѣль-

Золотыя Ворота во Владимірѣ.

ныя частности ея—всѣ эти львы, кентавры, растенія, грифоны и люди,—тѣмъ болѣе слива-ются они въ одну общую, сплошную массу, надъ которою въ высотѣ, явственно отъ всего остального отдѣляясь, возносится благословляющій Спаситель и предстоящіе ему ангелы. Это соотношеніе составныхъ частей орнаментаціи, повторяющееся и на каждомъ изъ трехъ фасадовъ и внутри каждой изъ трехъ округлыхъ арокъ, составляющихъ эти фасады, невольно наводитъ на мысль о томъ, что художникъ, занимавшійся постройкою Дмитріевскаго храма, проникнутъ былъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ и, повидимому, старался наглядно изобразить на его стѣнахъ отношеніе міра чувственнаго къ міру духовному, вселенной—къ Божеству...»

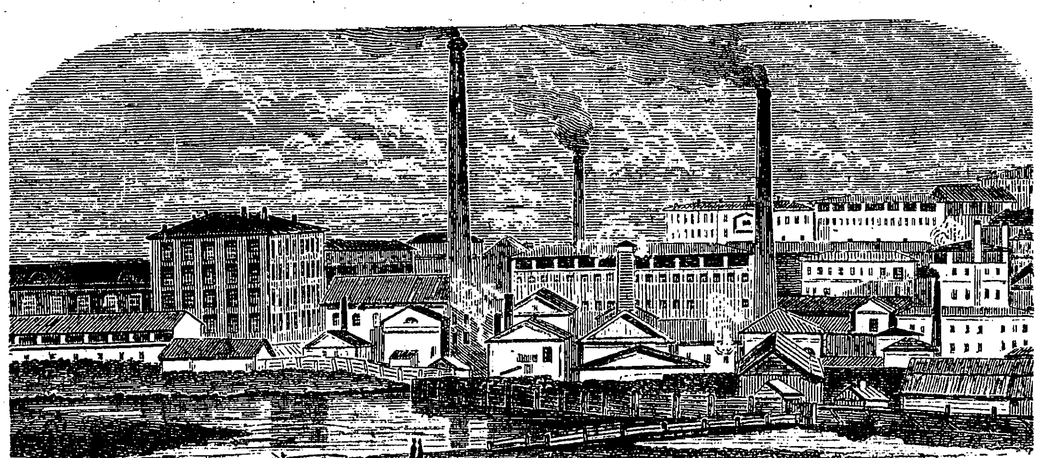
Соборъ въ Вознесенскомъ посадѣ.

Въ Дмитріевскомъ соборѣ хорошо сохранились замѣчательныя фрески очень древняго происхожденія.

Во Владимірѣ на Клязьмѣ достоинъ вниманія еще и Рождественскій монастырь. Въ немъ хранились въ свое время мощи святого Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, перенесенныя отсюда въ Петербургъ, по повелѣнію Петра Великаго. Въ церкви Рождества пресвятыя Богородицы Александръ Невскій былъ погребенъ въ 1263 году, скончавшись въ Городецкомъ монастырѣ, на возвратномъ пути изъ Орды. Перенесеніе мощей въ Петербургъ состоялось въ 1723 году. Рождественскій монастырь, основанный въ исходѣ двѣнадцатаго вѣка Всеволодомъ Юрьевичемъ, до временъ царя Іоанна Васильевича, считался первымъ изъ русскихъ монастырей. Съ половины XIII столѣтія до начала XIV Рождественскій монастырь служилъ резиденціей русскихъ митрополитовъ и игралъ весьма важную роль въ государственной и церковной жизни нашего отечества. Рождественская обитель потеряла значеніе

Покровская церковь въ селѣ Ивановѣ.

Фабрика братьевъ Зубковыхъ въ Вознесенскомъ посадѣ.

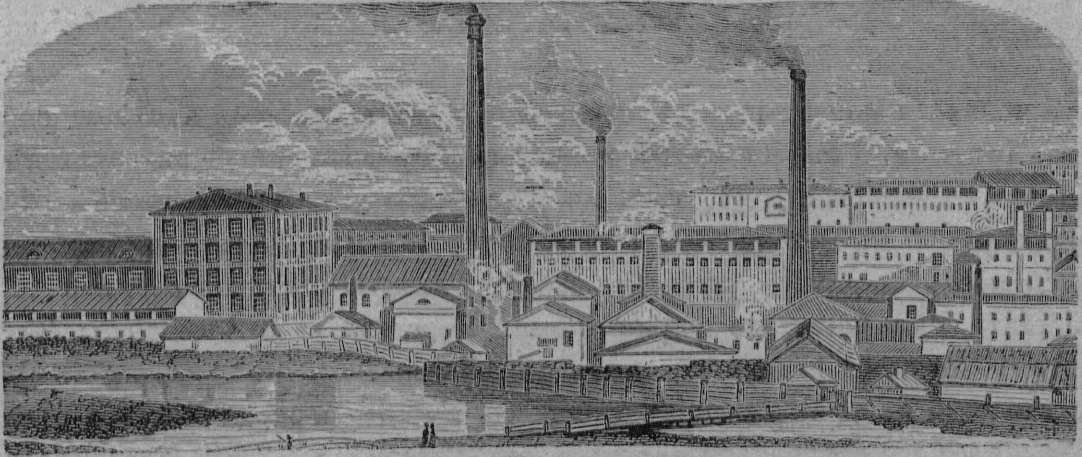
перваго монастыря въ 1561 году; въ этомъ году первенство перешло къ Троицко-Сергіевской лаврѣ. Въ 1238 году Рождественскій соборъ подвергся жестокому разоренію со стороны татаръ. Особенно же часто ему приходилось страдать отъ пожаровъ. Въ одинъ изъ такихъ пожаровъ,

Соборъ въ Вознесенскомъ посадѣ.

Покровская церковь въ селѣ Ивановѣ.

Фабрика братьевъ Зубковыхъ въ Вознесенскомъ посадѣ.

именно въ 1491 году, въ Соборной церкви Рождества выгорѣло все. По этому поводу въ житіи св. Александра Невскаго сказано слѣдующее: «Въ церковь же собрашеся множество инокъ и мірскихъ людей со множествомъ имѣнія и абіе внутрь церкви тоя все выгоре и слюдми, чудотворныя же мощи на нихъ же аще и бысть видѣніе нѣчто огненнаго, знаменія, но обаче Богомъ сохранена быша, яко и пелена на гробъ его обрѣтеся невредима отъ того огня».

Состоящая при монастырѣ церковь во имя Рождества пресвятой Богородицы сооружена въ 1191 году и тоже неоднократно подвергалась пожарамъ. Реставрація Рождественской церкви произведена въ 1869 году, въ царствованіе императора Александра II. Въ этой именно церкви и покоились мощи св. Александра Невскаго. По близости церкви находится колокольня съ 8 колоколами, построенная въ 1654 году. Самый большой колоколъ пожалованъ монастырю царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Общій видъ г. Шуи.

Изъ сохранившихся монастырскихъ церквей обращаетъ на себя вниманіе еще церковь во имя Рождества Христова. Рождественскій монастырь, превращенный въ серединѣ восемнадцатаго столѣтія въ архіерейскій домъ, т.-е. въ резиденцію для владимірскихъ архіереевъ, обнесенъ каменною оградою съ четырьмя башнями по угламъ и съ четырьмя воротами. Въ монастырѣ хранится много старинной утвари и иконъ. Главную святыню составляетъ образъ Знаменія Божьей Матери съ богатыми украшеніями. Крестная мать Александра Невскаго благословила его этимъ образомъ передъ походомъ на шведовъ.

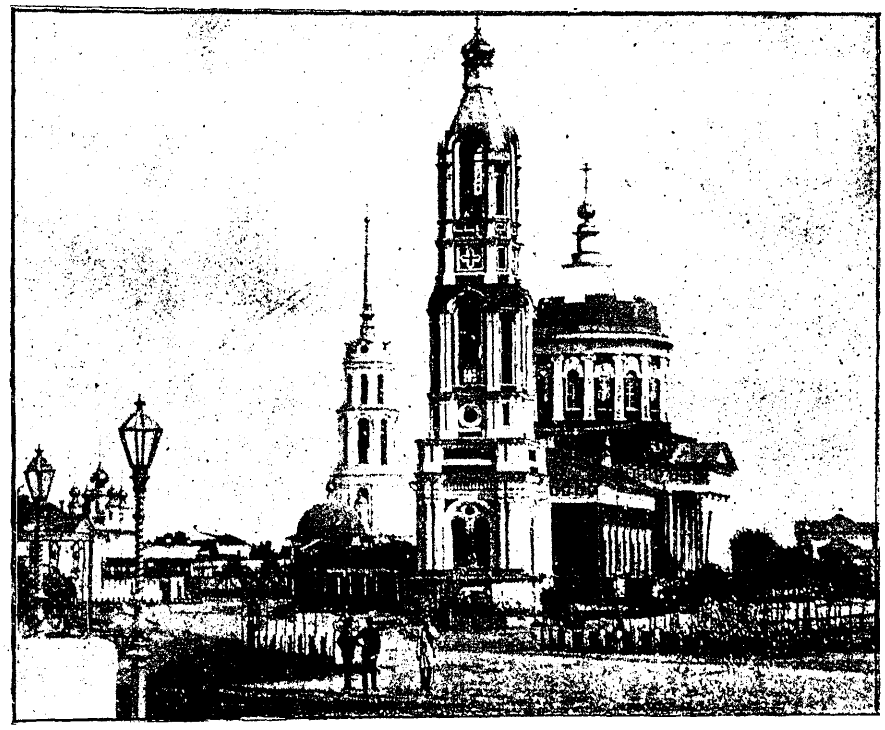
Большое сходство съ Дмитріевскимъ соборомъ имѣетъ церковь Покрова пресвятыя Богородицы, находящаяся въ двѣнадцати верстахъ отъ Владиміра, вблизи Боголюбова монастыря. Эта старинная церковь, сооруженная Андреемъ Боголюбскимъ еще въ 1166 году, нынѣ немного забыта. Церковь Покрова не сохранилась до настоящаго времени въ своемъ первоначальномъ видѣ; въ теченіе вѣковъ очень многое измѣнилось и старину трудно узнать. Но достаточно самаго поверхностнаго взгляда, чтобы видѣть сходство ея съ Дмитріевскимъ соборомъ, которому

Общій видъ г. Шуи.

она служитъ какъ бы копіей, хотя и уступаетъ въ размѣрѣ и великолѣпіи украшеній. Вмѣсто древняго иконостаса XII столѣтія, нынѣ болѣе не существующаго, устроенъ новый. Въ церкви Покрова сохранился древній престолъ храма, нѣсколько иконъ, крестовъ и проч.

Древняго въ Покровскомъ монастырѣ осталось очень мало. Но и тому, что эта церковь существуетъ еще и въ такомъ видѣ, она, какъ говорятъ, обязана только случаю. Разсказываютъ, что въ концѣ прошлаго столѣтія крестьяне Новаго Села испросили было уже себѣ у епархіальнаго духовнаго начальства дозволеніе разломать ее, съ тѣмъ, чтобы употребить, какъ матеріалъ, для постройки новой церкви въ своемъ селѣ; но когда вздумали привести это въ исполненіе и одинъ изъ крестьянъ влѣзъ, чтобы снять съ церкви крестъ, то былъ пораженъ слѣпотою. Съ тѣхъ поръ перестали думать о разломкѣ ея.

Храмъ Спаса въ г. Шуѣ.

Въ прежнее время Владиміръ былъ укрѣпленъ довольно сильно. Изъ такихъ укрѣпленій уцѣлѣли, между прочимъ, знаменитыя Золотыя Ворота. Онѣ находятся на концѣ Дворянской улицы, при въѣздѣ во Влади-

Городъ Шуя. Воздвиженская улица.

міръ черезъ Московскую заставу. Ворота заложены въ 1158 г. и закончены шесть лѣтъ спустя великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ. Въ 1164 году на Золотыхъ Воротахъ была воздвигнута церковь. Почему именно эти ворота названы золотыми, въ лѣтописяхъ не упоминается. Въ исторіи Владиміра ворота играли весьма важную роль. О нихъ неоднократно

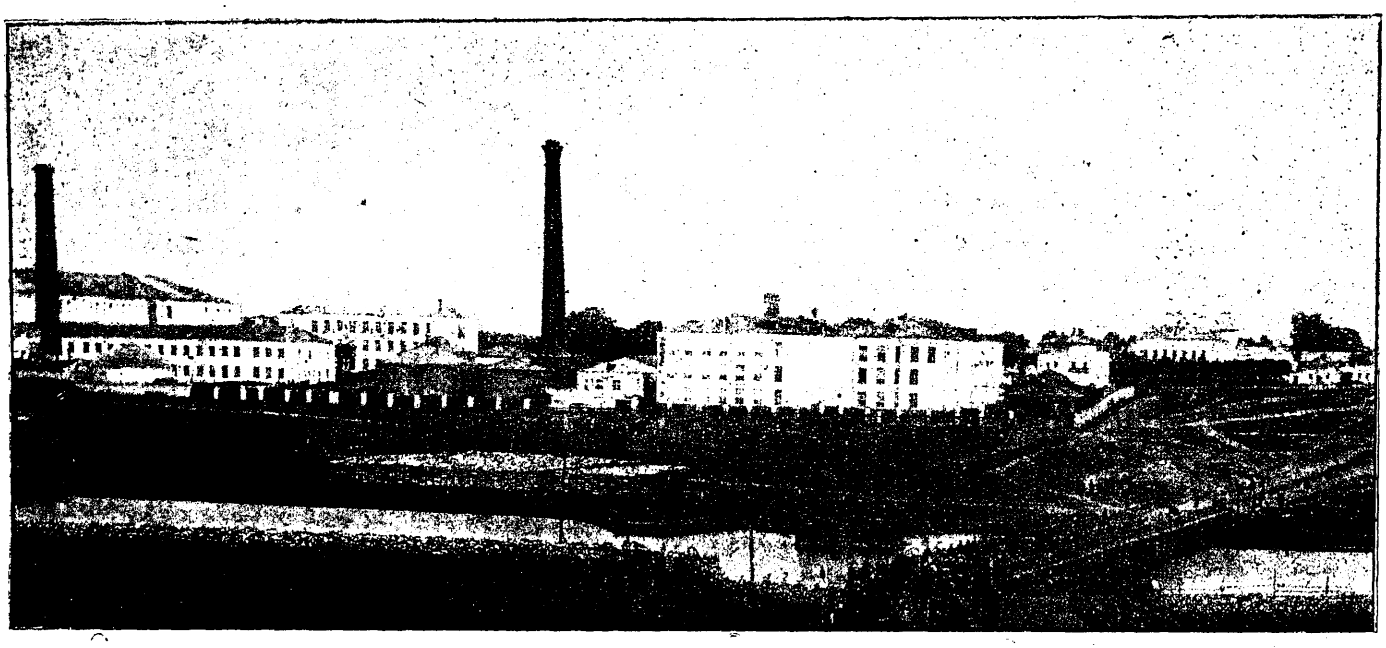

Храмъ Спаса въ г. Шуѣ.

Городъ Шуя. Воздвиженская улица.

разсказываютъ наши лѣтописцы по поводу различныхъ событій. Въ 1237 г., когда городъ былъ взятъ татарами, на этихъ воротахъ разыгралась очень трогательная сцена. Здѣсь стояли князья Всеволодъ Юрьевичъ и Мстиславъ и горько оплакивали участь своего брата Владиміра, который попалъ въ плѣнъ татарамъ. Послѣдніе подводили Владиміра къ Золотымъ Воротамъ и указывали на него братьямъ. Цѣль татаръ заключалась, безъ сомнѣнія, въ томъ, чтобы разжалобить Всеволода и Мстислава горькою участью Владиміра Юрьевича и тѣмъ добиться сдачи города. Въ старину Золотыя Ворота имѣли значеніе главныхъ или тріумфальныхъ. При нихъ происходили всѣ торжественныя встрѣчи и проводы князей, епископовъ и другихъ знаменитыхъ лицъ. Золотыя Ворота неоднократно страдали отъ пожаровъ и иныхъ бѣдствій и нѣсколько разъ реставрировались. Послѣдняя реставрація была предпринята въ царствованіе императрицы Екатерины Второй. Въ вышину ворота имѣютъ пятнадцать саженей, включая сюда и крестъ. По сторонамъ воротъ находятся два вала, съ которыхъ открываются прекрасные виды на городъ и его окрестности. Кромѣ Золотыхъ Воротъ, во Владимірѣ

Видъ на часть города Шуи, находящуюся за р. Тезей.

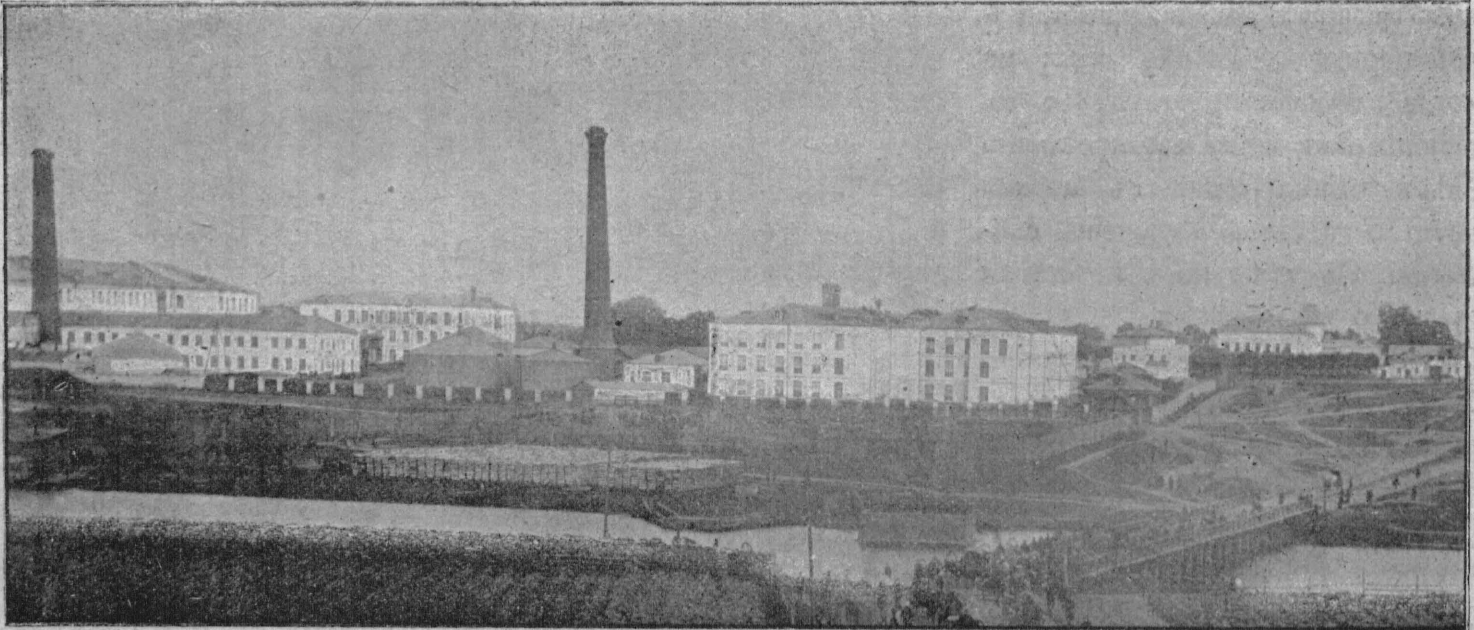
были Врата Серебряныя, Мѣдныя, Врата св. Ирины и Волжскія, но отъ нихъ нынѣ не осталось никакихъ слѣдовъ.

Изъ общественныхъ и казенныхъ зданій заслуживаютъ вниманія: губернаторскій домъ, построенный бывшимъ губернаторомъ княземъ Долгорукимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по его мнѣнію, находился нѣкогда дворецъ князей суздальскихъ, домъ дворянскаго собранія, мужская и женская гимназіи и духовная семинарія.

Въ мануфактурномъ отношеніи Владиміръ не такъ замѣчателенъ, какъ многіе другіе города Владимірской губерніи, составившіе себѣ извѣстность во всей Россіи своими фабриками и заводами. Торговля владимірскаго купечества ограничивается въ общемъ перепродажею товаровъ, купленныхъ въ Москвѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, на тамошней ярмаркѣ, главнымъ образомъ такихъ, которые требуются для ежедневнаго потребленія. Привозу и вывозу товаровъ способствуетъ рѣка Клязьма, которая становится судоходною только съ этого города.

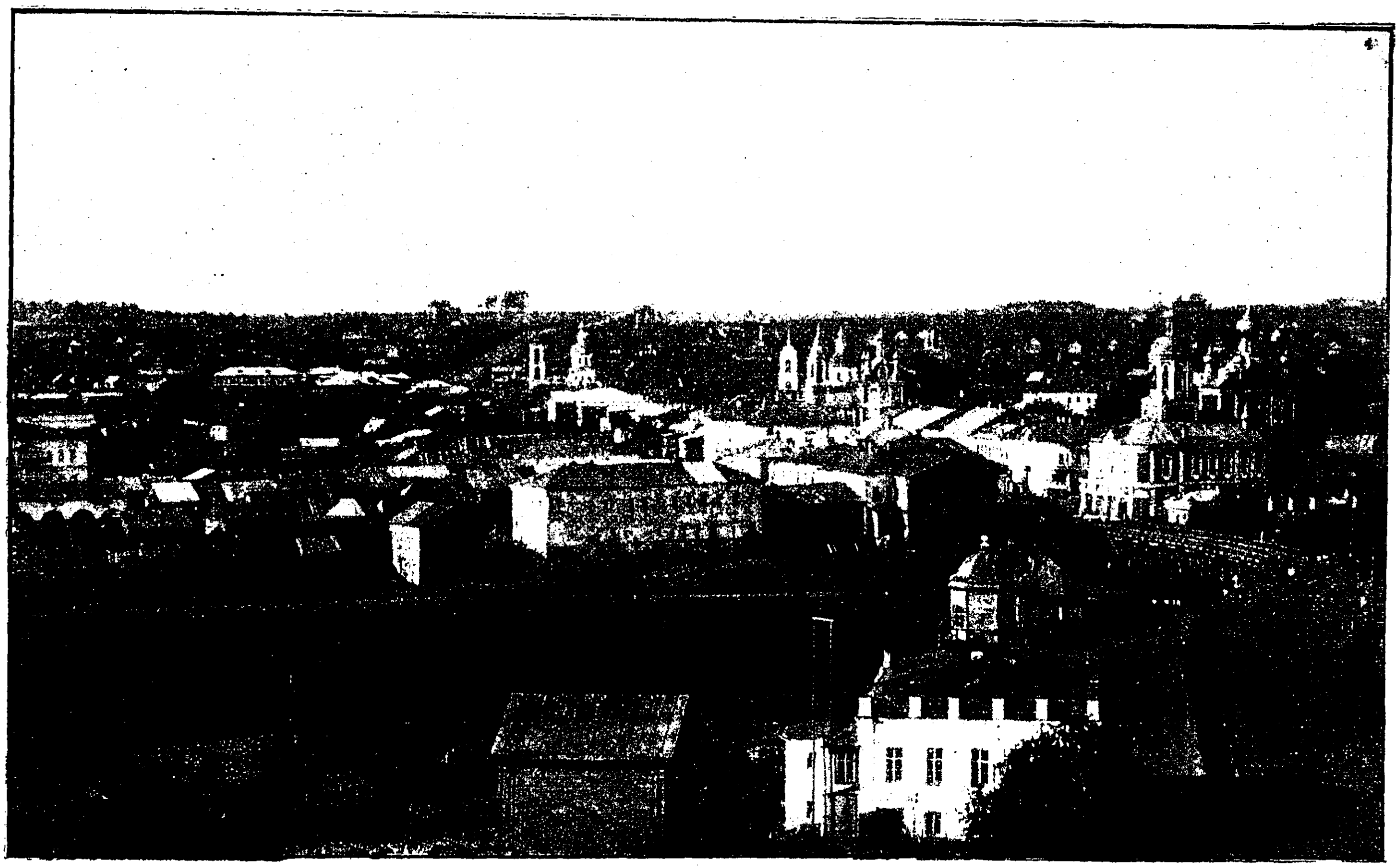
Изъ уѣздныхъ городовъ и мѣстечекъ губерніи особенный интересъ возбуждаетъ посадъ Иваново-Вознесенскъ: это самый значительный промышленный пунктъ во всей губерніи. Онъ находится въ 28 верстахъ отъ города Шуи, при рѣкѣ Уводи. Жителей въ немъ числится, согласно послѣдней переписи, 53,949 человѣкъ (28,312 муж. и 25,637 жен.).

Преданіе говоритъ, что село Иваново получило свое названіе отъ существовавшей здѣсь

Видъ на часть города Шуи, находящуюся за р. Тезей.

древней деревянной часовни (потомъ уже церкви) во имя Предтечи Іоанна. Въ царствованіе Іоанна Грознаго село это значилось въ числѣ государственныхъ селъ, затѣмъ въ 1561 году оно отдано, какъ богатое имѣніе, шурьямъ Грознаго, князьямъ Темрюковичамъ Черкасскимъ. Въ XVIII столѣтіи село Иваново перешло отъ князей Черкасскихъ къ графамъ Шереметевымъ, въ приданое за дочерью Черкасскаго. Село имѣло въ окружности 12 верстъ, не уступало, слѣдовательно, городу и давно называлось крестьянами городомъ, а по богатству своему — *золотымъ дномъ*. Въ 1871 году изъ села Иванова и сосѣдняго посада Вознесенскаго образованъ городъ Иваново-Вознесенскъ. Нынѣ этотъ городъ по всей справедливости можетъ быть названъ русскимъ Манчестеромъ. Еще въ половинѣ XVIII вѣка жители Иванова занимались, кромѣ хлѣбопашества, шерстобойнымъ промысломъ, а нѣкоторые набойкой холстовъ масляными красками. Первая же фабрика для набойки заварными, смывными красками была устроена

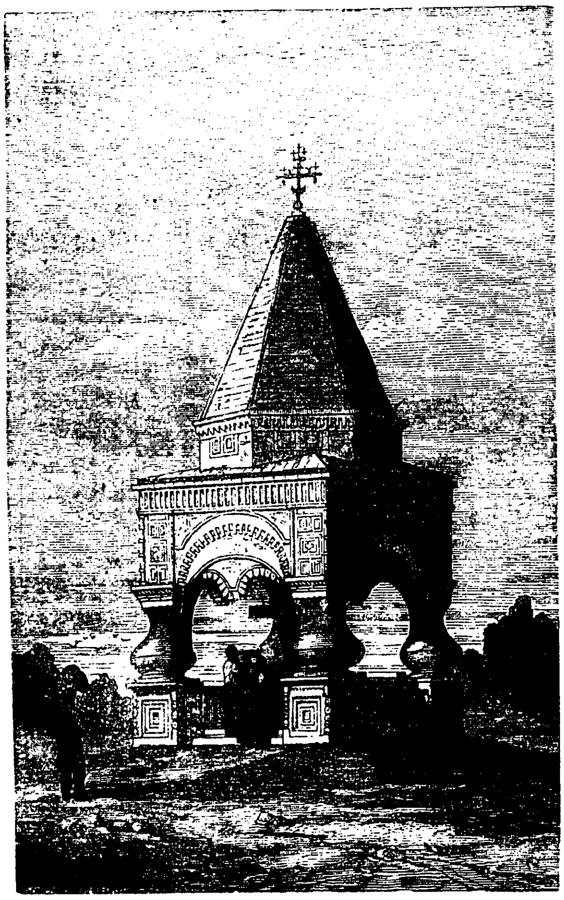
Городъ Переяславль-Залѣсскій. Центръ города, впереди Городская Дума.

Иваномъ Ишинскимъ въ 1745—50 годахъ. Этой фабрикой положено начало перехода отъ ремесленной крестьянской къ фабричной набивкѣ, получившей въ настоящее время весьма широкое распространеніе въ промышленныхъ областяхъ Владимірской губерніи. Въ 1751 году заведены Грачевымъ и Гарелинымъ полотняныя фабрики. Нѣсколько лѣтъ спустя въ село Иваново возвратились изъ Шлиссельбурга нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей, работавшихъ тамъ на существовавшей въ то время ситце-набивной фабрикѣ иностранца Леймана. Въ числѣ возвратившихся ивановцевъ былъ Соковъ. Онъ до отправленія въ Шлиссельбургъ занимался въ Ивановѣ вырѣзываніемъ досокъ для набивки ситцевъ, такъ-называемыхъ «матровъ» на деревѣ, а затѣмъ поступилъ рабочимъ на упомянутую фабрику Лемана. Тамъ онъ сошелся съ разными мастерами на фабрикѣ и узналъ отъ нихъ секреты составленія красокъ и вообще отдѣлки ситцевъ. Возвратясь съ запасомъ этихъ свѣдѣній въ Иваново, Соковъ пріобрѣлъ участокъ земли и устроилъ фабрику, которая впослѣдствіи прославилась производствомъ «соковскихъ» ситцевъ и платковъ. Подражая Сокову, Грачевы и Гарелины также превратили свои

Городъ Переяславль-Залѣсскій. Центръ города, впереди Городская Дума.

льноткацкія фабрики въ ситцевыя. Эти фабрики и положили начало всей нынѣшней ивановской мануфактурной дѣятельности. Особенно же сильно ситцевая фабрикація подвинулась въ Ивановѣ съ 1812 года, послѣ того какъ сюда пришли изъ Москвы многіе рабочіе и лучшіе мастера.

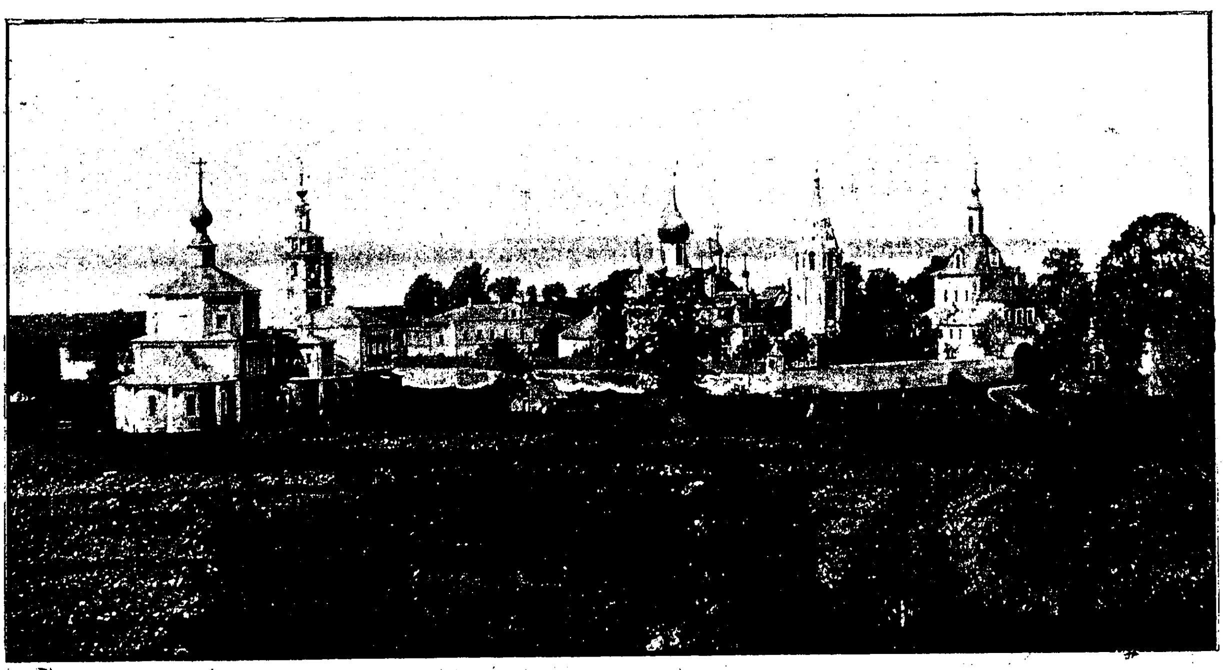

Часовня близъ Переяславля-Залѣсскаго (Влад. губ.).

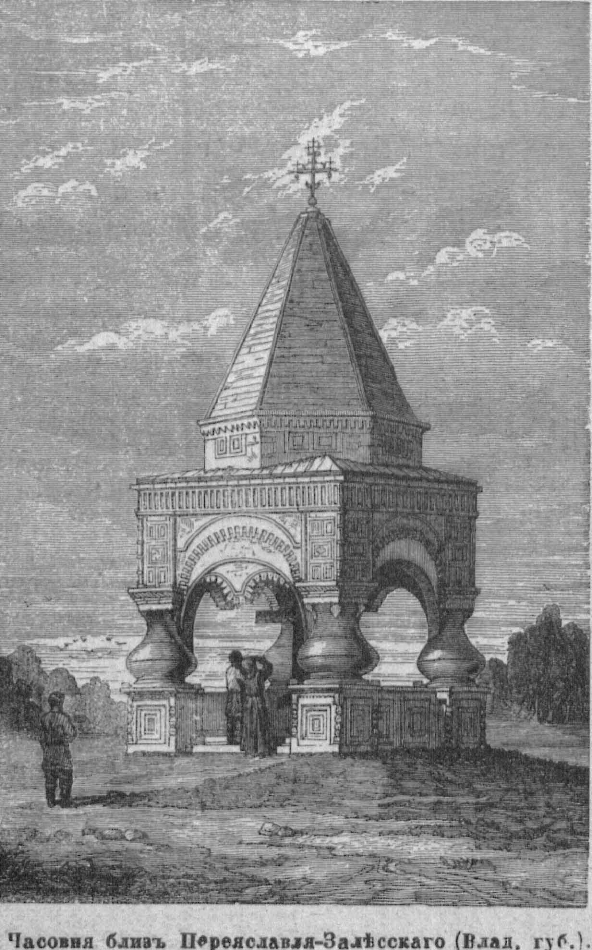
Въ настоящее время въ Иваново-Вознесенскѣ существуетъ 38 ситцевыхъ фабрикъ съ производствомъ въ 15 милліоновъ рублей приблизительно. По размѣрамъ производства особенно замѣчательны фабрики: Маркушева, Никона Гарелина, Ивана Гарелина и Зубкова.

Приготовленіемъ миткаля для одного Иванова занимается около 100,000 крестьянъ. Выдѣлываемые въ Ивановѣ ситцы поступаютъ въ продажу въ Москву, Тифлисъ, Петербургъ и на всѣ извѣстныя ярмарки въ Россіи, а также разносятся повсюду офенями. По понедѣльникамъ и четвергамъ въ Ивановѣ бываютъ базары, особенно значительные зимою. Бумагопрядильное и бумаготкацкое производство развито въ этомъ посадѣ очень сильно и съ каждымъ годомъ совершаетъ все большіе и большіе успѣхи. Всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ Иваново-Вознесенскѣ около 70 съ ежегоднымъ оборотомъ около 40 милліоновъ рублей.

Городъ Шуя, въ уѣздѣ котораго расположенъ Иваново-Вознесенскъ, составляетъ весьма значительный пунктъ въ промышленномъ и торговомъ отношеніи. Преданія говорятъ, что Шуя принадлежитъ къ числу нашихъ древнѣйшихъ городовъ. Утверждаютъ, что посадъ Шуя назывался прежде Борисоглѣбской слободой, получившей свое названіе отъ церкви этого имени. Такая церковь дѣйствительно существовала до эпохи самозванцевъ. Церковь эту клевретъ самозванца, Θедоръ Плещеевъ, подвергъ сожженію во время набѣга на Шую. Под-

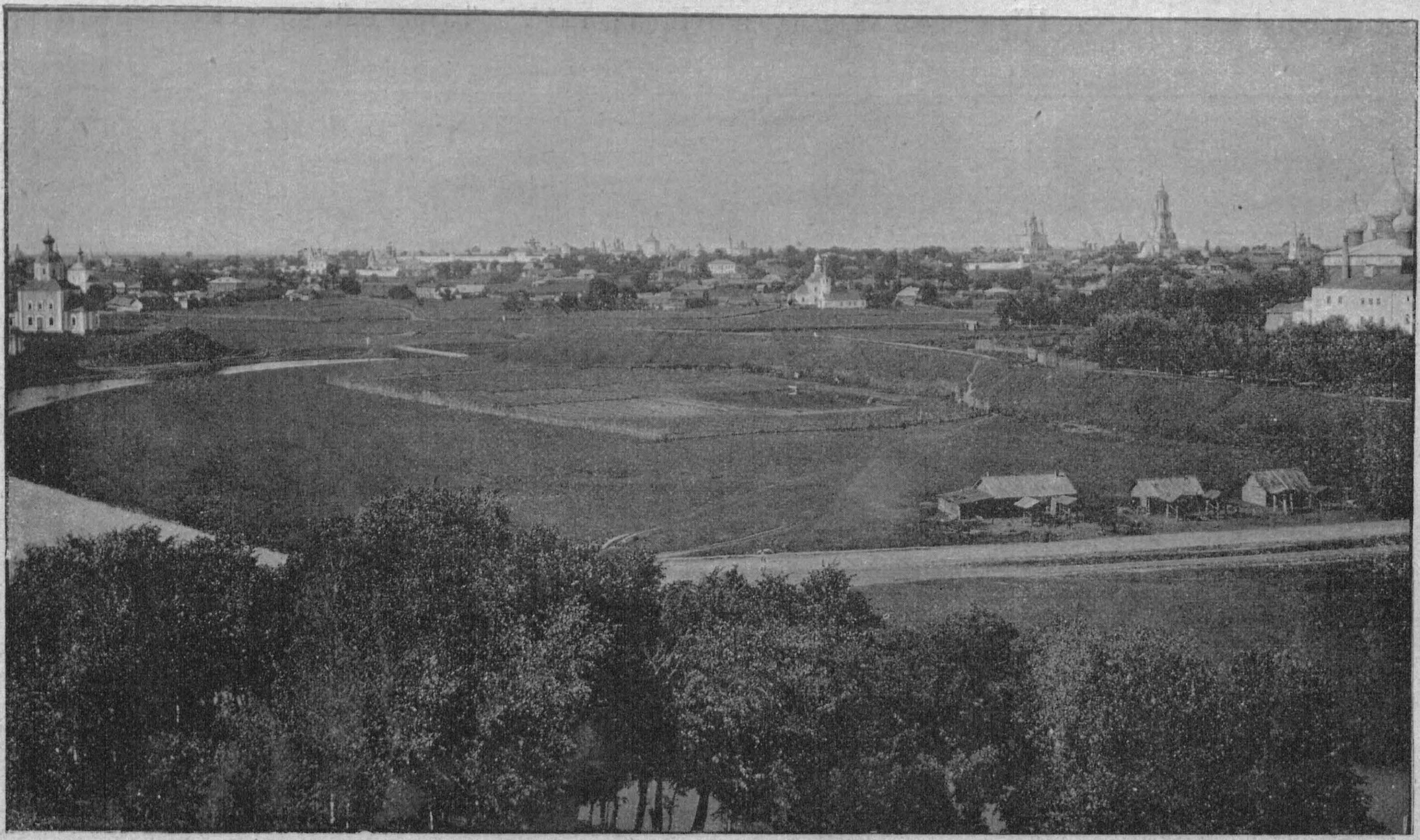
Никольскій монастырь близъ г. Переяславля-Залѣсскаго.

Часовня близъ Переяславля-Залѣсскаго (Влад. губ.).

Никольскій монастырь близъ г. Переяславля-Залѣсскаго.

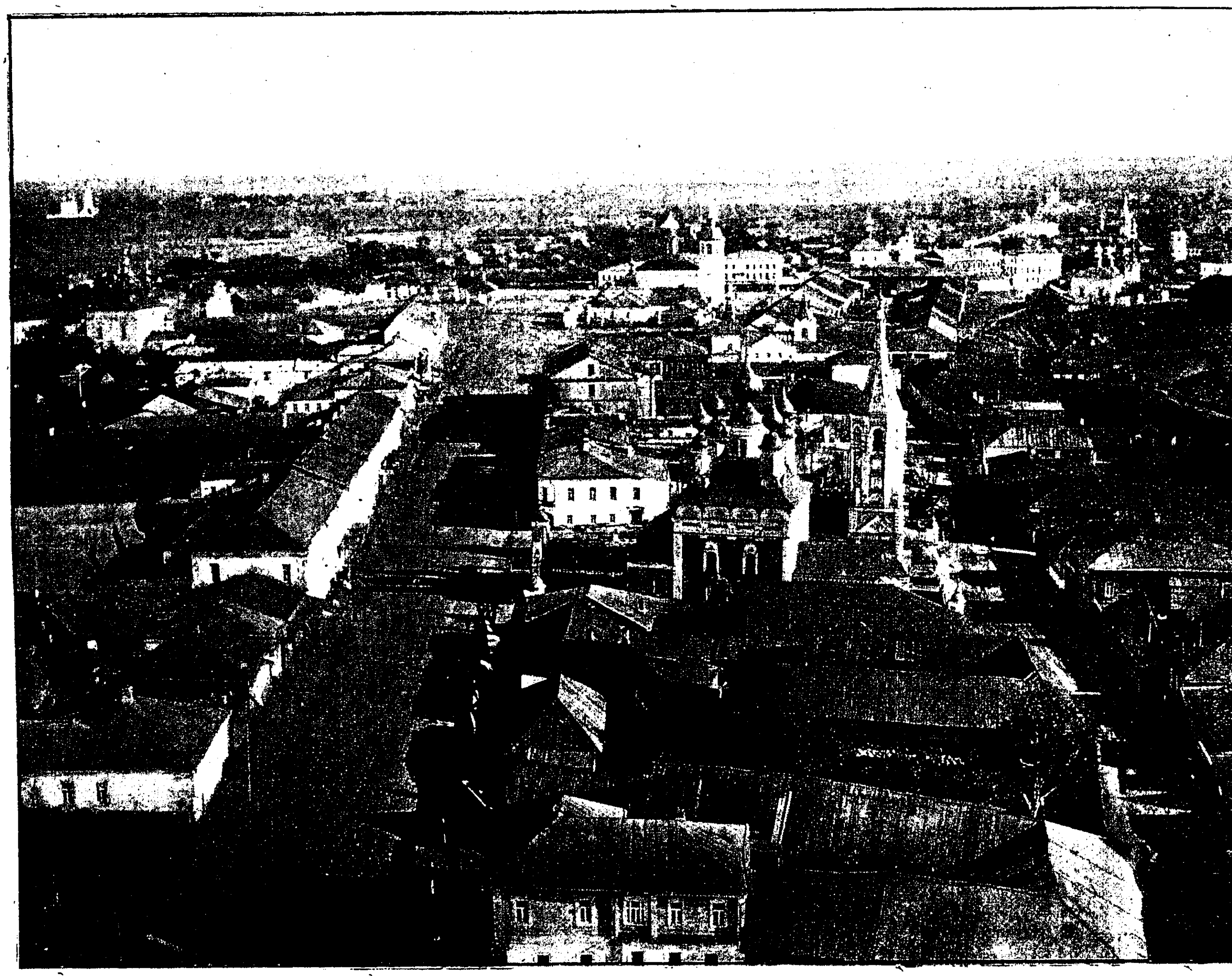

Общій видъ г. Суздаля. (Съ фотографіи).

Видъ на сѣверную часть г. Суздаля. (Съ фотографіи).

твержденіемъ того, что Шуя называлась прежде Борисоглѣбской слободой, можетъ служить и гра-

Видъ на южную часть г. Суздаля (Съ фотографіи).

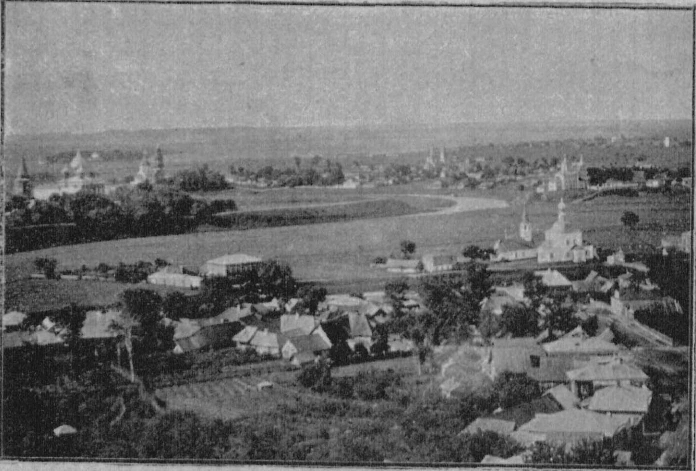
мота Іоанна Грознаго, данная въ 1574 году дворянамъ Лазаревымъ, имѣвшимъ вблизи Шуи помѣстье. Особенно громкихъ событій въ исторіи Шуи не имѣется. Достойна, однако, удивленія та стойкость, съ какою жители Шуи, въ эпоху самозванцевъ, оставались вѣрными своему законному царю, между тѣмъ какъ суздальцы успѣли ему измѣнить. За это Шуя терпѣла всевозможныя бѣдствія отъ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ, безпощадно относившихся къ городу, который не присягнулъ тушинскому вору. По этому поводу суздальскій измѣнникъ, Ѳедоръ Плещеевъ, доносилъ Гетману Сапѣгѣ слѣдующее: «Во многихъ государь городѣхъ отъ великихъ денежныхъ поборовъ учинилась смута великая; и отъ того мужики заворовались и крестъ цѣловали Василію Шуйскому; и по государеви грамотѣ и по твоей присылкѣ денегъ собрать мнѣ было вскорѣ не мочно, потому что шелъ я (язъ) изъ Суздаля на Шую противъ государевыхъ измѣнниковъ. А се не та пора стала,—въ людяхъ смута великая. А панъ Комаровскій былъ

Юго-западная часть г. Суздаля.

Видъ на южную часть г. Суздаля (Съ фотографіи).

Юго-западная часть г. Суздаля.

со мною-жъ въ походѣ; а на бою подъ нимъ ранили Бахмана. А по государевѣ грамотѣ далъ я (язъ) ему изъ суздальскихъ сборныхъ денегъ двадцать рублей. А про Шую писалъ я (язъ) къ государю, что было во зборѣ дѣтей боярскихъ и мужиковъ разныхъ городовъ двадцать пять тысячъ; и милостіею Божіею и государевымъ счастіемъ мы ихъ побили и острогъ взяли и посады Шуйскіе пожгли и съ мужиками, которые сѣли по дворомъ и билися съ ними на смерть».

Изъ достопримѣчательностей Шуи обращаетъ на себя вниманіе Воскресенскій соборъ.

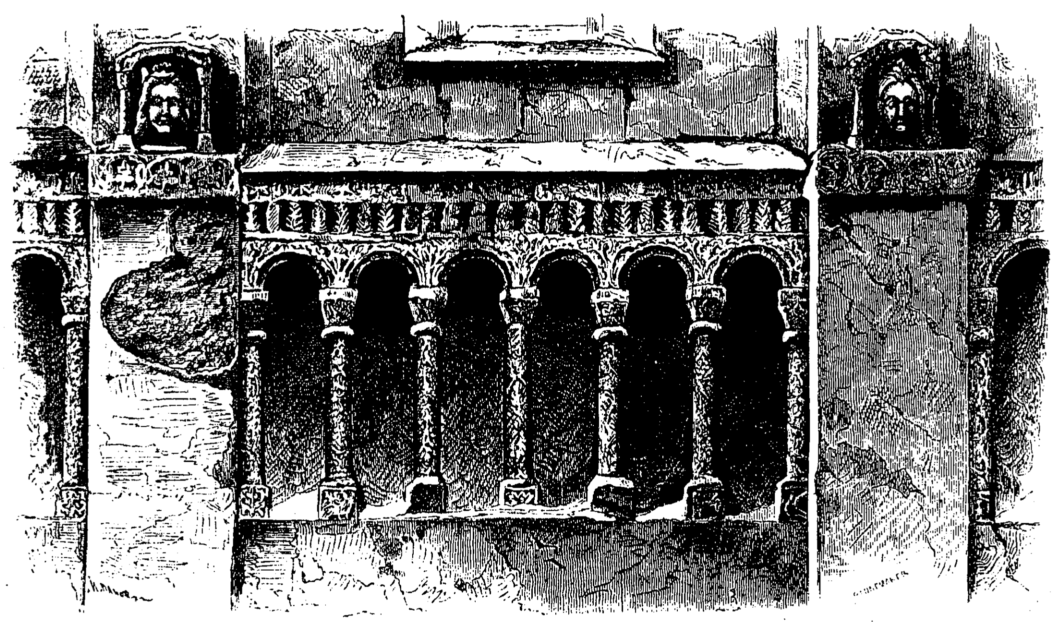
Суздальскій соборъ.

Самъ соборъ не представляетъ ничего особеннаго, но въ немъ хранится знаменитая чудотворная икона Шуйской Смоленской Богоматери. Въ 1654 году въ Шуѣ свирѣпствовала моровая язва. Страшась за свою участь, жители рѣшили тогда написать икону Смоленской Божіей Матери. Она была написана Герасимомъ Тихановымъ. Когда икону принесли въ церковь Воскресенія, моровая язва стала прекращаться и вскорѣ совсѣмъ прекратилась. Такое чудо возбудило въ душахъ вѣрующихъ особенное почитаніе къ иконѣ. Народъ началъ стекаться со всѣхъ сторонъ и многіе, одержимые разными болѣзнями, получали исцѣленіе. О чудесахъ иконы Смоленской Божіей Матери шуйцы разсказываютъ слѣдующее любопытное преданіе.

Суздальскій соборъ.

Когда иконописецъ Тихановъ началъ писать икону, онъ первоначально сдѣлалъ очеркъ ея. На другой день, когда хотѣлъ продолжать работу, увидѣлъ собственное свое начертаніе иконы измѣненнымъ и вовсе непохожимъ на подлинникъ,—правая нога и прочее положеніе Іисуса Младенца оказались не въ томъ видѣ, какъ онъ начертывалъ ихъ. Тихановъ, считая такое измѣненіе дѣломъ случая, или своею ошибкою, начертаніе свое исправилъ; но и на третій день, съ недоумѣніемъ и страхомъ, увидѣлъ тотъ-же самоначертанный образъ Іисуса. Не осмѣливаясь уже болѣе поправлять его, счелъ это чудомъ и явнымъ дѣйствіемъ промысла Божія и донесъ о семъ начальству и гражданамъ. Народъ, какъ говоритъ преданіе, приведенъ былъ въ страхъ такимъ чудомъ, и съ благоговѣніемъ прославлялъ Бога. Тиханову оставалось кончить икону такъ, какъ она сама начерталась. Начертаніе сіе имѣетъ слѣдующій видъ: вмѣсто обѣихъ простертыхъ ногъ, какъ видимъ на иконѣ Смоленскія Одигитріи, правая ступня Младенца Іисуса стоитъ на колѣнѣ лѣвой ноги, придерживаемая нѣсколько лѣвою рукою Спасителя;—правая рука Его, держа символъ судебъ всего міра, свитокъ, поставлена локтемъ на правомъ колѣнѣ такъ, что свитокъ находится противъ лика Предвѣчнаго Младенца. Слѣдова-

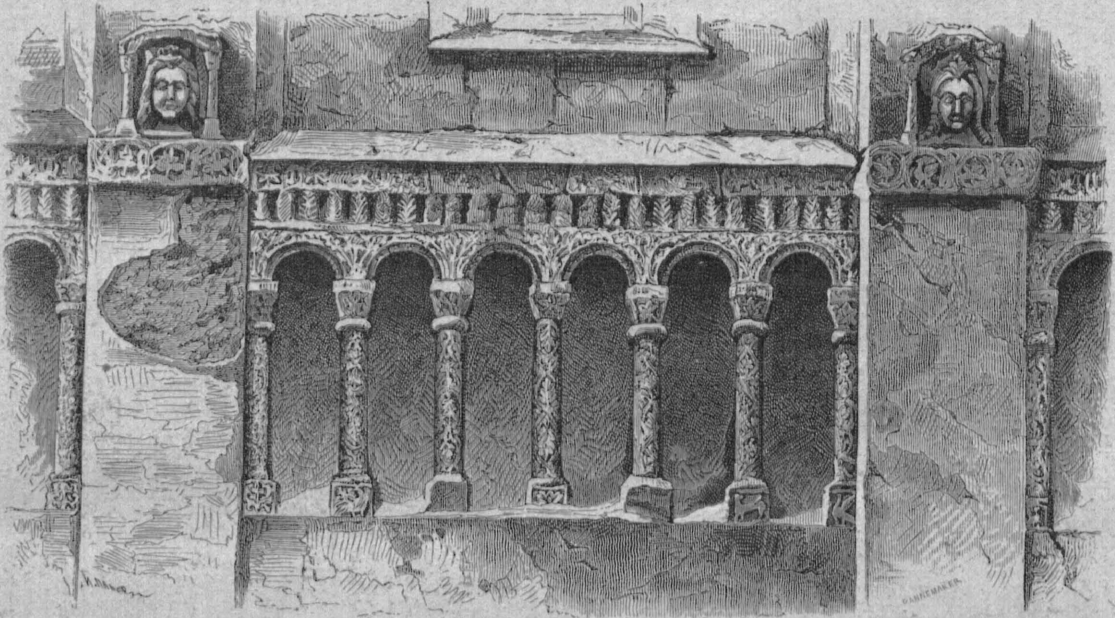

Рѣзной поясъ, уцѣлѣвшій на стѣнахъ Суздальскаго собора.

тельно, это было первое чудо отъ этой св. иконы. Второе чудо—необыкновенный свѣтъ, просіявшій отъ иконы по принесеніи ея въ церковь. Третье чудо—многочисленное избавленіе жителей города Шуи отъ моровой язвы. Четвертое чудо (по актамъ 1-е) — исцѣленіе безумнаго мальчика Якова Григорьева, случившееся 12 лѣтъ спустя (1668 г.). Въ актахъ о семъ чудѣ говорится, что когда мальчикъ Григорьевъ получилъ исцѣленіе, то ударили въ колокола и весь городъ былъ тому свидѣтелемъ.

Въ Шуйской Покровской церкви находится образъ св. Іоанна Предтечи и старинный крестъ весьма искусной работы. По внутреннему богатству особенно замѣчательна Крестовоздвиженская церковь, первоначальное основаніе которой покрыто мракомъ неизвѣстности. Извѣстно только, что сперва она была деревянная и что въ 1693 году вмѣсто деревянной соорудили каменную. Весьма красивое мѣстоположеніе занимаетъ въ Шуѣ Троицкая кладбищенская церковь. Она стоитъ на берегу Тезы, на мѣстѣ бывшаго Троицкаго мужского монастыря. Внутри ограды аллеи и группы деревьевъ осѣняютъ могилы и памятники. Вообще, видъ Троицкаго кладбища носитъ отпечатокъ поэтическо-мрачной пустыни и напоминаетъ христіанину о загробной жизни.

Въ торгово-промышленномъ отношеніи Шуя играла довольно значительную роль даже въ

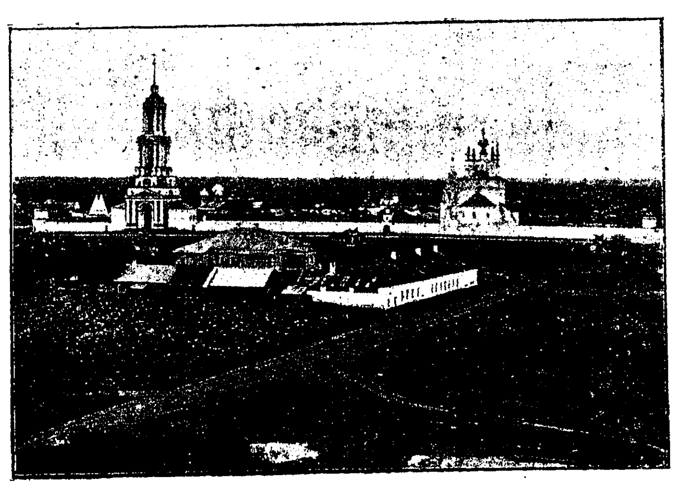

Рѣзной поясъ, уцѣлѣвшій на стѣнахъ Суздальскаго собора.

Городъ Суздаль. Кремлевская улица (Съ фотографіи)

старину. Въ царствованіе Петра I Шуйскіе заводы обратили на себя вниманіе великаго преобразователя Россіи, что можно усмотрѣть изъ слѣдующаго акта: «въ нынѣшнемъ 722 году, мая въ 5-ый день, въ присланномъ его императорскаго величества указѣ канцеляріи Воеводскаго правленія, въ Шуйскую Ратушу, написано: велѣно, для отсылки въ Москву, къ мастеромъ иноземцемъ, къ наукѣ кожевеннаго дѣла, новымъ манеромъ, выслать учениковъ, изъ Шуянъ, посацкихъ людей, дву человѣкъ. И по тому его императорскаго величества указу, къ вышеописанной наукѣ кожевеннаго дѣла, выбравъ изъ Шуянъ посацкихъ людей Ивана Ламанова и Ивана Подшивалова, выслали въ Юрьевъ въ канцелярію Воеводскаго Правленія».

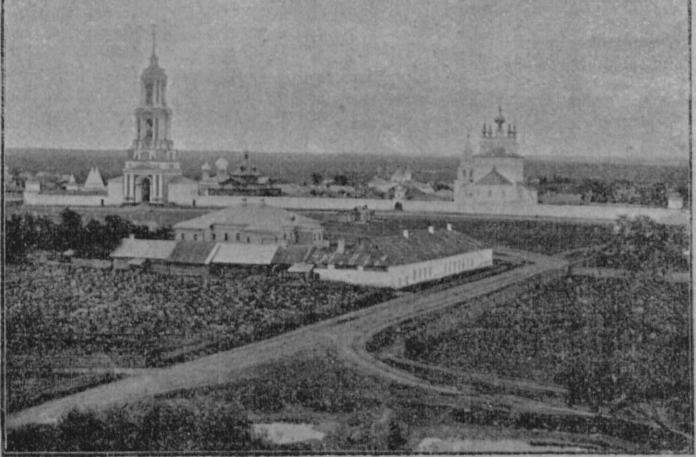

Положенскій женскій монастырь около г. Суздаля.

Въ это-же время присланъ былъ въ Шую другой указъ государя о томъ, чтобы заводчики накопляющуюся въ заводахъ шерсть не бросали, а копили бы и дѣлали изъ нея войлоки. Въ Петровскую эпоху въ Шуѣ процвѣтали главнымъ образомъ мыловаренное, коже-

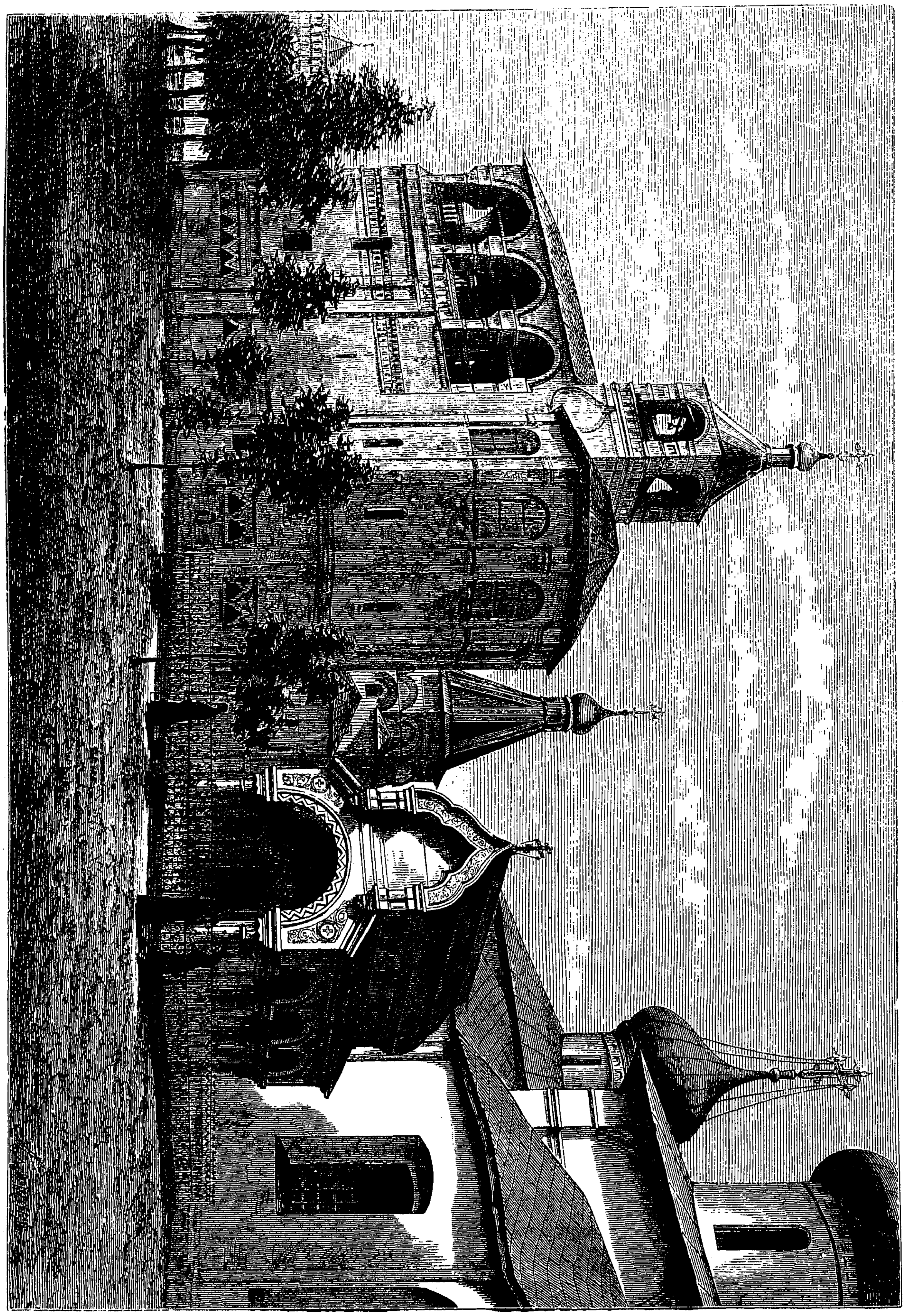

Городъ Суздаль. Кремлевская улица (Съ фотографіи)

Положенскій женскій монастырь около г. Суздаля.

венное, скорняжное, мѣдное производство и проч. Мыльное производство достигало столь значительныхъ размѣровъ, что для закупки мыла пріѣзжали въ Шую покупатели изъ разныхъ городовъ.

Спасо-Евфиміевъ монастырь и памятникъ князя Пожарскаго въ гор. Суздалѣ.

Нынѣ въ Шуѣ насчитывается свыше 80 фабрично-заводскихъ предпріятій съ 25,000 рабочихъ и съ ежегоднымъ производствомъ въ 44 милліона рублей. Главное мѣсто принадлежитъ бумаготкацкому производству, затѣмъ идетъ бумагопрядильное, красильное и набивное.

Переяславль-Залѣсскій, названный такъ потому, что онъ находился въ древности въ дре-

Спасо-Евфиміевъ монастырь и памятникъ князя Пожарскаго въ гор. Суздалѣ.

мучихъ лѣсахъ вдали отъ другихъ городовъ, расположенъ по берегамъ рѣки Трубежа и Плещеевскаго озера. На этомъ послѣднемъ Петръ Великій учился мореплавательному искусству и положилъ основаніе русскому флоту. Одинъ изъ ботиковъ тогдашней флотиліи сохранился до настоящаго времени. Его можно видѣть вблизи села Веськова, въ устроенномъ тамъ музеѣ. Музей этотъ, въ которомъ хранятся между прочимъ и нѣкоторые другіе предметы, относящіеся до эпохи великаго преобразователя, сооруженъ Владимірскимъ дворянствомъ.

Переяславль основанъ въ 1152 году княземъ Юріемъ Долгорукимъ. Въ XII столѣтіи Переяславль имѣлъ своихъ самостоятельныхъ князей. Въ старину городъ былъ хорошо укрѣпленъ и эти укрѣпленія стояли вплоть до средины XVIII вѣка. Въ XV столѣтіи переяславское княжество, слѣдуя примѣру всѣхъ русскихъ удѣловъ, вошло въ составъ вотчинъ московскихъ государей.

Городъ Переяславль-Залѣсскій замѣчателенъ нѣсколькими старинными монастырями и со-

Часовня надъ усыпальницей князя Пожарскаго, что въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ, въ Суздалѣ.

борами. Древнѣйшій изъ нихъ, Спасо-Преображенскій, воздвигнутъ Юріемъ Долгорукимъ, одновременно съ основаніемъ Переяславля. Этотъ храмъ, построенный въ византійскомъ стилѣ, былъ потомъ разграбленъ и сожженъ татарами, но переяславскіе князья реставрировали его весьма удачно. Въ соборѣ, помимо другихъ сокровищъ, имѣется замѣчательная икона живописца петровской эпохи, Стефана Казаринова «Распятіе Господне и седмь таинствъ». Въ центральной части иконы воспроизведенъ Іисусъ Христосъ, Распятый на крестѣ, вокругъ Него группируются изображенія семи таинствъ.

Изъ достопримѣчательностей, хранящихся въ ризницѣ, обращаютъ на себя вниманіе древніе серебряные вызолоченные сосуды. Они, по всему вѣроятію, принесены въ даръ Юріемъ Долгорукимъ, основателемъ Спасо-Преображенскаго собора. Стоящій близъ Плещеевскаго озера Никольскій мужской монастырь основанъ въ 1392 году преподобнымъ Дмитріемъ Прилуцкимъ, прославившимся своимъ праведнымъ образомъ жизни. Въ свое время монастырь подвергся разграбленію со стороны поляковъ, но въ половинѣ XVII столѣтія онъ былъ снова реставриро-

Часовня надъ усыпальницей князя Пожарскаго, что въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ, въ Суздалѣ.

ванъ. Отъ Горицкаго монастыря, находящагося на берегу Переяславскаго озера и основаннаго въ 1362 г. Евдокіею Дмитріевною, супругой Дмитрія Донского, осталось нынѣ только 4 храма: Успенія Богородицы, Всѣхъ Святыхъ, Богоявленія Господня на колокольнѣ и Св. Николая надъ воротами. Напротивъ только что указаннаго монастыря возвышаются каменныя постройки Θедоровской Дѣвичьей обители. Въ 1557 году Іоаннъ Грозный, принявъ участіе вмѣстѣ со своей супругой Анастасіей Романовной въ освященіи церкви въ Переяславскомъ Никитскомъ монастырѣ, возвращался обратно въ Москву; на пути царица родила сына Θедора. Въ ознаменованіе столь радостнаго событія Іоаннъ Грозный перестроилъ Θедоровскую обитель, соорудивъ каменныя кельи и обнеся монастырь стѣною. Сначала этотъ монастырь былъ мужской, но затѣмъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича Романова онъ былъ обращенъ въ женскій.

Художественныя двери въ часовнѣ надъ усыпальницей князя Пожарскаго.

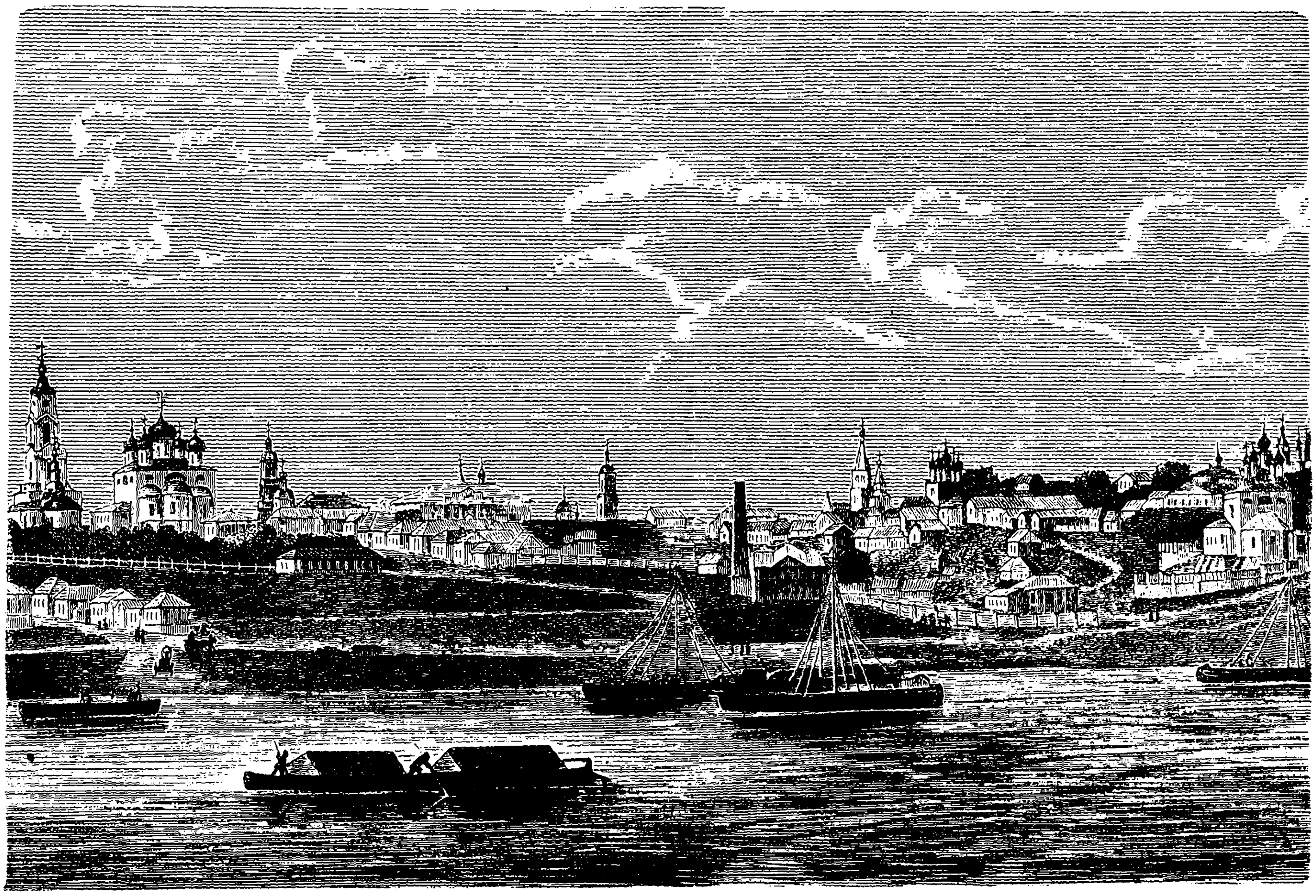
На томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, царица разрѣшилась отъ бремени, построена часовня близъ Переяславля-Залѣсскаго. Она находится близъ города и производитъ большое впечатлѣніе своей оригинальной архитектурой. Въ ближайшихъ окрестностяхъ города находится второклассный Данилово-Троицкій монастырь. Монастырь этотъ сооруженъ на томъ мѣстѣ, гдѣ было кладбище для странниковъ, людей убогихъ и погибшихъ отъ насильственной смерти. По этой причинѣ, въ памятникахъ XVI вѣка онъ называется «Новымъ монастыремъ, что на Божьемъ дому». Преподобный Даніилъ, проживая въ Горицкомъ монастырѣ, часто приносилъ на своихъ рукахъ въ эту общую усыпальницу умершихъ странниковъ, людей, убитыхъ разбойниками и проч. Преподобный, смотря по ночамъ на Божій домъ, часто видѣлъ, какъ разсказываетъ преданіе, горящія свѣчи и слышалъ божественное пѣніе. Даніилъ построилъ здѣсь для поминанія усопшихъ храмъ Всѣхъ святыхъ, а немного спустя возникъ и монастырь. Мощи св. Даніила, пользовавшагося при жизни огромнымъ уваженіемъ, покоятся въ придѣлѣ Соборной церкви во имя Св. Троицы. Всего въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ имѣется нынѣ четыре монастыря: три мужскихъ и одинъ женскій.

Въ торгово-промышленномъ отношеніи Переяславль не играетъ очень выдающейся роли. Изъ фабрикъ самая крупная—это Бумагопрядильное товарищество переяславской мануфактуры съ 2,400 рабочими и съ ежегоднымъ производствомъ въ 200,000 пудовъ пряжи. Крупные обороты выпадаютъ еще на долю красильной и ситце-набивной фабрики Попова и бумаго-красильной фабрики Гладковой. Въ окрестностяхъ Переяславля находится нѣсколько лѣсопильныхъ заводовъ.

Художественныя двери въ часовнѣ надъ усыпальницей князя Пожарскаго.

Пользующійся общей извѣстностью, какъ родина народной великороссійской лубочной живописи, городъ Суздаль имѣетъ скорѣе историческое, подобно Владиміру, значеніе, чѣмъ значеніе торгово-промышленнаго или фабричнаго центра. Нѣкогда Суздаль былъ, правда, однимъ изъ богатыхъ, многолюдныхъ и промышленныхъ городовъ Россіи, а жители его славились «досужествомъ въ художествѣ и промыслахъ». Изъ художествъ первое мѣсто занимала иконопись, извѣстная и нынѣ подъ названіемъ суздальской, а изъ промысловъ особенно была распространена мелочная торговля офеней-ходебщиковъ, которые, подъ именемъ суздаловъ, пробирались въ самыя отдаленныя мѣста Россіи. Теперь ни того ни другого не существуетъ въ городѣ и перешли они въ села Холуй и Палеха Вязниковскаго уѣзда. Суздаль упалъ частью отъ разоренія

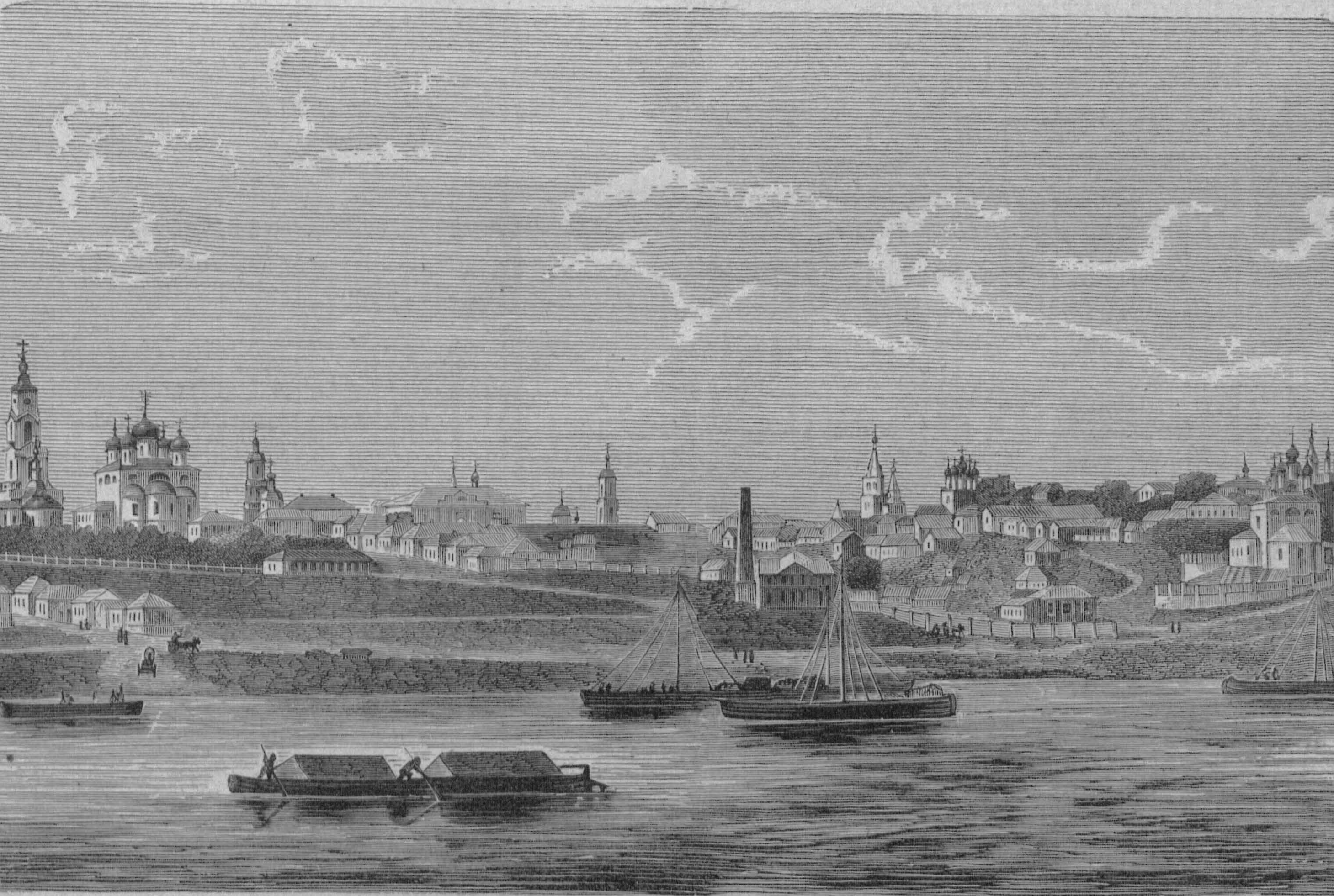

Общій видъ города Мурома

при нашествіяхъ враговъ, а главнымъ образомъ отъ перемѣщенія торговой дѣятельности въ Москву, а промышленной—въ среду сельскаго населенія.

Суздаль былъ когда-то столицею могущественнаго суздальскаго княжества. Въ древности онъ назывался Суждалемъ, и, по преданію, получилъ начало одновременно съ приходомъ варяговъ къ славянамъ. Какъ полагаютъ, имя его произошло отъ того, что князья здѣсь «судили» народъ. Городъ Суздаль принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ русскихъ; о немъ упоминается въ лѣтописяхъ уже подъ 1024 годомъ. Съ переходомъ во владѣніе Юрія Долгорукаго, суздальское княжество сдѣлалось самостоятельнымъ. Сынъ Юрія, Андрей Боголюбскій, избравъ столицею Владиміръ, подчинилъ себѣ Суздаль въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка. Въ 1390 году, въ княженіе великаго князя московскаго Василія Дмитріевича, Суздальская область была присоединена къ Москвѣ.

Въ настоящее время Суздаль славится своимъ огородничествомъ и въ этомъ отношеніи можетъ быть сопоставленъ съ Ростовомъ. Кромѣ обыкновенныхъ овощей, разводятъ въ боль-

Общій видъ города Мурома

шомъ количествѣ хрѣнъ, лукъ, мяту, цикорій и проч. Ежегодно изъ Суздаля отправляютъ много различныхъ овощей въ другіе города Россіи и даже въ столицы. Суздальцы успѣшно занимаются также и садоводствомъ, но по степени своего развитія оно значительно уступаетъ огородничеству.

Суздаль имѣетъ теперь 8,000 жителей. Онъ расположенъ по обѣимъ берегамъ рѣчки Каменки, въ 34 верстахъ отъ Владиміра.

Городъ Муромъ, славящійся также своимъ огородничествомъ, лежитъ на лѣвомъ берегу Оки при Коврово-Муромской жел. дорогѣ и имѣетъ около $12^1/_2$ тысячъ жителей. По разсказамъ, Муромъ основанъ финскимъ племенемъ мурома, которое жило по берегамъ рѣки Оки еще въ IX вѣкѣ и находилось подъ властью Рюрика. Въ XI вѣкѣ образовалось Муромское ве-

Муромъ.—Соборъ Пресвятыя Богородицы.

ликое княжество, первымъ княземъ котораго былъ Глѣбъ, сынъ князя Владиміра. Муромъ подчинялся то однимъ князьямъ, то другимъ, а въ 1353 г. былъ присоединенъ къ Владимірскому княжеству, а потомъ—къ Москвѣ.

Уже въ самыя отдаленныя времена Муромъ игралъ видную роль въ торговой дѣятельности Россіи. Благодаря удобнымъ водянымъ сообщеніямъ по Окѣ и Волгѣ, Муромъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ для сѣверо-восточной Руси. Въ X и XI столѣтіяхъ болгары и муромцы вели оживленную торговлю всякими товарами. Муромъ служитъ важнымъ складочнымъ пунктомъ для сельско-хозяйственныхъ продуктовъ всего низовья Оки. Въ городѣ весьма значительно развито полотняное производство. Жители Муромскаго уѣзда занимаются земледѣліемъ, но этотъ трудъ плохо вознаграждается, какъ и вездѣ, впрочемъ, въ подмосковномъ раіонѣ. Въ видѣ поддержки, муромцы прибѣгаютъ къ ткачеству и другимъ работамъ.

П. П. Кудринъ.

Муромъ.—Соборъ Пресвятыя Богородицы.

ОЧЕРКЪ X.

ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.

Общій размѣръ фабрично-заводской промышленности въ Россіи и Московской области. — Значеніе Москвы и Московской области въ торгово-промышленномъ отношеніи въ предѣлахъ Россіи и за границею. — Прошлое промышленности Московской области; постепенное развитіе въ ней обрабатывающей промышленности и торговой дѣятельности. — Нынѣшнее развитіе промышленности въ Московской области. — Обстоятельства, благопріятствующія и неблагопріятствующія росту разныхъ отраслей промышленности.

МОСКВА, въ то время, когда она была еще первой столицей русскаго государства, играла роль верховной повелительницы надъ всѣми частями нашего необъятнаго отечества. Съ основаніемъ новой столицы на берегахъ Невы, центръ политическаго тяготѣнія перенесенъ въ Петербургъ. Переставъ быть центромъ административнымъ, Москва, однако, повелѣваетъ всею нашею промышленностью. Сама Московская губернія и губерніи ее окружающія съ ихъ «манчестерами», «шеффильдами» и «бирмингамами» поставляютъ на Россію главную часть продуктовъ фабрикъ и заводовъ.

Московскіе ситцы, кумачъ, сукна, плисы, шелковыя матеріи, а также нѣкоторые предметы народной роскоши—стеклярусъ, ленты, парчи и проч.—пользуются извѣстностью далеко за предѣлами Россіи, находятъ сбытъ въ Персіи и Бухарѣ и проникаютъ даже въ Японію и Китай, хотя и не успѣли еще завоевать себѣ рынки такъ прочно, какъ это сдѣлали одноименные товары англійскаго происхожденія. За то внутри государства московскія издѣлія составляютъ весьма значительную часть всѣхъ обращающихся на нашихъ рынкахъ произведеній фабрично-заводской промышленности.

Тверская, Ярославская, Костромская, Владимірская, Нижегородская и Московская губерніи, составляющія тотъ раіонъ, большинство произведеній котораго, преимущественно мануфактурныхъ, слыветъ подъ именемъ московскихъ, по своему географическому положенію, по почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, наконецъ по исторической судьбѣ своей и выработанному этою судьбою характеру населенія, поставлены какъ бы въ необходимость сдѣлаться губерніями преимущественно промышленными.

По даннымъ, относящимся къ 1896 году, вся фабрично-заводская промышленность русскаго

государства производитъ ежегодно разныхъ товаровъ на сумму около 2,750 милліоновъ рублей; болѣе четвертой части этого производства приходится на долю названныхъ губерній. Сюда совсѣмъ не включены кустарныя издѣлія, которыя въ этихъ губерніяхъ играютъ крайне важную роль.

Количество фабрикъ и заводовъ, существующихъ въ 6 промышленныхъ губерніяхъ, составляетъ приблизительно восьмую часть общаго числа фабрикъ и заводовъ въ Имперіи (39,000).

По приблизительному расчету, Московская губернія имѣетъ до 1,950 фабрикъ и заводовъ, съ ежегоднымъ производствомъ приблизительно въ 218 милліоновъ рублей; въ Костромской же число фабрикъ и заводовъ доходитъ до 900, съ общею суммою производства около 29 милліоновъ рублей; Ярославская имѣетъ 3,300 фабрично-заводскихъ предпріятій, на 27 милліоновъ рублей; Тверская—400, съ производствомъ приблизительно въ 27 милліоновъ рублей; Владимірская—500, на 90 милліоновъ рублей; Нижегородская—350, на 16 милліоновъ рублей.

Сверхъ того, въ каждой изъ этихъ губерній почти все населеніе принуждено заниматься зимою какими-либо промыслами, безъ которыхъ существованіе его не обезпечивается. И большинство занимается кустарничествомъ, разсчитывая преимущественно на невзыскательныхъ потребителей. Произведенія этого рода конкурируютъ очень нерѣдко съ издѣліями фабричнаго производства. Точныхъ данныхъ для опредѣленія цѣнности ежегоднаго производства кустарныхъ промысловъ, въ упомянутыхъ 6 губерніяхъ, къ сожалѣнію, не имѣется, но производство это, тѣмъ не менѣе, весьма значительно.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, какое значеніе имѣетъ промышленная область въ общемъ производствѣ Россійскаго государства. Московская губ. вмѣщаетъ въ себѣ третью часть всѣхъ фабрикъ и заводовъ промышленной области и производитъ болѣе чѣмъ половину всѣхъ товаровъ области. Поэтому не безъ основанія, дѣйствительно, русскія издѣлія, преимущественно мануфактурныя, именуютъ московскими. Это справедливо даже въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ самъ городъ Москва производитъ фабрикатовъ и заводскихъ издѣлій на сумму до 50 милліоновъ рублей.

Москва имѣетъ болѣе третьей части всѣхъ фабрикъ и заводовъ губерніи и производитъ почти третью часть товаровъ, производимыхъ на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ Московской губерніи.

Москва является самымъ обширнымъ резервуаромъ внутреннихъ промышленныхъ капиталовъ; въ нее стекаются со всѣхъ концовъ Россіи торговцы за товарами и сюда же идетъ громадное количество сырья для переработки на многочисленныхъ фабрикахъ какъ самой Москвы, такъ и окрестныхъ городовъ и селеній. Можно сказать, что въ Москвѣ сосредоточивается вся внутренняя и даже иностранная торговля Россіи. Въ Москвѣ издавна накопились въ разныхъ слояхъ ея населенія запасы преимущественно практическихъ, техническихъ знаній и находятся наиболѣе предпріимчивыя руки, устраивающія промышленныя заведенія не только въ Москвѣ, но и внѣ ея. Поэтому Москва является какъ бы главнымъ разсадникомъ промышленности не только всей внутренней Россіи, но даже Кавказа и Средней Азіи.

Промышленная дѣятельность области не распредѣлена равномѣрно по всему ея пространству, но имѣетъ центры сгущенія и мѣста разрѣженныя. Всего болѣе сгущена она въ Москвѣ и въ окружающихъ со всѣхъ сторонъ столицу мѣстностяхъ. Затѣмъ сгущеніе это продолжается по направленію къ сѣверо-востоку, востоку и къ юго-востоку отъ Москвы, главнымъ образомъ въ *Богородскомъ* уѣздѣ, отчасти въ *Дмитровскомъ*, *Бронницкомъ* и *Коломенскомъ* уѣздахъ Московской губ., въ *Покровскомъ* и отчасти въ *Александровскомъ* уѣздахъ Владимірской губ. Всю эту мѣстность можно разсматривать какъ ядро области въ промышленномъ и фабричномъ отношеніяхъ. Хотя и вся Московская губернія по преимуществу промышленная, но восточная половина ея имѣетъ болѣе фабричный характеръ, нежели западная.

Другое, также сильное сгущеніе промышленной дѣятельности лежитъ тамъ, гдѣ Ярославская, Владимірская, Костромская и Нижегородская губерніи наиболѣе приближаются одна къ другой и вмѣстѣ подходятъ къ Волгѣ.

Это средоточіе фабрично-кустарной промышленности занимаетъ *Шуйскій*, *Вязниковскій* и частью *Ковровскій* уѣзды Владимірской губ., *Нерехотскій, Кинешемскій* и *Юрьевецкій* уѣзды Костромской и частью *Ярославскій* уѣздъ Ярославской губ. и *Балахнинскій* Нижегородской. Наиболѣе замѣчательная въ промышленномъ отношеніи часть этого пространства—такъ-называемый *Вычуго-Ивановскій* край, по густотѣ своего фабричнаго характера, послѣ Москвы занимаетъ первое мѣсто; край этотъ (Кинешемскій и Шуйскій уѣзды) находится въ углѣ схожденія Владимірской, Костромской и Нижегородской губерній, между Волгою и Клязьмою.

Кромѣ этихъ двухъ главнѣйшихъ средоточій фабрично-заводской промышленности, въ области разбросано еще много другихъ центровъ фабричныхъ заведеній и домашнихъ промысловъ. Распредѣленіе ихъ не подчиняется какому-либо опредѣленному вліянію, но вообще можно сказать, что наиболѣе промышленная часть области лежитъ на пространствѣ между Окой и Волгой.

Обработывающая промышленность области опредѣляетъ всѣ особенности характера жизни ея по сравненію съ другими областями государства и обусловливаетъ другую, также не маловажную отрасль дѣятельности ея — торговлю. Мы уже замѣтили, что центръ этой области—Москва въ то же время и торговый центръ Россіи, отъ котораго находятся въ большей или меньшей торговой зависимости всѣ, даже самые отдаленные ея края.

Вмѣстѣ съ Москвою и вся область принимаетъ самое дѣятельное участіе въ этой торговлѣ. Благодаря Нижегородской ярмаркѣ, это участіе принимаетъ совсѣмъ особенное значеніе.

Москва и Нижегородская ярмарка, которая ежегодно приводитъ въ торговое соприкосновеніе не только отдѣльныя части Россіи, но и всѣ части свѣта съ Россіей, являются главнѣйшими посредницами всего торговаго обращенія Россіи. Но, кромѣ этихъ двухъ первенствующихъ торговыхъ центровъ, могущественная коммерческая дѣятельность всей Московской области проявляется во всевозможныхъ формахъ торговыхъ дѣйствій, исходящихъ изъ разныхъ средоточій фабричной дѣятельности ея.

Какъ сказано уже, торговля поддерживаетъ постоянную живую связь этой области со всѣми частями государства, до самыхъ крайнихъ предѣловъ его въ Европѣ и Азіи. Торговцы Москвы и другихъ фабричныхъ мѣстностей области, съ безчисленою арміею своихъ приказчиковъ и агентовъ всякаго рода, разсѣянною по всей Россіи и проникающею даже внутрь всѣхъ азіатскихъ государствъ, являются главными распорядителями на всѣхъ ярмаркахъ, въ томъ числѣ и въ Сибири, и въ пограничныхъ азіатскихъ странахъ. Весь украинскій ярмарочный торгъ, къ раіону котораго принадлежитъ почти вся южная Россія, за исключеніемъ юго-западной окраины, можетъ быть названъ московскимъ торгомъ. Коммерческое значеніе Московской области и личное вліяніе ея промышленнаго міра на все пространство Россіи чрезвычайно усиливается еще тѣмъ, что фабриканты преимущественно этой области сами торгуютъ своими произведеніями, развозя ихъ всюду, безъ торговыхъ посредниковъ. Сверхъ того, всюду дѣйствуютъ, всюду разъѣзжаютъ или всюду посылаютъ своихъ агентовъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ области торговцы—не фабриканты, торгующіе только чужимъ товаромъ. Эти торговцы подвижного всероссійскаго торга принадлежитъ ко всѣмъ коммерческимъ ступенямъ, отъ милліонеровъ-оптовщиковъ до самыхъ мелкихъ разнощиковъ, ходебщиковъ, коробейниковъ и офеней, издревле народившихся и воспитывавшихся преимущественно во Владимірской губ. Многіе изъ этихъ торговцевъ и крупныхъ и мелкихъ окончательно водворяются далеко отъ своей мѣстности и дѣлаются колонизаторами московской торговли во всѣхъ областяхъ Россіи, въ Сибири, во всѣхъ русскихъ владѣніяхъ въ Азіи.

Современное фабрично-промышленное и торговое развитіе Московская область получила

не очень давно. Весьма существенный толчокъ къ этому развитію данъ лишь въ концѣ XVII вѣка промышленнымъ геніемъ Петра I, а именно открытіемъ свободнаго общенія съ западомъ.

Начало же обработывающей и особенно торговой дѣятельности относится къ очень отдаленному прошлому.

Прежде всего весьма важную роль въ этомъ отношеніи играло географическое положеніе тверскихъ, суздальско-владимірскихъ и московскихъ земель у водораздѣла величайшихъ рѣкъ восточной равнины Европы, образовавшихъ первые пути сообщенія этихъ земель съ отдаленными краями. Здѣсь истоки великой русской рѣки Волги близко прикасаются съ рѣчными системами Бѣлаго и Балтійскаго морей, черезъ посредство которыхъ Московская область ранѣе другихъ могла войти въ общеніе съ образованными европейскими народами и въ международный обмѣнъ товаровъ. Волга же связала эту часть Русской земли и съ востокомъ. По рѣчнымъ путямъ русскіе люди проникали издавна въ отдаленнѣйшія страны. Черезъ Бѣлое море и Сѣверную Двину завели съ Русской землей торговыя сношенія англичане, придававшіе большое значеніе этой торговлѣ и находившіе ее очень выгодною для себя, а потому и добивавшіеся исключительныхъ монопольныхъ торговыхъ правъ. Ихъ привлекало русское сырье, главнымъ образомъ мѣдь, медъ, ленъ и кожи, на которое они вымѣнивали сомнительнаго качества произведенія своихъ собственныхъ фабрикъ и заводовъ.

До половины XV вѣка, однако, русская обработывающая промышленность почти отсутствовала. Существовало лишь домашнее ткачество, которымъ занимались исключительно женщины для семейнаго обихода, да выдѣлка кожъ и мѣховъ. Изготовлялись, кромѣ того, ручнымъ же способомъ кое-какія издѣлія изъ желѣза, преимущественно орудія домашняго хозяйства, и изъ золота и серебра украшенія церковной утвари, одеждъ и т. п. Остальные же предметы пріобрѣтались у иностранцевъ, обмѣномъ на предметъ вывоза, каковыми были главнымъ образомъ мѣха и медъ. Даже вооруженіе для войскъ получалось такимъ путемъ. Сношенія съ иностранцами почти ограничивались этимъ обмѣномъ и населеніе относилось къ нимъ съ недовѣріемъ, а потому не могло позаимствовать необходимыхъ для водворенія въ странѣ производствъ техническихъ знаній. Только Новгородскія и Псковскія земли были въ этомъ отношеніи болѣе либеральны. Ихъ положеніе на торговомъ пути запада съ Русью обусловило раннее общеніе съ иностранными торговцами и техниками; ихъ торговое сословіе поэтому пріобрѣло раньше тѣ свѣдѣнія по части техники всякаго производства, которыя, съ подчиненіемъ Новгорода и Пскова Москвѣ и съ переселеніемъ новгородскаго и псковского купечества въ Москву, проникли впервые и въ нынѣшнюю московскую промышленную область и положили начало ея торгово-промышленному величію.

Долговременное татарское иго также сильно тормозило промышленное развитіе страны, имѣвшей, какъ показываетъ ея послѣдующая исторія и современное состояніе, много условій, благопріятныхъ для этого развитія.

Эти двѣ историческія причины — недопусканіе иностранцевъ и гнетъ татарскаго варварства—привели экономическій бытъ Россіи къ тому, что еще въ XVI вѣкѣ, въ началѣ московскаго періода ея исторіи, черты, отличавшія русскую торговлю, по словамъ историка, представлялись въ слѣдующемъ видѣ: «количественное богатство матеріаловъ страны, болѣе дѣвственной и обширной, чѣмъ плодоносной; скудость рукодѣльныхъ произведеній; трудъ производителя тяжелый, вынуждаемый чаще всего внѣшними побужденіями необходимости и неизбѣжности, иногда тою отвагою, которая рождается вслѣдствіе терпѣнія, рѣдко изобрѣтательностью и сознательною надеждою на успѣхъ; неудобства путей сообщенія, подвергавшія торговцевъ невыразимымъ лишеніямъ и опасностямъ; незнаніе техники чужеземныхъ произведеній; невѣдѣніе способовъ ихъ пріобрѣтенія и сбыта своихъ собственныхъ; недовѣрчивость къ собственнымъ силамъ и чужой добросовѣстности, а вслѣдствіе этого стремленіе обманомъ пре-

дупредить обманъ; задержки и препятствія, которыя на каждомъ шагу полагались торговой дѣятельности».

Чтобы составить себѣ понятіе о тѣхъ, сравнительно, громадныхъ успѣхахъ, какіе сдѣлала Московская область за два послѣднія столѣтія въ дѣлѣ развитія своей обрабатывающей промышленности, хотя и оставляющей желать еще многаго, но уже ставшей на твердую ногу, необходимо нѣсколько ознакомиться съ состояніемъ этой же промышленности въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ.

Металлы, особенно желѣзо, главные двигатели всякаго фабрично-заводскаго дѣла, въ то время въ Россіи почти не обрабатывались и металлическія вещи, за небольшими исключеніями, привозились къ намъ изъ чужихъ краевъ.

Желѣзо выдѣлывалось, и то лишь въ видѣ крестьянскихъ опытовъ, въ горнахъ и домницахъ въ Орѣшкѣ, въ землѣ Корельской, Каргополѣ, Тихвинѣ, Новгородѣ, Устюжнѣ-желѣзнопольской и около Кашира. Иванъ Васильевичъ даровалъ англичанамъ право устроить желѣзодѣлательные заводы въ Вычегдѣ. Желѣзо наше не считалось въ то время хорошимъ по качеству. Изъ него выдѣлывались сошники, гвозди и разныя принадлежности крестьянскаго быта. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ нѣмцы, по приглашенію царя присланные изъ Саксоніи, открыли желѣзную руду близъ Тулы и начали ея обработку. Въ семи верстахъ отъ Тулы былъ основанъ одинъ заводъ. Въ 1656 году существовало въ той-же мѣстности еще два завода. Кромѣ того, въ 52 верстахъ отъ Москвы былъ казенный павловскій заводъ, но онъ шелъ плохо. Въ самой Москвѣ, за Неглинной, былъ монетный заводъ, на которомъ лили пушки и колокола. Лучшій заводъ былъ Протвинскій. На этомъ заводѣ выдѣлывалось полосовое желѣзо трехъ сортовъ, пушки, двери, ставни, якоря, солеварные црѣны, сабельные клинки, ядра, ручныя мукомольныя мельницы, топоры, бердыши, лопаты, телѣжныя принадлежности, гвозди и проч. Но всѣ эти заводы не могли удовлетворять даже слабому въ то время спросу на желѣзныя издѣлія и въ Россію привозилось значительное количество ихъ изъ за-границы, преимущественно изъ Швеціи, черезъ Новгородъ. Такъ, въ 1671 году привезено 1937 пуд., въ 1672—123,901 пуд. и въ 1673—662 пуд. Привозъ желѣза, какъ и весь привозъ иностранныхъ товаровъ того времени, имѣлъ періодическій характеръ: разъ привозили много, а въ другіе годы несравненно менѣе, почему иногда ощущался въ странѣ недостатокъ какого-либо издѣлія. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, напримѣръ, Тихвинскій монастырь, нуждаясь въ желѣзѣ для связокъ въ каменной постройкѣ, просилъ особаго дозволенія отправить свои товары въ Швецію для промѣна на желѣзо. Изъ этого видно, что въ Россіи тогда нельзя было купить желѣза.

У насъ издавна выдѣлывали всякія желѣзныя издѣлія: въ Муромѣ дѣлали клапаны, которые украшались серебряными рѣзными черенками и носили названіе муромскихъ; въ Бѣжецкомъ Верху, а быть можетъ и въ другихъ мѣстахъ, работали косы и серпы; въ Ярославлѣ дѣлались разныя стальныя вещи и въ томъ числѣ висячіе замки, сходные по фигурѣ съ персидскими; въ Астрахани занимались дѣланіемъ булатныхъ сабель и панцырей (этимъ искусствомъ особенно отличались жившіе тамъ черкесы, которыхъ Алексѣй Михайловичъ требовалъ въ Москву). Но все-таки Россія получала отъ шведовъ, голландцевъ, англичанъ, частью изъ Персіи, разныя стальныя и желѣзныя вещи, а въ томъ числѣ оружіе. Къ намъ привозились изъ стальныхъ издѣлій ножи, ножницы, замки, булавки и иголки.

Прочіе металлы всѣ безъ исключенія доставлялись въ Россію изъ чужихъ краевъ. Мѣдь привозили намъ англичане, датчане и голландцы, какъ въ пластинкахъ, такъ и въ издѣліяхъ, какъ красную, такъ и желтую. Олово привозили датчане и англичане, въ видѣ брусковъ (брусчатое), полосъ (лычное) и свертковъ (рогожное) и въ видѣ издѣлій: блюда, тарелки, чашки, стаканы, кружки, вообще столовая посуда, бывшая въ старину во всеобщемъ употребленіи у зажиточныхъ людей.

Золото и серебро привозились къ намъ въ монетахъ, слиткахъ и издѣліяхъ, а именно въ

видѣ посуды и носильныхъ украшеній: золоченыхъ и серебряныхъ кубковъ, братинъ, стопъ, ковшей, солонокъ, чарокъ, стакановъ, кружекъ, колецъ, перстней, серегъ, пуговицъ, бляхъ и проч. Кромѣ того ежегодно привозилось къ намъ значительное количество золота и серебра для вышиванія: пряденаго, волосенаго и цѣвочнаго золота и серебра, бити, канители, трунцала, проволоки и фольги или блестокъ. Русскіе не умѣли приготовлять металловъ для вышиванія, а между тѣмъ обычай украшать одежды золотымъ и серебрянымъ шитьемъ былъ распространенъ.

Въ Россію ввозились въ то время также нѣкоторые другіе металлы, а также минералы и соли: ртуть, киноварь, сурьма, сулема, квасцы, купоросъ, бура, ярь, бѣлила (послѣднія въ значительныхъ количествахъ, благодаря обычаю русскихъ женщинъ) и драгоцѣнные камни: синіе и красные яхонты, лалы, изумруды, вареники, бирюзы, бечеты, баканы, ящиры, достоканы (топазы), винисы и проч.

Постройка каменныхъ церквей, а впослѣдствіи и каменныхъ домовъ вызвала къ жизни выработку извести, алебастра, строительнаго камня и кирпича, которою занимались во многихъ городахъ, напримѣръ: въ Вологдѣ, Псковѣ, Бѣлоозерѣ, Переяславлѣ. Даже иностранцы покупали у насъ алебастръ. Изъ минераловъ кремень тогда представлялъ также предметъ значительной промышленности. Слюда, замѣнявшая въ старину наши стекла въ оконницахъ и фонаряхъ, добывалась главнымъ образомъ въ Керецкой волости Соловецкаго монастыря.

Мукомольное дѣло было слабо развито, хотя какъ въ самой Москвѣ, такъ и во многихъ городахъ существовали водяныя и вѣтряныя мельницы, такъ какъ въ то время хлѣбъ продавался преимущественно въ зернѣ, и многіе имѣли у себя ручныя мельницы, на которыхъ приготовляли муку для домашняго употребленія.

Хлѣбное вино приготовлялось главнымъ образомъ на казенныхъ винокурняхъ, число которыхъ въ XVII вѣкѣ около Москвы было довольно значительно, и на особыхъ кружечныхъ дворахъ откупщиковъ, которымъ было предоставлено право продажи вина, принадлежавшее вообще казнѣ. Кружечные дворы, по постановленію 1677 года, были заводимы въ городахъ и селахъ, имѣющихъ не менѣе 500 душъ жителей. Они представляли собой большія фабричныя зданія, обнесенныя со всѣхъ сторонъ заборомъ и стѣною, на подобіе крѣпости. Во дворѣ находились избы, гдѣ собирались питухи, ледники, подвалы, поварня, въ которой дѣлалось пиво и медъ, винокурня съ кладовою и торговыя бани. Кромѣ того владѣльцы имѣній устраивали у себя винокурни и поставляли вино на кружечные дворы казнѣ или откупщикамъ. Казна покупала также вино въ Малороссіи и Ливоніи и привозила въ Москву для продажи.

Казенная продажа вина предназначалась почти для одного простонародья. Бояре, дворяне, помѣщики, вотчинники, гости, торговцы гостиной и суконной сотень и многіе знатные посадскіе люди имѣли право (уничтоженное въ 1682 г.)—одни постоянное, другіе временное,—приготовлять вино, пиво и медъ для домашняго обихода.

Въ половинѣ XVI вѣка русскіе не умѣли еще дѣлать канатовъ, а ленъ и пенька вывозились за-границу хотя и въ значительныхъ количествахъ, но безъ всякой предварительной обработки. Въ это время англичанинъ Ричардъ Грей основалъ въ Вологдѣ (или въ Холмогорахъ?) канатную фабрику, на которой въ 1658 году было приготовлено 70 тыс. пудовъ канатовъ. На эту фабрику допускались и русскіе рабочіе. Въ концѣ же XVI вѣка изъ Россіи уже отправляли за-границу чесаный ленъ, трепаную коноплю и канаты. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ семи верстахъ отъ Москвы, построено заведеніе для обработки льна и пеньки.

Холстъ выдѣлывался русскими въ XVI вѣкѣ также очень дурно, и знатные люди выписывали для себя этотъ матеріалъ для одежды изъ за-границы; во второй же половинѣ XVII вѣка изъ Архангельска отправлено за-границу русскаго холста, называемаго ватманомъ, 168,500 аршинъ. Вблизи Москвы въ это время дворцовая слобода Кадашевка была населена ткачами (хамовниками), выдѣлывавшими полотно, и царица Наталья Кирилловна носила исключительно рус-

ское полотно. Въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ селахъ Бреитовѣ и Черкасовѣ, жили также хамовники и дѣловцы, которые ткали убрусы, полотенца и скатерти. Въ Вологдѣ приготовляли холщевыя цвѣтныя палатки и пологи, продаваемые въ Москвѣ. Въ Валдайскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ, на Двинѣ и Вагѣ, также жители занимались изготовленіемъ холста. Однако, все еще русскіе продолжали выписывать полотно изъ Голландіи и совсѣмъ не умѣли дѣлать парусины. Ежегодно черезъ Архангельскъ привозилось къ намъ нѣсколько сотенъ кусковъ холста, сшитыхъ рубашекъ, наволокъ, салфетокъ, одѣялъ и проч.

Изготовленіе льняного масла повидимому было довольно распространено въ Россіи, и отъ насъ оно вывозилось за границу; такъ, въ концѣ царенія Алексѣя Михайловича ежегодно отпускалось въ Архангельскъ до 600 ластовъ масла.

Писчая бумага, хотя приготовлялась въ Россіи еще при Іоаннѣ Васильевичѣ, но была очень дурного качества, почему привозилась изъ-за-границы. При Алексѣѣ Михайловичѣ у насъ было двѣ бумажныхъ фабрики: одна на рѣкѣ Нахрѣ, другая на Яузѣ, но обѣ производили дурную бумагу.

Хлопчатая бумага и хлопчато-бумажныя ткани привозились къ намъ въ XVI вѣкѣ главнымъ образомъ съ востока, а въ XVII вѣкѣ начали ввозить эти предметы и европейцы черезъ Архангельскъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ начало заводиться и у насъ ткачество бумажныхъ матерій, которыя пришлись по вкусу русскимъ, хотя ручныя и при томъ изъ готовой привозной пряжи.

Поташъ, смола и смольчугъ, благодаря обилію лѣсовъ, производились въ большихъ количествахъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ Россіи и вывозились за-границу.

Въ половинѣ XVII вѣка впервые заведены въ Россіи мыловаренные заводы. Лучшимъ русскимъ мыломъ считалось костромское—крѣпкое и сѣрое цвѣтомъ.

Производство стекла началось въ Россіи при Михаилѣ Θеодоровичѣ и развилось при Алексѣе Михайловичѣ. Стекло обрабатывалось довольно удовлетворительно, но не настолько, чтобы и по отношеніи къ этому предмету не ощущалась потребность въ иностранныхъ произведеніяхъ. Въ половинѣ XVII вѣка въ Россію ежегодно привозилось изъ Ливоніи и Малороссіи отъ 80,000 до 90,000 листовъ стекла. Изъ другихъ странъ Европы привозились зеркала и зеркальныя стекла въ большомъ количествѣ, стеклянные стаканы, чарки, разныя склянницы, очки и прочія издѣлія. Хрустальныя вещи были очень дороги.

Древодѣльная промышленность всякаго рода, изготовленіе бревенъ, кряжей, брусьевъ, лубья, теса, досокъ, верей, желобовъ, лыкъ, угля, лаптей, рогожъ, ложекъ, ослядей, блюдъ, солонокъ, чашекъ, лучины, срубовъ для избъ, а также всякаго рода мастерства по обработкѣ дерева, какъ-то плотничное, столярное, судостроительное и изготовленіе мелкихъ деревянныхъ издѣлій были издавно распространены въ Россіи. Нѣкоторыя мѣста и тогда славились своими издѣліями этого рода.

Сахаръ, подъ именемъ котораго разумѣли тогда какъ собственно сахаръ, такъ и всякія вообще лакомства, конфекты и пряности, приготовленныя на сахарѣ, былъ извѣстенъ только привозный, какъ и разнаго рода вина, бакалейные и москательные товары.

Изъ производствъ, обрабатывающихъ продукты животнаго царства, были значительно распространены: выдѣлка мѣховъ и кожъ и салотопленіе. Продукты этихъ производствъ составляли предметъ значительнаго вывоза за-границу. Несмотря, однако, на богатство Россіи звѣрями, въ XVII вѣкѣ русскіе получали нѣкоторые мѣха изъ за-границы, напримѣръ изъ Франціи лисицъ (мѣхъ которыхъ былъ въ особенно большомъ употребленіи въ Россіи), затѣмъ выдръ и ильковъ. Кожевенное производство наиболѣе процвѣтало въ областяхъ Казанской, Нижегородской, Костромской, Ярославской, въ Бѣжецкомъ Верху, Новгородской и Псковской. Выдѣлкою лошадиныхъ и соленьемъ буйволовыхъ кожъ занимались въ Ростовѣ, Вологдѣ, Новгородѣ, Муромѣ, Перми; другими же кожами преимущественно въ Казани. Красная юфть выдѣлывалась

въ областяхъ: Казанской, Новгородской, Псковской, въ Москвѣ, Костромѣ и Ярославлѣ. Русскіе издавна славились искусствомъ выдѣлывать кожевенныя произведенія. Бичи, напримѣръ, нигдѣ не дѣлались такъ хорошо, какъ въ Россіи.

Салотопленное производство и отпускъ сала за-границу были значительно развиты въ XVI вѣкѣ и впослѣдствіи по разнымъ причинамъ сильно сократились. Главною причиною этого сокращенія было введеніе въ употребленіе, вмѣсто употреблявшихся до того восковыхъ, сальныхъ свѣчей.

Русскіе не умѣли дѣлать порядочныхъ суконъ и шерстяныхъ матерій, а пріобрѣтали таковыя у иностранцевъ, преимущественно у англичанъ. Въ русскихъ селахъ приготовлялись, правда, простыя сукна (сермяжныя, одноряжныя), составлявшія предметъ потребленія низшаго класса населенія, преимущественно деревенскаго. Сермяжное сукно было бѣлое и сѣрое, хотя въ половинѣ XVII вѣка русскіе уже занимались и окраскою своихъ домашнихъ произведеній; такъ, въ то время уже въ селѣ Тейковѣ, нынѣшней Владимірской губ., крестьяне занимались красильными работами. Кромѣ суконъ, русскіе выдѣлывали шерстяныя полости и войлоки (преимущественно въ Калугѣ и вообще въ селеніяхъ по берегамъ Оки). Войлоки шли на сѣдла и на бурки и сбывались за-границу.

Въ концѣ шестнадцатаго и въ началѣ семнадцатаго столѣтій были попытки завести въ Россіи фабрикацію суконъ, но эти попытки ничѣмъ не ознаменовались. Обращавшіеся тогда въ Россіи сукна, трипъ, саржъ, шерстяная камка и ковры были исключительно иностраннаго происхожденія и привозились частью съ запада черезъ Псковъ и Новгородъ или черезъ Архангельскъ, частью же съ востока изъ Турціи, Персіи, Индіи и Китая.

Шелковыя матеріи, употреблявшіяся въ большомъ количествѣ на одежды духовенства и знатныхъ слоевъ русскаго общества, также исключительно привозились изъ чужихъ краевъ и въ Россіи вовсе не выдѣлывались. Привозились онѣ изъ Европы, а также съ востока. Матеріи эти были: бархатъ, камка, атласъ, объярь, тафта, мухояръ, зендель, зуфь, байберекъ, киндякъ, безинь и грогернъ.

Изъ этого краткаго очерка состоянія обрабатывающей промышленности Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ видно, что въ то время эта промышленность стояла еще на крайне низкой степени развитія. Продукты сколько-нибудь высшаго достоинства привозились изъ за-границы; дома же выдѣлывались лишь предметы потребленія низшихъ классовъ; фабричное производство совсѣмъ не существовало, а заводское и домашнее производства ограничивались самою первоначальною обработкою нѣкоторыхъ предметовъ, съ цѣлью сбыта ихъ за-границу, какъ, напримѣръ, вытопка сала, выбойка воска, приготовленіе мѣховъ и кожъ, трепаніе льна и конопли и т. п.

Хотя и въ настоящее время обрабатывающая промышленность Россіи стоитъ еще не на такой высотѣ, какъ во многихъ болѣе цивилизованныхъ странахъ Европы, все же мы находимся уже не въ такой зависимости отъ иностранцевъ, какъ два вѣка тому назадъ; по нѣкоторымъ же отраслямъ фабрично-заводскаго искусства мы стоимъ довольно близко къ передовымъ странамъ.

Первыя попытки насажденія въ Россіи фабрикъ и заводовъ—заведеніе ихъ англичанами—относится еще къ временамъ Іоанна Васильевича Грознаго (половина XVI вѣка), который допускалъ англичанъ въ свои предѣлы, покровительствовалъ ихъ торговлѣ и дозволилъ завести въ Вологдѣ канатную фабрику. Изъ послѣдующихъ правителей болѣе другихъ заботился о развитіи промышленности царь Алексѣй Ѳедоровичъ. Но истиннымъ созидателемъ фабрично-заводскаго дѣла въ Россіи былъ Петръ I, который принималъ самыя энергическія мѣры къ развитію этого дѣла. Наиболѣе существенною и плодотворною мѣрою было, конечно, распространеніе среди русскаго общества техническихъ знаній, чрезъ посредство иностранныхъ мастеровъ и потомъ школъ, европейскихъ понятій, привычекъ, потребностей. Начало всѣхъ

почти главнѣйшихъ отраслей нашей современной фабрично-заводской промышленности слѣдуетъ отнести къ временамъ Петра.

Съ той поры какъ Москва сдѣлалась центромъ политической жизни русскаго государства, она не сдѣлалась и центромъ торгово-промышленной, а при Петрѣ—фабрично-заводской жизни Россіи.

Условія, благопріятныя для развитія этой послѣдней, существовали въ той мѣстности, которую мы разумѣемъ подъ именемъ Московской промышленной области и до Петра. Условія эти: удобство географическаго положенія, о которомъ упомянуто выше, и близкое сосѣдство хлѣбородныхъ черноземныхъ странъ, отъ которыхъ легко было получать въ изобиліи хлѣбъ, необходимый для прокормленія рабочихъ рукъ, отвлекаемыхъ отъ земледѣлія къ фабрично-заводскому дѣлу, въ обмѣнъ на продукты промышленности обрабатывающей; предпріимчивое великорусское племя, населяющее эту область; богатство топлива, въ видѣ необозримыхъ и непроходимыхъ лѣсовъ, покрывавшихъ большую часть почвы области; минеральныя богатства ея; продолжительный зимній досугъ, пріучившій жителей области къ посторонней земледѣлію дѣятельности и къ внѣ домашнимъ занятіямъ, и, наконецъ, сравнительная скудность почвы, побуждавшая населеніе области искать источники существованія внѣ земледѣлія. Всѣ эти условія существовали, но недоставало знаній, необходимыхъ для индустріи. Это то послѣднее условіе и далъ Петръ I.

Результатомъ воздѣйствія европейскихъ знаній на русскую промышленную жизнь и является современное состояніе нашей обрабатывающей промышленности, достигнувшей менѣе чѣмъ въ двухстолѣтній періодъ того развитія въ Московской области, которое заставляетъ называть эту область по справедливости промышленной.

Результаты эти, быть-можетъ, были бы еще болѣе блестящими, если бы не промахи и колебанія нашей торговой политики, дѣйствовавшей часто болѣе въ интересахъ личныхъ или сословныхъ, нежели въ общественныхъ.

Фабрично-заводская промышленность Московской области крайне разнообразна. Здѣсь процвѣтаютъ слѣдующія отрасли: бумагопрядильная, бумаготкацкая, красильная, льнопрядильная, льноткацкая, суконная, шерстопрядильная, шелковая, шерстоткацкая, лѣсопильная, кожевенная, скорняжная, кирпичная, машиностроительная, гончарная и изразцовая, маслобойная, пиво и медоварная, тесомочная и басонная, стальная, пеньковая и т. д.

Въ настоящее время въ Московской области существуетъ болѣе шестидесяти фабрично-заводскихъ производствъ, около 4.700 фабрикъ и заводовъ. Общая сумма годового производства достигаетъ свыше 500 милліоновъ рублей. Существуютъ въ области отдѣльныя фабрики, годовое производство которыхъ равняется 3, 4, 5 и болѣе милліонамъ рублей.

Нѣкоторыя цифровыя данныя, относящіяся до каждой изъ шести губерній, ясно покажутъ намъ современное состояніе Московской фабрично-заводской промышленности. Въ самой Московской губ. насчитывается 1943 фабрикъ и заводовъ съ 191.600 рабочими и ежегоднымъ производствомъ въ 218 милліоновъ рублей. Наиболѣе значительныя производства представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	Число предпріятій	Число рабочихъ.	Годовое производство въ тысячахъ руб.
Бумагопрядильное	25	41.000	35.000
Красильное и набивное	131	16.500	29.000
Шерстоткацкое	169	18.250	24.500
Суконное	48	18.900	18.500
Бумаготкацкое	342	28.800	17.500
Сахарное	6	1.900	17.000
Машиностроительное	36	8.150	8.640
Водочное	13	750	8.500
Шелкоткацкое	148	10.900	7.625

Кустарными промыслами въ этой губерніи занято свыше 140 тысячъ человѣкъ.

Владимірской губерніи посвященъ особый очеркъ, а потому здѣсь ограничимся лишь слѣдующими указаніями. Въ этой губерніи около 1.200 фабрикъ съ 116 тыс. раб. и съ производствомъ въ 145 милліоновъ рублей. Особеннаго вниманія заслуживаютъ производства: бумаготкацкое (53 милл.); ситцевое (28 милл.); красильное ($17^1/_2$ милл.); бумагопрядильное (9 милл.); мѣдное и мѣдно-латунное (5 милл.); льнопрядильное (4 милл. руб.).

Въ губерніи развиты отрасли хлопчато-бумажная (Александровскій, Переяславскій, Ковровскій и Суздальскій уѣзды); льнопрядильное (Вязниковскій, Переяславскій, Шуйскій); выдѣлка шелковыхъ тканей (Александровскій и Покровскій); скорняжный и кожевенный промыслы (Вязниковскій, Гороховецкій, Муромскій, Переяславскій, Покровскій и Шуйскій); издѣлія изъ дерева (Александровскій, Владимірскій, Гороховецкій, Муромскій, Переяславскій, Покровскій и Шуйскій); гончарные товары (Гороховецкій, Судогодскій и Шуйскій); кузнечныя и металлическія издѣлія (Муромскій, Судогодскій и Шуйскій) и иконопись (Вязниковскій).

Ярославская губернія имѣетъ, по расчетамъ 1892 года, 3.319 фабрикъ и заводовъ, около 33.000 рабочихъ; общее производство достигаетъ приблизительно 27 милліоновъ рублей. Главнѣйшія производства слѣдующія: бумагопрядильное и бумаготкацкое — 8 милліоновъ рублей; льнопрядильное и полотняноткацкое—около 6 милл.; мукомольное и крупяное—4.200.000; табачное — 2 милл.; нефтеперегонное, чугунно-литейное и сходныя производства — 1.200.000. Кустарными промыслами занято 26 тысячъ человѣкъ. Особенно процвѣтаютъ кузнечныя и слесарныя издѣліи ($2^1/_2$ милл.), войлочныя и обувь (1.200.000) и полотна (1 милл. руб.).

Въ Тверской губерніи существуетъ 380 фабрикъ и заводовъ съ 22 тысячами рабочихъ и съ ежегоднымъ производствомъ въ 27 милл. рублей. Процвѣтаютъ отрасли хлопчато-бумажная, мукомольная и кожевенная. Кустарничество—древесныя издѣлія, мебель, обувь, ножи, серпы, косы и проч.—также сравнительно очень развито.

Фабрично-заводская дѣятельность Нижегородской губерніи выражается въ 340 фабрикахъ и заводахъ съ 7.500 рабочими съ производствомъ въ 16 милліоновъ рублей ежегодно. Наиболѣе важныя отрасли иллюстрируются слѣдующей таблицей:

	Число предпріятій.	Рабочихъ.	Производство въ тыс. руб.
Мукомольная . . .	16	970	6.300
Винокуренная . . .	11	532	3.100
Машиностроительная .	6	1324	1.650
Кожевенная	105	418	1.350

Особеннаго развитія достигла здѣсь кустарная промышленность: древесные, слесарные, кузнечные, шерстяные и кожевенные товары.

Костромская губернія имѣетъ свыше 860 фабрикъ и заводовъ съ 36 тыс. рабочихъ и съ ежегоднымъ производствомъ въ $28^1/_2$ милліоновъ рублей. Фабрикъ бумаго-ткацкихъ, льно-и бумаго-прядильныхъ и полотняныхъ—55; красильно-набивныхъ 90; дегтярныхъ, смоляныхъ и скипидарныхъ 132.

Преобладающее значеніе по числу фабрикъ и суммѣ производства ихъ, какъ видно изъ предыдущаго, принадлежитъ Московской губ. Въ этой губерніи имѣются почти всѣ изъ переименованныхъ производствъ; нѣтъ только фабрикъ или заводовъ по слѣдующимъ производствамъ: льнотрепальному, льнопрядильному, слесарному, маслобойному, издѣлій изъ рога, сыроваренному и послѣднимъ десяти, названнымъ въ таблицѣ, производствамъ. Относительно общаго распредѣленія поименованныхъ въ таблицѣ производствъ между шестью губерніями

Московской области слѣдуетъ замѣтить, что во всѣхъ этихъ губерніяхъ существуютъ (хотя въ различной степени развиты) слѣдующія производства: писчебумажное, лѣсопильное, химическое и красочное, мыловаренное, свѣчно-сальное, кожевенное, скорняжное, клееваренное, кирпичное, стеклянное и хрустальное, машиностроительное, винокуренное, водочное и пивоваренное. Полотняное, крахмальное и табачное производства (въ видѣ фабричной или заводской промышленности) существуютъ въ 5 губерніяхъ, за исключеніемъ Нижегородской; красильное и чугунно-литейное въ пяти же, за исключеніемъ Ярославской; спичечное, гончарное и изразцовое и восковыхъ свѣчей тоже въ пяти, за исключеніемъ Костромской; мѣдное и бронзовое и паточное въ пяти, за исключеніемъ Тверской, и мукомольное въ пяти, за исключеніемъ Московской. Въ четырехъ изъ шести губерній существуютъ слѣдующія производства: суконное (не существуетъ въ Костромской и Тверской губ.), бумагопрядильное (нѣтъ въ Костромской и Нижегородской), бумаготкацкое (нѣтъ въ Ярославской и Нижегородской), отдѣлочное (нѣтъ въ Тверской и Нижегородской), маслобойное (нѣтъ въ Московской и Нижегородской), солодовенное (нѣтъ въ Костромской и Нижегородской), сыроваренное (нѣтъ во Владимірской и Московской), войлочное, пенькопрядильное, канатное и уксусное (послѣднихъ не существуетъ въ Костромской и во Владимірской губ.). Въ Тверской, Московской и Владимірской губерніяхъ существуютъ, кромѣ того, фабрики или заводы по слѣдующимъ производствамъ: шерстепрядильному, ватному, щетинному, волосяному, фарфоровому и фаянсовому. Въ Костромской, Московской и Владимірской—по ситцевому и платочно набивному и шляпному производствамъ. Въ Костромской, Ярославской и Владимірской—по льнопрядильному. Въ Тверской, Московской и Владимірской — по гвоздильному, проволочному и экипажному. Въ Московской, Нижегородской и Тверской существуютъ фабрики столярныя и мелкихъ издѣлій изъ дерева, а также искусственныхъ минеральныхъ водъ; въ Костромской, Московской и Тверской—рогожныя; въ Костромской, Московской и Нижегородской — издѣлій изъ кожи; въ Московской, Тверской и Ярославской — колокольные заводы; въ Московской, Нижегородской и Ярославской — заводы минеральныхъ маслъ и колесной мази. Въ Московской и во Владимірской губерніяхъ, кромѣ того, имѣются шелкоткацкія клееночныя и обойныя фабрики и фабрики издѣлій изъ бумаги, въ Тверской и Владимірской — льнотрепальныя; въ Костромской и Владимірской смоленые и дегтярные заводы; въ Московской и Нижегородской—воскобойные и воскобѣлильные заводы, костеварные и костеобжигательные и фабрики музыкальныхъ и другихъ инструментовъ; въ Московской и Тверской—цементные и известковые заводы; въ Нижегородской и Ярославской —пряничныя фабрики; въ Тверской и Ярославской—золотоплющильныя, крупяныя и колбасныя фабрики. Затѣмъ фабрики древесной массы (1 фабрика) и слесарныхъ издѣлій существуютъ во Владимірской губ.; издѣлій изъ рога — въ Костромской и жестяныхъ издѣлій въ Тверской. Въ одной только Московской губ. имѣются фабрики и заводы по производствамъ: шерстоткацкому, ковровому, шерстомойному, вязаныхъ издѣлій, тесемочному и басонному, парчевому и позументному, лаковому и сургучному, косметическому, стеариновому, золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, разныхъ металлическихъ издѣлій, консервному, сахарорафинадному, макаронному и кондитерскому, суррогатовъ кофе, дрожжевому и карандашному. Въ одной Нижегородской губ. существуютъ заводы сталелитейные и стальныхъ ножевыхъ издѣлій; въ одной Ярославской—шорныя, рессорныя и дробяныя фабрики.

Изъ числа всѣхъ существующихъ въ Московской области отраслей обрабатывающей промышленности, какъ по размѣткамъ годичнаго производства, такъ по числу рукъ, занятыхъ имъ и по числу фабрикъ, самое видное мѣсто занимаютъ производства разнаго рода пряжи и тканей. По размѣрамъ производства они могутъ быть поставлены въ такомъ порядкѣ: бумагопрядильное, бумаготкацкое, ситцевое и платочно-набивное, суконное, шерстоткацкое, отдѣлочное, льнопрядильное, красильное, шелкоткацкое, полотняное и шерстопрядильное. Далѣе изъ остальныхъ производствъ замѣтную роль играютъ: машиностроительное и сахарорафинад-

ное, кожевенное и мукомольное. Остальныя производства имѣютъ второстепенное значенiе; сумма годичной выработки немногихъ изъ нихъ достигаетъ одного-двухъ миллiоновъ рублей. Только табачное, химическое, красочное, макаронное, кондитерское да водочное производства достигаютъ болѣе крупнаго развитiя.

Одиннадцать производствъ, занимающихся изготовленiемъ разнаго рода пряжи и тканей, выдѣлываютъ въ годъ, въ общей суммѣ, на 260 милл. рублей.

Эти производства и опредѣляютъ главнымъ образомъ характеръ всей фабрично-заводской жизни Московской промышленной области.

Б. Павловъ.

ОЧЕРКЪ XI.

РАЗВИТІЕ РУССКАГО ИСКУССТВА ВЪ СВЯЗИ СЪ ПИСЬМЕННОСТЬЮ.

Начатки русскаго искусства и письменности.—Древнѣйшія постройки.—Происхожденіе русской иконописи.—Вліяніе Запада на Сѣверную Русь.—Русская письменность въ XII и XIII вѣкахъ. — Строительное искусство въ XIV XV в.—Орнаментика рукописей. — Церковное искусство въ Москвѣ въ XIV и XV в.—Московская иконопись. — Подлинники.—Русскій лицевой Апокалипсисъ.—Гравюра XVII вѣка.

ИСКУССТВО, какъ и письменность появляются на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ. На одной и той же страницѣ начальной лѣтописи сказано, что князь Владиміръ немедленно послѣ крещенія «пославъ нача поимати у нарочитые чади дѣти и даяти на ученіе книжное» и что онъ же «повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояху кумиры». Изъ выраженія «стояху кумиры» можно, пожалуй, вывести заключеніе, что христіанскому искусству у насъ предшествовало языческое или, по крайней мѣрѣ, существовали отдѣльные памятники, попытки, изъ которыхъ при другихъ условіяхъ могло бы сложиться національное искусство, но, даже принявъ за доказанное, что эти «кумиры» были сдѣланы русскими людьми и по русскому вкусу и идеямъ, мы, за полнымъ отсутствіемъ данныхъ, имѣемъ несравненно меньшее право разсудить о ихъ характерѣ, чѣмъ о характерѣ русской дохристіанской поэзіи.

Искусство и письменность пришли къ намъ изъ Византіи, первое непосредственно, вторая—черезъ посредство родственныхъ намъ славянъ; относительно быстроты и свободы перехода, идея, выраженная въ картинѣ или зданіи, находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ идея, выраженная въ словѣ: первая не нуждается въ переводѣ и дѣйствуетъ непосредственно на чувство. Прежде чѣмъ кто-нибудь изъ отданныхъ Владиміромъ въ науку дѣтей усвоилъ себѣ славянскую грамоту, на его родныхъ уже оказали свое дѣйствіе церкви, построенныя и расписанныя греческими мастерами. Мало того: по лѣтописной легендѣ, самый вопросъ о принятіи христіанства по восточному обряду былъ рѣшенъ подъ вліяніемъ чисто художественныхъ впечатлѣній: законы съ изображеніемъ страшнаго суда, которую философъ показалъ Владиміру, и умиленія, въ которое привела его посланниковъ торжественная служба въ храмѣ св. Софіи. «Придохомъ же въ Греки»,—разсказывали они,—«и ведоша ны, и даже служатъ Богу своему, и

не свѣмы, на небѣ ли есмы были или на земли нѣсть бо на земли: такого вида, ни красоты тоя». И вотъ ихъ дѣти пытаются завести такую «красоту» у себя дома, чтобы любоваться ею каждый день.

Когда низшая культура сталкивается съ высшею, представители первой, повидимому, отказываются отъ всякой самостоятельности и оригинальности и изъ всѣхъ силъ стремятся уподобить себя своимъ духовнымъ побѣдителямъ; какъ губка, поглощаютъ они всякую жидкость, не отличая масла отъ воды; какъ мягкій воскъ, принимаютъ они какія угодно формы; они способны пересолить въ своемъ усердіи и часто бываютъ, по французской поговоркѣ, болѣе роялистами, чѣмъ самъ король.

Въ такомъ положеніи, напр., были образованнѣйшіе изъ Франковъ Меровингскаго періода, отказывавшіеся говорить на какомъ-нибудь другомъ языкѣ, кромѣ того, который они считали языкомъ Цицерона; въ такомъ положеніи, чтобы взять примѣръ изъ не-столь отдаленнаго прошлаго, были баре екатерининскаго времени, которые французились до мозга костей; въ такомъ положеніи находятся и будутъ находиться тысячи австралійскихъ дикарей, просвѣщаемыхъ англичанами.

Если племя лишено внутренной силы и поставлено въ неблагопріятныя условія, оно такъ и сотрется съ лица земли въ такой ассимиляціи; если же оно способно сказать свое слово, внести свою идею въ міровую семью, періодъ безпредѣльнаго увлеченія чужимъ пройдетъ; это чужое окажется переработаннымъ въ новыя, болѣе жизненныя формы; и не разъ бывало, что въ то время, какъ потомки носителей высшей культуры безславно сходятъ съ исторической сцены, недавніе варвары становятся во главѣ поступательнаго движенія человѣчества и щедро расплачиваются съ бывшими благодѣтелями. Но пока юная нація только впитываетъ чуждую цивилизацію, нельзя понять міросозерцанія подражателей, не зная оригинала.

Русскіе въ X и XI вѣкахъ, также какъ и братья ихъ южные славяне, оказавшіе имъ посильную помощь въ усвоеніи христіанской цивилизаціи, были народомъ безусловно юнымъ и свѣжимъ. Съ необыкновенною пылкостью лучшіе люди ихъ устремили всѣ свои силы на то, чтобъ передѣлать себя на иной ладъ, и въ короткое время достигли поразительныхъ результатовъ. Если разсказъ лѣтописца о томъ, что князь Владиміръ своей ультрахристіанскою кротостью къ разбойникамъ возбудилъ негодованіе духовенства, и не есть историческій фактъ *), онъ вѣрно выражаетъ настроеніе момента. Само за себя говоритъ то обстоятельство, что авторъ начальной лѣтописи, писавшій черезъ 100 съ небольшимъ лѣтъ послѣ того, какъ оффиціальный идолъ Перуна стащили въ воду, не только вполнѣ усвоилъ себѣ христіанско-византійское міросозерцаніе, но является крутымъ невѣждой въ родной миѳологіи настолько, что вноситъ на славянскій Олимпъ имена библейскихъ Семеѳа и Ергела.

Очевидно, что о литературно-художественныхъ идеяхъ, которыми жили наши предки въ X—XI вв., невозможно составить себѣ понятіе, не ознакомившись, хотя бы въ общихъ чертахъ, съ письменностью и искусствомъ Византіи.

Какъ извѣстно, слово *византійщина*, начиная съ 20-хъ—30-хъ годовъ, получило въ нашей исторіографіи и публицистикѣ непригядное значеніе; византійщина въ наукѣ — синонимъ туполоваго формализма и обскурантизма; въ литературѣ — синонимъ крайней, односторонней церковности, въ искусствѣ — сухости, мертвенности и, проще сказать, безобразія. Иные въ томъ же смыслѣ употребляютъ это слово и до сихъ поръ, и отчасти они правы, но только *отчасти*. Византійская традиція, противупоставленная на Руси въ XVII в. всему богатству западно-европейской культуры, немного найдетъ себѣ защитниковъ. Но Византія въ X и слѣ-

---

*) Лавр. г. 996: „Живяше же Володимеръ въ страсѣ Божьи и умножилася разбоеве, и рѣша епископи Володимеру: „се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ?“ Онъ же рече имъ: „боюся грѣха“. Они же рѣша ему: „ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоитъ ти казнити, разбойника но со испытомъ“.

дующихъ столѣтіяхъ играла иную роль: она несла съ честію великую обязанность служить хранительницей сокровищъ, завѣщанныхъ древностью и эпохой отцовъ церкви. Тогда византійщина не была синонимомъ обскурантизма, а—просвѣщенія, не—рабства мысли, а—свободы ея; наука Византіи была въ то время единственной наукой; искусство—единственнымъ искусствомъ. Вотъ какъ говоритъ объ историческомъ значеніи Византіи одинъ изъ лучшихъ западноевропейскихъ знатоковъ ея—Альфредъ Рамбо: «Четыре великія расы человѣчества умственно облагодѣтельствованы Византіей: 1) міръ германскій и вообще западный, гдѣ послѣ паденія западной имперіи Византія продолжала цивилизовать варварскихъ царьковъ; 2) арабы, ея враги, которые ей обязаны умственнымъ блескомъ Багдада, Салерно и Кордовы; 3) турки, ея разрушители, и 4) славяне и новые греки, ея наслѣдники и, можетъ быть, мстители. Византія повсюду царила, благодаря своей литературѣ, своему искусству, которое долго было искусствомъ и запада, которое до сихъ поръ отчасти остается религіознымъ искусствомъ восточной Европы; благодаря своей архитектурѣ, которая вызывала подражаніе отъ Перигё до Венеціи и до Москвы; благодаря своимъ законамъ, которые легли въ основу письменнаго законодательства запада».

Въ X вѣкѣ Византія была единственнымъ университетомъ для всей Европы, единственной Академіей наукъ и единственнымъ Музеемъ; тамъ сотни людей трудились надъ переписываніемъ и комментированіемъ поэтовъ, ораторовъ и историковъ древности, тысячи—надъ изученіемъ отцовъ церкви; тамъ читали Златоуста, величайшаго оратора христіанства, Дамаскина, котораго самъ Ѳома Аквинскій признавалъ отцомъ схоластики; тамъ императоры проводили всю жизнь въ кабинетѣ за учеными трудами *); тамъ патріархи находили время составлять «Десятитысячекнижія» (Фотій); тамъ вельможи всякій свободный часъ посвящали на составленіе монументальныхъ сборниковъ **), тамъ бывшій конюхъ, ставъ императоромъ, приказываетъ изобразить на семейномъ портретѣ съ книгами въ рукахъ не только сыновей своихъ, но и дочерей (Василій Македонянинъ); тамъ знаніе считалось «безцѣннымъ сокровищемъ», изъ котораго грѣшно было не сдѣлать употребленія ***); тамъ, въ нѣкоторые по крайней мѣрѣ періоды, высшее образованіе считалось необходимымъ условіемъ для занятія отвѣтственной должности.

Несмотря на то, что 60-лѣтнее властительство «латинцевъ» страшно понизило уровень образованія, что послѣ ихъ изгнанія, какъ говоритъ одинъ современникъ, царица городовъ оказалась кучей мусора и развалинъ; что скоро пришлось на смерть бороться съ турками, и книжное дѣло надо было оставить въ пренебреженіи, книгъ въ Константинополѣ было такъ много, что итальянскіе гуманисты вывозятъ ихъ цѣлыми коробами, а при разгромѣ Константинополя число погибшихъ манускриптовъ считаютъ сотнями тысячъ. Все это, разумѣется, продукты дѣятельности прошлыхъ лучшихъ временъ.

Тѣмъ не менѣе это богатство просвѣщенія до извѣстной степени обманчиво, и тотъ нелестный смыслъ, который придаютъ слову: *византійщина*, можетъ быть съ нѣкоторымъ основаніемъ примѣненъ и къ умственному состоянію Византіи въ лучшее ея время, въ X—XI вѣкахъ.

Еще при Юстиніанѣ (VI в.) интеллигенція новаго Рима насильственно порываетъ связи съ античной наукой за ея языческій запахъ. Въ томъ же—VI вѣкѣ работаетъ Козма Индикоплевстъ, авторъ *христіанской* топографіи, который доказываетъ не лживость, а нечестіе системы Птоломея, составляетъ свою собственную систему, болѣе согласную съ библіей, и руководится при этомъ не научными данными и обоснованными конъектурами, а фантазерствомъ.

---

*) Напр. Константинъ Порфирородный.

**) Напр. Симеонъ Метафрастъ.

***) См. легенду о Козмѣ Калабрійцѣ, учителѣ Дамаскина.

Страсть къ спорамъ, уличнымъ битвамъ и даже революціямъ изъ-за богословскихъ «тончайшихъ тонкостей» владѣла константинопольцами еще задолго до Юстиніана; она продолжается почти до самаго паденія Константинополя.

Такимъ образомъ вся книжная мудрость въ Византіи носитъ спеціально церковный характеръ, и попытка слить науку съ вѣрою оказалась неудачной потому, что вѣра уничтожила науку. Правда, нѣчто подобное было въ средніе вѣка и на западѣ, но тамъ народъ и вообще свѣтскіе люди, не путаясь въ богословскія тонкости, имѣли для себя особую умственную пищу въ національной поэзіи; здѣсь же этого не было; образованный византіецъ былъ слишкомъ зрѣлъ, пожалуй, дряхлъ умственно, чтобы воспитать народный эпосъ или національную лирику—поэты о Девгеніи Акритѣ и т. п. удовлетворяли только вкусу сравнительно грубыхъ провинціаловъ; къ тому же языкъ науки и церкви и языкъ разговорный былъ одинъ и тотъ же, тогда какъ на западѣ церковная латынь поневолѣ заставляла свѣтскаго человѣка искать себѣ особаго умственнаго пропитанія.

Далѣе укажемъ на черту общую церковной литературы запада и востока: христіанское смиреніе авторовъ и трудность въ иныхъ случаяхъ разграничить дѣятельность переписчика отъ дѣятельности автора приводили къ тому, что огромное количество произведеній является безъ именъ авторовъ, а это, повидимому, неважное обстоятельство придаетъ всей письменности сѣренькій, будничный видъ.

Наконецъ, обращаемся къ самой печальной особенности византійской литературы, особенности, которая слишкомъ чувствительно отражается и у насъ вплоть до Петровской реформы; къ слогу византійскому. Это — стиль, повидимому, блестящій и на грубый вкусъ красивый, словообильный и надутый, переполненный неумѣстными тропами и фигурами, слогъ, въ которомъ поздній аттицизмъ, до крайности наклонный къ извитіямъ мысли и слова, и восточная фантастика отразились въ одинаково изуродованномъ видѣ; это—стиль лживый, затемняющій мысль или прикрывающій пышными словами полное ея отсутствіе. Эта болѣзнь стиля начинается рано, но особенно усиливается послѣ иконоборства, которое окончательно заглушило традиціи аттицизма древняго.

Что въ письменности высказывается не особенно ясно и подчасъ противорѣчиво и сбивчиво, то отражается въ искусствѣ съ осязательной наглядностью. Въ продолженіе 5 столѣтій (съ VII до XII в.) византійское искусство было единственнымъ въ мірѣ. Относиться къ византійщинѣ съ огульнымъ порицаніемъ могли только до тѣхъ поръ, пока не вглядѣлись въ художественные памятники той эпохи; считать ее интересной только для русскихъ могли до тѣхъ поръ, пока не увидали, чѣмъ ей обязанъ западъ. Величественныя по выраженію, почти недоступныя порчѣ отъ времени «византійскія» (по стилю) мозаики—первое могучее выраженіе побѣдоносной церкви. Храмъ св. Софіи въ Константинополѣ болѣе способствовалъ величію восточной имперіи и ея вліянію на славянъ, чѣмъ 2 — 3 побѣдоносныхъ войны. То, что въ IX—X вѣкахъ появлялось на западѣ безъ посредственнаго или непосредственнаго вліянія Византіи, въ отношеніи техники стояло немногимъ выше, чѣмъ продуктъ творческой дѣятельности какого-нибудь фиджійца; между тѣмъ какъ все, что выходило изъ мастерскихъ Византіи, носило на себѣ печать тысячелѣтней художественной культуры, временами—античной, идеальной красоты, а иногда и печать творческой мысли.

Въ видѣ образчика византійскаго стиля лучшей эпохи слѣдуетъ считать изъ псалтыри, хранящейся въ Парижѣ (IX—X в.) миніатюру, изображающую пророка Исайю между 2-мя фигурами: *Ночью* и *Денницей*. Обратите вниманіе на прекрасный замыселъ художника, на антично-изящную женскую фигуру ночи съ покрываломъ надъ головою и опущеннымъ къ землѣ факеломъ, на наивную ребяческую фигуру денницы съ пухленькими руками и ноженками, на восторженно-аскетическую фигуру пророка и всклокоченными волосами съ бородой и, наконецъ, на довольно натурально изображенное дерево, написанное на правой сторонѣ отъ зрителя.

Падетъ техника, пройдетъ миніатюра черезъ нѣсколько рукъ, и Исайя превратится въ изможденнаго раскольничьяго пророка съ сложенными, какъ дощечки, руками и поставленными въ какую-то невозможную позицію ногами, а ночь и утренняя звѣзда останутся, какъ условныя фигуры, лишенныя всякаго человѣческаго подобія. Правда, и на западѣ даже во вторую половину среднихъ вѣковъ неумѣлая рука варвара часто портила художественные образцы византійскаго происхожденія, но тамъ, рядомъ съ этой неумѣлостью, проявлялось стремленіе къ натурализму и свободѣ, проявлялись собственныя идеи; а русскіе мастера были воспитаны въ строгомъ послушаніи, да и слишкомъ мало жили собственной жизнью, чтобы воспитывать идеи, настоятельно требовавшія выраженія.

Но въ концѣ X вѣка, когда наши предки приняли христіанство, византійское искусство, какъ и письменность, было въ полномъ цвѣту. Такимъ образомъ русскіе, позднѣй другихъ вступившіе на историческое поприще, оказались въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ другіе недавніе варвары: они могли черпать непосредственно изъ всеобщаго источника мудрости и красоты. Въ письменности на первое время они должны были поневолѣ ограничить себя тѣмъ,

Спасо-Преображенскій соборъ въ г. Черниговѣ.

что усвоили отъ грековъ ихъ братья южные славяне; хотя первый Изборникъ Святославовъ и доказываетъ, что свѣтская наука находила себѣ доступъ къ новымъ христіанамъ, въ общемъ они усвоивали себѣ то, что соотвѣтствовало господствовавшему тону, и въ отношеніи церковности оказались, какъ было выше указано, «болѣе роялистами, чѣмъ самъ король». Невѣжество, полное отсутствіе подготовки мѣшали намъ, какъ и болгарамъ, интересоваться высшими продуктами византійской учености.

Въ иномъ положеніи продукты художественной дѣятельности: они не нуждаются въ школѣ для подготовки цѣнителей. Совсѣмъ неграмотные посланники Владиміра могли испытать болѣе сильное впечатлѣніе отъ патріаршаго служенія въ соборѣ св. Софіи, чѣмъ римляне или марсельцы.

Недолго Владиміръ довольствовался наскоро срубленными деревянными церквами. Уже въ 989 г. онъ закладываетъ церковь Десятинную и поручаетъ строить ее греческому мастеру (она разрушена татарами въ 1240 г.). Въ 995 г. въ Кіевѣ же выстроена церковь, называемая Берестовка. Съ юга византійскіе мастера и византійское искусство проникаютъ на отдаленный сѣверъ. Въ Новгородѣ въ 1030 г. поставленъ дубовый храмъ, а въ 1052 г. каменная церковь тоже греками и тоже во имя св. Софіи.

Спасо-Преображенскій соборъ въ г. Черниговѣ.

Изъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени храмовъ византійскаго стиля этой эпохи древнѣе другихъ Черниговскій соборъ Спаса, построенный въ 1024 г. Мстиславомъ, рисунокъ котораго мы здѣсь прилагаемъ.

Гречины-художники, безъ сомнѣнія, находили между русскими не только дѣятельныхъ и усердныхъ помощниковъ, но и даровитыхъ учениковъ. Уже въ 1099 г. упоминается въ Ипатьевской лѣтописи *Петръ Милонегъ*, который построилъ стѣны Михайловскаго монастыря.

Иконы, которыми греческіе мастера украшали наши южнорусскія церкви, были чистаго византійскаго стиля, отличались замѣчательнымъ изяществомъ фигуръ, благородствомъ выраженія и позы. Сюжеты были, разумѣется, традиціонные, старые; такъ напр., сохранившаяся отъ XI в. въ Кіево-Софійскомъ соборѣ роскошная мозаика, изображающая Божію Матерь въ позѣ молящейся (orantis), безусловно сходна съ подобными же фигурами въ Римѣ и др. мѣстахъ отъ VI и VII вѣковъ.

Византійское происхожденіе нашей иконописи самымъ нагляднымъ образомъ выражается тѣмъ, что греческія надписи на иконахъ изчезаютъ постепенно; мало-по-малу, сперва онѣ встрѣчаются сплошь, потомъ мѣстами, потомъ остается только одно слово *агіосъ* или *агіа* (святой и святая), написанное русскими буквами. Какъ извѣстно, греческая надпись на иконахъ Богородицы (МР ΘΥ—мать Бога) остается безъ измѣненія и до сихъ поръ. Но именно на этомъ пунктѣ видно, какъ безплодно пытался западъ доказать самозарожденіе своего искусства: тѣ-же 4 греческія буквы встрѣчаются на иконахъ и миніатюрахъ до самаго конца среднихъ вѣковъ.

Хотя христіанская живопись, какъ это видно изъ отсутствія ландшафта и изъ золотого фона иконъ, пошла главнымъ образомъ отъ скульптуры, а именно отъ барельефовъ саркофаговъ, скульптура въ чистомъ своемъ видѣ не могла развиться ни въ Греціи, ни у насъ, по отрицательному къ ней отношенію православія, унаслѣдовавшаго эту антипатію съ востока.

Проявлялъ-ли въ этотъ ранній періодъ свое вліяніе на русское искусство католическій западъ, имѣвшій въ лицѣ служилыхъ варяговъ немалочисленныхъ представителей? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить извѣстное сказаніе Кіевопечерскаго Патерика о созданіи церкви Печерской: знатный варягъ Шимонъ, изгнанный съ родины своимъ дядей Якуномъ Слѣпымъ, бѣжалъ на Русь, захвативъ съ собою поясъ въ 50 гривенъ золота и вѣнецъ съ (скульптурнаго) распятія; во время бури на морѣ онъ увидалъ въ небесахъ церковь, въ которую долженъ былъ пожертвовать свои драгоцѣнности; то же видѣніе повторилось, когда онъ лежалъ тяжело раненый на полѣ битвы при Альтѣ. Церковь эту строятъ мастера греческіе, чудеснымъ образомъ посланные къ Кіеву изъ Влахерны и принесшіе съ собою мощи и золото; но и Шимоновымъ даромъ не пренебрегли строители: вѣнецъ съ католическаго распятія былъ повѣшенъ надъ Святою Трапезою.

Вліяніе запада несравненно сильнѣе въ сѣверной Руси, куда проникаетъ оно моремъ черезъ торговые центры, Новгородъ и Псковъ. Слово *мастеръ* (отъ лат. magister) употребительно у насъ еще въ XII в., но неизвѣстно, проникло-ли оно къ намъ съ запада (отъ нѣм. meister), или съ юга, отъ южнославянскаго *майсторъ* (визант. μαΐστρος); можетъ быть, какъ это часто бываетъ въ заимствованіяхъ всякаго рода, вліяніе одного источника усилено другимъ. Въ одной изъ древнѣйшихъ сѣверныхъ церквей, св. Георгія въ Старой Ладогѣ, извѣстный знатокъ русскаго искусства отецъ Мартыновъ усматриваетъ живопись византійскую, а орнаментику западную *). Житіе знаменитаго Антонія *Римлянина* (преставился въ 1147 г.) не только упоминаетъ о нѣсколькихъ церквахъ, имъ построенныхъ, но и о его сосудахъ, прибывшихъ изъ Италіи чудеснымъ образомъ по водѣ.

Эта совмѣстная дѣятельность 2-хъ художественныхъ потоковъ, которые, впрочемъ, въ то

*) L'art russe Cм. Révue d'archéologie chrét. Nouv. Ser. IX, 142.

время вовсе не были такъ обособлены, выразилась документально и монументально въ построеніи знаменитаго Владимірскаго Успенскаго собора.

Привязавшись всею душею къ сѣверу, Андрей Боголюбскій въ 1158 г. задумалъ украсить свой любимый городъ Владиміръ каменнымъ соборомъ. Онъ призвалъ для этого, говоритъ лѣтописецъ, мастеровъ «изъ всѣхъ земель» (варьянтъ: «изъ многихъ земель»). Между архитекторами очевидно преобладалъ элементъ западный, такъ какъ въ результатѣ получилась постройка довольно рѣзко выраженнаго, такъ-называемаго романскаго стиля; но, съ другой стороны, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что *нѣмецкіе* мастера должны были въ значительной степени прилаживаться ко вкусу своихъ русскихъ заказчиковъ, для которыхъ идеаломъ красоты были южно русскіе или новгородскіе храмы византійскаго типа. Такимъ образомъ на романской постройкѣ являются главы луковицей, отличавшія византійскій храмъ отъ западнаго.

Въ 1161 г. соборъ былъ, по словамъ того же лѣтописца, «подписанъ чудными живописцами». Между прочимъ тамъ оказалась икона Спаса «греческаго письма вельми чудна» и икона Богоматери, вынесенная изъ Цареграда и приписываема св. Лукѣ. Есть и другія свидѣтельства, доказывающія, что въ церкви, которыя вновь строятъ въ сѣверной Руси, приносятъ иконы съ юга изъ Кіева, Вышгорода и изъ самой Греціи.

Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ, освященный въ 1197 г., тоже построенъ западнымъ мастеромъ въ довольно чистомъ романскомъ стилѣ, съ характерными чудовищными украшеніями.

Такъ называемыя Корсунскія врата (литыя двери Софійскаго собора въ Новгородѣ) сдѣланы нѣмецкими мастерами, а именно въ Магдебургѣ во 2-ой половинѣ XII вѣка. Въ нихъ рѣзко выражается стиль романской чудовищной орнаментаціи; въ нихъ можно указать несомнѣнные слѣды католическихъ вѣрованій.

Вторая половина XII и начало XIII вѣка, какъ извѣстно, въ древней русской литературѣ— лучшее время. Сюда относятся и поученія Кирилла Туровскаго, и моленія Заточника и Слово о Полку Игоревѣ. Къ этому времени наши предки владѣли списками начальной лѣтописи, поученія Мономаха, хожденія Даніила и пр.; къ этому времени не только русскіе вошли въ семью народовъ цивилизованныхъ, не только русскій умъ могъ проявить свою творческую силу, но наша письменность уже имѣла свое прошлое. Короче сказать, окончился періодъ рабскаго подражанія и началась эпоха претворенія чужого въ свое, проникновеніе усвоеннаго духомъ національнымъ. Тотъ же процессъ совершается или готовится совершиться и въ русскомъ искусствѣ. Появляются свои архитекторы, свои живописцы (въ 1224 г. упоминается Вячеславъ внукъ Малышевъ, который расписывалъ церковь Сорока мучениковъ) и даже, говорятъ, были свои скульпторы, рѣзчики орнаментовъ. Русскій художникъ всегда посредственный или непосредственный ученикъ грековъ, и часто вся его самостоятельность ограничивается тѣмъ, что онъ сливаетъ двѣ или болѣе греческія редакціи вмѣстѣ, или между нѣсколькими редакціями выбираетъ лучшую, съ его точки зрѣнія. Но въ то время и это была заслуга не малая, и русское искусство, поставленное въ столь благопріятныя условія между востокомъ и западомъ свободно и непосредственно черпавшее изъ общей сокровищницы — Византіи, должно было разцвѣсти пышнымъ цвѣтомъ.

Но татарское нашествіе, отчасти совпавшее, отчасти обусловившее перенесеніе центра жизни на сѣверъ и преимущественно въ глухія мѣста его, измѣнило положеніе дѣла.

Дикость страны, тяжелыя политическія условія: сперва сильно чувствовавшееся татарское иго, потомъ дѣятельность князей собирателей, обусловливавшая нѣкоторую подавленность духа, наконецъ умственное, а потомъ политическое паденіе Византіи, которая все еще продолжала оставаться нашей сокровищницей, все это—обстоятельства, неспособствовавшія энергичному движенію въ области письменности и искусства, и именно въ это время, по мѣткому замѣчанію Ѳ. И. Буслаева, та сила, которая на западѣ направляла творчество впередъ, у насъ на-

чинаетъ идти на распространеніе художественной цивилизаціи въ ширь, на распространеніе географическое.

Если мы обратимся къ письменности 3-хъ столѣтій, непосредственно слѣдовавшихъ за татарскимъ погромомъ, насъ прежде всего поразитъ вялость, сѣренькій колоритъ умственной жизни. Нѣтъ новыхъ формъ, нѣтъ новыхъ идей; старыя—упростились и опошились. Все, что лучшіе представители духовенства могутъ сказать своей паствѣ, сводится къ 3-мъ строкамъ извѣстнаго посланія митрополита Алексѣя: «а людская чадь, Бога бойтеся, а князя чтите, а святительство держите выше своей головы, со всякимъ покореніемъ, безъ всякаго прекословія: они печалуютъ день и ночь о душахъ вашихъ».

Допечаловалось, наконецъ, святительство до того, что трудно стало добыть человѣка «кто бы гораздъ грамотѣ», чтобы его въ попы поставить. Какъ ни пріучены были въ дѣлахъ вѣры и мысли къ смиренству русскіе люди, а наконецъ-таки возстали, и 2 ереси, стригольниковъ и жидовствующихъ, потрясли церковь до самыхъ основаній. Масса коснѣла въ грубѣйшемъ невѣжествѣ и суевѣріи; часто примѣръ показывало самое «святительство», вѣрившее всякой выдумкѣ, какъ переданной по преданію, такъ и вновь изобрѣтенной досужимъ человѣкомъ. Типичнымъ представителемъ формальнаго, хотя и искренняго отношенія къ духовнымъ интересамъ, умственной забитости и легковѣрія средняго русскаго человѣка конца этого періода можетъ служить знаменитый русскій путешественникъ Аѳанасій Никитинъ.

Таково общее впечатлѣніе, въ частности на этомъ темномъ фонѣ есть нѣсколько свѣтлыхъ пятенъ. Наиболѣе важная сторона—значительная энергія политической и умственной жизни при такихъ тяжелыхъ условіяхъ. Московскіе митрополиты усердно дѣйствуютъ въ пользу централизаціи; монастыри дѣлаютъ, что въ силахъ, для культуры края. Кириллъ Бѣлозерскій собственноручно переписываетъ цѣлый рядъ томовъ, чистоту православія защищаютъ не грубой силой, или, по крайней мѣрѣ, не ей одной. Въ Константинополѣ Новгородецъ Стефанъ находитъ 2-хъ земляковъ, которые въ Студійскомъ монастырѣ списываютъ книги для Россіи. Усиленная дѣятельность въ пользу русскаго просвѣщенія начинается на Аѳонѣ. Наконецъ то обстоятельство, что въ самомъ концѣ этого періода слышно всеобщее недовольство, что лучшіе люди, напримѣръ Геннадій, готовы обратиться за просвѣщеніемъ даже къ иновѣрному западу, доказываетъ, что и эти печальные вѣка прошли не безслѣдно. Тѣ-же характерныя черты: одичаніе и коснѣніе въ старыхъ формахъ въ началѣ и срединѣ періода и замѣтная бойкость мысли, еще не находящей себѣ удовлетворительнаго исхода. Къ концу его—отмѣчаютъ и русское искусство. Какъ въ области письменности, такъ и здѣсь эти 3 печальныя, маложизненныя столѣтія выработали національный характеръ настолько, что съ этихъ поръ новое, входившее извнѣ, вплоть до самой петровской реформы, могло только модифицировать его, но не измѣнить существенно. Какъ въ той, такъ и въ другой области видимая разобщенность сѣверной Руси отъ Византіи и запада не исключала возможности вліянія съ той и другой стороны и видимая неподвижность не мѣшала проявленію энергіи. Обратимся къ частностямъ.

Въ лѣсной полосѣ съ рѣдкимъ населеніемъ стали строить маленькія деревянныя церкви клѣтью, съ прирубной трапезой и галлереей кругомъ; эти деревянныя постройки убили скульптуру, убили мозаику и помѣшали дальнѣйшему развитію архитектуры. Для этихъ маленькихъ церквей оказались необходимы небольшія «многоличныя» иконы, на которыхъ изображенія мелки до такой степени, что ихъ приходится разсматривать въ увеличительное стекло.

Каменные храмы, которые въ этотъ періодъ вновь воздвигаются въ этихъ мѣстахъ, носятъ по прежнему романскій характеръ, но съ тѣмъ-же характернымъ куполомъ.

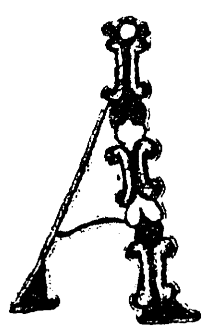
По прежнему архитекторами являются нѣмцы такъ часто, что лѣтописецъ не можетъ надивиться, какъ это Іоаннъ, еп. Ростовскій, реставрируя соборъ въ Суздалѣ, могъ обойтись безъ нѣмецкихъ художниковъ. Древнѣйшіе каменные соборы въ Москвѣ (при Иванѣ Калитѣ) строились по образцу новгородскихъ и владимірско-суздальскихъ храмовъ.

Что касается до иконописи, она тѣсно связана съ Византіей. До самаго конца XIV в. упоминаются въ лѣтописяхъ мастера Гречины. Въ 1399 г., послы князя Михаила, ходившіе въ Царьградъ, принесли оттуда князю въ даръ «икону Страшный судъ, написанъ *съ мощами святыхъ*». Иконы съ Аѳонской горы несутъ къ намъ въ XV и даже въ XVI вѣкахъ.

Общій характеръ эпохи рѣзче всего выражается въ той области искусства, которая по самой натурѣ своей болѣе способна выражать настроеніе минуты—въ орнаментахъ рукописей.

Само собою понятно, что до удешевленія книгъ и изобрѣтенія книгопечатанія, красиво разрисованныя заглавныя буквы, «заставки» и миніатюры всегда и во всѣхъ странахъ играли видную роль; но особенное вниманіе на нихъ обращали именно тогда, когда слабѣла умственная производительность, когда писали книгу цѣлые годы, чтобы читать ее десятилѣтія. Не мало труда отдаетъ разрисовкѣ заглавныхъ буквъ писецъ Изборника Святослава, какъ это можно видѣть на прилагаемомъ снимкѣ буквы А. Это—строгій византійскій стиль, усвоенный писцами южно-славянскими и ими же перенесенный къ намъ на Русь.

Съ половины XIII вѣка входятъ во всеобщее употребленіе совсѣмъ особые орнаменты, которые Ѳ. И. Буслаевъ характеризуетъ такимъ образомъ *). «Это—затѣйливое сплетеніе ремней и вѣтокъ съ разными фантастическими животными, драконами, змѣями, съ человѣческими

Заглавная буква изъ Изборника Святослава.

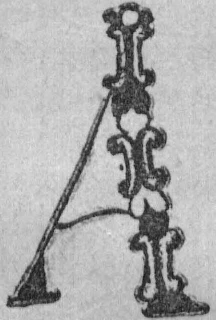
Буква Н изъ Псалтиря 1296 г.

фигурами, руки и ноги которыхъ вплетены въ эти перевивы изъ ремней и змѣиныхъ хоботовъ». Это нашъ романскій, чудовищный или терамологическій стиль, процвѣтавшій особенно въ продолженіе XIV вѣка и выражавшій подавленное состояніе духа подъ вліяніемъ страннаго, ультрафантастическаго міросозерцанія, когда жизнь представляется испытаніемъ, своего рода чистилищемъ, когда ея радости есть такая же нелѣпость, какъ хожденіе за ягодами въ извѣстной притчѣ о человѣкѣ, убѣгающемъ отъ бѣшеннаго животнаго, когда дѣйствительные или вымышленные ужасы угрожаютъ человѣку со всѣхъ сторонъ.

Эти сплетенія и чудовища—не наше изобрѣтеніе; прежде, чѣмъ у насъ, они появляются въ Византіи и славянскихъ земляхъ. Сперва сплетенія и чудовища стоятъ отдѣльно, потомъ сливаются въ буквахъ, а потомъ и въ заставкахъ. Въ Византіи документально можно доказать соединеніе ихъ только въ буквахъ; сперва при буквѣ, но отдѣльно отъ нея помѣщается птица или человѣкъ, потомъ линіи буквы обращаются въ змѣй, которыя опутываютъ живую фигуру и сами переплетаются ремнями.

Но это и не византійское изобрѣтеніе или, по крайней мѣрѣ, не исключительно византійское: во 1-хъ, этотъ змѣиный орнаментъ въ сѣверныхъ земляхъ является чаще, чѣмъ въ греческихъ, и во 2-хъ, на западѣ его развитіе идетъ гораздо далѣе и охватываетъ всю архитектуру до XII в. Въ Византіи онъ появляется, повидимому, не безъ вліянія востока и можетъ

*) См. «Русское искусство въ оцѣнкѣ французскаго ученаго». Крит. Об. 1879, №№ 2 и 5.

Заглавная буква изъ Изборника Святослава.

Буква Н изъ Псалтиря 1296 г.

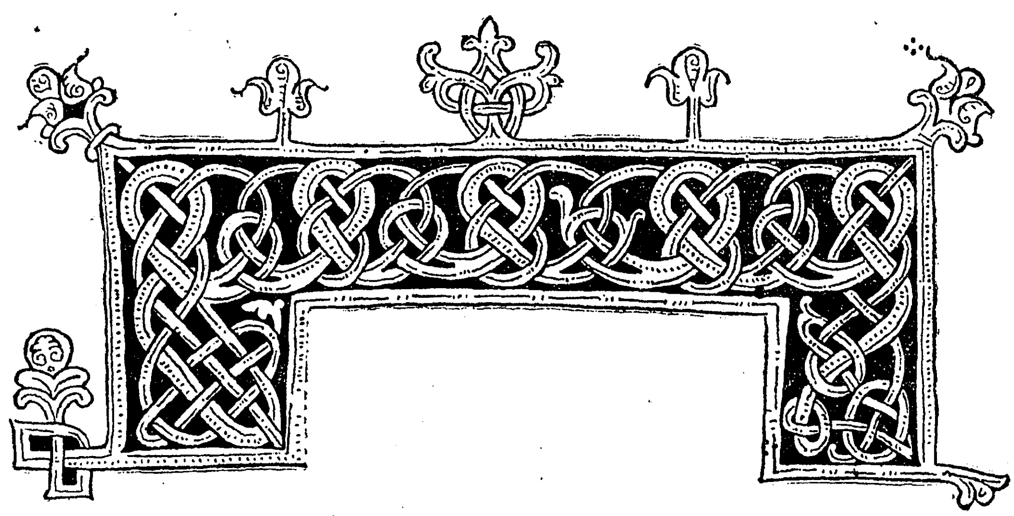
быть именно Персіи; у славянъ эта византійская закваска подкрѣпляется вліяніемъ западныхъ народовъ, съ которыми напр. болгаре, въ лучшее время своей исторіи, были въ непрестанныхъ сношеніяхъ; а у насъ она постоянно поновляется оттуда же черезъ Новгородъ и Псковъ.

Для образца приводимъ букву Н изъ псалтыря 1296 г. и заставку изъ служебника 1400 г.

Что и въ миніатюрѣ въ этотъ періодъ западное вліяніе переплетается съ византійскимъ, чрезвычайно наглядно доказываетъ фактъ, приводимый Ѳ. И. Буслаевымъ: въ лицевой псалтыри XIII—XIV в., описанной арх. Амфилохіемъ (Древн. Моск. Арх. Общ. т. III) сведено нѣсколько греческихъ редакцій миніатюры, при которыхъ кое-гдѣ оставлены и надписи греческія; но тутъ-же пророкъ Давидъ представленъ играющимъ на скрипкѣ (западный инструментъ) вмѣсто гуслей, и собственное имя «Лицеошь» (лицо, дѣйствующее въ Никодимовомъ евангеліи) очевидно произведено не изъ греческаго Левкія, а изъ латинскаго Leucius.

Въ XIV в. борьба между городами сѣверной Руси близится къ концу; Москва явно беретъ перевѣсъ, въ нее переносится метрополія; ее начинаютъ украшать каменными соборами.

Въ области письменности, какъ извѣстно, Москва долго не представляетъ ничего оригинальнаго, а довольствуется усвоеніемъ чужого; тоже было и въ области искусства. Какъ въ

Заставка изъ служебника 1400 г.

литературѣ, такъ и здѣсь значеніе Москвы не столько продуктивное, сколько связующее, централизующее; какъ тамъ, такъ и здѣсь она первоначально стягиваетъ къ одному пункту все лучшее изъ ближайшихъ мѣстъ, потомъ изъ болѣе отдаленныхъ; какъ тамъ, такъ и здѣсь она на первое время усиленно эксплоатируетъ Новгородъ, привлекая въ то же время талантливѣйшихъ людей изъ стараго Ростова и другихъ болѣе близкихъ мѣстъ, потомъ входитъ въ сношенія съ южными славянами и Константинополемъ, слѣдствіемъ чего является какъ-бы возрожденіе славянско-византійскаго вліянія, потомъ вступаетъ въ близкія связи съ юго-западной Русью и черезъ нее черпаетъ изъ сокровищницы западной цивилизаціи полными горстями. Какъ тамъ, такъ и здѣсь Москва, вслѣдствіе своихъ географическихъ и историческихъ условій, тѣснѣе, чѣмъ другія области русскія, связанныя съ мусульманскимъ востокомъ, является каналомъ, посредствомъ котораго проникаютъ на Русь восточныя идеи и формы. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, несмотря на отсутствіе свободы и съ тѣмъ связанную бѣдность талантовъ, уже въ началѣ московскаго періода, во 2-ой половинѣ XV, а особенно въ XVI вѣкѣ, прямымъ слѣдствіемъ порядка, спокойствія и политической силы является возвышеніе духовной культуры, пробуждается самосознаніе и стремленіе къ идеалу. Къ серединѣ періода (конецъ XVI и 1-ая половина XVII в.) вырабатывается свое, русское міросозерцаніе, сходное до извѣстной степени со всѣми элементами, которые вошли въ него и въ то же время существенно отличное

Заставка изъ служебника 1400 г.

отъ каждаго изъ нихъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, подъ вліяніемъ политическихъ условій, толкавшихъ Россію на западъ, это міросозерцаніе и связанныя съ нимъ формы жизни перестаютъ удовлетворять лучшихъ людей; начинается недовольство, раздвоеніе, «шатаніе», и подготовляется страшная революція, извѣстная подъ именемъ Петровской реформы. Въ области церковнаго искусства всѣ эти моменты проявляются съ замѣчательной очевидностью.

Уже въ XIV в. Москва имѣетъ своихъ иконописцевъ и охотно дѣлаетъ заказы иконописцамъ греческимъ. Первый митрополитъ ея св. Петръ (родомъ изъ Волыни), по словамъ біографа, «извыче иконному художеству», никоновская лѣтопись упоминаетъ о его иконѣ Богородицы; преданіе приписываетъ ему еще и другія.

Въ 1343 г. митрополитъ Ѳеогностъ «подписалъ своего митрополича двора соборную церковь Пречистыя Богородицы *греческими мастеры*, а князь великій Семенъ Ивановичъ подписывалъ церковь Архангела Михаила *русскими иконники*, въ нихъ же бѣ *старѣйшины*: Захаріе, Денисей, Іосифъ, Николае и прочіи дружина ихъ и незаписоша не того лѣта величества, ради и мелкаго письма». Это свидѣтельство любопытно не только потому, что указываетъ на одновременную дѣятельность греческихъ и русскихъ мастеровъ, но и потому, что упоминаетъ о *старѣйшинахъ* иконописцевъ, стало быть, имъ была придана нѣкоторая организація; не лишено значенія и указаніе на мелкое письмо, которое въ этомъ случаѣ вовсе не было обусловлено малымъ размѣрамъ храма.

Въ слѣдующемъ 1344 г. опять встрѣчается указаніе на мастеровъ, родомъ русскихъ, но учившихся у грековъ; между ними упоминается нѣкій *Гойтанъ*, судя по имени, чуть ли не нѣмецъ.

Въ 1395 г. церковь Рождества Богородицы расписывали одновременно Ѳеофанъ Гречинъ, да Семенъ Черный. Тотъ-же Ѳеофанъ упоминается и еще не одинъ разъ: между прочимъ онъ работалъ одновременно съ русскимъ иконописцемъ, *монахомъ* Андреемъ Рублевымъ. Между московскими иконописцами встрѣчаются и другіе монахи; есть между ними и преподобные.

Документально можно доказать, что въ XV в. въ Москву пріѣзжаютъ болѣе извѣстные иконописцы изъ Ростова и др. городовъ, особенно же изъ Новгорода, и въ иконописи Новгородской въ этомъ столѣтіи сильно замѣтно западное вліяніе: на образахъ пишутъ семьи заказчиковъ; иконописцы пользуются латинскими и нѣмецкими иллюстрированными инкунабулами.

Съ другой стороны вступленіе турокъ въ Европу и покореніе ими сербскаго царства не ослабило нашихъ связей съ балканскими единовѣрцами, а напротивъ усилило ихъ, тѣмъ болѣе, что теперь въ богатѣющей со дня на день Москвѣ пришлецы могли разсчитывать на ласковый пріемъ и покойный пріютъ. Ослабѣвъ въ центрахъ, византійско-славянское искусство и письменность вспыхиваютъ послѣднимъ яркимъ, но не живительнымъ свѣтомъ, на Аѳонѣ, съ которымъ Москва была въ постоянныхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ.

Факты одинаковой яркости свидѣтельствуютъ о возрожденіи славянско-византійскаго вліянія въ области письменности и въ области искусства. Извѣстно, что въ началѣ XV в. московскій митрополичій престолъ занималъ грекъ Фотій, авторъ нѣсколькихъ поученій. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ Пахомій Логоѳетъ, родомъ сербъ, пріобрѣвшій обширную извѣстность своими передѣлками житій русскихъ святыхъ; его товарищъ въ этомъ дѣлѣ Епифаній—человѣкъ русскій, но бывавшій въ Царьградѣ и на Аѳонѣ.

Возрожденіе южно славянскаго вліянія замѣтно и въ той области, факты которой имѣютъ безусловную доказательную силу—въ языкѣ: въ концѣ XV в. замѣчается вновь появленіе юсовъ и въ несомнѣнно русскихъ рукописяхъ—появленіе орѳографическихъ сербизмовъ.

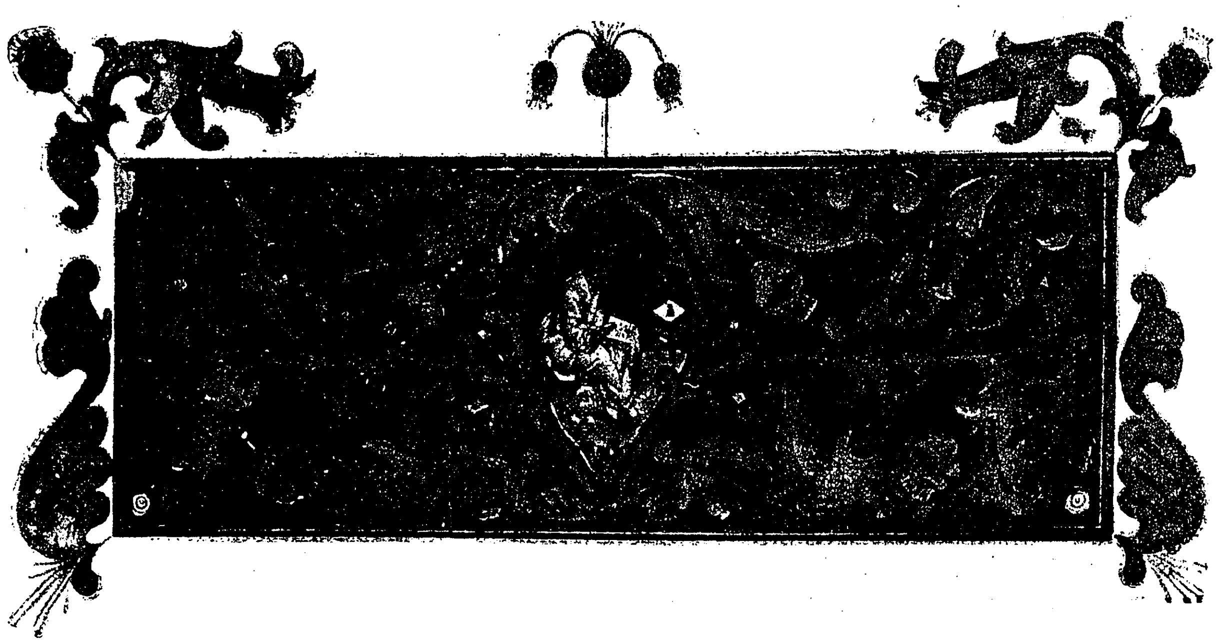
Одинъ изъ любопытнѣйшихъ по характерности и изяществу памятникъ искусства—заглавныя буквы и орнаменты въ описанной Ѳ. И. Буслаевымъ слѣдованной псалтыри, относящейся ко 2-ой половинѣ XV в. *). Писецъ, онъ же и орнаментщикъ, несомнѣнно южный сла-

*) См. «Общество Любителей Древне-русской Письменности». LII—LXXIV.

вянинъ; онъ великій мастеръ своего дѣла; онъ ухитряется Богъ знаетъ что выдѣлывать со своимъ почеркомъ: то пишетъ какими-то едва замѣтными черточками, то вытягиваетъ буквы въ высь, то въ ширь, то въ одну букву вписываетъ цѣлую страницу. Онъ имѣетъ понятіе о свѣтотѣни и въ своей растительной орнаментикѣ заботится о вѣрности природы. Выборъ сюжетовъ у него не великъ, но въ этомъ маломъ циклѣ онъ является истиннымъ художникомъ.

Можетъ быть, по умѣнью писецъ (или писцы) вышеуказанной псалтыри представляетъ блестящее исключеніе *); но измѣненіе стиля въ орнаментикѣ русскихъ рукописей, именно въ концѣ XV в., неподлежитъ никакому сомнѣнію. Изчезаютъ чудовища, уступая свое мѣсто болѣе невиннымъ сплетеніямъ ремней и вѣтокъ, кружкамъ и узламъ; появляется орнаментика растительная, соотвѣтствующая западной готикѣ и составляющая такъ-называемый *фряжскій* стиль, проникавшій къ намъ между прочимъ черезъ посредства печатныхъ книгъ, инкунабулъ.

Отъ 1485—1504 г. новгородскій архіепископскій престолъ занималъ дѣятельный Геннадій, извѣстный своей энергичной борьбою съ ересью жидовствующихъ, большой любитель просвѣщенія. Онъ составилъ первый полный кодексъ библіи и въ этомъ важномъ дѣлѣ между про-

Заставка Геннадіевой библіи.

чимъ помогалъ ему *доминиканецъ* Веніаминъ, славянинъ родомъ; планъ взялъ Геннадій изъ латинскаго текста такъ-называемой Вульгаты и нѣмецкой старопечатной библіи XV в.; иныя книги, напр. Эздры и Нееміи, прямо переведены съ Вульгаты и оттуда же или изъ нѣмецкой библіи взяты предисловія къ отдѣльнымъ книгамъ. Западное вліяніе также рѣзко выражается и въ орнаментикѣ Геннадіевой библіи, какъ объ этомъ можно судить по приводимой нами заставкѣ.

Вліяніе запада почти въ такой же силѣ чувствуется въ то время и въ болѣе удаленной отъ него Москвѣ; съ нимъ уже не въ силахъ бороться умирающая цивилизація Византіи.

Послѣдній наплывъ грековъ въ Москву совпадаетъ съ первымъ большимъ транспортомъ художниковъ западныхъ. Въ 1473 г. прибыла въ Москву Софья съ греками (объитальянившимися) и «фрягами», а въ 1490 г. пріѣхалъ ея братъ Андрей, со многими мастерами фряжскими: Алевизомъ, Петромъ и др. А между этими двумя годами въ 1474 г. Иванъ III задумалъ выстроить въ Москвѣ соборъ (Успенскій); онъ приказалъ будущимъ строителямъ Крив-

*) Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что орнаментика въ евангеліи 1507 г., изд. А. Ѳ. Бычковымъ, также хороша, только зеленая листва, составляющая въ слѣдованной псалтырѣ цѣлую азбуку, есть явленіе, если не ошибаемся, безпримѣрное.

Заставка Геннадіевой библіи.

цову и Мишкину взять за образецъ соборъ Владимірскій. Когда они къ этому дѣлу оказались непригодными, рѣшено было вызвать изъ Пскова мастеровъ, *обучавшихся у нѣмцевъ*; но такъ какъ и тѣ не внушали особаго довѣрія, Софья убѣдила князя послать за архитекторомъ въ Италію, и вскорѣ привезли художника изъ Венеціи. Его послали во Владиміръ осмотрѣть и изучить его будущій оригиналъ; по возвращеніи оттуда итальянецъ сказалъ: «Церковь хороша, она работы моего соотечественника».

Строителемъ Успенскаго собора былъ извѣстный Аристотель Фіоравенти или Фіораванти. Это не былъ какой-нибудь дюжинный мастеръ, а знаменитость въ своей спеціальности и человѣкъ съ широкимъ техническимъ образованіемъ; онъ работалъ прежде для Козьмы Медичи, Франциска I и др. *); онъ умѣлъ лить пушки, стрѣлять изъ нихъ, лить колокола и чеканить монету; онъ былъ также всесторонне образованный художникъ, соединявшій съ своимъ искусствомъ разныя практическія полезныя знанія, какъ Микель Анджело, Леонардо да Винчи, которые тоже упражнялись въ фортификаціи, гидравликѣ и т. п. Понятно, стало быть, почему дѣло не остановилось на одномъ Аристотелѣ, и скоро были вызваны и другіе художники. Въ 1487 г. въ Москвѣ итальянецъ Маріо началъ строить Грановитую Палату, а окончилъ ее Pietro Antonio; въ 1491 г. миланецъ Pietro Solario построилъ одни ворота въ Кремлѣ, въ 1508 г. Алевизъ Новый построилъ, по тому же образцу Владимірскаго собора, соборъ Архангельскій и т. д. Итальянцы же строили башни Кремля, а этимъ башнямъ подражаютъ до сихъ поръ почти повсемѣстно русскіе церковностроители. Слѣдуетъ ли изъ этого, что русская архитектура стала итальянской и что только бѣдность средствъ не дозволила нашимъ государямъ украсить Москву дворцами и храмами въ чистомъ стилѣ возрожденія? Никоимъ образомъ; итальянскіе мастера подчинились вкусу заказчиковъ и перенесли въ Москву суздальскій типъ церквей, только увеличивъ его въ размѣрѣ и осложнивъ его: въ длину былъ прибавленъ одинъ лишній пролетъ и вмѣсто одной главы явились 5; въ московскихъ же церквахъ вошли въ употребленіе *придѣлы*, т. е. вмѣсто одного храма явилась цѣлая система ихъ, настоящій *соборъ*. Впрочемъ, это явленіе развилось главнымъ образомъ въ XVII в.

Тѣмъ не менѣе итальянцы принесли намъ большую пользу: въ детали внесли они свойственное имъ стремленіе къ красотѣ; они научили русскихъ рабочихъ лучшему способу обжиганія извести; изгнали мало пригодный бѣлый камень и ввели во всеобщее употребленіе кирпичъ.

Когда татары завоевали Россію, они стояли на низшей степени культуры, чѣмъ народъ побѣжденный, и поэтому не могли оказать на него сильнаго и замѣтнаго вліянія. Въ области художества извѣстенъ фактъ, указывающій на вѣроятность обратнаго вліянія: въ 1246 г. западный путешественникъ Плано Карпини нашелъ при дворѣ татарскаго хана русскаго золотыхъ дѣлъ мастера Кузьму. Очевидно, русскимъ нечему было учиться, не къ чему присматриваться въ поселеніи кочевниковъ, состоящимъ изъ однообразныхъ кибитокъ; къ тому же извѣстно, какое непобѣдимое отвращеніе питали въ то время русскіе ко всѣмъ религіознымъ церемоніямъ и всему образу жизни поганыхъ.

Въ иномъ положеніи оказалось дѣло, когда долговременное сожительство сблизило, до извѣстной степени асмилировало два племени, когда татары вполнѣ омагометанились и на востокѣ Россіи выстроили большой и богатый городъ Казань, служившій однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ центровъ. Въ этой Казани былъ плѣнникомъ великій князь московскій, его упрекали потомъ, что онъ во время своего плѣна слишкомъ полюбилъ татарскіе обычаи. Изъ этой же Казани впослѣдствіи наѣхали къ намъ *Казанскія сироты*, которыхъ народъ не забылъ до сихъ поръ. Приблизительно къ эпохѣ величія казанскаго царства можно пріурочить съ большимъ правомъ, чѣмъ къ XIII—XIV в. татарское вліяніе на нашу словесность (въ видѣ бро-

*) Martinoff l. c. стр. 147.

дячихъ повѣстей), на наши нравы и обычаи и на наше искусство. Извѣстно, какую видную роль играетъ во всѣхъ французскихъ и нѣмецкихъ очеркахъ русскаго искусства знаменитый московскій храмъ Покрова, извѣстный подъ именемъ *Василія Блаженнаго*; его луковицо-образные куполы, его безпорядочная, повидимому безсистемная, безъидейная архитектура, вычурность его орнаментовъ издавна поражали иностранныхъ путешественниковъ. Мы едва-ли впадемъ въ большое преувеличеніе, если будемъ утверждать, что для извѣстнаго французскаго архитектора Віолли-ле-Дюка, значительно запятнавшаго свою славу неудачной книгой «l'art russe» *), именно Василій Блаженный, съ прибавкою чудовищныхъ орнаментовъ и иниціаловъ, послужилъ исходнымъ пунктомъ всей его восточной теоріи. Храмъ Василія Блаженнаго, какъ извѣстно, строилъ Иванъ Грозный; стало быть онъ создавался именно въ то время, когда восточное вліяніе чувствовалось въ Москвѣ особенно сильно. Вкусъ этого «пестраго» времени требовалъ чего-нибудь болѣе необыкновеннаго, чуднаго, чѣмъ Успенскій соборъ, хотя, само собою разумѣется, русскіе люди и тогда не желали и не могли отрѣшиться отъ своихъ византійско-западныхъ традицій.

Въ Василіи Блаженномъ много традиціоннаго и его башни—тѣ же готическія башни московскаго Кремля, но въ то же время нѣтъ надобности сопоставлять съ его широкими луковицами изображенія индійскихъ пагодъ и ихъ болѣе или менѣе удачныхъ среднеазіатскихъ подражаній, чтобы чувствовать въ немъ этотъ восточный элементъ; онъ тамъ замѣтенъ почти на столько-же, насколько въ узорахъ русскихъ полотенецъ и рѣзныхъ орнаментовъ. Необходимо, впрочемъ, при этомъ замѣтить, что Василій Блаженный не оставался неизмѣннымъ, и его современная пестрая раскраска, напримѣръ, появилась, какъ извѣстно, только въ 1817 г.

Потому восточное вліяніе въ архитектурѣ и орнаментикѣ вовсе не связано съ таковымъ же въ иконописи. Извѣстно, что магометанство не допускало человѣческихъ фигуръ. Иконопись именно въ концѣ XVI в. становится характерно-русскою и начинаетъ почти въ такой-же полнотѣ, но съ большою наглядностью, какъ и письменность, выражать духовную жизнь и идеалы русскаго общества, что, конечно, не исключаетъ для нея возможности воспринимать вліяніе болѣе цивилизованныхъ странъ запада. О новыхъ проявленіяхъ византійскаго вліянія съ начала XVII вѣка не можетъ быть рѣчи: греческая иконопись къ тому времени настолько пала, что греческихъ митрополитовъ въ Москвѣ дарили иконами русскаго мастерства, и митрополиты, очевидно, брали ихъ не изъ простой учтивости: въ 1668 г., антіохійскій патріархъ Макарій бьетъ челомъ московскому царю, что въ Антіохіи и Дамаскѣ «иконы мѣстныя обветшали, а иконниковъ добрыхъ мастеровъ нѣтъ», почему онъ и проситъ пожаловать ему иконъ русскихъ. Что фактъ этотъ не былъ единичнымъ, доказываютъ извѣстія путешественниковъ, которые до сихъ поръ въ Малой Азіи находятъ въ довольно большомъ количествѣ иконы съ греческими подписями, но несомнѣнно русскаго письма; это, очевидно, копіи съ иконъ, подаренныхъ или купленныхъ въ Москвѣ.

Самый крупный, такъ сказать *роковой* памятникъ письменности, дающій рядъ свидѣтельствъ о русской иконописи наканунѣ ея высшаго процвѣтанія, есть Стоглавъ. Въ 43 главѣ онъ говоритъ: «Подобаетъ живописцу быть смиренну, кротку, благоговѣйну, не празднословцу и не смѣхотворцу, ни сварливу, ни завистливу, ни пьяницѣ, ни грабежнику и ни убійцѣ. Наипаче же сохранять чистоту душевную и тѣлесную со всякимъ опасеніемъ; не могущимъ же до конца *такъ* пребыть,—по закону жениться и бракомъ сочетаться, и приходить часто къ духовнымъ отцамъ и во всемъ съ нимъ совѣщаться и по ихъ наставленію жить въ постѣ и молитвахъ и воздержаніи, со смиренномудріемъ, удаляясь отъ всякаго зазора и безчинства». Отсюда ясно усматривается тѣсная связь русскихъ художниковъ съ духовенствомъ, т. е. такое состояніе искусства, которое на западѣ, напр. въ Италіи, мы находимъ въ XIV вѣкѣ. Благочестіе есть

*) Paris. 1877.

стало быть, conditio sine qua non и художникъ всю жизнь находится въ подчиненіи церковнымъ властямъ. Далѣе, въ той-же главѣ Стоглавъ предписываетъ «писать образъ Господа нашего Іисуса Христа и Пречистой его Матери и святыхъ пророковъ... *по образу и по подобію и по существу, смотря на образъ древнихъ живописцевъ*». Яснѣе сказать: живописцамъ запрещается мудрствовать, давать волю своей творческой фантазіи или копировать природу, запрещается свобода и реализмъ, а предписывается рабски слѣдовать древнимъ образцамъ. Еще яснѣе сказать: запрещается искусство и узаконивается гіератика и ремесло. Опять таки мы въ Россіи въ XVI в. имѣемъ то же явленіе, которое встрѣчается на западѣ въ XIII и XIV вѣкахъ.

Но страна, населенная такимъ даровитымъ народомъ, лежавшая такъ близко отъ центровъ цивилизаціи и вошедшая въ сношеніе съ западомъ черезъ Фіораванти и его товарищей, не могла застыть въ старыхъ формахъ, и русская иконопись въ Московскій періодъ далеко не всецѣло и не безъ многихъ исключеній слѣдовала строгимъ постановленіямъ Стоглаваго собора, хотя съ другой стороны постановленія его, выражавшія задушевныя стремленія лучшихъ людей, далеко не были пустымъ звукомъ. Иконопись Московская въ лучшихъ ея представителяхъ есть нѣчто среднее между гіератикой и свободнымъ искусствомъ и такое среднее, какъ доказываетъ ея примѣръ (равно какъ и примѣръ Италіи въ XIV в.), далеко не достигая идеаловъ красоты, созданныхъ Рафаэлемъ и Микель Анджело, въ болѣе совершенной степени, нежели эти идеалы, можетъ выражать настроеніе *массы* и можетъ служить предметомъ ея поклоненія. Требованія Стоглава не могли быть исполнены во всей строгости уже по одному тому, что ими не руководствовалось русское искусство въ болѣе ранній періодъ. Еслибы иконописцы кіевскаго и суздальско-новгородскаго періода писали иконы только «смотря на образъ древнихъ живописцевъ», т. е. копировали бы безъ измѣненія греческіе оригиналы, русская иконопись не могла бы выработать собственныхъ сюжетовъ, а между тѣмъ они были и до московскаго періода; тѣмъ болѣе ихъ появилось теперь, таковы иконописныя изображенія русскихъ святыхъ, напр. Бориса и Глѣба, Сергія Радонежскаго, Алексѣя митрополита и др.; затѣмъ таковы же, по убѣжденію многихъ, изображенія нѣкоторыхъ праздниковъ, напр. Покрова Богородицы, и наконецъ многоличныя иконы аллегорическаго содержанія, какова напр. знаменитая икона, извѣстная подъ названіемъ «Единородный Сынъ—Слово Божіе».

Такія иконы, какъ Единородный Сынъ, представляютъ столько же произведеніе искусства, сколько и продуктъ мышленія, это—аллегорическая поэма въ чертахъ и краскахъ, результатъ дѣятельности нѣсколькихъ поколѣній ученыхъ и наивныхъ богослововъ. Идея этой иконы есть побѣда надъ смертію, одержанная самопожертвованіемъ Христа. Центръ иконы занимаютъ 2 сближенныя фигуры: мертваго Спасителя и Богородицы, обнимающей тѣло Сына — эпизодъ, часто встрѣчающійся отдѣльно и извѣстный въ нашей иконописи подъ названіемъ «не рыдай мене, мати» (у итальянцевъ—pieta). Это—фактъ смерти Христа, взятый съ самой трогательной его стороны: мать обливаетъ слезами тѣло своего безвременно погибшаго сына; съ нею вмѣстѣ, въ ея лицѣ, страдаетъ и все человѣчество. Но тутъ же и утѣшительный результатъ этого ужаснаго страданія: надъ Богоматерью возносится въ кругѣ, поддерживаемомъ ангелами Тотъ же Христосъ, какъ Еммануилъ — юноша на тронѣ, съ распущеннымъ свиткомъ Евангелія въ одной рукѣ и съ символами евангелистовъ въ другой; съ верхней частью круга соприкасаются 2 другія лица св. Троицы. Ниже Богородицы — побѣжденный адъ въ видѣ старика, распростертаго по землѣ и поражаемаго ангеломъ; въ грудь этого старика вонзенъ крестъ, на которомъ сидитъ тоже Христосъ въ видѣ побѣдоноснаго воина съ полуобнаженнымъ мечомъ. Съ другой стороны въ томъ же нижнемъ отдѣленіи, верхомъ на львѣ ѣдетъ смерть съ своими страшными орудіями и попираетъ тѣла мертвецовъ, которыхъ поѣдаютъ хищные звѣри и птицы. На верху, направо и налѣво отъ лицъ св. Троицы находятся 4 ангела, а по краямъ для украшенія озображены 2 хрoмины.

Насъ не должно отталкивать отсутствіе реализма въ фигурѣ льва или ворона, шагающаго по воздуху, или странная фантастика, проявляющаяся, напр., въ томъ, что хвостъ этого невозможнаго льва оканчивается головой еще менѣе возможнаго чудовища съ толстымъ и острымъ языкомъ, безъ нижней челюсти; насъ не должны смущать ни хвостовыя фигуры демоновъ, ни странныя детали въ родѣ уродливаго человѣческаго лица на животѣ у Ада, ни грубость, проявляющаяся въ томъ, что ангелъ волочитъ старца — Адъ за бороду. Конечно, на основаніи этой и подобныхъ ей иконъ нельзя доказать, что русскіе люди XVII столѣтія обладали высокоразвитымъ художественнымъ вкусомъ и кротостью души, свойственною эпохѣ Руссо; да и незачѣмъ этого доказывать. За то въ этой иконѣ сказывается сильная и энергичная мысль, понятная и не грамотному ея поклоннику: Спаситель умеръ; растерзано сердце Его матери, но Его смерть—путь къ небу; пускай свирѣпствуетъ страшное и безпощадное чудовище и коситъ насъ; пускай тѣла наши достанутся воронамъ и волкамъ — побѣдоносный воинъ крестнымъ страданіемъ своимъ и Евангеліемъ побѣдилъ Адъ; служители послѣдняго бѣгутъ въ страхѣ, и наши души вознесутся вмѣстѣ со Христомъ въ предѣлы вѣчнаго свѣта.

Произведенія церковнаго искусства въ московскій періодъ служатъ не для эстетическаго наслажденія, они — предметъ религіознаго поклоненія, и это опредѣляетъ ихъ характеръ въ общемъ и въ частностяхъ. Красоты не было ни въ изображеніи цѣлыхъ сценъ, ни въ изображеніи отдѣльныхъ фигуръ; вмѣсто нея есть благородство, сознаніе своего достоинства; поэтому строгіе старики удаются лучше юношей и женщинъ; всего же хуже удаются дѣти. Младенца Христа на рукахъ Богоматери наши иконописцы и не пытаются изобразить младенцемъ; это отрокъ лѣтъ 7 — 8 съ старческимъ лицомъ; лоно матери для него не мѣсто игръ или сна, а тронъ, на которомъ возсѣдаетъ онъ, какъ царь и строгій судья міра; физическое проявленіе материнской заботливости и любви, — питаніе грудью, конечно, немыслимо на старой русской иконѣ. Изображенія апостоловъ, святыхъ являются не въ сценахъ—сцены пишутся мелко вокругъ иконы (въ четырехугольникахъ), составляя такимъ образомъ *лицевое* житіе, цѣль котораго напомнить или даже разсказать факты,—онѣ стоятъ во весь ростъ, лицомъ къ зрителямъ, какъ-бы настойчиво требуя благоговѣйнаго поклоненія, какъ на римско-византійскихъ мозаикахъ. Традиціонныя сцены изъ жизни Спасителя: Рождество, Распятіе, Воскресеніе, Вознесеніе являются несравненно рѣже иконъ одноличныхъ, и иныя изъ нихъ, напр. Вознесеніе, Сошествіе св. Духа, Благовѣщеніе—въ такой формѣ, что сцена представляется расчлененной на свои составныя части, и каждый членъ становится особою единоличною иконою. Такое искусство не могло стремиться къ воспроизведенію природы, къ реализму; если и появлялись изображенія животныхъ и растеній, они преслѣдовали цѣль символическую; изображеніе нагого тѣла было, разумѣется, немыслимо.

Строго запрещалось обращать искусство въ забаву: «надъ вратами же домовъ у православныхъ христіанъ воображаемыхъ звѣрей и зміевъ, никакихъ невѣрныхъ храбрыхъ мужей поставлять не подобаетъ. Ставили бы надъ вратами у своихъ домовъ православные христіане святыя иконы или честные кресты». Предписывалось писать иконы такимъ образомъ, чтобы онѣ не могли подвергнуться скорому и случайному разрушенію: «на стеклѣ святыхъ иконъ не писати, понеже сія сокрушительна есть вещь». Этотъ запретъ сдѣлалъ невозможнымъ существованіе такой важной на западѣ отрасли живописи, какъ gesmalerei.

Предписаніе Стоглава писать *по образу* и *по подобію* должно было вызвать и вызвало въ самомъ дѣлѣ сборники такихъ образовъ и подобій, извѣстныхъ въ нашей литературѣ подъ именемъ *подлинниковъ*. Подлинники бывали 2-хъ родовъ: *лицевые*, состоявшіе изъ однихъ изображеній при святцахъ—времени появленія такихъ подлинниковъ опредѣлить невозможно—и *толковые*, съ текстомъ. Старѣйшій толковый подлинникъ составленъ, какъ полагаютъ, въ Москвѣ послѣ Стоглаваго собора, можетъ быть даже въ началѣ XVII вѣка, онъ кратко опредѣляетъ, какъ писать сцены изъ жизни Спасителя и Богоматери и какъ писать святыхъ, при чемъ, ко-

нечно, можетъ дать только самыя общія, шаблонныя указанія, въ родѣ напр. такихъ: NN «младъ аки Георгій, NN сѣдъ, плѣшивъ, борода аки у Николы» и обстоятельно можетъ опредѣлить только краску, которую надо употребить при изображеніи платья той или другой фигуры.

Неисполнимость предписаній Стоглава во всей строгости, между прочимъ, ясно видна—на появленіи почти одновременно нѣсколькихъ редакцій подлинниковъ, которые въ подробностяхъ расходились довольно значительно. Когда въ XVIII в. изъ нихъ составленъ былъ *сводный* подлинникъ *), оказалось, что въ него вошли многіе «переводы» несомнѣнно западнаго происхожденія, съ такими деталями и съ такою наклонностью къ реализму, которыя возмутили бы до глубины души благочестиваго современника Стоглава. Такимъ образомъ оказалось, что подлинникъ не могъ сдержать развитія сюжетовъ и хода искусства, а волей-неволей и самъ къ нему приспособлялся.

Въ русской иконописи московскаго періода различаютъ нѣсколько школъ, которыя впрочемъ расходятся на столько, что ихъ можно назвать скорѣй *пошибами*, нежели школами; названія школъ зависятъ отъ мѣстностей, изъ которыхъ происходили живописцы. Отличаютъ, во-первыхъ, новгородскую школу, признакомъ которой служитъ строгость фигуръ и темнота красокъ; арки и линіи въ ея иконахъ очерчены не по циркулю, а отъ руки; въ сюжетахъ нѣтъ разнообразія и собственныхъ домысловъ. Новгородскіе иконописцы, какъ документально извѣстно, послѣ перенесенія центра русской жизни въ Москву переселялись туда въ большомъ количествѣ; въ XV и даже XVI вѣкѣ Москва главнымъ образомъ и живетъ новгородскими мастерами.

Затѣмъ отличаютъ *Строгоновскую* школу. Строгоновы, богатые купцы, владѣвшіе многими заводами и огромнымъ количествомъ земель на сѣверовостокѣ Россіи, черезъ Устюгъ были въ связи съ Новгородомъ и его колоніями. Строгоновская школа (существованіе которой впрочемъ отвергаетъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ русской археологіи и иконописи г. Филимоновъ) представляетъ дальнѣйшій шагъ въ искусствѣ; ея живописцы иногда сами сочиняютъ рисунки; они подписываютъ на оборотѣ чернилами свои имена, а иногда и имена заказчиковъ; арки и линіи выводятъ они не отъ руки, а по циркулю, въ краскахъ отличаются большей яркостью. Сообразно той мѣстности, въ которой имъ приходится дѣйствовать, они проявляютъ особенную наклонность къ многоличнымъ небольшимъ иконамъ, которыя были такъ удобны въ маленькихъ деревянныхъ церквахъ.

Третья школа—*московская* въ болѣе строгомъ смыслѣ. Старые московскіе живописцы, часто ученики новгородцевъ, ничѣмъ не отличаются отъ своихъ учителей; они также очерчиваютъ отъ руки арки и линіи, также покорны преданію и также не любятъ выставлять своихъ именъ. Позднѣе, въ XVII вѣкѣ изъ нихъ выдѣляются, составляющіе нѣчто въ родѣ цеха, *царскіе* живописцы, въ средѣ которыхъ русское искусство достигаетъ высшей точки процвѣтанія и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ измѣнять своимъ основнымъ принципамъ, своему гіератизму и идетъ такимъ образомъ навстрѣчу реформѣ Петра Великаго.

Обстановка, въ которой дѣйствовали царскіе иконописцы, характеръ и результаты ихъ дѣятельности для изслѣдованія русской старины и народности въ высшей степени интересны и поучительны.

Благодаря страсти московскихъ людей къ письменному дѣлопроизводству и аккуратности, съ которой собирались въ архивы всѣ входящія и исходящія бумаги и приказы, мы по офиціальнымъ документамъ можемъ составить себѣ довольно ясное понятіе о матеріальномъ положеніи царскихъ иконописцевъ, ихъ дѣленіи и положеніи въ обществѣ. Изъ дѣлъ Оружейнаго приказа, опубликованныхъ г. Забѣлинымъ, видно, что мастера царскіе раздѣлялись на «жа-

*) Опубликованъ въ „Вѣстникѣ Общ. Люб. Древне-русскаго искусства".

лованныхъ» и «кормовыхъ»; жалованные находились, такъ сказать, на дѣйствительной службѣ, кормовые были «причислены» и въ то же время «служили по найму». Кто желалъ поступить въ жалованные мастера, долженъ былъ подвергнуться испытанію—выказать свое искусство, написавъ собственноручно икону. Кромѣ того, онъ представлялъ «поручную запись» (подписку) «не пить и не бражничать, къ государеву дѣлу, къ иконописному письму всегда быть готову, съ Москвы безъ отпуска не съѣзжать» и пр. Жалованья они получали въ годъ деньгами 12 — 15 руб., да по 20 четвериковъ хлѣба, а во время работы получали посуточно кормовыхъ денегъ 2—3 алтына. Кормовые живописцы жалованья постоянного не получали, но во время работы лучшіе изъ нихъ не только пользовались полнымъ содержаніемъ, но и «корму» получали болѣе жалованныхъ—около гривны въ день. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ къ праздникамъ не въ зачетъ выдавались награды натурою.

Въ 1666 г., на Свѣтлый праздникъ тѣ и другіе получили: по ведру вина, по 3 ведра пива, по ломтю ветчины, по 5 языковъ и пр. По окончаніи большой царской работы, мастеровъ, какъ тѣхъ, такъ и другихъ жаловали матерчатыми тканями, и иногда виномъ и хлѣбомъ. Тканями же награждали иногда мастеровъ и при разныхъ торжественныхъ случаяхъ; такъ въ томъ же 1666 г. по случаю рожденія царевича имъ выдано было «по сукну человѣку», т. е. по штукѣ сукна на человѣка. Самое большее при Оружейной Палатѣ бывало по 10 жалованныхъ и по 20 кормовыхъ иконописцевъ. Кромѣ иконъ они дѣлали и другія работы для дворца: писали пряничныя доски, расписывали «травами» кадки яичныя и столы, писали рѣшетки и шесты, также для царевичей разрисовывали «болванцевъ» (куклы), малевали трубы, печи и пр.

Если кого слишкомъ возмутитъ такое отношеніе московскаго начальства къ представителямъ искусства, напомнимъ, что приблизительно то же самое происходило и на западѣ въ золотой вѣкъ художества. Рафаэль приготовлялъ картины для ковровъ, рисовалъ портреты папскаго слона, расписывалъ декораціи; Микель Анджело лѣпилъ кубки; Бенвенутто Челлини былъ ювелиромъ и монетчикомъ и т. д.

Конечно, было бы нелѣпо сравнивать московскую художественную цивилизацію съ итальянской, но оба явленія принадлежатъ къ одной и той же категоріи. Художественный вкусъ повсемѣстно палъ послѣ того, какъ искусство рѣзко отдѣлилось отъ ремесла и оставило нашу обыденную жизнь на жертву бездарнымъ и лишеннымъ фантазіи техникамъ. При господствѣ дерева въ «древнерусской жизни, красиво расписанныя травами» яичныя кадки въ теремахъ Москвы исполняли ту же роль для мало подготовленнаго общества, какъ и кубки и подсвѣчники Челлини въ салонахъ Флоренціи и Рима.

Когда затѣвалось въ Москвѣ какое-нибудь крупное дѣло, напр., когда въ 1648 г. расписывали Успенскій или въ 1660 г. Архангельскій соборъ, своихъ живописцевъ не хватало, и на помощь имъ собирали иконописцевъ изъ другихъ городовъ и монастырей (таковыхъ имѣлъ каждый большой монастырь; у Сергія Троицы напр. было до 20 собственныхъ иконописцевъ и травщиковъ): Оружейный Приказъ для такихъ случаевъ велъ имъ постоянные списки. Ихъ требовали съ приставомъ на подводахъ «безъ всякаго мотчанія» и съ нихъ тоже брали расписки, что они не сбѣгутъ изъ Москвы. Въ Москвѣ жалованные живописцы разбирали ихъ по «статьямъ», глядя по ихъ мастерству; первой статьѣ давали «корму» деньгами по гривнѣ въ день и натурою хорошее содержаніе; третьей статьѣ давали въ день по 2 алтына 2 деньги и корму и питья «въ полы» (на половину), а *романеи* имъ вовсе не полагалось.

Городовые живописцы не составляли особаго цеха или *чина*: они принадлежали ко всѣмъ сословіямъ и между ними было особенно много духовныхъ; московскіе же жалованные и кормовые художники всѣ были люди свѣтскіе. Мало того, въ противность принципамъ Стоглаваго Собора они настолько порвали связь съ церковью, что имѣли своими товарищами и начальниками иновѣрцевъ: съ 1643 г. при Оружейной Палатѣ состоялъ почти всегда «живописнаго

дѣла мастеръ» изъ *нѣмцевъ*. Въ 1667 г. это мѣсто занималъ нѣкто Вухтерсъ; жалованье ему положили сперва по 20 рублей въ годъ и провизіей тому соотвѣтственно, но когда онъ написалъ картину, изображавшую Плѣненіе Іерусалима, ему не въ примѣръ другимъ назначили по 13 рублей въ *мѣсяцъ*, жалованье для того времени огромное; вотъ насколько «фряжская» (западная) живопись предпочиталась въ то время русской гіератической иконописи, и это явленіе не ограничивалось предѣлами Кремля и боярскихъ дворовъ: въ XVII и даже въ концѣ XVI в. въ Москвѣ съ выгодою торговали «фряжскими потѣшными листами», т. е. гравюрами на мѣди и деревѣ, и черезъ эти гравюры и старопечатныя книги въ миніатюры русскихъ рукописей, въ ихъ заставки и иниціалы входитъ много западныхъ элементовъ. Чтобы пути, которыми проникло западничество въ Москву, не показались читателямъ темными, напомнимъ, что уже при Грозномъ создается *новая* нѣмецкая слобода, такъ какъ старая не могла вмѣщать всѣхъ западныхъ выходцевъ, и что при Ѳедорѣ Ивановичѣ однихъ иностранныхъ солдатъ считается въ Москвѣ до 5.000. Революція въ пользу *фряжскаго* стиля окончательно совершилась въ эпоху дѣятельности талантливѣйшаго изъ жалованныхъ живописцевъ (по крайней мѣрѣ, судя по произведеніямъ, до насъ дошедшимъ)—Симона Ушакова. Тѣ же архивные документы даютъ намъ возможность составить себѣ довольно ясное понятіе о его служебно-художественной карьерѣ.

Симонъ Ушаковъ родился въ 1626 г.; рано развился его живописный талантъ, какъ это видно изъ того, что 22 лѣтъ отъ роду онъ былъ уже царскимъ живописцемъ и получалъ жалованья 10 рублей въ годъ и 30 четвертей хлѣба. Въ то время онъ былъ прикомандированъ къ Серебряной Палатѣ, гдѣ долженъ былъ *знаменить* (сочинять) рисунки для разнаго рода предметовъ церковной утвари, золотыхъ и серебряныхъ; слѣдовательно, подобно многимъ западнымъ своимъ товарищамъ эпохи разнаго возрожденія Ушаковъ шелъ къ рельефности живописнаго рисунка отъ золотыхъ дѣлъ мастерства. Ушаковъ начинаетъ выдвигаться изъ среды своихъ товарищей въ концѣ 50-хъ годовъ XVII в., т. е. именно въ то время, когда западное вліяніе вслѣдствіе политическихъ причинъ начинаетъ врываться во всѣ сферы русской жизни и всего замѣтнѣе въ литературу, когда десятками и сотнями расходятся по Руси проникшіе къ намъ черезъ Польшу и юго-западъ рыцарскіе романы, потѣшныя повѣсти, польскіе жарты и пр.; когда юго-западное духовенство, отточившее свое умственное оружіе въ борьбѣ съ католицизмомъ и Уніею, посылаетъ въ Москву своихъ ходоковъ десятками, распространяетъ въ Москвѣ сотнями изданія своихъ типографій и подчиняетъ своему умственному превосходству, которымъ оно обязано своимъ врагамъ, новыхъ друзей и кормильцевъ. Съ лучшей порой дѣятельности Ушакова совпадаетъ устройство перваго русскаго театра подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, совпадаетъ приготовленіе къ переходу чудовской школы въ греколатинскую академію, дѣятельность Юрія Крижанича въ Москвѣ, бѣгство Котошихина на западъ, появленіе въ Москвѣ массы учебниковъ, изданныхъ въ Кіевѣ, Львовѣ и пр. и наконецъ раздѣленіе всего русскаго общества на 2 лагеря: приверженцевъ старины, старообрядцевъ и людей, шедшихъ навстрѣчу Петровской реформѣ.

Симонъ Ушаковъ примкнулъ къ послѣднимъ; онъ пользовался западными гравюрами, еще въ первый періодъ своей художественной дѣятельности и, можетъ быть, именно своей наклонности къ свободному *фряжскому* письму обязанъ онъ тѣмъ, что выдвинулся изъ среды собратьевъ; хотя есть указаніе, что въ дѣлахъ церковныхъ онъ, подобно своему другу Илларіону, строителю Флорищевой пустыни, одно время колебался между старымъ и новымъ, не зналъ, примкнуть ли ему къ Никону или къ его противникамъ, но какъ художникъ онъ не имѣлъ колебаній.

Въ 1660 г. Ушакову поручается надзоръ за всѣми иконописными и живописными работами; черезъ 8 лѣтъ онъ оказывается чѣмъ то въ родѣ главноуправляющаго иконописныхъ дѣлъ, такъ какъ на его имя дана царская грамота, запрещавшая иконы плохого письма, ко-

торая, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, осталась повидимому безъ всякихъ послѣдствій.

На примѣрѣ Симона Ушакова видно, что тогда уже наше начальство страдало той же болѣзнію, что и при наслѣдникахъ Петра: награждало заурядныхъ иностранцевъ больше, чѣмъ талантливыхъ русскихъ людей. Въ то время, какъ Вухтерсъ получалъ 156 рублей въ годъ, Симонъ Ушаковъ имѣлъ жалованья 25 рублей въ годъ, да во время работы ему сверхъ того выдавалось по гривнѣ въ день. Отдали ему для его мастерской домъ, описанный въ казну; онъ его устроилъ, снабдилъ службами и приспособилъ къ своему дѣлу, но этотъ домъ у него потомъ оттягали и вознаградили за убытки крайне недостаточно.

Въ высшей степени характерный фактъ представляетъ сохранившееся до нашего времени посланіе, адресованное къ Симону Ушакову какимъ то *изографомъ* (т. е. живописцемъ) Іосифомъ, очевидно его пріятелемъ и единомышленникомъ *). Какъ то у Ушакова сидѣлъ въ мастерской этотъ Іосифъ, и они вели бесѣду о цитированной нами выше 53 гл. Стоглава, посвященной иконописи; пришелъ къ нимъ нѣкій сербскій архидьяконъ Іоаннъ; увидѣвши прекрасное изображеніе Маріи Магдалины, онъ плюнулъ и сказалъ, что такихъ *свѣтовидныхъ* образовъ у нихъ не принимаютъ. Этотъ то случай и послужилъ поводомъ къ написанію посланія, которое дѣлится на 2 части; первая, заключающая въ себѣ 36 главъ, носитъ названіе: «о премудрой мастротѣ живописующихъ, сирѣчь о изящномъ мастерствѣ иконописующихъ и цѣломудренномъ познаніи истинныхъ персонъ и дерзостномъ лжеписаніи неистовыхъ образовъ». Вторая часть озаглавлена: «Возразъ (т. е. возраженіе) къ нѣкоему хульнику Іоаннови вредоумному». Авторъ повидимому относится съ большимъ уваженіемъ къ предписаніямъ Стоглава, хотя въ сущности расходится съ его основнымъ принципомъ, съ гіератикой. Изъ довольно затруднительной диллемы, какъ согласовать уваженіе къ старинѣ и преданію съ вѣрностью природѣ и эстетическимъ совершенствомъ, авторъ изворачивается довольно ловко, слагая вину паденія русской иконописи на неискусныхъ деревенскихъ иконниковъ, которые обратили это великое и святое дѣло въ ремесло. Онъ выставляетъ остроумный доводъ въ пользу красоты иконъ, добытый имъ, такъ сказать, изъ *сферы политической*: какъ бы понравилось царю земному, разсуждаетъ онъ, еслибы вмѣсто его изображенія стали распространять что-либо до крайности уродливое? А мы считаемъ благочестивымъ дѣломъ пускать въ ходъ самыя «неистовыя» изображенія Царя небеснаго! Авторъ относится съ большимъ уваженіемъ къ искусству западному, которое въ то время, въ отношеніи техники, стояло такъ высоко, и своего противника, отвергающаго возможность принимать отъ иновѣрцевъ иконы, называетъ: «новымъ иконоборцемъ». Авторъ явно стоитъ на сторонѣ Никона и его нововведеній, отождествляя традиціонную иконопись съ старовѣрствомъ, и указываетъ источники для будущихъ русскихъ иконъ въ *друкованныхъ* изображеніяхъ, т. е. въ гравюрахъ, пришедшихъ къ намъ съ запада. Онъ доходитъ до паѳоса и истиннаго краснорѣчія, защищая дорогое его сердцу дѣло, и горячо возстаетъ противъ однообразія, удаленія отъ природы, отсутствія красоты, мрачныхъ и смуглыхъ лицъ, короче сказать, всего того, что прежде называли *византійщиной*. По поводу столь распространеннаго изображенія Богоматери съ младенцемъ говоритъ онъ: «если отроча млада, то какъ же можно лице его мрачно и темнообразно писать? Напротивъ того, всячески подобаетъ ему быть бѣлу и румяну, паче же лѣпу, а не безлѣпочну, по пророку глаголющему: Господь воцарися и въ *лѣпоту* облечеся»—характерное доказательство того, какъ можно было пользоваться тѣмъ же священнымъ писаніемъ для утвержденія новой, болѣе жизненной, теоріи искусства. Іосифъ не отвергаетъ, конечно, значенія традиціи и обязательности подлинниковъ, но какъ можно требовать строгаго слѣдованія подлиннику, если его редакціи противорѣчатъ ругъ другу, а иногда противорѣчатъ природѣ и исторіи? Подлинникъ слѣдуетъ провѣрить,

*) Ѳ. И. Буслаевъ. Очеркъ II, 398 и слѣд.

привести къ единству и исправить по другимъ книжнымъ источникамъ, чтобы святые изображались въ томъ видѣ, въ какомъ они въ дѣйствительности являлись на землѣ.

Чрезвычайно искусно отражаетъ онъ нападеніе староверовъ на стремленіе новой живо-

Гравюра изъ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ

писи изображать красивыми мужскія и женскія лица: старовѣры утверждали, будто такія иконы возбуждаютъ похоть въ зрителяхъ. «Истинному и благочестивому христіанину, доказываетъ Іосифъ, и на самыхъ блудницъ взирая прельщаться не подобаетъ, а ты на благообразныя иконы разжигаешься!»' хуже этого несчастія и выдумать ничего невозможно.

Ушаковъ, какъ отчасти видно изъ высказаннаго, былъ главою той школы, остроумнымъ

Гравюра изъ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ

защитникомъ которой явился Іосифъ: онъ тоже стоялъ за «живство» и «лѣпоту» и тоже считалъ возможнымъ безъ грѣха и съ выгодою для дѣла пользоваться тѣмъ, что могло внести высокоразвитое искусство западное. Наглядно объ этомъ свидѣтельствуютъ дошедшія до насъ его произведенія, главнымъ образомъ его икона Благовѣщенія, находящаяся въ церкви Грузинской Божьей Матери. Обращаемъ прежде всего вниманіе на необыкновенное развитіе орнаментики зданія, на изящество и красоту, не свободную впрочемъ отъ нѣкоторой вялости и сантиментальности, 2-хъ главныхъ фигуръ: архангела и Маріи.

Наконецъ, обращаемъ вниманіе на композицію иконы: Симонъ Ушаковъ безъ сомнѣнія видалъ *друкованныя* изображенія западныхъ Благовѣщеній и кое-что усвоилъ изъ нихъ: Богъ-Отецъ написанъ съ соблюденіемъ перспективы и не кажется находящимся на разстояніи 2-хъ аршинъ отъ головы Богоматери; спускающійся на лучахъ голубь скрытъ въ орнаментахъ зданія и не бросается въ глаза своей неестественностью. Но Ушаковъ не поставилъ Богородицу на колѣни передъ архангеломъ, не окружилъ ее горшками цвѣтовъ, какъ это дѣлалось въ его время на западѣ, а оставилъ ее въ той же исполненной достоинства позѣ, въ какой она является на фрескѣ Кіево-Софійскаго собора; въ правой рукѣ ея тотъ же традиціонный мотокъ красной шерсти на прялкѣ, который мы тамъ видѣли; изъ позднѣйшихъ изображеній взята только книга, лежащая на изящномъ столикѣ.

Вокругъ этой иконы изображенъ мелкими фигурами лицевой акаѳистъ Богородицы, гдѣ «живство», «лѣпота», а еще болѣе того изобрѣтательность художника видны въ сильнѣйшей степени.

Икону Владимірской Богородицы съ младенцемъ, написанную имъ для той же грузинской церкви, Симонъ Ушаковъ окружилъ портретами умершихъ и современныхъ ему дѣятелей и помѣстилъ на чемъ-то въ родѣ родословнаго дерева, которое изображено выросшимъ около кремлевской стѣны. На этой иконѣ Спаситель крѣпко, по-ребячески прислонилъ свое лицо къ лицу матери, а лѣвой рукой обвилъ ея шею.

Читатель найдетъ снимокъ съ гравюры, украшающей изданіе знаменитой повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Позы обоихъ дѣйствующихъ лицъ и выраженіе ихъ отличается нѣкоторой сантиментальной натянутостью, которая, впрочемъ, составляетъ слабую сторону и самой повѣсти; но юная красота принца и старческое благодушіе его учителя переданы такъ, что ихъ не устыдился бы и хорошій западный художникъ XVII вѣка; выраженіе лица царевича превосходно соотвѣтствуетъ тому моменту, когда онъ впервые узрѣлъ мысленными очами «камень драгій» и былъ пораженъ его небеснымъ блескомъ; счастливая идея просвѣтить сердце царевича пучкомъ лучей съ неба принадлежитъ, повидимому, нашему художнику. Детали отдѣланы замѣчательно чисто; линейная перспектива соблюдена почти безукоризненно, особенно въ изображеніи того зданія, которое видно въ лѣвомъ отъ зрителей окнѣ.

Симонъ Ушаковъ умѣлъ самъ гравировать, но эту гравюру рѣзалъ, какъ видно по надписи, Аѳанасій Трухменскій, лучшій граверъ того времени, тоже состоявшій на царской службѣ. Заглавный листъ той же книги украшенъ искусствомъ Симона Ушакова двумя аллегорическими фигурами: Мира и Войны, на которой западное вліяніе отразилось еще сильнѣй. Миръ изображенъ въ видѣ дѣвы, съ рогомъ изобилія въ одной рукѣ, съ пальмовой вѣтвью и лирой въ другой; у ногъ ея, попирающихъ броню и шлемъ, виденъ барашекъ, символъ кротости. Войну («брань») изображаетъ богъ Марсъ съ мечомъ и длиннымъ копьемъ, попирающій черепаху.

Въ вѣкъ Ушакова русская миніатюра и заставка должны были тоже носить другой характеръ. Въ миніатюру подъ вліяніемъ западныхъ гравюръ еще съ XVI вѣка входитъ много новаго, несомнѣнно западнаго, и она въ значительной степени освобождается отъ традиціоннаго однообразія, но вмѣстѣ тѣмъ теряетъ прежнюю строгость стиля, величіе и выразительность. Миніатюра—такой видъ искусства, который по существу своему способенъ въ однихъ особяхъ быстро двигаться впередъ, въ другихъ—хранить слѣды глубокой старины; такъ и наша ми-

ніатюра московскаго періода, дозволяя себѣ въ однихъ случаяхъ замѣчательное вольнодумство, въ другихъ удерживаетъ аллегорическія фигуры: рѣки Гордана, земли, моря, пустыни, Аполлона и Діану на ихъ колесницахъ, фигуры, которыя считаются характернымъ явленіемъ лучшаго періода византійскаго искусства; мѣстами она сохраняетъ даже воспоминанія изъ эпохи первыхъ временъ христіанства, какъ, напр., нимбъ около головы Фараона. Въ высшей степени любопытны для археолога и историка литературы такіе случаи, когда миніатюристъ не понималъ своего стариннаго оригинала и толковалъ его по своему, видоизмѣняя и искажая

Примѣровъ довольно много въ изслѣдованіи академика Ѳ. И. Буслаева «Русскій лицевой апокалипсисъ». Это изслѣдованіе, результатъ 5-лѣтнихъ трудовъ лучшаго по дарованіямъ и подготовкѣ русскаго спеціалиста, есть прекрасный образецъ того, что нѣмцы называютъ: epochenmachendes Werk. Результаты, добытые г. Буслаевымъ, настолько важны для исторіи русскаго искусства вообще, что мы считаемъ необходимымъ привести ихъ отчасти въ извлеченіи, отчасти in extenso.

«Лицевой апокалипсисъ,—говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ на стр. 165,—раздѣляетъ общую судьбу съ другими произведеніями нашей иконописи. Чѣмъ древнѣе иллюстраціи, тѣмъ богаче онѣ традиціоннымъ содержаніемъ и тѣмъ самостоятельнѣе; чѣмъ позднѣе, тѣмъ бѣднѣе въ отношеніи иконографическомъ, и тѣмъ болѣе теряютъ свою самостоятельность въ рабскомъ копированіи, неудачномъ эклектизмѣ и въ безразборчивомъ усвоеніи западныхъ сюжетовъ и стиля...

Паденіе иконографическаго преданія и безсодержательность сопровождались или внѣшней прикрасой и искусственностью, или же неряшествомъ исполненія, низводящимъ иконопись до топорнаго пошиба безобразнѣйшихъ изъ лубочныхъ картинокъ»...

Изъ обстоятельнаго сличенія наиболѣе характерныхъ рисунковъ изслѣдователь выводитъ заключеніе, что въ XVI вѣкѣ на Руси существовали 2 редакціи лицевого апокалипсиса: одна была главнымъ образомъ распространена на юго-западѣ и въ XVI же вѣкѣ была осложнена, очевидно, тамъ же западнымъ вліяніемъ настолько сильно, что въ ней встрѣчаются сюжеты, заимствованные изъ Лютерова апокалипсиса 1534 г., при чемъ западному вліянію на миніатюру соотвѣтствуетъ таковое же и на текстъ; другая редакція, которую авторъ называетъ *новгородскою*, отличается замѣчательной содержательностью иллюстрацій и миніатюрностью фигуръ (см., что было выше сказано о маленькихъ церквахъ и многоличныхъ иконахъ). Вотъ какъ ее характеризуетъ Ѳ. И. Буслаевъ:

«При крайней точности въ воспроизведеніи подробностей текста, въ иллюстраціи господствуютъ во всей чистотѣ древнія преданія византійской иконографіи въ типахъ, символикѣ и стилизаціи; предпочтительно передъ прочими редакціями, распространена система олицетвореній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ повсюду принятъ и ландшафтъ съ горами и лѣсами и съ очень изящнымъ палатнымъ письмомъ разнообразной архитектуры.

Для удовлетворительнаго выполненія всѣхъ сказанныхъ задачъ требовались довольно значительныя художественныя средства, какими должна была владѣть благоустроенная школа иконописи, располагавшая разными пособіями для художественнаго развитія по образцамъ мѣстнымъ и иноземнымъ. Потому-то эта редакція даетъ намъ классическій образецъ гармоническаго сліянія византійской иконографіи съ изяществомъ западнаго стиля Возрожденія, который, въ своихъ общихъ принципахъ, не противорѣча стилю античному, оказался въ согласіи съ изяществомъ искусства византійскаго, поскольку это послѣднее въ своихъ художественныхъ формахъ ведетъ свое начало отъ античнаго».

Но не эта превосходная редакція стала особенно популярною въ XVII вѣкѣ: многіе ея архаизмы оказались непонятны читателямъ, а сложность и самое изящество миніатюръ затрудняло копіистовъ; съ другой стороны, въ строго православной и подозрительной Москвѣ не могла одержать верхъ и первая редакція, такъ сильно осложненная западничествомъ; понадобилось нѣчто среднее.

«Благочестивымъ потребностямъ нашихъ предковъ, — говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ, — могла удовлетворить такая редакція, которая, за удаленіемъ неудобопонятныхъ архаизмовъ, символики и стилизаціи, въ надлежащей ясности и достаточной полнотѣ, но безъ обременительныхъ для вниманія подробностей, изображала бы апокалипсическія видѣнія съ подобающею византійскому стилю строгостью, не нарушая его чистоты западными соблазнами».

Одинъ опытъ такой редакціи, особенно удачный по послѣдствіямъ, явился еще въ XVI в., а въ первой половинѣ XVII в. подвергся существеннымъ видоизмѣненіямъ. Эта редакція расходилась въ огромномъ по тому времени количествѣ копій, между прочимъ въ видѣ отдѣльныхъ листовъ миніатюръ безъ текста.

Эта редакція во 2-й половинѣ XVII в. сильно осложняется западнымъ вліяніемъ, и она же, по мѣткому выраженію Ѳ. И. Буслаева, «служила канвою, по которой тамъ и сямъ вставлялись *ветхія заплаты* изъ драгоцѣнныхъ остатковъ ранняго византійскаго преданія».

Въ то же время на юго-западѣ Руси продолжала распространяться редакція насквозь проникнутая западнымъ вліяніемъ, въ 1625 г. закрѣпленная печатнымъ изданіемъ Копистенскаго; въ эпоху Симона Ушакова эта редакція пользуется популярностью и на сѣверѣ; но тогда же проявляются весьма замѣтно и рѣзко и реакціонныя стремленія.

«Во второй половинѣ XVII столѣтія недовольство иноземнымъ направленіемъ въ апокалипсическихъ иллюстраціяхъ, получившихъ осѣдлость въ юго-западной Руси и оттуда начинавшимъ распространяться и на сѣверо-востокъ, оживило въ ревнителяхъ православія потребность дать болѣе широкій просторъ настоящей византійско-русской апокалипсической иконографіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ—укрѣпить колеблющіяся основы преданія, подчинивъ ихъ единству системы по выработаннымъ, при посредствѣ Иконописнаго Подлинника, правиламъ въ представленіи надлежащаго образа и подобія въ типахъ и вообще благочинія въ аттрибутахъ, костюмѣ и разныхъ подробностяхъ, и всему дать подобающее благолѣпіе и красоту въ противодѣйствіе живописнымъ соблазнамъ олатыненныхъ иллюстрацій».

Эта редакція, какъ и слѣдовало ожидать, носитъ характеръ очевидной компиляціи, построенной на основѣ сѣверной московской редакціи: она допускаетъ занесенный съ запада ландшафтъ и устраняетъ символическіе архаизмы, но удерживаетъ другіе пріемы ранняго стиля и явно и сознательно стремится быть, сколько возможно, православной, вѣрной преданію, напр., въ ореолахъ, въ употребленіи сіяній, въ покроѣ и орнаментахъ святительскихъ ризъ и проч. и слѣдовать, сколько возможно точнѣе, иконописному подлиннику.

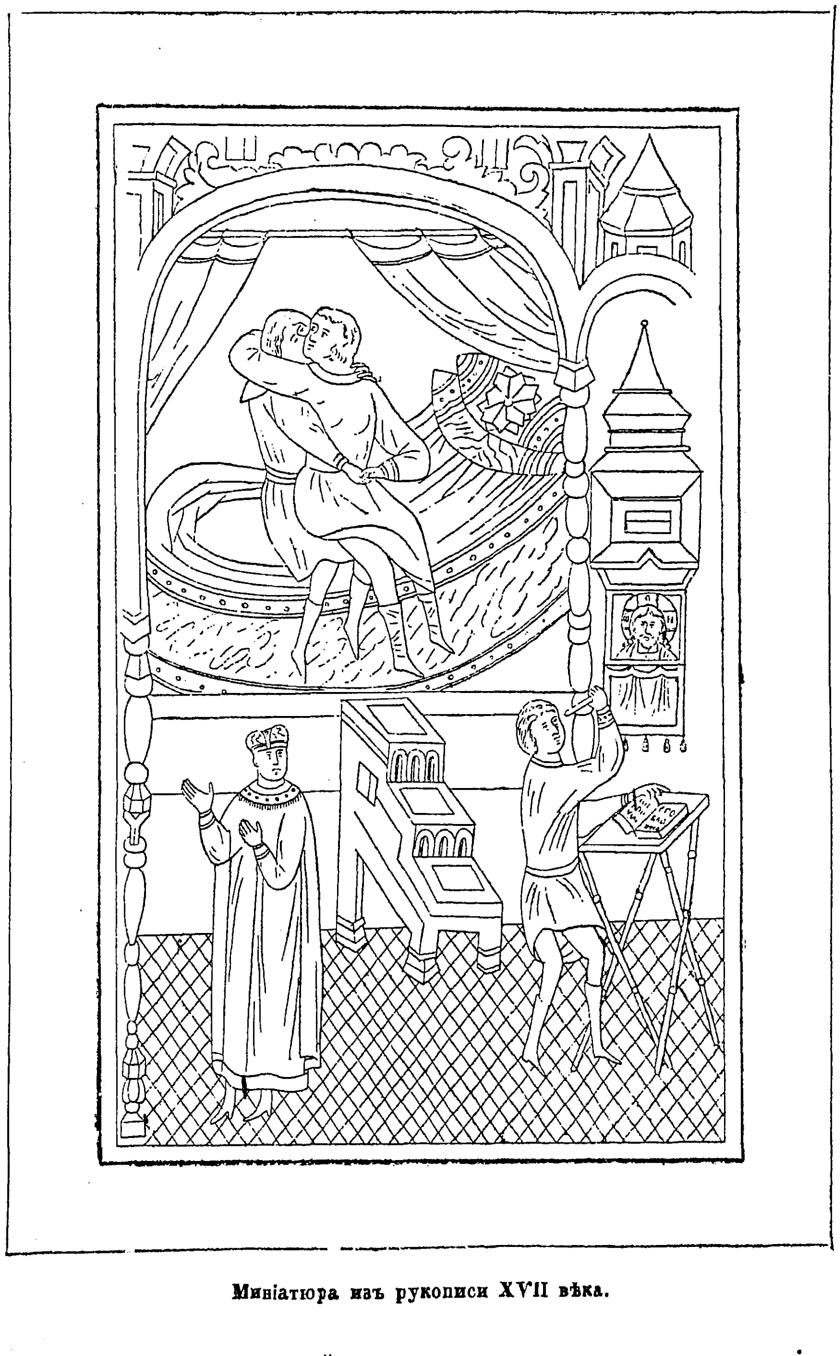
Вотъ къ какимъ заключеніямъ приходитъ г. Буслаевъ:

«Изъ предложеннаго мною общаго обозрѣнія явствуетъ, что исторія нашего лицевого апокалипсиса состоитъ не въ послѣдовательномъ преуспѣяніи изъ вѣка въ вѣкъ, а въ случайномъ чередованіи и перевѣсѣ тѣхъ или другихъ элементовъ изъ этихъ двухъ противоположныхъ другъ другу разрядовъ. Историческій процессъ совершался не силою внутренняго роста изъ творческаго зерна вдохновенія, а механически, посредствомъ внѣшняго наслоенія. Вся работа состояла въ прилаживаніи готоваго матеріала къ новымъ поддѣлкамъ, въ большемъ или меньшемъ его видоизмѣненіи и переиначеньѣ. Иныя изъ попытокъ XVII в. являютъ нѣкоторыя проблески самостоятельности, но, какъ рѣдкія исключенія, не оставляютъ по себѣ благотворнаго вліянія на массу иллюстрацій, въ которыхъ господствуетъ болѣе ремесленное мастерство, а не художество.

Потому все производство мастеровъ главнѣйшимъ образомъ состояло въ зависимости отъ имѣвшихся у нихъ подъ руками образцовъ, которыми они пользовались цѣликомъ, или по частямъ, дополняя одинъ другимъ, сокращая или распространяя.

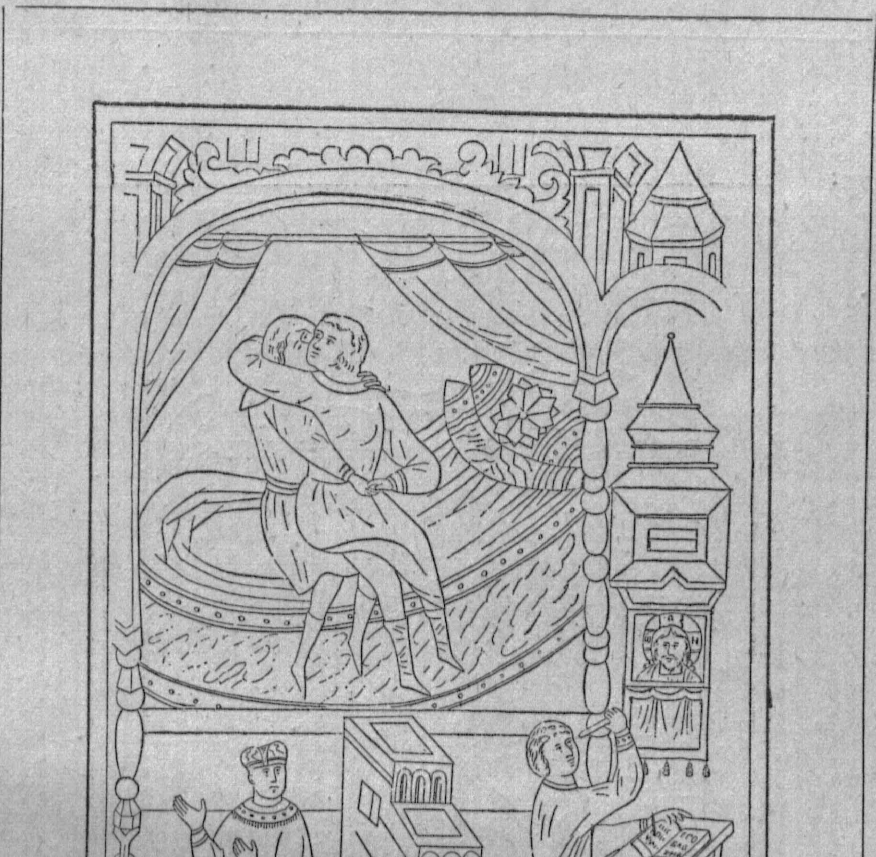
Пользуясь образцами византійскаго происхожденія, они держались на высотѣ чистаго иконографическаго преданія, оставивъ въ немъ драгоцѣнныя данныя для исторіи настоящаго иконографическаго стиля въ типахъ Божества, въ символикѣ, стилизаціи, архитектурѣ и, вообще,

въ разныхъ подробностяхъ костюма... Пользуясь образцами западнаго происхожденія, мастера усвоивали себѣ живописную манеру, а вмѣстѣ съ нею и невниманіе къ существеннымъ задачамъ апокалипсической иллюстраціи, вполнѣ опредѣленнымъ византійскою иконографіею. Паденіе преданія обнаруживается уже въ самыхъ раннихъ и лучшихъ рукописяхъ, «не говоря уже о прочихъ, въ которыхъ западная примѣсь, не переставая, какъ червь подтачивать традиціонныя основы апокалипсической иллюстраціи, болѣе и болѣе клонила ее къ окончательному паденію въ невѣжественныхъ поддѣлкахъ, въ которыхъ непониманіе текста соединяется съ крайнею неумѣлостью въ техническомъ исполненіи».

Миніатюра изъ рукописи XVII вѣка.

Самыя важныя характерныя черты миніатюръ, вновь создавшихся въ XVII вѣкѣ — чрезвычайно широкій циклъ сюжетовъ и частыя попытки на *жанръ*, на воспроизведеніе сценъ обыденной жизни. Прежде миніатюры къ хронографамъ и другимъ книгамъ свѣтскаго содержанія представляли исключенія, правда, иногда очень блестящія и по замыслу и по старательному исполненію; теперь одни Синодики (поминальныя книжки) съ вошедшими въ нихъ свѣтскими повѣстями, кромѣ огромнаго числа изображеній адскихъ мукъ и райскихъ наслажденій, представляютъ цѣлыя сотни сценъ самого разнообразнаго содержанія, какъ сходствую-

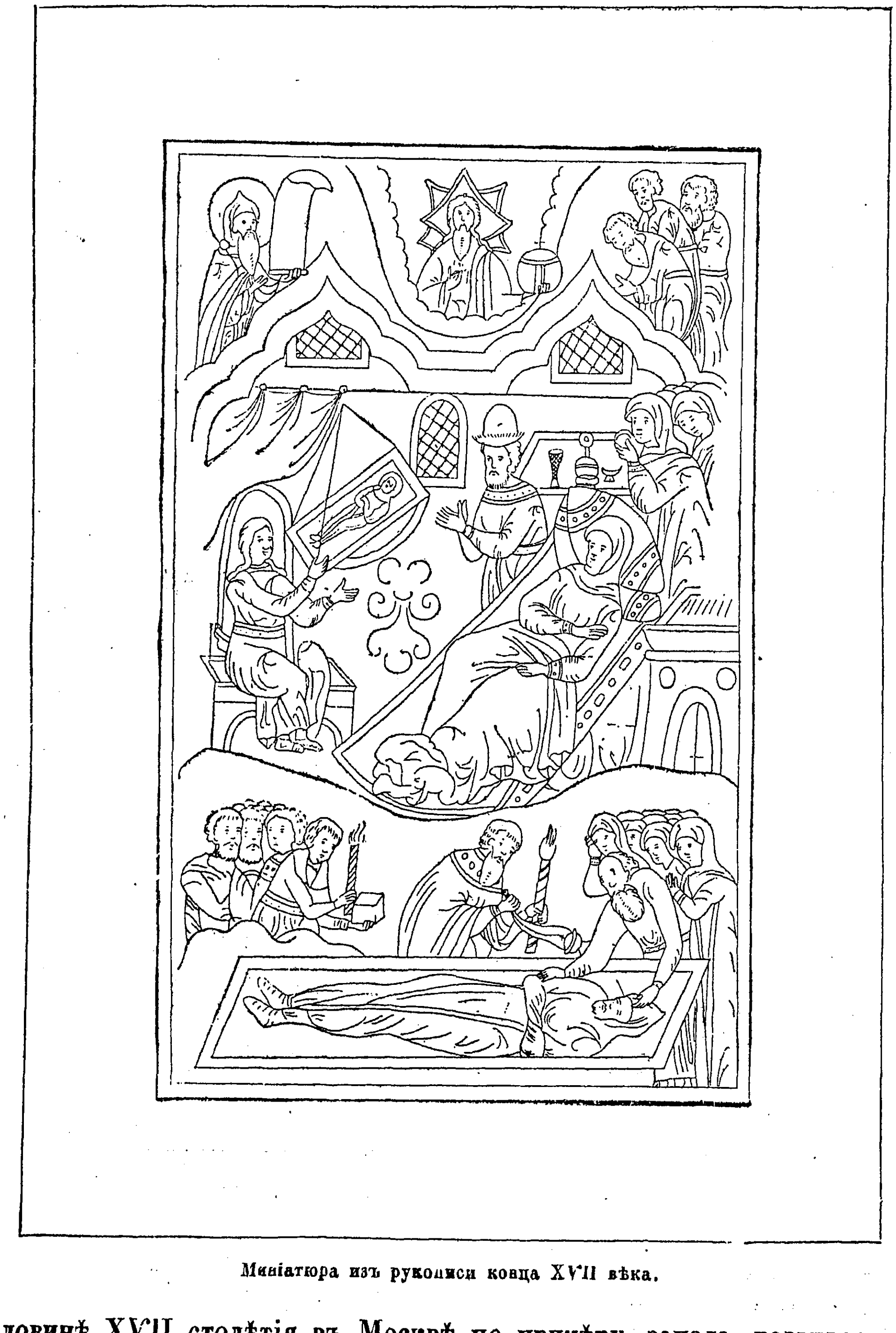

Миніатюра изъ рукописи XVII вѣка.

щихъ съ западными гравюрами, напр., съ столь извѣстными изображеніями Пляски Смертей, такъ и самостоятельно изобрѣтенныхъ русскими художниками.

Авторы лубочныхъ картинъ XVIII и даже XIX вѣка пользовались въ сильной степени инвенціей миніатюристовъ эпохи Алексѣя Михайловича, но сузили циклъ изображеній, конечно, въ то же время усиленно расширяя его съ другой стороны.

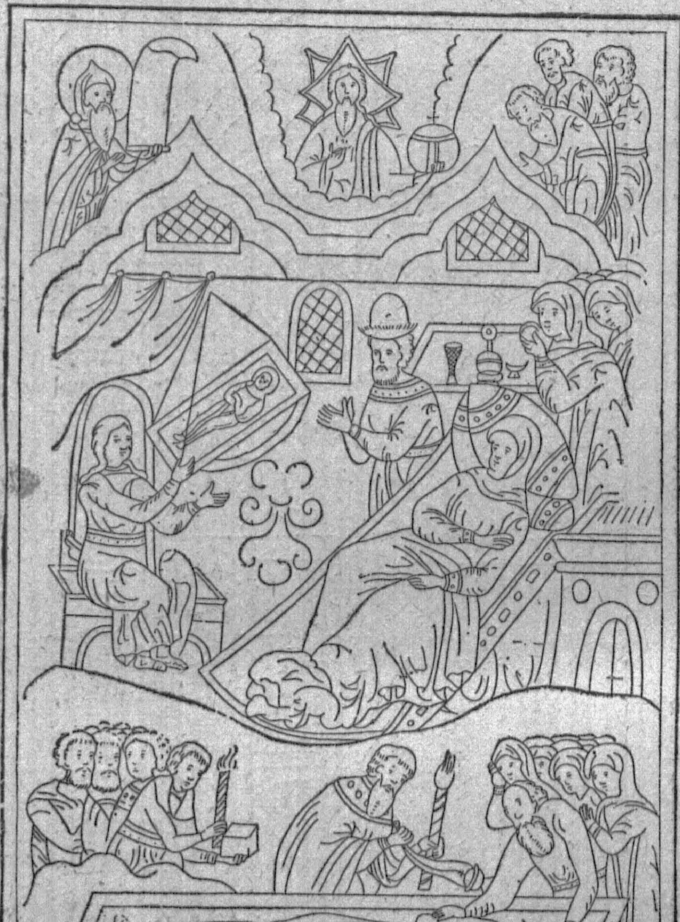
Иниціалы рукописей, какъ видно изъ прилагаемаго заглавнаго К въ евангеліи 1537 г. подъ вліяніемъ запада, достигли замѣчательной красоты и изящества.

Миніатюра изъ рукописи конца XVII вѣка.

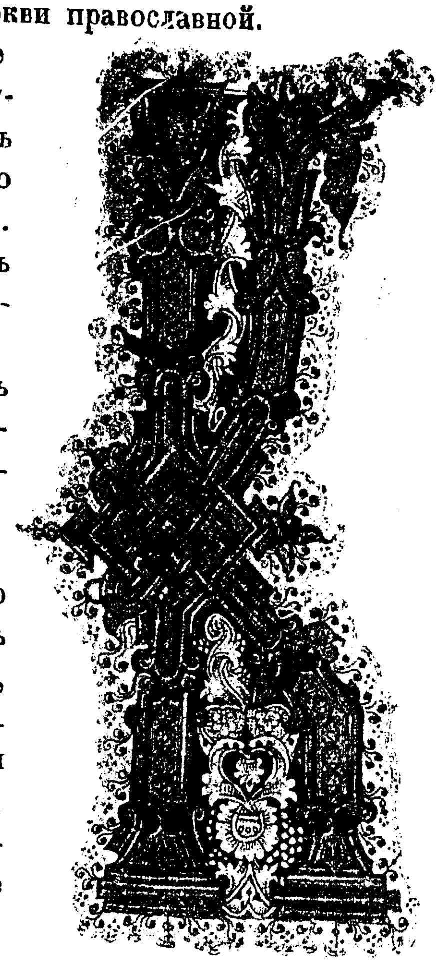
Во 2-й половинѣ XVII столѣтія въ Москвѣ по примѣру запада развивается новый видъ искусства, до тѣхъ поръ неизвѣстный—*гравюра* *). Ходъ развитія этой отрасли у насъ нѣсколько иной, чѣмъ на западѣ: тамъ, какъ извѣстно, гравированіе на деревѣ появляется въ первой четверти XV вѣка въ отдѣльныхъ листахъ; у насъ—какъ украшеніе въ печатныхъ книгахъ: первая гравюра на деревѣ, изображающая евангелиста Луку, находится въ первой печатанной у насъ книгѣ—въ Апостолѣ 1564 г., а отдѣльные гравированные листки входятъ въ употреб-

*) См. Ровинскій: Русскіе граверы. М. 1870 и его-же: Русскіе народныя картинки. Спб. 1881 passini.

Миніатюра изъ рукописи конца XVII вѣка.

леніе только къ серединѣ XVII вѣка, да и то на югозападѣ. Гравюра на мѣди появляется у насъ въ началѣ второй половинѣ XVII вѣка, но за то сразу становится на степень истиннаго художества. Первыми граверами были *знаменщики* Серебряной Палаты (стало быть товарищи Ушакова), учившіеся у иностранцевъ. Выше мы поминали и привели образецъ искусства Аѳанасія Трухменскаго, отличавшагося необыкновенно тонкимъ и красивымъ рѣзцомъ; онъ рѣзалъ Спаса на престолѣ, Богоматерь на престолѣ, но также и иллюстрировалъ нравоучительныя притчи. Между его учениками особенно извѣстны Василій Андреевъ и Леонтій Бунинъ, иллюстрировавшіе рѣзцомъ своимъ цѣлыя книги; они еще сильнѣй, чѣмъ Симонъ Ушаковъ или ихъ учитель Трухменскій, находятся подъ непосредственнымъ вліяніемъ запада, и между ихъ работами встрѣчаются изображенія иконописнаго характера, взятыя съ привозныхъ образцовъ безъ всякихъ попытокъ приспособленія къ догматамъ и преданію церкви православной.

Буква К изъ Евангелія 1537 г.

Въ серединѣ XVII вѣка вышла на западѣ знаменитая лицевая библія Пискатора; она скоро попала къ намъ на Русь; ею руководился южнорусскій граверъ на деревѣ Кіево-печерскій монахъ Илья въ своихъ иллюстраціяхъ къ Библіи; въ Москвѣ особенно сильное вліяніе имѣло 2-е изданіе Пискатора, вышедшее въ 1674 г.

Композиція многихъ гравюръ русскаго происхожденія стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ старыми иконами и съ фресками на церковныхъ папертяхъ.

Насколько образованные люди той эпохи любили собирать гравюры, видно напр. изъ того, что въ комнатахъ царевича Алексѣя Алексѣевича (умеръ въ 1670 г.) висѣло 50 рамокъ съ листами фряжскими; въ домовой казнѣ патріарха Никона находилось 270 листовъ фряжскихъ и т. д.

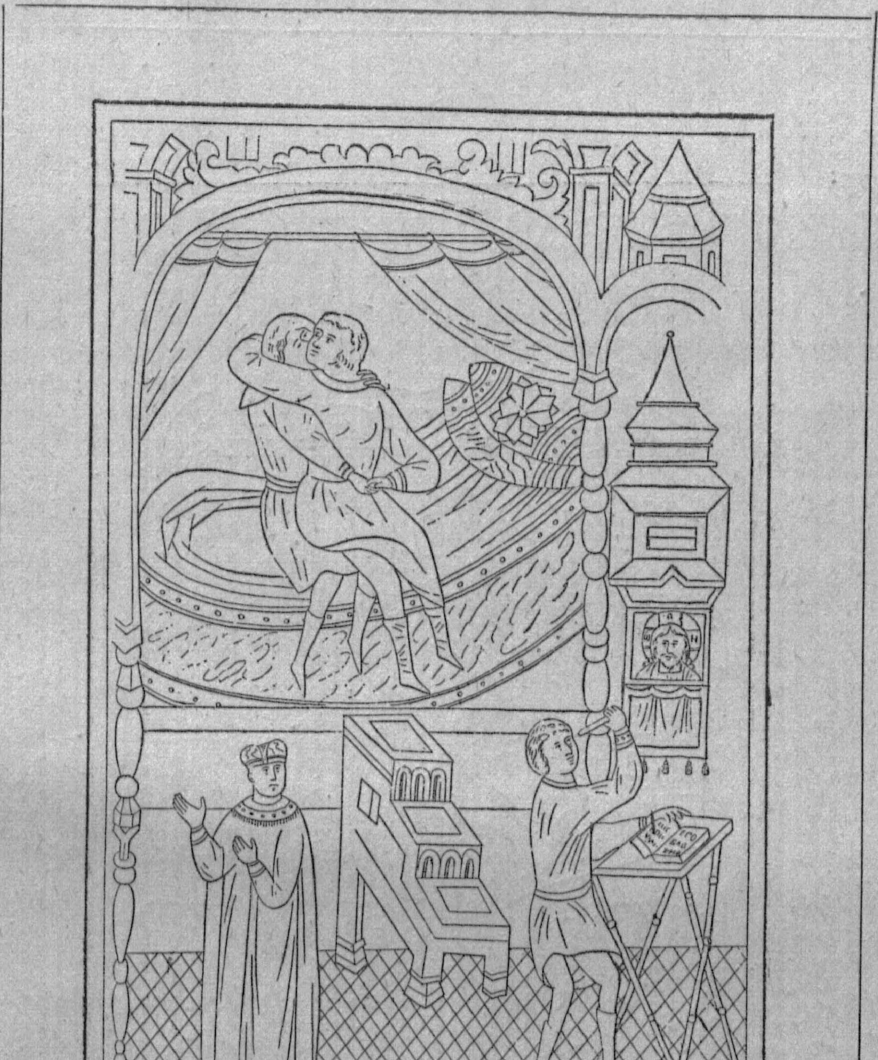
Патріархъ Іоакимъ попытался бороться съ популярностью гравюры, находя неприличнымъ, что «всякіе невѣжды рѣжутъ на доскахъ и печатаютъ на бумагѣ *развращенно* иконы Спасителя, Богородицы и святыхъ; другіе же покупаютъ такіе печатные листы, дѣланные *лютерами* и *кальвинами* (sic), на подобіе лицъ своея стороны». Находя, что это ведетъ къ пренебреженію иконописью, патріархъ указалъ (ок. 1674 г.) печатаніе и продажу такихъ листовъ воспретить, подъ страхомъ жестокаго наказанія, самые же листы отобрать и истребить *); но этотъ указъ не имѣлъ, повидимому, никакого дѣйствія.

Все содержаніе патріаршаго увѣщанія и непосредственное указаніе на *лютеровъ* и *кальвиновъ* служитъ характернымъ выраженіемъ взглядовъ той московской партіи, которая, не желая идти въ расколъ, въ тоже время старалась охранить, какъ можно тщательнѣе, православное преданіе и боялась слишкомъ поддаваться западнымъ новшествамъ; это та же партія, которая въ области искусства проявила себя напр. составленіемъ свободной редакціи лицевого апокалипсиса во 2-й половинѣ XVII вѣка; въ революціонныя эпохи, въ родѣ наступавшей, такія нерѣшительныя партіи не имѣютъ силы: онѣ могутъ оказывать только пассивное сопротивленіе.

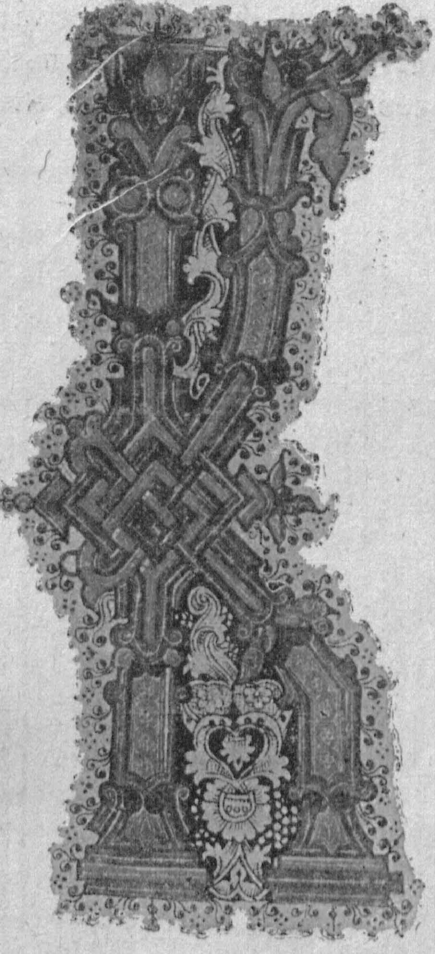
Московскій пятиглавый храмъ съ его залитымъ золотомъ иконостасомъ **), съ его островерхой колокольней, скопированной съ кремлевскихъ башенъ, построенныхъ итальянцами, съ обрядами, которые невѣжество заковало въ ризы фабричнаго производства, съ богослужебными

*) Ровинскій. Нар. картинки V, 31.

**) Сплошной иконостасъ—явленіе сравнительно позднее, всецѣло относящееся къ московскому періоду: раньше XV вѣка алтарь отдѣлялся рѣшеткой, надъ которой находилась занавѣсь.

Миніатюра изъ рукописи XVII вѣка.

Буква К изъ Евангелія 1537 г.

книгами, въ которыхъ миніатюры выведены вохрой и сурикомъ, и московскія боярскія палаты съ ихъ азіатской пестротой, увѣшанныя фряжскими листами и изрѣдка украшенныя картиной какого-нибудь изъ учениковъ Ушакова, въ которой добрыя стремленія къ «живству и лѣпотѣ» преобладаютъ надъ умѣньемъ — вотъ результаты многовѣковыхъ трудовъ русскаго искусства; ихъ крайняя бѣдность безусловно оправдываетъ реформатора, который и въ этой области заставилъ насъ учиться съ азовъ, оправдываетъ тѣмъ нагляднѣе, что популярность нѣмецкихъ потѣшныхъ листовъ, приглашеніе иностранныхъ мастеровъ, фряжскій стиль иконописи, паденіе русской традиціонной миніатюры, «источенной» западнымъ вліяніемъ — все это служитъ явнымъ признакомъ *разложенія*, дѣлавшаго необходимой живописную школу, а за ней и Академію Художествъ. Но въ такъ-называемыхъ низшихъ видахъ художества, въ родѣ орнаментики избъ и полотенецъ, столько поучительнаго, въ прошломъ русской архитектуры, иконописи и миніатюры столько интереснаго, наглядно разъясняющаго малопонятные факты въ исторіи западной Европы, что собираніе и изученіе русскихъ памятниковъ современемъ несомнѣнно будетъ новой Америкой для христіанской археологіи и всемірной исторіи культуры.

Профессоръ *А. И. Кирпичниковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ VI-й.

ЧАСТЬ II.

МОСКОВСКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ОБЛАСТЬ.